

Максим Шторм

ГЕНЕРАТОР
КОШМАРОВ

Могли ли представить Алан и Шейла во что выльется их поездка в маленький уютный городок Хеллвилл? Могли ли они предположить, ЧТО им придётся пережить в этом месте? Разве могли они знать, что в городке заработал Генератор Кошмаров, меняющий саму реальность и превращающий людей в чудовищ?

Часть 1

Глава 1

Он был высоким, худым, черноволосым парнем с тёмно-кариками, почти чёрными, глазами и постоянной кривой усмешкой на тонких губах. Физиономия худощавого голодного волка с грустной улыбкой и вечно печальными глазами, едва видимыми под ниспадающей чёлкой длинных волос. В нём всё казалось вечным. Неколебимым. И его ненаигранное спокойствие, и изрядная самоуверенность, и нежная забота. И он сам. И ещё... ОН был очень загадочным.

Шейла Блейз знала это не понаслышке, как знала и то, что утверждая подобное, она не тыкала наугад пальцем в небо. Она прекрасно знала Алана. Ближе, чем кого-либо другого. У неё не было друга и человека ближе, чем он. Даже родители порой отходили на задний план, а Алан.... Алан всегда был рядом. Ещё бы. Ведь он её родной брат. А много ли шестнадцатилетних девушек могут похвастаться, что у них **ОЧЕНЬ** загадочные братья? Шейла могла. Алан и впрямь казался загадочным и... странным. Более того, временами он... пугал её.

Шейла покрывалась мурашками и с бешено стучащим о грудную клетку сердечком всматривалась в него, словно пыталась рассмотреть за внешностью Алана кого-то другого. Не своего брата. Но стоило ему обезоруживающе улыбнуться своей Знаменитой грустной улыбкой, как Шейла облегчённо незамедлительно улыбалась в ответ. А потом кусала губы, ругая себя за глупые мысли. Это Алан странный? А она?

Да, насколько она себя помнила, практически с пелёнок, Алан всегда был рядом с нею. Няничил, помогал маме кормить её с ложечки и менять подгузники (папа был вечно занят, решая какие-то Невероятно Важные проблемы в банке), играл с нею, оберегал, защищал. Всегда, в нужную минуту он оказывался рядом. И в нём жила загадка. Нет, не так — Загадка. С жирной большой буквы. А из армии он вернулся ещё более странным. И никогда не рассказывал ничего. Ни слова о четырёх годах, проведённых вне дома. Родители не больно то и допытывались. Они привыкли к патологической молчаливой нелюдимости сына. Но Шейла спрашивала. Ей было не просто интересно. Она переживала за него. Она любила Алана со всей страстью, на которую способна родная сестра. И ей было не всё равно, что с ним. Но... Алан продолжал молчать, лишь привычно грустно улыбаясь в ответ.

Шейла возмущалась, кричала, умоляла. А он отвечал, что всё в порядке, что всё хорошо. Ха, излюбленная отмазка многих взрослых. Они обожают говорить детям, что всё хорошо, даже когда отходят в мир иной! А потом, видимо устав от её настырности, брат проводил раскрытой пятернёй по её лицу, как бы закрывая тему неприятного для него разговора, и Шейла умолкала. Помимо всего прочего, она уважала Алана.

Она уважала его, его мнение, его чувства. И была вынуждена мириться с его странностями. А их было предостаточно. Алан наплевательски относился к жизни и менялся в лице от одного слова «карьера». Отец ему всю плешь проел, и сам едва не облысел от напрасных усилий заставить непутёвого сына «взяться за ум». Алан и в армию сбежал только потому, что его достали нравоучительные отцовские лекции. Шейла до сих пор ёжилась от воспоминаний пятилетней давности. Гарольд Блейз впал в носорожью ярость, изрыгая проклятья и грозясь выгнать Алана из дома и лишить наследства. Он успокоился,

только когда мама с заплаканными глазами робко напомнила мужу, что их сын и так ушёл.... Отец минуту стоял, хватая ртом воздух, застыв, как гипсовая статуя, а потом прошаркал в свой кабинет, потирая грудь в области сердца. Шейла не любила вспоминать тот день.

Когда Алан вернулся, его ждало родительское прощение и желанная для многих путёвка в престижный колледж. Гарольд Блейз хотел видеть в сыне отличного экономиста, достойного занять его место в совете директоров банка, когда он уйдёт на пенсию. Но Алан лишь улыбался... А из отца будто вышибли весь дух, когда он понял, что Алан улыбается так потому, что армия его «не вразумила, засранца неблагодарного», как надеялся в глубине души Гарольд. Через два дня отец впервые заговорил с сыном в столовой за завтраком, мама наконец-то улыбнулась (как же Шейла тогда жалела маму и ненавидела брата!), а Блейз-младший устроился работать грузчиком в ночную смену в супермаркете «Уолмарт», что располагался неподалеку от их дома, вниз по улице. Отец расправился с очередной упаковкой «корвалола» и носу больше не казал в «Уолмарт». Хотя до этого момента любил с женой и дочкой захаживать именно в этот магазин и долго бродить вдоль заваленных всякой всячиной стеллажей и прилавков, смеясь и потакая любым капризам своих драгоценных девчонок. Да, папе нравилось называть их — «мои драгоценные девчонки» ...

Алан был загадочным. Насколько знала Шейла, у Алана никогда не было девушки. Ни в школе, ни после неё. Он ни с кем не встречался и вряд ли кого-то любил. И всем своим сумрачным независимым видом доказывал, что и не собирается этого делать. На вполне закономерные вопросы сестры Алан привычно не отвечал. Иногда Шейла была готова задушить его за эти вымученные улыбки, грустные глаза и фирменный жест «пятернёй по лицу». Иногда. А иногда ей становилась так его жалко, что душа рыдала взахлёб, и она прощала брату всё. Абсолютно всё. Одно время Шейла всерьёз думала, что Алан «голубой», или что с ним сделали нечто НЕХОРОШЕЕ в доблестной армии США. Но он всегда бы таким. Ещё со школы, помните? Его не интересовала ни одна хорошенькая старшеклассница. Он не заигрывал с «дающими» девчонками, не хлопал пищащих в притворном возмущении одноклассниц по попкам, не пялился нагло в откровенное декольте молоденькой мисс Брюстер, учительницы английского языка, могущей похвастаться шикарными сиськами. Алан как будто был прирождённым импотентом.

Иногда Шейле казалось, что ТАК и есть. Господи, её несчастный любимый брат импотент. Ужас! Она достаточно глубоко укоренилась в своём мнении, пока месяца четыре назад совершенно случайно (Алан не закрыл плотно двери) не застукала брата мастурбирующим в ванной над журналом «Плейбой». Несколько секунд шокированной девочке (не злоупотребляющей просмотром порнофильмов) хватило понять, что у Алана с потенцией всё в порядке. И самое главное... В разворот журнала была вложена фотография какой-то темноволосой девчонки. И этот факт шокировал её. У Алана есть дама сердца? Обалдеть! К сожалению, Шейле не удалось рассмотреть, кто именно запечатлён на фотке. Ей пришлось срочно ретироваться, дабы брат не заметил, что за ним подглядывают два огромных, округлившихся от любопытства и изумления синих глаза.

Шейла была на седьмом небе от счастья. Слава Богу, хоть в ЭТОМ её брат вполне нормален! Он не импотент и не гомик! Но... загадок и тайн в нём оставалось ещё на дюжину обычных человек. Алан Блейз был СТРАННЫМ.

Видит Бог, я странный чувак, рассуждал Алан Блейз, валяясь в своей комнате на

заправленной кровати и мрачно посматривая в потолок. Он, конечно, не подозревал, что подобными мыслями одержима и его сестра, занимающаяся примерно тем же самым в соседней комнате. Просто Блейзу-младшему по выбранному им складу жизни частенько приходилось впадать в «депрессняк» и кропотливо исследовать собственные сумбурные мысли, желания и весьма сомнительные взгляды на многие вещи.

Настенные часы показывали четыре пополудни, а монотонный шёпот дождя за окном говорил, что погода окончательно споганилась. В комнате незадачливого старшего отпрыска уважаемой четы Блейз было темно и уныло. Алан редко включал люстру, обходясь настольной лампой. Большое окно скрывалось за плотной шторой, не пропускающей дневной свет и в более погожие деньки, стены были обклеены тёмно-синими обоями, отнюдь не добавляющими ярких тонов. В комнате Алана царил образцово-показательный, даже педантичный порядок. Обстановка спартанская, ничего лишнего. Никаких полок с книгами и сувенирами, ни картин на стенах, ни плакатов, ни разбросанных по углам шмоток. Ни-че-го. Лишь атмосфера унылой обречённости и выстраданной грусти. Один только рабочий стол с мерцающим в полутьме монитором компьютера хоть как-то разбавлял удручающий аскетизм берлоги Алана.

Юноша заложил руки за голову, заросшую длинными чёрными волосами. Четыре часа вечера. Сегодня у него выходной и не придется через два часа собираться, чтобы топтать в магазин по такой отвратительной погоде. Алану не нравилось работать в «Уолмарте». Но он не хотел просить у отца денег. Алан не переносил слякоть и сырость, хотя и любил дремать под успокаивающий шорох дождя. Сегодня пятница, а это значит, что отец вернётся с работы пораньше, загонит машину в гараж, скинет в прихожей мокрый плащ, разуется, пройдёт на кухню и усталым голосом сообщит маме, что он вернулся.... Дальше отец усядется в столовой во главе стола, напротив камина, развернёт свои любимые газеты и уткнётся в биржевые новости, дожидаясь законного ужина. Мама будет хлопотать на кухне, то и дело громко спрашивая через открытую дверь, как у мужа прошёл день... Папа по привычке буркнет что-то нечленораздельное, а потом, вздохнув, скажет, что «всё в порядке, Луиза».

Алан любил своих родителей. Любил маму. Отца. Несмотря на то, что за двадцать три года так и не дождался, чтобы отец сказал подобные слова ему. Я люблю тебя, сын, горжусь тобой. Нет, о чём вы? Это не для Гарольда Блейза! Алан сжал губы в упрямую плотную строчку. А за что его любить? Гордиться им? Да он самое большое разочарование для отца в жизни. Непутёвый, упёртый, глупый, странный. И это ещё самые мягкие эпитеты, коими «удостаивал» сына отец. В общем, одно сплошное разочарование. И Алан знал это. И ничего не мог с собой поделать. И не хотел. Он бунтарь. Он один большой протест. Он вызов. Связанный словом и клятвой. Алан мог переступить через многое и многих. Но не через своё слово. И не через... Он жил не так, как хотел, а как получалось по жизни.

И вот он лежит в своей комнате на кровати, высокий, худощавый юноша с длинными, падающими на плечи и закрывающими глаза чёрными волосами, и страдает. Молча. Как он привык. Как делал всю жизнь. Но я же не виноват! Алан мрачно уставился сузившимися глазами в одну точку. И отец это знает... Знает! Но не хочет понимать. Не хочет видеть. И не хочет слышать.

Мама... Мама понимала. Она всё видела. Всё происходило у неё на глазах. И ничего не могла сделать. Самое смешное, что и Алан не мог. Не смел.

И всё же он любил свою семью и чертовски тосковал по ним, когда «защищал интересы

страны». Спроси у Алана сейчас, жалеет ли он, что ушёл тогда назло отцу в армию, и юноша ответил бы, что да. Хотя, если бы Алану задали тот же вопрос, но несколько месяцев спустя, он бы однозначно ответил, что нет, не жалеет...

И он сильно любил Шелли. Свою младшую, замечательную сестрёнку. Он сызмальства крепко привязался к ней, став ей не только любимым старшим братом, но и другом, и в какой-то степени отцом. Они были похожи. Одинаковые чёрные волосы, одинаковые, за исключением цвета, глубокие глаза, одинаковые губы. Во всём другом они были абсолютно разные. Алан — ночь, Шейла — день. Алан — сумрак, Шейла — солнце. Алан — грозовая туча, Шелли — радуга... У него не было родного человека ближе, чем сестра. Алан не представлял жизни без неё. Он не мог не заботиться о ней, не мог не любить её. Когда ребёнок вырастает у тебя на руках, а ты помнишь его первое слово, с замиранием сердца наблюдал за первым шагом, переживал вместе с ним первые колики в животе, помогал закапывать первый выпавший молочный зуб, ты не можешь по-другому относиться к этому человечку.

Когда родилась Шелли, Алану было всего шесть лет. Худенький, не по возрасту долговязый мальчик с упрямыми нечесаными чёрными волосами. Впервые держа на руках этот попискивающий копошащийся розовый комочек с завитушками чёрных волосиков на смешной головёнке, Алан понял, что мечтал об этом всю свою недолгую жизнь. И тогда же он понял, что скорее умрет, чем позволит упасть с головы Шелли хоть одному волосу... Он благоговейно замер, когда тонкие нежные пальчики ухватили его за нос и Шелли радостно закурлыкала. По щекам Алана потекли слёзы. У него есть сестрёнка! Это была любовь с первого взгляда. Мама, рыдая от счастья, обнимала их обоих. Папа, такой большой, сильный, и добрый, несколько растерянно гладил сына по голове. В его глазах блестели подозрительные хрусталики...

Алан смежил веки. Как хорошо купаться в тёплых радостных воспоминаниях далёкого детства. И как не хочется возвращаться в неуютные, серые будничные реалии. Но от себя не убежишь. Как не старайся. Не спрячешься. Не скроешься. Алан давно это понял. Но не смирился. Он продолжал жить, разрываясь от боли, страдая, скрывая ото всех, но не сдаваясь.

Если бы у Алана спросили, с чего всё началось, он бы, не задумываясь, сказал, что ЭТО началось со звонка. С обычного телефонного звонка. В тот дождливый осенний вечер, в пятницу, семнадцатого октября позвонил дядя Фредерик и сообщил, что тётя Урсула умерла.

В шестнадцать часов тридцать минут Гарольд Блейз загнал машину в гараж, а в шестнадцать пятьдесят две он уже неспешно переворачивал страничные газеты. Сын выучил манеры и привычки отца до последней мелочи. Алан привык подмечать всё и вся. У него были и хватка, и намётанный взгляд и острый ум. Гарольд это бы одобрил и сказал, что у Алана есть все задатки превратиться в преуспевающего адвоката или финансиста. Но Алан вёл иную игру.

Отец и сын внешне были похожи настолько, насколько это вообще возможно. Блейз-старший уступил всего пол дюйма в росте своему долговязому отпрыску, в густых чёрных волосах ниточек серебра было гораздо меньше, чем можно позволить мужчине пятидесяти трёх лет. Тёмно-карие глаза не потеряли острый сверлящий взор. В них светились ум и пронизательность, затмевая собой упрятавшуюся где-то глубоко внутри затаённую боль. Но, если глаза отца напоминали два вызывающе блестящих агата, то глаза сына затягивали вас в

чёрную, безразличную ко всему трясиному болота...

— Гарольд, как прошёл день? — из кухни выглянула Луиза Блейз, вытирая мокрые руки полотенцем. — Всё нормально, милый?..

Алан лежал в своей комнате на втором этаже, но он словно читал родительские мысли! Гарольд ослабил узел галстука, перевернул страницу и поднял на супругу уставшие глаза. Сухие губы мужчины раздвинулись в тёплой улыбке:

— Всё хорошо, дорогая.... Чем порадуешь сегодня?

— Овощным рагу, картофельным салатом, мясом по-албански, — Луиза заговорщицки подмигнула. — А на десерт — немного сладенького... Я вижу, ты устал, милый.

Гарольд не удержался от повторной улыбки. Его Луиза, его девчонка. Всё ещё красивая, притягательная и желанная. Высокая, стройная, с распущенными по плечам волнистыми светло-золотыми волосами и проникновенным взглядом мягких серых глаз, в простом домашнем платье, она по-прежнему будила в нём восторг и радость. Он любил её. И даже когда его Луизе стукнет против недавно исполнившихся сорока восьми шестьдесят восемь, он будет продолжать её любить.

— Дети, хм, дома? — Гарольд не отрывался от газеты. С недавних пор он всё чаще боялся задавать ТАКИЕ вопросы. С Аланом всё было ясно предельно давно, но Шелли... Бо ты мой, но его дочери уже шестнадцать лет! Она развитая, привлекательная, современная девушка. А сегодня пятница, конец как рабочей, так и учебной недели. Понимаете? И всё чаще и чаще Луиза отвечала отрицательно на, казалось бы, отстранённо-ненавязчивые вопросы Гарольда. Она прекрасно понимала мужа.... Понимала и разделяла его переживания и тревогу. Гарольд Блейз был хорошим отцом, читай — понимающим. А это ох как много значит в каждой семье, где есть повзрослевшая современная дочь!

— Дома, Гарольд.... Шелли дома, — Луиза на секунду запнулась и, скрываясь в недрах кухни, добавила: — И Алан тоже.

Она СЛИШКОМ хорошо понимала мужа. Гарольд пропустил последние слова Луизы мимо ушей. В их большом светлом доме было тепло и уютно, столовая комната, обставленная в стиле «ретро» всегда успокаивала ему нервы. Гарольда основательно разморило. Он расслабленно листал газету, с трудом вникая в суть печатных колонок. Сегодня Шелли дома. Этого было достаточно.

Их дочь выросла. А он как-то и не заметил... На краткий миг Гарольд ощутил во рту горький привкус. Он знал, что это вкус неумолимо наступающего времени. Выросла. Он пропустил тот момент, когда Алан перестал прятать глаза в пол, выслушивая очередную отцовскую лекцию, и с кривой ухмылкой сообщил, что ДОБРОВОЛЬНО идёт в армию. И теперь Гарольд дьявольски боялся, что вот-вот наступит день, когда Шелли (их маленькая невинная Шелли!) скажет: папа, познакомься, это Джонни (Майкл, Алекс, Харви, не важно!), я его люблю, и мы хотим быть вместе. Или того хуже: папа, мама, у нас будет ребёнок. Ребёнок! У ребёнка.

Ведь что на уме у нынешнего поколения тинэйджеров, что на уме у их так рано взрослеющих детей? Не будем о мальчиках, отцы всегда в первую очередь трясутся за дочерей. Что в списке приоритетов большинства современных девчонок стоит на первых трёх местах? Думаете, учёба, искусство и рукоделие? Как бы ни так, ага. Во главе списка прочно удерживают лидирующие позиции мальчишки, обсуждения других девчонок и кто как одевается. Если отбросить все смягчающие моменты, то получится секс, сплетни и мода. Три кита современной девичьей молодёжи. И именно в такой последовательности. И так

езде, практически в любой стране мира. Женщина всегда остаётся женщиной, неважно, где она живёт и сколько ей лет.

Гарольд закрыл газету и рассеянно забарабанил пальцами по столешнице массивного, вырезанного из благородного дуба стола, накрытого нарядной скатертью. Но кого винить в нравах самодостаточных, высокомерных, по-детски жестоких и заносчивых желторотиков? Мы же сами их ТАКИМИ вырастили и воспитали. И не надо во всех проблемах, связанных с детьми, огульно обвинять школу, улицу и государство. Всё идёт из семьи. И хорошее, и плохое. Гарольд надеялся, что уж Шелли точно не преподнесёт ему Сюрприз в подоле. Она у них умница.

По лестнице с реактивной скоростью пронеслись чьи-то ножки, и в столовую ворвалась симпатичная девочка лет шестнадцати-семнадцати. У Гарольда отлегло от сердца. Шелли.

— Привет, папочка! — радостная, она бросилась на шею отцу. Гарольд нежно приобнял дочь. Она всегда так его встречала. Как будто не училась в предпоследнем классе старшей школы, а до сих пор ходила в детский садик... — Ты сегодня рано вернулся! Как дела на работе, как мигрень мистера Блэйлока? Знаешь что, ты пока читай свою газету, а я схожу помочь маме!

Чмокнув отца в гладко выбритую щёку, Шелли вихрем унеслась на кухню. Гарольд растроганно улыбался. Это давно стало ритуалом. Шейла каждый раз засыпала его ворохом вопросов, не надеясь на ответы, сбивала с толку быстрой сменой темы и убегала, весело хохоча. Тут же получала нагоняй от мамы и, прикидываясь обиженной золушкой, жалобным писком просила прощения... А в искупление не могла бы она помочь любимой мамочке по хозяйству?.. Если та, конечно, не возражает. Разумеется, Луиза никогда не возражала.

Шелли была очаровательным созданием природы. Среднего роста, стройная, с длинными, собранными в хвост чёрными волосами и падающей на высокий лоб аккуратно подстриженной чёлкой. На милом личике выделялись два огромных, брызжущих смешинками и неукротимой энергией, синих глаза. Глубина и выразительность глаз девушки усиливались за счёт шикарных густых ресниц и изящных бровей. Великолепно вылепленный носик Шейлы имел привычку смешно морщиться; когда она улыбалась, на правой щеке появлялась небольшая ямочка. Гарольд считал дочь писаной красавицей. И он бы очень удивился, если бы узнал, что сама Шелли считает иначе. Что она находит в себе массу недостатков и искренне недоумевает, как этого не замечают окружающие. Об этом знали только мама. И Алан.

— Добрый вечер, отец.

Гарольд повернул голову. В столовую вошёл его сын. Алан.

— Здравствуй, Алан.

Гарольд посмотрел на юношу так, словно видел его впервые в жизни. Впрочем, Алан давно перестал обращать внимание на подобные отцовские взгляды. На Алане красовались вытертые, некогда синие джинсы и чёрная обтягивающая водолазка. Из-за падающих на нос длинных волос поймать взгляд Алана было весьма проблематично. Иногда Гарольду казалось, что его сын специально не расчёсывается.

— Ты когда в последний раз подстригался?

— Ты же знаешь, что мне нравятся длинные волосы, — Алан отодвинул стул и уселся за стол с противоположной стороны. Напротив отца. — Я с детства ходил лохматым. Помнишь?

— Я думал, что ты привык к армейской стрижке.

— Да уже почти год прошёл, как я дома, — Алан произнёс эти слова тихо, но для Гарольда Блейза они прозвучали как громкий крик.

— Я думал, ты сегодня работаешь в ночную смену, — Гарольд отвёл глаза. — До сих пор в голове не укладывается, что ты нашёл в этом занятии...

— Это честная работа. Быть грузчиком, не значит быть неудачником. Это ничего не значит.

— Ну да, разумеется.

— И я работаю ночь через двое, — Алан потёр подбородок. Его излюбленный жест, подумал Гарольд.

Из кухни лёгкой танцующей походкой выскользнула Шейла и строго посмотрела на замолчавших мужчин. Ну, всё как всегда, обречённо подумала девушка. Стоит им встретиться в одной комнате и пошло-поехало...

— Вы настолько возбуждены от голода или у кого-то просто несварение желудка? — Шейла в упор смотрела на отца. — Ждать осталось совсем немного. Потерпите. И... Алан подстриги чёлку.

Шейла гордо вскинула нос и вышла из столовой. Гарольд вздохнул и принялся по десятому кругу перелистывать газеты. Алан грустно усмехнулся, глядя вслед сестре. Шелли была большой модницей, но дома предпочитала одежду попроще, и щеголяла в розовых шортах, жёлтой майке, тёплых носках и тапочках. Длинные густые волосы Шейлы, отливающие угольной пылью, были заколоты на затылке «крабиком», достигая кончиком хвоста до поясницы. На шее у девушки блестела изящная золотая цепочка с нанизанными золотым кулончиком в виде стилизованной буквы «S» и маленьким крестиком. Это украшение подарили ей родители на четырнадцатилетие. Она никогда не снимала цепочки. В двери Шейла задержалась и, обернувшись, подмигнула брату, смешно сморщив носик. У Алана отлегло от сердца, и на уткнувшегося в «Ньюсуик» отца он посмотрел уже ДРУГИМИ глазами. В которых не плескалась протестующая злость. Словно прикрутили газовую конфорку. Но ручку всегда можно повернуть и в обратную сторону, верно? И только Шейла знала о существовании этой ручки.

Телефон зазвонил, когда Блейз-младший, откинувшись на спинку стула, терпеливо дожидался своей порции и считал, смежив веки, количество сучков в облицовывающих столовую деревянных панелях, вскрытых дорогим лаком тёмно-орехового цвета. Раздавшаяся из кухни телефонная трель заполнила образовавшуюся пустоту. Звонок нарушил неуютную тишину. И с него-то всё и началось. Алан единственный из всех это понял. Почувствовал спинным мозгом. Алан никогда не жаловался на неразвитую интуицию.

— Я возьму, ма!.. — голос его сестрёнки, прозвучавший для Алана преувеличенно громко. — Алло?..

— Кто это, дорогая? — голос его матери, внезапно наполнившийся тревожными нотками. Но мама НЕ могла чувствовать... — Что с тобой, Шелли? Боже мой, девочка, что случилось?..

Гарольд Блейз уронил газету на затянутый дорогим ковровым полотном пол, вылезая из-за стола. На лицо отца набежала тень. Он понял, что звонок принёс нехорошие новости, но и он НЕ мог чувствовать...

Алан перестал раскачиваться на задних ножках стула и застыл, сцепив меж собой пальцы в «замок». Костяшки пальцев побелели от напряжения. Алан раскрыл глаза. Он почувствовал... И вновь голос его любимой сестрёнки. Обычно звонкий и жизнерадостный,

сейчас он прозвучал тихо, ненаигранно жалобно и убито.

— Это дядя Фред... Тётя Урсула умерла...

Отец схватился за сердце и сунул руку в карман. Имея такого сына, как Алан, он научился не расставаться с «карвалолом».

— Фред?! Фред, что произошло?.. — это мама взяла трубку. — Шелли сказала, что...

Мама. Мягкая и добрая, в чрезвычайных ситуациях она могла становиться крепкой, как камень, давая волю слезам потом. Сначала она действовала. Но не всегда. Не всегда. Алан прикрыл глаза, не видя, как отец, торопливо запихнув в рот таблетку, бросился на кухню. Юноша обхватил руками голову, поставив локти на стол. Неладное что-то творится, подумалось ему. Дерьмо какое-то. Абсолютное.

— Алан... — в столовую вошла Шелли, нервно ломая пальцы. Взгляд её увлажнившихся огромных глаз был затравленно-обречённым, как у отчаявшегося, загнанного зверька. — Ты слышал?..

Она сейчас заплачет, понял Алан. Он всегда безошибочно угадывал этот момент. Верхняя губа Шелли приподнималась и причудливо кривилась, как отдельный живой организм, когда его сестра была готова заняться «мокрым» делом. Вот и сейчас...

— Иди ко мне, — сказал он, раскрывая объятья.

Шейла не преминула воспользоваться предложением, разрыдавшись прямо у него на груди. Алан крепко прижимал плачущую девушку, нежно гладил по голове и думал, что себе он не может позволить ЭТОГО. Кто-то из них должен оставаться сильным. Ради всех. Ради неё. И так уж сложилось, что этим кем-то всегда был он. А это тяжело, ВСЕГДА быть сильным...

Ужин прошёл в почти что гробовом молчании. Аппетита ни у кого не было. Луиза, пустым бесцветным голосом спрашивая, не хочет ли кто добавки, промокала глаза платочком. Гарольд с болью смотрел на супругу, говоря, чтобы она не переживала по пустякам наподобие пустых тарелок, а подкрепилась сама. Луиза кусала губы... Дядя Фред... Фредерик де Фес был родным братом Луизы Блейз. А тётя Урсула — женой Фредерика. Была. И она была младше Луизы на три года! На три. И умерла от сердечного приступа в сорок пять лет. Женский порок сердца?!

Алан терялся в догадках. Он помнил тётю весёлой добродушной женщиной, неунывающей и не выказывающей никаких склонностей к столь серьёзным болезням. Дядя Фред был ей под стать. Немного чудаковатый, весельчак и балагур, он всегда нравился Алану. И Шейле. И тётя Луиза прекрасно к ним относилась. Каждое лето, как начинались школьные каникулы, они проводили в гостях у четы де Фес, в их большом замечательном доме целый месяц, а то и больше. Хеллвил был маленьким гостеприимным городком, и люди в нём жили по большей части такие же милые и приятные. По большей части... И вот теперь тёти Урсулы больше нет... Бедный дядя Фред. Он так сильно любил свою жену! Алан поджал губы. Не каждому дано изведать настолько сильное чувство.

Похороны должны состояться завтра, в субботу. Значит, им придётся выезжать пораньше. От Детройта до Хеллвила путь неблизкий, порядком около двухсот миль.

Шелли вяло ковырялась вилкой в тарелке, то и дело поглядывая на Алана. Он догадывался, о чём она думает. О Хеллвиле.

Алан вышел из душа с обмотанным вокруг бёдер полотенцем и торчащими в разные

стороны, словно ошестинившиеся иглы дикобраза волосами. Он был высок, строен и худощав. Раньше он ссутулился, но добросовестные сержанты навсегда вбили в него армейскую выправку. Алан был худым, но при ближайшем внимательном рассмотрении никто не рискнул бы назвать его дохляком. Он был крепким жилистым юношей с перевитыми жгутами эластичных мышц руками и рельефным животом. Конечно, в одежде Алан выглядел совсем не впечатляюще. Казалось, ткни пальцем — и он согнётся в три погибели. Алана вполне устраивали заблуждения окружающих. Более чем.

Дом семейства Блейзов располагался в удалённом от центра города утопающем в зелени квартале на тихой спокойной улочке. Сложенный из кирпича, дом возвышался на два этажа, окружённый клумбами (единовластная вотчина Луизы) и деревьями, склонившими над красной черепичной крышей изрядно поредевшие с наступлением осени кроны. Сбоку примыкал гараж. Соседние дома, отделённые заборчиками откровенно декоративного вида мало чем отличались от особняка Блейза-старшего. Этот район Детройта населяли состоятельные и законопослушные граждане. Опора общества. Правильные американцы.

На первом этаже находились прихожая, холл, гостиная, столовая комната, ванная и кухня. Второй этаж занимали три спальни, рабочий кабинет, библиотека и ещё один санузел. Всё было выполнено с высочайшим мастерством и профессионализмом. Дом нравился всем безоговорочно. Архитектор и строители не зря съели свой хлеб. И достаточно высокооплаченный, надо сказать.

Алан прошёл по залитому ночным сумраком коридору и постучал в дверь Шейлы. Сестрёнка терпеть не могла открытых дверей и не стеснялась устроить нагоняй любому, кто забывал их закрывать. Особенно если это касалось дверей ЕЁ спальни.

— Входи.

Она всегда угадывала, что это он. С другой стороны, в двенадцатом часу ночи только Алан имел привычку бесшумной тенью шариться по дому. Алан вошёл в комнату сестры и аккуратно притворил за собой дверь.

Шейла лежала на кровати животом вниз, нажимая лакированными ноготками на кнопки сотового телефона. Длинная жёлтая футболка, заменяющая ночную рубашку, не скрывала ровных красивых ножек. Шейла согнула правую ногу в коленке и пошевелила в знак приветствия маленькими наманекюрными пальчиками. Брат развязано плюхнулся рядом с ней и потрепал по голове. Шелли возмущённо фыркнула.

— Отстань.

— Кто это? Опять Моника?

— Ага...

Алан взвёл очи горе. Моника была лучшей подругой его сестры, и они были готовы часами болтать по телефону или обмениваться смсками. У открытой и общительной Шейлы была тьма-тьмущая друзей и подруг и Алан подозревал, что на оплату телефонных счетов улетают гигантские суммы. Сам он похвастаться таким солидным количеством приятелей не мог и с трудом находил собственный мобильник. И то лишь затем, чтобы стереть с него пыль. Алан не любил разговоры по телефону. Надо смотреть собеседнику в лицо, считал он. Видеть его глаза. Чувствовать.

В комнате Шейлы мягким притушенным желтоватым светом горела дорогая галогенная люстра. На кровати валялся пульт от неё. Шелли любила приглушённый интимный полумрак. Во всём остальном она отдавала предпочтения живым ярким цветам нежных оттенков. Алан предпочитал серебристые, чёрные и древесные тона. Он в который раз

оглядел спальню. Как всегда делал, попадая во владения мисс Шейлы Блейз. Она очень животрепещуще относилась к вопросам о частной собственности.

И если комната самого Алана представляла собой унылую келью витающего в облаках в думках о высоком отшельника, то спальня Шейлы сразу давала понять, КТО в ней живёт.

Стены прятались под бирюзовыми обоями с неожиданными ляпами чёрных бесформенных фрагментов, создающими приковывающий взор контраст. Поверх обоев были развешаны в продуманном беспорядке десятки рамок с фотографиями. Семейные фото, фото подруг, друзей... Но больше всего было снимков самой Шелли. Она просто обожала позировать и фотографироваться. Над полутороспальной кроватью, заправленной чёрным, с вкраплениями вызывающе ярких рисунков забавных зверушек, покрывалом, через всю стену протянулась полка. Полка была завалена неисчислимым количеством мягких игрушек, сувениров и прочих милых сердцу Шелли безделушек. На Алана смотрели потешные котята и собачки, толстые медвежата и жёлтые утята.... И примерно столько же было раскидано по углам. Шелли не могла жить без своего игрушечного зверинца. И без дюжины разбросанных по всей кровати пухлых подушек самых разных цветов.

На прикроватном столике стояли светильник и вырезанная из горного хрусталя ваза. В вазе ВСЕГДА были свежие алые розы.... Всегда, в любое время года. За светло-фиолетовой шторой, закрывающей большое окно, скрывалась ещё одна ваза. И тоже с розами. Ноги Алана почти по щиколотку утопали в густом ворсе однотонного паласа опять-таки фиолетового цвета. Шейла питала определённую слабость к пурпуру.

Алан скользнул рассеянным взглядом по сработанному из редких пород дерева компьютерному столу, поднимая глаза выше. Над столом тянулась ещё одна полка. Однако на ней сувениры и открытки уступали значительную долю пространства учебникам, журналам и книгам. Шелли была без ума от Стивена Кинга. Она обожала страшные истории. На столе свободно помещались мощный компьютер «ВАЙО» с двадцатидвухдюймовым экраном, принтер, лампа, полочки, забытые компакт дисками и DVD. Алан встретился с безликим зрачком выключенной веб-камеры и усмехнулся. Частенько Шелли красовалась перед камерой, примеряя те или иные наряды и советуясь с Моникой.... Под столом моргали светодиодами системный блок и стовосьмидесятиваттный сабвуфер. Когда, находясь в хорошем настроении, Шейла врубала на всю катушку «KISS», дом содрогался, а мама хваталась за голову и скалку. А в хорошем настроении Шелли прибывала девяносто процентов свободного времени. На спинке чёрного кожаного кресла-вертушки висели зелёные трусики. Шелли не любила спать в нижнем белье, но обязательно надевала перед сном ночную рубашку.

Обстановку комнаты завершали святая святых — трюмо с зеркалом и пуфиком напротив окна и скрытый от посторонних глаз встроенный гардероб. К слову, в этом гардеробе свободно поместилась бы ещё одна комната. Личных вещей, одежды и обуви у Шейлы было столько, что хватило бы на целый детский приют.

Алан терпеливо ждал. Внезапно его босой ноги коснулось что-то мокрое, холодное и скользкое. Юноша опустил глаза. Ещё одна игрушка. Только на этот раз живая. Из-под кровати неспеша выползла тёмно-зелёная черепаха с клеткообразным рисунком на блестящем панцире и с ходу попыталась нахально грызнуть Алана за большой палец. Тот посчитал за лучшее убрать ноги. Когда Ральф чем-то недоволен, лучше не стоять у него на пути. Черепахи кусаются будь здоров. А Ральф всегда относился к брату хозяйки с большим подозрением. Алан был взаимен. Он не особо жаловал земноводных. А вот сестра души не

чаяла в этой черепахе.

Наконец Шейла отложила украшенный стразами и подвесной игрушкой в виде миниатюрного розового мишки «Сони-Эрикссон» и повернулась к брату, прижимая к животу одну из бесчисленных подушек. Она небрежным естественным жестом откинула за спину распущенную волну ароматно пахнущих чёрных волос, и коснулась плеча Алана.

— Слушай, может, мы тебе будем косички заплетать или кудряшки накручивать? Ты хорошенько подумай!

Алан, улыбнувшись, щёлкнул сестру по носу. Та испустила полузадушенный писк и опрокинулась навзничь, раскинув в стороны руки. Дурочка маленькая, с нежностью подумал Алан. Шейла на удивление быстро пришла в себя и вплотную подвинулась к брату.

— Повернись.

Юноша послушно подставил спину и через секунду по ней запорхали невесомые лёгкие пальчики. Но Алан знал, что эти пальчики могут быть твёрдыми, как клещи.

— Ха! Знатный улов...

— Ай!..

— Да ладно тебе. Вечно ноешь, как девчонка. Я же не кричу, когда ты выдавливаешь прыщики мне.

— Вы, женщины, вообще выносливее нас, мужчин... — сквозь зубы проскрипел Алан.

— Да, вы все слабаки!

У Шейлы имелась одна, прямо-таки маниакальная страсть. Она до ужаса любила выдавливать Алану угри и прыщи. Юноша только диву давался, но ничем объяснить эту непонятную тягу сестры не мог. Оставалось терпеть и гадать, откуда у Шелли взялись такие садистские наклонности!

— А теперь я, — Алан развернулся к Шейле. Та послушно подставила смешную мордашку, прикрыв глаза. Алан сноровисто, что говорило о немалом опыте, уничтожил парочку особо неприятных на вид угрей на высоком лбе сестрёнки и чмокнул в нос. — Просыпайся, операция прошла успешно.

Шейла прислонилась щекой к плечу Алана и спросила:

— Скажи, братик, почему люди умирают?

— Я ждал этого вопроса, — признался юноша. Он обнял сестру и положил подбородок на её макушку. — Ты о тёте Луизе?

— Да. Мне её так жалко... И дядю Фреда. Но я не только о тёте, понимаешь? Вообще почему люди умирают?

— Я часто и много думал над этим.... И вот к чему я пришёл. Я думаю, что одни люди умирают для того, чтобы могли жить другие.

— Это как? — извернувшись, Шелли удивлённо смотрела на него.

— Так. Близкие нам люди уходят, чтобы могли жить мы. Смерть ради жизни. Представь себе нашу планету, если бы все жили вечно. Шелли, это был бы ад. Хаос. Нарушение всех законов природы и порядка. Люди должны умирать.

— Я понимаю, — вздохнула Шейла, поудобнее устраиваясь в кольце сплетенных жилистых рук. — Но пережить смерть родного человека гораздо тяжелее, чем понять. А жить дальше с этой болью ещё тяжелей.

— Нам свойственно ко всему привыкать, — тихо шепнул Алан, взметая своим дыханием пряди мягких, отдающих запахом шампуня волос. — Привыкание — это один из самых ценных даров господ бога. Иначе мы бы все давно сошли с ума от горя. Поверь мне.

— Я тебе всегда верю. Ты же никогда не врешь мне, правда?

— Правда, — грустно улыбнувшись, соврал Алан. — Помнишь, как в фильме «Ворон»?

Что говорила Сара?

— Если смерть крадёт ваших любимых, не забывайте их, продолжайте их любить, и они будут жить вечно, — с придыханием произнесла Шейла. Она плакала, не стесняясь слёз, когда смотрела этот фильм в первый раз.... Брэндон Ли тот же час вошёл в когарту её любимых актёров. Да и убитая жена Эрика Дрейвена носила имя Шелли. В общем, «Ворон» занял весьма почётное место в её фильмотеке.

— И знаешь что? Ведь это правда, всё так и есть. Мы не должны забывать, Шелли.

— Алан, а ты сталкивался со смертью? Лицом к лицу?

Это был неожиданный вопрос в лоб. Юноша внимательно посмотрел на доверчиво прижавшуюся к нему сестрёнку. Не стоило забывать, что Шейла очень чуткая, умная и проницательная девочка. Тут она могла дать фору любой девушке постарше себя. Иногда она видела Алана насквозь и читала его, как раскрытую книгу при ярком свете дня. В такие моменты Алан всегда настораживался и собирал всю волю в кулак.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Не знаю, — честно призналась Шелли. — Просто мне кажется, что я ДОЛЖНА спросить.

— Сталкивался, — Алан провёл раскрытой ладонью по лицу Шейлы. — Только, пожалуйста, не спрашивай больше об этом, хорошо?

— Хорошо... Когда-нибудь я тебе пальцы откушу!

Шелли проказливо высунула язык. Алан тяжело вздохнул. Он НИКОГДА не лгал ей. За исключением одного момента, о котором не хотел лишний раз и думать. И сейчас не солгал. Но она хотела услышать более развёрнутый ответ. А его дать Блейз-младший был не готов.

— А я когда-нибудь схвачу тебя за твой наглый язычок.

Они оба тихо рассмеялись. Алан освободил забрыкавшуюся сестру и встал с кровати, предварительно бросив осторожный взгляд под ноги. Как бы коварный Ральф не напал из засады.... Шейла громко фыркнула.

— Не бойся, он тебя не съест.

— Надеюсь, ты не забываешь его кормить.

— Слушай, это ты мне его подарил!

— И уже давно пожалел о столь опрометчивом шаге, — хмуро буркнул Алан, у которого с самого начала не сложились хорошие отношения с хитрой и коварной черепахой.

— Признайся, что ты просто боишься его! — Шейла выпрямилась перед ним во все свои сто шестьдесят пять сантиметров, едва доставая темечком до подбородка долговязого брата. — Раф такой миленький черепашка, а ты вечно его шпыняешь!

— Да это просто Годзилла какая-то! — из последних сил оправдывался Алан.

Шейла размахнулась и вlepила кулачок ему в живот. Алан закатил глаза и, подражая недавней выходке девушки, упал на спину. На свой страх и риск, между прочим. Не стоило забывать о вездесущем Ральфе. Шелли с воинственным кличем плюхнулась на него сверху и отвесила ряд шуточных оплеух и пощёчин. Алан вяло защищался, жалобно моргая и причитая. Его немногочисленные знакомые и родители ОЧЕНЬ изумились бы, увидев обычно мрачного и хмурого юношу ТАКИМ. Но Алан позволял себе быть ТАКИМ только наедине с сестрой.

Однако Шейла слишком уж увлеклась, метеля его по физиономии, да и Ральф высунул

свой нос из-под кровати. Алану показалось, что черепаха прямо засветилась от несказанной радости. Пора было прекращать театр. И Алан знал, как. Это средство всегда действовало безотказно.

— Шелли, прекрати! Заканчивай, я здаюсь! Шелли, Ральф уже близко! Он уже обнюхивает мою пятку. Шелли, ну на тебе же трусиков нет...

— Пошёл вон! — Шейла, спохватившись, гибкой рысью запрыгнула на кровать, натягивая края футболки на красивые бёдра. — Бесстыжий...

Алан проворно вскочил на ноги и взялся за дверную ручку, придерживая норовящее соскользнуть с бёдер банное полотенце. Ральф разочаровано защёлкал клювом. Юноша перевёл дух и подмигнул сестре.

— Спокойной ночи, Шелли. Ложись спать. Утром рано вставать.

— Спокойной ночи, Алан!

Глава 2

Похороны запомнились Шейле огромным количеством чёрных зонтиков. Моросил противный холодный дождь и, как грибы после дождя, в налитое свинцовыми тучами угрюмое небо уставились десятки раскрытых чёрных зонтов. На похороны Урсулы де Фес пришло немало народу. У эксцентричного дяди Фреда было полно друзей и знакомых. И каждый стоял под чёрным зонтом.

Монотонная громкая речь прямого как жердь худощавого священника синхронно дополнялась мерным перестуком дождевых капель. В руках священник бережно сжимал библию. Он прижимал книгу к груди, оберегая от небесной влаги. Молодой служака почтительно держал над головой преподобного зонтик, часто смаргивая с глаз холодные дождевые брызги. Столпившиеся вокруг вырытой могилы и закрытого гроба с усопшей люди в скорбном торжественном молчании внимали последним напутственным словам святого отца.

Шейла не знала, о чём думали все эти люди, больше половины из которых она даже в глаза не видела. Алан как-то говорил, что каждый человек должен быть наедине со своим горем. Что никто не способен понять и прочувствовать, пока с ним самим не случится подобное. Любые слова здесь бесполезны. И беспомощны. Остаётся помнить и плакать. Шелли промокнула платочком красные от слёз глаза. На сегодня было более чем достаточно воды. Небо плакало вместе с ними. Ещё Алан говорил, что единственный, кто должен быть в такой ситуации рядом — это самый близкий и любимый человек. Больше никто. Вторая половинка души. А если её нет? Что тогда? Алан пожимал плечами и грустно улыбался. Иногда Шейла спрашивала себя, а что Алан может знать обо всём ЭТОМ? Ему-то откуда ведомы все эти чувства? Он же весь как на ладони! Но не стоило забывать, что её брат очень странный парень...

Кладбище Хеллвила находилось за городской чертой и летом утопало в зелени и кустарниках сирени и черёмухи. Аккуратные оградки окружали сотни и сотни могил, крестов и надгробий. Провинциальный, милый сердцу дух царил и здесь, в этом уединенном царстве жизни после смерти. И сейчас это царство в бесчисленный по счёту раз молча внимало одним и тем же словам и впитывало слёзы печали и скорби. А дождь благодатно окроплял царство мириадами дождевых капель, отрезая заговорщицким шумом от остального мира...

Рядом с Шейлой стоял Алан, взяв её за руку и раскрыв над головой сестрёнки большой чёрный зонт. Сам Алан наплевательски относился к любой непогоде. Насколько помнила

Шелли, он никогда не болел. У худого и сублильного на вид юноши было закалённое здоровье прожжённого морского волка. А вот его сестрёнка, никогда не бывшая гремящей костями худышкой, очень часто болела. И тогда Алан ни на шаг от неё не отходил. Принести воды (не такой, сточи из крана подольше, дальше пойдёт вкуснее), включить телевизор, подоткнуть одеяло, стряхнуть градусник, дать лекарство, обчистить яблоко, почесать пятку, рассказать сказку (нет, лучше спой что-нибудь), погладить по головке.... В роли заботливой курицы-наседки Алан превосходил даже сердобольную Луизу Блейз.

Луиза обнимала мрачного и тщетно пытающегося скрыть стекающие по щекам горячие слёзы высокого светловолосого мужчину лет пятидесяти. Дядя Фред. Шелли крепче сжала пальчиками горячую (она чувствовала жар даже сквозь тонкую замшу перчатки!) ладонь Алана. Юноша наклонился к ней и прошептал:

— Запоминай, сестрёнка. Запоминай всё, что видишь. И не скрывай слёз. Не держи их в себе.

Шморгая распухшим носом, девушка молча кивнула. Она не скрывала слёз. Гарольд Блейз застыл позади супруги с одеревеневшим лицом. Шелли переживала за отца. Сердце у него было отнюдь не железное, как иногда казалось упёртому Алану.

Алан вполуха прислушивался к речитативу священника. Он поджимал тонкие губы и не забывал заслонять сестру от дождя. Не дай бог ещё простудится... Алан поднял воротник тёмно-серого, достигающего колен пальто. Длинные чёрные волосы Алана давно намокли и липли к лицу редкими прядями, закрывая глаза. Но ему было наплевать. Он представил себя со стороны. Синие джинсы, чёрные начищенные остроносые сапоги, дорогое пальто. Весь из себя загадочный и импозантный. Иногда я неплохо выгляжу, вынужден был признать Алан. Вот и Шейла зачастую говорит, что к его ногам девчонки должны припадать, как кошки к молоку. Но всех отпугивал тяжёлый гипнотический взгляд Алана (как у Ганнибала Лектора, считали некоторые) и его явное нежелание первым искать общий язык. Он криво усмехнулся. Всё верно, дамы и господа...

И если Алан иногда неплохо выглядел, то его сестрёнка выглядела блестяще всегда. И день похорон тёти Луизы не был исключением. Шейла Блейз напоминала шагнущую со страниц модного журнала красивую ожившую статуэточку. Шелли оделась просто, изящно и с немалым вкусом. Чёрные полусапожки, того же цвета колготки, строгая тёмно-серая юбка — «карандаш» по колено, чёрная, закрывающая поясицу куртка и тонкие кожаные перчатки серого цвета. В распущенные по плечам волосы вплетена траурная лента.... На бледном лице выделялись огромные синие глаза в обрамлении густых пушистых ресниц, в мочках чуть оттопыренных ушей блестели вдетые по случаю серьги — чёрные аметисты в оправе из золота.

Алан благодаря росту видел поверх голов достаточно далеко и заметил в толпе пришедших выразить соболезнования несколько знакомых личностей. Хеллвил был небольшим городком, и многие жители знали друг друга в лицо, а не по наслышке. А дядю Фреда знали, наверно, все, поэтому Алан не видел ничего удивительного в том, что на похоронах присутствовали мэр собственной персоной и ряд других, занимающих не последнее место в иерархии Хеллвила людей. Он заметил местного шерифа Энди Тёрнера (совсем неплохого парня, между прочим), главного врача городской поликлиники Уолтера Харриса (с ним Блейз был знаком не так хорошо), Грэма Лоулесса (дядя любил иногда пропустить в его баре стаканчик-другой), Дейзи Хилл тоже была здесь.... Алан усмехнулся. С Дейзи у него сложились ОСОБЫЕ отношения. Кажется, в прошлый раз она

ультимативной форме заявила ему, что если он снова появится в Хеллвиле, то пусть распрощается с яйцами. Громко так заявила. Большой Том, помнится, тогда хохотал до слёз, пока Алан нечаянно не наступил ему на ногу и не отдал два пальца. Нечаянно, разумеется.

Дейзи почувствовала, что за ней наблюдают. Она повернула голову и встретилась с саркастическим взглядом Алана. Их разделяло несколько метров и дюжина человек. Зелёные глаза стройной светловолосой девушки в длинном чёрном плаще на миг сомкнулись. Она неуверенно улыбнулась и кивнула высокому юноше. Алан в знак приветствия помахал зонтиком, стряхивая водопад брызг на окружающих. Похоже, что Дейзи забыла о своих громких угрозах. Она была доброй и отходчивой девушкой. Во всяком случае, Алан надеялся на это.

— Господи, Шелли, ты так выросла, — растроганно произнёс Фредерик де Фес, проводя рукой по чёрным волосам племянницы. — Настоящая невеста... И красавица.

— Дядя, мы не виделись всего три месяца. За это время я не могла настолько заметно подрасти... Разве что набрать парочку лишних килограммов, — попробовала пошутить Шейла, стараясь не замечать в серых (как у мамы) добрых глазах слёзы. Раньше в этих глазах плясали весёлые энергичные чёртики. Теперь в них поселились тоска и обида. Обида на жизнь, на бога, на всё вокруг...

— Вы с Аланом по-прежнему не разлей вода, — дядя Фред потрепал Алана по щеке. — Молодец, парень, у тебя не сестра, а настоящее сокровище. Оберегай её!

— Стараюсь, — на полном серьёзе, без тени улыбки ответил Алан. Шелли трагично, специально для дяди, закатила глаза.

— Иногда даже чрезмерно старается! Никакой личной жизни.

Фредерик посмотрел на темнеющее, вечернее небо. За целый день солнце так ни разу и не выглянуло из-за туч. Дождь прекратился несколько минут назад. Похороны закончились ещё раньше. Все собравшиеся разъехались, либо разошлись. Остались самые близкие. Фредерик закусил губу, мельком посмотрев на свежую могилу, заставленную десятком венков и живых цветов. Шелли заметила, что дядя избегает смотреть на могилу жены, словно отказывается верить в то, что ТАМ под толщей сырой земли в каком-то деревянном ящике лежит его любимая женщина. С которой он прожил бок о бок почти двадцать пять лет....

С другой стороны могилы неподвижными изваяниями застыли, держась за руки, мама с папой. Они были очень красивы и торжественны одновременно. Рядом с ними стоял шериф. Держа в руках шляпу, Тёрнер что-то сбивчиво говорил, видимо, выражая соболезнования. Шелли в который раз промокнула глаза. Платочек впору было выбрасывать, но другого не было. Ни говоря ни слова, Алан протянул ей свой. Платочек брата был сухим. Честно сказать, она ни разу не видела Алана плачущим. Ни в детстве, ни сейчас. Надо будет у мамы спросить, плакал ли её сын, когда был маленьким...

Алан оглянулся. На самом краю кладбища около полицейской машины маячил доктор Харрис. Помнится, они с Тёрнером были большими друзьями. Компанию Харрису составлял упитанный приземистый детина в тёмно-зелёной униформе и шляпе. Младший помощник шерифа. Как там его звали?.. Ага, кажется, Джейк. Или Джо? Алан решительно не мог вспомнить. Впрочем, это было неважно. Важно то, что все эти люди остались вместе с ними. И... Хорошо, что в их число не вошла Дейзи Хилл!

— Наверно, от женихов отбоя нет? — Фредерик ласково приобнял Шейлу за плечо.

— У меня просто много друзей, — улыбнулась Шелли, осторожно покосившись на брата. Алан сделал вид, что считает в небе порхающих с грацией крылатых бегемотов мокрых серых ворон. В таких случаях он всегда делал вид, что что-то считает.

— Смотри, выбор парня — дело важное и ответственное! — дядя нарочито серьёзно погрозил девушке указательным пальцем. — А там сама думай... Сердце подскажет, что к чему. Мы вот с Урсулой сразу поняли, что...

Запнувшись, Фредерик замолчал, уставившись в одну точку. Мимо могилы. Шейла прильнула к его груди, закрыв глаза. Алан потоптался на месте, чувствуя себя крайне неловко. Почему-то он всегда чувствовал себя лишним, чужим, когда рядом с ним прилюдно выражали свои чувства...

— Слушайте, ребята! — внезапно оживился дядя Фред. — А что, если вы погостите у меня несколько дней? А? Мне, право, будет очень приятно. Без Урсулы дом кажется мне таким огромным... И пустым.

Подкошенный горем пятидесятилетний мужчина с неприкрытой надеждой всматривался в лица племянников.

— Вы же знаете, какой у меня здоровенный домина! Ваши комнаты всегда ждут вас... А мы... Я всегда рад видеть вас у себя, — Фредерик сконфуженно умолк, опустив глаза.

Шелли смахнула с ресницы ещё одну слезинку. Дядя Фред очень любил детей. А вот сам иметь их не мог. Шелли знала, что тётя Урсула всё чаще и чаще заводила разговор о том, чтобы взять ребёнка из детдома. Она любила детей не меньше. Но её мечтам не суждено было сбыться...

— Дядя, я же всё ещё хожу в школу, — ласково произнесла девочка. — Но через две недели у нас начнутся осенние каникулы, и я думаю, что родители не будут возражать, если мы немного погостим у тебя. Нам и самим будет очень приятно пожить у тебя, дядя. Правда, Алан?

— Я свободен, как ветер, — улыбнулся высокий юноша.

— О, дорогие мои... — у растроганного до слёз Фредерика не было слов. Он крепко прижал младших Блейзов к себе. — Но... Ты вроде работаешь, Алан.

— Да ерунда, дядя, — Алан ободряюще стиснул сухую ладонь Фредерика. — Возьму отпуск. Я уже отпахал больше полугода.

— Отлично, сынок.

Алан отвёл глаза. Дьявол, как же ему было жалко мамино брата. Дядя Фред единственный, кто одобрил его выбор на счёт места работы. Гарольд, говорил он, не дави на парня. Он настоящий мужчина, чёрт возьми! Самостоятельный и сильный. Что с того, что он не хочет идти во вшивые адвокаты? Или тебя коробит, что он не просит у тебя на карманные расходы? Мальчик только что вернулся из армии, чёрт тебя дери! А ты его хочешь упрятать в колледж? Гарольд, не будь идиотом, и не настраивай против себя единственного сына... Алан нечаянно подслушал этот разговор. Де Фесы гостили у них пару дней, и этот разговор состоялся в кабинете отца. Двери были закрыты, но вспыльчивый дядя кричал так громко, что проходящий мимо Алан всё услышал...

Сейчас дядя не кричал. Его голос звучал тихо и надломано. И умоляюще. Алан не мог игнорировать ТАКОЙ голос.

— Мы приедем, дядя, — твёрдо пообещал он.

На следующий день, поздним вечером Шейла долго ворочалась в своей постели. Она

никак не могла уснуть. Из головы не шли слова дяди Фреда. «Выбор парня — дело важное и ответственное», «сердце подскажет...». А если сердце склонно часто ошибаться? Если оно плохо разбирается в настоящих чувствах? Интересно, способна ли я отличить ИСТИННУЮ любовь от придуманной, размышляла девушка. И если я её встречу, то пойму ли, что это он, тот самый, единственный? Шелли с ужасом думала, а вдруг она УЖЕ пропустила его? Вдруг она элементарно не сможет узнать своего суженного?..

Шелли свернулась калачиком под тонкой простынею. За свою недолгую жизнь она влюблялась целых три раза. Три! Шелли горько усмехнулась. «Влюблялась»! Громко сказано. В конце концов, все её романы оказывались пустыми детскими глупыми увлечениями. Даже дурацкими. Иногда рискованными. Шелли и тогда и сейчас считала, что это рискованно — потерять девственность в тринадцать лет. А шансы были. И она ну никак не стремилась к этому!

Около четырёх-пяти лет назад, перед тем как Алан сбежал в армию, Шелли впервые влюбилась. Как ей казалось, влюбилась навсегда и навечно. Она представляла себя Джульеттой, а его Ромео. Они тогда проходили Шекспира по школьной программе... Его звали Роберт. Бобби. Он учился в последнем классе. Он курил, он красиво улыбался (Шейла теряла голову от ямочек на щеках), у него были оттопыренные уши, прикрытые длинными светло-русыми волосами, он ездил на красном отцовском «Пежо». И он положил глаз на хорошенькую девочку, которая внезапно выросла за прошедшее лето и выглядела старше своих лет.

Он был такой прикольный. Весёлый. Добрый. Говорил ей кучу комплиментов, дарил цветы. Потом начал провожать от школы домой. Потом стал приходить к ней в гости. Когда дома не было папы и Алана. Луиза не возражала. Ей нравился Бобби. Такой серьёзный мальчик. Красивый и ответственный, всегда здоровался, говорил «мэм». И он так приятно улыбался! У Шейлы всегда было много подружек и друзей, и очень часто их дом гудел как встревоженный улей от сонма детских голосов. Её дочь растёт, её уже интересуют взрослые мальчики. Это естественно. Луиза никогда не была консерватисткой. И она не становилась на пути дочери. Вообще, Луиза позволяла Шейле много всего, редко в чём отказывала. Но и при случае могла спросить достаточно строго. И Шелли знала, где заканчивается граница вседозволенности. Мамин карт-бланш всё же имел ограничения.

Бобби клялся ей в любви до гроба, сравнивал её с ангелом. Он любил говорить «мы как два ангела, Шелли», «как мне повезло, что у меня есть такая девушка»... И она верила ему. Они часто гуляли вместе, фотографировались, ходили на школьные дискотеки и вечеринки друзей. Впервые в жизни она поцеловалась именно с Бобби. Но, не более того. У Шейлы был собственный радиус вседозволенности. Она была умной девочкой.

Папа ни о чём не догадывался. Разумеется, человек старых нравов и воспитания, Гарольд Блейз и предположить не мог, что современные девочки в тринадцать лет думают о тех вещах, которые не волновали его лично лет до семнадцати! Мама не препятствовала, Алан... Алан догадывался. Впервые в жизни Шелли утаила что-то от брата. Не поделилась с ним тайной. Она выросла. А у брата хватало своих тайн, о которых он тоже не спешил распространяться. Они квиты. Влюблённая девочка утешала саму себя. Алан её поймёт. Он поддержит свою единственную сестрёнку, как делал всегда.

Всё закончилось одним поздним тёплым весенним вечером. Бобби подвёз её на своей (отцовской) «крутой тачке» домой после школьных танцев, и они ещё долго сидели в машине, обнявшись, шепча друг другу милое глупости и целуясь. Им было так хорошо

вместе. Она ощущала себя в безопасности. Что с ней может произойти плохого? Её дом всего в нескольких метрах от машины, рядом любимый и единственный, который защитит... В тот момент она ещё верила в любовь. В тот же вечер она спросит у брата, а есть ли она вообще — настоящая любовь? Или её выдумали поэты?

Бобби курил. Он много раз обещал, что бросит, но не бросал. Шелли тогда впервые задумалась, если человек тебя любит, то почему он не может ради тебя пойти на серьёзный и волевой шаг? И почему не держит обещания? И ей не нравилось, что Бобби много пил. Сама она крепче шампанского на Новый Год и разбавленного вина на днях рождения ничего себе не позволяла. Она же девочка. И ей всего тринадцать. Но Бобби был старше. Он был крутым парнем, он контролировал себя.

В тот злополучный вечер она узнала «любимого» ещё с одной стороны. И она возненавидела его приятную улыбку.

Бобби давно намекал, что одних разговоров и невинных поцелуйчиков (даже не в засос, Шелли!) ему маловато. Ему не хватает ИНОЙ ласки. Он вполне себе взрослый и здоровый парень. И ему требуется, как он говорил, «иногда облегчать шарики». Она догадывалась, о ЧЁМ он. Но почему он так спешит с этим? Что, у него то же на уме, что и у других ребят? Нет. Её Бобби не такой! Она в таких случаях ласково улыбалась и говорила, что очень сильно любит его, но... Бобби, нам рано ЭТИМ заниматься. Ты же понимаешь меня, зайка?

В тот вечер он не понял её. Да и не любил он её никогда. Когда любят, ТАК не поступают. Не причиняют боль.

Бобби настаивал. Он потягивал из жестянки пиво, обнимая свободной рукой девочку, и улыбался. Но Шейле уже начала не нравиться его улыбка. Он периодически лез целоваться, обдавая её дыханием спиртного, и норовил засунуть ладонь за отворот тонкой маечки к маленьким нежным грудкам. Поначалу она смущённо хихикала, думая, что Бобби шутит... Но он не шутил. Он не шутил, когда как бы нечаянно прижал её руку к своему паху, где к вящему ужасу Шелли ЧТО-ТО шевелилось, он не шутил, когда расстегнул ширинку джинсов, и не шутил, когда сунул ТУДА её ладошку. Шелли испуганно взвизгнула и отпрянула в сторону. Бобби отшвырнул банку, расплёскивая остатки пива, и как пиявка вцепился в задрожавшую от страха девочку. Он быстро сломил её сопротивление и повалил на сиденье. Шелли дралась, как лев, отчаянно кусаясь и царапаясь. Она поняла, что её сдавленных писк из закрытой машины никто не услышит. А за тонированными стёклами тёмным вечером никто не увидит её отчаянных потуг. Но она не сдавалась. Она была упрямой и упёртой. Она выиграла драгоценные секунды. И именно её упорство и нежелание сдаваться сохранили ей невинность.

Салон «Пежо» наполнился руганью, хрипением, полузадушенными стонами и всхлипами. «Маленькая шлюшка...», «признайся, ты же этого хотела?!» Шелли как могла, отворачивала от себя его гнусную физиономию, изо всех сил брыкалась и не давала развести себе ноги. Но долго сражаться против тяжёлого и здорового парня, который был выше её на голову, она не могла. И Шелли заплакала. Заревела во всю глотку, давясь горючими обидными слезами. Тогда она больше ненавидела собственную тупость, нежели скотство Бобби. Господи, ну она и дура!..

Бобби разорвал на ней маечку, лифчик, слюнявя мерзкими губами её девственную маленькую грудь... Шелли обессилено рыдала, давясь слезами. Она проиграла.

Дверь «Пежо» с водительской стороны тихо открылась, и какая-то невидимая сила буквально вышвырнула Бобби вон. Шелли заревела с удвоенной силой... Дверь так же тихо

захлопнулась, а Шелли, спохватившись, закрыла центральный замок салона. Внезапно машина содрогнулась от осязаемого удара. В «Пежо» что-то врезалось. Зарёванная перепуганная девочка осторожно прильнула к боковому окну, наблюдая удивительную картину.

На улице, купаясь во мраке сумерек, дрались Алан и Бобби. У Шейлы округлились глаза. Дрались? Да нет, в общем то. Скорее, это было избиение.

Худощавый, сутулящийся из-за роста Алан не казался сильным и ловким. Бобби, напротив, был крепким юношей. Уступая Алану в росте всего два-три сантиметра, он компенсировал этот недостаток большей массой и широкими плечами. Шире, чем у её брата. И Бобби был нападающим футбольной команды! Исход боя по идее должен был быть предрешён задолго до начала. Но девочка ошибалась. Много позже она поймёт, что они все ошибались...

Набывчившись, Бобби бросился на Алана, низко опустив голову, словно надеялся протаранить младшего Блейза. Шелли непроизвольно вскрикнула, пряча зарёванное лицо в ладошках... Алан не сдвинулся с места. Он резко взмахнул ногой, попав носком ботинка в челюсть Бобби. Схватка происходила для Шелли в абсолютной тишине. А то небольшое, что доносилось в салон автомобиля, заглушалось громоподобным перестуком её несчастного разбитого сердечка...

Бобби как маятник откинулся назад. Словно в замедленной съёмке. За его разбитым лицом потянулся длинный шлейф кровавых капель. Он грузно упал на заасфальтированную подъездную дорожку. Сделав шаг вперёд, Алан ухватил сомлевшего юнца за грудки и играючи швырнул к машине. Бобби тяжёлым снарядом врезался в «крутую тачку». «Пежо» всколыхнуло ещё раз. ТЕПЕРЬ Шейла поняла, что за удар обрушился на машину в первый раз.

Алан вновь подхватил дезориентированного, ничего не соображающего Бобби, крепко взяв за загривок, и впечатал лицом в капот. На лобовое стекло брызнули тёмно-рубиновые капли, крышка капота смялась, как фольга. Шейла вжалась в кресло. Она была в шоке. Наконец, Алан отпустил противника. Безвольной тушей неудавшийся насильник повалился наземь. На его разбитое вдребезги лицо было страшно смотреть. Бобби уже никогда не будет симпатичным мальчиком.

Шейла не могла пошевелиться. Она не отрывала взгляда от брата. Она не могла поверить, что это Алан. Что это быстрое как вихрь и сильное как торнадо существо с длинными чёрными волосами, падающими на лихорадочно блестящие хищным огнём глаза, её брат. Её любимый старший братишка. Оказывается, Алан очень сильный. А после армии он вернётся ещё сильнее. Настолько, что это тоже пугало её...

Алан взялся за ручку и открыл дверь. На него уставилась Шелли. Заплаканная исцарапанная, стыдливо прикрывающая руками обнажённую грудь, с глазами маленького обиженного котёнка. Алан протянул ей руку. Он молчал. Шелли на миг ощутила себя той, кем называл её Роберт. Маленькой грязной шлюшкой. Это было так унижительно и больно. И так обидно! Не удержавшись, она заревела опять, отбив руку Алана в сторону. Алан откинул с глаз волосы и улыбнулся. Просто улыбнулся, по-прежнему не говоря ни слова. Он ласково провёл раскрытой ладонью по её лицу. И этого было вполне достаточно, чтобы Шелли судорожно бросилась ему на грудь, изо всех сил обхватив руками и безудержно рыдая. Алан осторожно вытянул сестрёнку из салона «Пежо» и поставил на землю. Он с трудом отцепил от себя сведённые судорогой руки, успокаивающе шепча какую-то околесицу. Затем снял

рубашку и накинул на девочку. Словно опомнившись, Шейла попыталась застегнуть пуговицы, но у неё плохо получалось. За неё это сделал Алан. А она стояла, безвольно опустив руки, прикрыв глаза, с водопадом бегущих по щекам слёз, стгорая от стыда...

Алан взял начавшего подавать признаки жизни Бобби за шкирку и запихнул за руль машины, напутствовав последними словами:

— Дружок, если ещё раз твой член выскочит из штанов, твои мозги вылетят из головы. Запомни, я не шучу.

Затем подхватил Шейлу на руки и понёс её домой. Они вошли через чёрный ход. Ни мама, ни тем более папа так и не узнали об этом происшествии. Алан ни о чём не спрашивал. И Шелли была так благодарна ему за понимающее молчание... С тех пор она ничего не скрывала от него. Доверяла брату все секреты и тайны, ничего не пряча в шкаф со скелетами. Хотела бы она, чтобы и Алан был так же откровенен с ней. Но он что-то скрывал. В тот злополучный вечер она ещё больше утвердилась в своём мнении. Однако Шелли не настаивала. Она верила, придёт время, и Алан сам всё расскажет. Он был странным.

Больше года она даже не хотела смотреть на мальчиков. Потом опять влюбилась. Но Николас сразу дал понять, что она для него не более чем подружка. Ей было четырнадцать лет, ему немногим за пятнадцать. И на уме у него был один скейтборд. Шелли несколько месяцев бегала за ним, оказывала всяческие знаки внимания, заваливала мегабайтами смсок, доставала через интернет, рыдала по ночам в подушку. Но всё впустую. Она не нравилась Нику. Она не знала, что ей делать. Даже Моника не могла посоветовать ничего толкового. Алан к тому времени уже был в армии. У мамы спрашивать что-либо было как-то стрёмно... Короче, всё закончилось ничем. Чуть погодя она остыла, и в тоже время у неё выработался комплекс неполноценности по поводу своей внешности. Девочка думала, что Ник не захотел с ней встречаться, потому что она толстая и некрасивая.

Последняя стрела Амура поразила её незадолго перед приходом Алана домой. Она благополучно миновала переходный возраст, но комплексы остались прежние. Правда, о них, кроме Алана, никто не знал. Для всех остальных Шелли оставалась такой же весёлой, жизнерадостной девочкой с кучей друзей и множеством подростковых хлопот. И она мечтала о любви. О большой и чистой. О настоящей. И тогда же она начала задумываться о существовании этого феномена. Есть ли она, настоящая любовь и как её не упустить из рук?

Её последний ухажёр, Ламберт, был неплохим пареньком. Вернувшийся Алан (такой непривычно лысый и смешной!) пообещал не пугать мальчика. Правда предупредил с глазу на глаз, что если он причинит Шейле хоть мизерную боль, то лишится ног и всех остальных выступающих частей тела. Здорово сбледнув с лица (Алана многие побаивались, точнее, боялись его странностей), Ламберт клятвенно заверил, что он не из ТАКИХ. К сожалению он забыл сказать о другой своей слабости. Ламберт, помимо Шелли, крутил ещё с несколькими девчонками. Он был падок на женский пол и в корне не представлял, что значит быть однолюбом. Он любил всех. Через месяц Шелли рассталась с ним. Проплакав всю ночь под одеялом, она укрепила во мнении, что с ней и впрямь что-то не так. Конечно, она ошибалась.

Энди Тёрнер, шериф города Хеллвил, скучал. Он мученически вздохнул и уронил тёмно-русую голову на стол. На тонкую стопку покрытых машинописным текстом листов. Очередная месячная сводка. Отчёт о проделанной работе, с утра услужливо подсунутый ему расторопным Кларком. Нельзя сказать, что они не справлялись со своей работой. Наоборот,

ещё как справлялись. В адрес полицейского участка за шесть лет, что Энди занимал должность, не поступило ни одной жалобы, ни одной кляузы. Возможно, Энди был лучшим блюстителем порядка за всю историю Хеллвила. И сам мэр никогда не забывал отмечать сей достойный факт на общественных городских праздниках. Горожане Тёрнера уважали: при встрече с ним старушки улыбались, старики касались полей воображаемых шляп, мужчины уважительно кивали, симпатичные девушки наперегонки кокетливо строили глазки видному и представительному молодому красавцу-шерифу.

Всё это Энди прекрасно видел, знал и понимал. Для сына матери-одиночки, вкальвающей в две смены, чтобы прокормить семью, попадание в городскую элиту было серьёзнейшим достижением. Прежний шериф, Джозеф Страйк, был настолько старым, что помнил, вероятно, ещё ветхозаветные времена, и ничего, кроме смеха, не вызывал. Старик Джозеф, бывало, арестовывал школьников по подозрению в контрабанде ядерных отходов. Вызывал в участок на разборки местных алкашей и разборки заканчивались распитием конфискованного спиртного с непосредственным участием самого шерифа. И ещё Страйк любил давать волю рукам и, не стесняясь, лапал молоденькую стенографистку Кейт. Девушка отчаянно возмущалась и стыдила развратного старика, на что Джозеф моментально прикидывался маразматиком и говорил, что ничего не помнит.

В конце концов, праведный народный гнев достиг апогея, и мэру Сэмюэлю Гриффитту ничего не осталось, как попросить старого боевого товарища оставить должность. На пенсию старика провожали всем миром. А как же! Обидевшийся было поначалу, Страйк растрогался и сказал, что работа в участке была лучшими годами его жизни. Надо ли говорить, что вакантное место долго не оставалось пустым. На городском собрании практически единогласно новым шерифом Хеллвила был избран умница Энди Тёрнер. Больше всех обрадовались Кейт и первый (он же единственный) помощник шерифа Кларк Дуглас. Старикан их уже порядком достал...

Вот и выходило, что вроде как всё складывается хорошо, а на деле... Хеллвил был небольшим, провинциальным городком. Тихим и спокойным, где все жители знали друг друга если не по имени, то уж в лицо точно. Городком, где самое крупное преступление состояло в том, что гражданин А дал гражданину Б по морде в популярном у населения баре «Внутрь на ногах — обратно на руках»! За шесть лет самым значимым деянием Энди было предотвращение изнасилования Дейзи Хилл заезжими дальнобойщиками. Тогда он первый и последний раз брался за табельный «смит-вессон». Героизм Энди поднял его культовый статус до запредельных высот, да вот только легче на душе у шерифа не стало...

Энди чувствовал, что он закисает в этом провинциальном болоте. Закисает и тупеет. Он надеялся (хотя и знал, что так думать глупо, ребячески и вообще не дай Бог!), что у них произойдёт НАСТОЯЩЕЕ преступление. Для раскрытия которого потребовалось бы здоров пораскинуть мозгами. Он понимал, что думает, а иногда и ведёт себя, как начитавшийся детективов и полицейских романов мальчишка, но ничего не мог с собой поделаться. В какой-то степени он и был мальчишкой. Он даже не был женат. Мама и замужняя сестра, обзавёвшаяся двумя детьми, последние три года только и занимались тем, что постоянного, при каждом удобном случае пилили его. Здорово пилили. Этакой ржавой, через один зуб тупой двуручной ножовкой. «Энди, ну когда ты женишься?», «Энди, ну посмотри, сколько вокруг красивых девушек!», «братишка, мне тут наемни Джулия призналась, что ты ей нравишься...». И так далее, и в том же духе. Хоть волком вой. Энди каждое утро с радостью сбегал на работу. Но уже к обеду от его радости не оставалось и следа. Рутину, скуку, тишина

и отупение. Тёрнер не знал о существовании такой поговорки — в тихом омуте черти водятся...

В кабинет Энди негромко постучали, отвлекая от невесёлых мыслей. Он собрался с силами и натянул дежурную улыбку.

— Войдите.

В приоткрывшуюся дверь просунулась хорошенькая кудрявая головка. На шерифа через линзы изящных очков заботливо уставились голубые глаза. Кейт. Ровесница Тёрнера, девушка ещё со времён Страйка исполняла в участке обязанности стенографистки и секретарши. Ей нравилась её работа и она, в отличие от шефа, не задумывалась о более высоких материях.

— Шериф Тёрнер, может, вам приготовить кофе? — прощепетала она. — Вы уже два часа как не вылезаете из-за стола, и я подумала, что хороший горячий кофе вам не помешает!

Энди посмотрел на старинные настенные часы и тихо ругнулся про себя. Дьявол, уже второй час пополудни!

— Спасибо, Кейт, я был бы очень благодарен.

— Ой, ну о чём вы говорите...

Как только за девушкой закрылась дверь, Тёрнер со стоном вновь уронил голову на бумаги. Господи, и так постоянно, каждый день одно и то же! М-да, не так он себе представлял работу шерифа... А тут ещё у Фреда жена умерла. Не смотря на существенную разницу в возрасте, они здорово дружили с Фредериком де Фесом. Дружили ещё с тех пор, когда он называл де Феса дядя Фред... А Урсулу — тётя. Чёрт. Ладно, хорош хандрить. Энди поднялся, взял со стола шляпу и вышел из кабинета.

В большой комнате, которая выполняла функции приёмной, столовой и комнаты отдыха одновременно, колдовала над кофейником Кейт. Кларк, отхлёбывая из большой кружки, уткнулся в монитор компьютера, азартно клацая мышкой. Здоровенный детина был помешан на компьютерных играх и посвящал им всё свободное время. А поскольку свободного времени у них было в избытке, Тёрнер подозревал, что Кларк давно стал игроком экстра-класса. Вот только от долгого сидения на месте и неограниченного поедания пончиков на талии Кларка скоро не застегнётся ни одна португепя. Экзамен по физкультуре ему устроить что ли, отстранённо подумал Энди, садясь за стол.

— Угощайтесь, шериф.

Перед ним появилась именная кружка с дымящимся ароматным напитком. Что-что, а кофе варить Кейт умела. Энди сделал маленький глоток и только тут заметил, что...

— Эй, а это что за хреновина?

— Вы это о чём, шериф? — Кейт удивлённо смотрела на него. Даже Кларк продемонстрировал Тёрнеру свою широкую упитанную физиономию, исполненную теми же эмоциями.

Энди нетерпеливо подошёл к входной двери и сорвал приклеенный скотчем с внутренней стороны большой красочный плакат. Потрясая бумагой, он грозно сдвинул брови.

— Я вас об этом спросил. Откуда это взялось в нашем участке?

— Клоун принёс, — несколько растерянно пробормотал Кларк.

— Какой ещё клоун? — Энди изумлённо развернул плакат и внимательно к нему присмотрелся. Это была афиша. Цирковая афиша.

— Ой, шериф, я и забыла вам рассказать, — спохватилась Кейт. — К нам в Хеллвилл приезжает цирк-шапито «Невозможное — возможно»! Здорово, правда? Хоть какое-то

развлечение для нашего городка!

— Ага... — Энди не отрывался от афиши. — Цирк, значит...

Кейт и Дуглас удивлённо переглянулись. Их шеф довольно странно отреагировал на безобидный плакат. Им было невдомёк, что Энди что-то ПОЧУВСТВОВАЛ.

Глава 3

— Скажи, Грэм, я красивая?

Грэм Лоулес неспеша вытер полотенцем до кристального блеска очередной стакан, критически посмотрел, как сверкают грани стекала в свете ярких люстр, поставил стакан на барную стойку и только после всех этих священнодействий соизволил обратить внимание на Дейзи Хилл. Перед ним, забравшись на высокую круглую табуретку, сидела красивая светловолосая девушка, одетая в униформу официантки с белым кружевным передничком, и пристально смотрела на него выстрадавшими зелёными глазами.

Хозяин «Внутри на ногах — обратно на руках» поджал мясистые губы и сокрушённо протёр обрамлённую венчиком рыжих седеющих волос лысину давешним полотенцем. Когда красивая, стройная, фигуристая баба задаёт такие вопросы, дело швах, мрачно подумал он.

— Дейзи, тебе знакомо, что такое риторический вопрос?

— Ты хочешь сказать, что я неотёсанна и необразованна? — так и вскинулась Дейзи. — Да?

— Крошка, что за глупости ты городишь?

— Значит, я глупая дура вдобавок к тому, что ещё и страшная? — голос девушки задрожал, в глазах заблестели обидные слёзы.

Тяжело отдуваясь, на соседнюю с Дейзи табуретку обмякшим мамонтом рухнул Большой Том и сграбастал граненую кружку с пивом. Игнорируя негодующий взгляд Грэма, здоровяк осушил половину и довольно крякнул.

— Бери пример с нашего Томаса, — кивнул на здоровяка Лоулес. — Ты когда в последний раз задавался вопросами о смысле нашего бытия, Томми? В школе?

Бессменный вышибала самого популярного заведения Хеллвила недоумённо уставился на хозяина.

— Дык это... До вечера ещё далеко, вот я и того... Решил, что лишняя кружечка не помешает! Ты ж меня знаешь, босс, после шести я всегда твёрдый как стёклышко. Тьфу, трезвый!

Грэм выразительно посмотрел на Дейзи. Та угрюмо надула пухлые губки. В принципе, Грэм догадывался, что творится с его официанткой. Почему-то волна чёрной хандры на неё накатывала раз в год. Обычно летом. Последний всплеск был почти три месяца назад. До следующего приступа вроде ещё не близко... Но эта глупая дурёха ходила вчера на похороны и, конечно, видела ЕГО. Возможно, и глазками поиграла. А то и шепнула, что в прошлый раз погорячилась. Ну и кто она после этого? Сам Лоулес прожил несравнимо дольше этой влюблённой дурочки, был женат два раза, и кое-что понимал в житейских делах. Возможно, не всё, но одно знал точно. Если есть возможность обойти стороной такую страшную штуку как любовь, то беги от неё прочь без оглядки! Иначе себе дороже выйдет.

— Слышь, Дейз, а ты чего, ревёшь что ли? — Большой Том проявил отеческую заботу и погладил нахохлившуюся девушку по голове.

Дейзи раздражённо сбросила здоровенную ручищу. Она напоминала большую красивую кошку, которой наступили на хвост.

— Не реву.

— А чего глаза красные как у жопы? — простодушному удивлению Тома не было предела.

— Сам ты жопа! — нижняя губка девушки зримо задрожала. Она отвернулась в сторону, нервно сминая передник тонкими пальцами.

— Да я ж не в том смысле, детка! — заржал, было, здоровяк, но наткнулся на откровенно линчующий взгляд прозрачно-голубых глаз Грэма и заткнулся, прикусив язык. — Да ты чего, Дейзи? Я ж и впрямь пошутил...

Грэм отобрал у вышибалы недопитую кружку и буркнул под нос:

— У неё стресс. После вчерашних похорон.

Большой Том сконфуженно затих огромной тучной глыбой, сопя как проколотая шина. Дейзи вытерла глаза платочком и засопела под стать здоровяку. Грэм неодобрительно покачал головой. Эти двое ну как вылитые дети. Ладно, Том никогда особым умом не блистал, но Дейзи ведь смышленная девочка! Верно, всё верно, бежать надо со всех ног. А вот ежели не успел, тогда что?

— Я видела Алана, — неожиданно сказала Дейзи, глядя перед собой в одну точку, мимо Грэма и, как он заподозрил, мимо заставленной бутылками зеркальной стенки за его спиной. — Он был там.

— Разумеется, был, я тоже его видел — Грэм взял ещё один стакан и перекинул полотенце на другое плечо. — И не говори, что ты этого не ожидала. Ты же и на кладбище пошла только в надежде увидеть Алана.

— Да, — Дейзи не стала спорить, стыдливо опуская глаза. — Я очень слабая, Грэм...

И тут до Большого Тома дошло. Он так и подскочил на табуретке. Достаточно забавное зрелище, вынужден был признать Лоулес. Скачущий бегемот. Спешите видеть.

— Эй, вы это о ком говорите? Уж не об этом ли тощем наглom засранце? Племяннике старины Фреда? О нём?

— О нём, о нём, — Грэм усмехнулся.

— Он не засранец! — так и вспыхнула Дейзи.

— А кто он?! Кто? Как и есть засранец! — возмущившийся Том чуть не грохнулся с маловатой для его объёмного седалища табуретки. — Ты что, забыла, как он тебя обидел? Ты же сама пообещала ему яйца вырвать, если он ещё раз сунет сюда свой длинный нос! Да за такие вещи раньше на воротах вешали!..

— Он имел полное право, — сквозь зубы на силу выдавила Дейзи. Грэм видел, как ей тяжело дались эти слова... — Он не обязан...

— Да я его сам... Лично на... хрен в бараний рог сверну! — не унимался громила. Хорошо ещё, что час ранний и в баре никого пока нет, подумал Грэм, и никто не слышит этих воплей. — Пусть только появится, молокосос...

— Что-то в последний раз у тебя не очень получилось это сделать, — ехидно заметила Дейзи.

Большой Том поперхнулся. Его глаза чуть не выпрыгнули из орбит. Он прочистил горло и уже более спокойно, словно оправдываясь, добавил:

— Я... Я просто оступился, вот и всё. Поскользнулся. Какой-то придурок разлил пиво, вот и...

Дейзи поспешила спрятать мелькнувшую на губах тень улыбки. Большой Том не на словах переживал за неё. Она знала это и не хотела его обижать. Он до сих пор обострённо и болезненно переносил ТУ скоротечную схватку, которая, как он считал, здорово уронила его

авторитет в глазах завсегдатаев бара. И с тех пор здоровяк спал и видел, как бы поквитаться с патлатым сопляком. Сопляком.

— Может, я слишком старая для него? — Дейзи как бы невзначай покосилась на Грэма. Лоулес подхватил выпавший из рук стакан. А большой Том яростно покрутил пальцем у виска.

Уолтер Харрис долго и вдумчиво изучал содержимое открытого холодильника. Он покрутил рыжей головой, словно не мог выбрать, на чём ему остановиться. Собственно, выбор был невелик. Либо холодная запотевшая бутылочка «хайнекен», либо жестянка с «миллером». Сам Уолтер больше склонялся в пользу «хайнекен». Харрис не был большим любителем спиртного и всерьёз считал, что как врач вообще не имеет права закладывать за воротник. И всё, что имело крепость выше той, что указывали на бутылках с пивом, он стоически игнорировал. Единственное, чем он мог себя иногда побаловать, это пара кружек пенистого ячменного напитка в конце долгого напряжённого рабочего дня. Уолтер сгрёб «хайнекен» и захлопнул дверцу холодильника. Вопрос был решён.

Главный врач поликлиники Хеллвила прошёл в гостиную и расслабленно упал на кушетку. Нашарил рядом пульт и включил телевизор. Уолтер не любил подолгу пялиться в этот дурацкий пошлый ящик, но порой ловил себя на том, что пустой телевизионный трёп успокаивает ему нервы. Главное, не вдаваться в смысл того, что происходило за экраном в глупом и далёком фальшивом мире новостей, ток-шоу и мыльных опер...

Потягивая из горлышка пиво, Уолтер то и дело запускал пальцы в густую рыжую шевелюру. Те, кто хорошо его знал, тут же сказали бы, что врач чем-то очень сильно обеспокоен. Ещё Уолтера выдавали задумчиво сощуренные зелёные глаза и плотно сжатые губы. Но неважно как сильно волновался бы Харрис, одно оставалось неизменным. Его длинные красивые гибкие пальцы никогда не дрожали. Ни при каких обстоятельствах. Он всегда сохранял выдержку и силу воли. Как настоящий врач. Как хороший врач. А Уолтер Харрис в свои тридцать пять лет был очень хорошим врачом. Хирургом, которого не отказались бы занять в свой штат престижная клиника любого крупного города. Но он навсегда осел в маленьком провинциальном Хеллвиле. Он тут родился, и тут умрёт, и тут же должен применять все свои знания. В маленьких городках люди ничем не хуже, чем в многомиллионных мегаполисах и имеют такое же право на квалифицированную медпомощь, как и все. Бесспорно, Уолтер мог бы сделать блестящую карьеру и заработать кучу денег, но он не гнался ни за славой, ни за наличными. С собой в могилу не утянешь ни того, ни другого, справедливо рассуждал он. И он любил свой маленький город.

По специальности Уолтер проходил как хирург-травмотолог, но в хеллвилской клинике выполнял вдобавок обязанности патологоанатома. Нехватка кадров была его вечной головной болью. Вот и приходилось засучивать рукава и подавать личный пример....

Уолтер отхлебнул ещё глоток, не особо вдаваясь в разворачивающиеся на экране действия. Из головы у врача не шло последнее вскрытие. Вскрытие Урсулы де Фес. Странная смерть. Уолтер покрутил в руках наполовину опустошённую бутылку. Стекло потихоньку нагревалось в его ладонях, и у пива появлялся горьковатый привкус, который Харрису не нравился. Следовало поторапливаться.

Урсула де Фес... Не старая ещё, полная сил, цветущая привлекательная женщина. Здоровая женщина, без врождённых сердечных пороков. Сорок пять всего! И умирает от нелепого сердечного приступа. Маразм какой-то. Если бы Уолтер сам не проводил

вскрытие, в жизни бы не поверил. Но факт остаётся фактом.

Больше всего Уолтера беспокоило не следствие, а причина. Что заставило остановиться сильное, здоровое, не изношенное сердце? Что прервало жизнь Урсулы де Фес? Харрис допил пиво и поставил бутылку на журнальный столик. Жизнь покинула женщину, как напиток этот опустевший сосуд. И что-то являлось катализатором. Главный врач Хеллвила был на сто процентов уверен, что несчастная супруга Фредерика умерла не естественной смертью. Что-то ЗАСТАВИЛО её умереть. Что-то произошло... Напугало Урсулу. Уолтер переключил канал, не желая смотреть рекламу новейших чудодейственных средств для похудения. Хм, золотая мечта всех лентяев. Вести прежний образ жизни, не вставая с дивана, поедая тонны фастфуда, запивая всю эту дрянь химией и надеясь, что пара суперхитрых таблеток придадут тебе после нескольких применений облик Апполона или Клеопатры! Большого бреда Уолтер в жизни не слышал.

И таким же бредом казались ему собственные размышления относительно факта смерти Урсулы де Фес. Или гибели? Харрис взъерошил непослушную рыжую шевелюру. Он боялся произносить эти слова вслух. И боялся думать. Он боялся, что его дикие навязчивые предположения окажутся правдой. Но как врач он понимал, что не такие они уж и дикие. Уолтер Харрис видел там, где остальные оказывались слепы. Он мог видеть дальше и глубже других.

Надо бы посоветоваться с Энди. Точно, так он и сделает. Уолтеру показалось, что он набрёл на отличную идею. Они дружили с Тёрнером с незапамятных времён, когда Энди и не помышлял о полицейском значке, а у него ещё подрагивали руки. Энди головастый парень, шериф, почти что детектив, в конце то концов! И, Харрис кисло и отнюдь невесело усмехнулся, его другу это покажется интересным. Энди любит изображать из себя Шерлока Холмса, только трубки не хватает и напарника. Доктора. Уолтер чуть не расхохотался. Доктора! А он кто? Он и есть доктор. Не Ватсон, конечно, ну так и Энди при всём к нему уважении, не мистер Холмс. Да уж...

Но кроме Тёрнера никто его не поймёт, а шериф вцепится в его слова, как гончий пёс в загнанную жертву. Уолтер вытянул из нагрудного кармана клетчатой рубашки сотовый телефон. Он ни секунды не колебался. Шериф просто обязан его выслушать. И объяснить, почему в роскошных натуральных рыжих волосах Урсулы внезапно появились блеклые, удручающе седые пряди.

Уолтер провёл ладонью по собственным вихрам. Урсула никогда не красилась и часто подтрунивала над ним. Говорила, что они с Уолтером две самые рыжие бестии на сто миль вокруг. Фредерик при этом смеялся и говаривал, что они, должно быть, разлучённые в детстве родные брат с сестрой. Накануне смерти, миссис де Фес заходила в больницу, проконсультироваться с доктором Стюартом, гинекологом, и встретила в коридоре Уолтера. Главврач отметил, что Урсула как всегда прекрасно выглядит, и молодеет с каждым днём. Женщина обозвала его рыжим подлизой и сказала, что по части подхалимажа он превосходит даже её мужа. При этом её глаза, такие же зелёные, как у Харриса, задорно смеялись... Так вот, в волосах Урсулы не было ни одной седой прядки! Ни одной. Через два дня, проводя вскрытие, Уолтер не мог поверить своим глазам. Миссис де Фес поседела. Получается, что буквально за считанные часы. Ему стало страшно. По щекам Уолтера текли слёзы, но руки его не дрожали.

Тони не любил дождь. Но ещё больше он не любил ходить в школу. Он никак не мог

уразуметь, почему взрослые придумали такую жутко несправедливую шпугенцию, как школа! Тони подозревал, что все взрослые по всему миру сговорились. Для чего? Для того чтобы их дети как можно больше времени проводили в школе и меньше доставали своих предков дома. Другого объяснения Тони придумать не мог. А он не был глупым. Он уже вполне зрелый парень. Семь лет это вам не хухры-мухры!

Но взрослые кое в чём прокололись. Они забыли о такой вещи, как каникулы. Ха! И завтра первый день этого долгожданного для любого ребёнка праздника. И вдобавок это были первые школьные каникулы в жизни Тони Хилла. Он возвращался со школы домой, полный самых радостных предвкушений и надежд. У него было чувство, которое, наверно, испытывали солдаты, возвращаясь с войны на Родину. Тони ухмыльнулся. Ему понравилось это сравнение. Быть солдатом здорово!

Тони шёл по обочине дороги, нарочито забегая в самые глубокие и заманчивые на вид лужи. Тучи брызг поднимались за ним, не поспевая за его быстрыми ногами. Хотя мокрее он уже не будет! Противный дождь моросил не переставая. Редкие прохожие прятались под зонтиками, но Тони был отчаянным парнем. Он не любил дождь (по той простой причине, что мама запрещала гулять на улице во время дождя), но не боялся промокнуть. Тони забежал на тротуар, не рискуя проверять глубину особенно впечатляющей на вид лужи (целое озеро! восхитился мальчик), и подтянул ляжки ярко-зелёного ранца с учебниками. Ещё одна взрослая пакость, скривился Тони. ИХ бы заставить потягать на спине такую тяжесть!

Он задрал голову, подставляя симпатичное веснушчатое лицо с живыми карими глазёнками падающим с задёрнутого тучами неба холодным свежим дождевым каплям. Мама часто говорила, что у него глаза, как у оленёнка Бэмби. Подобное сравнение сильно возмущало Тони. Фу! Он же не девчонка, чтобы быть похожим на Бэмби! На Бэмби похожа Эрика, девочка из его класса. Отличница, она сидела на первой парте и часто оборачивалась, чтобы показать не столь успевающему Тони язык. Ха, тоже мне, отличница, шмыгнул носом мальчик. Видали мы таких отличниц... Так вот, она была похожа на Бэмби. И она была очень красивая. Тони чуть ускорил шаг, чувствуя, что краснеет. Почему-то он всегда краснел, когда думал о ней. Может, я влюбился, прикинул Тони, и тут же фыркнул от подобной взрослой пошлости. Его лучший друг Грег говорил, что любовь, это когда мальчик и девочка запираются в тёмной комнате и лупцуют друг друга, выражая свои чувства. Почему лупцуют? По-другому объяснить причину криков и стонов, доносящихся в этот момент из комнаты, Грег при всём желании не мог. Откуда у Грега столь обширные понятия о любви Тони и близко не догадывался, но одно для себя решил наверняка. Он влюбляться не намерен! Что он, дурак, что ли?

Тони свернул за угол, обходя мусорный бак, и поравнялся с аптекой старого мистера Флинта. Да, да, как пират из Острова сокровищ! Правда, Грег говорил, что мистер Флинт не пират, а лысый педик. Тони не знал значения этого слова, но подозревал, что оно нехорошее и ругательное. И всё никак не мог набраться храбрости спросить у мамы. Почему-то Тони был уверен, что мама поймёт его неправильно. Но Тони моментально забыл об этом слове, увидев у входа в аптеку... клоуна.

Тони показалось, что у него начались эти... как их... глюцинации! Такой противный, дождливый неприветливый день и тут на тебе — клоун! Всамделешный клоун, в цветастом трико, громадных башмаках, с красным носом и копной соломенных, торчащих во все стороны волос. Мальчик встал как вкопанный, разинув от удивления рот. Он протёр глаза,

но клоун никуда не исчез. Поразительно.

Более того, клоун, как ни в чём не бывало, деловито наклеивал на застеклённую дверь аптеки большой яркий плакат. И дождь его совершенно не смущал.

Тони насторожился. Совсем недавно он посмотрел по телевизору поздно ночью один **ОЧЕНЬ СТРАШНЫЙ** фильм. Тони знал, что если бы мама проснулась и застучала его з: этим занятием, то уши бы надрала, как пить дать! В этом фильме был один злой и ужасный клоун, который воровал детей, а потом делал с ними что-то нехорошее. Тони потом несколько ночей не мог нормально спать. Ему снились всяческие ужастики и кошмары. И он десять раз пожалел, что посмотрел этот жуткий фильм... А клоуны прочно вошли в список вещей, который Тони терпеть не мог.

Клоун видимо почувствовал, что за ним наблюдают, и повернулся в сторону Тони. Мальчик уставился на него. Клоун уставился на мальчика. Их обоих поливал дождь.

Первым не выдержал Тони. Слова сами собой полезли из него. И совсем не те, что он хотел произнести.

— Как это у вас получается?

— Что получается, дружок? — у клоуна оказался высокий писклявый голос.

— Ну это... Клеить под дождём, — Тони шморгнул носом.

— Ну я же клоун! — растянулся в широченной нарисованной улыбке клоун. — И мне подвластно волшебство, мой маленький наблюдательный дружок. Правда, ты ещё не видел мистера Богарта. Вот где настоящий чудесник! Но ничего страшного, обязательно увидишь. Приходи к нам на представление в цирк.

— В цирк?! — удивлению Тони не было предела. Он ни разу не был в настоящем цирке.

— Вот именно! — заразительно заухмылялся клоун. Тони неуверенно улыбнулся в ответ. Клоун был вовсе не страшным... Наоборот, он казался прикольным. — Но не просто в цирк, а на невероятное представление всемирно известного цирка-шапито «Невозможное — возможно» под управлением великолепного Рудольфа Старжински!

Клоун наклонился к Тони и доверительно шепнул на оттопыренное ухо:

— Для моего нового маленького друга — вход бесплатный...

— Правда?

— Весёлый клоун Бинго никогда не врёт своим друзьям, — надулся клоун и внезапно щёлкнул под носом у Тони пальцами, затянутыми в белую перчатку. В руке клоуна откуда не возьмись появился прямоугольный кусочек картона с золотым тиснением. Билет, догадался Тони!

Тони протянул было руку, но, вспомнив кое о чём, замешкался, что не ускользнуло от внимания Весёлого клоуна.

— Мама запрещает тебе принимать всякие-разные предметы от незнакомцев, — понимающе закивал клоун, смешно оттопырив нижнюю губу.

Тони виновато развёл руками.

— У тебя очень умная мама, — подмигнул синим глазом клоун, окончательно огорошив мальчика. — Слушайся её. Но у нас с тобой несколько иная ситуация, приятель.

— Иная?

— Конечно, — важно напыжился клоун. — Мы же с тобой друзья. Ты знаешь, как зовут меня, я знаю, как зовут тебя. Мы вовсе не незнакомцы друг другу!

— А ведь и верно! — Тони обрадовался. Этот Бинго был умным. Во всяком случае, не глупее него самого.

— А если на входе ты скажешь контролёру, что ты мой друг, — клоун запихнул в карман курточки Тони вожделенный билетик, — то получишь в подарок сюрприз. Обещаю, тебе понравится. Ну, беги, дружок, мама, наверно, тебя заждалась. И не забудь взять её с собой на представление!

Радостный Тони с места рванулся сквозь пелену дождя, но внезапно ему в голову пришла одна мысль... Он остановился и окликнул удаляющегося в противоположную сторону клоуна:

— Эй! А как меня зовут?

Клоун оглянулся через плечо и вторично подмигнул:

— Ты славный малыш, Тони. Наблюдательный. Мама, должно быть, гордится тобой.

Взмахнув на прощание рукой, клоун скрылся за поворотом.

— Ага... — выдохнул поражённый Тони. И вправду волшебство.

И то, что глаза клоуна из синих в одночасье сделались зелёными — тоже волшебство, подумал Тони.

Стивен Диксон клацнул зажигалкой и подпалил кончик сигареты. Жадно затянувшись, он выпустил дым из ноздрей. После секса его всегда тянуло покурить.

— Стиви, я тоже хочу.

— Перебьёшься...

— Фу, ты просто грубиян!

— Но тебе нравится спать с грубияном, — Стивен приподнялся на локте и посмотрел на лежащую подле него девушку, завёрнутую в пропотевшие простыни. — Скажи, что я не прав, киска.

— Пошёл ты, — Мишель Гриффит скорчила гримаску.

Стивен хмыкнул и выдохнул ей в лицо облачко дыма. Мишель грязно заругалась, поминая Диксона последними словами. Стивен довольно рассмеялся и закинул руки за голову, переместив сигарету в уголок рта.

— Ты дурак! Иногда я спрашиваю себя, а какого хрена я встречаюсь с этим никчёмным мерзавцем? Ты не знаешь часом?!

— Потому что этот мерзавец имеет член нужного тебе размера, детка, — невозмутимо пожал плечами Стив. — И знает, КАК его вставлять.

Мишель презрительно скривила губы. Стив усмехнулся. Он знал, что он прав, и знал, что Мишель знает это и думает так же.

— Не забывай, что в следующем году я оканчиваю школу и навсегда сваливаю из этого гадюшника! — Мишель не в первый раз с наслаждением повторяла эти слова. — Боже мой, да я жду не дождусь этого... Как же мне всё ТУТ опостылело. Должно быть, не сыскать более занюханной и тоскливой дыры, чем наш Хеллвил!..

— И здесь есть свои плюсы, — Стивен закусил фильтр наполовину сгоревшей сигареты. Он не хотел показывать, но набившие оскомину слова Мишель о скором отъезде задевали его за живое. — Конечно, наш городок не для такой девушки как ты! В престижный колледж здесь не поступишь, не спорю. А тебе подавай что-нибудь соразмерное с деньгами и статусом твоего папочки!

Мишель села на продавленной кровати и пристально посмотрела на любовника. Ей показалось или Стивен всё же обиделся? Но не думает же он всерьёз, что предел мечтаний всей её жизни — это траханье в его более чем скромной конуре? Хотя она и не отрицала, что

Стивен умеет трахаться.

— Да при чём здесь деньги? Статус! Можно подумать, мы живём в Чикаго или Лос-Анджелесе!

— Мэр он везде мэр, — резюмировал Стив. — А его дочь всегда будет дочерью мэра.

— Ещё добавь, что больше тебе никогда не удастся отдрючить дочь мэра, — съязвила Мишель. — Признайся, что тебя больше всего бесит именно это!

Стивен затушил сигарету и промолчал. Белобрысая стерва в десятку угадала его мысли. У него-то нет никаких радужных перспектив на будущее. Да, он крутой парень, его знает весь город. Многие уважают и боятся. Стивен никому никогда ни давал спуска. Практически любая созревшая девчонка готова раздвинуть под ним свои ножки, но... Что дальше то? У него нет денег. И врядли будут. Ну не повезло ему родиться в обычной семье затюканных жизнью работяг! А трахать дочь мэра это и впрямь ЧТО-ТО. Это повышало Стивена в собственных глазах, доказывало, что деньги ещё не всё решают. Но если Мишель смоется из Хеллвила, что ему тогда делать? Она устроится неплохо, будет клеить богатеньких мальчиков, удачно выскочит замуж...

— Ты выйдешь за меня? — Стивен сам подивился собственной храбрости, но сказанного не воротишь.

— Чего?! — у Мишель приоткрылся ротик. Попервах она вообще не поняла, что Стивен имеет в виду, а когда до неё дошло...

— Ты чего, совсем сбрендил? С какого перепугу я должна выходить замуж за ТЕБЯ?

Мишель громко засмеялась, упав на подушку. Из её больших синих глаз потекли слёзы. Диксон стиснул зубы. Как же ему хотелось в этот момент ударить её. Вышибить из этой сучки всю дурь одним махом! Но Стивен лишь закусил губу, он побаивался «старого дядю Сэма».

— Прости, что посмел оскорбить тебя, — процедил он.

— Ох, Стиви, ну ты и рассмешил меня! Ха-ха!..

— Закрой рот, — Стивен отвернулся.

— Да ладно тебе, не дуйся, — Мишель дотронулась до его обнажённого плеча. — Знаешь, я опять возбудилась... Должно быть, это всё мысли о замужестве. Ха!.. Хм. Я хочу тебя, слышишь?

— Помоги себе сама.

— Ну перестань, Стиви, — пальчики девушки скользнули под простынь, пытаясь жадно добраться до чресел Диксона. — Трахни свою киску, ну пожалуйста...

Стивен прижал к себе её руку, она едва слышно простонала. Трахнуть? Ну хорошо, сейчас он так ей засадит, что сама не будет рада. Стивен встретился с умоляюще-похотливым взглядом Мишель и загадочно ухмыльнулся.

Алану снился сон. Станный такой, под стать нему. Сон прочно окутал Алана тенетами и утаскивал куда-то на дно. На дно искажённой реальности или безумия? Ему часто снились подобные сны. Особенно в детстве. Сейчас реже, но всё равно постоянство этих фантазмагоричных сновидений оставляло желать лучшего. Алан был бы несказанно рад навсегда избавиться от них. Нет, его не пугало то, что происходило во снах. Просто он опасался, как бы его сны не воплотились в жизни, разорвал замкнутые границы искажённого сознания.

В эту ночь ему снилось, что он приехал с парой друзей в какой-то захолустный дремучий городок. До того тихий и благообразный, что и дураку становилось ясно, что жди беды! И беда не заставила себя долго ждать. Неведомо откуда, но к Алану пришло знание, что все жители этого городишки — не люди, а страшные существа с ДРУГОЙ стороны. Обратни. Которые питали к незванным гостям вполне обоснованный гастрономический интерес.

Алана обуял липкий, скручивающий внутренности живота узлом ужас. Они пытались дозвониться с сотовых телефонов хоть куда-нибудь, надеясь на помощь извне. Но мобильники упрямо отказывались работать... А потом во сне появилась его любимая младшая сестрёнка — Шелли. Но не успел Алан решить, что ему делать, радоваться факту её появления или опечалиться, как Шелли вырвала у него из рук сотовый. Ударила им о землю, разбивая телефон на тысячу кусочков. А затем Шелли прыгнула на Алана, повалила и стала МЕНЯТЬСЯ. Она тоже была оборотнем. И она загрызла его.

Алан вздрогнул, все его жилы натянулись стальными тросами, мышцы окаменели... И он проснулся. Алан несколько секунд смотрел в потолок. Странное совпадение, мать бы его. Сегодня они с Шелли должны ехать в Хеллвил.

Куда бы Алан ни собирался, он всегда собирался быстро. Каламбур, конечно, но истина от этого не становится менее обоснованной. Алан был неприхотливым юношей и в быту, и по жизни. И никогда не гнался за модой, это уж точно. Он любил повторять известную присказку, что мода приходит и уходит, а классика остаётся. Стиль младшего Блейза, если начистоту, трудно было назвать классическим, но и до откровенного безвкусица он никогда не опускался.

Выбирая, что надеть, он руководствовался в первую очередь практичными соображениями. По сезону и по погоде. Поездка в гости к дяде Фреду не представлялась Алану сверхважной дипломатической миссией, где он должен выглядеть разряженным в пух и прах павлином. Не стоило забывать и о нравах местных жителей, среди которых ты будешь обретаться несколько дней. Чрезмерно выпячивающих напоказ свою богемность городских хлыщей нигде не любят. Алану было глубоко наплевать на все эти мудреные заморочки. Он одевался, как ему было удобно.

Вот и с утра, перед отъездом, юноша долго не выбирал. Он выглянул в окно, просмотрел в интернете последние метеосводки и, не колеблясь, решительно закопался в недра шкафа. Из своей комнаты Алан вышел одетым и готовым к любым неожиданностям. Остроносые ботинки на каблуке, возносящие хозяина на полные сто девяносто сантиметров роста, синие джинсы, широкий кожаный ремень, чёрная водолазка и чёрная кожаная куртка с косой молнией. Вот и вся недолга! Вокруг шеи Алан намотал длинный серый шарф. Грива чёрных волос свободно падала на плечи и глаза, закрывая лицо юноши. За спину Алан закинул старый испытанный армейский рюкзак.

Он-то был готов, а его младшая сестра — нет. Впрочем, заходя в её комнату, Алан был преисполнен твёрдой уверенности, что так оно и будет. Иначе это была бы не Шелли!

— Тебя не учили стучаться, прежде чем вламываться в чужую спальню? — возмущённо пропищала Шейла, сидя на кровати, посреди вороха разнообразных девчачьих тряпок. На сугубо деловой взгляд Алана половину из них можно было смело выбрасывать за ненужностью. — А если бы я была не одета?

— Только не вздумай шляться голый по дому дяди Фреда, — разлепил губы Алан. —

Пожалей старика.

— Ты запарил... Сколько можно мне это повторять, — Шелли густо покраснела.

Алан улыбнулся. У его сестрёнки с младых ногтей появилась одна весьма специфическая и противоречивая привычка. Шелли обожала ходить по дому в неглиже. Понятно, что она не стеснялась мамы, но бывало, что она дефилировала в лучшем случае в одних трусиках под носом у отца с Аланом! И если Гарольд, вечно занятый биржевыми новостями или работой в кабинете, не обращал на поведение дочери никакого внимания (для него Шелли всегда была и, видимо, навсегда останется маленькой девочкой), то Алан... Алан молча плевался и стыдливо отворачивался в сторону. Несколько раз он устраивал Шейле нагоняй, но все его усилия пропадали втуне. Шелли морщила носик, невинно хлопала ресничками и заявляла, что он старый зануда и ханжа.

— У тебя шестьдесят минут на сборы, — Алан засёк время на наручных часах. — И не нагружай чрезмерно свою сумочку. У меня не железная спина.

В закрывшуюся за Аланом дверь в жесте отчаянного бессилия ударился плюшевый тигрёнок. Шелли обиженно запыхтела расстроенным паровозом. Опасения Алана не были беспочвенны. Он подозревал, что все разбросанные по кровати шмотки сестрёнка возьмёт с собой. Ну что тут поделаешь!

Спустя полтора часа, которые Алан потратил с немалой пользой, выпив четыре чашки кофе, крутого, как битум (мама всегда с ужасом наблюдала за тем, как он пьёт кофе, сама она с Шейлой и отцом плотно сидели на чаях без сахара, по разным, правда причинам), в холл спустилась залитая нежным румянцем Шелли. На ней красовались чёрные полусапожки, белые джинсы, белый шерстяной свитер ниже бёдер, моднячий синий плащ, синие перчатки и серый шарф. На голове серая шапочка, в ушах — золотые серьги с маленькими топазами, шею, помимо шарфика, обхватывали большие стереонаушники вызывающего розового цвета. Шелли была известной меломанкой. Она скромненько потупила подведённые тушью, отчего казались невероятно огромными, глазки, и сказала:

— Не прошло и полгода!

Из кухни выглянула мама и, встретившись с жаждущим убийства взглядом Алана, обречённо развела руками. Шелли быстро юркнула на кухню, под защиту любящих маминых крылышек, обронив на ходу:

— Алан, пожалуйста, принести из спальни мои вещи. Мне одной не под силу!

— Интересно, чем же это таким тяжёлым ты загрузилась? — пробурчал Алан, поднимаясь по ступенькам. — Трусиков, небось, целый мешок...

— Я всё слышу! — высунувшись из кухни, Шелли показала брату язык. — Тебе бы тоже не помешало обзавестись лишней парой.

Взявшись за дорожную сумку сестры, Алан подивился её немалому весу и усмехнулся. Не мудрено, что Шелли спасовала. Алан заметил, что один из клапанов сумки не застёгнут и потянул за язычок молнии, закрывая кармашек. Он справедливо рассудил, что Шелли не понравится, если из сумки в самый неожиданный момент выпадет упаковка гигиенических прокладок. Выходя из спальни девушки, Алан улыбнулся, вспоминая те давние дни, когда у сестрёнки начались первые месячные.

Шелли было двенадцать лет. Вполне обычный возраст для первой девчоночьей менструации. Конечно, Шелли была готова, что с ней в любой день может случиться ЭТО, постепенно превращающее её из ребёнка во взрослую девушку. Но как бы она не готовилась, в их доме тогда начался фирменный переполох. Растроганная мама с мокрыми от слёз

глазами едва не исполняла шаманские танцы вокруг своей ненаглядной девочки. Отец ходил на цыпочках, стараясь быть ниже травы, тише воды, Алан был на подхвате... В общем и целом, Шелли переносила критические дни на удивление стойко, жалуясь лишь на ноющие, но вполне терпимые боли в пояснице и в меньшей степени в низу живота. Она пила «нурофен» и делала вид, что ничего чрезвычайного не происходит. Сестра отличалась терпимостью и упорством. Поначалу регулярно возникали комичные ситуации. Шелли часто забывала об ЭТИХ днях и, бывало, прибегала из школы домой, потому что забыла прокладки, а взять в школьной аптеке стеснялась. И, если отец был дома, он недоумённо спрашивал у дочери, что стряслось, а мама, всё поняв, отвечивала мужу подзатыльник и говорила, что не обязательно об этом кричать на весь дом... Гарольд сконфуженно умолкал и больше не задавал подобных вопросов, пока не наступал следующий раз.

Алан медленно брёл по коридору, направляясь к лестнице. Много воды утекло с тех пор. Шелли изменилась, здорово повзрослела, а он... Он тоже изменился. Но по-другому.

Глава 4

Дом Фредерика де Феса привлекал к себе внимание ещё издали. Он стоял на отшибе в северной части Хеллвила в самом конце улицы. Дальше были акры голой земли, которая летом покрывалась густым зелёным ковром, простираясь на многие сотни метров, заканчиваясь у кромки тонущего в сизой дымке леса. Дом возвышался на три этажа, считая подвальное помещение, и, казалось, зорко следит за окрестностями. Этаким вечный часовой. Каменный, монолитный, увитый плющом и крытый замшелой черепицей. Родовое гнездо де Фесов, чьи предки некогда иммигрировали в штаты из Франции, было очень старым. Но ни время, ни непогода не сокрушили древний домище. Из всех городских зданий особняк де Фесов справедливо носил почётное звание самого старого. Несомненно, были и другие дома, вполне способные поспорить возрастом с этим колоссом... Но именно, что БЫЛИ. И пали в бессильной борьбе с убийцей всего живого и неживого — временем.

Особняк по всему периметру окружала высокая кованая ограда с заострёнными пиками по верху. Во внутреннем дворе в изобилии росли плодовые деревья, меж которыми петляла усыпанная гравием дорожка, ведущая к внушительным двустворчатым дверям особняка. Дом внушал уважение своим видом, напоминая замок в миниатюре, безмолвного пришельца из давних времён, помнящего и гражданскую войну и великую депрессию... У некоторых он вызывал страх. И вполне справедливо. По сути, дом являлся великолепной натуральной декорацией к высокобюджетному фильму ужасов. Вся окрестная детвора в глубине души была уверена, что раньше в этом доме жил не иначе, как граф Дракула собственной румынской персоной. А то и целое сонмище заунывных злых духов, чьи помыслы простирались до нешуточного желания запугать до смерти любого, кто рискнёт приблизиться к старинным стенам...

И возможно, что за громадным каменным исполином навечно закрепилась бы дурная слава, не обоснованная ничем, кроме дурацких слухов, помноженных на сурово-угрожающий облик самого дома, если бы не одно но. Не сами де Фесы. Не углубляясь в чрезмерно далёкое прошлое, остановимся на последнем и единственном отпрыске старинной фамилии, нынешнем законном владельце поместья. На Фредерике де Фесе.

Старика Фреда знал весь Хеллвил. В принципе, что в этом удивительного, верно? Особенно в таком маленьком городке? Но, даже будь Хеллвил по площади и населению равен Нью-Орлеану или Чикаго, ничего бы не изменилось. Фредерик был знаковой фигурой

в истории городка. И дело даже не в том, что не стеснённый в средствах, весьма состоятельный и зажиточный Фред принимал самое непосредственное участие в жизни города, исправно пополняя городскую казну, и называл мэра по имени, нет. Сама личность Фредерика как человека обращала и привлекала к себе внимание в первую очередь.

Фредерик был сильным неординарным мужчиной. Энергичный, волевой, с искромётным чувством юмора, живой и подвижный. Романтик и мечтатель, до гроба преданный друзьям и влюблённый как мальчишка в свою жену, Урсулу, даже разменяв шестой десяток. Фред никогда не унывал, никто не видел его разбитым, грустным или чем-то озабоченным. Любую неприятность он старался обернуть в шутку и никогда не отступал перед трудностями. Харизматик и эксцентрик, он шёл по жизни с девизом «не упускай свой шанс». Фредерика обременяла только одна слабость, перед которой он всегда пасовал. Его хобби. Де Фес всё время что-то мастерил.

Подвальный этаж особняка давно превратился в оснащённую по последнему слову техники мастерскую. А у самого Фреда руки явно росли из плеч, а не оттуда, откуда берут начало корявые грабли многих неумех. Старина Фред мог починить любую вещь или сделать взамен новую. Два высших технических образования и недюжинный врождённый талант давали в итоге зачастую поразительные результаты. Фред часто смеялся, что в его лице наука потеряла второго Леонардо да Винчи. Урсула ворчала, что токарные станки и паяльники заменяют ему тепло супружеской постели, на что Фред невозмутимо отвечал, что непременно сделает шикарный подогрев их огромной двуспальной кровати, как только закончит очередную поделку. Оба при этом смеялись и смотрели друг на друга влюблёнными глазами...

Запатентуй Фред хотя бы некоторые из своих оригинальных разработок, и его состояние увеличилось бы в геометрической прогрессии. Но он не уставал повторять, что его хобби — это только хобби. Не больше и не меньше. И что всё, что он мастерит, он делает для себя, родных и друзей. Больше всего Фред ненавидел шумиху и всеми силами избегал огласки и слухов. Видеть свою фамилию в первых списках научных таблоидов было самым последним, что он мог пожелать. Слава и деньги? Нет уж, увольте! Это не про него.

Фред просто обожал детей. Многие жители города выросли едва ли не у него на руках. И стали впоследствии хорошими и порядочными людьми. Энди, Волт, Дейзи... А в родных племянниках Фред вовсе души не чаял. Он любил Алана и Шейлу как своих детей, не делая меж ними никаких различий. И неоднократно ругался с Гарольдом по поводу младшего Блейза. Фредерик всегда вставал на защиту Алана разъярённым львом. Он говорил, что будь у него собственные дети, он бы не вёл себя как распоследняя задница... К сожалению, он был бесплоден. Фред потратил кучу денег в тщетной надежде победить этот недуг. Но лучшие врачи и клиники оставались бессильны. Урсула страдала не меньше супруга, и всё время упрашивала Фреда взять ребёнка из детдома. Но Фреду хотелось СВОЕГО. А потом.. Потом Фред говорил, что не хочет умереть от старости прежде, чем поставит ребёнка на ноги. Время ушло безвозвратно.

Но в конце концов Урсула уломала его. Не обязательно усыновлять младенца, ведь есть несчётное количество несчастных детей в возрасте и десяти, и двенадцати лет, которые мечтают о маме с папой, о нормальной семье, где их будут любить, невзирая на то, сколько им лет! Фредерик сдался. Ведь он любил свою жену. И, чёрт возьми, он уже любил их будущего ребёнка!

Но, как известно, хочешь рассмешить бога — расскажи ему о своих планах. Их мечтам

не суждено было сбыться.

Брат с сестрой прибыли в Хеллвил под вечер. Когда они сошли на единственной городской автобусной остановке, неестественно красное солнце катилось к закату, угрожающим глазом разозлённого циклопа подмигивая в прорехах туч. Дождь давно перестал, но сырость и настойчиво проникающий под одежду холод никуда не исчезли. Шейла поправила на голове шапочку и вопросительно посмотрела на брата, непроизвольно поёживаясь. Алан возвышался невозмутимой статуей, не выказывая никаких признаков беспокойства.

Они таки опоздали на первый автобус, и виной тому была, разумеется, Шейла. Алан не стал в десятый раз напоминать сестре, что она копуша, каких ещё поискать, и спокойно купил билеты на послеобеденный рейс. Он в принципе ожидал такого расклада. Шейла, уловив в обвинительном молчании Алана несколько невысказанных раздражённых мыслей, обиженно надулась. Она всю дорогу демонстративно закатывала огромные синие глаза и не разговаривала с Аланом, предпочитая слушать плеер, натянув на слегка оттопыренные уши излюбленные розовые наушники и перебрасываясь смсками с Моникой. С Алана было как с гуся вода. Он загадочно улыбался и то и дело подталкивал сестрёнку в бок острым локтем, начистую игнорируя её возмущённое шипение.

— Я как представлю, СКОЛЬКО времени нам придётся идти к дому дяди Фреда, таи прямо оторопь берёт, — неловко призналась Шелли, прерывая затянувшееся молчание.

— Часа полтора точно, — согласился с опасениями младшей сестрёнки Алан, забрасывая за спину сумку с рюкзаком. — Дойдём, не переживай. Главное, чтобы опять дождь не хлынул. Судя по лужам, здесь поливало как из ведра.

— Ага... А мы зонтики то и забыли.

— Пошли, недотрога. Может, нам повезет, и встретим кого-нибудь из знакомых, кто согласится подбросить нас в конец города.

— Было бы неплохо, — мечтательно протянула Шелли, запахивая полы плаща. — Как-то не больно хочется тащиться по такой гнусной погоде, в темноте, на холоде, за тридевять земель... Ну почему в Хеллвиле нет маршруток, а? И почему дядя Фред не живёт где-нибудь поближе, в центре города, например?

— Раньше, много лет назад, центр как раз и был там, где нынче городские окраины, — блеснул историко-географическими познаниями Алан, ступая на тротуар.

— Это ничего не меняет для нас, — проворчала Шейла, пристраиваясь рядом с братом. Было трудной задачей приноровиться к его быстрому размашистому шагу, но она справлялась. Как всегда. Им было не впервой вместе наматывать километры пешего пути.

Несколько минут они шли, не разговаривая и никого не встречая. Час был поздним, особенно для маленького провинциального городка, да и надвигающаяся из-за гор зима диктовала свои условия. Темнело рано. В домах давно горел свет, а за зашторенными окнами угадывались силуэты местных жителей. Кто ужинал, кто праздно смотрел телевизор, кто готовился ко сну... Насколько знал Алан, население Хеллвила не дотягивало и до двух тысяч человек. Практически все дома в городе были одно и двухэтажными, многие очень старыми. Из всех развлечений лишь знаменитый бар «Внутри на ногах — обратно на руках», где неограниченно властвовал Грэм Лоулес. Что ещё? Ну, школа, конечно. Трудно назвать учебное заведение развлекательным, но зато там каждую субботу устраивалась дискотека для старшеклассников и всех желающих.

Ещё в Хеллвиле из заслуживающих упоминания пунктов имелись больница, полицейский участок, похоронная контора, обязательная церковь, лесопилка, большой универмаг, пекарня, мэрия и аптека. Для небольшого города вполне достаточно, чтобы занять трудоспособное население. Несколько местных фермеров исправно снабжали Хеллвил зерном и овощами. Однако город так и не разросся до более впечатляющих размеров. Подрастающую молодёжь всё больше и больше манили гораздо более перспективные и карьерные мегаполисы. Многие уезжали из Хеллвила, чтобы начать новую жизнь вдали от провинциальной тиши, в грохоте автострад и сиянии миллионов огней, в вечной суете и гари выхлопных газов тысяч и тысяч машин...

А Алану нравился Хеллвил. Именно тем, что он был полной противоположностью нескончаемой беготне и шуму большого города. И здесь никто не считал его странным. Шелли не разделяла мнение брата. Она была типичной городской девочкой, что выразалось абсолютно во всём, но... Но и она любила гостить в Хеллвиле. За свою недолгую жизнь Шелли успела побывать во многих уголках мира. Гарольд Блейз часто отправлялся в заграничные поездки и всегда старался брать с собой семью, если командировка затягивалась. Так Шелли была в Мексике, Канаде, Англии, Франции, Японии... В её комнате скопилось немереное количество сувениров, привезённых из других стран, а жёсткий диск компьютера ощутимо разбух от сотен мегабайт фотоснимков. Но... Хеллвил всегда вызывал в ней некое особое чувство. Чувство едва уловимой близости и родства с этим удалённым от сокрушающего натиска цивилизации городком.

— Ты возьмёшь меня за руку? — Шейла стянула перчатку и покосилась на брата. Уже стемнело и тусклого света уличных фонарей едва хватало, чтобы судорожным мерцанием разгонять сгущающуюся тьму.

Алан подтянул ремень рюкзака и нащупал холодные пальчики сестры, крепко сжимая ладонь. Шейла не боялась темноты, и отличалось немалой храбростью, и её желание взяться за руки было продиктовано отнюдь не страхом. Да и не было в Хеллвиле по сути своей ничего такого, что грозило бы обернуться нешуточной опасностью. Банды воинствующих хулиганов, своры голодных озлобленных собак, грязные вонючие закоулки, набитые бомжами... Нет, это всё «прелести» больших городов, ни имеющие к Хеллвилу никакого отношения. Хотя, чего уж там скрывать, и в Хеллвиле можно было нарваться на неприятности. Особенно если не знаком с местными, бытующими долгие годы порядками. Невежественных приезжих нигде не любят. Особенно там, где нездешнее происхождение гостей так и бросается в глаза. Случалось, что Алану приходилось несколько раз пускать в ход кулаки в этом радушном и спокойном городке. Сначала в детстве, отстаивая свои права, и гораздо позже, защищая честь сестрёнки. Алан, в отличие от подавляющего числа сверстников очень трепетно относился к таким, ставшими в современном мире почти что эфемерными понятиям, как честь и достоинство. И для него слово «честь» было не пустым звуком. Скоро это уяснили все и к ним перестали цепляться, окончательно приняв за «своих». Шелли подозревала, что многие просто стали бояться их. Точнее, её странного брата. Но привычки часто оказываются сильнее разума, и Шелли иногда любила ходить с братом, держась за руки. Ей становилось гораздо спокойнее и теплей на душе. Это были отголоски из недавнего детства...

— А помнишь, как на тебя летом набросилась какая-то облезлая собаченция? — Алан перешёл на другую сторону пустой и тёмной улицы, увлекая за собой сестру. — Она выскочила из какой-то подворотни и чуть не ухватила тебя за ногу!

— Ещё бы не помнить! — тихо рассмеялась Шелли. — Я тогда чуть не уписалась от страха! А ты так её подфутболил, что глупая дворняга улетела как ракета. Где это было, кстати?

— Возле школы. Ты захотела пойти на дискотеку. А потом ещё выяснилось, что эта собака принадлежит дочери мэра!

— Ага! — Шейла в возбуждении замахала рукой, заставляя Алана совершать идентичные движения. — Эта дура так разоралась, словно собиралась родить на месте. А потом побежала жаловаться своему ухажеру, и он набросился на тебя...

Шелли замолчала, сильнее сжимая руку, чувствуя, как нагреваются длинные твёрдые пальцы брата. Она понимала, что в большинство неприятностей Алан попадает именно из-за неё. И так было всегда. Порой ей становилось очень стыдно, хотя она и знала, что Алан ни в чём её не обвиняет и никогда не посмеет этого сделать.

— Было дело, — пожал плечами Алан, не сбавляя хода. — Стив неплохой парень, только больно уж вспыльчивый и горячий.

— Это точно, — шмыгнула носом девушка. — Ты его так отделал, что... Скажи, а тебя когда-нибудь били?

Алан удостоил сестру слегка удивлённым (это как раз в его духе, поморщилась Шейла) взглядом и сказал:

— Да. И не раз.

Шейла закусила губку. Алан никогда об этом не рассказывал. Мама говорила, что в детстве, когда она была совсем махонькой, её драчливый братец частенько ходил с синяками. Может, Алан имеет в виду то время? Но что-то подсказывало девушке, что Алан говорил о временах не столь отдалённых. Она задрала голову к чёрному небу — ни звёздочки, только бескрайний саван тёмных как сама ночь туч. Алан прав, подумала Шейла, я ещё та понтовщица. Ну что мне мешало чуть быстрее шевелить попой? Глядишь, уже давно сидели бы у дяди Фреда в гостиной перед тёплым камином, и пили вечерний чай, болтая о том, о сём... Она тяжело вздохнула. Сомнительно, что при нынешних обстоятельствах беседа носила бы лёгкий, непринуждённый характер. С ними больше никогда не будет тёти Урсулы...

Они шли через ночной город, вдыхая прохладный бодрящий воздух и слушая зыбко дрожащую тишину. Лёгкий ветерок обдувал их лица, усилившаяся с наступлением сумерек промозглая сырость настырно оккупировала ещё не успевшие напитаться влагой части одежды. Пользуясь моментом, Шейла отзвонилась домой и отпраповала маме, что они добрались без происшествий, не считая задержанного по невыясненным причинам рейса (тут она умоляюще захлопала ресницами, вызывая у Алана вынужденный утвердительный кивок) и наказала получше присматривать за Ральфом, не забывать кормить черепаху его любимыми корешками. Алан беспомощно закатил глаза...

Алан услышал гул автомобильного движка прежде, чем сумерки озарились светом ярких фар. Напротив них затормозил окрашенный в чёрно-белый цвет «форд» с выключенной полицейской мигалкой на крыше. Они остановились. Шелли торопливо вырвала из руки брата ладошку и приняла самый независимый вид из всех возможных.

Со стороны водителя опустилось стекло и в окошко выглянул никто иной, как Энди Тёрнер, широко улыбаясь от уха до уха.

— Эй, странники в ночи, не заплутали, часом?

— Есть маленько, — Алан наклонился к окошку и пожал протянутую руку. — Привет,

Энди, как жизнь?

— Бьёт ключом, — шериф положил локти на руль. — Вот уж кого не ожидал увидеть на ночных улицах города, так это вас!

— Борьба с организованной преступностью идёт успешно? — к машине приблизилась Шейла. — Сколько ещё мафиозных синдикатов вы раскрыли, шериф?

— Я тоже рад тебя видеть, Шелли, — невозмутимо сказал Энди, подмигивая скривившемуся Алану. — Растёшь не по дням, а по часам. Как тебе удаётся?

— Меня мама часто поливает, — засмеялась девушка. — Я тоже рада видеть тебя, Энди. Подбросишь?

Алан схватил сестру за ухо и извиняюще сказал:

— Сестрёнка, возможно у шерифа имеются свои личные планы, в которые мы не входим. И ему не досуг подрабатывать вдобавок ко всему ещё и таксистом.

— Да всё в порядке, — Тёрнер открыл заднюю дверь. — Залазьте. Я даже не буду спрашивать, куда вы направляетесь. На машине к дому вашего дяди всего минут пятнадцать ходу!

Алан пропустил вперёд себя Шейлу, забрался сам и хлопнул дверью.

— Погнали, — Энди тронул машину с места, включая ближний свет.

В полицейской машине было тепло, сухо и, как ни странно, уютно. Возможно, будь они на месте задержанных, и ощущения были бы иными. Шелли стянула шапочку и тряхнула гривой роскошных чёрных волос. Встретившись в зеркальце заднего вида с внимательными голубыми глазами шерифа, она кокетливо сказала:

— Энди, ты сейчас представил меня в цепях и наручниках?

— Что? — Энди покраснел и сделал вид, что целиком сосредоточен на дороге. — Я... Просто хотел узнать, удобно ли вы расположились...

Алан исподтишка показал сестре кулак. Шелли обожала острить и никогда не упускала случая вонзить в первого попавшегося шпильку другую.

— Патрулируешь? — полуутвердительно спросил Алан, не давая сестре вставить и слова.

— Да... Ты же знаешь, я регулярно это делаю, — Энди не отрывался от лобового стекла. — На всякий случай. Не люблю неожиданных сюрпризов.

— Если бы все в мире были такими сознательными, как ты, мы бы жили в другом мире, — изрёк Алан без тени издёвки. Он уважал Тёрнера. За его принципы, убеждения наивное стремление сделать жизнь лучше. Ха, побольше бы таких наивных, глядишь, и вправду...

— Ты давно видел дядю Фреда? — Шелли вертела в руках широкополую шерифскую шляпу с высокой тульей, на которую она чуть не уселась.

— Да где-то пару дней назад мы сталкивались с ним у магазина, — Энди повёл затынутыми в форменную куртку плечами. — Поболтали немножко... Старик сказал, что ждёт вас со дня на день в гости.

— Ага! Вот видишь, а ты говорил, что встреча с нами явилась для тебя полной неожиданностью!

— Не подначивай, Шелли, — Тёрнер свернул на другую улицу. — Если честно, то мне показалось, что со дня похорон Фред здорово сдал...

— Что с дядей? Он не заболел? — Шейла озабоченно переглянулась с Аланом. — Только этого ещё не хватало!

— Да нет, я не о том. Ну вы же знаете, какой он был то этого! Не человек, а кипящий вулкан... Но теперь... Теперь этот вулкан потух.

— Я не знаю, чтобы стало со мной, если бы я в одночасье потерял самого любимого на свете человека, — сказал Алан, глядя в окно на проплывающие за стеклом дома, поддёрнутые завесью сумерек.

— Это точно, — мрачно подытожил шериф.

Шейла подавленно молчала, не зная, куда деть наманекюренные пальцы. Она не представляла дядю другим. Ещё на похоронах он выглядел надломанным. А что, если он сломался?

— Вот и приехали, ребята. Не надо слов благодарности, торжественных речей и горячих поцелуев.

— Не дождёшься, — вздёрнула носик Шелли, выпрыгивая из остановившейся машины. — Поцелуйи ему подавай...

— Спасибо, Энди, — Алан ещё раз пожал руку шерифа. — Не зайдёшь?

— Да нет, Алан, — Тёрнер поднял на юношу сочувствующие глаза. — Я понимаю, что сейчас я буду абсолютно не к месту. Может, как-нибудь в следующий раз... Да и пора мне.

— Настаивать не буду, — понимающе улыбнулся Алан. — Ну, ещё встретимся. Мы у вас до конца школьных каникул пробудем.

— Ясно... Ладно, бывайте, ребята. Я помчался.

Шериф развернул машину и рванул прочь. Алан проводил скрывшийся в ночи «форд» задумчивым взглядом и сказал:

— Он хороший человек, этот Энди.

— Ну да, — Шелли, поёжившись, затянула потуже шарфик и добавила. — И очень красивый.

Алан удивлённо посмотрел на неё.

Они сидели в гостиной подле жаркого камина в удобных, низких креслах и, растягивая удовольствие, пили чай. Яркие игривые отблески огня озаряли лица, бросая на фигуры пьющих загадочно трепещущие тени. Треск сгораемых дров наполнял просторную, погружённую в полумрак комнату, почти что осязаемым комфортом. Фредерик де Фес, помешивая серебряной ложечкой в изящной чашке китайского фарфора, из-под густых бровей неотрывно наблюдал за молодыми людьми. С сухих губ старика не исчезала тёплая улыбка, в серых глазах иногда вспыхивали искорки былого веселья.

И невооружённым взглядом было видно, что Фред чертовски рад их видеть и наслаждается каждой минутой присутствия в его доме любимых племянников. Они много смеялись, шутили, вспоминали прошлые встречи... По негласному договору говорили только о хорошем и приятном, избегая печальных и грустных тем. Фред не просил об этом специально, но Алан с Шейлой многие вещи понимали без слов. Чай у дяди Фреда был как всегда замечательным, плюшки вкусными и сдобными, дом гостеприимным, и посему беседа велась легко и непринуждённо. Словно и не случилось ничего. Будто рядом с ними незримым и неслышимым силуэтом находился четвёртый человек. Человек, который прожил в этом доме большую часть не очень долгой, но умиротворённой и счастливой жизни...

Алан поставил пустую чашку на круглый, искусно вырезанный из орехового дерева столик, и потянулся за чайником. Шейла прихлёбывала из чашки мелкими глотками, блаженно откинувшись на спинку кресла, и сладко щурилась, как разомлевшая возле

раскопчегаренной печки кошка. В гостиной практически ощутимо витала атмосфера подлинного домашнего уюта. Алан бросил себе два кусочка сахара и нарвался на критический прищур выразительных синих глаз. Алан про себя усмехнулся: Шелли даже в гостях не позволяла себе сахар. Глупышка никак не могла избавиться от ложного убеждения, что она излишне толстая.

— Кстати, дядя, — Алан отпил глоток горячего ароматного чая. — Не поделишься, чем занимаешься в свободное время? Чем удивишь нас в этот раз?..

— Да! До сих пор не пойму, как у тебя получаются все эти хитрые штучки! — Шейла подалась вперёд. — Тот домик для Ральфа, что ты смастерил прошлым летом — просто отпад! Все, кто у меня бывает, постоянно спрашивают, где я его купила и за какие деньги. Представляешь?

— Настоящее искусство бесценно, — Фред улыбнулся. — Хотя... Да, я могу понять твоих друзей. Встроенный бассейн с принудительной фильтрацией воды и климат-контроль в домике для маленькой черепахи — это... Это круто, не спорю. Я правильно выражаюсь?

— В самое яблочко, дядя Фред, — девушка наставила на пожилого мужчину чайную ложку. — Это очень круто!

— Какая-то безродная черепаха живёт лучше, чем я, — проворчал Алан.

— Да ну тебя, — отмахнулась от брата Шелли. — Дядя, ты бы знал, КАК он боится несчастного жалобного Ральфика! Постоянно оскорбляет его и вечно подозревает во всяких пакостях.

— Не хочешь ли ты сказать, что это не он сжевал мои комнатные тапочки? — возмутился Алан. — Или, может, это сделал кто-то другой?

— Ага. Бугимен.

— Ах, дети, дети... — Фред покачал головой. — Знаете, чего я боялся, когда был в вашем возрасте, больше всего?

— Нет, конечно, — Шелли заинтересованно посмотрела на него. — Ты хочешь признаться в чём-то офигенно стрёмном?

— Кхм, в общем, да... — Фред усмехнулся и потёр гладко выбритый подбородок. — Выражаясь современным языком.

Алан закинул ногу на ногу. Дядя часто признавался в «стрёмных» вещах, не считая ниже своего достоинства обсуждать интимные моменты жизни с подростками.

— Когда я был в вашем возрасте, — повторил Фредерик, замедляя движения ложечки в чашке, — больше всего я боялся, что доживу до своего нынешнего возраста. Я боялся старости. Понимаете? Я не мог представить, что я буду делать, когда мне стукнет пятьдесят или шестьдесят лет! Да что там говорить, каждый новый день рожденья стал для меня очередной репетицией похорон. Я отчётливо сознавал, что с каждым годом я всё ближе и ближе к этой роковой черте... Я ненавижу свои дни рождения.

— Ого... — Шелли остолбенело уставилась на дядю. — Я... Я представляю, насколько это должно быть ужасным. Но... Но это так не похоже на тебя, дядя Фред! Мы же знаем тебя всю жизнь, и любой, подчеркну, любой твой день рожденья всегда был большим праздником.

— Верно. Просто в моей жизни вскоре произошло одно событие, которое изменило все мои представления и принципы.

— Какое событие?

Алан допил чай и укоризненно посмотрел на сестру. Он-то сразу догадался, что к

чему...

— Я встретил вашу тётю. Урсулу. — Фредерик положил ложечку на блюдце и устремил взор увлажнившихся глаз во чрево полыхающего неукротимым огнём камина. — Никогда не упускайте свой шанс, дети. Никогда.

Шелли молчала, зачарованная этими такими простыми, но вместе с тем невероятно важными и проникновенными словами. Как часто она думала над чем-то подобным, задаваясь вопросами о состоятельности и целесообразности собственных мыслей. Как узнать? Как понять? Как не упустить свой шанс? Где он может быть? И кем? Кто он, её принц?..

— Что-то я не слышу несносного писка твоего телефона, — откашлялся Алан. — Обычно он трезвонит, не переставая, разве что до красна не раскаляется.

— Я выключила его, чтобы нам никто не мешал, — девушка поднялась с кресла, подошла к Фредерику, и присев на подлокотник, нежно обняла дядю, трогательно прижавшись к нему. — Дядя Фред, я обещаю, что постараюсь не упустить СВОЙ шанс Честно. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, — Алан ободряюще сжал дядино плечо. — Мы тебя не бросим.

— Ловлю на слове, — Фредерик смахнул выступившие из глаз слёзы. — Вы всё, что у меня осталось.

После ужина и чая дядя Фред пожелал племянникам спокойной ночи, и сам отправился на боковую. С давних пор у каждого из них в доме старого де Феса имелось по собственной спальне на втором этаже, от дверей которых у них были ключи. И Фред никогда не ломился в запертые двери, даже в своём фамильном особняке. Он уважал права на личную жизнь и на неприкосновенность пусть и ограниченной, но частной собственности. Тем более что дело касалось его любимых племянников... Сам Фредерик спал на первом этаже. Их с Урсулой спальня располагалась напротив рабочего кабинета Фреда.

Шейла быстро и сноровисто задёрнула шторы на большом аркообразном окне, прикрутила свет люстры до мягкого таинственного полумрака, провернула в замке входной двери ключ, и занялась ревизией своих вещей, с головой закопавшись в сумку. Развесив большую часть одежды на вешалках в древнем платяном шкафу, девушка с радостным писком, с разгону нырнула на огромную двуспальную кровать, увенчанную старинным балдахинном (она давно мечтала о таком же, и всюю трезвонила об этом по поводу и без, намекая родителям, ЧТО она хотела бы на рождество). Раскинув руки, Шелли с наслаждением пошевелила кончиками пальцев ног. Кровать была чертовски мягкой и удобной, воздушной. Казалось, что ты тонешь в ней, что она затягивает тебя в царство сна, приглашает окунуться в сладкий омут дремоты...

Но хватит безвольно валяться и разнеживаться, подумала девочка, пора и готовиться баиньки. Для Шейлы эта процедура являлась настоящим священнодействием, без дураков. Она разделась, бережно развесила на высокой кровати спинке майку, кофточку, колготки, шорты, и с чувством выполненного долга отправилась в смежную со спальней ванную комнату. Наскоро ополоснувшись и досуха вытершись огромным махровым полотенцем, Шелли натёрла лицо ночным кремом, накинула ночную рубашку сиреневого цвета, заканчивающуюся на уровне бёдер, и выключила свет. Комната погрузилась во тьму. Шелли, чертыхнувшись, на ощупь пробралась к окну и раздвинула шторы. В спальню робко проник

ночной сумрак, принеся с собой серебристые блики тусклой одинокой ущербной луны, проглядывающей в разрывах чёрных туч. Шелли запрыгнула в постель и зарылась в подушках и одеяле, сооружая себе берлогу. Высунув наружу нос, девочка затихла. Она забыла взять с собой в кровать сотовый телефон, но он остался лежать выключенным на тумбочке зеркального трюмо. А ей уже не хотелось вставать. Старинные настенные часы, показывали подсвеченными фосфором стрелками двенадцать часов ночи. Шелли подтянула коленки к груди. Подумать только, как быстро бежит время. Нет, ей определённо уже не хочется вставать, по крайней мере до утра. Ничего с телефоном не произойдёт. Она ещё успеет поболтать с Моникой. А сейчас она так устала... И ей так хочется спать...

Её глаза сами собой закрылись, и Шелли не заметила, как заснула.

Алан лежал, утопая в перине, и никак не мог заснуть. Может, виной тому была излишне мягкая и воздушная постель, может ещё что, но как бы там ни было на самом деле, сон не спешил идти к нему. Юноша долго ворочался и умащивался, подминая подушки и то накрываясь, то раскрываясь; пытался считать овец, вспоминал все известные стишки, но всё без толку. Вконец обессилив в борьбе с бессонницей, он повернулся на бок, подложил под щеку ладонь и замер. Длинные волосы упали ему на лицо, заслоня обзор. Впрочем, Алан и не стремился что-либо рассматривать. Он наглухо задёрнул шторы и выключил свет, имитируя кремешно-чернильную обстановку своей комнаты в Детройте. Так ему было привычнее и спокойней.

Вообще-то Алан не страдал нарушениями сна и прочей белибердой: он мог заснуть где угодно и на чём угодно. И одолевшая его бессонница была для него в новинку. Юноша широко зевнул, прикидывая в уме, не заболел ли он ненароком какой гадостью? И тут же закутанная в ночную тишину комната наполнилась негромким смехом. Алану стало смешно. Он никогда ни болел. Тут, по всей видимости, собака зарыта совсем в другом месте. Найти бы только, где?

А дядя Фред действительно сдал... И гораздо больше, чем хочет показать. Вроде и улыбается, и смеётся над шутками и беседу поддерживает, а всё ж видно, КАК он страдает в глубине души. И это очень тяжело спрятать, подчас невозможно. И не нужно. Если всё время таить в себе скорбь и тоску, боль и слёзы, то это чревато. Не каждый человек способен выдержать подобный груз. Он может упасть на тебя, придавить, растоптать, уничтожить. Душа может не справиться с раздирающими её на части чувствами, и сама разорвётся. Сердце переполнится до краёв болью и грустью и захлебнётся от слёз. И остановится... А накотившее следом безумие выжжет черепную коробку дотла, ни оставив ничего. И человек умрёт.

Такова суровая горькая правда жизни. Алан кисло усмехнулся. Вот-вот, это как раз про него тоже. Пусть он никогда не болел физически, поскольку (что есть, то есть) был здоров, как лось, но уже давно сошёл с ума. Или был близок к этому. Или к чему-то в этом роде. Почему психов называют душевнобольными? Название болезни подразумевает причину. Но позвольте, болеть душой и клинить на голову это две совершенно разные вещи! Однако в обоих случаях вас заклеят сумасшедшим. Но ведь в одном из случаев вы будете здоровы. Иначе всем, кто влюблён, кто страдает от потери близких, кто терзается творческими муками можно смело выписывать путёвку в жёлтый дом. Вот так то. Алан запутался только в одном. Он никак не мог решить, какой из диагнозов подходит ему больше. Что с ним? Кто он — просто странный чудной парень, или же опасный неуравновешенный психопат? Что у

него болит — голова или сердце? Душа?..

Алана утешало, что всамделешные шизики никогда не признают себя клиническими полудурками, и не терзаются моральными вопросами о собственной невменяемости. Каждый сумасшедший гранитно уверен, уж он-то точно вполне здоров, просто весь остальной мир сошёл с ума и поэтому никто не понимает его. Никто не видит его уникальности и гениальности. Все психи.

Алан невесело улыбнулся. Если бы отец гордился им... Конечно, Алан давно вышел из того возраста, когда маленькие мальчики с затаённой надеждой заглядывают в строгие отцовские глаза, желая увидеть в них молчаливое одобрение и гордость за своё родимое чадо. «Да, сынок, ты молодец. Я горжусь тобой. Ты напоминаешь меня самого в твоих годах». Ну и так далее в том же духе. Но и маленьким мальчиком он никогда не видел в глазах Гарольда Блейза ничего похожего на эти простые и тёплые чувства. Чувства, проявления которых так страстно мечтают прочесть в глазах отцов мальчишки по всему миру. И многим это удаётся. Но не всем. Алан был в группе редких неудачников. И раньше не злоупотребляющий по отношению к сыну тёплыми родительскими эмоциями, отец словно перестал замечать его. И юноша знал, когда именно это произошло. Это случилось, когда родилась Шелли. Так получилось, что появление в их доме этого пульсирующего неистощимой энергией розового комочка, призванного нести свет и радость, на деле внесло в и так не слишком тесные отношения отца с сыном окончательный раскол.

Будучи далеко неглупым и чутким ребёнком, Алан буквально с первых дней понял, что отдаляется от отца всё дальше и дальше. Дальше настолько, насколько это вообще возможно между родными людьми, когда в итоге их разделяет такая широкая и глубокая пропасть, что с обрыва оной уже и не видно толком этого самого родства. В девятости девяти случаев из ста любой несчастный мальчик, оказавшийся на месте Алана, обозлился бы на весь мир, и на новоявленную сестру в частности, копя в душе первозданную детскую ненависть и затаённую агрессию... Но Алан был странным. Уже тогда. Вместо злобы и ненависти он возлюбил свою маленькую беззащитную сестрёнку больше, чем можно себе представить для мальчика его лет. Он растворил все окружившие его сердце и готовые вонзить в него клыки, когти, жала, зубы и шипы чёрные, распухающие от негатива чувства в потоке ничем незамутнённой любви. Любви к Шелли.

Возможно, именно тогда и началось его безумие.

Глава 5

— О, доктор Харрис! — Кейт несколько озадаченно уставилась на Уолтера, появившегося на пороге полицейского участка в половине десятого утра. — Проходите, пожалуйста. Что же вы в дверях-то застыли?

Главный врач городской поликлиники тщательно вытер ноги о коврик и прошёл на середину приёмной комнаты. Не снимая пальто, Харрис уселся в одно из двух свободных кресел, стараясь не замечать заблестевших от нескрываемого любопытства глаз симпатичной стенографистки. Выглядывая из-за монитора компьютера, Кейт отважилась спросить:

— Вам назначено, доктор Харрис?..

Сложив свои красивые холеные руки на животе, Уолтер не сдержал улыбки. Почему-то (он сам не знал точной причины, и подозревал, что Кейт тоже) мисс Хорошенькая Мордашка побаивалась его. Чем-то он внушал девушке неподдельный трепет.

— Да, да Кейт. Ты можешь спокойно заниматься своими делами и не обращать на меня

никакого внимания. Обещаю, что буду сидеть тихо, как мышка.

Кейт как будто поверила. Но внезапно её пронзила одна догадка и девушка чуть не подпрыгнула на месте.

— Ой, доктор, а ничего не случилось м-м-м.... Из ряда вон выходящего? На Хеллвил не обрушилась эпидемия гриппа или чего похуже? Я должна знать!

Уолтер успокаивающе улыбнулся, всем своим видом выражая уверенность и выдержку.

— Кейт, ну что вы, право слово, как маленькая девочка... Ни о какой эпидемии не идёт и речи. Просто мне необходимо обсудить с шерифом Тёрнером кое-какие личные вопросы.

— А вы не врётё мне? Ну, из соображений национальной безопасности, конечно...

— Не вру. Я не имею привычки врать симпатичным молоденьким девушкам, — Уолтер в упор посмотрел на Кейт, применяя свой самый пронизывающий «рентгеновский» взгляд.

Ошарашенная, Кейт втянула голову в плечи и спряталась за монитором. И уже оттуда робко пропищала:

— Надеюсь, вы не откажетесь от свежесваренного кофе, доктор Харрис?

— Не откажусь, — не стал отнекиваться Уолтер, изучая так называемую «доску почёта», где обычно висят фотографии разыскиваемых преступников. Это в ОБЫЧНЫХ участках, а в благословенном участке Хеллвила на доске висели плакатный календарь, пара красочных коллажей и постер нового фильма. Уолтер как-то раз пошутил по этому поводу и Энди всерьёз обиделся. Он бы всё отдал, только бы променять эту разномастную бумажную аппликацию на заурядную чёрно-белую фотку с небритой рожей какого-нибудь особо опасного типа. Блажен тот, кто верует, подумал Харрис. Энди просто не понимает, с каким удовольствием на его месте оказались бы очень многие и многие копы!

— Подождите минуточку, — Кейт поднялась из-за стола, расправила складки юбки, одёрнула блузку и продефилировала к столику с кофейными принадлежностями. Уолтер с улыбкой наблюдал за плавным покачиванием бёдер стенографистки. Может, стоит почаще награждать её подобными взглядами? Глядишь, и она перестанет таращиться на него как на доктора Менгеле...

— Кстати, мисс Симмонс, а вы не скажете мне, по какому конкретно делу шериф отправился за город? А то, когда мы говорили по телефону, оба ехали в машинах и я, если честно, плохо расслышал, что он сказал... Мне показалось, что...

— Вы не ослышались, доктор, — Кейт одарила его подобием улыбки. — Шериф Тёрнер вместе с этим несносным увальнем Кларком... Ой, знали бы вы, КАК он достал своими бесконечными компьютерными играми! Ой, простите... Так вот, шериф Тёрнер вместе с младшим помощником Кларком поехали за город в цирк.

— Цирк? — Уолтер изумлённо приподнял брови, принимая из рук девушки чашку с горячим ароматным напитком. — Какой ещё цирк?

— А вы что, не видели афиш? Ими заклеена половина Хеллвила! У нас тоже одна есть. Смотрите. Я сама её приклеила. Вообще-то она была раньше на двери, но шерифу не понравилось, и я решила...

Харрис, отхлёбывая из чашки, подошёл к «доске почёта». Хм, действительно... То, что он поначалу принял за рекламный постер нового фильма, оказалось цирковой афишей. «Невозможное — возможно». Ого! Претенциозно. Уолтер внимательно всматривался в плакат. Так-так, знаменитый цирк-шапито под управлением великолепного Рудольфа Старжински будет радовать почтенную публику Хеллвила все осенние школьные каникулы в течение семи дней. Обещаны невероятные акробатические трюки, чудеса магии и иллюзии,

самые весёлые в мире клоуны и потрясающие номера с участием дрессированных животных, а также комната страха, живая кунсткамера (тут Уолтер поневоле профессионально заинтересовался) и множество конкурсов с последующей раздачей призов и подарков.

— Ну что ж, будет нашим детишкам развлечение, — вынес вердикт Харрис, допивая кофе. — Замечательно варите кофе, мисс Симмонс.

Кейт покрылась нежным румянцем, опустив глазки долу. Уолтер поставил чашку на столик рядом с кофейником, снял пальто и повесил на вешалку в углу.

Опускаясь в кресло, он прокомментировал свои действия:

— Полагаю, ждать мне придётся ещё долго.

— Будьте как дома, доктор Харрис. Шериф и впрямь вернётся нескоро. Чем-то его насторожил этот цирк. Он сказал, что хочет сам лично на месте во всём разобраться.

Кивнув рыжей головой, Уолтер усмехнулся.

— Что-то не так? — Кейт в выжидании застыла на своём месте.

— Что?.. Да нет, всё в порядке, мисс Симмонс. Так, вырвалось...

— О чём это вы? — наострила ушки Кейт.

— Да вот подумал, не начитался ли наш Энди на сон грядущий Рэя Бредбери?

— Бредбери?!

— Вы не читали Бредбери?

Простой вопрос Уолтера явно поставил симпатичную стенографистку в тупик. Кейт вся съёжилась за компьютером.

— Мне больше по душе Даниэла Стилл, доктор...

— Понятно, — не удержался от улыбки Харрис. Совсем он запугал девочку, однако. — Всё, Кейт, я умолкаю и не смею больше вас отвлекать и тревожить. Представьте, что меня нет.

— Можете прилечь на кушетку, доктор, — Кейт стыдливо покраснела. — Я без всякой задней мысли!

— Ну, я думаю, что уж в полицейском-то управлении мне не грозит участь быть изнасилованным озабоченной нимфоманкой-секретаршей!

Уолтер подумал, что здорово и остроумно пошутил, но, наткнувшись на ошарашенное лицо Кейт, что выражалось в дико расширившихся зрачках и безмолвно раскрытом ротике, понял, что перегнул палку. Превратив её в бумеранг.

— Э-э-э, мисс Симмонс, прошу прощения.... Я неудачно э-э-э... выразился, да, — сконфуженно сказал Уолтер, избегая встречаться с ней глазами. — Я просто болван. Право слово.

— Я похожа на нимфоманку? — обалдело переспросила Кейт. — Правда?

— Давайте я налью вам кофе? — вздохнув, предложил Уолтер.

— А ты не заливаешь?

— Да пусть у меня выпадут все зубы!

— Ну... Просто понимаешь, Тони, уж больно твоя история смахивает на выдумку...

— И ничего я не выдумываю, Грег! Я тебе врал когда-нибудь?

— Ну, если повспоминать...

— Да ну тебя! Я-то думал, что ты мой лучший друг, а ты...

— А что я?

— Да ничё... Засранец ты.

Тони обижено надулся и демонстративно уставился в окно. Они сидели вдвоём с Греггом на кровати в комнате Тони, наслаждаясь первым днём первых в жизни каникул. Грег Вудворт был его лучшим другом. По крайней мере, так Тони думал до последнего момента. Ведь, как справедливо рассуждал мальчик, друзья не сомневаются в твоих словах, не высмеивают, а принимают всё как должное. Потому что верят тебе! А без доверия никакая дружба невозможна. Ещё мама ему это говорила... А маме он верил. Потому что любил её. Выходит, без взаимного доверия невозможна и любовь? Получается, любовь эта вовсе не такая, как рассказывал Грег. Тони крепко задумался.

— Значит, ты говоришь, что тебе дал билетик САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ клоун? Из этого цирка? — Грег, долговязый худенький мальчик с россыпью веснушек на подвижном лице и коротко стриженными белесыми волосами, мудро решил пойти на попятную. Как бы там не было, а дружбу он ценил. И понимал её значимость. — И что он как-то узнал твоё имя... И что глаза его каким-то образом поменяли цвет?! Круто...

— Вот именно! — просиял Тони. Он был до чёртиков рад, что Грег всё ж таки не «засранец».

— Очень странно, — Грег вздёрнул тонкий как спичка указательный палец. Тони невольно проследил за его движением. — Ты слышал о цыганах?

— О ком? — Тони откинулся на спинку кровати, сбитый с толку внезапной сменой темы разговора. — При чём тут эти... Как ты сказал? Цыганы?

— А при том, — Грег напустил на себя донельзя загадочный и таинственный вид. — ЦыгаНЕ — это такое древнее кочующее по всей земле племя...

— Ха-ха, ты где такие слова то подслушал?

— Слышь, ну не перебивай, а то я больше ничего не расскажу. И кем после этого будешь ТЫ?

— Всё, всё, молчу, — Тони поспешно закрыл рот обеими ладонями. Его глазёнки возбуждённо сверкали в предвкушении открытия какой-то Важной и Страшной тайны.

— Так вот, — Грег театрально откашлялся. — Цыгане эти путешествуют, значит, везде, где им вздумается, вольные как ветер...

— Как когда-то индейцы? Извини, что перебил.

— Ничего, — Грег умел быть милостивым. — Только индейцев перебил не ты, а наши предки. Вот... О чём это я? Ага! Эти цыгане живут по собственным законам и им никто не вправе приказывать. Даже президент! У них своя власть и свои правила. И у них, представляешь, Тони, у них до сих пор есть колдовство и чёрная магия!

— Иди ты... — Тони невольно поёжился. Его глаза увеличились до размера долларовой монеты. — Не может такого быть! Я читал, что все волшебники давно повы...пове... Вымерли, короче. А все эти сказки о Санта-Клаусе и эльфах — рождественская брехня для самых маленьких!

Грег Вудворт снисходительно посмотрел на друга. Он был старше Тони Хилла на целых четыре месяца и иногда позволял себе в его адрес такие взгляды. Тони само собой замечал их и называл «прокационными», но право старшинства за Греггом всё же признавал.

— Я разве хоть слово сказал о белой магии и волшебниках из страны Оз? Я тебе говорю о древних цыганских проклятиях, Чёрном колдовстве, человеческих жертвах и сатанстве!

— Чего, чего? — Тони, с каждым падающим как гром среди ясного неба словом друга всё больше и больше втягивающий голову в плечи, отважился вновь перебить.

— Ну, этом, как его... — смутился Грег, мучительно вспоминая нужное слово. —

САТАНИЗМЕ! Вот!

— Многие цыгане поклоняются Дьяволу и приносят ему жертвы, — принялся загибать пальцы мальчик. — Знаешь, как называются цыганские колдуны? Не знаешь? Ша-ма-ны. Запомнил? И знаешь, кого ОНИ приносят в жертвы?

— Не-а, — Тони, как загипнотизированный, не отводил глаз от приятеля.

— Маленьких детей, которых они похищают втихаря везде, где бы ни оказались проездом!

Грег замолчал, наслаждаясь произведённым эффектом. Он решил не говорить, что все эти невероятные животрепещущие подробности вычитал в любимой дедушкиной газете, где постоянно печатались всякие разные статьи о высадке инопланетян на Аляске, находке криптонита в Большом каньоне, разработках ракетомобилей на солнечных парусах и тому подобных замечательных вещах. Правда, папа почему-то всегда смеялся, называя эти газеты «жёлтыми» и говорил, что им самое место в печке...

Тони вздрогнул. Погожий солнечный денёк за окном, купающийся в ярких потоках солнечного света, уже не казался ему достаточно светлым и тёплым. Мальчику показалось, что это всё затишье перед бурей. Последние проблески солнца пред окончательным приходом всепожирающей тьмы. Ему почему-то стало страшно. И совсем расхотелось выходить на улицу погулять, как они с Грегом планировали после обеда, который сейчас готовит на кухне его чудесная и заботливая мама...

— Эй, ты чего? — Грег потрепал его по коленке. — У тебя такой вид, будто ты увидел за моей спиной привидение!

Грег натянуто ухмыльнулся и не удержался, чтобы не обернуться. Так, на всякий случай. И пусть, кроме синих, в полосочку обоев, он ничего не увидел, на душе как-то сразу полегчало. И слава богу, что не увидел!

— Ты намекаешь, что этот цирк «Невозможное — возможно» ... Что он цыганский, что ли?! И что этот добренький клоун раздаёт билеты с каким-то НЕХОРОШИМ коромыслом... Тьфу ты, умыслом!

— Ты умный чувак, — проникновенно сказал Грег. — Сам догадался.

— Ты хочешь сказать, что они захотят похитить МЕНЯ? — голос Тони непроизвольно задрожал. — Ты чо, совсем рехнулся, что ли?..

Тони был готов разрыдаться. Нет, ну в самом деле! Весь мир против них. Сначала этот дурацкий вселенский заговор взрослых, а теперь вот нате — ещё одна гадость. Куда как похлеще! Они что, все заодно? И взрослые, и цыгане, и клоуны?

— Эй, да ладно тебе... — Грег озадаченно толкнул Тони в плечо. — Слышь, не вздумай только сопли распускать. Тони, да хватит уже! Перестань, не будь сраной бабой! Я сам лично схожу с тобой на представление. И вдвоём-то им нас не взять, поверь мне!

— Обещаешь? — пробубнил Тони, глядя на друга исподлобья.

— О чём разговор? И вообще, я тут подумал, что мой папа, пожалуй, во многом прав...

— Ты это к чему клонишь?

Грег не успел ответить, поскольку с кухни донёсся громкий голос мамы Тони, легко проникающий сквозь тонкие двери детской комнаты.

— Мальчики, бед готов! Марш на кухню!

Сэмюель Гриффит, долгие годы нёсший НЕЛЁГКОЕ бремя управления Хеллвиллом (да да, тяжела шапка мэра!), во все глаза смотрел на сидевшего напротив него человека. Этот

человек появился в его рабочем кабинете, расположенном на втором этаже старинного здания мэрии, сегодня в девять часов утра. Мистер Гриффит не успел даже как следует позавтракать, а пожилая секретарша миссис Доусон сообщила о, мягко сказать, нежданно-незваном госте.

Сэмюель тяжело вздохнул, но решительно отодвинул в сторону поднос с лёгким (не более) завтраком, вытер губы салфеткой и принял самый деловой вид из всех возможных. Как-никак, именно благодаря своему положению мэра, он может себе позволить завтракать в личном рабочем кабинете в девять утра! И получается, что хоть кровь из носа, а первостатейные обязанности — превыше всего. Сэм Гриффит был не самым плохим мэром для городка за всю его двухсотлетнюю историю.

Этот человек вошёл в кабинет и, вежливо дождавшись кивка, как согласия, присел на краешек большого, обтянутого коричневой кожей кресла. Сэмюель составил локти на столешницу огромного дубового стола и внимательно посмотрел на гостя. Гость смотрел на него. Мистер Гриффит показался сам себе мелкой букашкой, которую кропотливо изучают под линзой микроскопа. Он нетерпеливо заёрзал на сидении кресла, абсолютно идентичного занятому гостем, за исключением цвета. Кресло мэра было обшито чёрной кожей. Молчание затягивалось.

— Рудольф Старжински, — словно спохватился неожиданный утренний посетитель. Он торопливо приподнялся и протянул хозяину кабинета руку. — Простите сердечно, что отнимаю у вас время...

— Сэмюель Гриффит, — мэр крепко пожал сухую костлявую ладонь. — Не волнуйтесь, мистер Старжински. Если ваше дело и впрямь не терпит долгих отлагательств, то...

— Кофе горячий?

— Что? — Сэмюель опешил.

— Простите, я спросил, горячий ли кофе в этом замечательном кофейнике? — гость смущённо улыбнулся. — Я, понимаете ли, не успел позавтракать...

— А. Э... Ну, конечно, кофе! Чудесный, доложу вам, кофе варит миссис Доусон, — неожиданно для самого себя зачастил мэр, внезапно почувствовав себя жутко виноватым перед этим человеком. — Вот только он наверняка остыл. Я сейчас попрошу...

Гриффит потянулся к кнопке зуммера, но Старжински протестующе замахал руками.

— Ну что, мистер Гриффит, о чём речь? Вовсе не к чему поднимать такую шумиху из-за моей скромной персоны. Не извольте беспокоиться, я, признаться, не очень и люблю чрезмерно горячий кофе.

Подмигнув отдёргнутому пальцу от зуммера Сэмюелю, странный гость перегнулся через стол, взял кофейник, налил в пустую чашку дымящегося напитка и откинулся на спинку кресла. Видно было, что Старжински окончательно освоился и начинает вести себя, если не как дома, то очень близко к этому.

И вот, пока мистер Рудольф Старжински неспеша потягивал из чашки малость поостывший кофе, Сэмюель, не теряя времени даром, не сводил с него изучающего взгляда. И, чем дольше смотрел мэр, тем больше убеждался во мнении, что подобных людей в его кабинете ещё никогда не было.

Этот Старжински явно был ещё тем щёголем. Темно-серый костюм «тройка», синий галстук, надраенные до зеркального блеска туфли, пристёгнутая к жилету золотая цепочка карманных часов, дорогое шерстяное пальто и трость (которую, правда, Старжински сразу подвесил за загнутую ручку на вешалку в углу кабинета). Подумать только, трость! И тут мэр

понял, кого ему напоминает Старжински. Точно. Как только он нарисовался на пороге его кабинета, мэр снисходительно подумал, что этот тип похож на гангстера тридцатых-сороковых годов, такого, как их любят изображать голливудские кинематографисты.

Что касается возраста, то Гриффит не дал бы ему больше пятидесяти. Среднего роста, сухопарый, с чёрными, редкими, зачесанными назад волосами. Да, вряд ли ему больше пятидесяти, поджал губы мэр, постукивая пальцами по дубовой отполированной столешнице. Очень странный и подозрительный тип этот Рудольф.... Трётся в его кабинете уже минут десять, а они так и ни на шаг не приблизились к собственно причине визита этого человека в администрацию Хеллвила. Особенно мэра впечатлили глаза Старжински: глубоко посаженные, льдисто-голубые, они словно ввинчивались внутрь тебя и читали как открытую книгу. Мол, не скроешься, дружок, я ВСЁ про тебя знаю!

— Кто вы такой, мистер Старжински? — первым не выдержал мэр. — Я до последней минуты ни разу вас не видел, но одно могу сказать с железной уверенностью — вы не местный. И вы прибыли издалека. Я прав?

— Более чем, — немного виновато улыбнулся Рудольф, словно извиняясь за то, что ему не повезло родиться в Хеллвиле. — Видите ли, я не мог не зайти к вам, поскольку являюсь человеком ответственным, законопослушным и порядочным. И я не привык обделывать свои дела за спиной властей.

— О чём это вы? — нахмурился Сэмюель. — Чем вы занимаетесь, мистер Старжински?

— О, прости мою рассеянность, — Старжински одним глотком допил кофе и, порывшись в карманах пальто, протянул мэру кусочек плотного, тиснённого золотом картона. Визитная карточка.

Повертев в руках визитку, Гриффит узнал немало интересного и взглянул на гостя уже под другим углом зрения.

— Вы — директор цирка, мистер Старжински?! Цирка-шапито? В самом деле?

— Собственной персоной, — театрально раскланялся, насколько позволяло его положение за столом Старжински. — От себя смею добавить, что не просто цирка, а лучшего в мире странствующего цирка-шапито «Невозможное-возможно»!

— Это такой рекламный слоган? — усмехнулся Сэмюель. Его начала забавлять вся эта ситуация и проснулся угасший было аппетит.

— В моём цирке действительно возможно всё, — сверкнул мелкими белоснежными зубами директор. — И я бы хотел попросить у вас разрешения на неделю ежедневных представлений за чертой города. Вход для всех без исключения, билеты продаются на месте в кассе. Никаких проблем и криминала. У нас серьёзная репутация, мистер Гриффит. Вот, ознакомьтесь, пожалуйста, с документацией...

Надев на мясистый нос очки в толстой оправе, Сэмюель внимательно пролистал внушительные на вид бумаги. Таможенные декларации, подорожные справки, лицензия, рекомендации, номера банковских счетов и тому прочая мишура. Что поделаешь, без правильно составленных и юридически обоснованных документов ты никто и звать никак!

— Я.... Я видел несколько ваших афиш, — мэр аккуратно сложил документы в стопку и снял очки. Тщательно протерев стёкла платочком, он спросил:

— Скажите, мистер Старжински, почему вы начали расклеивать афиши ещё до встречи со мной? Вы так были уверены, что я выпишу вам разрешение? Вы не боялись отказа?

— Я как-то был пару раз проездом в вашем чудесном милом городке, — помявшись секунду, признался директор цирка. — У меня сильная интуиция, мистер Гриффит. Я, как

бы вам объяснить, насквозь вижу всех и каждого. И мне достаточно просто пройтись по улицам любого города, чтобы сказать, ЧТО за люди тут живут.... В Хеллвиле живут хорошие люди, сэр. И я не думаю, что избранный мэр такого симпатичного городка будет сильно отличаться от тех, кто не первый год оказывает ему наивысшее доверие управлять делами города. Вас устраивает такой ответ? Возможно, он несколько сумбурен, но зато честен до последнего слова.

Сэмюель Гриффит оторопел и поспешно отвёл глаза. М-да, он будет последним негодяем, если не отреагирует на этот комплимент должным образом. Да и с документами всё более чем в порядке. В конце концов, каникулы есть каникулы, пусть детишки веселятся. У них в Хеллвиле с развлечениями некоторый дефицит. И мэр, более не сомневаясь, взялся за «паркеровскую» ручку.

— А не поздновато для представлений то, а, мистер Старжински? — любопытствовал мэр, ставя размашистые подписи в отмеченных галочками графах. — Как-никак глубокая осень...

— Мы гастролируем всесезонно, — сказал Рудольф Старжински, поднимаясь на ноги. — Знаете ли, деньги — они никогда лишними не бывают. А нам тоже хочется регулярно кушать.

— Опять честный ответ? — мэр обошёл стол и передал гостю бумаги. — Редкое качество в наше время.

— Я человек иной эпохи, мистер Гриффит, — впервые рассмеялся Старжински, пряча документы во внутренний карман пальто. Смех у него не очень приятный, подумал мэр Хеллвила. Какой-то дребезжащий и лающий. Ну что ж, идеальных людей не бывает.

— Огромное спасибо, что отнеслись к моей просьбе с пониманием. В свою очередь могу заверить, что мы не разочаруем почтенную публику вашего милого города. Первое представление начнётся завтра после обеда. Ах, чуть не забыл! Вот, не откажитесь, пожалуйста. Для вас и вашей семьи бесплатные ВИП билеты на все представления в течение недели.

— Взятка? — нарочито сурово нахмурился, Гриффит, провожая Старжински к дверям. Билеты он, однако, бережно опустил в карман пиджака.

— С вами приятно было иметь дело, сэр, — Рудольф Старжински неуловимым движением стянул с вешалки трость, раскланялся и выскользнул за дверь. — Ждём вас завтра, не опаздывайте!..

Чудной всё же тип, подумал Сэмюель, возвращаясь за стол. Но вроде безобидный и честный. Но, мэр пожевал губами, перестраховаться никогда не будет лишним. Надо бы позвонить Энди. Пусть шериф съездит за город, посмотрит на этот цирк поближе. Бережённого бог бережёт. Гриффит потянулся за остывшим кофейником и замер. Рядом с кофейником стояла ЕГО кружка с наполовину недопитым кофе. Но... Из какой тогда чашки пил Старжински?! На подносе была только одна чашка, его собственная. В этом мэр был уверен на все сто! Он медленно опустил кофейник на поднос и пристально осмотрел каждый квадратный дюйм рабочего стола, заставленного всяким канцелярским барахлом. Второй кружки нигде НЕ БЫЛО. Вот так номер. Мэр задумчиво поковырялся в ухе. Станный тип этот Старжински, очень странный. Ну скажите, кто будет ходить по гостям со своей кружкой?

Или Старжински настолько опасается микробов или в голове у него живут собственные. Размером, скажем, с тараканов. Одно слово — «циркач».

— А я вот не очень люблю цирк, — заявил Кларк, лениво посматривая из окна резво несущегося по гравийке служебного «форда». Несколько минут назад они покинули пределы города и свернули с асфальтированной центральной улицы на теряющуюся вдали старую засыпанную мелким гравием дорогу.

— Ты что, никогда не был маленьким? — Энди Тёрнер сильнее стиснул пальцы на баранке. Началась неприятная тряска. — По-моему, все дети должны любить цирк. Мне нравился...

— Я любил ездить с родителями в Детройт, в тамошний зоопарк, — Кларк ухмыльнулся, погрузившись в воспоминания детства. — По мне, так это было лучшее развлечение после бессонной ночи за «Суперниндендой»!

— Какой уровень, чемпион?

— О! — оживился Кларк, поворачивая к шерифу щекастую красную физиономию. Глаза младшего помощника возбуждённо заблестели. — На днях поднял до ста первого! Вчера ходили на арену, «слили» парочку чересчур заносчивых «нубов»...

— Стоп, стоп, стоп! — засмеялся Энди, воюя с дребезжащей машиной. — Кларк, уволь меня, пожалуйста, от подробностей ваших героических подвигов! Один хрен для меня вся ваша геймерская тарабарщина, как китайская грамота.

— Ты просто никогда не играл в «Пёрфект Ворлд», — сказал Кларк. — Попробуй, от тебя не убудет. И только тогда скажешь, стоит оно того или нет!

— Если бы ты хотя бы половину той энергии, что тратишь на компьютерные игры, направлял на развитие профессиональной деятельности, то давно бы стал капитаном, — назидательно сказал Тёрнер.

— Капитаном... — проворчал Кларк. — Ты это о чём, Энди? Единственное, до чего я могу дослужиться в Хеллвиле, это до места шерифа! И то только в том случае, если ты рано уйдёшь на пенсию, потому как я старше на три года, мать его так и раз этак!..

Тёрнер переключил передачу и крутанул руль. Он промолчал. А что говорить? Кларк прав по всем статьям, с какой стороны не посмотри. Хеллвил всегда останется Хеллвилом — тихой провинциальной дырой, где никогда не происходит ничего экстраординарного.

— Ты знаешь, я вчера вечером, когда патрулировал, встретил племянников Фреда, — неожиданно для самого себя сказал Энди, не отрывая цепкого взгляда от дороги. — Они приехали на каникулы поддержать старика. Ему сейчас не очень сладко, понимаешь?

— Ясен пень, — кивнул младший помощник. — Фред с Урсулой душа в душу жили.

— Кларк, скажи-ка мне, а оно вообще стоит того? Женитьба стоит потери холостяцкой свободы?

Кларк испуганно посмотрел на шерифа:

— Ты меня пугаешь, дружище. Я не бог весть какой эксперт по этой части, хоть и женат. Ну как тебе сказать... Свобода, это ведь штука достаточно эфемерная и летучая. Ха-ха, удивлён, что я не только в игры «рублюсь», но и в книги время от времени заглядываю? Я скажу так, Энди. Мне жаловаться не на что. Я не лезу в дела Мэгги, она не мешает мне по ночам зависать в Интернете за онлайн играми. У нас в семье здоровый подход ко многим вещам. Все деньги, что мы зарабатываем, идут в общий котёл. Живём мы нормально. Главное, что я понимаю её, а она понимает меня!

— То есть, главное в семье — это понимание? — вдумчиво, полуутвердительно произнёс Энди.

— А ты чего весь этот разговор затеял-то? Предки совсем достают или тут что другое? Слушай, а ты часом не втюрился в кого-нибудь, а? — заржал, как конь Кларк, испытующе глядя на Тёрнера.

— Попрошу не нарушать субординацию, младший помощник шерифа Дуглас.

— Нет, ну вы только посмотрите на него — покраснел, как сопливый мальчишка! Эгей, Энди, я тут прикинул кое-что.... Этой девочке, племяннице Фреда, Шейле, ей уже лет то сколько стукнуло? Семнадцать есть?

Бравый шериф Хеллвила одарил Кларка возмущённо-разгневанным взглядом.

— Ты это к чему клонишь?

— Я просто складываю два и два, — сделал невинное лицо Кларк. — Ты же подвозил их вчера, сам сказал. А сегодня уже задаёшь какие-то дьявольски подозрительные вопросы. Ну не странное ли совпадение, а?

— А меня больше волнует, что же такого интересного хочет мне рассказать Уолтер, — напрочь игнорируя провокационные подначки Дугласа, сказал Энди. — Он по телефону пообещал, что обязательно дождётся нашего возвращения в участке. Ты что думаешь по этому поводу?

— Дока одолела тягчайшая болезнь — скука, — буркнул Кларк, поняв, что больше не вытянет из шерифа ни слова по интригующей его теме. — А мне этот долговязый шкет всегда казался очень сомнительным типом.

— Какой шкет?

— Ну Блейз этот, племяш Фреда. Брат той самой симпатичной девочки, улавливаешь?

— Ну и при чём здесь Алан, — сквозь зубы процедил Тёрнер, спрашивая у Господа побольше терпения.

— Да ни при чём. Станный он просто.

— Тогда с тобой всё понятно, Кларк, — шериф заглушил автомобиль и натянул «ручник». — Приехали, младший помощник. Попрошу на выход.

— И почему к нам не прикатил зоопарк? — сокрушённо пробормотал Дуглас, открывая дверь «форда». — Не люблю я всех этих разукрашенных паяцев...

— Кому сейчас легко? — философски спросил Энди, поправляя на голове шляпу.

Стивен Диксон стоял на углу на пересечении двух улиц, подпирая кирпичную стену магазина хоз-товаров, и курил сигарету. Это была уже его двенадцатая сигарета с утра. Настроение было ни к чёрту. И даже относительно тёплый солнечный безветренный день ни в малейшей степени не способствовал укреплению морали и духа. Молодой человек поднял воротник куртки, прикрывая уши, и раздражённо сплюнул на мощённый булыжником тротуар.

Зря, ох зря бросил он в своё время футбол. А ведь он с немалым успехом выступал за местную школьную футбольную команду, два года провёл в качестве капитана. Тренер пророчил Стивену далеко идущее будущее. Была возможность вырваться из этого клоповника, по недоразумению именуемого громким словом — Город. Ха! Была, да сплыла. Стивен щелчком метнул окурок в круглую железную урну. Теперь всё его будущее сосредоточено здесь, у чёрта на рогах, вдали от благословенной цивилизованной жизни. Самое обидное, что и винить то в нынешнем плачевном положении, кроме как себя, и некого. И остаётся только горько сетовать на судьбу-злодейку, сшибать случайные заработки, да трахать время от времени эту заносчивую сучку Мишель, ненаглядную дочь их

замечательного мэра. Одно время Стивену казалось, что всё не так уж и плохо. Если Мишель всерьёз запала на него, то уж никуда не денется. Окончит школу, да и уприсит папашку отдать её за «первого парня на селе». Куда там! Диксон зло скривился. У нашей куколки, оказывается, далеко идущие планы, в которых нет места таким, как он, засранцам.

Ну и стерва же эта Мишель! Два года ему мозги пудрила, а теперь что — извини, но на большее и не рассчитывай? Да ты не переживай так, у тебя есть ещё примерно полгода, чтобы время от времени кидать мне «палочку» — другую! Дерьмо. Стив сунул руки в карманы и отклеился от стены. Надо было чем-то занять себя до вечера. Вечером он пожалуй, заглянет к Грэму пропустить пару кружек пивка. Но то вечером....

Дверь магазина отворилась, и на улицу вышел Джек Сорбро — хозяин похоронной конторы, неказистый ничем не примечательный мужичок средних лет, нагруженный двумя раздутыми пакетами. Мистер Сорбро неодобрительно покосился на Стивена и не удержался от нравоучительной нотации:

— Всё тунеядствуешь, Стив? А я же предлагал тебе одно время поработать у меня.

— Нет уж, благодарю покорно, — нагло осклабился Диксон. — Но я предпочитаю иметь дело с живыми. Уж простите, но покойники меня как-то не возбуждают.

— Дурак ты, Стив, — в сердцах сплюнул Джек и поспешил прочь, к припаркованному неподалёку старенькому «шевроле».

— Вали, вали, доктор Франкенштейн, — учтиво напутствовал хозяина похоронной конторы юноша. — Тоже мне благодетель хренов выискался...

Стив медленно пошёл вдоль улицы, как бы нечаянно задевая локтями встречных прохожих. Настроение так и не улучшилось. Следовало что-нибудь придумать. Но что? Или плюнуть на всё и всех и вернуться домой? Да завалиться поспать до вечера? Не самый худший вариант, вынужден был признать молодой человек. С Мишель он не виделся уже четыре дня. Она настойчиво названивала, добиваясь встречи, и недоумевала, что с ним происходит. Ничего, пусть побесится, может, полегчает. А вдруг эта белобрысая сучка конкретно забьёт на него и найдёт себе другого хахалю? От такой крамольной, кощунственной мысли Стивен аж споткнулся. А ведь с этой дуры вполне станется отмочить такой номер! Да пусть только попробует подцепить какого-нибудь козла, он ему вмиг ноги повьдёргивает. Со мной лучше не шутить, мрачно подумал Стивен, вынимая из мятой пачки очередную сигарету, тошно будет...

Стивен Диксон никого не боялся и, не раздумывая, ввязывался в любую драку. За что его, кстати, и выперли из команды. Помнится, тогда он жестоко избил одного чудика, который решил, что Стив играет не по правилам. Бедный несчастный идиот, не сообразивший вовремя, что у Стива СВОИ правила. Да и Мишель тогда ТАК на него смотрела. Как на племенного жеребца. Он усмехнулся и присел на нагретую ласковыми солнечными лучами деревянную лавочку в центре небольшого городского скверика. К слову сказать, Стивен никогда не проигрывал в кулачных потасовках. Был, правда, недавно один случай, о котором он не очень любил вспоминать. На школьной вечеринке. И всё из-за долбаной собачонки Мишель. Тупая шавка сдуру набросилась на какую-то девчонку, вознамерившись попробовать на вкус нежного девичьего филе. На беду собачки рядом оказался братец этой девчонки, который действовал быстро и оперативно, ударом ноги катапультировав собаченцию в заросли шиповника. Мишель увидела всё это безобразие, разоралась как потерпевшая и потребовала у Стивена восстановить поправленную справедливость. Диксон глубоко затянулся ароматным дымом. Он тогда здорово набрался и,

не раздумывая, кинулся в бой.... Что произошло дальше, юноша помнил плохо, списав временную потерю памяти на пинту выпитого пива.

Тощий, долговязый (с виду совсем не опасный!) молодчик так ему вломил, что все просто ахнули. Стив и сам ни хрена не понял. Этот волосатый придурок оказался нереально силён. Может, «колёсами» какими закинулся? Стивен терялся в догадках. Но факт оставался фактом. Он тогда выгрел будь здоров.

Дейзи Хилл подставила грязную тарелку под кристально прозрачную струю горячей воды. Некоторое время стояла, не двигаясь, наблюдая, как весёлые капельки воды разбиваются вдребезги о керамическую поверхность. Затем, словно очнувшись от забытья, девушка провела по тарелке жёсткой губкой. Она устало вздохнула. Везде и всюду одно и то же. Грязная посуда дома и грязная посуда на работе. Слаба богу, что в баре она только официантка, а не, скажем, судомойка. Дейзи не то чтобы взахлёб жаловалась сама себе на нелёгкую жизнь одинокой, ДАЛЕКО не старой женщины, вовсе нет. Просто... Просто её достало многое. И многие. Она не очень любила мыть посуду и часто благодарила провидение за то, что она всего-навсего официантка. Но, знаете ли, в должности разносчицы тарелок и бокалов то же имеются свои длиннющие минусы. Как же ей надоело уворачиваться от покровительственных (вроде бы вполне дружеских) шлепков по заднице, как она устала от навязчивых разговоров (я тоже одинокий мужчина, Дейзи!), и как ей становилось обидно, что многие воспринимают её именно, как самку. Молодую, красивую, но самку, с которой можно закрутить лёгкий романчик, а потом скупно распрощаться, не обращая внимания на слёзы в зелёных глазах.

Но мне же всего двадцать пять лет, чуть в голос не взвыла Дейзи, ставя задрожавшей рукой вытертую до зеркального блеска тарелку в кухонный шкафчик. Я далеко не самая страшная и не самая глупая баба, так почему же меня никто не любит? Она вытащила из кармашка передника платочек и промокнула увлажнившиеся глаза. Нет, в одном я не права, подумала девушка. Есть на свете один человек, который любит меня такой, какая я есть. Тони. Маленький смышленный мальчик семи лет, впервые севший за школьную парту в этом году. Тони, с мягкими карими глазами. Тони, с глазами своего отца — Шона...

Шон умер пять лет назад. Его придавило глупое дурацкое дерево! Дейзи впиалась в следующую тарелку так, что побелели костяшки тонких пальцев. Дерево! Шон работал лесорубом в бригаде, которая валила лес для хеллвиллской лесопилки. Высокий сильный красавец. Он нравился всем. Шон отличался дружелюбным нравом и отменным чувством юмора. Они были красивой парой, поженившись совсем ещё детьми. В восемнадцать лет Дейзи родила мужу сына. Они были на седьмом небе от счастья. Через два года счастье внезапно закончилось. Исчезло, подло растворившись в мутной глубокой пучине горести, боли, тоски и долгих рыданий по ночам. Шону едва исполнилось двадцать два года. Дейзи едва не сошла с ума от горя, проклиная бога и всех святых заодно. Она хотела отправиться вслед за НИМ. И плевать, плевать на всё! Жизнь оказалась штукой дерьмовой, а счастье — лишь зыбкой хрупкой иллюзией. Так зачем тогда жить?!..

Её остановил сын. Зачем жить? А вот ради этого маленького комочка, который смотрел на неё влюблёнными преданными глазками. Глазами Шона. И она решила жить. Это был очень сильный поступок. Решиться на жизнь оказалось гораздо труднее, чем можно себе представить. Иногда проще нажать на спусковой крючок приставленного ко лбу охотничьего ружья. И Дейзи начала новую жизнь.

Она пошла работать официанткой в бар к старому Грэму Лоулесу. Это была нелёгкая, но вполне честная работа, которой Дейзи не стыдилась. У неё остался маленький сын и ей нужны были деньги. Конечно, она получила определённую сумму по страховке, после смерти Шона, но... Но вы сами всё понимаете — для матери-одиночки ни один цент не бывает лишним. На первых порах Дейзи здорово помогали подруги, и именно в тот момент она более всего пожалела, что выросла в детдоме и у Тони нет ни бабушки, ни дедушки. Родители Шона погибли в автокатастрофе, когда он учился в девятом классе... Вот и оказалось, что они одни одинёшеньки в этом огромном, жестоком, несправедливом мире.

Многие видные парни спустя какое-то время начали подкатывать к ней, добиваясь руки и сердца симпатичной вдовы. Но ни у одного из них не было ни единого шанса. Если бы дело только ограничивалось рукой! Ведь сердце Дейзи давно и бесповоротно принадлежало одному человеку. И пусть он умер, но Дейзи глубоко сомневалась, что сможет полюбить кого-нибудь хоть наполовину так, как любила Шона. Спустя ещё два года, летом, она поняла, что сильно заблуждалась.

Она впервые обратила внимание на высокого худощавого задумчивого юношу с длинными, падающими на тёмно-карие глаза чёрными волосами, когда он попросил у неё стакан воды. Её поразила грустная улыбка и затаённая тоска, глубоко засевшая в глазах этого молодого парня. Он настолько сильно отличался от завсегдатаев «Вперёд на ногах — обратно на руках», что казался пришельцем из иного мира. И он смотрел на неё НЕ ТАК, как все остальные. Что-то было в нём неуловимо притягательное, загадочное и странное. Он был странным, этот парнишка.

Немного позже она узнала, что так приглянувшийся ей необычный юноша был родным племянником Фреда де Феса по имени Алан Блейз. Он, оказывается, часто приезжал с сестрой в гости к дяде с тётей во время летних каникул. Дейзи слышала что-то краем уха о ненаглядных племянниках де Фесов, но не обращала должного внимания. А потом Алан вырос настолько, что стал посещать заведения, подобные бару старины Грэма. И Дейзи наконец-то воочию увидела его. Увидела, и с тех пор не могла забыть.

Август пролетел как один день, а она так толком и не поговорила с ним ни разу. Затем Алан исчез на четыре года. Напрасно Дейзи ждала следующего лета — Шелли приехала одна, без брата. Её привёз отец. Через Грэма Дейзи узнала, что Алан ушёл в армию. Так прошёл год, потом ещё один, и ещё... И всё это время Дейзи пыталась разобраться в себе и своих смятённых сумбурных чувствах, ставящих её мятущееся сознание с ног на голову. Такое она испытывала всего единожды. Когда встретила и полюбила Шона.

Наконец, прошлым летом она вновь увидела его. Повзрослевшего, возмужавшего, но всё такого же ранимого и печального с прежней грустной усмешкой на тонких губах. Она решила, что, должно быть, он тоже понёс какую-то невосполнимую утрату. Может, его бросила любимая девушка, а он продолжает мучиться, не в силах забыть её? В ТОТ день они впервые поговорили по душам. Он в корне отличался от неунывающего, заводного Шона, но было в них что-то общее. Ощущение уверенности и спокойствия, что они дарили одним своим присутствием. И Алан был очень силён. Возможно, сильнее Шона, который играючи на спор гнул подковы и с одного маху перерубал толстые брёвна. Ещё через день они оказались в одной постели. Это было ВЕЛИКОЛЕПНО. А ещё через две недели она сердцах накричала на него, чтобы он выметался из города и её жизни, пригрозив оторвать ему яйца, если он ещё хоть раз сунется к ним.

— Мам, мы пошли!

Вздвогнув, и возвращаясь из воспоминаний в реальный мир, Дейзи обернулась. Тони и его лучший друг Грег, тепло одетые и собранные, стояли у входной двери.

— Мамочка, мы пойдём поиграем, — Тони задорно улыбался от уха до уха. — Ты обещала...

— Конечно, Тони, — Дейзи запрокинула голову, надеясь, что сын не заметит текущих по щекам слёз. — Не заигрывайтесь допоздна, мальчики.

— Хорошо, мам. Пока!

— До свидания, миссис Хилл!

За мальчишками захлопнулась дверь, и до ушей Дейзи донёлся топот маленьких ног, в радостном возбуждении сбегающих по ступенькам крыльца. Дейзи вытерла руки о полотенце и всхлипнула. Она думала, что забудет Алана, как дурной сон. Надеялась на это. Но, увидев его на похоронах Урсулы де Фес, поняла, что это невозможно. Она влюбилась в него, как сопливая девчонка. Она, мать семилетнего сына, влюбилась в парня, который младше её на два года. И который твёрдо сказал, что НЕ любит её.

Глава 6

Шериф и младший помощник стояли на невысоком пологом холме и смотрели вниз, на простиравшуюся перед их глазами уютную, заросшую пожухлой жёлто-зелёной травой долину. Они казались чужеродными в этом месте. Солнце всюду светило им в спины, припекая стриженные затылки. Две затянутые в синюю униформу фигуры, опоясанные ремнями с табельными револьверами, в начищенных ботинках, кожаных куртках и широкополых шляпах, украшенных значками полицейского госдепартамента.

— Мы как бельмо на глазу, — заложив большие пальцы за портупею, сказал Кларк. — А, шеф?

— Кларк, вырвись хоть на минутку из мира компьютерных игр и взгляни в лицо реальной действительности, — попросил Энди. — Ты что, вообразил нас мишенями в тире?

— По-моему, это у тебя возникли какие-то сомнения по поводу этих циркачей, — парировал Кларк. — Так кто из нас двоих параноик?

— Ладно, пойдём вниз, познакомимся с этими...клоунами. И бога ради, Кларк, говорить буду я один. Не раскрывай рта, пока я тебя не попрошу об этом в письменной форме!

— Так точно, сэр.

— Вот и чудненько.

Они начали спускаться с холма, две чужеродные фигуры на фоне бледно-зеленой травы и царящего вокруг возбуждённой деловой суеты.

Эту симпатичную, цветущую летом всеми цветами загородную долину, расположенную в удобном для подъезда месте, оккупировала многочисленная цирковая братия. Повсюду сновали сосредоточенные и галдящие люди, раздавались командные крики и отборные ругательства. Человеческие голоса переплетались с ржанием лошадей и рычанием невидимых хищников в причудливую гротескную какофонию всеобщего, поглотившего всю округу безумия. В воздухе витали запахи зверья, мускуса, выхлопных газов и дешёвой парфюмерии. У Энди разбежались глаза. Он и представить себе не мог, что странствующий цирк-шапито окажется настолько огромным и многочисленным. Он насчитал не менее десятка различных машин, три трейлера и вдобавок автобус с затемнёнными окнами. Сколько же сотрудников насчитывает ВЕСЬ этот цирк?

— О, кажись, у них и зверушки имеются! — встрепенулся Кларк, прислушиваясь к утробному рыку, доносящемуся из накрытых чёрными пологами огромных, составленных на землю клеток.

— Невозможное — возможно, — хмыкнул Тёрнер, внимательно посматривая по сторонам. Проливший накануне дождь нисколько не замедлял кипящую вокруг деятельность. Они подошли к самому эпицентру бурлящего голосами и суетливыми движениями водовороту событий. На двух полицейских ни обращали равным счётом никакого внимания, словно кропотливо занятый своим делом цирковой люд давно привык к подобному вниманию власть предержащих. — А они, надо отдать им должное, даром время не теряли.

— Ага... Как муравьи, мать их за ногу.

В центре долины на несколько метров возвышался гигантский полосатый шатёр,

раскрашенный в кричаще — весёлые жёлтые, красные и голубые тона. Прохладный осенний ветерок заставлял трепетать сотни развешанных по всему периметру шатра разноцветных флажков. Десятки тросовых растяжек надёжно пристёгивали всю впечатляющую конструкцию к земле. Энди задрал голову, придерживая шляпу. Размеры шатра просто поражали. Рядом хваткие рабочие возводили ещё один, но гораздо более скромных размеров. Забивали колышки, натягивали канаты, возводили из жёстких рёбер каркас будущего шатра. И вновь Тёрнера поразила слаженность и видимое чувство локтя в их работе. Каждый знал, что ему надо делать. Тот, кому следовало держать гвоздик, не хватался за молоток.

— Всё это, конечно, весьма и весьма занимательно, но нам бы надо поймать кого-нибудь, чтобы отвёл нас к самому главному, — напомнил разинувшему рот помощнику о цели их визита Энди. — Так, так, а ну-ка, лови этого чудика...

Кларк, спохватившись, цапнул за рукав пробегающего мимо средних лет детину в брезентовой спецовке, тащившего на плече бухту смотанного кабеля.

— Эй, мистер, мы не отнимем у вас много времени!

— Мне надо работать, — сказал остановленный — мужик с густыми пшеничными усами, недовольно глядя на полицейских. — На завтра назначено первое представление, а у нас ещё электричество не отлажено!

— Простите, сэр, — козырнул Энди и продемонстрировал значок. — Я шериф Хеллвила Тёрнер, а это мой помощник Дуглас. Нам бы хотелось поговорить с кем-нибудь из руководящего состава. Вы не поможете нам?

— Так это вам к директору надо, к мистеру Старжински, — усатый поправил сползающий с плеча кабель. — Но он, наверно, ещё не вернулся из города... Да, точно, я не вижу его машины!

Энди покосился на Кларка, в сердцах сплюнувшего на истоптанную десятками ног сырую землю, и поинтересовался:

— А кто в отсутствие мистера Старжински подменяет его?

— А вы зайдите в главный шатёр, — работяга хитро подмигнул Тёрнеру. — Уверен, что там найдётся, кому ответить на все тревожащие вас вопросы. Удачи, офицеры.

Кларк проводил заспешившего по неотложным делам сотрудника цирка недобрым взглядом.

— Не очень-то был любезен этот малый.

— У нас своя работа, у него своя, — покачал головой шериф. — По крайней мере, он дал хоть какую-то наводку. Пошли, а там, глядишь, и директор этого расчудесного балагана появится!

Они обогнули группу циркачей, с натужным кряхтением толкающих некую диковинную двухосную повозку с высокими бортами, накрытую ярко-оранжевым тентом, скрывающим содержимое колымаги, и вплотную приблизились к громадному, возносящемуся в чистое, исполненное первозданной лазури небо, шатру. Украшавшие юрту-переросток флажки хлопали, гирлянды — трепетали. Шатёр был опутан сотнями метров проводов и разноцветных лампочек, сейчас не светившихся. Должно быть, если включить все лампочки ночью, выйдет знатная иллюминация, прикинул Энди. Странно, откуда они запитаются, чтобы обеспечить всю технику необходимым количеством энергии?

Перед входом в шатёр расположилась небольшая, выкрашенная в синий цвет будка, с одиноким окошком и закрытой дверью. Касса, догадался Энди, мимоходом заглядывая в окошко. Как он и ожидал, в будке никого не было. Но стоило им переступить порог шатра,

как сзади раздался грозный скрипучий голос:

— Эй, парни! Вход только по билетам! Или вы решили, что если надели такие красивые костюмчики, то можете участвовать в нашем шоу бесплатно?!

Энди крутанулся, как ужаленный, с трудом удержавшись, чтобы не схватиться за револьвер. Кларк выпустил воздух сквозь плотно сжатые зубы, заложил пальцы за ремень и медленно сосчитал до трёх. Они вернулись назад к кассе.

Из окошка будки, весело скалясь, выглядывал клоун. Обычный клоун. Красный нос, широченная нарисованная улыбка, грим, копна соломенных волос, дурацкий колпак — всё как положено любому уважающему себя клоуну. Вот только (Энди мог под присягой подтвердить) пять секунд назад в этой чёртовой будке никого не было! Клоун хлопнул облачёнными в белые перчатки ладошками и скрылся в недрах кассы, чтобы спустя мгновение торжественно выскочить через дверь на улицу и, сделав несколько танцевальных па, раскланяться перед вконец опешившими полицейскими. Сорвав с головы колпак, клоун метким броском зашвырнул его в окошко кассы и хорошо поставленным сценическим голосом заявил:

— Уважаемые сэры, Весёлый клоун Бинго приносит вам нижайшие извинения! Вижу, что несколько напугал вас. Уверяю, что мои действия не несли провокационного характера, я просто отработывал свой хлеб. Я же клоун! А у мистера Старжински не забалуешь, вот и приходится постоянно тренироваться...

Тёрнер наступил на ногу раскрывшему было рот Кларку, налившемуся кровью, как спелый помидор соком, и схватил клоуна за огромный бант, повязанный на шее поверх разноцветного трико. Подтянув моментально прекратившего улыбаться циркача к себе, шериф холодно заглянул в невинные карие глаза сжавшегося в предчувствии скорой расправы Весёлого клоуна. Вид у него стал совсем не весёлый, довольно констатировал Энди, негромко, но внятно сказав:

— Слышь ты, КЛОУН, мы в Хеллвиле все люди простые, но хорошую шутку ценим. И шутить умеем. Как тебе такая забава: я достаю из кобуры табельный «смит-вессон» тридцать восьмого калибра, вставляю дуло тебе в задницу и взвожу курок. Вот только я забыл, заряжен он или нет! Ты когда-нибудь играл в русскую рулетку?

— Мне зачитать ему его права? — Кларк мстительно заулыбался.

— Не нужно, — Энди отпустил клоуна и бережно разгладил помятый бант. — Я думаю, мистер Бинго всё осознал и искренне раска.... Ох ты, чёрт!

Освободившись от стальных пальцев шерифа, клоун незамедлительно отколол следующий номер. А именно самым банальным образом хлопнулся в обморок! Не успели они и глазом моргнуть, а Бинго как подкошенный рухнул на землю, взмахнув в воздухе здоровенными штиблетами размера эдак пятидесятого. Бум! Энди выругался, он чувствовал себя самым распоследним кретином. На них уже начали оглядываться, как бы ни позвонили в полицию... А мы тогда кто, сурово одёрнул себя шериф. Энди понимал, как всё это выглядело со стороны. И он дурак, нашёл с кем связаться — с дураком! М-да...

— Ни хрена себе! — Кларк осторожно ткнул выпавшего в осадок клоуна мыском ботинка. — Шеф, чего это с ним? Уж не хапнул ли нашего весельчака инсульт?

— Не дождётесь, — лежащий на грязной земле застывшим распятием Бинго открыл сначала один глаз, потом другой и резко согнулся в пояснице, загундосив плаксивым противным голоском маленькой капризной девочки: — А-а-а, большой дядька напугал меня-я... Ты плохой! Ты злой! И... И я всё расскажу маме! Хнык... Хнык... Я говорю — ХНЫК!

— Да мы уже давно поняли, — скрипнув зубами, Энди помог клоуну подняться. — Хорош ломать комедию, приятель, или я обеспечу тебе двое суток в кутузке за неуважение к властям. Будешь развлекать Кейт.

— Вы посмеете арестовать меня за то, что я добросовестно отношусь к своим непосредственным обязанностям? — возмутился клоун, сверкая зелёными озорными глазами. — Это произвол! Я буду жаловаться в окружной суд...

— Да хоть в Гаагский. Пошутили, и хватит, — Тёрнер положил руку на плечо свирепеющего на глазах Кларка. — Думаю, мы нашли с кем скоротать время...

— Да! Так точно, господин шериф! Я знаю уйму анекдотов и весёленьких историй...

— ...до прибытия мистера Старжински, — закончил фразу Энди, не обращая на ухмыляющегося Бинго ни малейшего внимания. — Веди нас, приятель, под сень этого благословенного купола! Поведай тайны негаданные и покажи чудеса невиданные....

— А ордер у вас есть? — посмурневший Весёлый клоун враз оборвал полившуюся из шерифа пафосную патетику.

Энди поперхнулся и тяжело вздохнул.

— Друг мой, помимо русской рулетки, я знаю и другие игры.

— Я не играю в доктора с незнакомыми взрослыми дядьками, — надулся клоун.

Кларк не выдержал и захохотал, огрев Бинго по спине тяжёлой ручищей.

— Шеф, а у этого субчика есть чувство юмора, да?

Бравый шериф города Хеллвил недвусмысленно положил руку на пояс рядом с кобурой. Бинго округлил один глаз, прищурил другой, и широко заулыбался, словно наконец-то уловил всю соль. Он широким жестом указал на вход в шатёр:

— Вы меня уболтали, господин капитан! Прошу! Только, чур, никому не рассказывать о том, что вы увидите. А то ещё сорвёте нам всё представление... А мистер Старжински с меня семь шкур спустит. Он у нас такой, шутить не любит! Ну нет у человека чувства юмора, ну что тут поделаешь!..

Едва сдержавшись, чтобы не отвесить поскакавшему впереди них клоуну увесистого пинка под зад, Энди посмотрел на Кларка и приложил палец к глазу. Дуглас молча кивнул. Жест был более чем прозаичен — смотри в оба и не зевай.

Мишель Гриффит недоумённо смотрела на отца, силясь понять, шутит ли он или говорит на полном серьёзе. Нет, навряд ли, сказала сама себе девушка, у её отца всё предельно просто, ясно и прямолинейно. А это значит, что ей придётся-таки сходить в этот несчастный бродячий цирк, ставя крест на собственных планах. Тем более что билеты у них уже есть. И что немаловажно для её отца — бесплатные. Она мысленно вздохнула и решила попытать счастья в последний раз.

— Пап, ты уверен, что это необходимо?

— Абсолютно, Мишель.

— И даже для меня?

— В наипервейшую очередь для тебя, — промокнул лоб носовым платочком мэр. Он тоже устал. — Я надеюсь, ты понимаешь, что наш город представляет из себя тесную сплочённую общину? Коллектив близких и дружных людей, где каждый человек на виду и любой поступок становится непременно известным всей округе?..

Девушка закатила под лоб глаза. Ну всё... Папочка ударился в заумности и прожженные морали, готовый раздавать ЦУ на право и налево. Класс!

— ... и слово «семья» занимает далеко не последнее место в списке наиважнейших приоритетов для жителей нашего города. И кто, как не законно избранный мэр должен демонстрировать родственные крепкие сплочённые узы на примере собственных семьи и детей?

Так, так, подобрались к самому главному и решающему всё моменту, догадалась Мишель.

— Поэтому мы все вместе: я, мама, Мэрион и, конечно же, ты, идём завтра на представление. Идём и точка. Мишель, пойми, зачастую не мы подчиняем власть, а она подчиняет нас. И налагает определённые обязательства, которые мы не вправе не выполнять! В конце концов, чем ты таким особенным отличаешься от родной сестры? Она, наоборот, с радостью поддержала моё предложение...

— Но Мэрион всего десять лет, — обиженно сказала Мишель, поёрзав в кресле. С каждой минутой ей становилось всё теснее и неудобнее в отцовском кабинете. Вольготно заседающий за письменным столом Сэмюель Гриффит, видимо, подобного дискомфорта и близко не испытывал.

— Да, всего десять лет, — основательно и важно повторил за дочерью мэр. — А это значит, что ей незнакомы такие бытующие и широко распространённые среди современной подрастающей молодёжи вещи, как сигареты, алкоголь, секс и элементарное неуважение к старшим.

— Пока незнакомы, — Мишель демонстративно разглядывала французский маникюр на длинных отполированных ногтях. Внешне спокойная и невозмутимая, внутри девушка дрожала, как заячий хвостик! Сэмюель мог быть ОЧЕНЬ строгим отцом, и лишний раз его раздраконивать не следовало. Но порой Мишель не могла остановиться и её начинало «нести».

Гриффит нахмурился, густые брови с треском сшиблись на переносице. Он постарался успокоиться и взять себя в руки. Представь, что перед тобой электорат, расположения которого ты просто обязан добиться. Не надо нервничать и цепляться к неосторожно оброненным в пылу страсти словам. Обычно такое самовнушение срабатывало.

— Ты можешь, если хочешь, позвать с собой кого-нибудь, — миролюбиво предложил отец. — Этот парнишка, с которым ты встречаешься... Как бишь его зовут? Стивен, кажется?

— Ну и что? — Мишель густо покраснела.

— Ты могла бы пригласить его. Я не возражаю, думаю, и мама будет не против, если вы пойдёте вместе.

— Мы... Мы несколько дней не разговаривали. И не созванивались.

— Кризис в отношениях, — понимающе кивнул мэр, катая меж пальцев «паркеровскую» ручку.

— Ага, типа того.

— Вы спите вместе? — взгляд пронизывающих серых глаз Гриффита буквально пригвоздил девушку к месту.

— Какое это имеет значение, папа?! — так и вспыхнула она. — Мне уже восемнадцать лет и...

— И ты всё ещё несовершеннолетняя, — лаконично закончил мэр и аккуратно вставил ручку в серебряную подставку. — И куда тебе не исполнится двадцать один год, Я отвечаю за тебя и твои действия. Ты понимаешь, что если ты забеременеешь, то перспектива учёбы в хорошем колледже окажется под большущим знаком вопроса, дочь?

— Мы предохраняемся, — снисходительно пояснила Мишель. — И, в конце концов, всегда можно сделать аборт, ПАПА.

Сэмюэль очень внимательно посмотрел в голубые раздосадованные глаза сидевшей напротив него молоденькой девушки и сказал:

— Нет, Мишель. Не всегда. Если ты забеременеешь, я не позволю тебе сделать аборт.

— Что-о-о?! — она вся подобралась в кресле.

— Ты родишь ребёнка и само собой выйдешь замуж за этого парня.

— Папа, да как ты можешь говорить ТАКОЕ? — У Мишель задрожала пухлая нижняя губка, на покрасневших глазах выступили обиженные слёзы. — Какое ещё замужество? Не хочу я замуж! Тем более за этого несносного неотесанного идиота...

— Ну вы же почему-то спите вместе, — голос отца прозвучал глухо и обвиняюще. Мишель очень не понравился тон этого голоса. Очень. — Власть накладывает определённые ограничения на наши жизни. Помнишь? Я мэр, а ты — моя дочь. Это правило распространяется и на тебя тоже.

Мишель задыхалась от душивших её слёз.

— Да кому сейчас нужны эти твои устаревшие и пропахшие нафталином правила и принципы?! Кому?! Да плевать все на них хотели! Один ты живёшь вчерашним днём, отец!

— Зато так честно, — мэр смотрел мимо дочери, стараясь не замечать её глубоко несчастного лица. Ничего, побесится и успокоится. Такая встряска пойдёт только на пользу. Может, хоть немножко задумается о том, что не солнце вращается вокруг земли.

— Папа, ты просто ужасен! — по щекам Мишель вместе со слезами потекла тушь. Она резко вскочила, едва не опрокинув тяжёлое кресло, и бросилась к двери.

Проводив скрывшуюся в коридоре дочь горьким понимающим взглядом, Сэмюэль крикнул вдогонку:

— Не забудь — завтра всей семьёй идём в цирк! Дурёха...

— А — 9.

— Мимо! Ха-ха, мистер капитан Крюк, моя очередь!

— Я весь в предвкушении, маленькая юнга...

— Е — 6!

— А вот и промазали, мисс Кейт. Смею отметить, что у вас неплохая тактика, но, пожалуй, серьёзного опыта ведения боевых действий всё же недостаёт. А — 8!

— Вынуждена вас разочаровать, адмирал! Вы промахнулись, как старый одноглазый пират. F — 3!

— Хм. М-м... Подбили, мисс Кейт. В самое яблочко, но не до конца. Продолжайте.

— Ура! Победа будет за мной! F — 4?

— Опять в точку... Продолжайте.

— Ой, даже и не знаю, куда ударить теперь! Ой, ну это же суровая мужская игра не для наивных женских мозгов... Ну я не знаю... F — 5!

— Мой крейсер торпедирован и затоплен. Поздравляю с победой, капитан! — Уолтер Харрис отложил в сторону расчерченный под поле для морского боя листочек и правой рукой отдал молоденькой стенографистке честь.

— Да! Да! Я опять выиграла! — Кейт, светясь от восторга, по-детски захлопала в ладоши. — Я способная ученица, правда, доктор Харрис?

— Лучшая из всех возможных, — улыбаясь, сказал Уолтер. Он проиграл четыре раза

подряд. Но поддался он лишь единожды — в самой первой партии. Остальные три боя Кейт выиграла абсолютно честно.

Всё началось с того, что упившись кофе до критической отметки, заходить за которую Уолтер, как доктор, не мог себе порекомендовать, он предложил Кейт сыграть партию в морской бой. К тому времени стенографистка окончательно пришла в себя и перестала перепуганным зайчиком коситься на Харриса из-за компьютера. Идею гостя скоротать время в ожидании шерифа за хитрой тактической игрой она восприняла с неожиданным энтузиазмом. Вырвав из тетрадки несколько листов, и, вооружившись шариковыми ручками, они заняли стратегически важные точки, поделив приёмную полицейского департамента на обособленные военные зоны. Кейт окопалась за своим рабочим столом, возведя вокруг себя баррикаду из подручных канцелярских средств, а Уолтер засел на кушетке, подложив под спину маленькую подушечку, а под листочки — жёсткий негнувшийся планшет.

И совсем скоро мисс Симмонс стала показывать очень высокий класс, немало удивив и даже ошарашив доктора, рассчитывающего на лёгкую победу. Сдав первую партию, он взялся за ум во второй, продул, решил, что ей просто повезло, усилил нажим в третьей, пролетел снова и... Четвёртый бой Уолтер проиграл со спокойной душой, поскольку понял, что в схватке с Кейт у него нет ни единого шанса. Это был просто Ушаков в юбке!

Протяжно скрипнула двойная входная дверь и в приёмную зашли столь долгожданные шериф с первым помощником. Доктор поднялся и поприветствовал мужчин. Кейт поспешно сделала вид, что очень сильно занята наведением порядка на столе.

— Надеюсь, Кейт, ты не давала нашему гостю скучать? — Энди снял куртку и шляпу. Кларк, не теряя время, сграбастал коробку с пончиками и с видимым наслаждением уселся за компьютер.

— Ничуть, шериф. К тому же док знает столько полезных и развивающих интеллект игр, что скучать нам не пришлось точно!

— У тебя чудесные сотрудники, дружище, — потупился Уолтер.

— Ладно, Уолт, пройдем в мой кабинет...

Едва за шерифом и доктором захлопнулась дверь, как девушка вскочила со своего места и подбежала к загружающему игру Дугласу.

— Ну рассказывай, Кларк! Как всё прошло, что вы выяснили?

Кларк подавился куском пончика и закашлялся. Кашлял он долго и надрывно, пока Кейт несколько раз не огрела его по широкой массивной спине телефонным справочником. Отплевавшись, помощник шерифа одарил стенографистку взглядом, красноречивым как ствол противотанкового орудия.

— Господи Иисусе, Кейт, ты меня когда-нибудь в гроб вгонишь!

— Да ладно тебе приbedняться. Лучше рассказывай, что вы видели в этом цирке?

— Дался вам всем этот цирк, — буркнул Кларк, нажав на клавиатуре клавишу «ввод».

— Значит, я не одна такая любопытная! — как клещ ухватилась за неосторожные слова Дугласа девушка.

— Между прочим, любопытному на днях прищемили нос в дверях, — ухмыляясь, сказал Кларк и щёлкнул её по носу. Отмахнувшись от могучей ручищи, Кейт приобняла здоровяка за толстую шею и приторно-сладко прошептала на ухо:

— Милый мой, дорогой мой младший помощник шерифа Дуглас... Если вы не расскажите мне, чем закончилась ваша встреча с руководством цирка, я расскажу мистеру Тёрнеру, что помимо онлайн игр, вы скачиваете из сети так же и порнофильмы... Да.

— Ну и что, ну и что? — запыхтел Кларк. Ухо его заалело, как солнце в ветреный день.

— С ПЛАТНЫХ серверов, — сделала губки бантиком Кейт. — Шериф давно задаётся вопросом, почему у нас такие большие счета за оплату услуг интернета? Смекаешь?

— Теперь понял, — Кларк с отвращением посмотрел на милостивую девушку. — Кейт, а ты, оказывается, умеешь больно защемлять яйца!

— У меня куча скрытых талантов. Ну рассказывай!

— Да что там рассказывать, — вздохнул Кларк, поглядывая одним глазом в монитор. — На обратном пути, не успели мы даже отъехать, как позвонил мэр Гриффит и попросил проверить этот цирк на предмет наличия всяких незаконных элементов. Ха, поздно спохватился! Мы к тому времени уже всё досконально осмотрели и перепроверили. Цирк как цирк, чудной, конечно, но разве цирк может быть нормальным? И, да, там у них есть животные, которые будут участвовать в представлении! Зебры там всякие, лошади, обезьяны, собаки, тигры... Будет здорово, я думаю, посмотреть на всё это.

— С каких пор ты стал поклонником цирка? — прищурилась Кейт, не сводя с Кларка подозрительных глаз.

— Мне животные всегда нравились, — пожал плечами младший помощник. — В общем, ничего противозаконного мы не обнаружили. Пока мы осматривали закулисные лабиринты, прибыл директор цирка — мистер Старжински. Экцентричный человек, доложу я тебе. Не простой, ох, не простой... Он привёз заверенные лично мэром документы, лицензию, рекомендации и прочую бумажную шелуху, в которой я, извини, не силен.

Кейт огорчённо вскинула тонкие, выщипанные брови.

— И это всё? Обычный странствующий цирк — шапито? Никаких скелетов в шкафах?

— Слушай, я вконец перестал тебя понимать, — начал сердиться Кларк, поворачиваясь к компьютеру. — Я выложил тебе всё, как было, ничего не утаивая! А что ты хотела услышать, а?

— Мне тут доктор Харрис рассказал занимательную историю, — заговорщицким шёпотом поделилась девушка. — Про дьявольский цирк, написал Рей Бредбери... Эй, ты чего смеёшься?!

Кларк хрюкнул от смеха, утробно высморкался в платок и покачал головой.

— Кейт, я офигеваю от тебя! А док? Ну даёт! Повторяю ещё раз — с цирком «Невозможное-возможно» полный порядок. Сотрудники, конечно, те ещё ухари, особенно клоун, ну а что ещё ожидать от бродячих циркачей?

— Клоун?

— Ага. Я вспомнил, это он наклеивал нам афишу. Наглый сукин сын, нарывался на неприятности, но всё обошлось, — Кларк прокрутил колёсико мышки. — Извини, Кейт, но у меня игра. Необходимо до вечера пройти новый уровень.

Вернувшись на своё рабочее место, Кейт переложила на край стола брошенную второпях шерифом шляпу и заискивающе спросила:

— А кроме этого клоуна там есть на кого посмотреть?

— О, разумеется! — и со спины было видно, что Дуглас улыбается. — Я же говорил, что чудиков в этом цирке хватает! Как тебе такие «ники»: Каучуковый Джек, Эльвира леди-нож, Богарт мистер Невозможное? Каково, а?

— А почему у этих людей такие имена? — недоумённо наморщила лоб Кейт.

— Потому что имена отражают их суть и образ жизни, — глубокомысленно изрёк Кларк. — Впрочем, ты сама вскоре сможешь в этом убедиться. Директор Старжински выдал

на наш участок бесплатные билеты на все представления.

— Я, пожалуй, постою, — Уолтер подошёл к окну и, раздвинув жалюзи, посмотрел на улицу. — Пока ждал тебя, насиделся на день вперёд!

— Да будь как дома, — Энди удобно устроился в кресле и с удовольствием вытянул под столом ноги. — Я сегодня пользуюсь особой популярностью. Всем нужен и всеми любим. Даже мэр изволил почтить своим вниманием, представляешь?

Харрис отвернулся от окна и опёрся бедром о выступающий подоконник. Рыжие волосы доктора казались взбудораженным непослушным сгустком пламени.

— Выборы, вроде, были совсем недавно. Что он от тебя хотел?

— Да звонил напомнить мне о моих обязанностях, — усмехнулся Тёрнер. — Ну да это всё издержки профессии. Тебя-то что привело ко мне? Не подумай, что я не рад тебя видеть или мне жалко кофе, но обычно к шерифу заходят не от хорошей жизни!

— Так же, как и к врачу, — согласно кивнул Уолтер и сложил свои красивые руки на груди. — Ты угадал, дружище, я по делу. По очень щекотливому и деликатному.

— У тебя проблемы, Уолт? — Тёрнер весь подался вперёд, сосредоточив на докторе внимательные глаза. — Что-то случилось?

— Да, Энди, проблемы, — медленно кивнул Харрис. — Но не столько у меня, сколько у тебя. Так... Чёрт, я, конечно, немного неправильно выразился! Я сильно утрирую и заранее предвосхищаю события, которые могут вовсе не состояться. Не напрягайся, Энди, а то у тебя подскочит давление и...

Шериф пригладил торчавшие на затылке вихры тёмно-русых волос и буднично сказал:

— Уолт, я само воплощение спокойствия, поверь мне. И я понимаю, что ты основываешься лишь на предположениях, не имеющих под собой весомой основы. Только поконкретней, пожалуйста.

— Вижу, что ты насторожился, как охотничий пёс, почуявший след хорошей добычи, — заметил Харрис, не спеша раскрывать все карты.

Энди смущённо покраснел. Он понимал, что в отдельные моменты, как вот сейчас, например, выглядит мальчишка — мальчишкой, из кожи вон лезущим, чтобы доказать свою состоятельность. Коломбо хренов...

— Да есть маленько, — не стал крутить хвостом Тёрнер. — Понимаешь, док, в последнее время на меня накатывает... М-м... Ну не знаю, какое-то чувство опасности что ли. Предчувствия у меня нехорошие! Что-то должно произойти в нашем городке. Что-то странное, непонятное и... плохое. Всё, теперь можешь смеяться.

Но Харрис вовсе не собирался поднимать на смех молодого шерифа. Главврач поликлиники Хеллвила посмурнел ещё больше, что совсем не понравилось Энди...

— И давно у тебя это... чувство?

Передёрнув широкими плечами, Тёрнер окончательно смутился.

— Да кто его знает... Наверно, надо было меньше смотреть Твин Пикс! А тут ещё этот цирк нагрязнул. Не по нутру мне всё это, Уолт.

— Сериал Дэвида Линча здесь совершенно ни при чём, — доктор отклеился от подоконника, подошёл к столу шерифа и сел напротив него. — А чем тебе не понравился цирк?

— Слишком у них всё правильно, чистенько и по-циркового выглядит, — не задумываясь, выдал Энди. — Слишком правильно. Так не бывает. У меня возникло

ощущение, что всё, что я видел — ненастоящее. Словно за городом расположились не живой табор с людьми, а искусная декорация с двигающимися манекенами. Марионетками, которых ловко дёргает за ниточки хитрый кукловод. И мне совсем не понравился директор цирка. Рудольф Старжински. Очень скользкий тип.

— Наведи справки.

— Обязательно наведу, но, боюсь, что во всех источниках информации эта развесёлая компания будет проходить как богонравный фонд сестёр милосердия.

— Значит нужно обзавестись альтернативными источниками, — зелёные глаза Харриса не улыбались. — Приятель, у нас, как видишь, схожие предчувствия. Значит, стоит быть настороже. Хочешь, я тебе скажу, когда у тебя, да и у меня началась вся эта несуразная антинаучная провидческая хрень?

— Скажи.

— В тот день, когда умерла Урсула де Фес.

Шерифу показалось, что по его спине резво пронесся целый выводок мурашек, противных, холодных, размером с грецкий орех каждая. Он уставился на Харриса, не произнося ни слова в ожидании дальнейших откровений.

— Поэтому я и нахожусь сейчас в твоём кабинете, Энди, вместо того, чтобы устраивать в больнице разнос неуклюжим неумехам. Я считаю, что Урсула умерла не вполне естественной смертью.

— Ты заявляешь это как врач? — Тёрнер закусил изнутри щёку.

— Да, Энди, как врач, — Харрис положил руки на стол, глядя на Тёрнера в упор. — Я лично проводил вскрытие. Я был её лечащим врачом. И я готов поклясться на библии, что эта женщина, за исключением симптомов кариеса двух задних клыков, была абсолютно здорова! Сердечный приступ? Увольте, ничем похожим она и близко не страдала. Урсула спокойно прожила бы ещё столько же лет...

— Но она умерла от сердечного приступа, — с нажимом сказал шериф. — Ты сам это подтвердил.

— И это далеко не самое странное в смерти миссис де Фес. Я и не отказываюсь от своих слов, иначе грош мне цена, как врачу. Но я установил следствие, Энди. Что было причиной приступа, я не знаю. Я не знаю, ЧТО так испугало несчастную женщину, что она умерла!

Тёрнер вскочил с кресла и перегнулся через стол, крепко сжав доктора за плечи. Глаза шерифа заблестели азартным предвкушением.

— Вот оно, Уолт!

— Ты о чём? — Харрис спокойно смотрел на Тёрнера, не шевелясь и не делая попыток освободиться.

— Урсулу убили, — Энди схлынул с лица и рухнул обратно в кресло. — Вот что не давало мне покоя.

— Не спеши утраивать охоту на ведьм, — предостерёг Харрис. — То, что я сказал, не должно выйти за пределы этого кабинета. Вполне возможно, что я ошибаюсь. В медицинской практике насчитывается немало курьёзных и невероятных случаев. Пойми это.

Шериф замахал на него руками.

— Хорошо, Уолт, хорошо, давай отбросим в сторону все эти исторические прецеденты! Я спрашиваю тебя как друга, как человека, которому доверяю — твоё ЛИЧНОЕ мнение по поводу смерти Урсулы?

— Что-то здесь нечисто, — сказал Харрис. — Помнишь, я говорил, что сам факт сердечного приступа не самое странное из того, что мы имеем?

— Помню. О чём это ты?

— О том, что кроме меня не заметил, по ходу дела, никто. У покойной были шикарные рыжие волосы, без малейших признаков седины. Так вот, непосредственно перед смертью она сильно поседела. Я видел Урсулу накануне в больнице и не заметил ничего подобного. Но производя вскрытие, её седина сразу бросилась мне в глаза. Она чего-то испугалась, Энди. Её кто-то очень сильно напугал. И её сердце не выдержало.

— Оч-чень интересно, — Тёрнер заморожено ловил каждое сказанное доктором слово. — Я думаю, мне стоит поговорить с Фредом.

— Я слышал, к нему приехали в гости племянники. Алан и Шейла, так ведь? А она подросла, эта девочка. Дети сейчас вообще быстро растут, не находишь?

— Да, — Энди проигнорировал полный неприкрытого любопытства взгляд Харриса, сурово двигая желваками. — А ты откуда знаешь, что они приехали?

— Земля слухами полнится, — скрыл улыбку Уолтер.

— Шелли, ну пойми, час уже поздний, идти придётся долго, на улице опять похолодало и... И вообще подобные заведения не для молоденьких ранимых девушек!

— Это всё беспонтовые отмазки, милый мой братишка, — Шейла загородила дверной проём, не давая Алану выйти из комнаты. — И кто это у нас ранимый — Я?! Алан, ты хочешь, чтобы я умерла со смеху и уж точно не цеплялась к тебе?

— Шелли, а ты подумала о дяде Фреде? — осенило юношу. — Как, по-твоему, будет выглядеть, если ты смоешься вместе со мной, а он останется совсем один в этом огромном доме, зная, что его неблагодарные племянники ушли развлекаться?

— Алан, ты цепляешься за воздух. Я уже поговорила с дядей, заварила ему полный чайник, испекла сахарных коржиков, как он любит, и усадила в гостиной перед телевизором. И помимо всего, он дал мне денег на карманные расходы! Что, съел?

Молодой человек обречённо смерил сестру убитым взглядом:

— Ты маленькая подлиза и подхалимка. Мне вот дядя никаких денег и не предлагал.

— Это потому, что ты не умеешь целоваться так, как я, — Шелли сложила тонкие губки бантиком и показала Алану язык.

Рука Алана метнулась вперёд и, как обычно, запоздало. Язычок исчез за розовыми губами так же быстро, как и появился.

— Ладно, идём вместе.... Куда же тебя денешь! Но оденешься попроще, не вызывающе, и минимум косметики, учти.

— Мы что, идём в церковь? — надулась девушка. — И не говори, что здесь так не принято — а то я не знаю! Алан, я давно не маленькая девочка, не заметил? И в Хеллвиле не может быть опасней, чем в Детройте. А этот местный бар, куда мы собрались, по сравнению со школой, где я учусь, выглядит детским садиком для самых маленьких.

— Много ты знаешь!

— Да уж не меньше тебя, поверь, — Шелли сложила руки на груди и подозрительно посмотрела на застывшего возмущённым столбом посреди комнаты Алана. — И знаешь что? Сдаётся мне, что причина твоего нежелания брать меня с собой кроется совсем в другом. Ты просто не хочешь, чтобы я видела, чем ты будешь ТАМ заниматься? У тебя назначена встреча?

Алан беспомощно закатил скрытые падающими на нос волосами глаза.

— Да какая встреча, Шелли? Да, не скрою, у меня есть пара знакомых, которых я буду рад увидеть, но ни о какой приватной встрече и речи не идёт!

— Хорошо, хорошо, чего ты весь ощетинился? — девочка подошла к нему и ласково провела рукой по груди. — Братишка, чего ты боишься? Мы же ничего не скрываем друг от друга (я, по крайней мере, вскользь подумала она). Если у тебя в Хеллвиле есть девушка, ну, или та, которая тебе нравится, и ты хочешь, чтобы она БЫЛА твоей девушкой, то в чём дело? Считай, что я тебя благословляю от всей души! Я же люблю тебя и ничуть не против твоих отношений с тем, кто тебе симпатичен. Ты же не будешь опекать меня вечно!

Шейла ласково чмокнула его в гладко выбритую бледную щеку и бережно обняла.

— Я люблю тебя, братишка.

— Я люблю тебя, Шелли...

Хвала всем святым, что она не видит моих глаз, подумал Алан, закусив губу.

Алан посмотрел на наручные часы — стрелки показывали шесть вечера. За окнами стемнело. Сумерки вкрадчиво опустились на землю, чтобы через какое-то время передать эстафету чернильной мгле ночи. К вечеру заметно похолодало, но, по крайней мере, небе было чистое, без туч, и дождь не намечался. Затея наведаться в знаменитый бар Грэма Лоулесса «Внутри на ногах — обратно на руках» возникла у Алана не спонтанно. Он был не прочь пропустить кружку другую пива и поболтать со старым ирландцем «за жисть», да и извиниться перед Дейзи не помешало бы. В прошлый раз они расстались при очень хреновых обстоятельствах. Он здорово обидел её. Ну и что, что он не стал врать, а сказал лишь правду? Это ничего не меняет, для Дейзи мир рухнул. Он прочёл это в её наполненных безудержными слезами глазах. С тех пор Алану было особенно мутно на сердце. Не мог он спокойно спать, зная, что причинил кому-то боль и на него затаили обиду. В какой-то степени он страдал не меньше Дейзи. Но он-то привычный, а она? Она тоже, мрачно напомнил сам себе Алан. Нет, надо поговорить с ней, обязательно. Она очень хорошая девушка и не должна из-за него страдать.

Могут, конечно, возникнуть проблемы. В баре к Дейзи многие относились по-отечески и, если он нарисует собственную персону под носом у завсегдатаев, то... Старый Грэм мужик понимающий, чего Алан не мог сказать об остальных. Особенно об одном. Большой Том наверняка жаждет реванша. Ну что ж, Алан несколько не боялся его. Он не боялся никого из людей. Юноша боялся только одного...

Так, так, у Шелли ещё две минуты из выделенного ей лимита, и если она опоздает... Алан надеялся, что она опоздает.

— Алан, я готова! — донёсся приближающийся звонкий голосок Шелли и, спустя несколько секунд, довольная собой девочка влетела в комнату Алана. При полном параде, мимоходом отметил Алан. — Я собралась. Не ожидал от меня такой прыти, признайся?

— Ты чертовски пунктуальна.

— Могу, когда захочу, — лучезарно улыбнулась Шелли.

Глава 7

Грэм Лоулес удовлетворённо подумал, что этот пятничный вечер определённо будет урожайным. Прибыльным. Народу в бар набилось под завязку. Стулья и столы трещали под тяжестью закусок и посетителей. Официантки сбивались с ног, едва успевая разносить гроздь налитых «с шапкой» граненых кружек с пивом. Музыкальный автомат проигрывал расслабляющие популярные мелодии, приглушенный свет люстр не резал глаз, гул

множества возбужденных голосов возносился вместе со струйками табачного дыма к дубовым стропилам высокого потолка.

Оно и понятно — конец рабочей недели, людям необходимо расслабиться и в тесной компании обсудить самые свежие сплетни и слухи. А поскольку конкурирующей альтернативы бару старого Грэма в Хеллвиле попросту не существовало, то и стекался народ в это по-своему уютное одноэтажное строение с замшелыми каменными стенами, старинным внутренним интерьером и прикрученной над входными дверями потрескавшейся от времени деревянной табличкой с надписью «Вперёд на ногах — обратно на руках».

Контингент бара был самый разнообразный, исключая разве что школьников. Правда, старшеклассники уже считали себя завсегдатаями и приветствовали Лоулеса как старого знакомого. Тот не возражал. Лишь бы исправно платили по счетам и не буянили. На этот случай имелось решение любых спорных вопросов в необъятном лице Большого Тома. Здоровенный, за метр девяносто пять ростом и массой под сто пятьдесят кило, бугай ни с кем не церемонился, но отличался обострённым чувством справедливости. И за одно это Грэм прощал вышибале и завышенную самооценку, и наглую привычку накачиваться дармовым пивом в течение дня. Большой Том не врал, когда говорил, что вечером он не пьёт, но ДО вечера заправлялся основательно.

Дела Грэма Лоулеса процветали и самыми большими его неприятностями были разбитые тарелки и редкие драки между подвыпившими клиентами. По крайней мере, так было, пока в бар не начал захаживать Алан Блейз. Против самого юноши Грэм не имел ровно никаких претензий. Дядя Алана Фред частенько заседал за одним из двух десятков столов, азартно перекидываясь в картишки с многочисленными друзьями. Де Феса знали и уважали практически все. И к молодому племяннику никто не цеплялся. Да и даже по поверхностным впечатлениям этот Блейз оставлял исключительно положительное мнение.

Курьёз заключался в другом. Грэм прожил непростую и долгую жизнь, повидал всякого и всяких. И он нутром чуял, что с пацаном что-то не ладно. Станный он был. Бесспорно, хороший и славный парень, но странный, и, как оказалось в дальнейшем, проблемный. Эта несчастная дурочка — Дейзи — умудрилась влюбиться в заезжего юнца из большого города! И невыносимо страдала от своих односторонних, не разделённых амурных чувств. Она не знала о железном правиле Грэма Лоулеса. Один раз ей крупно повезло. С Шоном. Но судьба обожает смеяться над влюблёнными. Гнусно так смеяться, нехорошо. И редко даёт второй шанс, предпочитая бесстрастно и надменно наблюдать свысока за человеческими терзаниями и болью.

Глупышка этого не понимала. Точнее, не хотела понимать, добровольно закрывая глаза на мерзкую правду жизни. Грэму было искренне жаль её. Но он не хотел вмешиваться. У него было ещё одно железное правило — не лезь в чужие (особенно семейные и любовные!) дразги. Ни в коем случае. И не поможешь толком, и друзей потеряешь.

А ещё старый Грэм знал одну поговорку — лёгок на помине. И эта избитая прописная истина подтвердилась в очередной раз буквально на его глазах. Он не уловил момента, когда именно они вошли в бар. Странная, выделяющаяся на фоне местных обывателей, парочка попала в поле его зрения уже на подходе к отполированной сотнями локтей барной стойке. Юноша и совсем молоденькая девушка.

Юноша был высоким, худым и прямым как жердь, с длинными, падающими на плечи и закрывающими глаза чёрными волосами. Одетый просто и без изысков. Кожаная «косуха» поверх чёрной, обтягивающей торс водолазки, заправленной в синие джинсы, и остроносые

ботинки на высоком каблуке. Очевидно, что долговязый, субтильный с виду парень хотел казаться ещё выше.

Его спутница была гораздо ниже и ярче. Пухленькая симпатичная девочка лет шестнадцати-семнадцати чем-то неуловимо смахивала на высокого юношу. Она скинула с головы капюшон короткой синей курточки, демонстрируя иссиня-чёрные волосы, собранные в два длинных скреплённых заколками хвоста. На ней были кеды, облегающие стройные ноги узкие джинсы, такая же, как у молодого человека чёрная водолазка поверх крутых бёдер и обмотанный вокруг шеи длинный шарф. Девушка неосознанным жестом перебросила через плечи хвостики волос и вопросительно зыркнула на долговязого спутника большими синими глазами. Юноша в ответ кисло улыбнулся и указал рукой на пару свободных табуретов возле барной стойки.

Грэм усмехнулся. Так, так, начинается самое интересное. К нему в бар неожиданно-негаданно пожаловал давешний Алан Блейз. Да не один, а с заметно подросшей родной сестрой.

— Привет, Грэм, — учтиво поздоровался Алан, взгромоздясь на высокий круглый табурет. — Вижу, от наплыва клиентов нет никакого отбоя?

— Стараемся держать марку, — дружелюбно ухмыльнулся Грэм, крепко пожимая Алану руку. Учтиво кивнул обрамлённой венчиком седых волос лысиной Шейле. — Добро пожаловать, маленькая мисс Блейз. Располагайтесь поудобней. Не стесняйтесь.

— Стеснение и я — две абсолютных противоположности, — хвастливо заявила девушка. — А у вас кроме пива что-нибудь подают? Не люблю я его, не нравится даже само название. П-и-в-о. Фу!

— Может слабоалкогольный коктейль со льдом? — неуверенно предложил хозяин бара.

— Можно, — милостиво разрешила Шейла, нарочито не замечая недовольно поджатых губ брата. Его тёмных глаз видно не было, но наверняка, они засверкали крупными льда. Алан не переносил, когда она прикладывалась к спиртным напиткам. Даже если процент алкоголя в них был мизерным. Да ну его! Ей уже давно не нужна нянька.

Грэм поставил перед Шейлой высокий, наполненный до краёв стакан, с торчащей соломинкой. Девушка благодарно улыбнулась и незамедлительно взяла соломинку в рот, демонстративно потянув напиток под неодобрительным взглядом Алана.

— Ты бы не торопился с этим, Грэм, — сказал Алан, указывая пальцем на стакан в руках сестрёнки. — Ей бы лучше молока начислить...

Шейла закатила глаза и жалобно захлопала ресницами.

— Нет, ну вы видите, как он меня опекает? Просто житья никакого не даёт!

Грэм вытер руки о неизменное переброшенное через плечо полотенце и расправил фартук на внушительном пузе. Он повернулся к бочке с пивом и подставил кружку под краник.

— У тебя замечательный, заботливый и любящий брат...

— Чересчур заботливый, — буркнула под нос, но так, чтоб слышали все, девушка.

— Но он, конечно, зря переживает, — закончил тираду Лоулес и сказал, глядя на неё, но уже обращаясь непосредственно к Алану. — В моём заведении тебе ничего не грозит, Шейла. Тебя никто не обидит.

Алан сграбастал наполненную кружку, сдул пену и тихо сказал:

— Всё верно, рядом со мной ей НИЧЕГО не грозит.

Лоулес покосился на тонкие точеные пальцы юноши, обхватившие ручку кружки, и

непроизвольно поёжился. Он хорошо знал, что в этих пальцах, более подходящих художнику или гитаристу, сосредоточена немалая, чудовищная сила. И это тоже было странным.

— Интересный у тебя шарф, малявка, — Грэм подмигнул девушке.

— Это мне подарил Алан, — ничуть не обиделась на «малявку» Шелли, прикоснувшись к бахrome на концах чёрного шарфа. — А ему привёз из армии его друг Дэнни. Он служил на противолодочном корабле. А мне идёт, правда?

— Да, разумеется. Хоть сейчас в морскую пехоту.

Шейла сморщила носик, не выпуская пластиковую трубочку из губ. Вполне освоившись, девочка принялась вертеть головой по сторонам, стараясь не упустить из виду ничего потенциально интересного. Однако интересное началось гораздо раньше и ближе, чем она могла ожидать.

К барной стойке подошла симпатичная официантка в униформе и, протиснувшись меж Шейлой и сидевшим слева от неё каким-то дующим пиво пожилым мужиком, лязгнула пустым подносом о дубовую поверхность стойки. Грэм вопросительно вскинул седые брови.

— Уф, сегодня прямо завал, — отдуваясь, сказала официантка, помассировав запястья тонких изящных кистей. — Рук уже не чувствую! Представляешь?

— Вечер в самом разгаре, — Лоулес передал поднос куда-то за спину, где его привычно подхватили. — Если устала, Дейзи, посиди, передохни пять минут...

От Шелли не ускользнуло, что, уже заканчивая пропитанную заботой фразу, толстяк запнулся и резко сник, словно до него только сейчас дошло, что он сболтнул что-то лишнее. Лишнее? Но что? И Алан, сутулившийся справа от неё, при звуках голоса этой официантки заметно напрягся, подобравшись, как тигр перед прыжком. Да что же такое происходит? Шелли отставила пустой стакан и повнимательней присмотрелась к облокотившейся о стойку девушке.

Высокая, стройная, с короткими, до плеч, густыми русыми волосами, взбитыми в пышную причёску. Выразительные усталые зелёные глаза, полные губы, минимум косметики. На вид лет двадцать пять, ну, двадцать шесть. Почему-то Шелли показалась, что эта красивая эффектная девушка глубоко несчастна. Шейле стало очень жаль её. Откуда в ней зародилось это чувство, она сама не могла понять. Но эта незнакомка явно была несчастна. Как будто над зеленоглазой официанткой невидимым саваном довлел гнетущий груз копившихся долгие годы обид, переживаний и неутрахающей боли. И ЭТИМ она кого-то смутно напоминала. Кого-то, хорошо знакомого Шейле. Алана, молнией пронзила девочку догадка. Тогда получается, что... Алан глубоко несчастен?!

— Дейзи? — Алан слез с табурета и подошёл к девушке. Шейла чуть не хлопнула себя по лбу. Вот оно что! Теперь становится понятно, что именно потянуло её брата в этот бар. И почему он так не хотел брать её с собой. Всё из-за этой высокой несчастной молодой женщины.

— Привет, Дейзи, — Алан выглядел донельзя смущённым, низко опустив голову. Его лица невозможно было разглядеть. — Надеюсь, ты не слишком сердись на меня... И не пошлешь меня сразу и надолго. Нам необходимо серьёзно поговорить.

Шелли, раскрыв от изумления рот, не верила своим ушам. ЧТО он несёт?! Если Алан так всегда общается с девушками, глубоко несчастными, судя по всему, по его вине, то становится понятным, почему у него до сих пор никого нет! Ей захотелось незамедлительно пнуть его под зад. С девушками так нельзя!

Дейзи Хилл молча смотрела на Алана, нервно покусывая губы. Было видно, что встреча

с юношей явилась для неё полнейшей неожиданностью. Приятной или нет, ещё тот вопрос. Грэм Лоулес напрасно изображал из себя ветряную мельницу, стараясь привлечь внимание к своей колоритной особе. Дейзи и Алан смотрели друг на друга, никого вокруг не замечая. В зелёных глазах Дейзи неуверенно загорались огоньки радости и надежды. Алан откинул с лица волосы, сверкнув агатами глаз. В тёмных провалах плескалась раскаяние и вина. Дейзи внимательно, сжав кулачки, вглядывалась в его глаза. Шелли поняла, что именно она пытается в них разглядеть. И так же поняла, что надежды Дейзи были пусты и напрасны. В глазах её старшего брата не было и проблеска ответного чувства. Неужели он и впрямь не способен любить? Шейле стало тоскливо и тошно. И невероятно стыдно за Алана...

— Здравствуй, Алан. Я рада тебя видеть, правда, — Дейзи теребила подол передника. — В прошлый раз я наговорила тебе кучу всяких гадостей... Знай, что на самом деле я так не думаю. И не думала никогда! Прости.

Шелли повернулась в их сторону и ядовито произнесла:

— А Я думаю, подруга, что ты была права на сто процентов! Тебе так не кажется, БРАТИШКА?

Дейзи пристально посмотрела на неё и попыталась неуверенно улыбнуться.

— Ты, наверно, его сестра? Вы похожи.

— Да вот уж и нет! — раздосадовано фыркнула Шейла. — Нисколько мы не похожи с этим тощим долговязым трусливым мерзавцем!

— Шелли, ну-ка выпей вот этого, — предусмотрительный Грэм поставил перед закипающей девочкой новый стакан. На этот раз содержимое было другого цвета и без соломинки.

— Грэм, прекрати наливать ей! — палец Алана твёрдо указывал на бармена.

— За кого ты меня держишь? — возмутился Лоулес. — Это молочный коктейль! А ты, Дейзи, по-моему, уже достаточно передохнула. Успеете ещё наговориться, нечего тут устраивать митинг!

Дейзи понурила голову и взялась за уставленный доверху наполненными кружками поднос. Алан с заметным облегчением вернулся на свое место и показал Шейле кулак. Девочка, не глядя на брата, осушила пол стакана и, нахохлившись, принялась водить наманекюрным пальцем по стойке, что-то беззвучно бормоча под нос. Грэму показалось, что ситуация разрешилась вполне полюбовно и можно вздохнуть с облегчением. Но не тут-то было! Есть в жизни такая курьёзная штука, как форс-мажор.

Видимо, привлечённый непонятной шумихой, сутолокой, и повышенными тонами возбуждённых голосов, перекрывающих льющихся из автомата «Блонди», покинув глубины задымлённого зала, к барной стойке протиснулся Большой Том. Здоровяку потребовались считанные секунды, чтобы разобраться «кто есть кто», а уж когда он разобрался и увидел Алана...

— Ты?! — неверяще ахнул верзила, уронив челюсть на грудь.

— Я, — согласился Алан, легко спрыгивая с табурета.

— Том, захлопни пасть и немедленно вернись к исполнению своих непосредственных обязанностей, — рявкнул Грэм, ещё надеясь не допустить погрома. — Кому говорю!

Но Большой Том, с налившимися от ярости кровью выпученными глазами, не слышал хозяина. Издав душераздирающий рёв, перекрывший и музыку, и бубнящий гомон десятков голосов, вышибала с неожиданным для его туши проворством прыгнул на Алана.

Карты упали на пол, кружки стукнулись о столы, разговоры сами собой затихли.

Практически все повернули головы на шум начинающейся драки. От барной стойки, опрокидывая табуреты и толкаясь, врассыпную бросились все, кто не захотел попасть под горячую руку. Грэм, беспомощно размахивая полотенцем, изрыгал проклятия. Дейзи, надсаживаясь, вопила, пытаясь докричаться до затуманенного гневом сознания Большого Тома. Шелли испуганно прижалась спиной к барной стойке, в каком-то непонятном ступоре наблюдая за происходящей перед её расширившимися от ужаса зрачками пантомимой. Сердце девочки с бешеной частотой билось о грудную клетку, воздух с трудом проникал в лёгкие через перехваченное невидимой ледяной рукой горло. Время вокруг неё словно сгустилось, замедлив движения людей и окутав неживое убранство зала пологом мертвенной тишины.

Кулак Большого Тома, такой же БОЛЬШОЙ и тяжёлый, врезался в челюсть Алана Голова юноши дёрнулась, как у тряпичной куклы, и его отбросило назад. Несколько капель яркой рубиновой крови из разбитой губы попали на Шейлу, забрызгав лицо. Девушка машинально облизнулась, почувствовав на языке солоноватую терпкость... Так она узнала, какова на вкус кровь брата.

Не останавливая движения, вошедший в кураж верзила добавил пошатнувшемуся Алану ногой в живот. Юноша согнулся, сделал несколько неверных шагов назад, наткнулся на стол, и упал на колени. Длинные волосы повисли безжизненными прядями, закрывая ему лицо. Дейзи уже ревела во весь голос, прижимая ладонки ко рту. Матерясь как сапожник, Грэм выскочил из-за стойки, грозясь выгнать Большого Тома к чёртовой матери, если он сию же минуту не прекратит избиение. Люди образовали вокруг дерущихся круг, громко подначивая и скандируя имя зачинщика. Всё-таки вышибала был местным, и с ним ссориться не хотелось никому. А приезжие... Приезжие всегда первыми нарываються на хорошие тумаки.

— Ну что, засранец, довольно с тебя? — глумливо усмехаясь, торжествовал здоровяк, неспеша приближаясь к поверженному противнику. — Нет, вы только посмотрите на этого молокососа! Куда же делась твоя отчаянная храбрость, сынок? Это тебе не беззащитных девушек обижать, да!

— Том, прекрати, перестань! Ну, пожалуйста! — слёзы градом бежали по щекам Дейзи. — Ну умоляю тебя... Том!!!

Грэм Лоулес бесстрашно встал против громадного как скала верзилы и ткнул пальцем в тяжело вздымающуюся от распирающего триумфа грудь здоровяка.

— Достаточно, Том, не вздумай больше и попытаться тронуть его! Это Я тебе говорю. Понимаешь меня?

Том негодуяще заворчал. Однако безумная пелена постепенно сползала с его глаз, а кулаки сами собой разжимались. Но виноватым вышибала не выглядел. Он беспечно пожал широченными плечами и сказал:

— А что? Я то что? Зато теперь будет знать, как положено себя вести с порядочными девушками.

— Ты ИДИОТ! — Дейзи схватила со стойки полотенце и кинулась к так и не поднявшемуся с колен Алану.

— Всё, прошу всех вернуться к своим столам! — призвал к общему порядку и благоразумию Грэм. — Представление окончено!

Несколько разочаровано похмыкав, зеваки стали расходиться, занимая привычные места, поднимая кружки с пивом и обсуждая подробности схватки. Но они явно торопились с выводами, потому что драка не закончилась.

С Шейлы словно слетели оковы недвижимости, время вернулось к нормальному бегу. Всклипнув, и закусив губу, чтобы не разрыдаться, девочка со всех ног бросилась к брату, опередив сердобольную официантку. Но к Алану, помимо двух девушек, спешил и Стивен Диксон, сжимая в кулаке пустую стеклянную бутылку из-под пива.

Диксон уже битых два часа в гордом одиночестве и приступе мрачной хандры накачивался пивом и вызывающе зыркал на всех без исключения, в надежде нарваться на чей-то ответный взгляд. Настроение у молодого человека было хуже некуда. Хотелось напиться до полусмерти. Или набить кому-нибудь наглую нахальную морду. Возможно, подвыпивший юноша ещё раньше нашёл бы себе жертву по вкусу, но внушительная фигура Большого Тома была весомым сдерживающим фактором. Стивен побаивался здоровяка, чего уж тут скрывать. Но когда Большой Том САМ затеял потасовку!.. Тут уж сам бог велел подсобить. А сообразив, с кем началась драка, Стивен решил, что упускать такой случай сквитаться будет непростительной глупостью. Подобные шансы нечасто выпадают. Это же просто неожиданный праздник какой-то!

Расталкивая встречных и обходя столы, нетвёрдой, но быстрой походкой Диксон шёл к своей цели. Алкоголь здорово дурманил мозги, разжигая в сознании огонь ненависти и злобы. Пройдя последние шаги, оттолкнув замешкавшуюся Дейзи, Стивен, не издав ни звука, молча подскочил к Алану и замахнулся бутылкой. Поддёрнутые спиртными парами глаза молодого человека не видели никого, кроме беззащитного Алана. Одновременно с Диксоном к Алану подоспела и Шейла. Наверно, она единственная поняла, что задумал этот взъерошенный пошатывающийся парень с полыхающими от ненависти пьяными, потерявшими всякую осмысленность глазами. Девочка видела, ЧТО он сжимал в кулаке. И когда Диксон со всего маху опустил импровизированное оружие на голову Алана, Шелли с криком закрыла брата собой, подставляясь под удар. Время опять потекло, размазываясь на границе притупившегося восприятия...

Запрокинув лицо, обнимая Алана за плечи, Шелли отчётливо видела, как, сверкая в свете горевших люстр, на неё опускается тяжёлая бутылка из толстого тёмного стекла. Наверняка, способная играючи размозжить ей череп. Пожалуй, она, находясь в своём нынешнем состоянии, могла бы и отдёрнуть голову, уйдя от удара. Тем самым подставив вместо себя брата. Но она не сдвинулась с места, продолжая наблюдать мокрыми от выступивших слёз глазами за падающей бутылкой.

Внезапно рядом с её лицом что-то пронеслось. Это был крепко сжатый до побеления костяшек кулак Алана Блейза. Промелькнув рассеянным метеором, кулак встретился с бутылкой, вдребезги разнеся её. Громкий звон лопнувшего стекла и десятки разлетевшихся осколков. В последний момент Алан гибкой кошкой извернулся, закрывая собой Шейлу от стеклянного дождя. В уши девочки ворвались голоса и шум. Время вновь ускорило.

Крики, изумленные возгласы, ругань, чей-то плачь... Стивен Диксон, недоверчиво вылупил на оставшееся в руке горлышко разбитой бутылки и трезвел буквально на глазах! Алан мягким, грациозно хищным движением поднялся на ноги и неуловимо для глаз одновременно двумя руками ударил Диксона. Мало кто вообще понял, что произошло. Но Стивена оторвало от пола и унесло на три метра прочь. Обмякшее тело потерявшего сознание молодого человека тяжело рухнуло на стол, расколов его в щепы. На Диксона водопадом полилось пиво, и посыпалась нехитрая закуска. Компания собутыльников с отборными матюгами, как ошпаренные вскочили на ноги, опрокидывая стулья, когда стол перед их носом внезапно превратился в растопку для печи.

Алан, не обращая внимания на воцарившееся вокруг самое что ни на есть гробовое молчание, помог сестре подняться с пола и нежно прижал всхлипывающую девочку к себе.

— Пошли отсюда, пожалуйста, — сквозь слёзы попросила Шейла. — Я так испугалась за тебя... И... Прости меня.

Откинув с глаз волосы, юноша поцеловал её в макушку и прошептал:

— Это ты прости меня.

— За что?

— Я не хотел тебя пугать...

К Алану подошёл Грэм и виновато похлопал Алана по плечу. Глаза хозяина бара выражали предельное сожаление и раскаяние.

— Ребята, простите, бога ради... Алан, клянусь, не думал я, что у этого придурка хватит ума накинуться на тебя!

— Всё нормально, Грэм, — Алан примиряюще улыбнулся краешком разбитой губы с запёкшейся в уголке кровью. Странно, подумал Лоулес, для человека, схлопотавшего ТАКОЙ удар, парень выглядит просто на ура. — Большой Том сначала делает, потом задумывается о последствиях. А за Стивена ты вообще не отвечаешь. Он получил то, что заслуживал. И можешь ему передать, как очнётся, что ему крупно повезло, что он всё-таки не задел Шелли. Я лично против него ничего не имею, но боль, причиненную моей сестре, не прощу никому.

— Понятно... Слушай, — Грэм замялся. — Я бы не хотел неприятных разбирательств с шерифом... Том, конечно, идиот, но он... Ну ты сам понимаешь.

Алан, скривившись, допил свою кружку с пивом и сказал:

— Грэм, всё в порядке. Я не обижаюсь. И не собираюсь звонить в полицию или жаловаться дяде. Всё, забыли. Инцидент исчерпан.

Стянув с плеча толстяка полотенце, юноша заботливо вытер мокрое от слёз, забрызганное кровью лицо Шелли и вернул испачканное полотенце хозяину.

— Спасибо, — двусмысленно поблагодарил Лоулес, возвращаясь за стойку. Пара официанток сноровисто прибирала устроенный Диксоном бардак, и приводила самого виновника торжества в чувство. Подозрительно притихший Большой Том, искоса поглядывающий на Алана округлившимися глазами, по мере сил и возможностей, помогал им. — Но, может, я могу что-нибудь для вас сделать...

Алан застегнул молнию на куртке и незамедлительно ответил:

— С тебя бесплатные напитки в течение всего времени, что мы пробудем у вас.

— Идёт! — облегчённо выдохнул Грэм. — Чёрт, а куда убежала эта несносная Дейзи? Работы-то сколько...

Только сейчас Шейла заметила, что зеленоглазая девушка действительно как-то незаметно исчезла. Шейла накинула на голову капюшон и завязала шарф на узел. А жаль, подумалось ей. Она была бы не прочь поговорить с этой Дейзи. Об Алане.

— Грэм, пожалуйста, оставь Дейзи на сегодняшний вечер в покое, — попросил юноша, исподлобья смерив толстяка весьма убедительным взглядом.

Когда они покидали стены гостеприимного бара, едва не оправдавшего и для них своё название, Шелли не удержалась и взяла Алана за руку. Помявшись, она всё же спросила:

— Признайся честно, ты просто подставился под удар, да? Ты мог уложить этого амбала так же просто, как и того пьяного недоумка?

— Мог бы, — тихо сказал Алан, прикоснувшись к саднящей губе. Никто не заметил, как он в последний момент чуть повернул голову, и кулак Тома задел его по касательной, самую

малость скользнув по скуле. А превратившиеся в камень мышцы живота легко выдержали удар ногой. — Мог. Но не стал.

— Почему? — Они вышли за дверь, очутившись в объятиях прохладной тёмной ночи.

— Я не захотел пугать окружающих.

Шейла крепче сжала твёрдую руку Алана. Так она и думала. Но правильнее было бы сказать, что в первую очередь Алан не хотел пугать её. Они отошли от бара на несколько шагов, когда их сзади негромко окликнул мелодичный женский голос. Брат с сестрой обернулись. К ним, кутаясь, в короткое тонкое пальто, спешила Дейзи Хилл.

— Да, да, дядя, мы чуть задержимся. Нет, не беспокойся, ничего не произошло... Ну дядя Фред, не будь как Алан! Да, мы зашли к Дейзи. Именно к той самой! Ну всё, пока целуем! Долго не задержимся, обещаю. Ага...

Шелли убрала мобильный телефон в карман куртки и, улыбаясь, уставилась на Алана.

— Знаешь, он, наверно, всё-таки нам родственник. Мистер де Фес, часом, не брат нашей мамы?

— Определённо, — уклончиво ответил Алан. Шелли видела, что её шутки не достигают цели. Блейз-младший сидел, как кол проглотивши, был сосредоточен и хмур. Девочка даже догадывалась почему. С одной стороны, он хотел поговорить с Дейзи, но с другой присутствие сестры ну никак не вписывалось в его планы.

Дейзи, догнав не успевших скрыться Блейзов, вторя Грэму, долго и настойчиво просила прощения за произошедшей казус. Во всём случившемся она винила непосредственно себя. Глаза девушки от слёз покраснели, как у рака, нижняя губка прерывисто дрожала, а голос то и дело срывался. Шейла мудро молчала в сторонке, дожидаясь от Алана решительных действий по прекращению самобичевания вконец расстроившейся девушки. Алан не заставил себя долго ждать. Он провёл по лицу Дейзи раскрытой пятернёй и заверил, что она совершенно ни в чём не виновата, и просить прощение должен он. И не только за сегодняшний вечер, но и вообще. Что значит это «вообще» снедаемой любопытством Шелли оставалось только догадываться.

Поскольку час был не такой уж и поздний, Дейзи набралась смелости и пригласила их к себе домой на ужин. Она уверяла, что они ничуть не стеснят её с сыном, а ей будет очень приятно пообщаться с ними. В последние годы гости в её доме были редким событием.

Алан был порядком удивлён этим приглашением и даже не знал, как отреагировать. Шейла знала наверняка. Девочка схватила брата за руку, словно опасаясь, как бы он не убежал, и сказала, что они оба с превеликим удовольствием согласны. Дейзи, вытирая платочком со щёк последние слёзы, просияла...

Она жила неподалёку от бара и идти им пришлось недолго. Никто не успел даже замёрзнуть. Высыпавшие на чёрном небе звёзды и серебристый серп неполной луны провожали их равнодушными надменными взглядами, взирая свысока на три далёкие маленькие человеческие фигурки. Казалось, что они так же одиноки и на всё белом свете, как и звёзды...

И вот теперь они сидели на мягком диванчике в по-домашнему уютной гостиной небольшого, но такого тёплого и радушного домика Дейзи. Сама хозяйка, наскоро переодевшись, хлопотала на кухне. Алан уже пару раз бывал здесь, но по понятным причинам не спешил афишировать это. Он надулся как сыч, и не обращал ни на что внимания. Шейла с любопытством смотрела по сторонам — она получила решительный от

ворот поворот, когда сунулась на кухню помочь Дейзи, и теперь компенсировала незанятое время кропотливым изучением владений миссис Хилл. Сразу бросалось в глаза, что, несмотря на достаточно скромное убранство, в доме царят порядок и чистота. Что люди, живущие здесь, любят свой дом и заботятся о нём, аккуратно и бережно относясь к каждой, на первый взгляд, самой незначительной детали интерьера. Шелли дом сразу понравился. Он показался девочке наполненным добротой и любовью. И Дейзи ей так же очень понравилась. Дом и его хозяйка были в чём-то схожи между собой.

— Мамочка, ты уже дома! Но почему так рано... Ой. — В гостиную маленьким заводным вихрем влетел симпатичный мальчик лет семи и как вкопанный замер посреди комнаты, поражённо уставившись на совершенно неожиданных гостей. — Мама, а ты в курсе, что у нас в комнате какие-то незнакомые люди?

— Это мои хорошие друзья, Тони, — Улыбающаяся Дейзи появилась на пороге кухни, с нежностью глядя на мальчика. Лицо ребятёнка озарилось ответной улыбкой, и Шелли поняла, что мать с сыном очень сильно любят друг друга. Это было потрясающе. — Гости остаются на тебе, Тони. И не вздумай смыться в свою комнату. Скоро будем ужинать.

Шейла приветливо улыбнулась. Мальчонка казался таким хорошеньким и забавным. У него были правильные черты лица, очаровательные веснушки, густые непослушные светлые волосы и большие карие глаза. Особенно Шелли привлекли глаза мальчика. Мягкие и спокойные, они лучились внутренним теплом и живым подвижным умом. Сообразительный, должно быть, паренёк, подумала Шелли.

— Добрый вечер, меня зовут Тони. А вас? — Мальчик приблизился к ним вплотную и с плохо скрываемым любопытством изучал странную, рассевающую на их с мамой диване парочку.

— Я — Алан, — Юноша протянул мальчику руку. Тони важно, по-мужски пожал её. Алан болезненно поморщился и восхищённо заявил. — Ух ты! Ну ты даёшь, парень. У тебя не хватка, а тиски!

— Мой папа был очень сильным, — Тони покраснел, но выглядел явно польщённым. Шелли стало приятно, что Алан так сделал. Она была готова расцеловать его. Почему-то она всегда радовалась, когда её брат проявлял на людях обычные человеческие чувства. — А мы с тобой нигде раньше не виделись, Алан?

— Да навряд ли, — Алан откинул со лба волосы, блеснув тёмными глазами. — Мы даже не местные. Иногда приезжаем в ваш город в гости к родственникам.

— Но вы знаете мою маму!

— Мы много кого знаем, малыш.

— А тебя как зовут? — Тони обратился к Шейле, несколько смущённо отводя взор. — Ты девушка Алана?

— Кто? Я? Да нет, Тони, я его родная сестра, — Шейла ласково потрепала мальчика по голове. — Меня зовут Шелли.

Тони набрался храбрости и, отчаянно краснея, выпалил, как ему показалось, весьма своевременный комплимент:

— А ты очень красивая! Даже красивей, чем Эрика...

Алан приглушенно захмыкал в кулак, давя рвущийся наружу смех. Шелли широко заулыбалась. На её правой щеке образовалась ямочка, от которой Тони не смог отвести поражённого взгляда. Из кухни донёсся голос Дейзи:

— Я всё слышу, маленький Казанова! Опять клеишься к девочкам?

— Мама!!! — возмущённо пискнул Тони. — Не прикалывайся! Ни к кому я не клеюсь...

— Эрика — это девочка из его класса, — пояснила вошедшая в гостиную Дейзи. — Он в неё тайно влюблён, этот оленёнок! Не успел пойти в школу, а уже...

— Мама!.. — негодованию Тони не было предела. Он засопел рассерженным ёжиком и бухнулся на диван. Уши его заалели ярким багрянцем.

— Почему оленёнок? — засмеялась Шейла.

— А ты присмотрись повнимательней к его глазам. Ну разве не вылитый Бэмби?

— А ведь и вправду, — согласилась девочка, окончательно повергнув Тони в шок. — Такие красивые глазёнки!

— У него глаза отца, — с нескрываемой гордостью сообщила Дейзи.

— А что случилось? Где отец Тони?

Алан самую малость не успел ткнуть сестру локтем в бок, как Шейла сама поняла, что сморозила глупость и досадливо прикусила язык. Дейзи скорбно вздохнула и сказала, нежно глядя на сына.

— Шон умер несколько лет назад.

— Простите меня, — виновато прошептала Шейла сдавленным голосом. — У меня часто слова обгоняют мысли...

— Тебе не за что извиняться, милая, — просто сказала Дейзи. И Шелли поняла, почему несчастная девушка ТАК смотрела на мальчика. В сыне она видела умершего мужа. — Ладно... Не будем о грустном. Прошу всех к столу. Ужин готов!

— А это моя комната, — сказал Тони, по-джентельменски пропуская вперёд себя Шейлу. — У меня много игрушек. Не так много, как хотелось бы, но... Нам с Грегом хватает!

— Грег, это твой друг? — спросила Шелли, пристально осматривая комнату мальчика.

— Да! Мой лучший друг. Мы часто ходим в гости друг к дружке. Мы, бывает, ссоримся, но потом всегда миримся. Это же нормально, да?

— Это естественно! — Шелли осторожно присела на аккуратно заправленную кровать Тони. — В жизни часто возникают ссоры и разногласия. Главное — вовремя их устранять и никогда не затягивать с примирением.

— А у тебя много друзей? — Тони присел рядом с девочкой.

— Ох, даже и не сосчитать! — покачала головой Шейла. — Но я давно поняла, что НАСТОЯЩИХ друзей, самых близких, которые за тебя готовы отдать жизнь, не так уж и много. Но именно они и есть самые надёжные и лучшие!

Мальчик на некоторое время задумался, изучая задёрнутое тюлем окно.

— Кажется, я понял тебя... А можно у тебя спросить кое о чём?

Шейла на секунду приобняла мальчугана за худенькие плечи и сказала:

— Конечно, спрашивай! Только не о размере моей груди!

— Ты это о чём? — Тони недоумённо наморщил лоб. Кто их поймёт, этих девчонок?

— Да так, — тепло улыбнулась Шейла. Она заметила, что когда улыбается, Тони, как приклеенный, не в силах оторвать от неё своих карих глазёнок. — Считай, что я неудачно пошутила.

— Можно, и я буду твоим другом? — голос Тони прозвучал с неприкрытой робкой надеждой. — Я бы очень хотел этого... Если ты не против.

Шелли неотрывно смотрела на маленького мальчика. Почему-то сердце девочки

кольнула игла заточенной печалью боли. На краткий миг она ощутила, что у них с маленьким Тони много общего. Гораздо больше, чем это может показаться. И это было странным и непонятным. Ну что у них может быть общего? Девочка ласково провела ладошкой по щеке Тони.

— Ну, конечно, я не против, глупый ты оленёнок! Я буду гордиться тем, что у меня есть такой друг, как ты. В своём роде единственный и неповторимый.

— Спасибо! Я очень рад, честно-пречестно, — Тони внезапно замялся. — А... А можно, я поцелую тебя?

— Ну конечно можно! Только не взасос!

Тони с выпрыгивающим из груди сердечком подался вперёд и неловко чмокнул девушку в щёку. Он поразился, какая у неё нежная кожа и насколько хорошо и приятно она пахнет. Правда, Тони совершенно не понял, при чём здесь насосы...

— Я ещё ни разу не целовался с девочками, — смущённо признался он. — А ты?

— Я тоже! — сделав огромные глаза, захохотала Шелли и, раскинув руки, упала на спину. Смех безудержно рвался из неё. И это было так приятно! Свободный чистый смех безжалостно вытравливал гнетущие воспоминания последних часов.

— Эй, я, кажется, немножко не так выразился... Тьфу, выразился! — Тони, вторя Шейле, заливисто рассмеялся. — А сколько тебе лет?

Шейла, отдышавшись, приподнялась на локте и, улыбаясь, сказала:

— Семнадцать, молодой человек. А вам сколько?

Тони погрузился в глубокие расчёты, сосредоточено сморщив нос. Девушка догадалась, что он высчитывает разницу в возрасте. Определённо, шустрый мальчик.

— А мне всего семь, — сконфужено пробормотал Тони. — Ты старше меня на десять лет. А у тебя есть парень?

Поражённая частотой смены темы разговора, вызванной детской непосредственностью мальчика, Шейла заулыбалась. Тони невольно залюбовался ею.

— Нет. Сейчас нет. И я не знаю, появится ли вообще в обозримом будущем.

— Ясненько, — Тони заметно повеселел. Но тут же на его светлое личико набежала тень. — Ты знаешь, мама часто плачет по ночам...

Шейла вся обратилась в слух, подсев поближе к маленькому собеседнику и взяв его ладошки в свои.

— Да? А ты не знаешь, почему?

— Я думаю, что это от того, что у неё нет друга, — широко распахнув глаза, прошептал Тони. — А друзья всем нужны. Даже мамам. Я прав?

— Больше, чем ты думаешь. Особенно мамам. И особенно одиноким.

Шейла подумала, что интуиция её не подвела, когда она после завершения ужина предложила Тони показать ей свою комнату. Дейзи полчаса бросала на Алана весьма многозначительные взгляды и девочка решила, что им с братом определённо есть о ЧЁМ поговорить. И, кажется, она поняла, почему мама Тони часто плачет по ночам...

— А у тебя есть дома своя комната?

— Есть, — Шелли игриво ухватила мальчугана за нос. Тони протестующе хрюкнул.

— А какая она, расскажи, — заинтересовался Тони. — Она похожа на мою?

— Ну как тебе сказать... — Шейла вздохнула. Пожалуй, первые в жизни ей стало стыдно, что её семья никогда не нуждалась в деньгах. Ну не скажет же она Тони, что её комната стоит в денежном эквиваленте больше, чем весь скромный домик Дейзи Хилл

целиком вместе взятый!

— Знаешь, у меня тоже много игрушек... Только не солдатиков с машинками, конечно!

Глава 8

Домой они вернулись немногим за двенадцать часов ночи. Дядя Фред так и уснул перед работающим телевизором, накрывшись принесённым заботливой Шейлой пледом. Наполовину опустошённый чайник из китайского фарфора давно остыл. Племянники де Феса открыли и заперли входные двери своими ключами и, поднявшись на второй этаж, разбрелись по комнатам. Они устали и хотели спать. Полученных за один вечер впечатлений хватило с головой. По крайней мере, Шейле уж точно. Как подозревала девочка, с Алана всё было, как с гуся вода. Её брат был непробиваемым монолитом спокойствия и невозмутимости.

Алан наскоро ополоснулся под напором горячей воды и, задернув шторы, забрался в тёплую постель. Натянув до подбородка одеяло, юноша провёл языком по разбитому уголку рта и недовольно поморщился. Этот верзила оказался неожиданно быстрым. Промедли Алан ещё на десятую долю секунды и последствия удара пудового кулака оказались бы гораздо плачевней. Хотя всё же так далеко заходить не стоило. Не стоило слёз Шелли...

Долгожданный разговор с Дейзи «по душам» так или иначе, но состоялся. Шейла смекнула, что к чему и увела Тони, оставив их одних. Они сидели за накрытым клетчатой скатертью столом в маленькой уютной кухне, пили из больших глиняных кружек горячий вкусный чай и говорили. Просто говорили. Обо всём и не о чём. Но долго продолжаться пустым и бессмысленным разговор один на один не мог по определению. Когда чай был допит, а грязная посуда перемыта, Дейзи достала из стенного шкафчика аптечку и обработала ранку Алана, не обращая внимания на его отмашки и утверждения, что «жалкая царапина» даже не болит.

Но девушка была непреклонна, и Алан понял, что ей просто НЕОБХОДИМО сделать хоть что-то, чтобы занять себя. Что-то, чтобы получить возможность лишний раз прикоснуться к нему. Он не решился воспрепятствовать ей.

После, отложив в сторону аптечку, Дейзи мягко, ласково провела рукой по голове Алана, убирая с лица длинные чёрные волосы. Их глаза — чёрные и зелёные — впервые за долгое время встретились, надолго задержались в одном положении, и ни один из них не отвёл взгляда. Дейзи долго, пытливо всматривалась в эти грустные, иронично-печальные тёмные глаза. Девушка жаждала увидеть, что за прошедшее с момента их расставания время в этих глазах изменится хоть что-то, но... Тщетно. Он не любит меня, с обострившейся в сердце болью, поняла Дейзи. Всё равно не любит. Как было, так и осталось. Ничего не изменилось. НИ-ЧЕ-ГО.

Алан, застыв безмолвным столбом, чуть склонив голову, изучал зелёные глаза Дейзи. Он видел... Он видел боль и тоску, негаснущую надежду и неприкрытую любовь. И то, что он видел, причиняло ему боль. Бог свидетель, как же ему не хотелось обижать её! Дейзи явно не заслуживала такого. Но он не мог солгать ей. Да и не получилось бы при всём желании. Дейзи вмиг раскусила бы его. И легче не стало бы никому из них.

Она задала ему всего один вопрос. Вопрос, который вобрал в себя всю гамму терзающих её чувств и эмоций, все слёзы бессонных ночей, все не желающие умирать мечты. Все сладкие грёзы. Всю жизнь. И на простой вопрос «почему?» Алан не смог сразу дать вразумительного ответа. Почему ты не любишь меня, спросила Дейзи, обняв за шею и заглядывая в глаза. И Алан был вынужден сказать правду. Сказать этой глубоко несчастной в

своей односторонней неразделённой любви девушке то, что никогда никому не говорил. Признаться ей кое в чём. Нет, он не раскрыл ВСЕ карты, потому что это была не только его тайна, и он дал слово. Но часть правды он всё-таки сказал.

Дейзи уронила голову ему на грудь и заплакала. Тихо и без истерик. Алан нежно обнял содрогающуюся от плача девушку и прижал к себе. Он надеялся, что она поймёт его, и не будет держать зла. Он бы понял.

Утром следующего дня добрая половина населения Хеллвила, не занятая неотложными делами, стянулась за город. Пологая долина, в центре которой возвышался огромный пёстрый шатёр, гудела от сотен возбуждённых голосов. В прохладном свежем воздухе разносились ароматы карамели, жженого сахара и жареных сосисок, перекрывая собой остальные запахи. Радостные детские крики и смех, степенный говор нарочито серьёзных взрослых, плохо скрывающих неподдельное любопытство. Заводные речёвки сотрудников цирка и громкая бодрящая музыка. Все звуки смешивались в причудливый бурлящий коктейль. На безоблачном небе приветливо улыбалось солнце, словно внося свою лепту в царящее на земле под его тёплыми лучами веселье.

К обещанному в афишах дню и часу цирк-шапито «Невозможное-возможно» оказался готов во всеоружии. Помимо главного шатра, на поляне возвышался ещё один — поменьше. Как сообщала табличка на входе, в маленьком шатре разместились кунсткамера и вход был лишь для самых отчаянных и бесстрашных. Детям и слабонервным вход в камеру не рекомендовался. Тут же, рядом с шатрами, как грибы после дождя повыврастали передвижные жаровни с горячими сосисками, и тележки, торгующие сахарной ватой и прочими сладостями. Везде были развешены разноцветные флажки и гирлянды. Внушительный автопарк цирковой техники вытянулся в ровную шеренгу вдаль, на самой окраине поляны, как можно дальше от центра главных цирковых аттракционов.

В кассу выстроилась длинная очередь за билетами. Десятки зевак бесцельно слонялись вокруг, разинув рты и делясь впечатлениями. Неугомонные детишки жевали конфеты, сосиски и стайками возбуждённых взъерошенных воробьёв носились меж шатрами и взрослыми. Долина превратилась в кипящий человеческими эмоциями и страстями очаг. Подобного переполоха в Хеллвиле давненько не было.

Люди стекались компаниями и поодиночке, кто пешком, кто на машинах. Равнодушных к представлению было мало. В числе прочих желающих окультуриться присутствовал и мэр Сэмюель Гриффит, со своей второй половиной, младшей дочерью Мэрион, старшенькой Мишель и... периодически хватаящимся за рёбра Стивеном Диксоном. У Диксона были совершенно дикие глаза и изумлённое выражение не болезненно сморщенной физиономии. У Мишель, державшей его под ручку, кстати, тоже. Девушка опасно посматривала в сторону невозмутимо здоровающегося с горожанами отца и старательно игнорировала вопросы Стива, задаваемые возбуждённым шёпотом. Мишель раздражённо одёргивала молодого человека, обещая потом ВСЁ прояснить. А нынче не хрен её доставать, и так настроение хуже некуда... Стивен покорно опустил голову, соглашаясь с дочерью мэра. Его настроение отвечало на те же симптомы. Однако, как не мог не отметить юноша, определённо намечаются сдвиги к лучшему.

Дейзи Хилл в простеньком, но элегантно пальто и чёрных солнцезащитных очках терпеливо стояла в медленно продвигающейся очереди. Лёгкий ветерок играл в её коротких русых волосах и теребил концы обмотанного вокруг шеи длинного шёлкового шарфа. Тони

на пару с Греггом двумя неугомонными позитивно заряженными болидами рассекали в толпе радостно галдящей детворы. Наблюдая за резвящимися детьми, Дейзи то и дело улыбалась. Видеть, что её сын счастлив, было для неё наивысшим наслаждением. Это было целью и смыслом жизни девушки. Если бы только всех желаемых целей в жизни можно было добиться. Она опять проплакала весь остаток прошедшей ночи и, чтобы не смущать окружающих красными воспалёнными глазами, нацепила на распухший нос очки. Чтобы там Алан не думал, она не затаила на него зла и обиды. Его объяснение подействовало на неё отрезвляюще, заставив под новым углом взглянуть на происходящее. Она и впрямь не имела права требовать от него больше, насильно мил не будешь. Вот только особо легче от этого понимания не становилось. Любовь то к нему никуда не исчезла и в одночасье не испарилась!..

Девушка сунула замёрзшие руки в карманы пальто и поджала губки. Странная штука наша жизнь, подумала она. И Алан далеко не самый странный чудак на свете. Дейзи даже не подозревала, насколько близко она подошла к истине. В мире хватало вещей куда как более невероятных и... СТРАННЫХ.

Так же посмотреть на представление приехал и шериф Энди Тёрнер. Он здравс рассудил, что уж кто-кто, а он должен всенепременно присутствовать здесь. Разумеется, как представитель закона, а не праздный зевака. Оставив в участке за главного ничуть не возражающего против таких распределений обязанностей Кларка, Энди прикатил в долину одним из первых. Едва не устроившей форменную истерику Кейт он пообещал, что непременно отпустит её в цирк на следующий день, пока сам лично не убедится, что тут всё в норме. Кейт не на шутку надулась и обозвала шефа параноиком. Ишь ты, параноик, подивился Энди. Не иначе, как у дока Харриса нахваталась таких слов. Но это всё были мелочи жизни. Кроме того, шериф надеялся увидеть Фредерика де Феса и перекинуться со стариком парой слов. Ну и, тут Энди не хотел признаваться даже самому себе, он так же хотел бы поболтать с его племянниками. Более с Шейлой, нежели с Аланом. Чертыхнувшись, Энди мысленно одёрнул себя. Он не позволял себе даже думать о таком! Хотя глупые мысли сами лезли, и он ничего не мог с этим поделать.

Приложив два пальца к шляпе, здороваясь с женой управляющего лесопилки миссис Боуман, шериф протиснулся поближе к главному шатру. Билет на представление был у него в кармане со вчерашнего дня и охвативший окружающих возбуждённый азарт Энди не разделял. К тому же он примерно знал, что именно покажут циркачи неискущённому местному люду. Главное, чтобы этот несносный сукин сын Бинго не переборщил со своими дебильными шуточками. А то ведь народ у них простой и заглядывать в рот заезжего паяца, извергающего всяческий замешанный на чернющем юморе бред, никто не станет. Сразу закатают в лоб. А это уже будет нарушение закона и порядка. И вот именно, чтобы пресечь подобное, и необходимо его присутствие. А вовсе не потому, что ему остро восхотелось кое-кого увидеть!

Уолтера он так и не заметил, что не являлось само по себе чем-то из ряда вон выходящим. Рассудительный и насквозь образованный доктор Харрис не сильно жаловал подобные мероприятия. Да и забот у главного врача хеллвилской поликлиники наверняка имелось невпроворот, и тратить свое поделённое на подпункты драгоценное время на пустые развлечения Уолтер никогда не станет. Энди слишком хорошо знал его, чтобы с полной уверенностью так утверждать.

Ага, а вон и Фредерик замаячил на горизонте. Импозантный, видный, облачённый в

длинный чёрный плащ, тщательно выбритый и причесанный, Фред что-то втолковывал обступившей его компании пожилых джентльменов. Фред в своём репертуаре, не удержался от улыбки шериф. Он помахал рукой, привлекая к себе внимание. Фредерик отличался острым зрением и, заметив, Тёрнера, вскинул в ответном приветствии руку с зажатыми в пальцах замшевыми перчатками. Тёрнер двинулся было навстречу де Фесу, но в тот же миг боковым зрением заметил приближающихся к нему племянников Фреда — юных Блейзов. Не успев сделать и шага, Энди замер на месте.

— Добрый день, — шериф приподнял шляпу, здороваясь с поравнявшимися с ним молодыми людьми. — Решили не отставать и принять самое непосредственное участие в культурно-массовом мероприятии?

— День добрый, — поприветствовал Алан, с самым непосредственным видом оглядываясь по сторонам. Говорить приходилось на повышенных тонах, чтобы слова не затерялись в пучине пляшущей над долиной музыки и гуле сотен взбудораженных голосов. — Ну, понимаешь, поскольку нам заняться особо и нечем, то и цирковое представление сойдёт в качестве развлечения. Да и дядя Фред проявил завидный интерес, как ты можешь сам в этом убедиться.

— Да, я только что заметил его. Хотел подойти, поговорить кое о чём, но ваше появление спутало мои карты.

— Если не секрет, то о чём ты хотел поговорить с дядей? — любопытствовал Алан. — Сугубо личные служебные дела или?..

— А что у тебя за ранка в уголке рта? — прищурился Тёрнер.

— Следствие неудачного бритья. Порезался.

— Аккуратней надо быть, — посочувствовал шериф. — И более осторожным при выборе бритвенных станков. А то сейчас часто попадаются настолько тупые...

— Ты даже не представляешь, насколько!

Энди с понимающей хитринкой улыбнулся. По непроницаемому лицу Блейза невозможно было понять ровным счётом ничего.

— Эй, дорогие представители заносчивого высокомерного мужского пола! — не утерпев, влезла в разговор Шелли. — Перестаньте делать вид, что меня рядом нет. Вы можете с успехом не замечать всю эту толпу вокруг, но меня игнорировать не имеете никакого права!

Шериф сконфуженно поджал губы и набрался смелости посмотреть девушке в глаза. В такие огромные, чарующие, пронзительно синие глаза. Наливающиеся сейчас угрожающим грозovým пурпуром. Алан позволил себе широченную ухмылку на бледном лице, как всегда наполовину скрытом падающими вихрами.

— Прекрасно выглядишь, Шейла, — внезапно охрипшим голосом просипел Тёрнер.

— Хм, вы что, надеетесь столь примитивным комплиментом напроситься на ответный?

Шелли сложила руки на груди, обжигая бедного Энди беспощадным взглядом. Она действительно хорошо выглядела и знала это. И если её брат, не изменяя себе, оделся хоть и стильно, но вполне обычно и затрапезно, то в наряде Шейлы не было и тени заурядности. Высокие чёрные сапоги на каблуке, плотно облегающие стройные ноги, чёрные кожаные штаны, белый свитер, достигающий распахнутыми полами коленок синий плащ и свободно свисающий с шеи длинный серый шарф. Густые волосы Шейла собрала в хвост и скрепила заколкой, в уши вдела серьги. На ногтях свежий красный лак, глаза подведены, на пушистых ресницах тушь, превращающая и без того большие глаза в огромные, на пол лица, омуты.

Девочка выглядела на годик другой старше своего возраста, казалась более зрелой и искушённой девушкой. Она знала это и знала, что таким образом привлекает к себе многочисленное внимание окружающей мужской аудитории. И ей нравилось это.

— Вовсе нет, — собравшись, с достоинством ответил шериф. — Чтобы говорить тебе комплименты, совсем не нужно преследовать скрытые корыстные цели. Достаточно просто пошире распахнуть глаза. Но долго смотреть возбраняется — можно ослепнуть.

— Вау, мистер Тёрнер, да вы поэт! — в напускном восторге пропищала Шейла. — Вы, наверно, по ночам и стихи пишете? Между составлением рапортов и планировкой графика работ на будущую неделю!

Энди несколько суетливо поправил португую на поясе и сердито отвернулся в сторону. Алан больше не улыбался, а с немым укором смотрел на дражащую сестрёнку. Энди прикоснулся к полям шляпы.

— Желаю приятно провести время. Всего хорошего. Алан...

Кивнув юноше и стоически игнорируя ехидно посмеивающуюся девушку, шериф, высоко вскинув голову, неспешно удалился. Шейла провожала сощуренными глазами его широкую спину, пока Тёрнер не скрылся в толпе. Её тонкие подвижные губы перестали кривиться в саркастической усмешке, и девушка сказала:

— Кажется, я была грубовата, ты так не думаешь?

— Ты ЧАСТО бываешь такой, — подтвердил, не споря, Алан.

— А Энди очень мило краснеет, ты не находишь? — Шелли незнамо чему тепло улыбнулась.

Алан, помрачнев, пристально посмотрел на Шейлу. Что это с ней? Намечается внеочередной приступ любовного обострения? Нет уж, увольте.

— Ладно, я пойду за билетами, — хмуро сказал он. — А ты постарайся не потеряться.

— Не будь занудой, братик! Мы пришли развлекаться и веселиться. Так что перестань корчить из себя графа Дракулу и расслабься.

Ласково проведя по щеке Алана пальчиками, Шелли высунула кончик языка. Алан даже не стал дёргаться. Вздохнув, он двинул в конец неуклонно сокращающейся очереди в кассу.

Оставшись в относительном одиночестве, не считая окружающего водоворота толпящихся людей и сбивающих с ног неугомонных ребятишек, девочка облегчённо выдохнула. Ей не хотелось обижать Алана (а она наверняка знала, что он бы обиделся), но его постоянная опека и присмотр зачастую выводили её из себя и здорово доставали. Она была раскованной самостоятельной девочкой. Большой девочкой. И смелой. И уже давно не нуждалась в надсмотрщике. Даже таком заботливом и предупредительном, как её брат. С каждым днём и месяцем она всё взрослее и старше. И дело не во внешности, а в её внутреннем мироощущении. Восприятию окружающих и самой себя. Развивающемся самосознании и повышенном обострённом внимании к деталям и насущным проблемам. Она превращалась в женщину. Во взрослого человека. Вот только проклятые сиськи упорно не желали прибавлять в объёме...

Ну не может же Алан постоянно, на протяжении всех оставшихся лет опекать её! А когда она выйдет замуж, тогда что? Будет дежурить возле их с мужем постели? Так, на всякий случай... Мало ли что! Шелли облизнула пересохшие губы. Иногда её пугало будущее, его неопределённость. И Алан. Алан тоже иногда её пугал. Но ещё больше она боялась за него. Ведь он такой ранимый, сентиментальный, чувственный... И одинокий.

Шейла настолько погрузилась в отнюдь невесёлые мысли, что пропустила тот момент,

когда в неё на полном ходу чуть не врезались два раскрасневшихся на свежем воздухе, счастливых от ощущения грядущего праздника, маленьких мальчика. Однако Шейлу было невозможно надолго выбить из колеи. Она среагировала быстро, цепко схватив малолетних сорванцов за воротники.

— Так, так, негодяи... — хищной кошкой промурлыкала девочка, рассматривая добычу. — И кто это попался в мои коготки? Тони?! Вот уж никак не ожидала, что именно ты почти собьёшь меня с ног!

Пальцы Шейлы разжались сами собой. Тони сдвинул на макушку вязаную шапочку и радостно завопил:

— Привет, Шелли! Я тоже дьявольски... Ой, надеюсь, ты не скажешь маме, что я ТАК сказал? Она не любит, когда ругаются, между прочим... В общем, я очень рад тебя видеть!

— Я тоже рада, — не стала лукавить улыбающаяся девочка. — Я даже рада, что это именно вы взяли меня на абордаж, Тони. А это твой друг? Грег, кажется?

— Он самый! Грег, познакомься, это и есть Шелли. Я тебе о НЕЙ рассказывал! — в голосе Тони сквозила плохо скрываемая гордость.

Второй мальчик, веснушчатый и белобрысый, с длинным любознательным носом, таранился на неё во все глаза. На его физиономии было написано такое недоверчивое удивление, что Шейла не выдержала и сказала:

— Потрясён моей красотой? Или тем, что у твоего приятеля появилась такая отпадная подружка, как я?

Грег ошарашено кивнул. Именно это он и хотел сказать! Значит, Тони не врал, когда говорил, что познакомился со ВЗРОСЛОЙ, КРАСИВОЙ, ПРИЕЗЖЕЙ девчонкой. Вот э номер... Статус Тони поднялся в глазах Грега до неопикуемых высот.

— А он рассказывал вам... тебе о мировом заговоре взрослых? — набрался духу спросить Грег.

— Мировом заговоре взрослых? — Шелли изумлённо вскинула бровь. — Наверно, мы просто не добрались до этой темы. Но мне интересно будет послушать, правда. Чисто из побудительных соображений. Как вы заметили, я пока не достигла черты, за которой начинается взрослая жизнь. Так что можете мне доверять!

— А ты ходишь в школу? — продолжал пытаться её Грег.

— Хожу. В одиннадцатый класс.

— А это правда, что вы целовались с Тони в его комнате? — с детской непосредственностью спросил Грег.

Тони покраснел, как помидор, опуская голову долу и бормоча под нос угрозы в адрес друга. На это раз Шелли вскинула обе брови. Они просто двумя чайками взлетели на её лоб. Тони, почуяв, что запахло жареным, проворно спрятался за спину Грега.

— М-да, интересные подробности о своей личной жизни я узнаю, мальчики. Пожалуй, я займусь вашим воспитанием...

— Ну как тут у тебя дела? — к ним подошёл Алан. Его держала под руку Дейзи. — Смотри, кого я встретил!

— Привет, Шелли! — Дейзи улыбнулась девочке. — Надеюсь, ты успешно отбиваешься от этих неугомонных монстриков? Когда они вдвоём, то только держись!

— Мама!..

— Здравствуйте, миссис Хилл, — расшаркался Грег. Тони настолько умоляюще смотрел на Шейлу, что она, не выдержав, прыснула в кулак.

— Да, в общем-то, пока держусь! В вашем городе на редкость замечательные дети.

— Они такие, пока не проголодаются! — Дейзи строго посмотрела на враз поникшего Грега. — Ты что, один, Грег? А где твои родители?

— На работе, миссис Хилл, — промямлил мальчик. — Меня подвёз сосед, мистер Джекоби... Но вы не подумайте, мама мне разрешила!

— Всё ясно, — Дейзи склонила голову на плечо. — От нас ни на шаг, понятно, молодой человек?

Мальчики радостно переглянулись. Тони, поняв, что опасность миновала, заметно повеселел и благодарно подмигнул Шейле выразительным карим глазом. Девочка забавно сморщила носик, вызвав у детей приступ бурного смеха, и беспомощно махнула рукой.

— Ну, до начала представления ещё минут сорок, — посмотрел на наручные часы Алан. — И у нас есть время, чтобы проглотить по паре сосисок. Я угощаю. Как вам моё предложение?

Предложение Алана одобрили все без исключения. Шейла с проснувшейся нежностью поглядела на брата. Как же она любила его ТАКИМ. И как дорожила минутами, когда он ТАКОЙ. К сожалению, минуты эти всё никак не хотели превращаться в часы.

Людей, жаждущих невероятных зрелищ и чудес циркового искусства, набилось в главный шатёр под завязку. На выстроенных вокруг круглой арены уходящих под самые своды шатра трибунах места хватило всем. Зрительские ряды были ожидаемо затемнены, весь яркий свет мощных прожекторов концентрировался на усеянном мельчайшим песком манеже. За ареной, разделяя шатер на две неравные части, смыкались сочного красного цвета кулисы. Что скрывалось за кулисами оставалось тайной за семью печатями. Впрочем, внимание нетерпеливо ёрзающих на жёстких скамьях зрителей было приковано к залитой светом арене. Никого не интересовало, что может таиться за цирковыми кулисами. На то он и цирк, чтобы хранить собственные секреты от посторонних любопытных носов.

Публика, затаив дыхание, ждала. Негромкая, бессмысленно незатейливая мелодия не прекращала звучать, уносясь исчезающими обрывками под купол шатра. Внезапно, обрывая музыку, загремели фанфары, лучи прожекторов, окрашиваясь во все цвета радуги, сумасшедше заметались по сцене, сливаясь в один гигантский столп света, замерший в центре манежа. Публика изумлённо выдохнула. Отвлечённые дикой пляской лучей прожектора, никто не заметил, как на арене появился с микрофоном в руке выряженный во фрак и шляпу-цилиндр одинокий человек, словно вынырнувший из неоткуда. Только что арена была пуста и р-раз... Антрепренёр собственной персоной!

Раздались первые, пока ещё скованные аплодисменты. Человек с микрофоном благодарно раскланялся и заговорил. Усиленный динамиками, звучный, хорошо поставленный голос разносился по всему шатру.

— Дамы и Господа! Леди и Джентльмены! Маэстро Старжински и цирк «Невозможное-возможно» безмерно рады приветствовать вас под нашим гостеприимным куполом! Спасибо, огромное спасибо, что пришли. Уверяю вас, что увиденное не разочарует вас и никого не оставит равнодушным! Вы увидите волшебство и магию, невероятные трюки и феноменальную подготовку! Номера, которые срывали овации на лучших концертных площадках Нового и Старого света, сегодня здесь! С вами!! Прямо сейчас!!!

Повторные аплодисменты были куда как громче и продолжительней. Старжински несколькими отработанными за долгие годы фразами за минуту добился желаемого результата. Публика была подогрета, заведена и томилась в ожидании.

И надо отдать должное обещаниям директора цирка, томилась не зря. Представление, которое выдали циркачи, смотрелось на одном дыхании и бесспорно впечатляло, практически непрерывно вызывая шквал аплодисментов и восторженных криков.

В арсенале труппы было всё, чем славен цирк, как таковой. За что его любят и обожают миллионы зрителей по всему миру от мала до велика. Акробаты и канатоходцы, дрессированные животные и бесстрашные укротители, жонглёры и силачи... Всё старое доброе испытанное, только возведённое в абсолют, до предела человеческих возможностей. Шатёр гудел в едином порыве, вопли восторга сменялись испуганными оханьями и аханьями, когда циркачи выдавали особенный класс. Время неслось вскачь, как поджарые красавцы-жеребцы по арене. Феерическое действие не провисало ни на минуту. Чёткость и слаженность циркачей просто поражали воображение. У многих замирали сердца, и замедлялось дыхание. Воистину, подобного Хеллвил ещё не видывал!

Даже изначально скептически настроенный Алан был вынужден признать, что ему всё нравится. Они с Шейлой, Дейзи и детворой разместились в первых рядах, прямо перед ареной, отгороженной от зрительских мест тонкой, полупрозрачной сеткой и получали максимум удовольствия от увиденного. Дядя Фред затерялся где-то на верхних трибунах, не стесняя молодёжь обществом «старого хрыча».

Особенно Алана впечатлило выступление в антракте. То, что предложили на суд публики объявленные маэстро Старжински Эльвира Леди-Нож, Богарт Мистер Невозможное и Каучуковый Джек, не поддавалось описанию. Это надо было видеть! Это были настоящие гвозди программы. Самые ударные и запоминающиеся на взгляд Алана номера. Да и разнузданно-придурковатый Весёлый клоун Бинго неплохо «зажигал»! Совсем неплохо.

Эльвира была хорошо сложенной, что выгодно подчёркивал облегающий чёрный кожаный костюм, молодой женщиной с густыми чёрными волосами, заплетёнными в длинную, достигающую округлых ягодиц, косу. Торс и пояс циркачки перетягивали хитроумные портупей, отягощённые десятками разнокалиберных ножей. С грацией тигрицы, стелящимся шагом ступая по арене, Эльвира демонстрировала замершей в предвкушённом молчаливом ожидании публике свою точеную фигурку, от которой положительно невозможно было отвести взгляд. Сапоги на высоком каблуке-шпильке оставляли на песке арены маленькие отпечатки, тёмные пронзительные глаза Эльвиры, казалось, гипнотизировали многочисленных зрителей. Тишина твердела, словно скрепленная строительным раствором стена.

Доведя публику до точки кипения, Леди-нож попросила выйти на манеж двух добровольцев. Тем временем три дюжих сотрудника цирка установили на арене большой, в рост человека, деревянный стенд. Алан со своего места видел, что поверхность стенда буквально вся истыкана ножевыми отметинами. Смертельный номер, усмехнулся юноша, с нетерпением ожидая продолжения. Ему всегда нравились люди, которые «на ты» с любым видом холодного оружия. Посмотрим, чем сможет удивить их эта Эльвира... В армии он знал пару ребят, творящих с ножами настоящие чудеса.

На манеж вышли слегка заробевшие добровольцы. Мужчина лет сорока в лёгкой куртке и джинсах был Алану незнаком. А вот второго он знал достаточно хорошо. Вторым добровольцем вызвался приснопамятный Стивен Диксон. Алан понимающе улыбнулся, он видел, в какой компании прибыл на представление Диксон. Наверняка хочет произвести впечатление на мэра.

— О, а это не тот отморозок, которому ты вчера нахлобучил? — потянула брата за рукав

Шейла. Алан кивнул, приложив указательный палец к губам. Мол, помолчи, сейчас начнётся самое интересное. И оно началось.

Эльвира подвела незнакомого Алану мужика к стенду и пристегнула его специальными ремнями на манер морской звезды, разведя в стороны руки и ноги. Доброволец заметно побледнел, но не дёргался. Эльвира обворожительно улыбнулась и провела облачённой в кожаную перчатку тыльной стороной ладони по щеке намеченной жертвы. Отойдя на противоположный край арены, Леди-нож попросила Диксона проверить заранее заготовленный мешок — нет ли где скрытых дырочек — и надеть ей на голову. Что довольно ухмыляющийся Стивен и проделал, стараясь не совершать резких движений. Рёбра у него болели здорово.

Эльвира затянула на шее ремешок, стягивая горловину мешка, и приглушённым голосом велела Стивену стать посередине между пристёгнутым к стенду мужчиной и ней самой. Как раз на пути траектории полёта ножей. Когда до Стивена дошёл весь смысл сказанных циркачкой слов, он очень сильно пожалел, что его чёрт дёрнул вызывающе поднять руку. Однако деваться было некуда! Ну не пасовать же под умилительно-восторженным и спокойно-оценивающим взглядами Мишель и её папочки. Молодой человек на неверных ногах отмерил примерно половину пути и встал, как вкопанный, лицом к взявшейся за ножи Эльвире.

Публика потрясённо молчала, боясь лишний раз выдохнуть, чтобы не дай бог, не нарушить концентрацию казалось задумавшейся Леди-нож. Алан внимательно следил за Эльвирой, выжидая тот момент, когда она начнёт **ДЕЙСТВОВАТЬ**. Он не хотел пропустить самое начало.

Вероятно, кроме Алана никто и не заметил, когда Эльвира выхватила обеими руками первые два ножа и, не колеблясь, метнула их. Движения женщины были настолько быстрыми, чёткими и отлаженными, что уследить за ними было практически невозможно. Толпа не успела в едином порыве выдохнуть, как ножи, не задев вытаращившегося Диксона, вонзились в стенд по обе стороны от головы привязанного добровольца. Дальше публика только и делала, что натужно сглатывала, затаивала перехваченное дыхание и облегчённо выдыхала обратно! Под конец устроенного Эльвирой шоу своды шатра сотрясались от бурных рукоплесканий и восторженного рёва толпы.

За неполную минуту Эльвира с закрытым лицом, рискуя попасть в зажмурившегося от страха Стивена, швырнула двадцать три ножа. Алан единственный, кто успел сосчитать количество впившихся в стенд клинков. Ножи нервно дрожали, вибрируя от ударной силы, вогнавшей их в дерево на добрых пару сантиметров. Привязанный, насквозь пропотевший доброволец не успел и глазом моргнуть, как вокруг его фигуры нарисовался повторный силуэт, отражающий свет прожекторов холодной закалённой сталью.

Алан стоя, аплодировал вместе со всеми. Шейла с горящими от восхищения глазами, посылая на сцену воздушные поцелуи, Дейзи недоверчиво качала головой, хлопая в ладоши, Тони и Грег вообще обалдели и пищали в неумном восторге. Алан сел на скамью и потёр по привычке подбородок. Показанный Эльвирой высший пилотаж сильно впечатлил его. То, что проделала обворожительная циркачка, было сродни настоящему волшебству. Координация движений, уверенность, чутьё, скорость и быстрота реакции Эльвиры просто поражали. Пожалуй, вынужден был признать юноша, эта Леди-нож была даже быстрее, чем он. А Блейз ещё не встречал за свою пусть и недолгую жизнь людей быстрее себя.

Эльвиру провожали неутраченным шквалом оваций, а потрясённые не меньше публики

добровольцы вернулись со сцены настоящими героями.

Следующим выступал Каучуковый Джек. И если доведенная до экстаза публика думала, что уже ничему не сможет удивиться, то вскоре поняла, что горько заблуждалась. Лысый, с блестящей, как отполированный бильярдный шар головой, тощий и вытянутый почти на два метра Каучуковый Джек был бос и одет в однотонное синее трико. Он казался нескладным и неуклюжим, но стоило ему демонстративно свернуться в морской узел, как все вопросы отпали сами собой. Гибкости и эластичности Джека мог позавидовать любой обожравшийся мухоморов индийский йог. Циркач в совершенстве владел своим телом, видимо не знающим о большинстве распространенных физических законов. Каучуковый Джек без видимых усилий выкидывал такие фортеля, что сделали бы честь и питону, находящемуся в самом расцвете сил.

Джек играючи завязывал руки и ноги узлами, живыми змеями изгибал пальцы рук и ног под невероятными углами, сгибал локтевые и коленные суставы в противоположные стороны, складывался пополам, откидываясь назад в движении, способном, казалось бы, сломать поясницу... Возникало ощущение, что в потрясающе гибком теле этого человека нет ни одной кости. Или что все они резиновые. Каучуковые. Стоит ли говорить, что и Джек сорвал свою порцию затяжных как осенний дождь аплодисментов?

А окончательно всех добил цирковой фокусник. Богарт Мистер Невозможное с подавляющим преимуществом выигрывал у всех прочих балаганных фокусников. Высокий, сосредоточенный, с леденящим взглядом стальных глаз и зачесанными назад жидкими русыми волосами кудесник одним своим появлением на сцене заставил утихнуть разбушевавшуюся публику. Фокусник был одет в заурядный чёрный костюм с бабочкой, с плеч свисала кольшущаяся под несуществующим ветром мантия, в руках он небрежно держал неприменную для циркового фокусника шляпу. Ассистировали маэстро магии не полуголые девицы, а бодрым козлик прыгающий Весёлый клоун Бинго. Интересный тандем, запоминающийся, улыбнулся Алан. Ну, ну... Посмотрим. Что нам покажет этот соратник Дэвида Копперфилда.

И надо сказать, что Богарт нисколько не затерялся на фоне своего именитого коллеги. Вполне возможно, что как раз Копперфилду не помешало бы взять урок-другой у безвестного циркового артиста...

Фокусник в плане разминки запустил под купол цирка парочку взъерошенных, выпорхнувших из рукавов, голубей. Дождь редких, неуверенных хлопков и волны разочарованного шёпота, прокатившегося по зрительским местам. Неторопливо поклонился на три стороны. Судя по каменной, непроницаемой физиономии Богарта, всё шло согласно заранее составленному графику. Весёлый клоун, неотрывной тенью следовавший за фокусником, копировал его движения один в один. На дурашливом, разукрашенном лице Бинго застыло выражение безмерного обожания, граничащего с идиотским раболепием. Всем своим видом клоун показывал публике, что ничуть не сомневается в возможностях маэстро магии и необычайных искусств. Дескать, погодите, то ли ещё будет!

Немеркнущие лучи прожекторов продолжали освещать круглую арену, бравурная музыка сменилась на завораживающую, таинственную мелодию... Стальные глаза Мистера Невозможное излучали уверенность и превосходство. Встав в центре арены, фокусник словно вспомнил, что держит в руках цилиндр. Недоумённо нахмутив выразительно вздёрнутые брови, фокусник сунул в шляпу правую ладонь. Сначала в недрах шляпы скрылись пальцы, затем рука ушла вглубь по локоть, потом по плечо.... Алан порядком

офигел от увиденного. Он недоверчиво протёр глаза, а фокусник уже всю шарил в шляпе, едва не утыкаясь в поля цилиндра длинным острым носом! Это было невероятно. Алан отчётливо видел, что никакого подвоха и близко нет. Одно из двух — или у Богарта кости гибче, чем у Каучукового Джека, или он и впрямь волшебник!

Публика пришибленно затихла, привстав со своих мест. Каждый стремился получше разглядеть, как Богарт умудряется вытворять подобное. Бинго с видом римского триумфатора корчил довольные рожи и выделял забавные коленца вокруг занятого кропотливым исследованием своей бездонной шляпы Мистера невозможное.

— Ага! — обрадовался фокусник, впервые открыв плотно сжатый рот и резким рывком, как бы подсекая, потянул руку из шляпы.

Зрители все как один попадали и бешено захлопали в ладоши. У Алана отвисла нижняя челюсть. Лязгнув зубами, юноша понадеялся, что не один он настолько глупо выглядел. Сотворённый Богартом фокус должен был поголовно вбить в ступор всех! И было от чего. Неизвестно как, но Богарт выудил из шляпы орущую благим матом, отчаянно отбивающуюся всеми четырьмя копытами, чёрную здоровенную козу, с весело делинькающим колокольчиком на ошейнике. Коза была настоящая и весила на первый взгляд килограмм сорок.

Не растерявшийся фокусник играючи бросил блеющую животину на руки Бинго. Клоун поймать то козу поймал, но удержать не сумел и под взрывной хохот аплодирующих людей брякнулся на манеж. Несчастливая коза взвыла настолько дурным голосом, что у Алана зубы заломило, вырвалась из рук клоуна и, вытаращив круглые глаза, стремглав рванула за кулисы. Бинго едва не зарыдал от бессилия и погрозил скрывшейся за кулисами козе кулаком. Публика рыдала от хохота...

Шейла захлёбывалась от смеха, не успевая утирать бегущие по щекам слёзы. Все вокруг веселились и получали колоссальное удовольствие от происходящего. Алан с перерастающим в нешуточную тревогу удивлением понял, что не смеётся он один. Юноша поскрёб подбородок, самым пристальным образом рассматривая благодарно размахивающего воистину волшебной шляпой фокусника. Больше обращая внимания, скорее, на саму шляпу, нежели на её хозяина. Да, спору нет, фокус был невероятным, классным, просто убойным. Но... Алан положительно не мог понять, как Богарт всё это сделал.

Голуби из рукавов, кролики из шляп, птицы из схлопывающихся клеток, исчезновение человека в ящике с двойным дном... Всё это по-прежнему вызывает интерес и восторг публики. Ловкость рук, чёткая слаженная работа целой бригады профессионалов, помноженная на многолетнюю практику, дают в итоге поразительные результаты. Многие фокусы выглядят, как самое настоящее волшебство, как старая добрая магия. А люди ещё вдобавок хотят быть обманутыми, чтобы хоть на некоторое время, но погрузиться в забытый мир далёкого детства, где любые чудеса казались возможными. И именно поэтому практически все сильные фокусы проходят на ура. Они похожи на волшебство.

Но, здраво рассуждая, каждый, даже самый наивный и доверчивый зритель понимает, что это всего лишь фокус. Обман зрения. Иллюзия. Что львиная доля успеха любого фокуса зиждется на самовнушении, отточенности действий помощников фокусника, мудреных механизмов и хитрых декораций, призванных превратить фокус в нечто большее. В магию.

И Алан, не будучи полным болваном, всё это понимал. Он не мог понять одного. Как, чёрт его дери, Богарт провернул фокус с бездонной, как чёрная дыра шляпой и козой? Юноша подумал, что ему стала ясна и роль Весёлого клоуна во всём этом действе. Косящий

под записного дурачка Бинго одним своим присутствием вызывал радостные ухмылки и сглаживал весьма впечатляющий эффект от увиденного зрелища. Клоун быстро и ловко перевёл драматизм момента на рельсы отвязного юмора. Не успели потрясённые зрители почесать в затылках, как уже всюду хохотали над напускной неуклюжестью незадачливого клоуна, не совладавшего с возмущённым подобным обращением козой. Отвлечение внимания, смещение акцентов с того, что действительно важно, что имеет значение... А может, именно в этом и заключается вся соль фокуса? Алан крепко призадумался.

Тем временем Богарт несколькими пасами ввёл Бинго в транс, заставил походить по арене верх ногами, опираясь на указательные пальцы рук, потом загнал шумно сопящего в магическом сне клоуна на трапеции, где не просыпающийся Бинго исполнил парочку зубодробительных кульбитов. Поклонившись ревушей экзальтированной публике, фокусник направленными действиями рук опустил многострадального ассистента по воздуху на песок арены и в завершение преподнёс очнувшемуся Весёлому клоуну гигантскую охапку алых, как кровь, роз, выудив букетище из цветных дутых панталон Бинго.

Загрели фанфары и розы, вырвавшись из рук протестующе запищавшего клоуна, взмыли ввысь, разлетаясь на сотни и тысячи алых лепестков, под воздействием невидимой силы кружащихся в воздухе. Зрители благоговейно затихли, когда на них посыпался дождь из роз... Мистер невозможное с непроницаемой миной на отрешённом лице стоял на сцене, совершая круговое вращательное движение указательным пальцем правой руки. Бинго, как ошпаренный кипятком индеец, прыгал по манежу, ловя падающие вниз лепестки роз. Это была настоящая фантасмагория.

Покинувшую сцену под сотрясающие своды шатра овации парочку сменил директор Старжински. Антрепренёр сердечно поблагодарил «самую лучшую из всех возможных», «самую замечательную» хеллвилскую публику и выразил надежду, что они обязательно встретятся завтра на второй день представлений. Старжински божился и клятвенно обещал, что они постараются не разочаровать «дорогих гостей» и показать ещё более невиданные номера, потому что в их цирке всё невозможное — возможно...

Уолтер Харрис возвращался домой. Доктор отвлечённо вёл машину. Мысли его витали где-то далеко, намного дальше, чем эта узкая улочка, редкие, высаженные по обочинам деревца и остающиеся за окнами машины добротные дома сознательных и законопослушных жителей их милого городка. Уолтер припомнил слова своего друга Энди Тёрнера. «Сознательные и законопослушные граждане». Иногда Харриса раздражала юношеская наивность шерифа, иногда он завидовал ей.

Подёрнутые вечерним сумраком улицы были пусты, как во время комендантского запрета, вызванного военным положением. И виновником исчезновения людей выступала не грозящая вечеру ночь, а заезжий цирк-шапито «Невозможное-возможно». Разошедшиеся циркачи уже третий день давали по два представления кряду. Народ валил толпами. Кто по первому разу, наслышавшись восторженных отзывов, кто по второму, а то и по третьему! Загородная долина превратилась в Мекку развлечений, в которую теперь каждыми днями стекались страждущие веселья и чудес люди. Детишки насильно тащили за руки взрослых, взрослые не особенно и отнекивались.

Сам Уолтер так и не удосужился побывать на представлении нашумевшего цирка, и не видел ни одного номера. Хотя, видит бог, ему уже все уши прожужжали. Каждый, не жалея лестных эпитетов, нахваливал мистера Старжински сотоварищи. Все, начиная с медсестёр в

поликлинике и заканчивая соседями Уолтера. Да что там медсёстры, когда даже младший помощник шерифа Кларк Дуглас забросил свои бесконечные компьютерные игры и всё свободное время околачивался возле цирка! Поделившийся этой сногсшибательной новостью, Энди отмечал, что он предпочёл бы, чтобы Кларк по-прежнему резался в «Герои меча и магии». Ан нет, ему теперь, видишь ли, подавай настоящую магию!

Город постепенно захватывала с профессиональной точки зрения Уолтера массовая истерия на почве подспудного маниакального желания раз за разом смотреть выдаваемые циркачами представления. Доктор понимал, что не стоит напрасно ломать голову, размышляя на тему этого феномена. Необходимо самому сходить и всё увидеть своими глазами.

Уолтер остановился напротив приземистого большого строения, раскинувшегося на углу пересечения двух улиц, и вышел на улицу. Вот он и дома. Уолтер распахнул ворота гаража и загнал внутрь машину. Войдя в прихожую, Уолтер зажёл свет, разулся, повесил пальто на вешалку и, пройдя в комнату, включил автоответчик. Пока синтезированный голос комментировал записанное на плёнку, Уолтер сунул ноги в тапочки, развязал галстук и, не переодеваясь, поплёлся на кухню. Открыв дверь холодильника, и вполуха прислушиваясь к бубнящему автоответчику, неожиданно спросил у себя — а не жениться ли ему грешным делом?

Вернувшийся в гостиную с откупоренным пакетом апельсинового сока, Харрис бухнулся на диван и блаженно вытянул натруженные ноги. Нет, а если кроме шуток? Вот взять и жениться! А что, мужчина он из себя вполне ничего (разве только что рыжий!), умный, с образованием, работа опять-таки престижная... Отхлёбывая вкусный, пощипывающий морозной свежестью язык, сок, Уолтер критически взвешивал все за и против. Конечно, в семейной жизни были и свои минусы, и не стоит даже отрицать очевидное. Женившись, ты уже живёшь не только ради себя, и будь добр думать не только о себе любимом. Да и с относительной свободой вольной жизни можно распрощаться. Что естественно далеко не всегда всех устраивает. Но если ты джентльмен, то просто обязан примериться с этими мелкими неудобствами, в залог общего семейного счастья, принеся эгоцентризм в жертву крепким доверительным отношениям.

Да, поговаривают, что есть ещё такая штука, как любовь, которая является ОЧЕНЬ коварной тварью, подкрадывающейся к тебе сзади и со всего маху бьющей дубиной по голове. Наповал! Бац — и ты контужен на всю оставшуюся жизнь. Наверно, брехня, подумал Уолтер. Людям свойственно преувеличивать и сочинять прелестные в своей сказочной вере в чудеса небылицы. На его сугубо прагматичный взгляд, в тридцать пять лет просто глупо мечтать о чём-то подобном.

А тебе уже тридцать пять, помрачнев, словно только сейчас вспомнил, Харрис. И это был едва ли не главный, основной аргумент в пользу того, что жениться всё-таки надо, не затягивая слишком долго с этим делом. Да и детей своих желательно успеть поднять на ноги, пока тебя самого собственные ноги ещё носят. Что, заметьте, тоже немаловажно... Правда, детей ещё надо суметь родить. Ну да за этим не заржавеет!

С головой погрузившись в размышления о смысле бытия и незаметно опустошив литровый пакет с соком, Уолтер чуть было не пропустил в потоке заурядной рутины действительно стоящее и важное сообщение. Пропущенный звонок был недавним, по времени выходило, что звонили, когда он отъезжал от больницы домой. Звонил Энди Тёрнер из полицейского участка. Уолтер поднялся с дивана, поставил аппарат на паузу, зашёл на

кухню, метким броском Майкла Джордана отправил пустой пакет в мусорное ведро и только после этого повторно прокрутил запись. Попутно удивляясь, почему Энди не звякнул на сотовый. Он проверял, пропущенных вызовов не было.

С первых слов Энди пояснил, что у него накрылся мобильный телефон, а звонить со стационарного на сотовый он не позволял никому, даже себе. Уолтер не сдержал улыбки, у его друга был известный пунктик по этому поводу. Далее Энди сказал, что прекрасно помнит о разговоре, состоявшемся в его кабине три дня назад. При этом шериф конкретных деталей не называл, из чего тяжело вздохнувший Уолтер заключил, что Тёрнер начал игру в шпионов, и сказал, что поговорить с Фредом за прошедшие дни так и не получилось. Однако он созвонился с де Фесом и набился завтра на званый ужин в узкой компании друзей. Уолтер нахмурился. Он представить себе не мог Энди, набивающегося в гости, скрывая истинную цель визита. И Энди настаивал, чтобы главврач съездил к старику Фреду вместе с ним. Шериф не сомневался, что друг его поддержит и не откажет протянуть руку помощи. Напоследок Энди посоветовал не побрезговать и, не откладывая в долгий ящик, посетить цирк «Невозможное-возможно» (неужели и Энди подхватил эту повальную болячку, забеспокоился Харрис), и желательно осмотреть цирковую кунсткамеру.

Несколько секунд Уолтер переваривал услышанное, запустив красивые подвижные пальцы в рыжеволосую шевелюру. Вроде особо и не настаивая, но меж тем Энди выделил пред ним две задачи. Первая — навестить Фреда, против чего Харрис как раз вовсе и не возражал, и задача номер два — прогуляться в цирк и «желательно» полюбоваться кунсткамерой. Хм, знает он это «желательно» ... В устах шерифа это означало — строго обязательно. А ключевое слово здесь — «осмотреть». Неужели Энди что-то пронюхал об этом цирке? И не всё, что он узнал, соответствует преподносимой ему лично и всему народу в частности действительности?

Как бы там ни было, спешно бежать, сломя голову, Уолтер тоже не собирался. Он протянул руку к телефону и почти набрал номер участка, когда подумал, что, вероятно, Энди уже смылся домой. Однако попытка не пытка. Кто там сегодня дежурит?

— Алло, департамент полицейского управления города Хеллвил. Слушаю вас.

Приятный, мелодичный голос. Кейт. Уолтер откашлялся.

— Добрый вечер, мисс Симмонс. Это доктор Харрис. Я могу поговорить с шерифом Тёрнером?

— О, добрый вечер, доктор, — явно обрадовавшись, прошебетала девушка. — Поздновато вы что-то...

— Да вот весь в делах и заботах, — невпопад ответил Харрис, расплываясь в невольной улыбке.

— Да я уж понимаю! А шерифа, между прочим, полчаса как нет. Вы сильно расстроены?

Уолтер прочистил горло. Терпение, терпение...

— Он не на патрулирование отправился, не скажете?

— Нет, доктор. Шериф сказал, что едет домой. Да, у него сломался сотовый телефон, и он просил, чтобы все звонили ему на домашний. Я думаю, что к вам это тоже относится...

— Спасибо, Кейт, вы мне очень сильно помогли.

— Пожалуйста, доктор Харрис. Ой, а вы ещё не были на цирковом представлении?

— Да как-то не пришлось пока... — замялся Харрис.

— Вы многое потеряли, док, — голос молоденькой стенографистки буквально обжигал

Уолтеру ухо. — Обязательно сходите — там столько всего интересно и необычного! Не пожалеете. Правда, мне...

— Что — «вам»?

— Мне больше понравилось играть с вами в морской бой... Ой, простите, доктор! Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — запоздало отозвался Уолтер в заполнившуюся пустыми гудками трубку. Уши его загорелись всеми оттенками красного под стать волосам.

Глава 9

Находящиеся на вершине блаженства, прямо-таки излучающие неприкрытую эйфорию благодарные зрители, под завязку набитые впечатлениями, покидали долину. Пресытившись великолепным зрелищем, люди разъезжались по домам. Цирковая труппа без видимых напрягов вкалывала в две смены, что никак не отражалось на качестве и классе их работы. Так вот, пока все прощались с цирком, торопясь поспеть домой к позднему ужину, Уолтер Харрис мог смело сказать — добрый вечер, ребята, не ждали?

Оставив машину за холмами, доктор спустился вниз к переливающимся разноцветной иллюминацией шатрам. В предночной мгле всё это выглядело ярко, здорово и красиво. Но Уолтеру было не до местных красот. Он, так созвонившись с Энди, прояснил некие вызывающие у него недоумение нюансы, подкорректировал на пару с деятельным шерифом дальнейшие действия, и, не в силах от охватившего всё естество непонятного возбуждения, откладывая решения поставленных задач в долгий ящик, наскоро перекусив, помчался за город. В цирк.

Пробираясь сквозь словоохотливую толпу, плывущую в обратном ему направлении, доктор периодически пожимал протянутые руки, отвечал на приветствия и кивал тем, кто был в недосягаемости. Уже завтра половина Хеллвила будет в самом животрепещущих подробностях обсуждать моё незвано-нежданное появление в закрывающемся цирке, кисло подумал Уолтер. Наверняка решат, что кому-то из персонала труппы стало плохо. И так вон некоторые подозрительно оборачиваются... Неужели до них не доходит, что я могу ну... Ну просто ЗАХОТЕТЬ приехать сюда, чтобы поглазеть по сторонам? И что моё появление никак не связано с профессиональной деятельностью! Чем я отличаюсь от остальных зевак? Тем, что все преотлично знают, ЧТО я за фрукт, тут же уныло ответил сам себе Харрис. Сменить, что ли, имидж?..

Уолтер остановился возле лотка с пирожками, увешанного как рождественская ёлка мигающими цветными лампочками, и невозмутимо осмотрелся. Музыка давно стихла, загорались все имеющиеся на территории раскинувшегося цирка гирлянды и фонари, заливая долину причудливо переливающимся светом. Позёвывающие сотрудники цирка разбредались по своим, не терпящим отлагательства делам. Кто направлялся к огороженным клеткам с животными, толкая перед собой тачки с водой и кормом, кто со швабрами и метлами двинулся к главному шатру, кто подбирал в изобилии усеивающий истоптанную сотнями ног землю мусор. Скучать, в общем, не приходилось никому.

Харрис задрал голову к теряющемуся в чернильной высоте небу. Ни мерцающих звезд, ни налитого свинцом полумесяца он не увидел. Сказывался эффект поглотившего поляну света фонарей. Лёгкий ветерок холодил лицо, принося с собою мускусные запахи животных и печеных сладостей. Уолтер поднял воротник пальто — уши у него всегда мёрзли, во все времена....

Так, так, так, доктор воровато заозирался, чувствуя себя, по меньшей мере, глупо.

Охватившее его бурное кипучее возбуждение, понукающее к незамедлительным действиям, куда-то схлынуло, бесследно испарившись. Харрис успел сильно пожалеть, что, как полный кретин, поведясь на детские игры Энди, припёрся сюда на ночь глядя. И это он, серьёзный тридцатипятилетний мужчина собрался жениться? Да не смешите.

— Вы что-то потеряли, сэр?

Тихий вкрадчивый голос, раздавшийся у него под боком, заставил Уолтера непроизвольно вздрогнуть. Сохраняя остатки достоинства, он повернулся к незаметно подкравшемуся незнакомцу.

— Бинго! — весело заорал САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ, КАНОНИЧЕСКИЙ клоун, вруч обалдевшему доктору охапку пахнувших пыльным летом ромашек, собранную в перевязанный ленточкой букет. — Добрый вечер, док! Я уже несколько дней как жду вас, проклиная горькую судьбинушку, наградившую меня сквернейшим неизлечимым недугом, будь он трижды неладен!

— Э-э-э... Кх-м... Спасибо, конечно, — Уолтер тщательно подбирая слова, не зная, куда деть этот дурацкий букетик (кстати, ромашки осенью?!). — Что вас беспокоит, мистер...?

— Бинго. — Услужливо подсказал, раздувшись от важности клоун. — Единственный и неповторимый.

— Бинго? А... А я, было, подумал, что это...

— Не парьтесь, док, не вы первый, не вы последний!

И клоун хитренько так подмигнул Уолтеру сразу обоими глазами. Наблюдательный врач отметил, что у его вероятного пациента разный цвет глаз. Один синий, другой — карий. Что это? Контактные линзы, разновидность гетерохромии или?.. Другие варианты Харрис как-то не принимал в расчёт.

— Так чем вы там приболели? — спрятав ромашки за спину и незаметно разжимая пальцы, деловито повторил Уолтер.

— Воспалением.

— О. Это серьёзный случай, мистер Бинго.

— Не может быть, док! — и под толстым слоем грима было видно, что клоун побледнел. Круглый нос паяца сменил цвет с красного на розовый, а соломенные волосы встали дыбом. И как ему это удаётся, подивился Харрис? — Это смертельно? Меня уверяли, что дело не стоит выеденного яйца!

— Ну, вскрытие покажет... Тьфу ты Господи, я хотел сказать — обследование!

— Бл..., - Бинго закатил свои чудные глаза и брякнулся на землю в самом банальном обмороке.

— Бл..., - ошарашено сказал Уолтер, неверяще глядя на сомлевшего у его ног клоуна. А ведь ему говорили, что чувство юмора у него весьма специфическое. Куда уж более, если вон даже цирковые клоуны сознание теряют! Да кто ж знал, что у этого арлекина нервы совсем не к чёрту?

Уолтер опустился на колени и, похлопав Бинго по щекам, оттянул тому веко. Глаз клоуна закатился в неизвестном направлении, являя вместо себя сплошной белок. Уолтер оттянул другое веко — на него уставился полный праведного негодования зелёный глаз. Харрис невольно отдёргнул руки и попятился назад.

— У вас глупые шутки, док, — попрекнул Харриса клоун, поднимаясь с земли и отряхивая панталоны. — А я думал, что это я дурак!

— Знаете, по-моему, я установил точный диагноз вашей болезни, — поджал губы Харрис, сунув руки в карманы.

— Док, я знал, что на вас можно положиться!!!

— У вас воспаление хитрости, сопряжённое с гипертрофированным ущербным чувством юмора.

— Ради одних этих слов стоило заканчивать Гарвард, — благоговейно прошептал Бинго, с обожанием глядя на доктора. — Сэр, вы единственный, кто открыл мне правду на странные, творящиеся в последнее время со мной вещи. Я просто обязан отблагодарить вас! Бесплатный билетик? Контрамарочку не изволите?

Уолтер с сомнением повертел в пальцах тиснённый золотом кусочек картона. В голову закралась одна мыслишка... Панибратски приобняв опешившего клоуна за плечи, Харрис сказал:

— Любезнейший, а как на счёт небольшой познавательной экскурсии? Меня, как практикующего врача, весьма интересуют всяческие физические отклонения и малоизвестные науке факты изменения человеческой природы...

— Док, вас интересует наша кунсткамера, — догадливо захихикал Бинго. — Не корчите из себя невинную девочку! Я же угадал?

Харрис заговорщицки подмигнул этому балаганному шуту.

— Ваш диагноз регрессирует на глазах. Знаете, признаюсь вам, как на духу, ваша кунсткамера — единственное, что может меня заинтересовать. Я даже в годы обучения в колледже писал диссертацию на эту тему. Хотелось бы взглянуть хоть одним глазком... Вот только билет мне уже никто не продаст, как я посмотрю, касса закрылась...

— А завтра вы чертовски заняты на работе и опять поспеете к нам лишь поздно вечером! — понимающе подхватил Бинго. — Вам повезло, док, что вы встретили именно меня! Гадом буду!

— Вы мне можете? — Уолтер изобразил самый честный взгляд из всех возможных.

— Вы спасли мне жизнь, — осклабился Бинго, демонстрируя крупные лошадиные зубы. — Сочту за честь быть вашим сопровождающим. Вот увидите, кунсткамеры, подобной нашей, не существует нигде в мире. Вы не будете разочарованы.

Клоуна распирало от важности. Бинго схватил Уолтера за руку и едва ли не насильно поволок к одиноко стоящему в стороне меньшему шатру. Уолтер едва успевал переставлять ноги. Прыткий Бинго радостно дудел под нос, изображая паровоз, и, кривляясь, суровым голосом отдавал команды первому помощнику и кочегару, типа «поддать жару, дармоеды!». Получалось у него довольно забавно, признал Уолтер.

Они остановились перед самым входом, задёрнутым куском чёрной парусины. Весёлый клоун «чучухнул» в последний раз и затормозил.

— Можно, я выпущу пар? — умоляюще пропищал Бинго, косясь на спутника синим глазом.

— Пожалуй, не стоит, — не стал затягивать с ответом Уолтер, догадываясь, о ЧЁМ его просит великовозрастный раздолбай. Он уже порядком устал считать, сколько раз глаза клоуна меняли цвет. — Не забывайте, что подобное поведение не пристало джентльмену.

У Бинго был такой видок, словно его огрели здоровенным дрыном. Наверно, его никто и никогда не называл джентльменом, подумал Харрис.

— Вот мы и пришли, док. Прошу!

— Мне кажется, что этот аттракцион не пользуется большой популярностью у

зрителей...

— Да, — клоун смахнул выкатившуюся из левого глаза слезу размером с горошину. — Почему-то ваших земляков пугает то, что они видят внутри. Понятно, что они не привыкли к подобным зрелищам и повторно в нашу кунсткамеру не заходят... Но вы то не из пугливых, а, док?

— Нет.

— Вот и чудненько! Я в вас не сомневался! Ну, идёмте же!..

Дом де Фесов готовился к приёму гостей. Намеченный на пятницу званый ужин должен был состояться, не смотря ни на какие обстоятельства. По крайней мере, в подобной ультимативной форме заявила мужчинам Шейла. Алан, не изменяя себе, безразлично пожал плечами — типа, а я то что? С меня взятки гладки, я в ваши дела не вмешиваюсь. А вот дядя, к вязчей радости девушки, не замедлил поддержать и одобрить расторопную племянницу.

Необходимо немножко развеяться, отвлечься от повседневности, настаивала Шелли. Работа работой, но и отдыхать тоже иногда не помешает. Особенно в тесной тёплой компании близких друзей. Алан подозрительно поглядывал в сторону неугомной, не на шутку взявшейся за организацию ужина сестрёнки, но помалкивал. Дядя Фред, поразмыслив на досуге, пришёл к тому же выводу. Да, выездные прогулки, потрясающие цирковые представления, мелкие хлопоты по хозяйству здорово помогают в борьбе с депрессией, но и простое человеческое общение с приятными людьми за чашкой вечернего чая было бы совсем не лишним.

Алан уже терялся в догадках, кому из них двоих первому стукнула в голову эта идея — Шейле или Фреду? Как бы там ни было, инициатора уже было невозможно найти. Оставалось смириться и посылить помогать, чтобы не выглядеть мрачным надутым индюком, игнорирующим общее веселье. Вот только терзали его какие-то настойчиво грызущие душу сомнения...

Если Шейлу и терзали какие-то сомнения, то она успешно скрывала это. Справедливости ради стоит сказать, что девочка переживала лишь относительно одного обстоятельства — справятся ли они своими силами? Дома, в подобных ситуациях всегда первую скрипку играла мама. Луиза слыла изрядной стряпухой. У дяди Фреда подобные проблемы всегда с лёгкостью решала покойная тётя Урсула. Старик успокоил племянницу, что их совместных знаний в кулинарном искусстве будет вполне достаточно, чтобы удовлетворить самые предвзятые вкусы. Да и приглашённые гости — люди сугубо простые и неприхотливые. Так что прочь сомнения и выше голову!

Чувствуя, что несколько отстаёт от неумолимо грядущих событий, Алан как бы невзначай уточнил список дорогих гостей. И немало удивился. Он-то ожидал кого-то под стать почтенному возрасту дяди. Фред беззаботно отмахнулся, заявив, что он способен найти общий язык с любым человеком, неважно, сколько ему будет лет. А вот его юным племянником будет совсем не вмоготу, если к ним в дом завалится толпа старых пердунов из коллег дяди по королевскому покеру! И к тому же те, кто придёт, для него ничуть не менее близки, чем друзья-ровесники. Алану крыть было нечем.

Итак, в списке гостей значились шериф Энди Тёрнер, доктор Уолтер Харрис и... Тут Алан едва не заскрежетал зубами, сразу уловив, откуда ветер дует! И Дейзи Хилл. Не больше и не меньше. Молодой человек посмотрел на невинно хлопающую ресницами Шелли как голодный серый волк на очаровательного беззащитного ягнёночка. И по чересчур

непредвзято-недоумевающему виду сестрёнки окончательно утвердился во мнении, что это её работа. От и до. Ох, и засранка малолетняя, язви её в печень, чуть не взвыл Алан! И тут же поспешно прикусил язык. Нет, ну что он так... Нельзя в подобном ключе даже мысленно высказываться о тех, кого мы любим.

Алан с натугой выпустил сквозь плотно сжатые зубы воздух, и почесал занесённой, было, рукой в затылке. Шейла, словно пятой точкой почуяв неладное, с очаровательной, обозначившей милую ямочку улыбкой на сияющей мордашке обернулась к брату. Алан щёлкнул её в нос и, буркнув нечто неразборчивое, отправился в подвал за картошкой. Шелли, не в силах сдержать расплывающиеся в улыбке губы, вернулась к нарезке морковки. Далеко неглупая девушка поняла, что чуть было не схватила знатного леща. И отнюдь не под пиво.

Дядя Фред, полностью положившись на любимых племянников, в домашнем халате и тапочках прохладился за огромным кухонным столом, балуя себя чаем с крекерами и утреней газетой. Сухие губы старика посетила мимолетная улыбка. Пронзительные серые глаза оторвались от газетных страниц и сфокусировались на Шейле. Одета в обтягивающие чёрные легинсы и короткую, красную маечку без рукавов, девочка повязала на бёдрах накрахмаленный белый передник и сосредоточенно крошила острым ножом овощи.

— Алан так неоднозначно реагирует на... — Пространно начав, Фред замялся, подбирая нужные слова. — Он не слишком жалуется подобные мероприятия, верно?

— Не слишком? Да он их не переваривает, бирюк несчастный! — лезвие ножа особенно громко стукнуло по разделочной доске. — Ну вот хоть ты, дядя, скажи ему! Наверно, ты единственный, к кому Алан способен прислушаться.

— Ты стущаешь краски, милое дитя, — Фред вкусно захрустел крекером. — Алан — суровый парень, но отнюдь не толстокожий. У него оче-ень ранимая натура и чувственная душа. Он настоящий добряк, этот твой брат! Хотя и всячески пытается скрывать сей факт, паршивец этакий...

Девушка разобралась с морковкой и ополоснула нож под струёй горячей воды. На секунду её синие глаза подернулись ледяной изморозью.

— Дядя, вот только не надо рядить МЕНЯ в глухие доспехи вышеупомянутой тобой толстокожести! Или ты думаешь, что это я непробиваемая? Да я всё понимаю, как ясный день.

Нож яростно накинулся на ни в чём не повинный репчатый лук. Шелли сморщила нос и тыльной стороной ладони мазнула по заслезившимся глазам. Фред горестно вздохнул и помешал серебряной ложечкой остывающий чай.

— Надо было сначала вымочить лук в воде, — старик постарался, чтобы в его голосе не присутствовали назидательные интонации. — А то разревёшься сейчас и не докажешь потом, что во всём виноваты овощи!

Шейла трубно высморкалась в выуженный из кармана передника платочек и прогундосила:

— Спасибо за забоду, дядюшка...

— Я знаю, что ты не толстокожая, девочка... И так же я знаю, что твоей вины в... м-м... своеобразном характере Алана и близко нет! Иногда этот глубоко симпатичный мне юноша слишком уж сильно выпячивает напоказ своё эго. Мол, посмотрите, какой я бедный и несчастный, никем не понятый. А страдаешь в первую очередь ты, Шелли. Но с другой стороны очевидные положительные качества Алана без труда искупают его недостатки. За

это-то мы его и любим, да?

— Ага, — Шелли кое-как совладала со слезами. — Он замечательный брат и хороший друг! Пожалуй, Алан даже СЛИШКОМ хорош. В какой-то степени он идеален, дядя. И зачастую на фоне моего правильного братца я чувствую себя полной никчёмной дурой!

Де Фес вопросительно заломил бровь.

— Идеален? Таких людей не существует в природе, дорогая. И я более чем уверен, что послушай вашего отца, и мы получим совершенно противоположное твоему мнению об Алане!

— Ой, дядя, Алан с папой соряется всю сознательную жизнь! Это у них стало непременным атрибутом, хобби. И далеко не всегда в наших семейных разборках прав отец. Далеко не всегда. Я говорю о том, что находится вот здесь...

Шелли приложила свободную руку к груди на уровне сердца.

— Кажется, я тебя понял, — смежил веки Фред. — Понял...

— Вот и я о том же, — девушка одним глазом глянула себе за пазуху. — Я люблю его, но порой... Боюсь.

Ложечка звонко цокнула о тонкую фарфоровую стенку чашки. Фред отложил газету и закинул ногу на ногу. Глаза старика внимательно сощурились.

— Ты это о ЧЁМ?

— Прости, дядя, я, пожалуй, не совсем правильно выразилась, — Шелли откинула со лба (сегодня с утра Шейла обнаружила на нём четыре! новых прыщика, что привело её в неопиcуемый ужас) ниспадающую прядку чёрных волос. — Мне кажется, что Алан скрывает от меня нечто очень важное... И я боюсь этого. Той тайны, что он хранит.

Фред надолго замолчал, не сводя с шинкующей овощи племянницы изучающего взгляда. Тишину кухни нарушали только клацающий звук ножа да бульканье парующих на огне кастрюль.

— Извини, Шелли, но тут врядли я чем смогу тебе помочь, — прервав затянувшееся молчание, сказал де Фес. — Я... Я просто не знаю, что тебе ответить! Я не буду ставить под сомнение твои слова, но и воздержусь от скоропалительных комментариев.

— Да всё в порядке, дядя, не парься ты так, — Шелли ободряюще улыбнулась ему. — Только, пожалуйста, не говори Алану о нашей с тобой беседе. Хорошо?

— Ты могла даже не просить об этом, — серьёзно кивнул старик. — Твой пожилой дядька ещё не совсем выжил из ума.

В комнату, обрывая приватный разговор, вошёл Алан, без видимых усилий притащивший на плече внушительную сетку с крупной розовой картошкой. Разгрузившись у холодильника, юноша обвёл многозначительно замолчавших родственничков подозрительным взглядом, но ничего не сказал.

— Ты решил пощадить мою дряхлую спину и приволок картошки в запас? — усмехнулся дядя Фред.

— У тебя всегда была мания принижать собственные возможности, — Алан уселся за стол и притянул к себе чайник. — Кстати, дядя, я заметил, что ты уже очень давно не заходил в свою мастерскую. Да и в подвале на двери лаборатории пауки свили целую рыболовецкую сеть! А ведь раньше ты, бывало, целыми днями пропадал за какой-нибудь поделкой...

— И верно! — подхватила Шелли. — Дядя, неужели ты забросил своё любимое занятие? Ведь у тебя же золотые руки и всё, за что ты не брался, определённо стоило

внимания!

Фред несколько смущённо потупился. На выбритых до синевы щеках старика проступил едва заметный довольный румянец. Как любой творческий человек, Фред периодически нуждался в словах восхищения и одобрения своим занятиям.

— Спасибо, спасибо, маленькие подлизы. Да, в последнее время я как-то позабросил все дела. Сам не пойму... Ведь кое-что так и осталось не доведённым до ума! А вы же знаете, как я не люблю незаконченность. Но... Не знаю, после смерти Урсулы я охладел к своим изобретениям. Я не могу больше ими заниматься.

На одном духу выпалив ошеломившее раскрывших рты племянников признание, Фред окончательно сник. Старик демонстративно уставился в пустую чашку, словно уйдя глубоко внутрь себя. Алан и Шейла, недоумевая, переглянулись. Чтобы Фредерик де Фес во всеуслышание заявил ТАКОЕ? Ещё недавно казалось, что скорее солнце с луной поменяются местами, чем Фред добровольно откажется от своего любимого хобби! Но нет в мире ничего невозможного.

— Дядя, а сколько лет вашему шерифу? — в скором темпе меняя тему, поинтересовалась Шейла.

— Что?.. Ах, сколько лет этому мальчишке Тёрнеру? — усмехнулся Фред, мигом раскусив нехитрую, но до того приятную, уловку девушки. — По-моему, двадцать восемь... Я точно не уверен, милая. Вот завтра сама и спросишь у него!

— Вот ещё чего! — негодуяще фыркнула Шелли, споласкивая в раковине руки. — Слишком много чести для этого надутого фараона.

Фред, хмыкнув, не удержался и громко рассмеялся. Шейла безуспешно делала вид, что решительно не понимает, в чём, собственно дело. Мол, смех без причины — признак дурачины. Алан просыпал сахар на застланный нарядной скатертью стол и тихо выругался сквозь зубы.

Тони Хилл и его лучший друг Грег Вудворт в обстановке строжайшей секретности и принятых мер повышенной безопасности разрабатывали план крайне дерзкой и беспрецедентной операции под кодовым названием «Рейнджеры в тылу врага». О том, кто претендовал на громкий титул «рейнджер» можно было даже и не спрашивать. Вражеским тылом был условно обозначен цирк-шапито «Невозможное-возможно». Последние детали предстоящей операции шлифовались и доводились до ума в штаб-квартире храбрых диверсантов — дома у Тони, в его комнате, на кровати последнего.

На кону стояли честь мундира и праздное ребяческое любопытство. Несколько дней назад было выдвинуто и одобрено решение несанкционированно проникнуть на территорию цирка для более кропотливого исследования скрываемых от посторонних глаз тайн заезжих циркачей. Это была одна из причин. Вторая называлась — скука. Третья была вызвана снедающим обоих мальчишек неугасимым желанием посетить цирковую кунсткамеру. Родители маленьких проныр строго настрого запретили закадычным друзьям совать нос в эту страшную, внушающую своим содержимым брезгливое отвращение палатку. Хм, глупые взрослые, да? Они разве не знают, что запретный плод сладок вдвойне?!

Разумеется, мальчишки в полной мере осознавали всю степень опасности, грозящей им на территории сопредельного государства Тьмы (недавний Властелин Колец буквально взорвал детские умы), но от того перспектива повернуть всё это дельце и уйти незамеченными представлялась ещё более манящей и захватывающей. На крайний случай,

как успокоил товарища Тони, у них есть подаренный Весёлым клоуном билетик, открывающий беспроблемный вход на любое из представлений. Да и на заступничество Бинго, назвавшегося другом Тони, юные командос рассчитывали более чем.

О том, что, возможно, цирк на деле является закамуфлированным цыганским табором, битком набитым зловредными шаманами и любителями маленьких детей, Грег предпочитал больше не заикаться. Не зачем накалять и без того напряжённую обстановку, мудро, не по годам, подумалось мальчику. Шутки шутками, а как говаривал его дедушка, не буди лихо, пока тихо. Грег в полной мере до конца не сознавал, что конкретно означает эта присказка, но дедушке доверял безоговорочно. Дед был большим знатоком всяких пословиц-поговорок и любил по поводу и без ввернуть ту или иную умность в разговор.

Час X был назначен на завтрашний вечер. Сорванцы всё тщательно продумали и спланировали. Так Грег отпрашивался у родителей переночевать у Тони. Что не вызывало никаких осложнений, поскольку подобное происходило с завидным постоянством. Мама Тони по трижды проверенной информации брала отгул на работе и отправлялась на званый ужин к гостеприимному мистеру де Фесу. Вот тут то и возникла небольшая заминка. Тони, узнав, что маму пригласили в гости к дяде его новой подружки Шейлы, едва не сорвал всю операцию! Уж больно мальчик хотел повидать эту ОФИГЕННО ЗАШИБЕННУЮ девчонку! Грег еле успел вразумить друга, напомнив о гражданском долге и ответственности перед Родиной. Какие ещё девчонки, а? Скрепя сердце, Тони был вынужден согласиться с железно аргументированными доводами приятеля.

— Ты уверен, что твоя мама не потянет тебя с собой? — по-генеральски нахмурив тонкие белесые брови, вопрошал Грег. — Она у тебя тётя жёсткая. И пикнуть не успеешь, как...

— Хватит доставать! — возмутился, обрывая мальчика, Тони. — Не хочет она меня с собой брать, я уже десять раз спрашивал... Сказала, что ДЕТЯМ там делать нечего, потому что соберётся чисто взрослая компания. И нянчиться со мной будет некому. Представляешь?!

— Кремень-баба, — одобрил Грег, заработав подозрительно-недоумевающий взгляд Тони.

— Это ты как сейчас мою маму назвал? А ну ка повтори!

— Эй, ты чего? Подумал, что это какое-то ругательство, матюкня? Ха, балда! Так выроживается...э-э-э...ВЫРАЖАЕТСЯ мой дедушка. Это, значит, что миссис Хил неуступчивая и твёрдая женщина. Понял, дурачок?

— Сам ты дурак! — не замедлил огрызнуться Тони. — Много ты понимаешь, как я посмотрю.

— Да уж в ругательствах разбираюсь побольше некоторых, — самодовольно заулыбался Грег, откидываясь на подушку.

— Ну-ну, — подначил мальчика Тони, оттопыренным от напряжения ухом прислушиваясь к тишине за закрытой дверью своей комнаты. Мама ещё спала. Когда не было необходимости собирать сына в школу, Дейзи после рабочей смены позволяла себе поваляться в постели подольше и нередко спала до обеда.

Но в любой момент она могла проснуться и не дай бог услышать, о чём непринуждённо беседуют мальчики в спальне её сына. Тони произвольно боязливо поёжился. Тогда им обоим влетит по самое не хочу, это уж как пить дать. Но уж больно хотелось узнать новое ругательное слово! Непонятно где, но Грег выпитывал их, как губка и всегда охотно делился с

другом.

— Как тебе такое словечко — ПРОШМОНДОВКА?

У Тони остекленели глаза. Грег с превосходством довольно посмеивался, наслаждаясь пришибленным выражением на физиономии Тони.

— Э-э-э... А ты уверен, что ЭТО слово ругательное? — осторожно поинтересовался Тони. — Уж больно оно заумное какое-то, не находишь? До сих пор все ругательства выглядели попроще. Да и запомнить их было легче. А тут язык можно сломать!

— Чувак, вспомни, что нам говорят в школе: нужно постоянно повышать уровень собственных знаний.

— Вот уж не думал, что миссис Мёрдок имела в виду ругательства! — фыркнул, едва не рассмеявшись, Тони. — Ты хоть сам знаешь, что значит эта твоя пр...прош...прошма, короче! А?

Грег несколько приуныл и вынужденно признался.

— Если честно, то не совсем... Как-то на днях дедушка смотрел телек, увидел клип Шакиры по MTV, и сказал вот это самое слово! Сказал, что она какая ни есть, а про-ш-мон-дов-ка. Мама подняла крик, чтобы он прекратил выражаться при детях (это она обо мне, прикинь!) и я догадался, что это ругательство.

— Крутой у тебя дедушка, — задумчиво протянул Тони.

— Угу...

— Но я думаю, что на счёт Шакиры он всё же не прав. Она красивая...

— Вот и я о том же...

— Ага...

А ведь этот чёртов шут не соврал, потрясённо признал Уолтер Харрис, когда они на пару с клоуном вошли в затемнённое чрево шатра. Кунсткамера была освещена по самому минимуму, лишь бы только посетители не натыкались на спины впереди идущих и на выставленные на стендах экспонаты. В прочих же закоулках шатра вполне вольготно себя чувствовала первозданная тьма, съедая очертания стен и детали неброской обстановки. Тысячи зыбких, дрожащих в неверном свете теней стелились там и тут, бросаясь под ноги идущих и облизывая странные и подчас пугающе — жуткие предметы, находящиеся в недрах этого импровизированного уютно-молчаливого аттракциона ужасов...

Уолтер пожалел, что не взял с собой фотоаппарат. Тут определённо было, на что посмотреть и что снимать. Увиденное вгоняло в трепет, поражало и пугало. Казалось невероятным, что в нашем таком для большинства привычном и обыденном мире может водиться подобная доводящая до слабости в коленях жуть.

— Откуда ВСЁ ЭТО? — почему-то шёпотом спросил Уолтер, не в силах оторвать глаз от разместившегося вокруг них погружённого в формалин царства страха. — О половине аномалий мне даже и читать не приходилось, не то, что видеть. Вы уверены, что ЭТО всё настоящее? Невероятно...

— Наш цирк существует с оче-ень давних пор, — в тон доктору шёпотом ответил Бинго. — Где только не приходилось нам выступать... На земле осталось ещё достаточно белых пятен, док, чтобы там не думали по этому поводу некоторые учёные умники. Директор Старжински, насколько мне известно, с самой юности помешан на всяческой сверхъестественной чуши. И просто души не чает в этих уродцах!

— Так всё это... Все эти СУЩЕСТВА собраны им, я правильно понял?

— Да, мистер, цирковая кунсткамера по сути является личной коллекцией нашего директора. Знали бы вы, как он гордится своими экспонатами!

— В принципе, я его понимаю, — несколько рассеяно сказал Уолтер, широко распахнув глаза. Они шли по устланному ковровой дорожкой узкому проходу. По обе стороны возвышались стеклянные колбы и цилиндры всевозможных размеров, заполненные формалином и ДРУГИМ содержимым. На чередующихся с колбами стендах были развешаны чучела совсем уж поразительных существ. Дорожка вела в конец шатра, поворачивала и шла в обратную сторону, меж следующих экспонатов. Харрис прикинул, что, учитывая размеры палатки и количество предоставленных для обозрения уродцев, Рудольф Старжински и впрямь собирал свою жуткую коллекцию не один год.

Самые невероятные и фантастические формы врождённого уродства и последствий наследственных болезней. Существа, облучённые превышающим все приемлемые нормы радиационным фоном, неродившиеся дети заражённых сифилисом и пожранными наркотиками матерей, чудовища, казавшиеся выходцами из самых глубоких бездн ада... Обитателей шатра объединяло одно — все они когда-то были людьми. Старжински интересовали исключительно твари, имеющие отношение к роду человеческому.

— Это. Это поражает и захватывает дух, — Харрис не мог подобрать нужных слов. Обострившийся инстинкт врача и исследователя пробудился в нём и безоговорочно вылез на передний план.

— Смотрю, вы уже не жалеете, что зашли к нам на огонёк, док, — осклабился Весёлый клоун, танцующей походкой следуя за неспешно продвигающимся Уолтером.

Харрис остановился напротив здорового аквариума объёмом литров на четыреста. В мутном от старости растворе скорчилось поразительное существо, напоминающее тритона, но с ярко выраженными человеческими признаками. Вполне возможно, что кольчатый хвост и жабры являлись рудиментарным и не играли важной роли в недолгой жизни этого... этой... Харрис замаялся, не зная, как классифицировать то, что он видит. И почему, собственно, недолгой? С чего он так решил? Основываясь на том, что с подобными уродствами долго не живут? Но ведь эта страхолюдная амфибия достигала по самым скромным прикидкам четырёх, а то и пяти футов в длину! То есть, размеры совсем не маленькие. М-да...

Едва удержавшись, чтобы не почесать в затылке, Уолтер двинулся дальше. Бинго не отставал. Обычно неугомонный болтливый клоун сейчас молчал, как воды в рот набрал. Лишь нарисованная от уха до уха жизнерадостная ухмылка выдавала его профессию.

Следующим заинтересовавшим Уолтера экспонатом был сравнительно небольшой зародыш, заключённый в продолговатую, вытянутую колбу. Харрис не побоялся вплотную приблизиться к сосуду, едва не дотрагиваясь носом до стекла. Зародыш здорово напоминал помесь человека с обезьяной. Доктор затруднялся в точной мере определить возраст сей богопротивной мерзости, но одно мог сказать не задумываясь: зародыш давно перешёл от состояния эмбриона на следующую ступень развития. Пожалуй, месяца два, а то и три, закусив губу, прикинул Уолтер. Что произошло потом? Бог его знает. Скорее всего, у несчастной матери этого зародившегося уродца случился выкидыш, и маленькая тварючка пополнила коллекцию мистера Старжински.

Мутации порой выкидывали кошмарные, превосходящие всякое больное воспалённое воображение, вещи с человеческой природой. Возле стенда с распятым чучелом определённо женской особи Харрис задержался особенно долго. Бинго тихо сопел сзади в затылок

доктора, воздерживаясь от комментариев.

Да, первичные половые признаки позволяли с уверенностью утверждать, что перед ними всё-таки женщина. Более ничего, что говорило бы об ЭТОМ, как о женщине, Уолтер никак не мог выделить. Тощее, обтянутое серой кожей костлявое тело с четырьмя лишними рёбрами, шестипалыми конечностями и непропорционально большой головой. Голова чучела венчала длинную шею и таранилась на Уолтера большими миндалевидными глазами с навеки застывшими кошачьими зрачками. Вместо носа была впадина, рот ощерился в мёртвом оскале мелкими острыми зубами. Харрис присмотрелся. Нет, пожалуй, он ошибся приняв остроту зубов за естественный фактор. Все зубы существа были вручную подпилены под углом, превращаясь в маленькие клыки. Забавно, подумал Уолтер, неужели при жизни эта тварь не брезговала человечинкой? Спутанные хворые волосы чучела серыми колтунами падали на огромный выпуклый лоб и плечи. Харрис передёрнул плечами и пошёл дальше.

Он заметил, что ни один экспонат не имеет сопроводительной таблички, надписи, проясняющей некоторые нюансы появления на свет этих ошибок природы. А это бы отнюдь не помешало.

— Вы отлично, держитесь, док, — уважительно польстил семенящий рядом Бинго. — Помню, на второй день представлений двух особо впечатлительных дамочек пришлось выносить отсюда на руках! Жалко, меня не позвали помочь. Я видел, у одной из них были просто шикарные сиськи!

— Да, да, сиськи... — отрешённо пробормотал Уолтер, замирая перед очередным шедевром дьявольской изобретательности.

Бинго недоумённо уставился на врача голубыми глазами и обречённо махнул рукой.

— Я так и знал, что вы извращенец, док! Я же говорю СИСЬКИ!

Глава 10

Алан старался изо всех сил. Он улыбался, внимательно выслушивал собеседников, небезуспешно изображая неподдельную заинтересованность. Смеялся над особо удачными шутками, был сама любезность и участие. Но... Но на душе у него становилось почему-то с каждым часом всё хуже и хуже. Муторная волна непонятной тревоги накатывала на юношу раз за разом, заставляя периодически вздрагивать и тревожно оглядываться. Сердце сжималось в зачастивших пароксизмах странной, ноющей боли.

Несмотря на определённый скепсис в вопросах, касающихся собственной умственной состоятельности, Алан никогда не мнил себя параноиком. Наоборот, Блейз всегда доверял своей чуткой, проникновенной интуиции, никогда не подводившей его в трудные моменты. А сейчас интуиция буквально вопила во всю глотку, предупреждая о грозящей опасности. И Алан не видел ни малейшей причины ставить её под сомнение.

Они расположились в гостиной за отменно сервированным столом, сделавшим бы честь любому дорогому ресторану. Фредерик и Шейла проявили свои таланты в полной мере, подтвердив, что не лишены чувства прекрасного. Яркое, но не режущее глаз, освещение, удобные мягкие стулья, великолепные блюда, уютный треск стораемых в камине дров... Хорошая компания за непринуждённой дружеской беседой. Идиллия, одним словом! Алан в который раз скромно похвалил себя за врождённую выдержку и наработанное усиленными тренировками хладнокровие. Ну не по себе ему было, ну вот хоть режь его!

Гости прибыли в назначенный час, не опаздывая. Энди Тёрнер и Уолтер Харрис прикатили на машине последнего. Спустя десять минут в дверь особняка де Фесов позвонила добравшаяся на такси Дейзи Хилл. Фредерик, надев по случаю новый дорогой

костюм, выбритый и надухаренный, напоминал престарелого агента ноль-ноль-семь. Он командовал парадом, не покидая пределов гостиной, лично усаживая гостей за стол. Шелли взяла на себя обязанность открывать прибывшим двери и приветливо улыбаться, рассыпаясь в неперенных любезностях. На Алана возложили почётную обязанность гардеробщика.

Спустя некоторое время все сидели за столом. Звенели ножи и вилки, гости нахваливали местную кухню, заверяя, что давненько не едали ничего подобного. Фред сдержанно улыбался, восседая во главе стола, Шейла кокетливо пожимала плечиками и весело сверкала зубками, Алан, преимущественно помалкивая, цедил из стакана яблочный сок. По правую руку от Фреда сидел аккуратно расчесанный Энди, сменивший полицейскую униформу на джинсы, водолазку и пиджак. За шерифом пламенел огненно-рыжей шевелюрой доктор Харрис, импозантный и солидный. Весьма приличный костюм сидел на нём как влитой. Холёные пальцы с неуловимой лёгкостью, даже грацией орудовали столовыми приборами.

По левую руку от хозяина дома расположилась Шейла. Модная девочка не упустила случая показать себя перед гостями во всей красе. Минимум неброской косметики, выгодно подчёркивающей достоинства хорошенького свежего личика и скрывающего недостатки: темно-фиолетовые тени, чёрная тушь и розовый блеск для губ. Шелли надела обтягивающее платье насыщенного пурпурного цвета, с треугольным вырезом декольте и короткими, чуть ниже локтей, рукавами. В прорези рукавов были вплетены фиолетовые атласные ленты, заканчиваясь на хвостиках тугими бутончиками пурпурных розочек. Под платьем скрывалось от посторонних глаз подобранное в тон кружевное нижнее бельё. Стройность ног Шейлы подчёркивали тончайшие чёрные чулки и такого же цвета туфли на высокой танкетке. Густые угольные волосы девушка накрутила волнистыми прядями и распустила по плечам и спине. В мочках нежных розовых ушек блестели сапфировые серёжки, золотая цепочка с крестиком и буквой «S» игриво ныряла в неглубокое декольте, теряясь меж упругих маленьких грудей. Выглядела сестра настоящей красавицей, истинной леди, интригующей и очаровательной, не мог не признать Алан. Круто выглядела. Даже вызывающе.

Дейзи Хилл вполне освоилась в несколько непривычной для себя компании, вставляя в разговор остроумные реплики. Девушка расположилась между Шейлой и занявшим «камчатку» Аланом. Юноше пришло в голову, что распределение мест за столом прошло не без участия его деятельной и обстоятельной сестрёнки. Дейзи отлично смотрелась в простеньком обтягивающем тёмно-сиреневом платье, глубоко декольтированном, с открытыми плечами. У симпатичной официанточки была изумительная фигура, и Алан поймал себя на том, что от Дейзи очень трудно отвести взгляд. Девушка чувствовала, какое производит впечатление и выглядела донельзя довольной, благодарно улыбаясь пригласившей её Шейле. Девочка хитро посматривала на брата и во всеуслышание заявляла, что они с Дейзи теперь подруги на веки вечные. Алан внутренне мученически стонал. Улыбка как приклеенная не сходила с его тонких губ. Длинные прямые волосы закрывали его лицо, рукава чёрной рубашки, заправленной в синие джинсы, были закатаны по локоть. Шейла давно намекала, что ему не помешало бы подстричь падающие на глаза вихры, поскольку его «дурацкий анимешный стиль» многих раздражает. Алан делал вид, что не понимает о чём вообще идёт речь. Ему ТАК нравится, и плевать он хотел на мнения окружающих. Уже давно канули в лету те времена, когда чужие суждения могли хоть как-то повлиять на его мировоззрение.

Постепенно разговоры перешли в несколько иную, менее официальную, плоскость. Лёгкое марочное вино (у Фреда был неплохой погреб, предмет зависти всех соседей) постепенно делало своё дело. Фред без устали травил анекдоты, Энди и Шейла хохотали, как сумасшедшие, доктор Харрис порывался записывать особо убойные, а дядя обещал вот-вот перейти к неприличным байкам. Алан мрачнел с каждой минутой — он вино терпеть не мог, а потому сидел трезвый, как стёклышко. Дейзи, словно зримо осязая исходившие от юноши депрессивные эманации, стала вести себя более сдержано. Не забывая вежливо улыбаться, девушка всё чаще оборачивалась к Алану вроде бы по совершенным пустякам. В её зелёных глазах сквозила до того неприкрытая забота, что Алану стало ещё хуже. Но обижать Дейзи он хотел ещё меньше, поэтому с усилием взял себя в руки.

— Ты совсем не пьёшь, — Дейзи мягко прикоснулась к его руке. — Почему? Я, конечно, слабо разбираюсь в винах, но, на мой взгляд, это — одно из лучших, что я когда-либо пробовала.

— Я, если честно, не сильно жалею вина, — признался Алан. — Могу выпить коньяку, водки на худой конец, но вино... Бр-р-р...

— И ты любишь пиво, — улыбнулась Дейзи. Алан подумал, что розовая помада очень идёт её полным влажным губам. Он до сих пор помнил, насколько вкусными они могут быть...

— Есть такой грешок. Кому, как ни тебе знать об этом!

— Да, если бы ты постоянно жил у нас, Грэму пришлось бы молиться на тебя.

Алан усмехнулся в тарелку с салатом. Жить в Хеллвиле... А ведь, если тщательно вдуматься, то перспектива навсегда связать свою жизнь с этим маленьким городком не из самых плохих и никчёмных. Ему нравилось здесь, нравились живущие тут люди, ну, или почти все, нравилась провинциальная атмосфера Хеллвила. Но стоило признаться хотя бы самому себе, что он не смог бы жить здесь. САМ не смог бы. А иных вариантов он и не рассматривал. Хотя и подозревал, что та же, например, Дейзи сумела бы предложить альтернативу собственного посола.

— Жизнь полна сюрпризов и неожиданностей, — Алан через стекло стакана посмотрел на изогнувшийся, поплывший силуэт Дейзи. — Никто из нас не может с уверенностью сказать, что ожидает его завтра. Какие повороты судьбы поведут его, и какой дорогой. Я привык не зарекаться и не насмехаться над промыслом божьим. Погоди смеяться. Я вполне серьёзно, Дейз. Я не знаю, что будет завтра, через месяц, год... Я стараюсь сам, своими руками держать штурвал данной мне жизни, но понимаю, что не смогу обойти все подводные камни и рифы. И что в любой момент мой корабль может захлестнуть штормовая волна, и он пойдёт ко дну. А я ничего не смогу сделать. И так с каждым человеком.

Поэтому не исключено, что когда-нибудь, если звёзды на небе сложатся определённым образом, если... А, чёрт, со стороны выглядит, что я здорово надрался и несу какую-то несуразную чушь, да?

Дейзи не спускала с юноши полных участия и внутреннего тепла зелёных глаз. Он ласково накрыла ладонь Алана своей и сказала:

— Ты глупый. Ты рассуждаешь о злободневных и важных для, поверь, многих людей, вещах и называешь себя дураком?

— Я всего-навсего хотел сказать, что не сбрасываю со счетов возможности в будущем, со временем поселиться в вашем городе. Всякое бывает...

— И я знаю, по крайней мере, одного человека, который будет очень рад, если это всё

же произойдёт.

— Что-то мне подсказывает, что и я знаком с этим человечком, — Алан впервые за вечер искренне улыбнулся. — Он очень хороший этот человечек. Очень добрый, красивый и терпимый.

Девушка залилась нежным розовым цветом.

— Воркуете, голубки? — Шелли с плохо скрываемым любопытством подсунулась к ним. — Вечер, по-моему, удался на славу! Скажешь, нет, братишка?

Алан присмотрелся к огромным, подозрительно заблестевшим глазам девочки, к щекам, покрывшимся румянцем... Всё ясно, Шейла явно переоценила свои скромные силы в гонке за бокалом вина.

— Шелли, тебе не кажется, что... м-м-м...такой молоденькой девушке, как ты, пора прекратить налегать на спиртное?

Шейла закусила нижнюю губку и обиженно запыхтела. Вот ведь воспитатель несчастный! Хорошо, его не слышали Энди с доктором Харрисом, целиком и полностью поглощённые очередным нетленным анекдотом дяди Фреда. Девочка чувствовала себя просто прекрасно. В голове немножко шумело, но по телу разливалось приятное тепло, казалось, что ты становишься легче и воздушней, что физические законы более не властны над тобой. И она вдобавок отлично себя контролировала, зная, где следует остановиться. Язык девочки не заплетался, мысли не путались, противоестественных желаний не возникало. Нет, ну правда, чего он цепляется?!

Шелли задрала носик и, испепелив брата яростным огнём синих глаз, резко отвернулась от них. Дейзи укоризненно посмотрела на Алана:

— Пожалуй, ты излишне строг и несправедлив по отношению к сестре. Алан, не подумай, что я поощряю повышенное пристрастие современных подростков к алкоголю, ничего подобного! Но этим здесь и близко не пахнет. Шейла находится не где-нибудь на улице или в сомнительном заведении — она в доме у своего дяди, а рядом сплошь родные и друзья! Что, по-твоему, может случиться с ней плохого, даже если она чуток хватит лишку?

— А зачем доводить себя до такого состояния? — не сдавался юноша.

— А как она узнает, каково это? — резонно возразила Дейзи. — Каждый в жизни хоть раз, но напивался в хлам! Зато потом уже знает, чем это грозит, как себя чувствуешь на следующий день. Так пусть подобное лучше происходит дома под присмотром близких, чем где-нибудь на улице!

— Хорошо, давай тогда предложим ей и курнуть заодно чего-нибудь, или ширнуться пару раз. Так, на всякий случай, чтобы узнала, каково и это! — Алан вспыхнул, исподлобья глядя на Дейзи. — Мы же рядом, откачаем, если что...

Девушка с удивлённой, какой-то детской обидой посмотрела на него. Её полные губы зримо задрожали.

— Зачем ты ТАК? Ты же понял, что я имею в виду, Алан. Почему ты всё утрируешь и говоришь мне, что... Хотя, наверно, это я не права, что лезу не в свои дела!

Она сделала попытку подняться со стула, но была остановлена двумя ладошками, опустившимися ей на плечи. К смятённой девушке сзади тихо и незаметно подкралась Шейла. Обняв Дейзи обеими руками, Шелли горячо зашептала ей на ухо:

— Пожалуйста, Дейзи, не уходи, ради меня... Ну пожалуйста! Не обращай на него внимания, он всегда ТАКОЙ. Прости меня.

Дейзи ласково провела пальцами по щеке девочки.

— Я не обижаюсь. Не проси у меня прощения, прекрати. Ты не проводишь меня в туалет? Я бы не отказалась припудрить носик.

— Я тоже.

Проводив гордо удалившихся девушек, Алан раздражённо, злясь на самого себя, закатил глаза. Господи, да что с ним такое происходит? Что он творит? И это он ещё трезвый, а если бы принял на грудь? Юноша осмотрел свои руки — пальцы не дрожали, не дёргались. Он не выпил ни капли вина. Но что тогда с ним происходит? Откуда это гнетущее состояние и противная ледяная мерзость в низу живота, связывающая внутренности морским узлом? Что он ПОЧУВСТВОВАЛ?

— Женщин зачастую очень трудно понять, — на него участливо смотрел сидевший напротив Уолтер. — Извини, я тоже, скорее всего, вмешиваюсь, куда не надо...

— Да пустяки, — успокоившись, Алан виновато улыбнулся. — Порою я захожу гораздо дальше, чем следовало бы. Я сам всё порчу. Да и настроение у меня в последнее время не к чёрту. Вы, как врач, не дадите бесплатный совет-другой?..

— Уолтер. Просто Уолтер. Не говори мне «вы», хорошо?

— Договорились.

Харрис сложил пальцы домиком, не зная толком, с чего начать.

— Я не психолог, но кое-какие книги читал в своё время... Что тебя гнетёт?

— Ума не приложу, — почти не соврал Алан. — Но в последнее время у меня отчего-то ну очень пакостно на душе. Предчувствие какой-то пока невидимой, но неотвратимо грядущей опасности. Я схожу с ума?

— Наверяд ли, — как-то уж чересчур быстро ответил Уолтер, что не ускользнуло от внимания Алана. — Невозможно сойти с ума практически коллективно.

— О чём это ты, док? — Алан честно недоумевал.

— Не у одного у тебя подобные симптомы, — Харрис перегнулся через стол и шепнул: — Готов побиться об заклад, что ЭТО началось с тобой сразу по приезду в Хеллвил.

Алан задумался. Стоит ли говорить об этом с Уолтером? Он казался умным и надёжным человеком. И не стал крутить пальцем у виска, скоропалительно припечатывая Алана диагнозом — паранойя. Несколько секунд он молчал, под пристальным изучающим взглядом доктора. Наконец, юноша сказал:

— Не совсем. Первый раз нечто подобное накрыло меня в день смерти тёти Урсулы. Да, именно так. Всё началось со звонка.

— Со звонка?

— Да. Позвонил дядя и сообщил, что тётя Урсула умерла. И... Можешь смеяться, но когда телефон только зазвенел, я уже ЗНАЛ, что ничего хорошего ожидать не приходится. Я ПОЧУВСТВОВАЛ это.

— Тогда нам определённо есть, о чём поговорить, — Харрис повернул голову. Энди подсел поближе к Фреду, и между мужчинами завязалась непринуждённая, согретая вином беседа. Так, шериф начал зондировать почву, отметил про себя Уолтер. Посмотрим, что это в итоге даст...

Тем временем в гостиную вернулись посвежевшие девушки. Алан мельком глянул на наручные часы. О, уже десять натикало! Время бежит быстро и неумолимо. Минуты, часы, годы. Так и жизнь пролетает...

От Алана не ускользнуло, что Шейла чем-то встревожена. Что могло произойти за десять минут? Подрались с Дейзи, не поделив унитаза? Да ну, глупости! Дейзи не говоря ни

слова, уселась за стол, а Шелли наклонилась к Алану.

— Братишка, хоть ты и засранец, каких свет не видывал, но я всё равно тебя люблю, — от горячего шёпота Алан весь покрылся мурашками. — Но это всё ерунда...

Доктор Харрис по-джентльменски налил Дейзи гранатового сока, зримо оттопырив напряжённое ухо. Алан не удержался от улыбки, хотя внутри него всё сжалось от ОЧЕНЬ НЕХОРОШЕГО предчувствия, будь оно неладно.

— А что НЕ ерунда, котёнок?

— В ванной комнате, как только мы вошли, треснуло зеркало. Представляешь? Мы открываем дверь и тут р-р-раз — через всю поверхность пробежала трещина, почти расколов стекло на две части! Я слышала, что это плохая примета, Алан... И мне как-то стало не по себе, честно. Я даже не знаю, как сказать об этом дяде.

— Предоставь это мне, — Алан ободряюще провёл пятернёй по лицу девушки. — Я во всём разберусь...

Но это было только начало.

Гортанно простонав, Стивен на некоторое время застыл, тяжело дыша и каждой клеточкой разгорячённого тела ощущая под собой податливую, истекающую потом и страстью женскую плоть. Выдохнув, Диксон скатился с Мишель и потянулся к пачке с сигаретами. Примирение вышло на славу. В принципе, Стивен был даже готов сказать, что его акции растут как на дрожжах. И дело было не столько в том, что Мишель опять с готовностью раздвигает перед ним свои красивые ножки, сколько в её папочке.

Это ж нарочно не придумаешь! Сам мэр первым выразил желание познакомиться с ним и недвусмысленно дал понять, что не будет чинить препятствий на пути дочери к искомому счастью. Офигеть можно! Стив чиркнул зажигалкой и, самодовольно улыбаясь, затянулся. Теперь всё зависит от него. Хотя нет, не так. Юноша досадливо поморщился. Мишель. Эта своенравная стерва способна отмочить любой номер. Это сейчас, напуганная нравоучительными лекциями папаши, она превратилась в кроткого ягнёночка, держащего острый на шпильки язычок за зубами. Но стоит ей почувствовать слабинку и... пиши пропало. Вот если бы заделать ей ребёнка...

Стивен надолго призадумался. Это проблема. Огромная. Ну ладно, не наденет он резинку, и что? Наверняка Мишель для подстраховки применяет контрацептивы. Это стопроцентно! Или начнёт требовать, чтобы он её трахал исключительно в задницу. Он, конечно, и рад стараться, благо попка у Мишель отменного качества, но это не решение проблемы обустройства личной жизни. Стив стряхнул пепел прямо на пол и искоса поглядел на растянувшуюся сомлевшей от удовольствия пантерой любовницу. Вот бы она ещё замурлыкала, хмыкнул Диксон и вальяжно похлопал Мишель по округлому бедру. Девушка перевернулась на живот и подняла растрёпанную головку. Мокрые пряди золотистых волос липли к её лицу.

— Ум-м-м... Ты превзошёл самого себя, малыш.

— Ага, что есть, то есть, — осклабился Стив, выпуская через ноздри сигаретный дым. — Всё, что я делаю, это ради тебя, детка.

— Я в этом не сомневалась, — Мишель хитренько улыбнулась. — Ты же обожаешь меня...

— Куду уж тут деваться, — Стив докурил сигарету и отработанным до автоматизма движением выбросил окурки, как всегда метко угодив в мусорное ведро.

Откинувшись на спинку кровати, молодой человек зашипел сквозь зубы от пронзившей тело резкой боли. Помятые рёбра периодически давали о себе знать. От Мишель не ускользнула искажившая лицо Стивена гримаса. Она осторожно провела пальчиками по груди и животу юноши, едва касаясь налитых нездоровым сизым цветом синяков.

— Ты когда-нибудь перестанешь ввязываться в драки? Разве оно того стоило?

— Стоило бы... Если бы драка закончилась со счётом в мою пользу, — Диксон обнял прижавшуюся к его правому боку девушку. — Это дело принципа, понимаешь?

— Принципа? Странно, а я думала, что всё кроется в элементарной жажде мести. Ты который раз выхватываешь на орехи от этого Блейза, третий?

— Второй, — скрипнул зубами Стивен. — Не надо принимать меня за полную размазню и рохлю!

— Ты же знаешь, что я так о тебе не думаю. Рохлей ты никогда не был.

— А кем был?

— Ну, — пожалала обнажённым плечиком Мишель. — Мерзавцем, сволочью, тупицей, недоумком...

Стив коротко хохотнул и поспешил заклеить рот, поносящий его по всей программе, жадным поцелуем. Их языки судорожно переплелись, настырными змеями проникая меж приоткрытых губ... Мишель глухо застонала, обвивая руками шею Стивена и закидывая ногу ему на бедро. Диксон подхватил девушку за талию и... Вскрикнул он неожиданной и от того вдвойне неприятной боли! Оттолкнув от себя чрезмерно увлечённую, распалившуюся любовницу, Стивен провёл языком по прокушенной губе, слизывая солёную кровь.

— Ты что, мать твою, совсем рехнулась?! — Диксон был готов ударить её. — Ты мне на хрен губу прокусила, дура!

— Ой, прости, я сама не знаю, что на меня нашло! — с округлившимися от ужаса глазами Мишель кинулась к нему и попыталась неловко вытереть сочащуюся густую темно-красную кровь. — Стиви, ну я же нечаянно... Ну извини, малыш, извини. Дай я помогу тебе...

— Сам справлюсь, — отрезал Диксон, вставая с кровати и прикрывая рот ладонью. — Не хватало ещё простыни испачкать... Я, знаешь ли, привык, что на них нет ничего, кроме пятен от спермы! Мать твою, как больно то...

— Ну не обижайся, Стив! — жалобно сказала Мишель, сидя на кровати и, внезапно устыдившись сама не зная чего, натянув простынь до подбородка.

— Я в ванную.

Оставшись наедине с собою и испорченным настроением, девушка была готова разрыдаться. Она взяла с прикроватного столика салфетку и промокнула увлажнившиеся глаза. Отняв салфетку от лица, Мишель увидела на ней смазанные кровавые разводы — она задела запачканный рот. Боже мой, ужаснулась Мишель, на мне же его кровь! Девушка тщательно вытерла влажные от крови губы и внутренне содрогнулась. Она и вправду не знала, что сказать. Она не знала, что заставило её укусить Стивена. Раньше Мишель не замечала за собой пристрастия к подобного рода выкрутасам в постели... Что с ней произошло, чёрт возьми?!

Мишель нервно облизнула пересохшие губы. Она не подозревала, что ЭТО — только начало.

Велосипеды они оставили на вершине холмов, спрятав доставивших их за город верных

железных коней в небольшой ольховой рощице. Вниз, в долину спускались едва не попластунски, прижимаясь к холодной земле и стараясь совершать минимум ненужных движений. Ущербной луне не хватало сил, чтобы выдать с головой тусклым светом две маленькие крадущиеся фигурки.

Мальчики оделись в одежду преимущественно тёмных тонов и вооружились ждущими своего часа фонариками. Раскинувшийся в едва озарённой ночным экономным освещением долине цирк-шапито, казалось, провалился в глубокий крепкий сон. Вяло царапающий детские лица ветерок не приносил ни звука. Изредка взрыкивало одно из заключённых в вольере животных и — опять тишина. Начинающих диверсантов подобный расклад устраивал более чем.

Они двумя сопящими изваяниями застыли на невидимой границе, отделяющей цирковые владения от остального мира, и внимательнейшим образом осмотрелись. Два шатра, один поменьше, второй воистину гигантских размеров без включенной иллюминации ночью напоминали подёрнутые занавесью мрака уменьшенные в размерах египетские пирамиды. Конечная цель мальчиков находилась в меньшем шатре. Достаточно было преодолеть метров двадцать пересечённой местности, избегая нежелательной встречи с возможным сторожем, откинуть простой чёрный полог, закрывающий вход в шатёр и юркнуть внутрь. Проще не бывает. По крайней мере, с виду.

Кто знает, если бы дети вовремя поняли, что для них ВСЁ УЖЕ началось, то и вся история пошла бы совсем по-другому. Но они не ПОЧУВСТВОВАЛИ.

Алан долго рассматривал расколотое на две ломаные неровные части большое, где-то метр на метр зеркало, пока доктор Харрис за его спиной не начал вежливо покашливать. Они отлучились в ванную комнату по суровым неотложным мужским делам и попутно оценить уровень ущерба, нанесённый этому королевству первосортного кафеля, стекла и хрома. Ванная комната сверкала отполированными деталями кранов и блестящей плиткой так, что с непривычки резало глаза. Шелли, не изменяя себе, напутствовала мужчин невинной просьбой «слишком сильно не увлекаться». Уолтер непонимающе вскинул брови и Алан, снисходительно улыбнувшись, присоветовал врачу не задаваться пустыми вопросами, принимая мисс Шейлу Блейз такой, какой она была. Со всеми вытекающими последствиями. Это как вынуждены мириться со стихийными бедствиями, типа урагана или цунами. Возмущайся хоть до икоты, а бороться невозможно.

— Стекло-то вон какое толстое, — сказал Алан и провёл пальцем по поверхности зеркала, отражающего их с доктором и часть комнаты. Через лицо Алана проходила витиеватая кривая, искажая и как бы сглатывая отражение юноши. Казалось, что это не он в зеркале, а какой-то незнакомец с обезображенной физиономией.

— Да, и рама очень качественно сработана, придраться не к чему, — Харрис усмехнулся. — Я так думаю, что одна моя ванна стоит куда меньше этого зеркальца. Оно должно было повисеть здесь без хлопот вечность.

— Ничего вечного не бывает. Эти зеркала зачастую настолько хрупки... Кто знает, может это дал о себе знать изначальный заводской брак?

Уолтер отрицательно покачал рыжей головой. Его двойник в зеркале сделал то же самое.

— Сомневаюсь. Ваш дядя из тех людей, которые по десять раз перепроверят самую незначительную с виду вещь, прежде чем допустят её состоятельность, как произведения

искусства. И, если это зеркало висит в ванной комнате Фредерика де Феса, значит, с ним всё было в полном порядке.

Отвернувшись от разбитого зеркала, Алан повернулся к Харрису, глядя на невысокого доктора сверху вниз.

— А ты неплохо знаешь моего дядю, я угадал?

— Совсем неплохо, — Уолтер подошёл к раковине и, повернув массивный хромированный кран, поставил руки под тугую струю горячей воды. Он уже устал повторять Алану, что бы тот ему не выкал, но, видимо, всё бесполезно... — И вашу тётю упокой Господь её душу, я тоже знал очень неплохо. Как ты думаешь, Алан, от чего она умерла?

— Сердечный приступ, — машинально ответил юноша и тут же нахмурился. — Правда...

— А правда в том, что Урсула никогда не страдала от сердечных заболеваний, — перейдя на шёпот, заговорил Уолтер, не спуская с Алана возбуждённо загоревшихся глаз. — Она была подвижной, бодрой, энергичной, ЗДОРОВОЙ женщиной.

Блейз снял с крючка махровое полотенце и передал доктору.

— Продолжай. Ты меня заинтриговал.

— Благодарю, — сказал Уолтер, вытирая руки. — Хочешь послушать мои умозаключения?

— Теперь уж точно не откажусь, — сложив руки на груди, Алан загородил собой входную дверь. — Я весь внимание.

— Девочки, — Фред поднялся на ноги и извиняюще улыбнулся. — Мы с Энди пройдем в мой кабинет обсудить кое-какие дела, а вы тут постарайтесь без нас не скучать.

— Как скажешь, дядя, — заметно посвежевшая Шелли показала на миг обернувшемуся шерифу язык. Тёрнер залился краской как помидор и торопливо зашагал вслед за де Фесом. Вау, у него даже уши покраснели, с замиранием сердца восторженно подумала Шейла. Какой умничка...

— Тебе нравится наш шериф? — как бы невзначай спросила Дейзи, с хрустом надкусывая сочное жёлто-зелёное яблоко. Ароматный сок потёк по пухлым губам и подбородку девушки. Дейзи поспешила вытереть сок салфеткой.

Шелли, засмеявшись, вытащила из кармашка носовой платочек.

— Дай я тебе помогу, а то будешь вся сладкая и липучая...

— Значит, о покорении мужских сердец можно не беспокоиться. Все и так будут липнуть ко мне.

— А то... У тебя такие красивые губы! Как же я тебе завидую, Дейзи.

Шелли робко коснулась кончиками пальцев мягких податливых губ Дейзи. Та, отложив в сторону яблоко, с отчётливым беспокойством сказала:

— Надеюсь, ты не из тех, кто любит щупать девочек?

— Ха-ха, ты глупышка, Дейзи! — девочка прыснула со смеху. И тут же заметно помрачнела. Всё-таки Алан был прав, решила Дейзи, наблюдая за стремительной сменой настроения Шелли. Не надо было ей столько наливать. — Просто у меня, как ты видишь, небольшая проблемка по этой части...

— Проблемка?

— Ага. У меня на редкость тонкие и невзрачные губы. Просто беда какая-то, —

сокрушилась Шейла.

Дейзи, присмотревшись, горячо возразила.

— Не смей на себя наговаривать! У тебя красивые губки. И улыбка у тебя замечательная.

— Ну да, ну да... Когда я улыбаюсь, губы становятся как вроде и ничего... Где-то близко, рядом, так себе. Или вот когда я только просыпаюсь! Губы выглядят пухлыми, но и всё лицо тоже опухает... Я просто кикимора какая-то.

— Боже, девочка моя, прекрати так говорить, — Дейзи ободряюще обняла Шейлу. — Ты очень красивая лапочка. Я и вполтину не так симпатична, как ты.

— Заливаешь...

— Вовсе нет.

А ведь она так и не ответила на мой вопрос, мимоходом успела подумать Дейзи. Ну и хитрюга!

Тони и Грег неуверенно застыли на пороге шатра. За их спинами опустился кусок плотной чёрной холстины, запирая мальчиков в этом лишённого малейших проблесков света навевающим жуть мешке. Именно так — жуть. Едва они переступили через порог, благополучно и без проблем добравшись до шатра, как вся бравада тут же оставила их. Отчаянная детская храбрость и презрение к опасностям (ха, пусть ВЗРОСЛЫЕ боятся!) вми покинули приятелей, улетучившись в неизвестном направлении.

Здесь, в палатке кунсткамеры (да они даже не могли правильно выговорить это слово!) было тихо, холодно и темно. Тихо, как безветренную ночь на кладбище. Холодно, как в погребе. И темно, как в могильном склепе. Тони почувствовал, как Грег в кромешной тьме нашарил его руку и крепко сжал её. Вспотевшие пальцы Грега ощутимо дрожали. Ой-ой-ой, тоскливо подумал Тони, зря мы, пожалуй, затеяли всю эту амфору... Э-э-э... Афёру!

— Тони, включай же, наконец, этот чёртов фонарик, — тихим прерывающимся шёпотом взмолился абсолютно невидимый в темноте Грег, маленькими тисками сжимая руку Тони.

— А сам чего не включишь? — беззлобно огрызнулся Тони, на ощупь расстёгивая куртку и доставая из-за пазухи небольшой продолговатый фонарик.

— Да не могу я, — признался Грег. — Он у меня в правом кармане...

— А бросить мою руку слабо?

— Какую руку? Ах, эту.... Точно, точно, — Тони не видел друга, но почему-то решил, что Грег побелел от страха и с трудом соображает. Однако руку его всё же выпустил. А ведь ему всегда казалось, что Грег намного смелее, чем он. Мама по этому поводу как-то сказала, что настоящая храбрость и решимость проявляются в тех ситуациях, когда нет иного выхода. Когда кому-то волей-неволей приходится БЫТЬ смелым и решительным. Не ради себя, а ради других. И тот, кто понимает это отчетливее других и добровольно взваливает на себя бремя ответственности и есть настоящий храбрец. Потому что он не трус. Потому что больше некому. А кому-то надо. Не для себя. Для других.

Тони хорошо запомнил её слова. А ведь я не трус, внезапно пришло ему на ум! И это спонтанное озарение несколько приободрило мальчика, придало ему сил и решимости. Я НЕ трус, ещё раз сказал он сам себе. Так, на всякий случай, для закрепления эффекта.

Фонарики они включили одновременно. Два тонких, смотрящихся в окружившей их космической первозданной тьме такими слабыми и жалкими, лучика света пронзили недра

шатра. И эти неказистые лучи показались испуганным мальчикам ярче мощнейших из прожекторов. Тони подумал, что их фонарики похожи на самые настоящие джедайские лазерные мечи, призванные сокрушить оплот Тёмных сил.

— Ух ты, ты только посмотри на это, — выдохнул Грег, отогнав лучом фонарика страх куда-то на задворки сознания и напоминая себя прежнего. — Ты когда-нибудь видел нечто ПОДОБНОЕ?

— Тихо ты, — шикнул на него Тони. — Конечно, не видел... Ну, разве что в комиксах встречал... Или в кино.

— Да тут, чувак, всё намного круче, чем в кино. Главное, не обоссаться!

— Главное, чтобы нас не застукали, — поправил Тони. — Я, например, предпочту встретиться с дюжиной чудовищ, чем попасть один раз под горячую руку мамы, когда она в плохом настроении.

— Правда, что ль? А мне всегда миссис Хилл казалась уравновесенной и спокойной женщиной.

— Так и есть, — кивнул Тони, направляя луч фонаря в проход меж первыми рядами стеллажей. — Но когда речь заходит о моей безопасности, она превращается в какую-то эту... Фурию, во! А потом расстраивается и горько плачет. Я не хочу её расстраивать. И я не хочу, чтобы моя мама из-за меня плакала.

— Мы не дадим ей повода. Доверься мне. И не переживай по этому поводу, у твоей мамы просто нервишки пошаливают. Я слышал, что у баб это часто бывает!

Дурак ты, Грег, подумал Тони, просто моя мама любит меня, и искренне переживает и волнуется. А плачет она часто и по другому поводу. Потому что у неё нет друга. Интересно, а Алан согласился бы стать другом его мамы? Он показался Тони приличным парнем, вполне заслуживающим доверия. И у него такая классная сестрёнка...

— Эй, ты чего застыл с таким видом, будто тебя огрели по башке? — настойчивый свистящий голос Грега вырвал Тони из мира грёз и вернул к реальной действительности. — Давай хоть осмотримся, раз уж пришли сюда!

— Давай.

Мальчики осторожно двинулись вглубь шатра, обходя кошмарные стенды с распятыми чучелами и заставленные колбами, пробирками и прочей стеклотарой столы. Некоторые из колб были настолько огромны, что стояли прямо на полу, а иные из прикрепленных к стендам чучел размерами не уступали взрослому человеку. Света фонариков едва хватало, чтобы рассмотреть общие детали буйствовавшего в палатке гротеска и живого воплощения фантазий сумасшедшего. Под сводом шатра сгустилась тьма, словно притаившийся хищный зверь, наблюдая сверху за вторгшимися на его территорию незваными гостями... Тьма опускалась вниз и рассасывалась трепещущими языками, норвя забиться в любую щель, вытесняя тени и прогоняя зыбкий дрожащий свет.

Тони негнущейся рукой водил из стороны в сторону. Язык не успевал облизывать пересохшие губы. Ему было не по себе, определённо. Ноги плохо слушались, и приходилось прилагать массу усилий, чтобы передвигать их. Дыхание перехватывало ещё на подходе к гортани, и грудная клетка мальчика от нехватки кислорода вздымалась и распирала куртку сверх всякой разумной меры. Глаза Тони с расширившимися хаотично мечущимися зрачками стали похожи на глаза ОЧЕНЬ испуганного оленёнка. Но он находил в себе силы идти дальше, внимательно подмечая всё, что видел, и, не давая страху окончательно победить себя. Тони знал, что если он позволит себе струсить, то страх, торжествуя завывая,

ворвётся в его сознание, сметая все эмоции, чувства, мысли, все человеческие преграды на своём пути и, угнездившись глубоко в душе, назовётся Ужасом. А ужас способен погрести под собой кого угодно.

Поэтому Тони держался. И ещё потому, что помнил слова мамы. А вот Грег, мелкой дрожью трясущийся за его спиной, как-то незаметно сдал. Тони оглянулся. Лицо Грега посерело и покрылось мельчайшими бисеринками пота, глаза дико вращались, губы тряслись. Тони показалось, что лязг зубов Грега должны услышать аж в Хеллвиле.

Ни говоря ни слова, Тони протянул другу свободную руку. Грег с благодарностью и вздохом облегчения вцепился в неё, как утопающий хватается за соломинку. Тони невольно поморщился. Страх придал Грегу дополнительных сил, которые тот вылил в одно рукопожатие.

— Ты в норме, приятель?

— Лучше не бывает, — разлепил непослушные губы Грег в виноватой улыбке. В неверном свете фонарика Грег казался блее, чем покойник. А лихорадочно блестящие на бледном, охваченном подвижными тенями, лице глаза напомнили Тони кадры из страшного фильма про оживших мертвецов. Грег стал похож на голодного зомби. Интересно, а на кого похож я, резонно подумал Тони?

— Я так думаю, что мы дойдём до конца шатра и повернём обратно, — как бы, между прочим, предложил Тони. — Не будем чересчур углубляться... Верно? Всё равно тут смотреть особо и не на что. Чего мы тут не видели? Глупых чучел и дурацких аквариумов, в которых даже толком рассмотреть ничего невозможно?

— Базаришь, — с неподдельным уважением сказал повеселевший Грег. Тони понял, что его приятель давно порывался сказать нечто подобное, но упорно молчал, боясь обвинений в трусости. Вот балда! — И потом, здесь так воняет... Интересно, что может так вонять, а?

— Наверно, всякие специальные растворы, — кивнул на ряды заполненных формалином колб Тони, подсвечивая себе фонариком. — Или чего там используют при изготовлении чучел?

Они почти добрались до конца первого ряда. Времени на эту «зелёную милю» у мальчиков ушло неприлично много, что, впрочем, совсем неудивительно, учитывая черепашую скорость передвижения незадачливых диверсантов.

— Да уж... А воняет так, что я подумал, будто кто-то из этих уродцев усрался! — нервно захихикал в кулак Грег. Он расправил плечи и, окрылённый перспективой скорейшего возвращения домой, изо всех сил храбрился. — Вот был бы приколы, да?

— Ага... — ответил Тони, заморожено вода фонариком по уродливым чучелам. — Мы как будто в Ангаре 18, да? А это все сплошь мутанты и заспиртованные пришельцы! Офигеть...

— Это ты про тот дурацкий клип? — догадался Грег. — И как тебе только мама не нахлобучит, чтобы ты меньше смотрел всякую гадость...

— Да ну тебя! Сам мне все уши прожужжал этим цирком, а теперь делаешь вид, что вообще ни при делах... Блин, даже не верится, что это все эти экс...энс...ЭКСПОНАТЬ настоящие! Жуть то какая. Страшно, но интересно, да, Грег?

— Угу, — Грег, получив вполне залуженную отповедь, сконфуженно замолк.

Они практически уткнулись в стенку, но, вместо того, чтобы свернуть в следующий проход, пошли в обратном направлении. Настроение мальчиков росло, как на дрожжах, ноги споро восстанавливали былую лёгкость и подвижность, противные липкие струйки пота

престали стекать по спине, лучи фонариков развязано носились в спёртом воздухе, рассекая шарахающуюся от света темноту.

Теперь они шли гораздо быстрее. Они почти бежали. Долгожданный выход из кунсткамеры был так близок... Мальчики ещё не догадывались, что бегут навстречу опасности, гостеприимно раскрывающей перед ними свои мерзкие, когтистые объятия.

Они шагали навстречу УЖАСУ.

И они не могли остановиться.

Первым почувал неладное Тони — он вырвался на три шага вперёд отстающего Грега. Мальчик застыл на полпути, как вкопанный. Грег по инерции едва не врезался в него, но в последний момент успел среагировать и задел лишь самую малость.

— Эй, ты чего? О чём ты думаешь? Надо уходить быстрее, — чуть не взвился на дыбы Грег, брызжа слюной и размахивая фонарём. — Ходу, Тони, ходу!..

— Ты ничего не замечаешь? — Тони взялся за фонарик обеими руками, словно черпая в нём силы.

— А ЧТО я должен был заметить? — едко поинтересовался Грег. Веснушки на его побелевшем лице выделялись внушительной россыпью.

— То, что, когда мы шли туда, — Тони, не глядя, ткнул большим пальцем себе за плечо, — этот щит не был пустым. На нём висело чучело. А сейчас, как видишь, его нет.

— Кого нет? Ты что, решил напугать меня?

— Чучела нет.

— К-какого ч-чучела? — Грег начал заикаться. До него постепенно доходил смысл того, что говорил его друг. И это Грегу чертовски не понравилось.

— Ну, так смотри получше... И не цепляйся за меня!

— Извини. Только не кричи так громко, пожалуйста...

Мальчики замерли двумя трясущимися, словно чахлые осенние листочки на холодном пронизывающем ветру, изваяниями. Они не могли отвести взор от сколоченного из струганных досок большого, в рост человека стенда. Он был пуст. О том, что ещё несколько минут назад здесь было прилажено чучело, говорили обрывки старых растрескавшихся кожаных ремней, болтающихся на уровне воображаемых рук, ног, шеи и талии. У Тони с воображением всё было в полном порядке. И с памятью тоже. Он чуть не задохнулся от накатившей на него волны первобытного, сжигающего мосты здравого разума страха.

— Хм, а куда же подевался тот, кто здесь висел? — простодушно удивился Грег. Повышенным вниманием к мелочам и наблюдательностью он явно не отличался. Мальчик настолько удивился исчезновению (необъяснимому, нелепому, НЕВОЗМОЖОМУ) чучела что изумление на краткий момент оттеснило собою страх.

— Я не знаю... — обречённо прошептал Тони, сжимая на рукоятке фонарика кулачки и истово молясь, чтобы всё с ними происходящее оказалось не более чем кошмарным сном. Чтобы можно было проснуться и посмеяться над собственными ночными страхами. Но он понимал, что ЭТО не сон. А память настырно и услужливо подсовывала ему видение того существа, что, порвав обездвиживающие его ремни, обрело свободу. — Но я знаю, что нам надо как можно быстрее убегать.

— Ха, чудила! А я тебе о чём говорил?

Тони схватил Грега за воротник, игнорируя вернувшийся к мальчику покровительственно-снисходительный тон и рывкнул так, что чуть было не надсадил горло:

— Я сказал БЕЖАТЬ!

Грег выдавил какое-то слово, значения коего Тони не знал, но определённо ругательного свойства, и послушно кивнул. Мальчики развернулись и дружно припустили со всей скоростью, на которую были способны их быстрые детские ноги. Им почти удалось. Когда до чёрного полога, закрывающего спасительный выход, осталось всего каких-то несколько шагов, чья-то тень перекрыла им дорогу. Тень была огромной, жуткой и насыщенной сумраком. Она заняла собой весь проход, нависая над маленькими беглецами.

Тони еле успел затормозить. Он даже не хотел думать, что произошло бы, врежься он на всех парусах в ЭТО. В ПУГАЮЩЕЕ ДО ПОТЕРИ ГОЛОСА НЕЧТО...

Тень угрожающе зашевелилась, надвигаясь на детей. Обнявшись, мальчики пятились назад. Лучи фонариков, словно подцепив обуявший их владельцев страх, еле светили, не осмеливаясь подниматься выше земли. Грег, крепко зажмурившись, тихонько поскуливал, от него отчётливо пахло потом и ужасом. И это тоже пугало. Тень приблизилась вплотную. Она источала омерзительное зловоние и убийственную опасность. Тони поднял глаза...

И не смог удержаться от пронзительного крика! Всё естество мальчика пронзила закалённая стрела невероятного, практически осязаемого страха. Сознание Тони поплыло, погружаясь в спасительную негу бесчувствия. Последнее, что услышал Тони перед тем, как отрубиться, было запредельное по высоте верещание Грега. Дурак, успел подумать мальчик, не надо было открывать глаза. Ведь перед ними стояло чучело. То, что удрало с привязи. Вот только выглядело оно живее всех живых.

Глава 11

Шейла никак не могла уснуть. У несчастной девочки разболелась голова. Винные пары упорно не желали выветриваться из организма. Выпей Шелли чуть больше, и она бы отключилась, только коснувшись головой подушки. Но выпить настолько много девушка была не в состоянии. И так принятая за ужином доза спиртного превышала все допустимые для неё нормы. И теперь Шейла вынуждено расплачивалась за свою слабость.

Ужин закончился более часа назад, затянувшись немногим за полночь. Распровавшись с радушными хозяевами, гости отбыли восвояси. Не выпивший ни капли шериф клятвенно пообещал, что доставит Дейзи домой в целости и сохранности. От Шелли не ускользнуло, что Алан расстался с доктором Харрисом и Энди Тёрнером, как со старыми добрыми друзьями. Они бросали друг на друга многозначительные взгляды и о чём-то долго шептались в прихожей, пока Дейзи приводила себя в порядок и одевалась. Набравшаяся под завязку Шелли кокетливо строила окосевшие глазки молодому шерифу и напрасно прислушивалась к их разговору... Дядя Фред провожать гостей был уже не в состоянии. Старик растянулся на диванчике и храпел на зависть всем пожарникам...

Пожелав напоследок гостям доброго пути, Алан запер входную дверь, и занялся «развозом дров». Легко подняв далеко не маленького Фредерика на руки, Алан отнёс сомлевшего дядюшку в его спальню, где устроил со всеми возможными почестями. Шейла всё это время провела в гостиной, схватившись обеими руками за спинку стула, и не в силах сделать самостоятельно ни шагу, пьяно хихикала, потешаясь над одной только ей видимыми чёртиками.

Пробормотав неразборчивое проклятие, Алан несколько раз щёлкнул пальцами перед носом наклюкавшейся сестрёнки. Шелли смешно свела зрачки к переносице, игриво клацнув зубами в надежде грызнуть Алана за пальцы. Юноша страдальчески вздохнул, и устало сказал, отведя прядь упавших волос сестре за ушко.

— Ну что с тобой может плохого случиться под присмотром друзей и близких, да, Шелли?

— Угм... Ахм... Ага!..

Состроив на миг серьёзную рожицу, девочка не выдержала и рассмеялась, сгибаясь пополам. Смешинки, полные пьяного необузданного веселья так и сыпались из её рта. Алан забеспокоился, как бы из Шелли не посыпалось кое-что другое. Он решительно вскинул запищавшую от восторга сестрёнку на плечо и направился к лестнице.

Пока он поднимался на второй этаж, бережно придерживая одной рукой драгоценную ношу, девочка всю развлеклась. Она, бессвязно бормоча какую-то околесицу, разнузданно хлопала Алана по заднице, как бы прищипывая, и нагло щипала за спину, то и дело разряжаясь довольным хихиканьем. Алан героически терпел, моля только о том, чтобы у Шейлы выдержал вестибулярный аппарат, и она не заблевала его с головы до ног. Зайдя в спальню, Алан включил свет и осторожно положил Шейлу на кровать. На спинке висела заготовленная с вечера ночная рубашка.

Девочка тяжело дышала, розовый румянец багрянцем полыхал на её щеках, широко раскрытые глаза лихорадочно блестели. Ни один из этих симптомов Алану не понравился. Насколько он помнил, Шелли никогда в жизни не напивалась до такого состояния. А он,

дурак, думал, что такое возможно только в какой-нибудь дурной компании, когда его не будет поблизости! Ага. Прямо сейчас. Он был к ней ближе некуда...

Шелли с трудом сфокусировала на нахмурившемся юноше заслезившиеся от яркого света синие глаза и попыталась сказать:

— М-мне н-до п-п-п-сть....

— Чего? — Алан опустил на колени и, взяв горячую руку сестры в свою, весь обратился в слух.

— Я х-х-чу эт-т-то... Ну-у-у... Писа-са-ть!

Довольная, что справилась с таким длинным и трудным в её положении словом, Шелли счастливо заулыбалась, умилительно трогательно глядя на брата.

— Ах, ты хочешь в туалет? — несказанно обрадовался тому, что понял её слова, Алан.

— П-помог-ги...

— Конечно, помогу, глупышка ты моя...

Алан нежно подхватил сестру на руки и покорно понёс в ванную комнату. Едва он поставил Шейлу на ноги, как она рухнула на колени и обхватила унитаза, словно он был для неё самой большой в мире ценностью. Девочку шумно вырвало. Потом ещё раз, и ещё. Пока Шейлу тошнило в спасительных для её бедовой головушки спазмах, Алан стоял рядом. Его сердце сжималось от боли и жалости. Бедняжка ты моя, думал он, глядя на содрогающиеся в рвотных позывах плечи сестры, как же мне жаль тебя... Как я не хочу, чтобы ты страдала...

Кое-как отплевавшись и откашлявшись, Шейла сделала достойную занесения в книгу рекордов Гиннеса попытку подняться на ноги, но вновь бухнулась на коленки, зашипев от боли. Алан был тут как тут. Он бережно подхватил девушку подмышки и воздел в вертикальное положение. Шелли повернула к нему грязную жалобную мордочку и крепко вцепилась сведёнными судорогой пальчиками в рубашку.

— Т-ты же н-брос-шь м-меня, да? Никогданикогда?..

— Никогда, — улыбнулся Алан, вытирая смоченным в холодной воде полотенцем лицо Шейлы. Прочистив желудок, она выглядела намного лучше. Дыхание выровнялось, а лицо перестало ежесекундно менять окраску и переливаться всеми цветами радуги. — Ну вот, теперь ты похожа на прежнюю Шелли, а не на сорокалетнюю алкоголичку со стажем...

Девочка возмущённо фыркнула и, не подумав о последствиях, скоропалительно высунула язык. Она не учла, что притуплённая алкоголем реакция подведёт её. Стальные пальцы Алана были быстрее молнии, поймав нахальный язычок за самый кончик. Шелли грозно запищала, но выглядело это настолько смешно, что Алан не удержался и громко захохотал, разжимая пальцы. Замахав кулачками, освободившаяся девочка потеряла координацию движений и неизбежно бы упала, не подхвати её Алан в самый последний момент...

Прижавшись к юноше, Шейла набиралась сил, обдавая его великолепным букетом дыхания, замешанном на перегаре и кислом рвотном запахе. Так они простояли больше минуты (Алан начал уже подумывать, что она заснула), пока Шелли не вспомнила, зачем они, собственно, пришли сюда.

— Мне н-нуж-но ту-туда, — она махнула головой в сторону унитаза и тут же болезненно сморщилась. — П-понимаешь?

— Понял, — Алан несколько растерялся, не зная, что делать. Всё-таки его сестрёнке давно не пять лет!

— Я с-сма спрвал-ю-ю-юсь... П-пджди меня з-за дверью.

— Хорошо, — Алан не смог сдержать облегчённого вздоха. — Постарайся не упасть...

Алан вышел из ванной комнаты, но дверь оставил приоткрытой. Мало ли что... Шейлы не было почти четверть часа. Юноша мерил широкими шагами спальню вдоль и поперёк, поминутно бросая на незакрытую дверь настороженные взгляды. Наконец его долгое ожидание было сторицей вознаграждено. Справившись со своими делами, Шелли покинула туалет и предстала перед ошеломлённым Аланом во всей красе. Право слово, юноша не знал, что ему делать — плакать или смеяться!

Платье девушки было бесстыдно задрано до самых бёдер, на правой ноге, на щиколотке болтались кружевные фиолетовые трусики. Туфлей и чулок не было и в помине. Зачем Шелли их сняла, Алан ума приложить не мог. Гордо задрав нос, Шейла ковыляла с грацией хромой издыхающей цапли. Миновав обалдевшего старшего брата, девушка бухнулась на кровать и капризно задрыгала обнажёнными ногами.

— Пом-моги р-здется, — полузадушено пробубнила Шелли, зарывшись лицом в постель. Грива в беспорядке спутанных чёрных волос рассыпалась по подушке.

Стиснув зубы, Алан смиренно испросил у бога побольше сил и выдержки... Ну за что ему все эти наказания? За что? Стараясь смотреть в сторону, Алан решительно стянул с Шелли платье, расстегнул лифчик и снял с ноги многострадальные трусики. Шелли опять захихикала, курлыкая всякие глупости. Из всего ею сказанного Алан разобрал только «лапаты», «сиськи» и «извращенец». Насильно подняв голенькой, как новорождённый младенец, сестре руки, юноша надел на неё ночную рубашку и уложил на боковую. Взбил под головой подушку, накрыл тонким одеялом и поцеловал в горячий лоб.

— Постарайся заснуть. Я буду периодически проводить тебя. Если что, зови, не стесняйся. Ты же знаешь, что я сплю очень чутко. Дурочка маленькая...

Потушив свет, Алан выскользнул из комнаты. Входную дверь он так же оставил неприкрытой. Он прислонился вспотевшей спиной к стене и так простоял несколько минут, прислушиваясь к ровному, успокоившемуся дыханию сестры. Широко зевнув, Алан потёр подбородок. Ночь предстояла определённо бессонная. Он всё равно не смог бы спокойно спать, зная, что в любой момент может понадобиться своей сестре. Да и то, что он узнал сегодня (ну, вообще-то уже вчера) за ужином, не давало покоя. Доктор Харрис рассказал ему о донельзя занимательных и интересных вещах... Над которыми определённо стоило серьёзно и вдумчиво поразмыслить.

Ещё раз зевнув, Алан направился в свою комнату.

А Шелли не спала. Понемногу она пришла в себя. Сознание прояснилось достаточно, чтобы более-менее сносно соображать. Разболелась голова, то и дело накатывали вторичные позывы к рвоте. Сон упорно не шёл. Зато в голову лезли всякие глупости. Глупости эти причудливо переплетались с невесть откуда взявшимися навязчивыми идеями и внезапно проснувшейся запредельной жалостью к самой себе. Она даже всплакнула, роняя слёзы на подушку и подтягивая коленки к груди...

Заснула Шелли, когда старинные настенные часы показали два часа ночи. Девушка не догадывалась, что проснётся в совершенно ином мире. Она не могла и представить себе, что эта ночь будет последней спокойной ночью в её старой жизни. Потому что новая жизнь будет в корне отличаться от прежней. Всё будет по-другому. Навсегда.

В ту ночь обязанности дежурного в полицейском участке исполнял Кларк Дуглас. Наверно трудно было отыскать второго такого человека, более подходящего на эту роль, чем

жизнерадостный, помешанный на компьютерных играх здоровяк. Он мог ночь напролёт, не смыкая глаз, просидеть за монитором компьютера, азартно рубясь через сеть в онлайн-игры. Достаточно было заpastись кое-какой нехитрой снедью и горячим кофейником, чтобы быть самым несокрушимым ночным псом-цербером. Лучшего дежурного в пределах родного города Энди не смог бы найти при всём желании.

Самой большой проблемой Кларка в нашем брeнном мире были перебои с электричеством и просроченные счета за интернет. И того и другого он боялся, как чёрт ладана. На невинные увлечения, типа скачивания с платных серверов высококачественной порнушки, Кларк смотрел философски. Его жена, Мэгги, была большой любительницей «клубнички погорячее» и Кларк без малейших угрызений совести потакал ей. Но будь он проклят, если потратит на порнофильмы хотя бы цент из личных денег! Для чего, по-вашему, существуют налогоплательщики?

В ту ночь дежурство у Кларка не задалось с самого начала. С утра Мэгги закатила грандиозный скандал, что, дескать, он готов променять её на свой компьютер за здорово живёшь! Что уже давно не любит её и по уши погряз в виртуальной реальности, уже не в состоянии отличить «живую настоящую бабу» от «нарисованной, обряженной в бронированное бельё, шлюхи». На работу Кларк приехал в отвратительном настроении. День прошёл не шатко не валко. Кейт всю дорогу подкусывала его, он вяло огрызался. С трудом дождавшись вечера, Кларк плотно засел за компьютер, предварительно выключив везде свет, оставив одну настольную лампу, и окружив «рабочее место» батареей из стаканчиков с кофе и пакетиков с печеньем.

Вечер плавно перешёл в ночь. Настроение Дугласа падало, как ртутный столбик термометра в морозный день. Мало ему личных неприятностей, так ещё интернет начал «лажать» со страшной силой, тормозя игру и вызывая у Кларка зубовный скрежет пополам с руганью. Он два раза перезагружал компьютер, но ощутимых изменений не наблюдалось. Уставившись в очередной раз на застывший, дёргающийся экран, Кларк ругнулся и швырнул в рот горсть печенья, ожесточённо задвигав челюстями.

— Мать твою, — прочавкал полицейский. — В гробу я видал такой «квест» ... Хрен такими темпами наверстаешь упущенное!

Он и так пропустил несколько сетов, увлёкшись цирковыми представлениями. Мэгги удивлялась ему, как второму пришествию мессии. Жена радовалась всякий раз, когда удавалось оторвать его от «компа» и вывести «в люди». Но через три дня, вдоволь налюбовавшись на действительно внушающие уважение номера циркачей, Кларк вернулся к играм. И взялся за них с удвоенной силой.

Внезапно Кларку в голову пришла мысль, а почему, собственно, Мэгги так подседа на порнуху? Уж не потому ли, что он чрезмерно, ну, самую малость, а если начистоту, то чуточку увлёкся компьютерными играми? Ей, что, в самом деле не достаёт его внимания? Да нет, глупости это всё... У них нормальные семейные отношения. Как у всех. Не лучше, может, но и не хуже, это уж точно. Они регулярно занимаются сексом. Каждый уикенд... Упс, Кларк прикусил язык. А ведь... А ведь, когда они только поженились, то кувыркались в постельке каждую ночь! Он был тогда намного худее. И не проводил за компьютером столько времени.

Неужели порнофильмы заменяют Мэгги меня, ужаснулся Кларк? Но почему? Игры никогда не были и не будут для него ближе, чем родная жена! Или всё-таки... Неужели он пропустил этот момент, раз дело дошло до такого поворота событий? Кларк расстегнул

воротник форменной рубашки и отхлебнул из стаканчика остывший кофе. В глотке у него пересохло. Чёрт. И это ещё хорошо, что Мэгги мастурбирует перед экраном телевизора, а не ищет себе приключений и удовлетворения на стороне! Насколько же она всё-таки дорожит нашими отношениями, понял Кларк и чуть не прослезился. Нет, решено, с завтрашнего же дня он начинает... Хорошо, это звучит слишком сказочно! Он ПОПЫТАЕТСЯ изменить свою жизнь. Разделить её в равной степени между собой и Мэгги. Потому что ОНА самое дорогое, что у него есть. А вовсе не игры, как думают многие, в том числе и она сама.

Кларк ещё не знал, что новый день изменит жизни всех жителей города.

Было пять минут второго ночи, когда в приёмную полицейского участка ворвалась вся в слезах, зарёванная Дейзи Хилл и, с трудом подбирая слова, сообщила, что её семилетний сын Тони пропал. Вместе со своим лучшим другом Грегом. Следом в участок вбежал Джон Вудворт — отец Грега, который и привёз Дейзи на своей машине. Лицо Джона было белым, как молоко.

Кларк едва не подавился печеньем и вскочил с кресла, чуть не пролив на клавиатуру стаканчик с кофе. Схватив служебный телефон и набирая домашний номер шерифа, Кларк мимоходом подумал, что в последний раз он звонил с дежурства на дом Энди четыре года назад, когда в продуктовый магазин мистера Валентайна забрались два вдрызг упившихся молодчика в надежде разжиться закуской. Когда они с Тёрнером ночью выехали на задержание, их ждала сногсшибательная картина. Незадачливые воры, побеждённые зелёным змием, в обнимку спали под разбитой витриной, а над ними грозным стражем высился вооружённый допотопной берданкой мистер Валентайн. Помнится, они тогда здорово посмеялись над «ограблением» ...

Сейчас все чувства Кларка в один голос кричали, что будет не до смеха.

Чтобы не заснуть, Алан в два часа ночи делал зарядку. Потрясно. Его сестра, небось, наоборот, пытается как можно быстрее закемарить, а он изо всех сил стремится отогнать от себя сон! Алан не по наслышке знал, как порою бывает тяжело заснуть, если перебрал с непривычки спиртного. И рад бы забыться, но стоит закрыть глаза, как тут же в голове начинается такая свистопляска, по сравнению с которой и бултыхание на борту утлого судёнышка в девятибалльный шторм покажется невинной детской забавой. Ну, ничего, оклемается. В том, что не попробуя — не узнаешь, Дейзи была отчасти права. Но только отчасти.

Свет он не включал, обойдясь проникающим в комнату через незашторенное окно мерцанием звёзд и тусклым отблеском тающего не по дням, а по часам одинокого месяца. Раздевшись до трусов, Алан достал из-под кровати отполированную металлическую трубу дюймового диаметра и вставил в специально прорезанные под неё пазы в дверной коробке на высоте вытянутых рук. Раз, два и импровизированный турник готов! Эта идея пришла юноше на ум ещё летом. Дядя не возражал против относительной порчи своего имущества, сказав, что в своей спальне Алан волен делать всё, что ему заблагорассудится. И шутливо добавил, что тотального разрушения комнаты он бы всё-таки рекомендовал избегать.

Алан распахнул дверь и взялся за перекладину. Поджав ноги, Блейз начал подтягиваться «за голову», широко расставив руки и ощущая, как послушно отозвались мышцы спины и плеч, радуясь неожиданной разминке. Алан подтягивался размеренно и ровно, стараясь дотронуться выступающим шейным позвонком до прохладной на ощупь трубы. Сухожилия юноши натянулись стальными тросами, окаменевшие мускулы ритмично сокращались,

дыхание не сбивалось. В подобном темпе Алан мог продержаться очень долго, но на данный момент не видел объективной причины выжимать из себя все соки. Подтянувшись ещё несколько раз, он разжал пальцы и твёрдо встал на ноги. Лишь выступившая на лбу испарина и вспотевшие подмышки говорили о том, что он в какой-то степени устал.

Даже для него подобные упражнения не проходили бесследно. Повея плечами из стороны в сторону, Алан помассировал загривок. Он ни знал никого, кто мог бы подтянуться на перекладине больше, чем он. Иногда Шелли смотрит на него так, словно не узнаёт. Девочке кажется невероятной, неестественной его сила и реакция. Что ж, Алан грустно улыбнулся, ты права, сестрёнка. Так и есть. Но если бы ты знала, как бывает тяжело скрывать это от окружающих. И тем паче от тебя...

... Стоя в душе под упругими струями горячей воды, Алан уже не в первый раз подумал про себя, а что, если ей всё рассказать? Как она отреагирует? Что скажет ему, чем ответит на подобное откровение? Алан решительно не мог представить себе всех последствий их возможного разговора. Он боялся, что Шелли отвернётся от него. Проклянёт и забудет его имя. Ведь он не такой как все. Он странный. Алан ещё не знал, что буквально на следующий день будет благодарить всех святых за то, что он «странный».

Насухо растёршись до покрасневшей кожи махровым полотенцем, Алан грустно усмехнулся. Это ещё полбеды. Есть и другая тайна, которая гнетёт его вот уже без малого несколько лет, и не даёт хотя бы попытаться быть таким, как все. Эта тайна не принадлежит ему одному и связана не только его словом. Но и клятвой других людей. И неважно, что это обстоятельство приносит ему невообразимые мучения и боль. Неважно. Он дал слово и сдержит его. Однако даже самому себе юноша никогда не признавался, что ждёт не дожждётся того дня, когда у него заберут это слово. Когда его клятва перестанет иметь значение.

Алан прилёг на краешек кровати, закинув руки за голову и уставившись в еле угадываемый в ночном сумраке потолок. Через два дня они уедут из Хеллвила. Осенние каникулы подходят к концу, и Шейле придётся возвращаться в школу. Дядя предлагал ему остаться самому, мотивируя весьма конкретно и по существу. Фредерик упирал на то, что, по сути, в Детройте Алана ничто не держит. А здесь, в Хеллвиле он мог бы здорово помочь дядьке с порядком позаброшенными делами. Старик был весьма прозорлив и видел, что его племяннику нравится в их небольшом спокойном городке. А что в Детройте? Вечные ссоры с отцом, неопределённость, работа грузчиком назло всем и всему?

Тебе надо отдохнуть от всего, что тебя окружало дома, разобраться в себе, говорил де Фес. Да и огромный фамильный дом в последнее время стал Фредерику в тягость. Хоть волком вой. Да что там, Фред уже не в первый раз намекал, что после его смерти всё его имущество и недвижимость перейдут к его племянникам. А если Алану уже сейчас захочется привести в дом какую-нибудь девушку, то старик будет на седьмом небе от счастья. Вот, например, Дейзи Хилл... А что? Очень хорошая девушка. Вежливая, заботливая и красивая! Да и вообще. Эх, дядя, дядя, тепло улыбнулся воспоминаниям Алан. Ты во многом прав. Но есть кое-что, что держит меня в Детройте. Одно обстоятельство, которое ПОКА не позволяет мне принять твое, несомненно, идущее из самых чистых глубин сердца предложение.

Алан сомкнул глаза, но заснуть так и не смог. Он поминутно прислушивался к расположенной по соседству спальне Шейлы и думал. Много думал.

— Дейзи, успокойся, не паникуй раньше времени. Не забывай, что это не просто обычные дети, а малолетние несносные сорванцы. Знала бы ты, какие Я фортеля выкидывал в детстве! И не забывай, что мы живём в Хеллвиле, Дейзи. В Хеллвиле, а не где-нибудь в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке! Я уверен, что всё будет хорошо...

— Я боюсь, Энди, я **ОЧЕНЬ** боюсь, — посеревшая от страха Дейзи не поднимала головы. Пальцы, обхватившие кружку с горячим кофе, заметно дрожали. Как бы она на себя не выплеснула, обеспокоенно подумал шериф, а то ещё ошпарится ненароком... — У меня такое чувство, что с Тони произошло что-то плохое, что-то страшное. И с Грегом тоже...

Слава Богу, что мне удалось отправить Джона Вудворта домой, похвалил себя за проникательность Тёрнер. Дейзи здорово накручивала всем нервы и неизвестно, как отреагировал бы на её пророческие высказывания Джон. Отец Грега держался молодцом. Выше всяких похвал, но и у самого стойкого терпения сеть предел прочности. Лучше не накалять и без того наэлектризованную атмосфера до критической точки. Вот если бы удалось совладать ещё и с Дейзи, было бы вообще чудесно. Но... Не мог Энди насильно прогнать эту внезапно постаревшую на десяток лет, в одночасье осунувшуюся и разбитую женщину домой. Не мог!

Что Джон? Очутившись в родных стенах, в окружении домашних — родителей и любящей жены, он найдёт утешение и сил продержаться хотя бы до утра, пока полиция не предпримет всё возможное и невозможное. А что прикажете делать бедной одинокой Дейзи? Биться в истерике и рыдать в подушку, зная, что никто не обнимет и не шепнёт на ухо что-нибудь ласково-ободряющее? Наверно, именно поэтому у каждого человека и должна быть семья, подумал Тёрнер, кусая губы, с жалостью глядя на всхлипывающую девушку.

Что-то подсказывало шерифу, что от слов Дейзи ни в коем случае нельзя отмахиваться. Что нужно воспринять происшедшее самым серьёзным образом. Он, правда, ещё надеялся, что в исчезновении детей не замешано никакого криминала. Что поутру Тони с Грегом найдутся сами и получают заслуженную порку. Надеялся, что... Но Энди с непонятной уверенностью понимал, что они не найдутся. Это не детские шалости, не проказы и не шутки. И если он не надорвёт пуп и не вывихнет мозги, то Дейзи с Джоном никогда в жизни не увидят своих сыновей. Энди нутром чуял, что дети вляпались во что-то мерзкое. Ужасающее до одури. Да, да, в их «тихом мирном спокойном» городке. Чувство грядущей, нет, уже **СЛУЧИВШЕЙСЯ** беды громким набатом отзывалось в ушах Тёрнера. Это было т самое... То, что давно не давало ему покоя. То, что начало овладевать Хеллвиллом. Энди ещё не мог дать ему названия, но... Но понимал. Хотел «настоящего серьёзного дела», дружок? Что ж, получай по полной программе!

К нему подошёл как в воду опущенный Кларк. Шериф ободряюще похлопал младшего помощника по плечу.

— Что происходит, Энди? — тихо спросил Кларк. Его глаза потемнели, он избегал смотреть на забравшуюся с ногами на кушетку Дейзи. Девушка обхватила себя руками и легла на бок, подтянув коленки к животу. Она что-то безмолвно шептала, глядя мокрыми от слёз глазами в застеленный линолеумом пол. — Что за дерьмо началось? Куда могли пропасть мальчики? Что за хрень?

— Пока не знаю, приятель, — вынужден был ответить Тёрнер. — Джон сказал, что Грег отпросился переночевать у Хиллов. Они с Тони лучшие друзья и часто ночевали друг у дружки. Так что изначально ничто не предвещало того, что произошло. Всё было, как

обычно, Кларк. У детей каникулы, у них одни игры на уме да развлечения...

— Так, может, утром сами домой заявятся? — в голосе Кларка сквозила настолько неприкрытая надежда, что Энди невольно улыбнулся.

— Не вернутся они. Я чувствую... Чувствую, что действительно случилась беда. Они никогда бесследно не исчезали, не предупредив родителей. И, насколько бы не заигрывались, к ужину всегда были дома. А тут... Подумать только, ещё каких-то несколько часов назад мы с Дейзи непринуждённо и весело смеялись в гостях у Фреда, а теперь... Всё изменилось. Понимаешь, Кларк, а вдруг в то время, пока я распивал чай, с мальчиками уже что-то стряслось? Что им именно в тот момент была нужна помощь? А я... А мы ни о чём и не подозревали!

Дуглас приложил палец к губам и кивнул головой на кушетку — измученная слезами и переживаниями Дейзи заснула, свернувшись калачиком и негромко постанывая во сне. Оставалось лишь догадываться, что за кошмары ей могут сниться. Но при любом раскладе сон был сейчас для бедняжки лучшей альтернативой. Энди заботливо накрыл её отороченным бахромой пледом и погасил свет, оставив гореть одну настольную лампу.

— Кларк, ты, наверно, поезжай домой, поспи хоть немножко, а я останусь за тебя дедежуривать. С утра начнётся работа. НАСТОЯЩАЯ работа. Надеюсь, что Джон будет держать язык за зубами. Нам совершенно ни к чему огласка и паника, и так проблем хватает. Если слухи об исчезновении мальчиков просочатся сквозь стены нашего участка, то беспорядков не избежать. У страха глаза велики, а люди склонны к массовой истерии. Не успеем мы и оглянуться, как целые толпы начнут штурмовать департамент, требуя крови. Тебе ли говорить, насколько бывает сплочённым народ в маленьких городках, подобных нашему Хеллвилу!

— Да ясен пень, — проворчал младший помощник. — Вот только в интересах следствия нам совершенно ни к чему народное ополчение. И... Энди, не взваливай на себя слишком большую ответственность. В том, что произошло, и неважно, чем бы всё не закончилось, твоей вины нет. Понимаешь?

— Как никто другой, — шериф сбавил тон, боясь разбудить Дейзи, и они разговаривали почти шёпотом. — Ты и сам неважно выглядишь...

— Да я вот подумал, а что, если бы исчез мой ребёнок? Как бы я повёл себя на месте Дейзи или Джона?

— Но у тебя же нет детей!

— Нет... И почему-то именно сейчас я об этом горько жалею. Чёрт, как же я люблю их!

— Кого? — удивлённо вытаращился на здоровяка Энди.

Кларк накинул на могучие плечи куртку и взял со стола ключи от машины.

— Кого-кого... Мэгги, разумеется. И своих будущих детей.

— И что, прямо сейчас начнёшь их делать? — недоверчиво хмыкнул Тёрнер.

— Всё может быть, — зевнул Кларк. — Кстати, с чего хоть начнём, шеф? Есть какие-нибудь идеи?

Энди сложил руки на груди и подошёл к цирковой афише, по-прежнему украшавшей «доску почёта». Невозможное — возможно, да? Ну что ж, с появлением вашего цирка и в Хеллвиле стала возможной пропажа среди ночи маленьких детей. Тёрнер не стремился обгонять события и делать скоропалительные выводы, но факт оставался фактом.

— А утром, младший помощник Кларк, мы едем в цирк. И не забудь созвониться с судьёй Филипсом, чтобы выписал ордер на обыск этого балагана.

— Сомневаюсь я, — честно признался Кларк. — Старый осёл может заупрямится и сказать, что нужно подождать как минимум двое суток, прежде чем возникнет необходимость возбуждать дело.

— Кларк, — Энди выразительно посмотрел на него. — Поверь мне, у нас нет двух суток.

— Ох ты ж, твою мать...

Шелли с трудом разлепила закисшие глаза и, шурясь от заливающего комнату солнечно-желтого света, сфокусировала осоловевший взгляд на настенных часах. Половина одиннадцатого! Девочка страдальчески застонала и схватилась за голову. Вот это номер, подруга. Это ж надо было так нализаться! Благородный напиток наглядно продемонстрировал свою вторую, менее привлекательную сторону. Господи, ужаснулась Шейла, как же я должна выглядеть, если чувствую себя настолько хреново!? А запах? Что это за дерьмо? Шелли осторожнодохнула на ладошку и, не удержавшись, закашлялась. Матерь божья, неужели это у МЕНЯ изо рта так воняет?!

Откинув одеяло, Шелли выгнулась дугой, ощущая невероятную слабость во всём организме. Мышцы протестующе взвыли в полный голос, умоляя не тревожить их, а дать ещё полежать и расслабиться. Ну, хоть полчаса. Ну, хоть пять минут. Ну пожалуйста! Но девушка была непреклонна.

— Хватит, наотдыхалась уже. Да и расслабилась нехило. Дура тупорылая...

Шелли села на кровати, уронив лицо в ладони. Ой-ой-ой, да чего ж так плохо то... Нет, ну не дура, а? Повыпендриваться захотелось. Показать, насколько она взрослая и самостоятельная леди. Светская львица из высшего общества. Овца она, а не львица. И все её нынешние мучения — результат неудержимого, глупого желания проявить себя во всём блеске. Проявила. Хорошо, что не облевалась прямо за столом. Наверно. Шелли не на шутку струхнула. События званого ужина она помнила не очень хорошо. Мало ли, что могло произойти... И ради чего?

Ха, ради чего! Ради кого. Девочка опустила ноги на пол и поджала онемевшие пальцы. Этот Энди Тёрнер ТАК на неё смотрит... И так мило краснеет. И он такой симпатичный. И мужественный. Эгей, Шелли замерла. О чём это она? Неужели всё её раскованно-взрослое поведение было направленно на привлечение внимания молодого шерифа?! Отпад! Что это с ней? Неужели опять нахлынула любовь, с изрядным сарказмом спросила Шейла. Да ну на фиг, негодуяще фыркнула девочка. Не может она влюбиться в этого провинциального копа. И вообще, он не в её вкусе.

Успокоив себя столь «весомыми» аргументами, Шелли слезла с кровати и... Именно в ту секунду до неё дошло, что под ночной рубашкой (правильно одетой, не шиворот навыворот) она АБСОЛЮТНО голая. Всё правильно, вон у задней кровати ножки валяются её трусики и лифчик... Ага, и её сотовый! А он как там оказался? Наверняка телефон уже переполнен пропущенными вызовами и сотнями смсок. Она уже давно не бралась за мобильник, а это совсем на неё не похоже. Ладно, друзья и подруги потерпят. Сейчас решается более важная задача. Девушка призадумалась. Наверяд ли, чтобы она была сама в состоянии переодеться, учитывая размеры напавшего на неё с утра похмелья. Да и как она поднималась в свою комнату, из памяти выветрилось напрочь. Что же это получается, что кто-то притащил её в спальню, раздел до исподнего, натянул ночнушку и уложил спать?

Шелли густо покраснела и покрылась мурашками. Вот ведь позорище-то, а?.. В

принципе, существовал только один человек, способный на этот подвиг. Её брат. Верный, терпеливый и заботливый. И он видел её ГОЛОЙ! А-а-а! Шейла скорчила забавную рожицу свесив на бок язык. Дожила, называется. Как будто ей снова три года и Алан помогает маме пеленать её.

— Вот не дай бог он хоть кому-то расскажет о том, что видел, клянусь — я его убью, — твёрдо пообещала себе девушка и направилась в ванную комнату приводить себя в человеческий вид. У Шелли была своя маленькая тайна. И, увидев её нагишом, Алан (у негс же не глаза, а рентгены!) наверняка обратил на ЭТО внимание. — Вот козёл...

Полгода назад Шейла поспорила с Моникой на желание, что сделает себе татуировку на интимном месте. Она как сейчас помнила тот день. У них с подружкой было превосходное настроение. Они лежали на огромной кровати в комнате Шейлы, смеясь и дурачась. Подкалывали друг дружку, обсуждали мальчиков, моду, перемывали косточки некоторым девчонкам (фу-у-у, они такие беспонтовые неряхи!) и как-то само собой получилось, что разговор пошёл о татуировках. Моника призналась, что давно мечтает сделать тату бабочки на попе, но жутко боится, что об этом узнают родители. А Шейла, беспечно фыркнув, возьми и брякни, что она НИЧЕГО не боится и НИКОГО. И готова хоть завтра пойти в сало и набить себе тату. Что там на ягодице! Она запросто сделает татуировку на более интимном месте — на лобке. Слово за слово и они поспорили. На желание.

Моника была гарантированно уверена в победе и, снисходительно посмеиваясь, во всеуслышание гадала, чего бы ей такого этакого потребовать от Шейлы в качестве желания. Уверенность Моника в победе была подкреплена не пустой бравадой. Во-первых, тату не делают несовершеннолетним без письменного разрешения родителей, а Моника сильно сомневалась, что мама Шейлы одобрит подобное стремление дочери. Во-вторых, не верилось ей, что Шелли согласится снять трусики перед незнакомым мужиком.

Что ж, Моника пролетела по всем статьям. Шелли и не думала просить разрешения мамы с папой, а уж тем более заикаться об этом Алану. Разрешение ей не требовалось. У Шейлы был один хороший друг, с которым она всегда поддерживала тёплые отношения — Пит Эддингс. Лишним будет добавлять, что он работал мастером в одном из бесчисленных, разбросанных по всему Детройту, тату-салонах. Пит был серьёзным специалистом в области татуировок и талантливым художником. Шейла познакомилась с ним на одном из мастер-классов, проводимых Самим Великим и Ужасным Джеральдом Бромом. Одно время девочка сильно увлекалась рисованием. Спустя какое-то время тяга к искусству бесследно испарилась, а дружеские отношения с Питом остались.

И помимо того Шейла немного схитрила. Заключая пари, они не оговаривали размер татуировки и что конкретно будет изображено на теле девушки. Пит долго смеялся и шутил по этому поводу, точнее ржал, как сивый мерин, но помочь Шелли в её проблеме согласился безоговорочно и безвозмездно. С четырнадцати лет Шейла начисто выбривала лобок. Делала она это специально. Из-за родинки. Симпатичной такой, коричневой родинки. Она был ТАМ, в самом низу лобка, у самого сокровенного, что может быть у невинной девочки. И, отчаянно краснея и нервно заламывая пальцы, Шелли попросила, чтобы Пит сделал ей татуировку ещё одной родинки, аккуратно напротив той, что дарована ей природой.

Пит и бровью не повёл. Он был профессионалом. И за три года работы в салоне наслушался всяческих пожеланий и выполнял ещё и не такие заказы. Он пообещал, что управится быстро и чётко. Шелли не успеет ничего толком почувствовать. И, что самое главное, ей даже не придётся снимать трусики! Достаточно надеть самые миниатюрные

стринги.

Короче, на следующий день Шейла хвасталась лучшей подруге новой «родинкой», а подавленной Монике пришлось в школе на классной доске написать, что она — Моника — влюблена в Джеймса Шелдона, самого невзрачного и некрасивого мальчика в их классе, тихоню и заправского ботаника. Больше всех этому неожиданному признанию поразился, как показалось Шейле, сам Джеймс. Он потом ещё долго волочился за вконец отчаявшейся объяснять, что это была всего лишь шутка, Моникой.

И вот теперь Алан увидел её «родинку». Что он подумает по этому поводу, Шелли представить не могла. Вот же чёрт! Только бы никому не рассказал, взмолилась девочка. А ну как начнёт ещё её шантажировать? Да ладно тебе, тут же оборвала она себя, что за бред ты городишь? Это же не кто-нибудь посторонний с улицы, а твой любимый и любящий брат. Это Алан, который за тебя и в огонь, и в воду. Который готов умереть за тебя.

Скинув ночную рубашку (о, а вот и мои чулки с туфлями!), Шейла вошла в душевую кабинку и повернула краны. На неё хлынули десятки освежающих и омывающих помутнённое сознание струек тёплой воды. Да Алан ей и слова не скажет, пока она сама не решится завести разговор на эту скользкую тему. Шелли откинула намокшие волосы за спину, подставляя лицо под напор искусственного дождя. Хорошо, что я не вижу своих глаз, подумала девочка. Ей стало стыдно за собственные мысли.

Глава 12

Директор цирка-шапито «Невозможное-возможно» скрупулёзно и внимательно изучил решительно опустившийся на его письменный стол лист бумаги — ордер на обыск. Рудольф Старжински, неслышно шевеля губами, вчитывался в каждую строчку и очень долго рассматривал закорючку подписи судьи Филипса. Энди был готов дать голову на отсечение, что этот с иголки одетый фигляр специально испытывает его терпение. А терпение шерифа не было безграничным.

Бледные пальцы с идеально подстриженными длинными ногтями как бы в задумчивости поскребли по документу. Бесцветные, льдисто-холодные глаза, не мигая, уставились на Тёрнера. Энди показалось, что Старжински видит его насквозь, причём в самом прямом смысле этого слова. Но шерифа было тяжело напугать или смутить игрой в гляделки. Энди наклонился вперёд и, опираясь сжатыми кулаками о столешницу, спокойно и размеренно сказал:

— Я так полагаю, что вы вполне удовлетворены предоставленными вам бумагами. Уверен, что подлинность ордера не вызывает у вас не малейшего сомнения, мистер Старжински. Так не будите ли вы столь любезны побыстрее закончить со всеми формальностями?

— Э-э-э... Да, безусловно, шериф, у меня и в мыслях не было выказывать вам недоверия. Простите, если показался несколько э-э-э... грубым и бестактным. Но и случай, согласитесь, беспрецедентный!

Энди выпрямился и сложил руки на груди. Теперь он буравил рассеявшегося за столом директора цирка тяжёлым подозрительным взглядом. Кларк стоял в двух шагах позади начальника, демонстративно засунув большие пальцы рук за портупею с расстёгнутой кобурой табельного револьвера. Краем глаза заметив выглядывающую из кобуры деревянную рукоять револьвера, Энди произвольно дёрнул уголок губ — говорил же ему, что б без излишнего позёрства!

— Ни разу, за всю долгую и славную историю нашего предприятия, не происходило

ничего подобного. Никогда наш цирк не становился объектом повышенного интереса правоохранительных органов. Особенно в связи со столь щекотливым делом!

Паскудно ухмыльнувшись (по крайней мере, Энди надеялся, что так оно и выглядело со стороны) Тёрнер сказал:

— Знаете, сэр, мы оказались в несколько одинаковой ситуации. У нас тоже, хотите верьте, хотите нет, ещё НИКОГДА не пропадали дети. И вот ещё что... Я, находясь сейчас в вашем кабинете, элементарно теряю время, которое мог бы направить в более подходящее русло. Вместо того чтобы заниматься своими непосредственными обязанностями, я вынужден отчитываться перед вами и просить извинений, что мы вторглись с обыском на вашу территорию. Причём, замечу, вторглись вполне законно. И по большому счёту все мои реверансы пустое сотрясение воздуха. Понимаете, Старжински? Я ещё полчаса назад мог, просто напроsto швырнув вам эту бумажку под нос и ничего не объясняя, поставить ваш балаган с ног на голову!

Дуглас одобрительно заворчал. Энди, чувствуя спиной негласную поддержку здоровяка, незаметно перевёл дух. Пожалуй, стоит сказать, что за всю свою карьеру полицейского Энди ещё никогда не приходилось вести себя подобным образом. Он всегда старался решать любые проблемы в спокойном и миролюбивом ключе. Но, чёрт возьми, не будет же он расшаркиваться перед Старжински и виновато мямлить, что, мол, простите нас, мы сами не хотим, но... Хрена лысого. Он — шериф. Со всеми вытекающими из этого последствиями. И в его городе либо произошло, либо готовится произойти преступление. В центре которого оказались замешаны дети. А дети — самое дорогое, что может быть у человека, у матери, у отца. И он, Энди Тёрнер, стоит на страже этих таких простых, но незыблемых ценностей.

Тёрнер понимал, что этими словами, за версту отдающими пафосом и напускной бравадой, он пытается поддержать себя, не дать расклеиться, заставить себя мыслить и действовать адекватно ситуации. Смелее, парень, смелее, твердил он себе. Вот оно, испытание. Не надо ничего никому доказывать. Просто делай свою работу. Ты давно взрослый мальчик, вот и покажи, что с тобой стоит считаться.

— Хорошо, хорошо, шериф, не горячитесь. Я всё прекрасно понимаю. Дети — это святое, — Старжински поджал губы. — Я не смею более чинить препятствий правосудию... Хотя и не вполне понимаю, почему мы оказались в списке подозреваемых на первом месте! У нас, знаете ли, не цыганский табор и не дешёвая труппа бродячих паяцев. «Невозможное-возможно» — цирк с неподмоченной уважительной репутацией и громким именем. Престиж — вот что является краеугольным камнем любого мало-мальски серьёзного аттракциона. И наш цирк не исключение! Сами посудите, зачем нам неприятности с законом?

— Так тем более давайте не затягивать с этой неприятной для нас обеих процедурой, — подытожил Энди. — И таким образом избавимся от подозрений и косых взглядов. Поверьте, это в ваших же интересах. Я не стал раздувать шумиху и не собираюсь этого делать. Но если слух об исчезновении мальчиков просочится в город, а я к тому моменту не продвинусь ни на шаг, можете на вашей карьере в Хеллвиле ставить большой жирный крест. Как вы там сказали — главное престиж?

Старжински выглядел слегка обеспокоенным. Но Энди не спешил с выводами. Директор цирка впервые изменился в лице, но вызвано это вероятностью потери денег.

— У нас запланировано ещё четыре представления, — подтвердил невысказанные Тёрнером слова Старжински. — И скандалы с демаршами протеста как-то не вписываются в

наши номера... Цирк в вашем полном распоряжении, шериф Тёрнер. Никто не станет чинить вам никаких препятствий. Делайте своё дело. Но...

— Что? — собравшийся, не теряя более ни минуты, уходит, Энди задержался у стола.

— Маленькая просьба. Постарайтесь закончить с обыском до двенадцати часов. После обеда у нас обычно аншлаг...

— Вас интересует что-нибудь помимо денег, мистер Старжински? — Тёрнер брезгливо скривил губы и, махнув Кларку рукой, быстрым шагом вышел из кабинета директора цирка. Кларк сложил из пальцев «пистолет», шутливо «выстрелил» в Старжински и вразвалочку последовал за Энди.

— Мы ещё обязательно заглянем к вам, сэр...

Рудольф небрежно пригладил зачесанные назад волосы и тихо рассмеялся вслед скрывшимся за занавеской полицейским. Услышь Тёрнер скрипучий, словно перетираемый шестерёнками песок смех Старжински, и он бы наверняка решил, что, помимо директора цирка, в кабинете был ещё кто-то...

— О да, мой юный друг. Интересует. У меня весьма обширный круг интересов...

Старжински слово сдержал. Во время обыска пред полицейскими не ставилось никаких препон. Наоборот, сотрудники цирка, все как один, выказывали единодушное желание помочь. Энди с Кларком обшарили каждый закуток и закоулок цирковых владений, начиная от огороженного в дальнем уголке большого шатра кабинета директора до затянутых непроницаемыми тентами клеток с животными. Зебры, лошади, обезьяны и собаки встречали незнакомых людей удивлённым многоголосьем. Они-то уж точно не понимали причины затеянного людьми переполоха.

Дрессировщики и акробаты, жонглеры и атлеты, уборщики и водители — все послушно отвечали на задаваемые шерифом вопросы и недоумённо пожимали плечами. Нет, никаких маленьких мальчиков они не видели. Ну что вы, конечно нет! Ну да, во время представлений в цирк набивается целая толпа детишек, но что им делать на территории цирка ночью? Нет, никогда подобных инцидентов у них не было. Ну разумеется. Нельзя сказать, что Энди был разочарован обыском. Он и не ожидал ничего другого. Было бы наивной непроходимой глупостью рассчитывать на что-то иное. Все подозрения шерифа шиты белыми нитками и кроме беспочвенных предположений у него нет ничегошеньки. Слова директора Старжински выглядели в более выгодном свете, были логичными и обоснованными. А что есть у Энди? Рождённое в подсознание сверхъестественное предчувствие, что не всё тут гладко? Это уже даже не смешно!

Допрос ночных сторожей так же ничего не дал. Какие мальчики, шериф, о чём вы? Может, стоит поискать в другом месте? И поспрошать среди своих?

Не по-осеннему распалившееся на синем небосводе солнце делилось последними тёплыми лучами. Редкие птички азартно носились в свежем, пахнущем подступающими морозцами, воздухе. Утро радовало и улыбалось. Но Энди хотелось плакать. Ничего. Ни единой зацепки. И ладно бы — но он как охотничий пес, каким-то шестым чувством понимал, что просто плохо ищет. Что смотрит не туда, куда следует. И это обострившееся сверх всякой меры чутьё не давало ему просто плюнуть на всё, признать, что был не прав, развернуться и уйти. Нет. Надо искать дальше. Он не ошибается, он всего лишь не там ищет.

Они перерыли все каморки и комнатухи, заглянули в каждый сундук, смели всю пыль и паутину с подтрибунных ниш в главном шатре... Побывали в спальнях вагончиках и

автомобилях, разворошили не одну постель, простукали все подозрительные стены на предмет наличия второго дна, обнюхали каждую пядь истоптанной сотней ног земли. Впустую. Никаких следов пребывания пропавших мальчиков. Ни-че-го.

Особенно придирчиво Энди потрошил реквизит мистера Невозможное. Глубоко возмущённый столь небрежным обращением с его личными вещами фокусник, тем не менее, не кидался грудью на штыки судебного произвола, а тихонько стоял в сторонке. Тёрнер загнал в волшебный ящик для исчезновений Кларка и был искренне расстроен, когда обнаружил, открыв крышку, что младший помощник и не думал никуда исчезать! Забираться в ящик для распиливания неперемных красивых девушек Кларк отказался наотрез. На его взгляд, шериф уж чересчур начал увлекаться.

Отобрав у протестующе каркнувшего маэстро магии и повелителя иллюзий чёрный цилиндр, Энди долго и кропотливо ощупывал его. Шляпа, как шляпа. Безо всяких кроликов, коз и тем паче пропавших мальчишек. Нахлобучив цилиндр на голову закипающего как чайник фокусника, Тёрнер потянул Кларка в последнее место в цирке, где они ещё не побывали. В кунсткамеру.

Представьте себе психологию двух маленьких, безмерно отчаянных сорванцов, обожающих тайны и страшилки. Куда, по-вашему, они заберутся в первую очередь, будь у них такая возможность? Правильно, туда, где страшнее всего. А более жуткого и неприятного места в цирке, чем кунсткамера с заспиртованными уродцами попросту не существовало.

— А я бы в это логовище мутантов ни за какие пряники не полез, — поделился Кларк, когда они подошли к шатру. — Там, внутри, становится как-то не по себе. Как будто съёшь голову в разинутую пасть голодного льва.

— Странно слышать это от тебя, изрубившего в компьютерных играх сотни чудовищ!

— Ты ещё скажи, шеф, что я отымел тысячу виртуальных баб, — обидчиво сказал Кларк, соблюдая субординацию и вежливо пропуская шерифа впереди себя.

— У тебя их было настолько много?

Дуглас предпочёл отмолчаться. В шатре горели предусмотрительно включенные лампы. Обходительные сукины дети, подумал Энди. Он не хотел вслух признавать, но в словах Кларка была изрядная доля истины. Здесь и впрямь было жутковато. Становилось не по себе, и не было отбоя от вгрызающихся в кожу мурашек. Энди припомнил слова доктора Харриса. Уолтер был на седьмом небе от сугубо профессионального счастья, заверяя, что подобных собранным здесь монстрам он в жизни не видел и даже не читал о таких в «умных» книгах. «Умными» книгами Тёрнер называл всякие энциклопедии и научные справочники. И если док говорил, что обитающая в цирковой кунсткамере коллекция страхолюдин редкая и уникальная, то Энди не видел причин сомневаться в его словах. Главное, что Уолтер подтвердил подлинность заключённых в этой палатке существ. И не важно, что все они давно умерли и мумифицированы. Важно, что когда-то они были живыми.

Они внимательно осмотрели все стеллажи, стенды, столы, колбы, пробирки, петляя по загогулинам шатра. Впустую. На них скалились и безжизненно тарасились чучела и погружённые в формалин уродцы, тяжелый удушливый запах настырно забивался в лёгкие. Всё зря, подумал шериф. Кошмарные человекоподобные монстры были единственными обитателями этого пробирающего до дрожи места. Но они все мертвы, и, даже если что и видели, ничего не скажут.

— Если ты ожидал увидеть в одной из этих колб наших мальчиков, то, слава Богу, что

ты ошибся, — Дуглас постучал пальцами по стенке ближайшей к нему колбы. Из-за толстого стекла, раззявив в застывшем крике зубастую пасть, на младшего помощника лупало раскосыми глазами какое-то омерзительное непотребство.

— Пойдём отсюда, Кларк, — сказал Энди, удручённо вздохнув. И... тут он увидел кое-что интересное. То, чего явно не должно было быть здесь. — Подожди-ка...

Тёрнер присел на корточки и протянул руку, шаря под днищем низкого поддона, на котором был водружён большущий квадратный аквариум с невероятной земноводной тварью размером с человека. Кларк озабоченно нахмурился, гадая, что же мог заметить глазастый шериф.

— Что это, по-твоему? — Энди, плохо скрывая торжество, показал Кларку плотный прямоугольничек тиснённого золотом картона.

— Это? Это билет на цирковые представления, — повертев картон в пальцах, ответил Кларк. — Только я не пойму, чему ты радуешься? Мало ли их валяется на земле после антракта. Многие просто выбрасывают использованные билеты. А этот не успели подмести с остальным мусором... Вот и всё объяснение.

— Всё верно, — Энди приблизил лицо к скусившейся физиономии здоровяка. — Не обычно на входе принято билетки надрывать. Смекаешь, дружище? А этот цел и невредим, как девственность четырнадцатилетней девочки.

— Много ты понимаешь в современных девочках, — попробовал отшутиться Кларк с отхлынувшей от лица кровью. — Но у нас нет ни грамма доказательств, что этот злополучный билетик принадлежал кому-то из мальчиков, и что они обронули его здесь именно прошлой ночью. Нас выставят на смех, Энди. В подобное даже я верю с трудом. А я привык не сомневаться в твоих догадках.

— Понимаю, не дурак, — стиснул зубы шериф. — Но я ЧУВСТВУЮ, что этот билет наша первая стоящая зацепка. И будь я проклят, если теперь слезу с этих циркачей.

Уолтер Харрис проводил ежедневный обход стационарного отделения поликлиники. Не сказать, чтобы эта процедура отнимала у него много времени. Количество занимающих больничные койки пациентов никогда не превышало более десятка человек. И не сказать, что все они страдали таким уж тяжёлыми недугами. Но и эти люди требовали к себе непосредственного внимания. Потому как по-другому относиться к пациентам Харрис не мог и в первую очередь предъявлял завышенные требования в этом плане к самому себе.

В начищенных туфлях, отутюженном костюме и накинутом поверх идеально чистом белом халате главный врач хеллвилской поликлиники неторопливо шагал по коридору, легко поспевая за дефилирующей впереди него медсестрой. Зелёные глаза Уолтера лениво скользили по окрашенным в бледно-салатовый цвет стенам, перебежали на выбеленный потолок, и вновь возвращались к стенам. Ничего нового он, правда, не увидел: на потолке местами полопалась штукатурка, да кое-где отслаивалась побелка. Если бы всё дело только этим и ограничивалось...

Здание больницы было одним из самых старых в городе. И капитальный ремонт уж точно бы не помешал. Харрис не единожды намекал мэру Гриффиту, что когда-нибудь больничная крыша рухнет ему (Уолтеру, конечно, не мэру) на голову. Глава Хеллвила проблему понимал и обещался всё решить в самые сжатые сроки... Оставалось дело за малым — выделить из городского бюджета необходимую сумму в долларовом эквиваленте. И вот здесь начинались настоящие проблемы. Деньгам мэр счёт знал и в финансовых

вопросах никогда не спешил. Поэтому «сжатые» сроки уже давно растянулись на полтора года. Харрис подозревал, что если бы на носу висели выборы, то Гриффит был бы не в пример более сговорчивым.

Но свои попытки раскрутить мэра на дополнительные субсидии не оставлял. Под лежащий камень вода то не течёт...

Острый взгляд главврача надолго задержался на неестественно подвижных бёдрах молоденькой медсестры, никак не позволяющей сократить разделяющее начальника и подчинённую расстояние. Девушка была молоденькая и симпатичная. Короткий белый халатик броско выставлял напоказ стройные ножки и подчёркивал плавные линии округлых ягодиц. Миновав висящее на стене зеркало, Уолтер невесело подмигнул собственному отражению. А он ещё голову ломал, почему никогда не поспекает за ней! Пора бы уже и привыкнуть. Джессика не первая и не последняя, кто поставил своей целью охмурить его. С трудом (в этом надо признаться хотя бы перед собою) отведя глаза от вихляющих бёдер стучащей каблучками девушки, Уолтер подумал, а что, если сдать? Ну, позволить себя охмурить? Нет, не так, правильной будет сказать: «захомутать». Кто как ни он на днях рассуждал о возможных последствиях женитьбы и заведения семьи?

Харрис поморщился. Господи, ну как он выражается — «возможных последствиях»... Даже звучит как-то отстранённо и холодно. За милю несёт строгим официозом. Неужели он настолько заостенел в своей повседневной работе, что уже по определению не способен рассуждать, как обычный нормальный человек? Не хотелось бы. Так, размышляя о наблевшем, Харрис не заметил, как они свернули по коридору в южное крыло и подошли к первой палате.

Джессика остановилась и, взявшись за дверную ручку, обратила к доктору симпатичное курносое личико. А у неё красивая улыбка, вдруг понял Уолтер. И это прозрение несколько смутило его. Эта девушка проработала в поликлинике почти три года, и он постоянно сталкивается с ней практически каждый день. Но только сейчас увидел, какая она хорошенькая! Слепец ты, Уолт. И дурак. Ты вязнешь в повседневной рутине, не замечая, сколько красоты окружает тебя...

— Доктор Харрис, можно у вас спросить? Если вы не против, конечно!

— Как я могу быть против, не зная, о чём ты хочешь меня спросить? — невольно улыбнулся Харрис, читая в бархатисто-карих глазах Джессики почтительное обожание. — Пока мы не пересекли порог этой палаты, я весь в твоём распоряжении.

— Образно или фигурально? — не растерявшись, озорно блеснула глазками медсестричка. — Или всё-таки по факту?

— Спрашивай, — усмехнулся Уолтер. Сложив руки на груди, он с возрастающим интересом смотрел на неё.

— Вы бы не хотели сегодня вечером сходить со мной в цирк?

На одном дыхании выпалив эти, как показалось Харрису, тяжело давшие ей слова, Джессика смущённо потупилась, зардевшись лёгким румянцем. Как это у неё получается, подивился Уолтер? Как у красивых женщин получается несколькими простыми словами ставить нас, мужчин, в тупик? Харрис почувствовал себя прижатым к стене, а симпатичная девушка, с неприкрытой надеждой глядящая на него из-под падающей на глаза чёлки, показалась, по меньшей мере, танком «Шерман». Ну ты и осёл, тут же мысленно пнул себя врач. Нашёл с чем сравнить!

— В э-э-э... цирк? Хм.

— Да, доктор Харрис, в цирк, — широкая улыбка Джессики потускнела и увяла. — В «Невозможное — возможно»... Они пробудут у нас ещё два дня, а сегодня суббота и я подумала... Я решила, что... Ладно, доктор, забудьте, что я вам наговорила. Простите...

С видимым усилием сглотнув обидный комочек, Джессика опустила светловолосую голову и повернула дверную ручку. Уолтер решительно положил поверх её ладошки свою руку и закрыл приотворившуюся дверь. Он крепко стиснул нежные тонкие пальчики и негромко сказал:

— Всё не так, Джессика. Совсем не так. Это ты меня прости. Я с огромным удовольствием схожу с тобой сегодня вечером на представление. Правда.

— Спасибо... — девушка, робко улыбнувшись, одарила его таким тёплым взглядом, что Уолтер испугался, как бы ни растаять! Вот и скажи, подумал он, что мешало тебе раньше открыть глаза?

Ни Уолтер, ни тем более Джессика ещё не знали, чем закончится их совместный поход в цирк. Они и представить не могли, что многообещающее свидание превратится в кошмар.

— Дядя, о чём вы говорили с шерифом Тёрнером? Вчера вы довольно долго не выходили из твоего кабинета. Что-то случилось?

— Случилось, — Фред, кутаясь в банный халат, закинул ногу на ногу. — Энди иногда проявляет завидное служебное рвение в погоне за призраками... Тебе не кажется, что этот достойный юноша порой начинает заигрывать в полицейских и воров?

— У каждого свои недостатки, — улыбнулся Алан, откинувшись на спинку кресла. — Так что он хотел выяснить?

Они сидели в мягких глубоких креслах в залитой согревающим солнечным светом застеклённой мансарде и разминались за утренним чаем. Отсюда, с высоты второго этажа открывался неплохой вид на окрестности и близлежащие строения. Алану нравилось смотреть сквозь стекло на беззвучный мир за пределами родового особняка де Феса. Он наблюдал, как ветер колышет макушки деревьев и вращает в задиристом хороводе палую пожухшую листву. Он видел, что безмятежно синее небо заволакивается невесть откуда набежавшими сизыми тучами. Там, где горизонт сливался с землёй, вспухало нечто клубящееся и чёрное. Если эти тучи дойдут до Хеллвила, то не миновать знатного дождя. Когда, пока ещё редкие, тучи закрывали солнце, внутри мансарды становилось темно и сумрачно. И в такие моменты здорово помогала чашка горячего ароматного чая. Ну, и задушевная беседа, само собой.

— Энди уточнял, при каких обстоятельствах умерла ваша тётя, — тихо сказал Фредерик. — Я порядком удивился заинтересованности полиции в этом сугубо личном, семейном деле, но рассказал всё, как было. Энди хороший парень... Я не стал ничего утаивать.

— Хм, признаться, я тоже не ожидал, что у шерифа могут возникнуть вопросы по этому поводу, — произнёс Алан. — Зачем ему всё это? В смерти тёти Урсулы нет никакого криминала. Что он надеется откопать? Тёрнер хочет устроить охоту на ведьм? Не понимаю...

Де Фес поставил чашку с чаем на резной приземистый столик орехового дерева. От Алана не ускользнуло, что рука дяди слегка подрагивала. Вытерев тонкие губы салфеткой, Фред сказал:

— Я работал в подвале, в лаборатории, когда вдруг почувствовал, что... Неладное я

почувствовал, Алан. Вот здесь, в области груди, понимаешь? Как будто чья-то когтистая лапа сжала сердце и... Я понял, что происходит нечто страшное...

Алан слушал внимательно, не перебивая. Возможно, дяде просто необходимо выговорится, выплеснуть то, что накипело.

— Кто знает, что было бы, послушайся я сразу своего сердца! Но я был ТАК занят! В общем, когда я больше не мог терпеть это сводящее с ума чувство, я выбежал из лаборатории и бросился в дом. Я бежал и звал её... Я выкрикивал её имя, уже зная, что опоздал. Ваша тётя лежала в спальне на полу, под окном, бездыханной. Я вызвал доктора Харриса и упал рядом с ней. С моей Урсулой...

По морщинистой щеке старика покатила слеза. Он смежил глаза и застыл в кресле, будто кол проглотив. Алану стало невероятно стыдно, что он завёл этот разговор. А ведь они с Шейлой условились, что пока гостят у дяди, то и близко не подойдут к этой скорбной теме.

Фред смахнул слезу и ободряюще подмигнул насупившемуся племяннику.

— Всё нормально, Алан. Это случайная слеза. Я уже давно выплакал из себя всё, что можно. Скоро умру от обезвоживания.

— Мы тебе не позволим, — твёрдо сказал Алан. Он не шутил, и де Фес это понял.

Старик протянул руку и благодарно сжал плечо юноши.

— Я очень ценю вашу с сестрой заботу и участие. Поверь мне. Вы всё, что у меня осталось... Кстати, как там наша маленькая перебравшая принцесса?

— Спала как убитая. Я несколько раз заходил в её спальню. Вернёмся домой — заложу маме.

— Ха-ха, так уж и заложить! — рассмеялся Фред. — Знаю я тебя, мой мальчик. Ты будешь последним, от кого Луиза что-либо узнает. М-да, мы вчера неплохо посидели... А с вином легко не рассчитать силы!

— Знаешь, дядя, я, пожалуй, пойду, посмотрю на неё ещё разок, — Алан решительно поднялся с кресла. — Душа не на месте. Прости.

— Иди, конечно, о чём речь! — Фредерик потянулся за заварным чайником. — Не обращай внимания на старика. Займись Шейлой. Ты нужен ей. А она — тебе.

Покидая мансарду, Алан подумал, что теперь знает, почему дядя так резко охладел к своим изобретениям. И почему упорно не желает заходить в мастерскую. Он винит себя в смерти тёти Урсулы. Что ж, рассказ доктора Харриса не лишён под собой почвы. И у Энди были вполне логичные и законные основания затеять весь этот неприятный разговор с Фредом. Что-то здесь было не то. И Фредерик являлся четвёртым человеком, который почувствовал это.

— Уже покидаете нас, командор? — к полицейским подошёл вездесущий несносный клоун Бинго.

Энди кивнул Кларку, чтобы тот не ждал его, и неприязненно уставился на клоуна, настроившись на как всегда глупый никчёмный разговор. Кларк неодобрительно покачал головой и, придерживая шляпу, отдуваясь, двинулся к холмам, к брошенной наверху машине. Младшему помощнику спуск в долину, равно как и подъём, давались особенно тяжело. Но он предпочитал благоразумно молчать, всерьёз опасаясь, как бы шеф не воплотил в жизнь давно лелеемую мечту об экзамене по физкультуре для сотрудников полицейского департамента.

Бинго возвёл свои удивительные, постоянно меняющие цвет глаза к насыщенному

росчерками надвигающихся туч потемневшему синему небу и пространно изрёк:

— Определённо, жизнь странная штука, кэп. Вы не находите?

Энди поднял воротник куртки, защищая шею от не на шутку разгулявшегося прохладного ветра и, криво усмехнувшись, сказал:

— Пробило на философскую беседу, приятель? Или решил покаяться в грехах? Ну, так ты немного не по адресу. Но я могу подкинуть адресок местного исповедника.

— Вы повторяетесь, шериф. Не надо срывать на мне всю терзающую вас злость, — Бинго опасливо покосился по сторонам и заговорщицки прошептал: — Не плюйте в колодец, вдруг из него придется воды напиться?

Тёрнер чуть не упал. Он ушам своим не верил. Похоже, что этот размалёванный, одетый в мешковатый нелепый комбинезон с огромными жёлтыми пуговицами чудак в кои-то веки говорит абсолютно серьёзно! Бинго, шаркая по земле ботинком сорок шестого размера, смотрел куда-то вдаль, зачем-то трогая затянутыми в белую перчатку пальцами свой круглый красный носик.

— Извини, если был груб, — насилу выдавил из себя Энди. Что, брат, так прижало, что готов уже просить помощи у циркового дурака? — Но ситуация более чем щекотливая...

Они стояли далеко за пределами цирка, и подслушать их никто не мог. Но Тёрнеру казалось, что Бинго беспокоит именно это обстоятельство. Что на него нашло?

— Вау! — чуть не взвыл в восторге клоун. — Дамы и господа, спешите видеть! Сам грозный, неподкупный и неуступчивый шериф города Хеллвил просит прощения у идиота! Хит сезона! Налетай, пока представление бесплатное...

— Не заигрывайся, дружок, — помрачнел Энди. — У меня совершенно нет времени на твои, ты уж извини, ИДИОТСКИЕ выходки.

Бинго понизил голос и, пустившись вокруг зарывавшего сквозь зубы шерифа в пляс, тоненько пропищал:

— Верьте мне, дядька полицейский! Так надо, детка, так надо!

Замерев после очередного пируэта сзади Тёрнера и горячо дыша в ухо, Весёлый клоун прошептал:

— Я видел, ЧТО было у вас в руках, когда вы выходили из кунсткамеры, генерал Пайк. Не дёргайтесь, а то я подумаю, что возбуждаю вас. Хе-хе... Я видел. До того, как вы спрятали ЭТО в карман.

— Ну и что у меня было в руке? — Энди постарался, чтобы его голос звучал безразлично, но горящие багрянцем уши с головой выдавали его.

— У вас в руке был билетик нашего цирка, — Бинго скользнул вбок и оскалил в ухмылке лошадиные зубы, заглядывая шерифу в глаза. — Такой чистенький, целенький, непорванный билетик. Кое у кого он ассоциируется с девичьей непорочностью. Ах, эти милые прекрасные девственные создания...

Энди побагровел от гнева и с трудом удержался, чтобы не вцепиться в глотку паясничавшего клоуна.

— Ты следил за нами, чёртов арлекин! Ты подслушивал, мать твою! Ты хоть представляешь, на что это тянет? Ты мешал расследованию, дружок...

— Остыньте, майор, вовсе я не подслушивал! Ха, ещё неизвестно, кто из нас двоих больший артист! И не надо поносить мою матушку, она была порядочной женщиной. Хоть и душой...

Мысленно сосчитав до трёх, Тёрнер захлопнул рот и процедил сквозь зубы:

— Время, мистер Клоун, время.

— Мне знаком этот билет. Я узнал его. Нет-нет, чтобы вы там не подумали, я даже не буду просить вас показать его! Вдруг у вас возникнет мысль, что я подослан уничтожить эту вещественную улику?

Энди сплюнул на землю и растёр плевком мыском сапога. Сердце его колотилось как у скаковой лошади. Он, не мигая, уставился на Бинго.

— Кому он принадлежит? Этот билет?

— Маленькому мальчику с большими добрыми глазами, — Весёлый клоун грустно улыбнулся. — Тому, кого вы ищите, шериф.

— Откуда ты знаешь? С чего ты решил? — Энди пожирал собеседника полыхающим надеждой жадным взглядом.

— Я сам ему дал этот билетик.

— Но... вы же многим раздавали перед началом представлений бесплатные билеты. Откуда такая уверенность, что именно этот принадлежал Тони?

— Кому как не мне знать? — пожал плечами клоун. — Я никогда не ошибаюсь в подобных случаях. Я помню каждый билет, что прошёл через мои руки. И помню всех тех, кому вручал их. Назовите это чудом или волшебством, сэр. Как вам будет угодно. Как проще понять... Вам, обычным людям, многие непонятные вещи кажутся странными и необъяснимыми. Но они странные только на первый взгляд. Но стоит присмотреться повнимательней...

Энди, сунув руки в карманы, задумчиво раскачивался на пятках, лихорадочно обдумывая полученную информацию. Странно? Да нет, чёрт возьми! **ОЧЕНЬ СТРАННО!** Не похоже чтобы Бинго был засланным казачком, отряжённным дезориентировать шерифа и направить расследование по ложному следу. Не похоже.

— У вас есть ещё что-нибудь, что вы можете мне рассказать? — кажется, впервые Энди назвал Весёлого клоуна на «вы».

— Кэп, кэп, — Бинго сокрушённо покачал головой. — Как вы могли обо мне такое подумать... Я хоть и дурак, но не сумасшедший!

— Ясно, — Энди действительно понял, на что намекает неожиданный информатор. — Последний вопрос, можно?

— Валяйте, босс! — клоун высунул розовый язык. — Только уж, пожалуйста, не в штаны. Ветер дует в мою сторону.

Усмехнувшись, Энди сказал:

— Туше. Зачем ты мне всё это рассказал?

— Вам не кажется, что тучи начали сгущаться? — напустив на себя ореол таинственности, вместо ответа спросил Бинго. — Я чувствую, что вот-вот разразится гроза. Да такая, каких свет не видывал. Вам не кажется?

— Гроза, говоришь? — Энди задрал голову к напитывающемуся первозданной тьмой небу. — Возможно, ты и прав. Что ж, надеюсь, когда хлынет дождь, ты найдёшь надёжное укрытие, приятель. Бывай. И... Спасибо.

Энди сделал движение протянуть клоуну руку, но тот резво отскочил от него на два шага и пискнул:

— Нет, нет шериф, только без рук! И без языков! Я бы не хотел, чтобы о нас начали распространять грязные сплетни.

— Понимаю. Кстати, а как твоё настоящее имя?

Уже отбежавший от шерифа на десяток метров, клоун остановился и, повернувшись, крикнул:

— У дураков не бывает имён, мистер Тёрнер! Но раньше меня как-то звали. Я не помню, но надеюсь, что когда-нибудь... А! Забудьте.

Поднимаясь верх по склону и топчя сапогами редкую траву, Энди думал, что у дураков то и впрямь не бывает имён. Но у людей честных и порядочных, или же стремившихся стать такими, имена должны быть.

— Ты куда это намылился? — Шейла спросила немногим более громко, чем позволяло пошатнувшееся здоровье и болезненно сморщившись, приложила ладони к загудевшим вискам. — Я с тобой...

— Шелли, тебе надо полежать и отдохнуть, — Алан был суров и непреклонен. —пей больше апельсинового сока — цитрусовые помогают быстрее разжижить концентрацию спиртов в крови. И открой окно в спальне, свежий воздух тебе тоже не помешает.

Девочка выпятила нижнюю губку и капризно притопнула ножкой. Однако на сей раз её уловки на старшего брата не возымели ни малейшего воздействия. Алан деловито и сосредоточено переодевался, не обращая на Шейлу должного внимания. Девочка раздосадовано засопела и присела на краешек кровати. Алан откинул с лица длинные волосы и примиряюще подмигнул сестре. Шейла поёжилась. Тёмные глаза Алана покраснели, а залёгшие под глазами синюшные тени придавали бледному лицу юноши сходство с усмехающимся черепом.

Он не спал всю ночь, внезапно поняла девушка. Алан не смыкал глаз, охраняя её покой и сон. Он не оставил её одну. Шелли, словно бухнувшись с головой в глубокую прорубь, вспомнила, как прошлой ночью просила брата, чтобы он не бросал её, не оставлял. И он не бросил. Девочка закусилась изнутри щеку, но предательски задрожал подбородок. Она почувствовала такой прилив незамутнённой чистой любви к Алану, что вскипевшие эмоции едва не захлестнули её разум.

— Братик, я иногда бываю такой неблагодарной свиньёй, — жалобно сказала она, изо всех сил крепясь, чтобы не расплакаться. — Как ты ещё терпишь меня...

Натянув чёрную водолазку, Алан поправил высокий воротник и мягко сказал:

— Шелли, ты маленький глупый котёнок. Не смей произносить такие слова вслух. Я НЕ терплю тебя. Я живу ради тебя. Я забочусь о тебе...

— Ты не сможешь быть всё время рядом, — грустно улыбнувшись, сказала Шейла. — Рано или поздно, но мы отдалимся друг от друга. У меня начнётся своя жизнь, а у тебя....

— Что — у меня? — голос отвернувшегося в поисках сапог Алана прозвучал отстранённо и глухо.

— А тебе я не позволю ломать свою жизнь из-за меня, — Шелли выпрямившись, положила ладони на коленки. — Настанет час, когда ты будешь вынужден сделать выбор. Выбор между опекой младшей сестры, которая совсем скоро превратится во взрослую женщину, и собственной жизнью, которая, увы, принадлежит не тебе.

Алан впрыгнул в сапоги, заправил в синие джинсы водолазку и застегнул ремень. Оглянувшись в поисках куртки, он проронил:

— А кому принадлежит моя жизнь?

— Боюсь, что мне. Твоя жизнь уже давно моя.

— Тебя это напрягает?

— Мне больно смотреть, как ты отказываешься от всего ради меня!

Молодой человек опустился на одно колено перед сидящей на кровати девушкой и накрыл её ладони своими.

— Меня устраивает моя жизнь, Шелли... Но я понимаю, что вечно так продолжаться не может. И когда ты поймёшь, что больше не нуждаешься во мне, ты сама об этом мне скажешь. Первой. Обещаешь?

У девочки защипало в глазах, она торопливо вырвала одну руку и, копируя жест Алана, провела раскрытой пятернёй по его лицу.

— Обещаю. Клянусь. Я так тебя люблю, братишка... Ты бы знал! И больше всего на свете я хочу, чтобы ты обрёл самого себя, чтобы ты был счастлив, живя СВОЕЙ жизнью. Не бойся, когда ты попросишь, я отдам тебе твою жизнь. Но только тогда, когда ты сам будешь готов принять этот дар.

Алан печально улыбнулся и, не отвечая, крепко обнял сестру, прижимая нежное, пахнущее кремом и карамелью тельце к груди.

— Я тоже люблю тебя, — прошептал он, зарываясь носом в густых смоляных волосах девушки, вдыхая аромат шампуня и сгущённого молока.

Поднявшись на ноги, он надел куртку и глядя на Шейлу сверху вниз, сказал:

— Шелли, я сейчас тебе кое-что расскажу, но ты должна пообещать, что до определённого момента это останется между нами двоими.

Девочка подняла на него огромные, заблестевшие глаза. Её сердечко сжалось от нехорошего предчувствия. Что Алан хочет ей сказать? Раскрыть одну из своих тайн или это нечто совершенно иное?

— Ни дядя, ни кто другой не должны знать об этом, понимаешь?

— Да понимаю... Давай рассказывай, раз начал.

Алан несколько секунд изучал свои гибкие жилистые кисти, не уступающие силой искусственным сервоприводам. Когда он заговорил, в его голосе звучала неслышанная доселе Шейлой тревога.

— Полчаса назад звонила Дейзи. Пока она была у нас в гостях, пропал Тони.

Шейле показалось, что ей нанесли сильнейший удар в поддых. У неё потемнело в глазах, а дыхание перехватило жёсткой удавкой. Девочка вонзила ногти в разом вспотевшие ладони и, запинаясь, с трудом выдавила:

— Ч-что ты с-сказал?

— Ночью исчез Тони и его друг Грег Вудворт. Энди делает всё возможное, но пока безрезультатно, — Алан сжал губы в тонкую строчку.

— Боже мой... Боже мой... — Шейла вскочила на ноги, пошатнулась и с закружившейся головой упала обратно на кровать. Алан дёрнулся было к ней, но девочка остановила его успокаивающе поднятой ладонью.

— Со мной всё в порядке... Ужас просто! Как это могло произойти, Алан? Как такое могло случиться? Мальчиков кто-то похитил?..

— Без понятия, котёнок. Ни я, никто другой не знает, что именно произошло и куда исчезли дети. Конечно, маленькие негодяи могли затеять какую-то не очень приятную для родителей игру, но... Дейзи это исключает. Я тоже так думаю.

— Вот тебе и тихий мирный городок, — пробормотала Шейла, обхватив себя руками за плечи. Её, не переставая, бил мелкая дрожь.

Алан с жалостью смотрел на понурившуюся девушку.

— Я должен ехать, Шелли. Я просто обязан помочь Дейзи хоть чем-нибудь. В такую минуту она не должна быть одна...

Шейла решительно встала с постели и двумя руками взяла Алана за воротник.

— Не смей даже оправдываться передо мной. Ты немедленно отправляешься к Дейзи и делаешь всё возможное и невозможное, чтобы подбодрить и утешить её. Я не представляю, что именно она сейчас испытывает, но догадываюсь, что ничего хорошего. И с ней просто обязан быть кто-то из близких. И этим кем-то будешь ты. Понял?

— Я бы взял тебя с собой, но...

— Да я всё понимаю! Что я, дура, что ли? Спокойно поезжай, а обо мне не беспокойся. Я останусь здесь и буду ждать хороших новостей. И, это... Возьми с собой сотовый, ладно? Как видишь, от них тоже может быть польза.

И почему Алану в тот момент не показалось подозрительным её кроткое поведение и слишком быстро данное согласие сидеть дома тише воды ниже травы? Позже он неоднократно спрашивал себя об этом.

Глава 13

Алан стоял на пороге дома Дейзи Хилл и тарабанил костяшками пальцев в деревянную дверь. К обеду погода окончательно и бесповоротно изменилась в худшую сторону. Небо единовластно затянули серо-свинцовые тучи, спрятав солнце и угрюмо нависая над потемневшими хеллвилскими улочками. Дул пронизывающий холодный ветер, сверху срывались крупные дождевые капли, разбиваясь о немногочисленные машины и спешащих поскорее убраться в тёплые дома редких прохожих.

Над головой Алана нависал круто изогнутый козырёк, защищая от слабо морозящего дождя, а от коварно набрасывающегося исподтишка ветра неплохо помогал поднятый воротник кожаной куртки, закрывающий уши.

Ему не пришлось долго мёрзнуть и томиться под запертой дверью. Чуткий слух Алана уловил приближающиеся с той стороны быстрые шаги и спустя мгновения дверь широко распахнулась. Не заставляя себя упрашивать, Алан вошёл внутрь и, захлопнув дверь ногой, замер на пороге прихожей. На ум приходили одни избитые сравнения и фразы, но по-другому это и не выглядело. Дейзи была в ужасном состоянии.

Всегда опрятная и следящая за своей внешностью девушка напоминала подобранную с улицы бродяжку с приличным алкоголическим стажем. Или человека, безнадёжно сражающегося со смертельной болезнью вот уже который год и постепенно теряющего позиции и все шансы на выздоровление. Тёмно-русые волосы Дейзи торчали в разные стороны беспорядочными прядями, нос распух, прежде яркие глаза потускнели и покраснелись, как у кролика-альбиноса. На щеках остались многочисленные дорожки от бегущих слёз, пухлые, в бессилии искусанные губы потрескались и поблекли... Дейзи с трудом сдерживала рыдания, уставившись мокрыми от слёз глазами на юношу.

Она даже не переодевалась, понял Алан, разглядывая помятое вечернее платье несчастной девушки. Как же ей плохо, просто уму непостижимо...

— Алан... Ты всё-таки пришёл... Спасибо тебе.

— Я не мог не прийти, Дейзи.

— Проходи, не стой в дверях.

Алан протиснулся мимо разбитой горем девушки, снял куртку, повесил на вешалку и последовал за Дейзи вглубь дома. Вот оно каково, быть одинокой, никому не нужной, раздавленной и повергнутой в кошмарное состояние матерью, подумалось ему. Матерью,

лишившейся того единственного, что приносило ей радость и давало сил жить и двигаться дальше. Матерью, утратившей ребёнка. Дейзи опустилась на диван и закрыла ладонями лицо, глядя на Алана сквозь трясущиеся пальцы дикими, затравленными глазами.

Молодой человек присел рядом с ней и вздохнул. В гостиной царил пропитанный горем и унынием сумрак. Окна были зашторены, свет не горел. Как будто дом тосковал и грустил вместе со своей хозяйкой. На душе становилось тошно и погано. Алан негромко кашлянул, привлекая внимание Дейзи. Мысленно он клял себя последними ругательствами за неумение находить действительно нужные слова. Он никогда не знал, как сходить с представительницами прекрасного пола. Не знал, что им говорить. Да и не хотел знать, если уж начистоту. И сейчас впервые в жизни жалел об этом удручающем пробеле в своём образовании. И что такая красивая девушка, как Дейзи, могла разглядеть в таком придурке, как он?

— Дейзи, я уверен, что всё будет хор... — Алан осёкся, раздражённо закатив глаза. Нет, ну вы послушайте, что за чушь он собрался тут городить! Что за бред? Какое на хрен «всё будет хорошо»? Это самое гнусное, пошлое и беспомощное, что можно сказать тому, кто нуждается в твоей поддержке. Чудесное начало...

— Алан, Тони — всё для меня... Если с ним произойдёт что-нибудь плохое, я умру.

— Не говори так, — Алан вполоборота повернулся к Дейзи. — Не смей и думать о плохом. Энди отличный полицейский и я уверен, что в самое ближайшее время он что-нибудь разузнает. И это будут хорошие вести.

— Из тебя неважный утешитель, Алан, — вымученно улыbnулась Дейзи, отняв руки от зарёванного лица. — Но всё равно спасибо. Шериф предупреждал, чтобы я не смела никому и словом обмолвиться об... Об этом. Но я не смогла больше терпеть эту боль одна. Я больше не могу... Понимаешь? Я больше не могу быть одной! И не хочу!

Она тихонько заплакала, уткнувшись в плечо несколько растерявшегося юноши. Дейзи плакала ровно, без надрывных всхлипываний и истеричных рыданий. Видимо, сил у неё осталось не так уж и много. Алан торопливо обнял её и, баюкая, прижал к себе, ласково глядя по растрёпанной головке. Через минуту девушка перестала орошать его водолазку слезами и замерла, негромко сопя и доверчиво прижимаясь к груди. В наступившей тишине Алан слышал, как за стенами усиливающийся ветер яростно штурмует город, с дробным треском швыряя в стёкла окон горсти дождевых капель. Словно состязаясь с ветром, дождь, обнаглев, нахально стучал по крыше. Его звук убаюкивал и успокаивал.

— Представляешь, они сейчас совершенно одни... Напуганные, голодные, дрожащие от холода... И некому прийти им на помощь. Совсем.

Алан понятия не имел, откуда у Дейзи взялись такие познания, но продолжал успокаивающе гладить её по волосам. А в голове у него зрела одна курьёзная идея. У него уже не оставалось никаких сомнений, что в Хеллвиле творится какая-то чертовщина, словно оправдывая название городка. Вот только логично увязать все фрагменты в одну целостную картину пока не получалось. Но достаточно нащупать хотя бы одну ниточку, чтобы в итоге прийти к развязке.

— Я боюсь, что когда Энди, наконец, продвинется в этом деле хоть немножко, то будет слишком поздно, — Дейзи глухо бубнила, её горячее дыхание обжигало Алану грудь, проникая через тонкую ткань водолазки. — Я до одури боюсь потерять моего мальчика...

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал Алан, целуя Дейзи в макушку. — Обязательно. Я обещаю тебе.

Девушка подняла голову и потёрлась носом о щёку Алана. Глядя ему в глаза, она произнесла:

— Алан, умоляю, помоги мне вернуть сына. Пожалуйста... Я знаю, ты очень сильный, в тебе есть что-то, что отличает тебя от остальных. Ты не такой, как все. Я не знаю, какие ещё секреты ты скрываешь от окружающих, но если это поможет найти Тони, то... Я умоляю тебя, Алан...

— Ш-ш-ш, не бросайся словами, — юноша приложил к искусанным губам Дейзи указательный палец. — Никогда не проси ничего у тех людей, в которых ты хоть на йоту сомневаешься.

— Я не сомневаюсь в ТЕБЕ. И мне этого достаточно. И... Я же люблю тебя, дурака понимаешь ты или нет?! Боже, ну почему я вынуждена говорить тебе это при таких обстоятельствах?.. Хотя ты и сам всё знаешь.

Алан нежно взял лицо готовой опять зареветь девушки в ладони и улыбнулся:

— Дейзи, даю слово, что я сделаю всё, что в моих силах для того, чтобы вернуть тебе Тони. И если между мною и твоим сыном встанет хоть сам дьявол, я ему не завидую. Он будет повержен.

Дейзи на несколько секунд оторопела. Алан говорил буднично и спокойно, словно он рассуждал о недавно вышедшем на экраны кинофильме. Но что-то в его голосе, в манере выражаться указывало на то, что юноша и не думает шутить. И она, поёжившись, поймала себя на мысли, что и впрямь не завидует тому, кто перейдёт Алану дорожку.

— Алан, можно тебя попросить?

— Проси. Сегодня я ни в чём не посмею тебе отказать.

— Люби меня, Алан Блейз... Пожалуйста. Хотя бы сегодня. Поллюби меня ещё один разочек, пусть ему даже и суждено стать последним. Возьми меня. Я так тебя хочу...

Дейзи потянулась к нему приоткрытыми пухлыми губами, и он не смог ей отказать. Не сейчас. Не сегодня.

Грэм Лоулес разбил четвёртую тарелку и понял, что если так и дальше пойдёт, то он перещёлкает всю посуду в баре ни за понюшку табака. Нет, бывало, конечно, что он и раньше ронял тарелки на пол, обеспечивая уборщиц дополнительной работой, но чтобы четыре тарелки с небольшими интервалами в течение сорока минут?! Тонкая дешёвая керамика не выдерживала никакой критики, проигрывая твёрдому дубовому полу по всем статьям.

Хозяин «Вперёд на ногах — обратно на руках» всегда начинал работать после часа пополудни, педантично проверяя содержимое пивной бочки и пересматривая вымытые бокалы. Остальные сотрудники сего популярнейшего среди местного населения заведения подтягивались к бару немногим позже. И всегда заставляли хозяина уверенно и неколебимо стоящим за барной стойкой, с неизменным полотенцем через плечо и какой-нибудь кружкой в руках. Или тарелкой. По старой привычке некоторые тарелки он любовно протирал по второму и по третьему разу. Сегодня эта безобидная привычка немилосердно выходила ему боком.

.... Страхивая с зелёного зонта, больше смахивающего на пляжный шезлонг, дождевые капли, в бар вошёл Большой Том. Здоровяк торопливо протиснулся в дверной проём и сложил зонтик. Оставляя на безупречно чистом полу мокрые отпечатки огромных лапиш сорок пятого размера, вышибала, отдуваясь, подкатил к стойке и взгромоздился на один из

круглых табуретов. Неодобрительно хмурясь (опять — таки больше по привычке, ибо амбал патологически неисправим!) Лоулес поставил перед Томом до краёв наполненную золотистым пивом стеклянную кружку.

Благодарно кивнув, Большой Том молодецки крякнул и мощно проглотил сразу половину ароматного ячменного напитка. Вытерев тыльной стороной ладони с мясистых губ остатки пены, вышибала вопросительно уставился на Грэма.

— Ну давай, босс, выкладывай. Чего уж там таиться то...

— Ты о чём, Томми-бой? — сделал недоумевающее лицо хозяин бара.

— Не крути хвостом. Я ж, когда только вошёл, сразу понял, что стряслось чегой-то!

— Неужели? — Грэм небрежно искал на перекинутом через плечо полотенце грязные пятна.

— Ага. У тебя на морде было такое выражение, как будто к тебе вернулась твоя последняя жена. Как там хоть звали эту ведьму?.. Джойс? Джулия? А?..

Грэм непроизвольно вздрогнул и гневно цыкнул на верзилу:

— Типун тебе на язык, идиот! Не поминай чёрта, а то не ровен час, накаркаешь...

— Ха-ха, ты до сих пор боишься этой старой кошелки! Чего скис то сразу? Иль чего другое случилось? Не темни.

Лоулес облокотился о вытертую до блеска поверхность стойки и, глядя Тому в глаза, сказал:

— У тебя когда-нибудь было такое ощущение, что вот-вот должен наступить неминуемый конец света, а ты ничего путного и не успел сделать в своей жизни? И тебя одолевает такая тоска смертная... И кажется, что и жил то зазря. Впустую.

Вытаращившись на хозяина как бык на бойне, увидевший занесённую над ним кувалду, Большой Том честно ответил:

— Не-а. Да ни в жисть! Я что, дурак какой?

— Я сегодня разбил четыре тарелки и сейчас топчу их осколки, как петух в курятнике топчет кур.

— Да не... — засомневался вышибала. — Петух не так топчет... Хм, а причём здесь вообще тарелки?

— Отчётливо воняет каким-то дерьмом, дружище. Не чуешь?

Доверчиво втянув широкими ноздрями воздух, Большой Том с сомнением сказал:

— Да не, не похоже, чтобы кто-то насрал где в уголке. Но я проверю на всякий случай...

— Ты кретин полоумный! — раздражённо рявкнул Грэм. — Я тебе толкую, что у меня на душе кошки скребут, а он мне про обосранные углы втирает! Нет, ну не идиот?

— Да я чо... Я ж ничо!

— Убирайся с глаз моих! — махнул рукой Лоулес. — Иди вон лучше передвинь дальний столик поближе к стене, а то проход загораживает. Трезвый то пройдёт без проблем, а вот пьяный обязательно зацепится.

Обиженно надувшись, Том выхлебал из кружки недопитое пиво и тяжёлой поступью идущего на Голгофу отправился выполнять поручение. Но не пройдя и половину пути, Том спохватился и спросил:

— А чего это я Дейзи не вижу? Обычно она не заставляет себя долго ждать. Запаздывает девчонка!

— Заболела она, — хмуро сказал Лоулес. — Позвонила ещё с утра и предупредила, что не выйдет на работу. Голос мне её не понравился... Как будто сквозь слёзы говорила.

Сдвинув стол к стене, Том сноровисто расставил вокруг него стулья и, вернувшись к стойке, обеспокоенно сказал:

— Может, что серьёзное у нашей девочки стряслось? Ну и впрямь там занемогла не на шутку или чего похлеще!

— Не знаю, не знаю... — покачал лысой головой Грэм. — Сослалась на мигрень и на эти несносные женские дни.

— Какие на хрен дни?

— Эти. Критические.

— Ах, ЭТИ... Ну тогда ясно, — протянул вышибала, умоляющим взглядом посматривая то на пустую кружку, то на бочку с пивом, то на Лоулеса. Хозяин бара успешно делал вид, что ничего не замечает.

— А может, дело и в чём другом, — задумчиво произнёс Грэм. — Ох, чувствую, сегодня будет жарко...

Он даже не представлял на сколько.

Уолтер Харрис, стоя перед зеркалом, повязывал на шею однотонный синий галстук. Что ж, усмехнулся он собственному отражению, скоро я с вполне обоснованным правом буду называться Джеймсом Бондом младшим. Похоже, Энди решил, что во мне погибает неуловимый шпион! Справившись с галстуком, доктор надел пиджак и стряхнул с плеча несуществующую пылинку. А что, в приличном костюме (и плаще) он выглядит очень даже неплохо. Импозантно, стильно и загадочно. Правильные благородные черты лица, выразительные умные глаза... Роджер Мур отдыхает. Ростом, правда, не вышел. Ну, так и Том Круз по жизни и в фильмах щеголяет в ботинках на высоком каблуке! Да и непослушные, жёсткие как проволока, рыжие волосы можно остричь покороче и перекрасить.

Ох-хо-хо, вздохнул Уолтер, отворачиваясь от зеркала. Вообще дурку погнал. Не о том надо думать. Совсем не о том. А, например, о том, что через несколько минут он сядет в машину и помчится за Джессикой. О том, что у них назначено романтическое свидание: приятный во всех отношениях вечер, обещающий превратится в нечто более серьёзное, с неплохими перспективами на будущее. И ещё надо думать о просьбе Энди. На этой мысли лоб Харриса прорезала глубокая морщина. Хорошее, приподнятое настроение испарилось, как и не бывало.

Проклятье, никогда Уолтер не думал, что в их городе возможна подобная гнусная мерзость. Киднепинг. Грязное во всех отношениях слово, заключающее в себе куда как более отвратительное значение. А вот подишь ты! Когда во время обеденного перерыва ему в клинику позвонил Энди и под грифом «совершенно секретно» поделился информацией о пропавших детях и своих подозрениях, Харрис долгое время не мог поверить в случившееся. У них же, чёрт возьми, не какой-нибудь многомиллионный мегаполис! Это же Хеллвил! Где все и вся на виду, где можно преспокойно бросать на улицах незапертые машины и спать при открытых дверях и окнах. Где никогда ничего чудовищного не происходит! Дождались. Произошло-таки...

Тёрнер просил Уолтера не как полицейский, а как друг. И Харрис, как друг, не мог ему отказать. Тем паче, что по странному стечению обстоятельств, их планы на вечер несколько совпадали. Энди попросил доктора навеститься в цирк на послеобеденное представление и внимательнейшим образом понаблюдать за тем, что там будет происходить. Не столько на

арене цирка, а сколько вне нее. Вдруг он заметит какую-нибудь незначительную с виду деталь? Мелочёвку, которую пропустил во время дневного обыска шериф? Самому Тёрнеру в цирк соваться даже под предлогом праздного зеваки совсем не с руки. Его моментально уличат в шпионаже, а вот на главного врача местной больницы никто не обратит внимания. А если он будет не один, а в компании девушки, то и подавно. Тёрнер хотел предложить кандидатуру Кейт, и был порядком удивлён, когда Харрис буркнул в трубку телефона, что уже пригласил на представление Джессику (не уточняя, правда, что, скорее наоборот, она пригласила его) ...

В общем и целом, Уолтеру было поручено смотреть в оба и запоминать всё, что видит. Тёрнер торопился, будучи уверенным, что, если в понедельник циркачи покинут загородную долину, то пропавших мальчиков никогда больше в Хеллвиле не увидят. А шериф не мог, основываясь лишь на предположениях и громко вопящей интуиции, наложить на всё цирковое предприятие арест. Правосудие — дама капризная и упёртая. Ей подавай железные факты и несокрушимые доказательства, коих у Энди не было и в помине. Не потащит же он в суд пространно рассуждающего о волшебстве клоуна с жалким билетиком в качестве вещественных улик!

Тёрнер отдавал себе отчёт, что втравливает Уолтера, а теперь, оказывается, ещё и Джессику Коллинз в достаточно опасный и непредсказуемый переплёт. Понимал. Понимал и всю ответственность за возможные последствия. Но он не видел пока другого выхода. Ему позарез нужен свой человек в стане гипотетического неприятеля. Да, гипотетического. Как бы там не было, Энди оставлял небольшой, мизерный шанс на то, что Старжински сотоварищи не только на словах, но и де факто окажутся чистыми и незапятнанными. Поскольку уж больно глупыми и нелогичными выглядели бы их действия в обратном случае. Тёрнер ХОТЕЛ думать, что ошибается в своих подозрениях по всем статьям. Он надеялся, что Тони с Греггом «просто» пошутили, из желания разыграть своих родителей.

Уолтер полностью разделял мнение шерифа. Да, бесспорно, в заезжем цирке хватает своих, ничем не объяснимых странностей, но в наглухо красть маленьких детишек, зная, что в первую же очередь все камни полетят в их огород?! Это уже маразм.

Застегнув плащ на две пуговицы, доктор Харрис отправился на поиски зонтика. Монотонный, навевающий тоску дождь лил, не переставая. Сотканное из тяжёлых свинцовых туч серое угрюмое полотнище раскинулось над всем Хеллвиллом. Ветер окончательно стих, и ничто не могло поколебать напавшее на город ненастье. Тучи очень медленно накатывали на город, и не было им видно ни конца, ни края. Было холодно, сыро и промозгло. Романтика, одним словом.

Сунув зонтик под мышку, Уолтер глянул на часы и взял с журнального столика связку ключей. Пора. Нельзя опаздывать на первое за столько лет свидание с девушкой. Честно говоря, он сомневался, что сегодня вечером в цирке будет аншлаг. Непогода многих отпугнёт, но и отменять представление по причине низкой явки зрителей директор не станет. Репутация, всё ж таки. А для таких людей она значит намного больше, чем всё остальное...

Ещё один плюсики в пользу непричастности Старжински к исчезновению мальчиков, подумал Уолтер, замыкая за собой дверь чёрного хода и включая в гараже свет. Зачем преуспевающему конферансье уподобляться воруящему детей злему духу? Хотя, взъерошил торчащие во все стороны вихры Уолтер, возможно, что НЕКТО из сотрудников цирка действует за спиной у Старжински. Может, кто-то из этих без сомнения «оригинальных»

ребят внезапно слетел с катушек и пустился во все тяжкие? А почему бы и нет? Психоз не поддаётся контролю. И Долго сдерживать терзающие его подспудные желания потенциальный маньяк не сможет. Рано или поздно, но его истинная сущность даст о себе знать. И это всегда происходит спонтанно и неожиданно. Человек может сойти с ума и незаметно для окружающих, и никто не скажет, когда именно это произошло. Но безумные поступки его всегда вызывают шок и неприятие. Потому что подобного никто не ждёт. Безумие всегда подкрадывается незаметно и застаёт всех врасплох.

С этими пространными рассуждениями Уолтер и сел за руль. Шпион на службе у хеллвилского департамента полиции? А почему бы и нет.

Шелли благоразумно решила не посвящать дядю Фреда в суть рождённой в её беспокойной черноволосой головке идеи. Закрывшись в своей комнате на втором этаже особняка, девочка готовилась к побегу из дома. За окнами было неприветливо и сумрачно. Дождь прекратился, но намертво приклеившиеся к небу подвесным потолком тучи никуда не собирались исчезать. Они, негромко ворча далёкими раскатами грома, размеренно, без излишней спешки, ворочались над погружённым в искусственное подобие позднего вечера Хеллвиллом.

Шейла Блейз была полна отваги и безрассудства. И ей нравилось это чувство. Она всегда упивалась свободой, которую даровали ей самостоятельные, не требующие одобрения или разрешения родителей, действия. В душе она была вечной бунтаркой, непоседой в юбке, стремящейся ломать сложившиеся незыблемые устои и бросать вызов обществу внешнего взрослого мира. Она была личностью. Яркой, неординарной и от того притягивающей к себе многочисленные взгляды. Для многих, кто её знал, она была полярной звездой, магнитом, маяком во тьме. К ней неосознанно тянулись десятки сердец. И её сердце было открыто для всех желающих подружиться. И ещё она была непостоянна.

Помимо всего прочего, Шелли умела ценить дружбу. И особенно дорожила своими друзьями. И если кому посчастливилось попасть в когарту избранных, то он приобретал в лице этой симпатичной большеглазой девочки надёжного и верного товарища, который никогда не предаст и не бросит. Существовало, правда негласное правило, которое нарушать строго возбранялось, иначе взаимная дружба превращалась в обоюдную неприязнь. Шелли не могла простить предательство и ложь. Никогда и никому. Это было её принципом. Таким был Алан. И девочка неосознанно подражала брату, но даже самой себе не признавалась в этом.

Тони Хилл был её другом. Необычным, не похожим на всех остальных её друзей-сверстников, но тем не менее. Маленький, беззащитный, смысленый и забавный друг с мягкими умными глазами оленёнка Бэмби. И Шейла не могла его бросить в беде. Девочка знала, что не простит себе, если, не дай бог, с Тони что-нибудь произойдёт, если он пострадает, а она и пальцем не пошевелит, чтобы ему помочь. Чтобы выручить из беды. Да, она далеко не такая сильная и быстрая, как Алан, но кое в чём она не уступает ни ему, ни кому другому. По выносливости, силе духа, решимости и отваге с отчаянной девочкой мало кто мог сравниться. И она не оставит своего маленького друга одного.

Жалко, Алан меня не видит, с усмешкой подумала Шелли, переодеваясь. Он бы глазам своим не поверил. И после уж точно перестал бы называть меня копушей. Девушка была далека от рекорда, но по скорости впрыгивания в одежду вплотную приблизилась к армейской. Шелли надела тёплое нижнее бельё (мне мои женские прелести ещё пригодятся,

обстоятельно подумала она), носки, белые джинсы, водолазку, свитер, короткую чёрную курточку с капюшоном и обулась в полусапожки. Длинные волосы Шелли автоматическим движением собрала в хвост и закрепила на затылке простой резинкой. Военно-морской шарф, ранее принадлежавший Алану, а ещё раньше Дэнни (друг Алана был толстым и, несмотря на юные годы, лысеющим, хотя и очень прикольным), девушка привычно завязала на шее. Накинув на голову капюшон и натянув тонкие замшевые перчатки, Шелли опустила в задний карман джинсов выключенный сотовый, и, крадучись, выскользнула из комнаты.

Спустившись по лестнице в просторный холл, Шелли на миг затаилась, убедилась, что дяди Фреда поблизости не наблюдается, и на цыпочках прокралась в прихожую. Нахохлившись под капюшоном как задиристый воробышек, девочка потянула на себя массивную створку двери и протиснулась в образовавшуюся щель наружу. Её встретили сырость, холод и низкий фронт угрожающе теснящихся на небе тёмных туч. Чем больше клонилось к закату невидимое за пеленой грозовых облаков посрамлённое солнце, тем мрачнее становилось вокруг. Тучи наливались нездоровой чернотой. В их бездонных воздушных пазухах начали посверкивать режущие глаза ослепительно блестящие молнии.

Несмотря на тёплую одежду, девочка практически сразу же продрогла. Ей сделалось неуютно и страшно. Мир, притаившийся за пределами надёжного дядино дома, встретил её угрюмо и неприветливо, жутковато щерясь в предупреждающей гримасе. Шелли вздрогнула и яростно замахала головой, гоня от себя дурацкие мысли и кошмарные видения несуществующих призрачных образов. Нетушки. Она не отступит. Её не испугать.

Засунув руки в карманы куртки, девушка припустила по засыпанной гравием дорожке. Растущие по обеим сторонам голые деревья печально скрипели ей вслед раскидистыми лапами-ветвями, словно прощались с гостьей... Деревья словно чувствовали. Они прощались не только с легко бегущей наперегонки со временем девочкой. Они прощались с привычной для всех жизнью. Через считанные часы всё должно было измениться.

Шелли отворила кованную железную калитку и очутилась на улице. Ни теряя ни минуты, девушка ускорила шаг, стремясь как можно быстрее уйти подальше от особняка. Не хотелось бы, чтобы дядя хватился её, пока она ещё в поле видимости. Шагая по мощённому грубым булыжником тротуару, Шелли молилась, чтобы опять не хлынул дождь. Зонтик то она захватить не удосужилась. На такси надежда была слабой. На весь городок частным извозом занималось всего два или три человека. И, пока дождёшься, полдня пройдёт.

Спроси Шейлу о её дальнейших планах, и она бы надолго задумалась. Как такового, плана у девочки не было, и она действовала по большей части спонтанно и безрассудно, движимая горячим порывом внести свою лепту в поиске пропавших мальчиков. А для этого было необходимо добраться до полицейского участка и поговорить с Энди. Да, вот так запросто! Просто заявиться в участок, и потолковать с шерифом с глазу на глаз. Предложить помочь местному правосудию. Подсознательно девочка понимала, что вся её афёра шита белыми нитками. Вероятно, Энди просто упечёт её в одиночную камеру, чтобы не пугалась под ногами и не мешала следствия. Мол, посиди-ка взаперти, дорогуша, размышляя на досуге о том, что значит быть послушной девочкой. А потом приедет Алан, даст ей по шее и завтра же они укатят из Хеллвила. А Тони останется один. Нет, фиг вам, подумала Шелли, упрямо продвигаясь вперёд и сторонясь редких прохожих. Ничего у вас не выйдет. Никуда я не уеду, пока вы не отыщете Тони. Я его не брошу. Вот Алан бы меня не бросил. Потому что он мне не только родной брат, но и друг. А я — друг Тони, поэтому я не отступлю. И Алан просто обязан меня понять!

Закусывая нижнюю губку и героически сверкая синими глазами из тени капюшона, Шейла производила достаточно сильное впечатление. Ребёнок, собравшийся на последнюю битву. Девочка, идущая на войну. Ничто не могло её остановить. И никто. Кроме, разумеется, обстоятельств, которые зачастую складываются не в нашу пользу. Верно?

Беглянка прошагала довольно далеко, неуклонно забираясь в центр города. За спиной девочки оставались старинные дома и лавочки, кривые улочки и огороженные заборами дворики. Над головой хищными стервятниками кружили тучи, противный липкий холод забирался под одежду, под ногами в редких выбоинах тротуара хлюпали лужи. Шелли не останавливалась. По её расчётам, до участка осталось пройти немногим менее трёх миль. Подумаешь! Холод и расстояние сущий пустяк по сравнению с тем, что выпало на долю Тони. Она будет сильной ради него. Оставалось только уболтать молодого симпатичного шерифа. Что ж, придётся пустить в ход старое как мир, проверенное испытанное верное средство. Женские чары. Супротив которых не устоит не один нормальный мужчина.

Шелли невольно улыбнулась. Она помнила, как на неё смотрел Энди. Робко, застенчиво, с затаённой надеждой и ничем не прикрытым обожанием. Неужели он таки запал на неё? Весёленькое дельце! Ещё никогда в неё не влюблялся полицейский. Мои акции растут, усмехнулась девушка. Но, может, я просто выдаю желаемое за действительное? Вдруг, это Я хочу, чтобы Энди влюбился в меня? Но зачем мне это нужно? Неужели затем, что у него очаровательная открытая улыбка и ухоженные ногти? И чистые уши? И густые русые волосы? Ой... Шелли почувствовала, что под капюшоном заливается насыщенной стыдливой краской. Неужели?..

Крепко задумавшись, девочка не заметила, как напротив неё затормозила чёрно-белая машина с мигалкой на крыше и символами полицейского департамента города Хеллвил на дверях. А когда заметила, было уже поздно. Водительская дверь распахнулась, и перед опешившей девочкой вырос сам Энди Тёрнер, не менее реальный, чем дома и деревья вокруг.

— Добрый вечер, мисс Блейз, — вежливо поздоровался шериф, приложив два пальца к полям широкополой шляпы. — Позвольте спросить, что это вы делаете на улицах Хеллвила в столь неурочный для оздоровительных прогулок час? Погода, по-моему, не очень располагает, не находите?..

У Шелли язык прилип к гортани. Едва ли не впервые в жизни она не знала, что ответить. Девочка здорово растерялась. Она справедливо полагала, что главное — это добраться до участка, а там пусть хоть в камеру сажают, хоть что, но она зубами вцепится, а не допустит своего выдворения. Здесь же, на пустынной промозглой улице ситуация складывалась не в пример иная. Шериф запросто мог захихнуть её в машину и отвезти домой, на попечение к дяде Фреду. М-да положеньице... Но, как известно, лучшая защита — это нападение.

— А что, у вас в городе уже запрещается просто выходить на улицу без какой-либо серьёзной причины? — заносчиво вздёрнула носик Шейла.

— А где Алан? — Энди в упор, не мигая, смотрел на неё. От девушки не скрылось, что Энди чем-то сильно обеспокоен. И часть его тревоги распространяется и на неё. Ого, внезапно поняла Шейла, да он же просто боится за меня! — Обычно вы не расстаётесь.

— У моего брата есть своя личная жизнь, а у меня своя. И он мне не сторож! — немногим более резко, чем собиралась, ответила Шейла, с вызовом глядя на Тёрнера. — Вы что, арестуете меня только потому, что я осмелилась выйти из дому без няньки?

Энди, смущённо покраснев, первым отвёл взгляд и извиняюще сказал:

— Прости, Шелли, я не хотел тебя оскорбить... Прости. Заработался я совсем, нервы на взводе...

— А что, неужели что-то случилось? — перебила лепетание Тёрнера Шелли, переходя в атаку.

— Да нет... Так, обычная рутина. Но и она чертовски выматывает, поверь!

— Ой, да ладно тебе, не оправдывайся! — сменила гнев на милость Шейла. — Я тоже немного вспылила. Видимо у нас обоих день не задался с самого утра. У меня вот, например, до сих пор башка побаливает...

Шериф, пристально посматривая по сторонам, поверх головы Шелли, невзначай обронил:

— Тогда что заставило тебя встать с постели и отправиться в центр города?

Шейла без труда уловила, что в заданном нарочито будничным тоном простым с виду вопросе кроется глубокая подоплёка.

— У меня к вам важное и неотложное дело, шериф Тёрнер, — на одном дыхании выпалила девочка, глядя на молодого человека снизу вверх и усиленно, прямо-таки с реактивной скоростью хлопая ресничками. — Вы же не откажете в помощи продрогшей несчастной красивой девушке? А?

Энди моментально размяк как мороженое на солнце и, чувствуя себя отменным тюфяком, промямлил:

— Нет, конечно... То есть, я хотел сказать — да! Ну, в смысле, не откажу. Э-э-э... Короче, ныряй в машину, там и поговорим. Тебя, может, подвезти?

Шелли посмотрела на него, как на умственно отсталого, и Энди мысленно дал себе по лбу.

— Ну да! Я же шла к вам в участок, если вы ещё не поняли, уважаемый шериф Тёрнер. С вами всё в порядке?

— Угу.

Энди, чертыхаясь, открыл дверь и Шелли, благодарно кивнув, проворно юркнула в тёплый, пахнущей кожей и мужским одеколоном салон автомобиля. Энди обошёл машину с другой стороны и сел рядом с неожиданной попутчицей за руль. Девочка полной грудью втянула витающий в салоне аромат и довольно заулыбалась.

Тронув машину с места, Тёрнер, следя за бросившейся под колёса дорогой, спросил:

— Чему ты радуешься?

— Мне нравится запах мужского пота, — доверительно сообщила Шейла. — А можно, я не буду пристёгиваться? Как-никак мы находимся в полицейской машине, и я не думаю, что нас кто-нибудь остановит, чтобы оштрафовать!

— Можно, — Энди закашлялся, невольно шевеля ноздрями. От него несёт потом? Господи помилуй, и зачем он только поехал по этой улице?

— Признаюсь, тебе удалось меня напугать, — Шелли откинула капюшон, стянула перчатки и придирчиво изучала наманекюренные ноготки. — Когда ты заступил мне дорогу, я в первый момент порядком струхнула!

— Меня было трудно не заметить, — сказал Энди, покосившись на собеседницу голубым глазом.

— А я замечталась.

— О чём?

— О высоком, о девичьем. Удивлён?

— Да нет, — хмыкнул Тёрнер. — Женщины постоянно витают в облаках, мечтая о принцах на белых конях. Осторожней надо быть.

— С принцами?

— С дорожным движением.

Шелли поёрзала на кресле. Что-то ей мешало. Неужели она на что-то уселась? А догадалась она, телефон. Чуть приподнявшись, Шейла с трудом вытащила мобильник из заднего кармана и, включив, опустила в кармашек куртки.

— Чуть не раздавила! — светясь в довольной улыбке, пояснила она Тёрнеру. — У меня такая большая попа, что мне лучше на хрупкие вещи не садиться!

Энди машинально посмотрел на широкие бёдра девушки, и густо покраснев, чересчур быстро, на взгляд Шейлы отвернулся. Он так часто краснеет, подумала она. И это у него очень мило получается.

— Что с тобой? У тебя такой вид, какой был у меня, когда мама застучала меня разглядывающей под одеялом порножурнал. Стыдно было, не передать!

— Э-э-э... Бывает, — прохрипел Энди, изо всех сил сжимая пальцами баранку.

— Кстати, а вы уже знаете, кто похитил Тони Хилла?

Шериф чуть не подпрыгнул на месте и с трудом удержал управление вильнувшего по асфальту служебного автомобиля. Стоп! А ей откуда всё известно?!

Алан с мягкой грустью смотрел на умиротворённо сопящую на диване девушку. Уставшая, измученная нервотрёпкой и переживаниями, отдавшая последние силы в жаркой любовной агонии, Дейзи Хилл заснула у Алана на руках. Юноша ласково гладил её непослушные волосы, убаюкивая шепча какие-то ничего не значащие слова. Убедившись, что Дейзи крепко заснула, Алан осторожно уложил её на бочок, подсунул под голову подушку и накрыл толстым шерстяным пледом. Она была полностью обнажена и мелкие бисеринки пота покрывали её распалённое изумительное тело. Плед скрыл всю красоту женского очарования от посторонних глаз.

Алан перебрался в кресло и, подперев сжатым кулаком подбородок, некоторое время сидел застывшим изваянием, прислушиваясь к тишине и размеренному дыханию спящей Дейзи. Алан убрал с лица слипшиеся от пота волосы, чтобы лучше видеть её. Они так и не включили в гостиной свет, и комната погрузилась в темноту, сотканную из вечерних теней. Дейзи спала, не вздрагивая и не просыпаясь, а он охранял её сон, одним своим присутствием отгоняя кружащие над несчастной девушкой кошмары.

Алан, пользуясь выпавшим моментом, размышлял о превратностях судьбы и о жизни. А если начистоту, о чём мы обычно думаем? Что тревожит нас, что занимает наши мысли? О чём мечтает человек, засыпая каждую ночь в своей кровати? Алан не мог дать однозначного ответа. Он не мог читать мысли остальных людей. А сам он настолько отличался от них, что и мысли его носили совершенно иной характер. Мечты и чаяния юного Блейза большинству обывателей могли показаться дикими, странными и безумными. Это если не копнуть поглубже, в самую суть его затравленной, отгородившейся от постороннего вмешательства острыми шипами души. Но Алан никому не позволял туда заглядывать.

Впору заплакать от бессилия и отчаяния, печально улыбнулся Алан. Вот, буквально на расстоянии вытянутой руки от него находится замечательная девушка, так похожая во сне на неопрятную, помятую, но спящую КРАСАВИЦУ. И она, эта чудесная девушка, любит его.

Действительно любит. Он это точно знал. Её любовь в бесчисленных настойчивых попытках пыталась проникнуть в недра его души, просочиться вглубь, но постоянно натывкалась на острые колющие шипы. Дейзи обладает огромным количеством положительных качеств и помимо выдающихся внешних данных. Любой нормальный мужчина был бы счастлив обладать такой женщиной: страстной любовницей, заботливой матерью, надёжным другом, хорошей хозяйкой, любящей женой. Но, увы! Алан видел в этом ехидную насмешку Фортуны. Он не любил её. Не любил ту, которая единственная из всех полюбила его, как мужчину.

Видит Бог, Алану очень хотелось, чтобы всё сложилось иначе. Он бы, не колеблясь, отдал правую руку за Дейзи. Она нравилась ему, он уважал её как личность и человека. Он готов спуститься в ад за её сыном. Но он не готов принять её любовь! Было одно обстоятельство, мешающее ему ответить Дейзи взаимностью. Ах, если бы не оно... Алан подозревал, что живи они с Дейзи одной семьёй и любви зеленоглазой девушки с порядочным запасом хватило бы на них обоих. А там, глядишь, и он бы вырастил в своём сердце нечто подобное этому всепоглощающему светлому чувству по отношению к ней. Ведь он умел любить! Он любил. Но не Дейзи.

— Прости меня, милая, — смежив веки, прошептал Алан. — Прости. Я совсем запутался... Я не знаю, что мне делать и как жить дальше. Я заблудился, понимаешь? Где-то я свернул не туда, куда следовало. И с тех пор иду по кривой нетореной дорожке, ведущей в никуда, в тупик. И я не вижу конца своего пути. Но я чувствую, что конец близок... Вот только я не пойму, что это — финал моего блуждания во тьме или конец моей жизни? Признаюсь, иногда мне хочется умереть, и порою я жалею, что вообще родился... Но если я сдамся, я проиграю. Проиграю жизни, не смерти. А это очень обидно. Я не проигрывал никому. Кроме самого себя. И это было лишь единожды. А победить себя — труднее всего на свете. Но я до сих пор помню тот проигрыш. Он лёг крестом на моё дальнейшее существование. С него-то всё и началось. С него, с моей клятвы, с моей безнадёжной любви...

Открыв глаза, юноша потёр пальцами заломившие виски и бесшумно поднялся с кресла. Пора, сказал он сам себе, нашаривая впопыхах сброшенную на пол одежду. Ему надо идти. Он обещал Дейзи вернуть сына. Кто знает, может, когда она проснётся, то уже всё плохое будет позади, и она опять улыбнётся?

Когда Блейз, одевшись и поцеловав на прощание спящую девушку в щёку, вышел на улицу, запиликал сотовый телефон. Алан поспешно прикрыл за собой дверь, убедившись, что замок защёлкнулся и вытащил из внутреннего кармана куртки неумолкающий мобильник. Это была Шелли. Наверняка переживает и хочет узнать, как у него дела, улыбнулся Алан. Он поднёс трубку к уху.

— Да, Шелли.

— Привет, братик! Судя по твоему спокойному голосу, ты ещё не вернулся домой и не обнаружил моего отсутствия?

— Не понял, — Алан нахмурился. — Ты что, куда-то сбежала?

— Не куда-то, а по важным и неотложным делам, — сердито отозвался в трубке голосок Шейлы. — Успокойся, со мной всё в полном порядке. Я под надёжным присмотром в полицейском участке.

— Где?! — Блейз обессилено опустил на деревянные ступеньки крыльца.

— В местном департаменте полиции. Ты что, оглох?

— Что ты, мать тво... хм... там делаешь? — вспыхнул Алан. Его лицо сделалось мрачнее зависших над городом туч и темнее подступающих сумерек.

— Помогаю в расследовании. И не смей разговаривать со мной в подобном ключе, а то я обижусь!

— Мы с тобой ПОТОМ поговорим, — не предвещающим ничего хорошего тоном пообещал юноша. — Дядя хоть знает, где ты? Или ты слиняла из дому, ничего ему не сказав?

— Ну-у-у... Я оставила дяде Фреду записку. Думаю, что он её уже нашёл. Слушай, а чего ты психуешь? Мне, между прочим, тоже не безразлично, что будет с Тони... Он мой друг! Я рассчитывала, что ты поймёшь меня, а ты, а ты...

— Ладно, — страдальчески поморщился Алан. — У нас ещё будет время обсудить твоё поведение. Будь осторожна, Шелли. До встречи. Я люблю тебя.

— Пока... — растерянно сказала девочка. — Алан, с тобой всё в порядке? Алан, что ты задумал? Мне не нравится твой голос, слышишь меня, Алан?.. Алан?

Блейз отнял от уха зашипевший статическими помехами телефон и удивлённо посмотрел на маленький, светящийся в вечерних сумерках экранчик. Связь безо всяких видимых причин оборвалась. Алан потёр подбородок и убрал телефон.

— Значит, судьба, — не к кому конкретно не обращаясь, сказал он.

Молодой человек ошибся. Судьба здесь была абсолютно не причём.

Глава 14

Стивену Диксону было не по себе. Что-то, возможно, дремавшее доселе некое шестое чувство подсказывало ему, что дело пахнет керосином. И чем больше он прислушивался к своим внутренним ощущениям, тем больше убеждался в их правоте. Вместе с ночью на Хеллвил опускалось что-то ещё. Что-то неестественное, гнетущее, опасное и злое... Это чуяли собаки, забившиеся со страху по конурам и заунывно воющие на одной протяжной, повергающей в дрожь ноте. Приближение этого почувствовали и кошки, дико и пронзительно мяукающие в подворотнях, присоединяя свои истошные вопли к многоголосому собачьему хору. Наконец, ЭТО чуяли крысы. Серые хвостатые твари с нервно подрагивающими носам, лихорадочно блестящими бусинками тёмных глаз, и настороженно приподнятыми закруглёнными ушами, не таясь, нахально шныряли по улицам, перебегая дороги и спеша затаиться в какой-нибудь более надёжной норе. Они искали себе укрытие, щель, убежище, где можно в относительной безопасности переждать наступление этого...

В окнах домов загорались огни, люди запирали двери на все засовы, не в силах объяснить охватившее их беспокойство. Улицы опустели. Тьма и ночной холод ворвались в город, заполняя собой каждый квадратный дюйм свободного пространства. Теряющееся в высоте небо практически отражало опрокинутую под ним землю. Здесь, в грозных облаках, закрывающих мерцание далёких звёзд, было так же темно и сумрачно. Редкие молнии периодически прошивали бурлящее море бестолково толпящихся туч.

Стивен подошёл к утопающему в сумерках большому двухэтажному дому мэра Гриффитта, расположенному в центре города, на пересечении главных улиц. К деревянным двустворчатым дверям вели широкие каменные ступеньки. Их было ровно пять. Старинный камень местами искрошился и стыдливо зевал многочисленными сколами. Это ж сколько людей за всё время ходило туда-сюда, сколько ног оставили на этих плитах свои отпечатки, подумал Стивен, подымаясь вверх по ступенькам. Замерев перед дверями, Стивен перевёл дыхание и, набравшись смелости, нажал на кнопку утопленного в стене звонка.

Он заметно нервничал. Шутка ли, утром позвонила Мишель и кислым голосом

сообщила, что её дорогой папочка приглашает Стивена на вечернюю трапезу, отужинать, так сказать, в тесном семейном кругу. Диксон, не обратив внимания на явное недовольство в голосе подруги, ошарашено обомлел. Ну и дела! Похоже, что старина Сэм имеет на его счёт серьёзные виды. Или же решил вплотную заняться воспитанием нерадивой, ведущей фривольный образ жизни дочери? Да какая разница, в конце то концов! Главное, что ему, простому парню Стивену Диксону уделяется во всём этом спектакле немаленькая роль. И будь он проклят, если ещё раз упустит свой шанс.

Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, Стив, во всём лучшем, что сумел отыскать в своём нищенском гардеробе, нажал на кнопку ещё раз. Что они там, позасыпали все? Юноша сунул мерзнущие в стылom воздухе руки подмышки и сплюнул. Курить хотелось до одури, но он держался до последнего. Боялся, что мэр сочтёт дымящуюся сигарету верхом неприличия и неуважения к хозяевам дома. Что ж, и он был бы прав, уныло подумал Стив. Потерплю.

Да где они есть? Почему никто не торопится открыть дорогому гостю двери и проводить его за праздничный стол? Диксон раздражённо поджал губы. Вот будет прикол, если эта дура тупоголовая просто решила приколоться над ним. Пошутила. Сейчас вот нарисуеться на пороге дядя Сэм в домашнем халате и сдвинутыми на лоб наглазниками, и злющим от того, что его разбудили, голосом поинтересуется, какого рожна ему надо? И что он тут делает, на ночь глядя?..

Стивен недобро усмехнулся. Лучше ей так не шутить. Но... Подождите, какое, на фиг, на ночь глядя?! Диксон посмотрел на наручные часы. Электронный циферблат показывал семь ноль-ноль. Юноша задрал голову. Плотный саванн туч кое-где разошёлся крупными прорехами, пропуская мертвенно бледный свет луны, заливающий призрачно-серыми лучами улицы города. Времени то всего ничего! Да, стемнело совсем незаметно, ну так вроде как осень на дворе, да и погода совсем не улыбается, но при любом раскладе прыгать в разложенные постели было рановато... Что же заставило юношу подумать, будто обитающие в доме мэра люди давно спят?

В окнах погружённого в тишину и темноту двухэтажного особняка не горел свет. Точно. Сколько Диксон не присматривался, он не увидел ни одной самой захудалой лампочки. Внутри было темно как в склепе. Молодому человеку сделалось не по себе. Он беспомощно оглянулся по сторонам. Что за дьявольщина? В остальных, расположенных по соседству домах, в окнах, рассеивая сгущающуюся мглу, горели огоньки. А в доме Мишель поселилась первозданная тьма. Может, там вообще нет никого, предположил Стивен? Но куда бы они все исчезли? Нет, заключил Диксон, чувствуя, как учащённо заколотилось сердце, что-то здесь не чисто...

Он позвонил в третий раз. И стал ждать, судорожно раздумывая, как поступит, если и на этот раз не добьётся никаких результатов. Полная, румяная луна, на краткий миг выглянув из-за туч, казалось, насмехается над незадачливым юношей. Стивен с трудом удержался от того, чтобы не погрозить небу кулаком. И тут до него дошло... У Диксона разом перехватило дыхание и подкосило ноги. Эгей, ребятки, а что делает на небе ПОЛНАЯ луна, когда, ещё не далее, как вчера она неуклонно шла на убыль, и от неё остался лишь жалкий тоненький серпик?! Что это за хрень?!

Стивен с округлившимися от ужаса глазами понял ещё одну вещь. Не менее шокирующую и неприятную. Это было заметно лишь в ту минуту, когда располневшая, игнорирующая все законы природы луна выглядывала в прорехах туч. Это касалось самих туч. Они не плыли в одну сторону, подчиняясь дуновению властвующего в верхних слоях

атмосферы ветра, а хаотично колебались на одном месте, то закрывая внезапно вынырнувшую из иных планов бытия луну, то вновь давая ей простор и относительную свободу. Юноша с трудом сглотнул образовавшийся в горле горький неприятный комок. Ему показалось, что он находится на другой планете. Или, и это будет правильной, в ином мире, в другом измерении.

— Вот дерьмо... — одеревеневшими губами прошептал юноша. — Неужели кроме меня никто ЭТОГО не видит?

Стивен Диксон угадал. Он был первым из жителей Хеллвила, кто заметил, что ВСЁ изменилось. По коже Диксона побежали мурашки, на коротко стриженном затылке волосы встали дыбом. Он повторно сглотнул и гневно обрушился на дверь, барабаня сжатым кулаком по дереву. К его огромному изумлению, дверь, даже не скрипнув на смазанных петлях, бесшумно отворилась вовнутрь... Она была незаперта. В голове у юноши застучала кровь.

— Вот дерьмо то, а? — тоскливо протянул он и, собравшись силами, решительно распахнул дверь и шагнул внутрь вобравшего в себя темноту дома.

Кейт Симмонс покинула стены полицейского участка с боем, упрёками и кровными обидами. Как она не старалась, но уговорить молодого шерифа отправиться домой передохнуть не получилось. Энди объявил чрезвычайное положение и на ночь разогнал всех по домам. Я сам, сказал он, буду дежурить в участке каждую ночь, пока мы не найдём исчезнувших мальчиков. Кларку и Кейт было предписано хорошенько выспаться и набраться сил. Дуглас поломался для виду, но быстро дал себя уговорить. Младший помощник в последнее время, на взгляд Кейт, витает где-то в облаках. И если раньше весь разговор у него крутился вокруг компьютерных игр, то теперь здоровяк всё больше с затаённым придыханием рассказывал о своей семье.

Итак, Дуглас спасовал, но молоденькая стенографистка устроила настоящее сражение, граничащее с истерикой. Однако Энди был неприступен. И примерно в половине седьмого Кейт была вынуждена капитулировать. Сердито вздёрнув носик, девушка наскоро собралась и, перекинув через плечо сумочку, пожелала шерифу Тёрнеру и мисс Блейз приятных сновидений. Да-да, у неё возникло сильнейшее подозрение, что заезжая красотка так же будет ночевать в участке, скрашивая Энди утомительное ночное дежурство. Тёрнер выглядел слегка пристыженным и избегал смотреть Кейт в глаза. Громко фыркнув и гордо отвергнув предложение подвезти её до дома, мисс Симмонс, яростно цокая каблучками, выскочила за дверь на улицу.

Пройдя несколько метров, Кейт вспомнила, что забыла в участке зонтик, но, громко хмыкнув, лишь ускорила шаг. Возвращаться — плохая примета. И помимо того она может помешать этим голубкам разрабатывать какой-нибудь важный стратегический план! Нет, Кейт ничего не имела против того, что Энди хочет устроить свою личную жизнь и найти недостающую половинку, но не при нынешних же обстоятельствах! Он от усталости скоро упадёт замертво. Ему нужно самому хорошенько выспаться и отдохнуть. А эта девчонка? Ух, так и зыркает на их шерифа своими огромными глазами... Справедливости ради стоит сказать, что и шериф даёт повод так на себя смотреть. У Тёрнера крайне глупый и пришибленный вид, когда он встречается с этой вертихвосткой взглядом. Разве что слюни не текут. Бр-р-р... Влюбился, дурак, как юный мальчишка!

Кейт жила в получасе ходьбы от полицейского управления. Обычно её кто-нибудь

подвозил, но сегодня она была на редкость принципиальной и несговорчивой. Да и полезно иногда устраивать себе затяжные пешие прогулки на свежем воздухе. Особенно с её-то сидячей работой! Девушка шла быстрым шагом, про себя удивляясь чудной погоде и жалобным заунывным завываниям собак. Небо по-прежнему бугрилось свинцовыми, грязно серыми тучами, подкрашенными в чёрный цвет наступающих сумерек. Но Кейт была готова дать голову на отсечение, что дождём и не пахло. В разлитом вокруг прохладном воздухе не ощущалось ни малейшего привкуса озона и приближающейся грозы. А ведь в зависших над городом тучах всё чаще вспыхивали ветвистые молнии. И, что странно, грома тоже не было. Ни одного раската. Ни одного далёкого отголоска.

На улицах было не так уж и темно. На опорах линий электропередач зажигались фонари, ярко светились не задёрнутые шторами окна в домах, горели лампочки над входными дверями. На землю, дождавшись своего законного часа, легло множество насыщенных тьмою теней. Сумерки, заговорщицки перешёптываясь, скрадывали очертания деревьев, аккуратно подстриженных кустарников, заборов, тянувшихся вдоль улиц домов, крыш, курящихся печных и каминных труб. Эхо стучащих по мощённому бульжниками тротуару каблучков звонко испарывало обволакивающую окрестности тишину. Тоскливый собачий вой, перемеживаемый тошнотворным мяуканьем кошек, куда-то исчез, словно животные, сделав всё, что было в их силах, оставили людей самих разбираться в грядущей беде. Мол, мы же предупреждали, что вы ещё от нас хотите?

Неужели нас накроет ураган или землетрясение тряхнёт, усмехнулась Кейт, зябко поведя плечиками? Да ну, глупости. Самая большая беда, которая приключилось с Хеллвиллом за всю его историю — это лютая зима шестьдесят восьмого года. Поскольку Кейт тогда ещё и в проекте не было, о той напасти она знала лишь со слов старожилов. Поговаривали, будто тогда птицы на лету замерзали, а в домах от мороза лопались оконные стёкла. Врут, конечно. Старикам свойственно преувеличивать.

Кейт перебежала через дорогу, дивясь про себя полному отсутствию на улицах машин и прохожих. Понятное дело, Хеллвилл городишко насквозь провинциальный и тихий, но не настолько же! Девушке не пришло на ум, что засасывающая город атмосфера давящего необъяснимого ужаса от собак и кошек передалась и людям. Остановившись, Кейт перевела дыхание. Чёрная лента асфальта, теряющаяся в подступающем со всех сторон сумраке, казалась живой. Будто это и не дорога вовсе, а река мёртвых Стикс, готовая вспениться чёрными смоляными волнами и унести тебя в подземное царство грозного Аида.

Всё-таки жаль, что у нас не отлажено хоть какое-нибудь маршрутное сообщение, подумала Кейт, ускоряя шаг. Парочка ежедневно курсирующих по городу автобусов явно не помешала бы. Но мэр постоянно жалуется на недостаток финансирования и призывает запастись терпением. Вот в следующем году МЫ обязательно будем жить лучше, уважаемые избиратели...

Может, попытаться вызвать такси? Кейт выудила из сумочки трубку сотового телефона и, потыкав в кнопки, с огорчением положила её обратно. Связи не было. Странно. Неужели где-то действительно разбушевалась гроза? Жаль... Вообще-то Кейт не принадлежала к породе вечно обиженных на жизнь индивидуумов, и роптать на судьбу было несвойственно миниатюрной, светловолосой девушке. Она впервые мысленно посетовала на встречающие её в штыки обстоятельства. Просто Кейт сделалось страшно.

Она сама не знала, почему, но испуг накатывал на неё тем больше, чем дальше она находилась на прохладных вечерних словно вымерших улицах. Испуг захлёстывал девушку

волна за волной, и она не знала, куда от него спрятаться. Как никогда в жизни она захотела, как можно быстрее добраться до дома и, надёжно заперев дверь, нырнуть под одеяло в тёплую постель. Взять на руки Гарфилда (толстого добродушного кота, так похожего на мультяшного тёзку) и, выбросив из головы все пустопорожние страхи, забыться в сладком приятном сне...

Идти оставалось всего минут десять, не больше, и Кейт позволила себе робкую улыбку, с нескрываемым торжеством оглядываясь за спину. Ха-ха, вот вам, посмевшие напасть на меня страхи! Не ожидали, что я окажусь намного смелее, чем вы могли себе представить? А теперь кусайте локти, мистер Ужас и мастер Отчаяние, я почти победила!.. Я... Кейт споткнулась буквально на ровном месте и застыла. Её сердечко испуганно затрепыхавшимся воробышком взлетело чуть ли не под самое горло. В низу живота разлилась неприятная, леденящая и выдавливающая из внутренностей последние остатки тепла пустота...

На другом конце улицы кто-то стоял. Не шевелясь и не двигаясь. Тёмная одинокая фигура, едва различимая на фоне сгущающихся теней. И Кейт почему-то сразу поняла, что этот незнакомец поджидает её. Обтянутые тонким нейлоном ноги девушки от с ликующим рёвом вернувшегося мистера Ужаса приросли к тротуарной плитке. Коленки задрожали, едва не касаясь друг дружки. Мамочка, побелевшими губами прошептала Кейт, мне страшно. Мне ОЧЕНЬ страшно...

Фигура пришла в движение и странным скользящим шагом направилась в её сторону, неотвратно сокращая разделяющее их расстояние.

Трясущейся от страха девушке эта зловещая фигура показалась знакомой. Она напрягла заслезившиеся от переживаний и напряжения глаза. Пойдите, но ведь это же...

— Эй, а я тебя знаю! — Кейт подумала, что она сказала это громко, внятно и твёрдо. По крайней мере, хотела, чтобы так оно и было. На деле же её слова напоминали писк маленького, насмерть перепуганного зверька.

Незнакомец приблизился к ней и бездушно улыбнулся, нависая над съежившейся Кейт, как бы вырастая в размерах.

— Привет, — поздоровался Каучуковый Джек.

— У вас вкусный кофе, — похвалила Шелли, маленькими глотками прихлёбывая из кружки обжигающий ароматный напиток.

— О, Кейт у нас по этой части знатная мастерица, — Энди натянуто улыбнулся. — Она как никто другой знает, какие сорта кофе следует выбирать. И варить умеет.

— А ещё стряпать, стирать носки и вышивать крестиком!

— Абы кого в штате не держим, — шериф выпятил подбородок. — Кейт очень хороший и бесценный работник, мы без неё как без рук. И человек она неплохой.

Шелли приторно улыбнулась. Похоже, что её присутствие в участке здорово напрягало и нервировало Тёрнера. Он не знал, чем себя занять и к чему руки приложить, избегая надолго встречаться с ней взглядом и поминутно краснея, как девица не выданье. Как же ему хочется вытурить меня отсюда, подумала Шейла. Ну ничего, мистер шериф, придётся потерпеть. Так просто вам от меня не избавится.

— Ваша разлюбезная мисс Кейт уж больно подозрительно на меня смотрела. А это не очень вежливо, ты не находишь?

— Слушай, а тебе не кажется, что Фредерик будет волноваться за тебя? Пожалела бы старика то...

— Я оставила ему записку. Энди, мы уже обсудили эту тему. И я не хочу к ней возвращаться, — терпеливо, словно разговаривая с маленьким ребёнком, сказала девушка. — Дядя Фред нормальный и понимающий человек. Он доверяет мне, зная, что у меня есть голова на плечах, и я не вляпаюсь в какие-нибудь неприятности. В противном случае он бы уже обрывал все телефонные линии, требуя, чтобы я вернулась домой!

Тёрнер, признавая поражение, мрачно кивнул и откинулся на спинку кресла. Ох, и упрямая она девчонка! Они расположились в его кабинете за рабочим столом, попивая при свете настольной лампы вкусный кофе, и битый час пикетируя в обоюдоострых перепалках. Шелли сидела напротив Энди, строя ему глазки и откровенно действуя на нервы. Она сняла куртку, развязала шарф и рассыпала по плечам густые пряди чёрных волос. Энди украдкой, когда она смотрела в сторону, любовался ею.

— Алана на тебя нет.

— Ой, не напоминай, пожалуйста, — взмолилась девочка. — Я и представить боюсь, какой нагоняй он мне устроит, когда мы встретимся!

— Тебя, наверно, мало пороли ремнём в детстве, — предположил Тёрнер, подливая себе кофе. — Трудно представить себе более своенравную, непоседливую и... и упрямую девчонку!

Шелли провела кончиком языка по губам, внимательно наблюдая за реакцией шерифа. Она не прогадала — рука Энди, держащая чайник, отчётливо дрогнула.

— Это были неумелые, но идущие от самого сердца комплименты?

— Это была констатация видимых невооружённым взглядом фактов, — с достоинством отвечал Тёрнер, отважно совладав с трясущимися руками.

— А я уж было подумала, что ты размечтался отходить меня ремнём по попе, — Шелли невозмутимо отпила из чашки, с трудом сдерживая рвущийся наружу смех. Физиономию Энди надо было видеть!

Тёрнер поперхнулся и, едва не расплескав кофе, минуты три кашлял и отплёвывался, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Покраснел он как переваренная свекла. А от ушей можно было спокойно прикуривать. Невероятно милое и симпатичное зрелище, решила Шейла, наслаждаясь видом сконфуженного молодого человека.

— Я не знаю, что сделает с тобой Алан, — с трудом выдавил пришедший в себя Энди, — но я знаю, что сделаю с Дейзи. Я же её предупреждал! Строго-настрога запретил рассказывать об этом кому бы то ни было...

— А мы не «кто бы там ни было»! — горячо возразила Шелли, перебивая Тёрнера. — Нам с Аланом далеко не безразлична судьба Дейзи и Тони, и мы готовы на всё лишь бы только помочь им! Они нам совсем не чужие. Понимаешь?

— Да я-то понимаю, — сокрушённо вздохнул шериф. — Но пойми и ты меня, Шелли. ТАК дела не ведутся. И привлечение к расследованию морально заинтересованных лиц строго возбраняется...

Шелли с отвращением посмотрела на него.

— Не цитируй мне отрывки из ваших полицейских учебников! И не разговаривай со мной в таком тоне, я тебе не маленькая идиотка. Я же искренне предлагаю вам помощь.

— Ты бы неплохо помогла, если бы не вмешивалась, — пряча глаза, пробормотал Энди.

С грохотом опустив пустую чашку на стол, Шейла обиженно закусил губу и опалила Тёрнера взглядом разгневанной валькирии.

— Ты напрашиваешься на грубость.

— А ты на одиночную камеру, — бедный Энди совсем сник, мечтая провалиться сквозь землю. А с другой стороны, почему он тут с ней нянчится? Кого угодно другого он бы уже без лишних церемоний спровадил куда подальше, да ещё наградил бы напоследок парочкой ласковых! А этой наглой засранке и слова поперёк сказать не может! Что это с ним происходит? Почему в присутствии Шелли он начнет вести себя, как размазня, как самая последняя рохля? Почему вместо того, чтобы властно и твёрдо указать ей её место, он мямлит и запинается?

— Ах так! — Шейла приняла вид жены сосланного в Сибирь декабриста. — Знаете что шериф Тёрнер, я, пожалуй, в вас ошибалась. Я думала, что вы честный, порядочный, добрый, сострадательный. Я надеялась, что вы поймёте меня. И уж никак не ожидала, что вы окажитесь такой... ЖОПОЙ!

То, что сделал Энди, девочка ну уж никак не ожидала. Она была готова предположить всё, что угодно, но только не это. Шериф громко и жизнерадостно захохотал, весело сверкая голубыми глазами.

— Ах вот ты как! — чуть не задохнулась от обиды и возмущения Шейла. И... спустя несколько секунд хохотала на пару с Тёрнером.

Стив, едва дыша, на негнущихся ногах прошёл в холл особняка Гриффитов. Мокрая от пота рубашка прилипла к спине, на затылке, никак не желая успокаиваться, продолжали шевелиться волосы. Едва ли стоит повторять, что Диксон был безбашенным и смелым парнем, мало чего и кого боящимся в этой жизни... Но сейчас его сердце совершало более сотни ударов в минуту, грозя в бешеном темпе расколоть судорожно вздымающуюся грудную клетку. Сейчас Стивен боялся. Боялся до горловых спазмов и помутнения в глазах. В доме Мишель пахло страхом. Нет, угрожающе **ВОНЯЛО**, накатывая рвотными миазмами отовсюду. Из каждого захваченного тьмой угла. Страх был практически осязаем. Казалось, вытяни руку, и ты сможешь пожать его склизкое, противное вонючее щупальце.

Если бы Стив лучше разбирался в запахах и обладал более острым обонянием, он бы учуял в погружённом в ночную тишину доме ещё один запах — запах смерти.

Юноша нашарил на стене выключатель и клацнул тумблером. По идее, угадывающаяся в полумраке внушительных размеров свисающая с потолка круглая люстра должна была зажечься, но... Этого не произошло. Стивен оставил в покое выключатель, нехотая подумав, что ситуация, в которой он оказался, сильно напоминает один из заурядных фильмов ужасов. Ночь, странная жуткая луна на небе, огромный дом, набитый до отказа витающим в воздухе ужасом и множеством безлюдных тёмных комнат, главный герой, непонятно какого хрена попёршийся в это осиное гнездо, хотя все до последнего чувства его во весь голос кричат одно слово — **БЕГИ!**..

Стивен вздрогнул. Он бы с превеликим удовольствием послушался внутреннего голоса, но что-то его останавливало. Возможно, любопытство, а, может, и какое иное, более сильное чувство, название которого он не решался произнести вслух. Да ладно, подумал юноша, в конце концов, Мишель мне далеко не так безразлична, как я иногда хочу показать.

Стив, боясь лишней раз пошевелиться и выдать своё появление в доме, простоял несколько минут на одном месте, беззвучно шевеля губами, пока его глаза не адаптировались к царящему вокруг сумраку. Он стал довольно сносно различать детали обстановки: мебель, люстру, несколько расставленных по всему холлу торшеров, солидный кирпичный камин, небольшую галерею, выходящую со второго этажа на первый и

протянувшуюся напротив входной двери, нависая над холлом, ведущую вниз лестницу, задёрнутые дорогими шторами очертания окон... Какой-то валяющийся возле оббитого кожей дивана мешок...

В голову Диксона впилась одна из воистину немногих стоящих мыслей, что посетили его за последний час: а каким образом в интерьер со вкусом обставленного холла вписывается этот непонятный скомканный мешок? Юноша осторожно прошёл вглубь огромной комнаты, неслышно ступая ботинками по мягкому ворсу толстого ковра.

Замерев у «мешка», Стив опустился на корточки и... С выпученными от ужаса глазами едва не упал на спину, дёрнувшись как ошпаренный! Это... Это... Это был НЕ мешок Стивену сделалось плохо. Горькая едкая желчь подкатила под горло, желудок протестующе взбунтовался, и юношу вырвало прямо на дорогой восточный ковёр. Стивен закашлялся и сплюнул противный сгусток прямо в лужицу отдающей кислотой рвоты. Уперевшись пальцами в пол, Диксон с трудом поднялся на ноги и попятился назад, натыкаясь на кресло, журнальный столик, едва не перевернув торшер. Из уголка его рта стекала длинная вязкая струйка слюны.

Это был не мешок. Подле дивана изломанным манекеном лежала миссис Гриффит, в домашнем платье и неестественно свёрнутой набок шеей. Врядли нужно пояснять, что женщина была мертвее некуда.

— М-миш-шель, — сипло прокаркал обомлевший от панического страха юноша. Он откашлялся и повторил уже погромче, мало что соображая и не заботясь о том, что помимо девушки его может слышать ещё кто-то. Например, тот, кто провернул жене мэра голову на сто восемьдесят градусов, словно цыплёнку какому. Вероятность того, что покойная сама свалилась с лестницы и сломала шею, Стивен почему-то даже не рассматривал. — Мишель!

Постепенно к ногам Стивена вернулась былая подвижность. Он бестолково заметался по холлу, заглядывая в каждый закуток и раздвигая на окнах шторы. Уличный серый свет проник в холл, разбавляя убийственную темноту призрачно блеклыми тенями. Набрав в лёгкие побольше воздуха, Стивен громко заорал, срывая связи:

— Мишель!!!

Дом отозвался презрительным высокомерным молчанием. Но вверху, на галерее, Стивен заметил какое-то движение. Он обрадовано дёрнулся к лестнице, но, опомнившись, усилием воли остановил себя. А с чего он взял, что это Мишель? И не пора ли делать отсюда ноги и со всей прыти мчаться в полицейский участок? Любой здравомыслящий человек на его месте поступил бы так. Но, увы, Стивена в данной ситуации трудно было назвать здравомыслящим. Он соображал на редкость туго, не отдавая себе отчёта в том, что он делает.

Наверху, возникая из темноты, будто корабль, выплывающий из плотного тумана, материализовалась чья-то затушёванная мраком фигура. Некто прошёл на галерею и, ухватившись за перила, посмотрел вниз, на перепуганного Стивена. Этим неким оказалась Мишель.

— Мишель? — неуверенно спросил юноша, во все глаза рассматривая нависающую над ним девушку. — Мишель, что здесь произошло? Что случилось? И... Что с тобой?

Голос Стивена окончательно сошёл на нет, словно воздух, выпущенный из проколотой шины. Не спуская с Мишель (а Мишель ли это?) настороженных, с расширившимися от ужаса зрачками, глаз, Диксон неуверенно отступал от лестницы.

Неверного света и обострившегося зрения хватило юноше, чтобы неплохо рассмотреть

неотрывно наблюдающую за его ракообразными движениями дочь мэра. Длинные светлые волосы девушки свисали неопрятными космами по обеим сторонам заострившегося, перепачканного чем-то тёмным лица. Глаза Мишель горели двумя возбуждёнными угольками, подпитываемые пляшущим в них нечеловеческим безумием. Рот Мишель кривился в спазматических отталкивающих движениях. На ней была надета спускающаяся немногим ниже бёдер ночная рубашка, щедро залитая опять-таки чем-то тёмным. Эта же непонятная субстанция была и на стройных обнажённых ногах девушки, и на её впившихся в резные перила руках. Она горбилась, и смотрела на него, как кошка смотрит на обречённую мышь.

— Кто это сделал Мишель? И где все остальные? — Стивен упёрся спиной в дверь и сглотнул. — С... С тобой всё в порядке? Девочка... Что это за гадость на тебе?

— Это не моё, — бездушным отстранённым голосом ответила девушка, строя Диксону отвратительные гримасы. Казалось, её губы живут своей собственной жизнью. — Я ждала тебя, милый.

Обрадованный тем, что она хотя бы заговорила с ним, Стив успокаивающе зачастил:

— Всё будет хорошо, Мишель, вот увидишь! Подожди немного, пока я приведу помощь... Потерпи, детка... Надо вызвать шерифа и доктора Харриса, понимаешь? Я быстро, ты не успеешь и глазом моргнуть! Верь мне, всё будет хорошо. Мы найдём того, кто это сделал...

Диксон самозабвенно нёс абы что, успокаивая не столько девушку, сколько себя. Но в чём она выпачкана, не давала ему покоя суматошно метущаяся в сознании мысль? Что это за хрень на её одежде и на лице? Похоже на краску. И именно эта мысль не позволяла просто повернуться к Мишель спиной и выбежать за дверь. Уж больно эта краска напоминала кровь!

— У меня всё хорошо, — Мишель ощерилась в жуткой улыбке. Впервые в её голосе промелькнули эмоции. Стивен разобрал, по крайней мере, несколько из них: торжество, самодовольство и ненависть... Жгучую ненависть к нему и ко всему живому.

И тогда он понял. И это понимание окатило его леденящим шоком.

— Это ты... Это ТЫ убила свою мать! Мишель, это ты!!!

— Да, это я убила их. Представляешь, Стиви, я убила их ВСЕХ. И знаешь, что?

— К-как всех? — у юноши подкосились ноги. Он чуть не съехал по двери на пол. С него ручьями стекал пот, зубы выбивали чечётку, голову сдавило невидимыми железными обручами. — Где мистер Гриффит, где твоя сестра? Что ты с ними сделала?!

Лицо Мишель исказила гримаса такой лютой злобы, что у Стивена потемнело в глазах. С хрустом сминая тонкими, заляпантыми кровью пальчиками дерево перил, Мишель утробно рывкнула:

— Ты не слушаешь меня, жалкий самовлюблённый кретин!!! Я сказала, что убила их всех! Слышишь меня?! И ты должен был спросить — «что?»!

От дикого рёва, рождённого в хрупком девичьем теле, задрожали стёкла. Стивен втянул голову в плечи и выдавил:

— Что?..

— Мне это понравилось, — радостно осклабилась девушка. Угольки её больных глаз разгорались всё больше, превращаясь в адские факелы. — А что касается моей ненаглядной сестрёнки, то я её всегда терпеть не могла. Мэрион, где ты, малышка? Дядя Стив хочет с тобой поговорить... А может, ты хочешь её трахнуть, а Стиви? Как трахал меня?

Диксон не смог выдать ни слова, намертво прилипнув к двери. Это была не Мишель. Это было чудовище, принявшее её облик.

— Ну, где ты там копаешься? А-а-а, вот ты где! — Мишель, отступив от перил, наклонилась и, схватив что-то невидимое Диксону, волоком протянула ЭТО на галерею. — Поздоровайся, пожалуйста, с дядей Стивом, дорогая!

«Это» более всего походило на большую куклу. Скорее всего, тряпичную, учитывая, насколько легко гнулись её подвижные суставы. Схватив куклу за ногу, Мишель без видимых усилий швырнула жуткий снаряд через весь холл. Кукла прочертила в воздухе плавную кривую и тяжело шлёпнулась под ноги Стивена. Бедного юношу непременно стошнило бы ещё раз, но желудок был пуст, и ему осталось надрывно сглатывать, корчась в рвотных спазмах...

В упавшей на пол «кукле» он опознал младшую сестру Мишель. По щекам Стива покатались слёзы. Он до крови закусил губу, чтобы позорно не разреветься. Этого просто НЕ МОГЛО быть. Это невозможно! Неужели он сошёл с ума, и весь кошмарный бред, что разворачивается у него на глазах, лишь уродливый плод его спятившего воображения?! Господи, взмолился Диксон, пусть уж лучше будет так, пусть меня до окончания жизни упекут в психушку, только бы всё это дерьмо оказалось дурным сном! Ну что тебе стоит? Но Господь в тот вечер был глух к человеческим молитвам.

Худенькое тельце мёртвой девочки прикрывали какие-то изодранные лохмотья, совсем ещё недавно бывшие приличной нарядной одеждой. Как будто её истерзала целая свора голодных собак, отстранёно подумал Стивен, пробегая остекленевшими глазами по навеки застывшей у его ног Мэрион. Девочка с головы до пят была залита всё той же тёмной, остро пахнущей жидкостью. Кровью. Она лежала на спине, раскинув безвольные руки в стороны, с подогнутыми под себя ногами. Насколько Стив понимал в анатомии, человеческие кости не способны сгибаться под такими углами. Ноги сломаны, дошло до него, и сломаны не в одном месте...

Вместо лица убитого ребёнка Стиву предстала гротескная маска — мешанина раздробленных костей и содранной кожи. Словно схватив несчастную девочку за волосы, кто-то с маниакальной садистской жестокостью долго и методично бил её лицом обо что-то твёрдое. Превращая симпатичное детское личико в кровавое месиво. Стивен знал, кто был этим «кем-то». Мишель. Он не выдержал и всё-таки заплакал, опускаясь на колени и проводя трясущейся рукой по синюшной распухшей ножке Мэрион.

— 3-зачем? — с прорезавшейся в голосе злостью спросил он. — Зачем?!

— Она была заносчивой сукой. Она пыталась сбежать от меня, и за это я для начала переломала ей ноги, — монстр, ранее бывший обыкновенной девушкой, довольно ухмыльнулся. — Ты не чувствуешь, Стиви? Мы меняемся, и всё вокруг нас меняется вместе с нами! Мы станем частью чего-то более значимого, манящего, великого... Ты разве не ощущаешь приближения этого долгожданного часа? Мы проваливаемся в ад, милый!

— Ты сбрендила, ты свихнулась на хрен! — с ненавистью выкрикнул Диксон, вставая с колен и пятясь к спасительной двери. — Ты окончательно тронулась умом, кровожадная сука!

Мишель склонила голову набок, продолжая мерзостно гримасничать. Она сгорбилась ещё больше, напоминая дряхлую столетнюю старуху. Одним рывком она вскочила на перила и застыла в полусогнутой хищной стойке, легко удерживая равновесие и шумно приплюхиваясь к чему-то известному одной ей.

— У тебя вкусная кровь, — сказала она, растягивая окровавленные губы в пустой улыбке. — Я помню. Я хочу опять попробовать. Ты позволишь, любовничек?

А вот теперь дело совсем дрянь, гениально озарило юношу. Эта тварь собирается и его превратить в отбивную. И почему-то Стивен был железно уверен, что сил у неё на это хватит с избытком.

Оттолкнувшись от перил, Мишель спрыгнула вниз. На краткий миг Стивен понадеялся, что она, упав с высоты четырёх метров, убьётся к такой-то матери, но... Мишель мягко, позвериному приземлилась на носки, прикоснувшись кончиками пальцев к полу, и выпрямилась, как разжатая пружина. Низко наклонив голову и издав вибрирующее горловое рычание, Мишель ринулась на бывшего бой-френда, выставив перед собой вытянутые руки с растопыренными пальцами.

Стивен был бы последним идиотом, если бы позволил ей приблизиться к себе вплотную. Но рассудок всё же возобладал над оупляющим страхом. Юноша быстрее ветра развернулся, рванул на себя двери и выскочил вон. Перепрыгивая через три ступеньки, он услышал, как в захлопнувшуюся дверь с грохотом осадного средневекового тарана врезалась Мишель. Не испытывая судьбу во второй раз, Диксон рванул прочь со всей скоростью, на которую только был способен, уповая на то, что Мишель не захочет состязаться с ним в беге по пресечённой местности.

Забрызганное кровью собственноручно убитых родных, чудовище даже и не помышляло о том, чтобы догонять улепётывающего парня. У Мишель было полно других, более важных дел.

Первым, в ночь, когда над городом взошла луна, по фатальному стечению обстоятельств погиб мэр Хеллвила Сэмюель Гриффит. Мишель ударом кулака пробила ему грудь и практически на гаснущих глазах не успевшего ничего понять отца, вырвала его сердце.

Покинув пределы затихшего в предвестии неминуемой беды города, Алан вышел к холмам. Внизу, в освещённой разноцветными огнями долине, расположился цирк-шапито «Невозможное возможно». Ушей Алана достигла непрекращающаяся бестолковая бравурная мелодия, поднимаясь незатейливыми смешливыми нотками над долиной. Судя по времени, представление подходило к завершающей стадии. Артисты приблизились к антракту. В конце шоу благодарных зрителей всегда баловали чем-то «вкусненьким», что заставляло потом долго восторженно охать и ахать, до утра смакуя самые запомнившиеся моменты невероятного зрелища.

Алан засунул руки в карманы куртки, окидывая пристальным взглядом временные владения заезжих циркачей. Послезавтра они снимутся с места и отправятся дальше в своём вечном непрекращающемся движении. Труппу будут ждать новые города, новая публика, новые земли. Жизнь продолжится. Шоу должно продолжаться. С самого первого дня все приезжающие в цирк люди взяли привычку бросать свои машины здесь же, на холмах. Что ж, прикинул Блейз, пересчитав автомобили, сегодня до аншлага представление никак не дотягивает.

Слабый ветерок вознёс навверх запах цирка, щекотливо трогая ноздри Алана. Юноша, не двигаясь, смотрел вниз. Ветер закружился вокруг его головы, играя длинными чёрными волосами. Алан посмотрел на небо. Клубящиеся тучи ощутимо давили на шею и плечи. Затылок Блейза ныл не переставая. Чувство, что, не выдержав тяжести облаков, небо упадёт на него, усиливалось с каждой минутой. Алану очень хотелось, чтобы разразился гром и

хлынул ливень, смывая все тревоги и причиняющее едва ли не физическую боль чувство опасности. И ему не давала покоя луна.

Что-то произошло с миром, подумал юноша. С Хеллвиллом. С нами. С нашей жизнью. Он не мог дать внятного объяснения, почему сегодня взошла полная луна, загадочно поблескивающая ярким серебряным диском, когда плотная завеса чёрных туч трещала по швам и расползлась в разные стороны, давая возможность увидеть это зримое попрание всех известных законов физики. Он не знал, как это произошло, и что это значит. Он не знал, кто взмахнул волшебной палочкой и заставил измениться основу и суть мироздания. Кто остановил недоумённо застывшие на небе тучи, кто заставил сойти с ума потерявший всяческую ориентацию ветер... Алан не мог ответить, что случилось с природой и временем.

Сначала оборвалась сотовая связь, потом остановились тучи, ветер забыл, в какую сторону следует дуть, взошла луна, и, наконец, семь минут назад умерло время. Стрелки на наручных часах Алана замерли на отметке семь часов девятнадцать минут. Он не питал ни малейших иллюзий, что все эти несчастья лишь результат случайных совпадений и обрушились исключительно на него одного. По всему городу происходило тоже самое. Отказывали мобильные телефоны, останавливались часы, небо давило на психику, страх обволакивал сознание. Наводнивший город заунывный собачий вой, заставивший бы удавиться от зависти и коллективный хор профессиональных баньши, утих всего несколько минут назад. Пока Алан шагал по опустевшим улицам, он видел, как крысы, пища от ужаса, несколько раз перебежали ему дорогу. Один раз наперегонки с крысами мчалась большая серая кошка, не обращая на своих исконных врагов никакого внимания. Определённо, город сходил с ума.

А что, если сойдут с ума и его жители, подумал Алан, продолжая глядеть на мигающие переливающимися гирляндами огромные цирковые шатры. Что, если мы все превратимся в клоунов, паяцев, дураков? В кого бы превратился я? Кем бы стала Шелли? Дядя Фред? Дейзи?.. И что делать, если это и впрямь произойдёт? Изменимся ли мы только внешне, или и наш разум претерпит необратимые искажения? Блейз поджал губы. М-да, от таких мыслей и безо всяких внешних воздействий свихнуться можно.

Алан не боялся. Он вообще не боялся никого и ничего, кроме... Кроме, разве что той минуты, когда вся правда всплывёт на поверхность. Он и боялся этого мига и не было у него большего желания, чтобы этот час побыстрее наступил. Он просто устал. Дико и чудовищно устал. Блейз знал, что сможет выдержать и больше. Если понадобится, он будет терпеть всю жизнь. Но и он хотел жить. Жить, а не имитировать состояние жизни. Не жалко мимикрировать, а улыбаться от всей души...

Что-то подсказывало ему, что в самом ближайшем будущем всё разрешится. Если уж мир начал лететь в тартарары, то будь, что будет. А почему бы и нет? Он был готов к этому. Готов раскрыть свои карты. Всю жизнь он играл в тёмную, пряча козырного туза в рукаве. И подходит время заканчивать. Невозможно всё время пудрить мозги. Вот жаль только, что Джокер не у него.

Но для начала он должен отыскать мальчиков. Внутреннее, обострившееся сверх всякой меры чутьё подсказывало Блейзу, что исчезнувшие дети находятся внизу, в бездонных недрах цирка. И ещё Алану казалось, что он знает, почему при всей своей дотошности Энди Тёрнер не смог отыскать Тони с Греггом.

Это может быть опасным делом, подумал Алан, спускаясь в долину. Если его предположения окажутся правдой, то придётся живо вспоминать всё «гарвардское». Алана

грела мысль, что, по крайней мере, Шелли находится в безопасности под сводами полицейского департамента Хеллвила. Тёрнер — хороший парень и не даст её в обиду. И уж точно не позволит его неугомонной сестрёнке совершать поступки, от которых впору за сердце хвататься. Наверно, Энди всё-таки питает к ней ОСОБЫЕ чувства. Он так смотрит на Шейлу... Алану был прекрасно знаком этот взгляд. Так что Шелли под надёжным крылышком. За дядю Фреда юноша переживал гораздо меньше. Уж Фредерику де Фесу точно хватит ума не высовываться, пока не будет окончательно ясно, что к чему!

А Дейзи... Дейзи будет при любом раскладе ждать его. Со щитом или на щите.

Последние метры Алан прыгал, как горный козёл, пока не приземлился на ровную, за неделю вытопанную до состояния заасфальтированной площадки землю. Руки он так и не вынимал из карманов кожаной, сливающейся с сумерками курткой. Сумерки, подумал Алан. Они ничуть не изменились. Словно поздний вечер навсегда застолбил себе место, упорно не желая уступать его наступающей ночи. Время умерло. И сумерки навсегда остались единоправными властителями замершего вечера... Алан невольно поёжился.

И тогда он услышал первый крик.

Глава 15

Крик доносился из недр главного циркового шатра, опутанного километрами гирлянд, мигающих сотнями разноцветных лампочек-светлячков в застывшем мраке позднего осеннего вечера. Затем ушей Алана достиг ещё один крик. И ещё. Окрепнув, крики смешались в один сплочённый пронзительный ор, исполненный первобытного ужаса и подкрашенный чёрными красками панического страха. Потом стихла музыка. ТАМ происходит что-то на редкость дерьмовое, подумал Алан, и поздравил себя с догадливостью. Молодец, дружок, любой другой на твоём месте решил бы, что восторженные зрители громко чествуют артистов и радостными воплями выражают безмерную благодарность! А как же!

Неутихающие крики набирали силу, распирая парусиновые стены гигантской палатки. Алан, не вынимая рук из карманов, чуть наклонив голову, не торопясь, приближался к источнику непонятного голосового сумасшествия. Он был в десятке метров от злополучного шатра, когда откинув закрывающий главный вход полог, наружу, как горошины из стручка посыпались первые, встреченные им на территории цирка люди. Они мчались, не переставая кричать, и не разбирая дороги. Алану показалось, что его никто даже и не заметил. Он словно врос в землю. Не хотелось бы, чтобы в сводящем с ума ужасе мечущаяся толпа сбила с ног и втоптала в грязь.

Из шатра выскакивали всё новые и новые люди. И все бежали, не видя его и не обращая ни на что внимания. Расширенные от непонятного страха глаза, трясущиеся подбородки, искажённые в крике рты, текущие по щекам слёзы, волна живого всепоглощающего безумия, накрывшего с головой потерявших всякий рассудок перепуганных людей. Хаос. Крах человеческого разума. Так даже самые достойные из нас превращаются в стадо, тоскливо подумал Алан, не сдвигаясь с места. Он слегка поворачивал корпус, избегая прямых столкновений с пробегающими мимо него припозднившимися посетителями цирка-шапито. Для всех этих людей его не существовало. Он был не такой, как они. Он не бежал вместе со всеми. И поэтому его в воцарившемся господстве тотальной паники никто не видел.

Несколько раз его чувствительно задели локтями, и единожды он сместился вправо на один шаг, чтобы пропустить стремительно несущегося прямо на него толстого дядьку в развивающемся плаще и чудом держащейся на голове шляпе. Толстяк пролетел мимо Алана, тихонько подвывая от ужаса. Глаза его остекленели и не моргали, с губ, в перерыве между воем, срывался какой-то невнятный шёпот. Бедолага пытается читать Отче наш, понял Алан, не отрывая сосредоточенного взгляда от исторгнувшего едва ли не спятивших от страха людей весело переливающегося безобидными огоньками шатра.

Спустя некоторые секунды, растянувшиеся для Алана на часы, поток бегущих иссяк. Люди стремглав покидали долину, стремясь как можно быстрее оказаться подальше от этого места. От того, что их так напугало. Постепенно крики и причитания за спиной Блейза поутихли, а затем и вовсе исчезли. Он остался совершенно один. От окружившей его непривычной тишины зазвенело в левом ухе. Алан потёр подбородок и двинулся вперёд.

Во всей этой ситуации больше всего ему не понравилось, что вместе с жителями Хеллвила со всех ног улепётывали и многие циркачи, совершенно наплевательски отнесясь к своим непосредственным обязанностям. Акробаты, жонглёры, дрессировщики, техническая

обслуга... Совсем дело худо. Если уж сами артисты не в силах совладать с тем, что произошло внутри шатра и погрузило зрителей в безумие, то трудно представить, с чем ему сейчас придётся встретиться лицом к лицу.

Алан оглянулся по сторонам. Никого. Вообще. Видимо, те, кто не успел убежать, попрятались в самые дальние уголки и носа не желают теперь казать. Даже запертые в клетках животные почему-то удручённо молчали, успешно делая вид, что их здесь и вовсе нет. Тишина сдавливала голову и буквально гудела от напряжения. Ни стрекотания сверчков, ни дуновения ветерка, ни малейшего шороха. Ни-че-го. Палатка кассы с гостеприимно распахнутым окошком так же была пуста, как и поглотившая всё вокруг тишина. Блейз подошёл к шатру и, не сбавляя шага, ворвался внутрь.

Размеры опустевшего шатра впечатляли. Трибуны монументально высились по обеим сторонам от центрального прохода, уходя полукругом в стороны и смыкаясь на подступах к посыпанной кристально чистым золотистым песком арене. За ареной неподвижно повисли кулисы, отделяя от зрителей меньшую часть шатра. Где-то там должен быть и кабинет директора Старжински. С ним-то Алан и хотел по-свойски потолковать.

Под куполом шатра было так же сумрачно, как и снаружи. Мощные цирковые прожекторы безразлично смотрели тусклыми выключенными круглыми глазами. Слабый желтоватый свет давали лишь несколько подвешенных над трибунами фонарей. Музыка не играла, возносясь к сводам шатра, не раздавались аплодисменты, не кланялись публике артисты. Но здесь были звуки. Тишина, злобно ворча, уступала часть пространства чужеродным ей элементам. Звукам.

Блейз шёл по проходу. Трибуны нависали над ним своеобразными небоскрёбами. Он шёл к манежу, сощурился глазами и упрямо сжав губы в тонкую строчку. То, что он видел, ему **СОВСЕМ** не нравилось. Это было не то чтобы плохо. Нет, это было гораздо хуже. Это был **ХРЕНОВО**.

Сегодня представлений с участием животных не планировалось и тонкую металлическую сетку, окружающую арену в другие дни, убрали. Алан легко переступил через низкий бордюрик и замер на границе манежа, впечатав каблуки сапог в песок. Блейз с одного взгляда сразу понял, что Ей уже ничем нельзя помочь. Стоящий в центре манежа на коленках Уолтер Харрис, видимо, думал так же. Но он был врачом. Он был **ОБЯЗАН**, следуя клятве Гиппократу, помогать даже в самой безнадежной ситуации. И он должен был верить, что делает это не напрасно, что всегда есть шанс на победу жизни над смертью. Интересно, когда Уолтер понял, что в данном случае одной веры явно недостаточно, подумал Алан, подходя к неподвижно застывшему рыжеволосому доктору.

Услышав хрустящие по песку шаги, Харрис оглянулся через плечо. Он несколько не удивился, увидев Блейза (из чего Алан сделал вывод, что дока уже ничем не удивишь) и вымученно улыбнулся:

— А, Алан... Привет. Не могу сказать, что вечер добрый, ты уж прости. Сам понимаешь.

— Да, — юноша опустил на корточки рядом с Уолтером. — Что это было, док? Только не говори, что несчастный случай. Поверь, я всякого навиделся в своей жизни, но такое... Такое вижу впервые.

Харрис отёр с лица капли крови, превращающейся в подсохшую остро пахнущую корку. На запачканном лице отчётливо выделялись два подозрительно блестящих влажных глаза. Не только лицо, но и руки врача были залиты кровью. Он весь был в крови, словно сбежал в разгар рабочего дня с бойни. Дорогой костюм напоминал неделю не мытый фартук

мясника. Относительно чистый плащ Уолтера валялся рядом.

— Это был фокус, Алан. Обычный фокус с распиливанием спрятанной в волшебный ящик девушки.

— Факир был пьян и фокус не удался? — Блейз сквозь стиснутые зубы буквально выдавливал из себя слова. — Это был Богарт?

— Да.

— Ты знал её? — тихо спросил Алан, сжав пятернёй плечо Харриса.

— Знал, — из глаз Уолтера потекли, промывая в кровавых разводах дорожки, слёзы. — Джессика пригласила меня на сегодняшнее представление, и я согласился. Я подумал, что это неплохая идея — провести вечер в компании приятной девушки. Мне показалось, что это будет совсем неплохо!

Алан сильнее стиснул руку, болью приводя зачастившего Уолтера в чувство. Поморщившись и знаком показав, что Алан может отпустить его, врач продолжил уже более спокойным и размеренным тоном. Всё-таки он был хирургом, и смертью его было тяжело напугать. Но смерть близких и знакомых тебе людей это несколько иное. Сейчас Харрис испытывал примерно тоже, что и тогда, при вскрытии Урсулы де Фес. Но будь он проклят, если его руки дрожали!

Доктор поднёс к глазам красные от крови кисти и пошевелил пальцами. Блейз, не вмешиваясь, терпеливо помалкивал. Он-то видел, что чудовищная смерть несчастной девушки пошатнула Уолтера. Не сломила и не повергла в шок, нет. Но пошатнула.

— Поначалу всё шло нормально. Обыденно. ВСЁ было нормально! Это представление ничем не отличалось от предыдущих. Пока под занавес, в антракте, не начал свой номер фокусник. Мистер Невозможное. Он вызвал из зала добровольца. Так принято у этих шарлатанов, когда они хотят напускной честностью произвести впечатление на публику. Мы с Джес сидели неподалёку в четвёртом ряду... И она подняла руку! Она её подняла. Она проголосовала за свою смерть. Теперь-то я понял это! Но почему я не понял этого тогда? Почему я не остановил её?

Сглотнув, Уолтер встал на ноги и, сузив глаза, сказал:

— Богарт засунул её в ящик, взял в руки здоровенную зубастую ножовку и начал пилить. Сначала ящик, а потом и Джессику. — У поднявшегося вслед за доктором Алана зародилось подозрение, что Харрис, разговаривая с ним, не видит его. Как и в панике разбежавшиеся кто куда люди. Несколько затуманенный взгляд доктора был устремлён мимо Алана. Куда-то далеко. А, может, вглубь? В прошлое? В тщетной надежде всё изменить и повернуть время вспять?

— Поначалу никто ничего не понял. Публика хлопала в ладоши и как загипнотизированная наблюдала за действиями этого маньяка. Все думали, что всё идёт так, как запланировано. И что брызнувшая из ящика кровь, когда зубья пилы коснулись Джессики, и её крик боли, это часть представления. Она кричала всё сильнее и сильнее, умоляя фокусника прекратить, а нас — спасти её. Крови становилось всё больше, а её крики всё пронзительней и страшней. От них мурашки бежали по коже... Постепенно до нас стало доходить, что происходит нечто НЕПРАВИЛЬНОЕ.

Уолтер перевёл дыхание и продолжил:

— А этот ублюдок... Этот недоносок во фраке и цилиндре знай себе ухмылялся, и продолжать орудовать пилой. А мы все сидели, как тупое недалёкое стадо баранов! Я первый понял, что шутки кончились. Я же всё-таки врач. И я понял, что он распиливает девушку по-

настоящему. Я вскочил с сидения и бросился на манеж. Но, подбегая к ящику, уже распиленному на две части, я понимал, что безнадежно опоздал. Я до сих пор вижу её предсмертные судороги и конвульсии, Алан. Я вижу фонтаны крови, хлещущие в разные стороны... От нечеловеческих воплей Джессики у меня заложило уши и я, признаюсь, слышу тебя с трудом. Господи боже, бедная девушка! Это из-за меня она погибла! Так нелепо и страшно.

— Не говори ерунды, — резко сказал Алан. — Ты не виноват в том, что она умерла. Как не виноват и в том, что её жестоко УБИЛИ у всех на глазах. И в последнюю очередь ты виноват в том, что не успел ничего сделать. Ты бы и не сумел, Уолтер. Потому что ты не виноват в том, что мир сходит с ума.

Харрис сфокусировал на Блейзе мутные от слёз глаза.

— Алан, всё случилось совершенно неожиданно, спонтанно. Просто в один миг всё изменилось! Мне следовало об этом догадаться в тот момент, когда фокусник отреагировал на поднятую руку Джессики. В подобных шоу всегда используются подсадные утки, а Джессика не была из их числа. И Богарт, вызывая её на сцену, не мог этого не знать. Взывая к помощи добровольца, он уже знал, что убьёт его. Кем бы этот несчастный ни оказался. Ты говоришь, что мир сходит с ума? Наверно ты прав. Потому что Мистер Невозможное сошёл с ума полчаса назад. Но так не БЫВАЕТ!

— Доктор Харрис, — сказал Алан, заставив себя всмотреться в ТО, что осталось от Джессики и волшебного ящика фокусника. — Поверьте мне. После того, что произошло, случиться может всё, что угодно.

Ящик был деревянный, около полутора метров в длину и имел с обоих торцов специальные прорези для ног и головы обычно помещаемой внутрь улыбающейся жертвы. Ящик из реквизита Богарта был насыщенного синего цвета, изукрашенный по всем стенкам замысловатыми золотыми узорами, с откидной крышкой наверху. Ну и плюс, конечно же, невидимое для посторонних глаз двойное дно и спрятанные в одном из потайных отсеков бутафорские ноги. Но в этот вечер всё было по-настоящему.

Ящик был безжалостно распилен примерно пополам на две части. А вместе с ящиком была распилена и уложенная в него девушка, которой никто не рассказал, что надо делать, чтобы спастись. Оружие убийства — вся извазюканная в крови ножовка с длинным и широким полотном — валялась тут же, зарывшись вкусившими настоящей крови зубьями в песок. Кровь была повсюду. И на песке, рассеявшись бесчисленными кляксами, и на обломках не выдержавшего бешеного напора безумца волшебного ящика. Блейз вдыхал тяжёлый приторный запах смерти и думал, что, оказывается, он здорово ошибался, когда однажды решил, что больше никогда в жизни не учует ничего подобного.

Мёртвая девушка была распилена на уровне живота чуть ниже пупка. Из чудовищной раны вывалились раздувшиеся на воздухе сизые внутренности, виднелся белеющий срез перепиленного позвоночника. Кровь уже не бежала. В теле Джессики попросту не осталось ни капли красной, несущей по венам жизнь, жидкости. Вся кровь вытекла наружу, густея и становясь чёрной. Алан перевёл взгляд на искажённое в застывшем пароксизме невероятной боли лицо девушки, и, не выдержав, отвернулся. Странно, что она, исходя из слов доктора, продержалась так долго. Испытывая адские муки и срывая голос в тщетной надежде воззвать к помощи. Многие на её месте умерли бы от шока. Видимо, у Джессики было очень здоровое и сильное сердце. А тётя Урсула, от чего остановилось её сердце? Рот Алана наполнила тягучая горькая слюна. Он подошёл к безучастно наблюдающему за ним доктору и сплюнул

на песок.

— Я единственный, кто остался с ней, — сказал Уолтер, глядя на юношу и сляясь разобрать хоть что-нибудь на его прикрытом падающими волосами непроницаемом лице. — Все остальные сбежали, во всю глотку крича от страха и не желая и на лишнюю минуту задерживаться в этом жутком месте. Богарт тоже сбежал. Он напоследок раскланялся передо мной, помахал своим цилиндром и скрылся за этими вот кулисами... Я не смог последовать за ним. Если бы ты видел его, Алан, ты бы понял, почему. Он тоже изменился. И кроме меня, этого уже никто не увидел.

— Весь город меняется, док, — сказал Блейз. — Тебе следует выбираться отсюда. Постарайся добраться до дому и закрой двери на все засовы. Выйдя наружу и взглянув на небо, прислушавшись к воздуху, присмотревшись к меняющемуся вокруг миру, ты поймёшь, что я имею в виду. И то, что произошло с твоей девушкой, боюсь, только начало.

— Начало чего? — спокойно, с достоинством спросил Уолтер, окончательно взяв себя в руки.

Алан посмотрел в сторону сомкнутых, свисающих с потолка кулис и недобро усмехнулся.

— Не знаю, Уолтер. И хотел бы ответить по-другому, но не могу. Я не знаю, что происходит.

— А как ты оказался здесь?

— Я пришёл за сыном Дейзи, — просто сказал Алан, грустно улыбнувшись. — Теперь я вижу, что пришёл как раз вовремя. Вдруг мне повезет, и я одним махом разделаюсь сразу с двумя делами?

Харрис подобрал с песка свой плащ и отряхнул его. Залитый кровью девушки, которую он пытался-таки безуспешно спасти, врач выглядел, мягко сказать, жутковато.

— Вон оно что... Что ж, рано или поздно всё тайное становится явным. Похоже, предположение Энди, что во всём этом замешаны циркачи, после всего, что уже произошло, имеет все права на жизнь.

— Дело не только в циркачах, но и в нас самих. Если мир начал сходить с ума, то где гарантия, что мы не канем в пучину безумия вслед за ним? Что, если этот свихнувшийся фокусник лишь первая ласточка в целой веренице новорождённых психов?

Уолтер несколько секунд молчал, подбирая ответ, но сказал он совсем другое. Таких слов Блейз не ожидал.

— Я тебе дам один совет, Алан. Не трать время на бесплодные поиски и не пытайся объять необъятное. Найди Старжински. На мой взгляд, он может оказаться едва ли не единственным, кто сможет объяснить, что за чертовщина тут происходит. И... Не заходи в кунсткамеру. Остерегайся тех, кто в ней находится.

— Там одни мёртвые уродцы и пыльные чучела, — юноша покосился на переступившего через бордюр доктора.

Повернув к Алану залитое кровью лицо, Харрис сказал:

— Алан, спорю на что угодно, что сейчас я менее всего напоминаю главного врача городской поликлиники. Понимаешь? Вдумайся вот во что — а так ли уж они мертвы? Ищи ответ у Старжински.

— Зд-д-дравствуйте, — порядком смятённая, пробормотала Кейт, невольно пятясь назад. Забавно. Каучуковый Джек был последним, кого она ожидала встретить на подходе к

своему жилищу. Сегодня просто вечер чудес какой-то.

Циркач, скалясь в глупой улыбке (Кейт его ухмылка и вовсе показалась чокнутой), надвигался на девушку, заставляя её шаг за шагом отступать к... К чему? Кейт торопливо обернулась — так и есть, Джек незаметно прижимал её к высокой каменной ограде, отрезающей внутренний дворик супругов Эшеров от улицы. Эшеры были пожилой и немного эксцентричной, но симпатичной парой. Сколько Кейт себя помнила, они всегда жили здесь, в двух минутах ходьбы от её дома. Можно сказать, что они с Кейт были соседями.

Если Джек продолжит в том же духе, то через несколько секунд я упрусь спиной в стену и окончательно потеряю свободу действий, лихорадочно соображала девушка. Он перекроет мне все пути отступления и раздавит, как букашку. Господи, откуда у неё взялись эти бредовые мысли? С чего она взяла, что циркач непременно хочет причинить ей зло? Но позвольте, с какого тогда перепуга он караулил её? И почему ведёт себя таким странным, мягко сказать, образом? Хочет затереть в уголок и объясниться в любви, как мальчишка на романтическом свидании, перед тем как попытаться робко забраться к своей девчонке в трусики? Слабо верится.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — отважно пропищала полузадушенной мышкой Кейт. Она собрала всю волю в кулак и остановилась в трёх шагах от каменной ограды, решительно вскинув острый подбородок и опалая Джека взглядом карих глаз.

— Можешь... Я как раз об этом и подумал. О том, что ты можешь помочь мне в одном деле, — голос циркача на слух был весьма необычным. Провисающим на гласных и столь же тягучим, как и его обладатель.

Каучуковый Джек щеголял в обтягивающем трико в шахматную чёрно-белую клетку и... Кейт не поверила глазам — он был босиком. И судя по всему не испытывал ни малейших неудобств, практически неслышно шлёпая обнажёнными ступнями по тротуару. Рост артиста колебался между шестью и семью футами. Джек был очень тощим, под тонкой материей можно было пересчитать все рёбра циркача, и за счёт худобы казался ещё выше. Он был скорее даже длинным, каким-то вытянутым, нежели высоким. И руки у него были длинные, свисая чуть ли не до колен... А рост его колебался, потому что постоянно менялся. Поначалу Кейт грешила на слабое зрение, но чем дольше она смотрела на замершего напротив неё циркача, чем больше убеждалась в том, что ей не кажется. Джек и вправду постоянно менялся. Он то сжимался, как бы укорачиваясь в размерах и становясь лишь немногим выше самой Кейт, то, как на невидимых растяжках вытягивался ввысь. Его ноги и торс тянулись как жевательная резинка, придавая Джеку дополнительные сантиметры, и вот он уже из человека среднего роста превращается в великана — баскетболиста.

У Кейт пересохло в глотке, она поскребла шершавым языком нёбо. Ни у одного спортсмена не может быть таких гибких костей и подвижных суставов. Никто в мире не может быть настолько пластичным и тягучим. Словно резиновым. Каучуковым.

Джек не прекращал улыбаться, и его улыбка не вызывала у Кейт ничего, кроме неподдельного омерзения. Она, эта улыбочка, тоже была какой-то резиновой, натянутой. На лысой голове Джека плясали лунные блики, тени падали на его невыразительное, бледное лицо. И только сейчас, как следует рассмотрев Каучукового Джека вблизи, девушка увидела, что у него очень странная кожа. Гладкая, как у младенца, без единой морщинки. Будто резиновая. Сколько же ему лет, подумала потрясенная девушка? Она затруднялась с ответом. Определить возраст циркача было невозможно. Ему могло быть и двадцать лет и все сорок. И ещё у него не было волос. Совсем. То, что он лыс, как бильярдный шар, было понятно

ещё давно, но у Джека, помимо прочего, не было ни бровей, ни ресниц, ни щетины на впавших щеках и вытянутом подбородке. Ну, вылитый Фантомас! Кейт неожиданно вспомнила давно, ещё в детстве виденную старую французскую комедию о неуловимом гениальном преступнике и чудаковатом комиссаре полиции, весь фильм напролёт гонящемся за этим Фантомасом. Джек был похож на него.

— Интересно, чем же это я могу помочь вам? — Кейт не двигалась с места, хотя поджилки её тряслись все до единой. Она намертво вцепилась сведёнными от страха пальчиками в ремешок перекинутой через плечо сумочки. Девушка прилагала невероятные усилия, чтобы хоть голос её не дрожал. Нельзя давать Джеку почувствовать в ней слабость, почему-то подумалось Кейт. — И вам не кажется, что невежливо и крайне беспардонно подстергать одинокую девушку на тёмных улицах и пугать её своим внезапным появлением?

— Простите, мисс Симмонс, что напугал вас, — Джек шутливо, с неприкрытой издёвкой, согнулся в пояснице, отвешивая поклон. Лысая макушка циркача едва не задела тротуарную плитку. — Приношу свои искренние извинения... Но мне и впрямь очень нужно знать.

— Что вам от меня надо? — голос Кейт едва не сорвался на визг, и она незамедлительно покраснела, радуясь хотя бы тому, что в вечерних сумерках этот нелепый, затянутый в шутовское трико паяц не увидит свекольной краски на её щеках.

— Мне нужно знать, где находится... Я хочу спросить у вас, что вам известно о мисс Блейз?

Кровь отхлынула от лица Кейт. Молоденькая стенографистка стала блее украшающих костюм Джека белых клеток. Мисс Блейз?! Ему нужна эта хорошенькая чернявая девчонка, запудривающая мозги их любимому шерифу? Джеку нужна младшая сестра Алана Блейза? Чудны дела твои, Господи.

Видимо, от пытливых карих глаз циркача, неотрывно следящих за девушкой, не ускользнуло, как она поменялась в лице. Джек торжествующе оскалил мелкие зубы.

— Представляете, мисс Симмонс, у меня сложилось впечатление, судя по вашей реакции, что я не ошибся с вами! Я угадал?

— М-м-м... Я не понимаю, о чём вы, — Кейт смело заглянула ему в глаза. — Боюсь, что я не знаю никого по имени Шейла Блейз. Вероятнее всего, она не из местных. Возможно, приезжая. Или вы элементарно ошиблись. В Хеллвиле нет никого с таким именем. Уж кому, как ни мне знать об этом!..

Джек радостно зауhal, растягивая губы чуть ли не до маленьких, оттопыренных ушей, нелепо торчащих по обеим сторонам лысой головы. Он смеётся, поняла похолодевшая от нахлынувшего ужаса Кейт. И смех его не понравился ей ещё больше, чем дебильная улыбка.

Джек резко оборвал совё кудахтанье и как бы уменьшился в размерах, сжавшись до габаритов обычного человека. Он в упор уставился на обомлевшую Кейт. Его превратившиеся в кристаллики льда глаза находились на одном уровне с глазами невысокой девушки. Он больше не улыбался. Лицо Джека окаменело, превратившись в вырубленную из камня бесчувственную, ничего не выражающую маску. И эта метаморфоза напугала Кейт более всего. У неё закружилась голова, и подкосились ноги. Она едва не пошатнулась, с превеликим трудом выдерживая взгляд этого резинового истукана.

— Ты лжёшь, сука, — прошипел Джек.

— Что вы себе позволяете? — на глаза перепуганной девушки навернулись обидные

слёзы. — Как вы смеете так со мной разговаривать...

— Ты солгала мне, маленькая дрянь, — Джек, не мигая, таращился на неё. Всё его тело нервно дёргалось и вибрировало. Как будто его что-то распирало изнутри. Это было на редкость неприятное зрелище.

— Я сказала правду, — чуть не плача, оправдывалась Кейт, мысленно проклиная себя за слабость, но ничего не в силах с собой поделаться. — Я не знаю никакой...

— Я не говорил, что её зовут Шейла, ты, лживая сучка, — резко оборвал хныканья Кейт Каучуковый Джек. — Я сказал, что ищу девушку по фамилии Блейз. Я не говорил, как её имя.

Кейт едва не прикусила кончик языка. Боже, ну и дура же она. Сама спалилась! Вот идиотка. Теперь этот психопат недобитый с неё с живой не слезет. А эта мысль не понравилась Кейт ещё больше, хотя, казалось бы, дальше уже и некуда.

— Ты знаешь, что единожды солгав, ты навсегда принимаешь на себя клеймо лжеца? На всю жизнь? Скажи мне, дрянь, ты сможешь жить дальше, будучи заклеянной законченной лгуньей?..

Кейт стояла не живая не мёртвая от страха, но тут она едва истерично не рассмеялась во всё горло. Невероятно! Этот диковинный, одним своим внешним видом наводящий ужас человек, ещё и философ? Да быть такого не может. Что вообще за ерунда происходит в их городке? Что за сумасшествие?

— ... А стоит ли жизнь этого? Не будет ли лучше не затягивать агонию, а достойно прекратить существование, тем самым восстановив своё доброе имя?.. А ведь я всего-навсего задал тебе совсем простой вопрос! И хотел попросить помочь мне...

Стоп, у Кейт вспотели подмышки (а она очень этого не любила). Это уже не смешно совсем. Она крепче сжала обеими руками ремешок сумочки и осторожно разулась, сразу же ощутив впившийся в ступни холод шероховатой плитки. Всё, прощайте ОТЛИЧНЫЕ чёрные нейлоновые чулки и привет насморк. Но в сложившейся ситуации можно вытерпеть и израненные ноги, и порванные чулки и вероятность простуды. Босиком у неё будет хотя бы небольшой, но шанс. Обутая в туфли, на каблуках, она далеко не убежит. Джек настигнет её через несколько шагов, если она раньше не подвернёт себе лодыжку.

— Ты на редкость лживая тварь. Ты сука. Ты подстилка. Ты лгунья. А ты знаешь, как я не люблю всё это дерьмо? Надо стремиться стать лучше. Надо бороться со своими пороками. Но люди слабы. Ты жалкая маленькая сучка, истекающая всеми миазмами человеческих пороков. И я накажу тебя за это. Я спасу твою душу...

— Что-то ты разговорился, УРОД, — сказала, как выплюнула Кейт и, размахнувшись, со всей силы саданула Джека сумочкой по искажённому от ненависти лицу. Не дожидаясь результатов своей отчаянной атаки, она скользнула в сторону, обогнула схватившегося за физиономию циркача, и бросилась бежать, закусив нижнюю губку. Устилающий тротуар булыжник больно впивался в её изнеженные ступни, в первые же секунды превратив тонкие чулки в грязные обрывки. Ничего, она выдержит. Захочет жить — выдержит. Почему-то девушка не на миг не сомневалась, что Каучуковый Джек хочет убить её.

Ей удалось выиграть какое-то время. Оглушенный и деморализованный Джек на несколько секунд был выведен из строя. А вы как думали? Женская сумочка — это достаточно грозное оружие в умелых руках. И вдобавок тяжёлое. Сумочка Кейт была из толстой плотной кожи, и за счёт содержимого весила немало. В сумочке находились: косметичка, расчёска, сотовый телефон, ножницы, кошелёк, влажные салфетки, горсть

монет, упаковка прокладок, роликовый дезодорант, записная книжка... Словом, более чем достаточно, чтобы при прямом столкновении с вражеской физиономией нанести серьёзное увечье.

Джек отнял руки от лица. Металлические застёжки прочертили на его левой щеке глубокие кровавые борозды, а вошедший в прямой контакт с лицом выпирающий из сумочки телефон свернул набок узкий хрящеватый нос. Циркач провёл по ранкам кончиками пальцев и нехорошо улыбнулся. Лицо его сморщилось, кожа пошла складками, как меха гармошки, собираясь в одних местах и растягиваясь в других. На Джека набежала чёрная тень от закрывшей луну суматошной тучи, а через мгновение, когда луна вновь осветило его лицо, никаких царапин на щеке не было. Джек оцупал лицо, резким движением с противным треском вправил нос на место и удовлетворённо хмыкнул.

— Сука. Ты, оказывается, и кусаться умеешь, не только лгать. Зря.

Каучуковый Джек повёл шей из стороны в сторону и помассировал запястья. Далек ты всё равно не убежишь, подумал он и начал МЕНЯТЬСЯ.

— И часто в вашей глуши случаются перебои со связью? — раздражённо ворчала Шейла, безуспешно нажимая на вызов. Увы, бесстрастный синтезированный голос раз за разом сообщал, что абонент недоступен. Девочка скривилась и оставила в одночасье ставший самой бесполезной вещью в мире телефон в покое. — Ни позвонить, ни сообщения отправить, ну ничего!

— Скорее всего, где-то произошёл сбой на линии. Погодка на улице та ещё! Могло приключиться всё что угодно. Не исключено, что где-то разразилась сильная буря, а нас задело лишь самым краешком.

— Не спорю, но всё равно странно, — гнула своё Шелли. — Электричество же не отрубил? А вот телефонную связь, сотовую и обычную, как начисто оборвало!

— Ты без телефона жить не можешь? — понимающе улыбнулся Энди. — У меня старшая сестра такая же. Чтобы она не делала, сотовый всегда лежит у неё под ухом, как приклеенный.

— Ха, ты не видел меня годик-другой назад. Сейчас я гораздо меньше просаживаю денег, но тогда... Ух! Я буквально днями напролёт или болтала с подружками или не вылезала из мобильного интернета. У меня было столько друзей, что пока со всеми пообщаешься и не заметишь, как стемнеет!

— А что изменилось?

Шейла, нахмутив тонкие изящные брови, передёрнула плечами.

— Не знаю... Может, я повзрослела, переболев всей этой глупостью? А может, просто стала предпочитать больше общаться с людьми вживую? Вот, например, Алан, так он не переваривает долгие разговоры по телефону! Он говорит, что нужно смотреть собеседнику в глаза, чтобы он видел тебя, а ты его. Так намного честнее, считает мой братишка. Как ты думаешь, насколько он прав?

— Правда, мне кажется, как всегда где-то посередине, — довольно уклончиво ответил Тёрнер. — Всё зависит от того, для чего тебе телефон и как ты его используешь...

— Скажи, а как ты относишься к своей сестре? — прервав Энди на полуслове, неожиданно спросила девушка.

Шериф сложил руки на животе, опираясь о спинку кресла, и задумчиво сказал:

— Аманда хорошая сестра. Добрая, заботливая, сколько я себя помню...

— Охренть! — Шелли закатила глаза под лоб и поражённо воскликнула: — Энди, ты бы себя со стороны послушал! Что за лапшу ты мне на уши вешаешь? Я спросила, как ты относишься к своей сестре, а ты начинаешь мне тут зачитывать какой-то пошлый, заезженный до дыр текст! Эй, ты чего?..

Тёрнер, нимало не смущённый, открыто заулыбался и со смешинками в голосе сказал:

— Смотрю, тебя на хромой кобыле не объедешь. Ты просто чудо, ты знаешь? Немногие на твоём месте повели бы себя так, как ты.

— Ага, я знаю. Я в своём роде единственная и неповторимая. Само совершенство! Так что я вижу тебя насквозь, и если ты не прекратишь тут мне заливать, я устрою в твоём участке бо-о-ольшой бадабум!

Энди залиvisto рассмеялся. Он чувствовал себя превосходно. Эта раскованная, общительная, весёлая и напрочь лишённая комплексов юная девушка действовала на него определённо положительно. При разговоре с Шелли не хотелось что-либо скрывать, изворачиваться, приукрашивать, словом, делать то, на что все мы горазды, общаясь с малознакомыми нам людьми. Шейла была настолько открыто и дружелюбно настроена, что Тернеру было с ней намного легче и приятней, чем с кем бы то ни было до того. Она чертовски сильно располагала к себе, и Энди хотел отвечать такой же взаимностью. Он хотел быть честным с ней.

— Да, ты меня подловила. Ну что я могу сказать о моей сестре? У нас неплохие отношения, мы по-родственному любим друг друга, но, признаюсь, в последнее время она меня достаёт всё больше и больше!

— О! А это уже намного интересней, — Шейла не сводила с Энди своих огромных синих глаз. Тернеру казалось, что он тонет в них.

— Когда мы собираемся всей семьёй в честь какого-нибудь праздника или чьего-то дня рождения, она, объединяя силы с моей мамой, начинают меня коллективно пилить и учить уму разуму. Это привело к тому, что нынче я терпеть не могу всякие домашние застолья, представляешь?

Девушка сочувственно кивнула, поджав розовые губки.

— Ещё бы не представлять. У нас дома такое происходит сплошь и рядом, когда за одним столом оказываются наш папа и Алан. Но я всегда стараюсь по-хорошему разрешить конфликтную ситуацию, пока она не достигла своего апогея. В противном случае кое-то может, плюнув на всех, свалить в армию, кому-то придется месяц сидеть на таблетках, а остальным ничего не остаётся, как бессильно плакать... И после таких вот семейных посиделок поневоле закрадывается мысль, а стоит ли оно вообще того? Стоит ли самой заводить семью и наблюдать подобное снова и снова до скончания дней?

Тёрнер протянул руку и бережно взял помрачневшую Шейлу за ладошку. Девушка благодарно улыбнулась, жадно впитывая пальчиками тепло от разгорячённой крепкой ладони молодого человека.

— Стоит, Шелли, даже не сомневайся в этом. Надо только как следует прочувствовать это и принять всем сердцем, всей душой. Аманда с матерью при каждом удобном случае вбивают мне в голову, что пора жениться, что мне уже без малого двадцать восемь лет (возраст, разумеется, год от года меняется) и что пора прекращать валять дурака и следует задуматься о семейной жизни...

— Теперь я понимаю, почему ты не любишь подобные мероприятия, — заулыбалась Шейла, не торопясь убирать руку.

— Да, в этом-то всё и дело! И ты сидишь, краснея как мальчишка, под сочувственно-осуждающим взором всех присутствующих друзей и родственников. И становится почему-то невероятно стыдно и хочется провалиться на месте. Не знаю, Шелли. Неужели они не понимают, что своими словами делают гораздо хуже, вгоняя меня в краску, и заставляя раздраженно огрызаться? Что они хотят добиться своими действиями? Заставить меня возненавидеть и их тоже? Но я люблю своих родных и понимаю, что они желают мне исключительно добра. Жаль только, что до них не доходит, что между желанием и практическим действием — огромная разница. Они не понимают, что моя жизнь — это моя жизнь. Не принадлежащая им. А жизнь — это самое святое и ценное, что есть у каждого человека. И поделиться ею ты можешь только с тем, кого полюбишь всей душой. Только так и никак иначе!

Энди выдохся и убрал со стола руку. Он отхлебнул давно остывшего кофе, чтобы смочить пересохшее горло и грустно улыбнулся. Его улыбка напомнила Шейле о брате. Очень часто Алан улыбался точно так же — грустно и печально. А ещё она пожалела, что больше не ощущает исходящее от Энди тепло.

— Ты никогда никого не любил? — прошептала Шелли, внимательно глядя на Тёрнера.

Смущённо покраснев, в очередной раз подтверждая собственные вышесказанные слова, шериф нехотя буркнул:

— Нет. Не пришлось как-то.

— Прости, Энди. Наверно, я сую нос не в своё дело, — девочка, повинувшись какому-то внутреннему порыву, сама протянула через стол руку и Энди (ну, слава богу, догадался!) торопливо, словно боясь, что второго шанса не представится, ласково сжал её пальчики.

— Всё нормально. Я думаю, что ещё успею наверстать упущенное.

— Всё возможно, — сказала Шейла, почему-то вспомнив слова дяди Фреда — не упускай свой шанс. Главное, вовремя понять, что это действительно он, тот самый, добавила про себя девушка.

— Ты любишь детей? — Энди несколько виновато улыбнулся.

— Очень, — произнеся это короткое словечко, Шелли запнулась. На этот раз они замолчали оба. И каждый из них подумал о пропавших мальчишках. О Грегге Вудворте и Тони Хилле.

— Я боюсь, — внезапно сказал Энди и тяжело вздохнул. — Я боюсь, что не смогу ничего сделать. Что не найду их. И я не знаю, как потом буду смотреть в глаза родителям мальчишек. Что я скажу Дейзи? Она же станет совершенно одна! Кроме Тони, у неё нет никого.

— Я тоже боюсь, — призналась девочка. — Я боюсь за детей, за Алана. Я нутром чувствую, что он задумал что-то... Что-то очень опасное (Энди беспомощно скрипнул зубами, если он и не терпел что более всего в жизни, так это самодеятельность). И я боюсь за всех нас. И... У тебя что, и часы сломались?..

Тёрнер удивлённо вскинул голову. При чём здесь часы? Проследив за взглядом Шелли, он уткнулся в стену. Там, на уровне полутора метров от пола висели большие круглые часы, декорированные под улыбающуюся забавную рожицу. Эти часы подарила Энди на день рождения три года назад Кейт Симмонс. И с тех пор они торжественно украшали стену его кабинета, ежесекундно отмеряя бегущее время.

Но сейчас часы остановились, показывая замершими стрелками давно убежавшие семь часов двадцать минут вечера. Энди насторожился. Батарейку он менял три недели назад и

обычно её хватало на полгода, не меньше. Странно. Станным было и то, что он не обратил на остановившиеся часы никакого внимания. Сколько же сейчас времени? По самым скромным прикидкам шерифа они с Шейлой засиделись далеко за полночь. Тёрнер засучил рукав форменной рубашки и глянул на наручные часы.

Энди подумал, что это розыгрыш судьбы какой-то. Он зажмурился и затряс головой. Посмотрел снова. Ничего не изменилось.

Его наручные часы так же сдохли на отметке семь часов двадцать минут.

— У нас проблемы, — сказал Энди.

Дейзи лежала на кушетке, укутанная по самое горло в плед, и много думала. Её зелёные глаза влажно блестели на белеющем в полутьме лице погружённой в сумрак комнаты. Девушку окружали тишина и невесёлые удручающие мысли, от которых было не спрятаться, не скрыться. Можно победить тишину, можно прогнать тьму, но ничего нельзя поделаться с собственным разумом, настойчиво терзающим мозг кошмарными видениями и распухающими образами неотвратимо наступающей (или уже свершившейся?) беды.

Девушка сжалась в один нервный, напряжённый до предела комочек, слушая биение на износ колотящегося сердечка. Заснуть она не могла. Бессонница, особо не церемонясь, жёстко взяла её в оборот, ехидно посмеиваясь и издав дразня заманчивыми осколками разбитых снов. Заснуть и забыться стало непозволительной роскошью, недоступной для убитой горем одинокой матери. А как хотелось! Хотя бы на немножко, на чуть-чуть. Заснуть и увидеть во сне радостно смеющегося сына... Но всё тщетно. У неё украли даже грёзы.

Дейзи давно потеряла счёт времени. За окнами разлились нескончаемые сумерки. Гнетущая атмосфера едва ли не осязаемой темноты давила на её небольшой уютный домик. Уютный... Теперь собственный дом казался девушке оплотом всех негативных чувств и эмоций, всех страданий и горестей. Дом был напитан болью и безнадёгой. И боль торжествовала. Дейзи устала бороться. Все её надежды, чаяния и желания были сосредоточены далеко отсюда. В одном человеке. В Алана Блейза девушка вложила всю себя, себе не оставив ничего. Дейзи истово молила бога, чтобы хоть частица её веры, её желаний достигла своего адресата. Чтобы Алан понял, прочувствовал, что пусть он и далеко от неё, но он не один. С ним была любовь Дейзи. И её вера в него. И надежда, что он вернёт ей сына. И сам вернётся. К ней.

Её разбудил голос. Голос Алана, когда он разговаривал с ней, думая, что девушка ещё спит. Она слышала большую часть того, что он шёпотом рассказывал ей, делясь сокровенными словами, на которые он вряд ли решился бы, зная, что она невольно подслушивает. Господи, как же он несчастен... Его вечная грустная улыбка, его привычка прятать лицо за отросшими длинными волосами. Всё объясняется его словами. Многого осталось для Дейзи непонятным и по-прежнему скрытым за вуалью тайны. Что за клятва? Кто заставил Алана дать эту клятву? О чём он продолжает упорно молчать? И самый главный вопрос — кого он настолько истово любит? И любит, насколько она поняла, с обречённостью безнадёжно больного, зная, что никакой взаимности ему не светит, но в глубине души надеясь на панацею. Зачем же он тогда терзает себя, прекрасно понимая, что к чему? Глупо об этом спрашивать. Она сама точно такая же. Почему она не может себе запретить любить его и перестать мучиться? А? Потому что любви приказать невозможно.

В объятиях Алана, испытывая оргазм за оргазмом, она была счастлива. Все страхи и переживания на какой-то момент, скуля и огрызаясь, отползли в сторону, забившись в самый

дальний угол. Она со всей страстью и любовью отдавалась ему. И он был взаимен. Дейзи могла поклясться в этом. В минуты близости Алан принадлежал только ЕЙ и больше НИКОМУ. Но всё кончается, даже самые чудесные и прекрасные мгновения жизни. Они уходят. Ушёл и Алан. И отчаяние вновь набросилось на неё, стремясь наверстать упущенное...

И тут в дверь кто-то постучал. Дейзи, недоумевающая, приподнялась на локте, прислушиваясь. Стук повторился. Робкий, осторожный, прерывистый. Девушка наморщила лоб. Кто бы это мог быть, интересно? Определённо не Алан, решила она. Нет, точно не он.

В дверь постучали в третий раз и детский голос глухо произнёс:

— Мама,пусти меня. Это я — Тони.

У Дейзи в ту же секунду оборвалось сердце.

— Тони! Сынчик!!!

Отбросив плед, Дейзи спрыгнула с кушетки и, не обращая внимания на ничем не прикрытую наготу, бросилась в прихожую, к дверям. По её щекам, не переставая, катились слёзы. Грудная клетка ходила ходуном, взорвавшемуся радостным фейерверком сердцу стало тесно внутри. Дейзи не бежала, нет, она плыла по воздуху, едва касаясь босыми ногами пола. Это Тони! Её сын вернулся! Он нашёл дорогу домой! Он сам пришёл к ней!

Взявшись за дверную ручку, Дейзи застыла, изумлённо осматривая себя, словно увидела впервые в жизни. Нет уж, так не пойдёт. Тони не должен видеть её в таком состоянии. Растрёпанная и зарёванная это ладно, это нормально. Но не будет же она встречать сына голой, в чём мать родила! Она отпустила ручку, ключ так же остался торчать нетронутым в замочной скважине. Дейзи, причитая вполголоса, сняла с вешалки первый попавшийся халат и стала его суетливо натягивать, с трудом попадая в рукава.

— Тони, мальчик мой, родной мой, потерпи немножко!.. Сейчас мама откроет, подожди, оленёночек мой! Тони, детка...

Запахнув халатик, Дейзи сглотнула слёзы и заревела во весь голос, не сдерживая более эмоций. Она плохо видела от застилающих глаза слёз и царившей в доме полумглы, разбавленной проникающим сквозь шторы лунным светом. Там, на улице, за дверью стоит её сын, её Тони! Невероятно!

— Мама, открой дверь.пусти меня. Пожалуйста. Ты жепустишь меня, правда? Ты не бросишь меня одного?

— Да что ты такое говоришь, маленький? — всхлипнула Дейзи, хватаясь за дверную ручку и пытаясь нашарить присыпанный темнотой ключ. — Конечно, я тебя не брошу! Как же я извелась без тебя, котик ты мой... Тони... Тони...

— Мама, поторопись. Мне холодно. Я очень устал. И я проголодался.

— Конечно, конечно... Мамочка тебя накормит, зайчик мой... Да что же это за чёрт! — взвыла Дейзи, выронив из трясущихся пальцев ключ. Она бухнулась на колени и захлопала ладонями по расстеленному перед дверью коврику. Включить свет она почему-то так и не догадалась. Дьявол, да где же этот долбаный ключ?! Ну куда он мог закатиться?

— Мама,пусти же меня. Ну пожалуйста... Почему ты не открываешь двери? Ты разлюбила меня?

— Да что ты такое говоришь?! — плача и давясь слезами, Дейзи, не вставая с колен, ударила ненавистную дверь кулаком. Острая боль пронзила её руку от костяшек пальцев до локтя. Девушка охнула, прижимая ушибленную руку к груди. — Потерпи, солнышко, потерпи... Умоляю, сыночек...

Из-за двери не донеслось ни звука. Тони замолчал, не торопясь с ответом. Дейзи, размазывая по лицу слёзы, ползала по полу, ощупывая каждый квадратный сантиметр коврика. А в голове металась настойчивая полубезумная мысль, а что, если Тони устал ждать, пока она откроет ему дверь и ушёл?! Убежал, разочаровавшись в ней. Вдруг он и вправду подумал, что она больше не любит его, что мать больше не хочет видеть своего сына?..

Из горла Дейзи вырвался полузадушенный хрип. От этой кошмарной мысли у неё перехватило дыхание. Нет! Ни за что! Она не может потерять своего Тони во второй раз. Она не допустит этого. Она не даст ему уйти! Никогда в жизни. Только не сейчас, когда она благодаря какому-то чуду вновь обрела его.

И, словно подслушав её молитвы, провидение направило её суматошные поиски в нужное русло. Пальцы Дейзи сомкнулись на продолговатом металлическом предмете. Ключ! Радостная, девушка вскочила на ноги и попыталась с ходу попасть в замочную скважину, суетливо тыкая ключом в область дверной ручки. Но подлый ключ, словно сговорившись с насмехающейся над ней судьбой, никак не хотел вставать на своё место.

— Сейчас, сейчас, — бормотала Дейзи, борясь с ненавистным ключом. — Ты только никуда не уходи, сыночек...

Есть! С железным лязгом, громом раздавшимся в насторожившейся тишине, ключ угодил в замочную скважину. Дейзи, протонав, провернула ключ и резко рванула на себя дверь. Там, на пороге, её ждёт СЫН. Её Тони.

Дейзи, едва сдерживая крик радости, сунулась, было, наружу и... словно наскочила на глухую кирпичную стену. Счастливая улыбка сама собой стёрлась с её губ, изумлённо округлившись глаза едва не выпрыгнули из орбит. Действительно, на пороге кое-кто стоял.

Но это был вовсе не Тони.

Более того, тот, кто неподвижно застыл на ступеньках, даже не был мальчиком.

Голову Дейзи расколола молния яркой, насыщенной боли. Девушка пошатнулась и, чтобы не упасть, схватилась обеими руками за дверной косяк. Господь всемилостивейший, что это? КТО это? И где её сын? Где Тони?!

На пороге, выделяясь на фоне подступающих со спины сумерек, стояла донельзя странная особа. Это была босая, одетая в короткую ночную рубашку, молодая женщина — девушка, с длинными грязными лохматыми волосами неопределённого цвета, свисающими беспорядочными патлами по обеим сторонам узкого лица, забрызганного какой-то резко пахнущей тёмной краской. Эта же краска была и на её руках, и на некогда белой рубашке. Глаза диковинной незнакомки светились воспалёнными красными угольками, как у кролика-альбиноса. Вымазанные в краску губы непрерывно дёргались и кривились в мерзких гримасах. Скрюченные, испачканные пальцы длинных худых рук напоминали изогнутые птичьи когти.

— Из-з-звините, а вы не видели поблизости маленького мальчика? — насилу выдавила из себя Дейзи, невольно отодвигаясь от этой странной женщины на шаг назад. Ощувив под ногами толстый ворс коврика, она облегчённо перевела дух. Чем-то эта незваная ночная гостья ей **ОЧЕНЬ НЕ ПОНРАВИЛАСЬ**.

Замызганная неряха ощерила извивающийся в судорогах рот в жуткой ухмылке, демонстрируя мелкие, острые как на подбор зубы.

— Мамочка, ты не хочешь впустить меня за порог? — жалобным голосом Тони протянула Мишель Гриффит и подмигнула красным глазом. — Ну что же ты застыла? Дар

речи потеряла, сука?!!

Дейзи взвизгнула и, закрывая лицо ладонями, попятилась вглубь комнаты. Плечи девушки содрогались от сухих, дерущих гортань рыданий. Плакать она уже не могла — слёзы закончились.

Мишель дёрнулась следом за хозяйкой дома, но, как и Дейзи минуту назад, словно наткнулась на невидимую преграду. Правда, совсем по другой причине. В ярости заскрежетав пальцами с засохшей под ногтями вонючей кровью по воздуху, не пускающему её в дом, Мишель заревела:

— Пусти меня, слышишь, ты, никчёмная потаскуха?!! Разреши мне войти!!!

Дейзи пронзительно закричала. Перепуганной девушке показалось, что этой ночью к ней в гости зашёл сам Сатана. Что ж, она была недалеко от истины.

Глава 16

Стивен Диксон бежал до тех пор, пока в рёбрах не закололо с такой силой, что у него от боли потемнело в глазах. Лёгкие рвало на части от нехватки кислорода, ноги гудели как провода, через которые пропустили несколько тысяч вольт. Хорррош... Стив остановился и согнулся пополам, упираясь руками в трясущиеся коленки. Из горла посыпался хриплый полузадушенный кашель. Желудок, ворча и плюясь желчью, норовил выскочить вслед за кашлем. Стивен с величайшим трудом отдышался и, харкнув на землю горькой вязкой слюной, выпрямился.

Вот те раз, совсем он отвык от забегов на длинные дистанции. Несколько лет без спорта и пожалуйста — результат на лицо. Раньше, когда он играл в футбол, равных ему было мало. А сейчас его обгонит и шестиклассник. Ну, даже если и не обгонит, то переплюнет по части выносливости — это уж точно. Бросить, что ли, курить? Даже в такой ситуации Стивен не удержался от едкой улыбки. Ага, все мы задумываемся о здоровье, когда прижимает, как следует. Да в жизнь он не бросит сигареты. И нечего себя обманывать.

— Что ж делать-то? — прокаркал он и с трудом узнал собственный голос. Откашлявшись, юноша грязно выругался. Но нецензурные слова главной проблемы не решали.

Как следует осмотревшись, Стивен пришёл к выводу, что отмахал не меньше двух миль в попытке уйти как можно дальше от окопавшегося в доме мэра Гриффита кровожадного исчадия ада. Что ж, не так уж и плохо для злоупотребляющего сигаретами парня, занимающегося физическими упражнениями исключительно в постели. Диксон помрачнел при слове «постель». Он сразу подумал о Мишель. Вот дьявольщина.

Так, а где же он всё-таки оказался? Пока мчался со скоростью выпущенного из пращи камня, дороги совсем не разбирал. И остановить его смог бы лишь возникший перед самым носом тупик. Но усталость притормозила беглеца намного раньше. Отнюдь не героический и далеко не олимпийский забег Стивена завершился у похоронной конторы мистера Сорбро. Час от часу не легче! Диксон искренне недолюбливал маленького гробовщика. Тот при каждом удобном случае норовил учить его уму-разуму. Червь могильный.

Ладно, на сей раз Стив таки покривил душой. Сейчас он был бы рад увидеть и Джека Сорбро. По крайней мере, его несостоявшийся работодатель был обычным человеком, а не непонятно какой тварью. Эгей, у Стива протяжно заныло сердце, а что если Мишель уже давным-давно превратилась в охочего до крови упыря, лишь внешне маскируясь под юную девушку? Да ну на хрен! Мысль, что он много раз спал с монстром, как-то совсем не прельщала. С Мишель что-то произошло. Что-то заставило её слететь с катушек. Но откуда

взялась её невероятная сверхъестественная сила? Неужели все чокнутые так круто меняются? И что ему теперь делать? Куда идти с информацией, что дочь мэра сбрендила, перечикала всю семью в капусту и превратилась в ведьму? В полицейский участок, или сразу в клинику на приём к доктору Харрису?.. В Хеллвиле не было квалифицированного психиатра, как такового.

Здание похоронной конторы на взгляд юноши удачно гармонировало с разлившимися в холодном воздухе густым киселём вечерними сумерками. Приземистый одноэтажный домина, с маленькими вытянутыми окошками, забранными жалюзи, крытый позеленевшим от времени шифером. На оббитой потёртым кожзаменителем двери красовалась приколоченная гвоздями подкова, над подковой разместилась табличка, гласящая в двух словах, что, если вы озаботились о жизни после смерти, то лучшего места, чтобы поделиться своими соображениями, чем похоронная контора Сорбро, вам не найти. Справа от двери к стене был прислонён поставленный на попа открытый деревянный гроб без верхней крышки. Ну, что б уж всем было точно ясно, чем именно занимается хозяин сего учреждения.

Насколько юноша знал, похоронная контора одновременно являлась и постоянным жилищем мистера Сорбро. Отчего Стивен постоянно за глаза подтрунивал над гробовщиком, предполагая, что он либо сожительствует с покойниками (дескать, некрофил), либо увлекается учёными трудами приснопамятного Виктора Франкенштейна. Досмеялся, мать вашу, хмуро подумал Диксон. Он был готов ломиться в контору и слёзно умолять мистера Сорбро приютить его на ночь, невзирая на личные предпочтения похоронных дел мастера и вероятную платоническую любовь к трупам.

Злобно покосившись на выглянувшую из-за туч луну, юноша усмехнулся. Спятил? Это он-то спятил? А вы посмотрите на небо, господа-умники, и попробуйте объяснить ту чертовщину, что происходит вокруг. Что, слабо? А чем зримо наблюдаемая НЕПРАВИЛЬНАЯ луна правдоподобнее превращения милой симпатичной девушки в отвратительную сумасшедшую тварь? А может, в этом и кроется разгадка, осенило Диксона? В полнолунии с древних времён заключена некая таинственная сила. В полнолуние многие трогаются умом. Лунатики там всякие и прочие психопаты. Приливы и отливы. Да луна играючи двигает миллионы тон воды на земле с расстояния в сто двадцать тысяч миль! И это всё делает обычный спутник нашей планеты. Обычная луна. Но то, что сейчас тускло отсвечивало серебристым светом на затянутом тучами небосводе, не было ОБЫЧНОЙ привычной для их мира луной. Кто знает, на что способна ЭТА луна?

После того, что Стив увидел в доме Гриффитов, он был готов поверить во всё, что угодно. Хоть в ведьм, хоть в упырей, хоть в оборотней. Последняя мысль о превращающихся в полнолуние в волков людях юноше совсем не понравилась. Он так же мысленно дал себе пинка. О чём это он, дурак недоделанный? Какие, на фиг, оборотни. Тут того, что уже есть, хватает с головой.

Вздвигнув, Стивен быстренько подошёл к двери похоронной конторы и настойчиво забарабанил кулаком по бронзовой табличке.

— Пошевеливайся, чего уж там, — пробормотал Стив. — Хватит дрыхнуть, приятель. Не слышишь — к тебе гости пришли...

В одном Стивен был прав на сто процентов. Когда сказал, что «пришли гости». Конечно, он выражался образно, но откуда ему было знать, что вот уже несколько минут из тёмного переулочка, куда не попадал свет луны, за ним пристально наблюдают два красивых чёрных глаза?

Алан остался один. В этом была своя горькая ирония. Бенефис последнего артиста на арене цирка. А в том, что его сольное выступление станет жирной точкой, финальной главой, антрактом затянувшегося пребывания «Невозможное — возможное» в Хеллвиле, Алан ни капли не сомневался. Апофеоз. Да, на словах это выглядело так. На деле же Алан собирался разнести половину цирковой труппы вдрабадан. Настал черёд поменяться местами. Теперь он будет развлекать публику. И у Блейза на этот случай были припасены невиданные, дивные аттракционы собственного посола. Пальчики оближешь.

Набрав в грудь воздуха, до предела заполнив лёгкие, Алан громко закричал, обращаясь ко всем стенам громадного шатра сразу:

— Богарт!

Запрокинув голову к теряющемуся в удивленно зашептавшихся тенях своду, юноша повторил ещё громче:

— Богарт!!

Блейз повернулся к неподвижным кулисам и заорал что было мочи:

— Бога-а-арт!!!

Алан не думал, что выглядит и ведёт себя, как донимающий пустоту дурак. Он спинным мозгом ощущал, что помимо него в шатре есть ещё кто-то. Он чувствовал ноющим затылком и давящим на голову грузом, что за ним наблюдают. Алан знал, что вовсе не одинок.

— Ну выходи же, чёртов факир, — пробормотал он. — Посмотрим, у кого фокусы круче. Я не собираюсь, как благородный рыцарь, бросать тебе официальный вызов. И надрывать глотку тоже не горю особым желанием. Довольно, что я вспомнил твоё имя. Эй, халтурщик, шаман недоделанный, ты меня хорошо слышишь?

Усилив обидными словами эффект воздействия на самолюбивое подсознание фокусника, Алан достаточно легко угодил в больное место Мистера Невозможное. Это место одинаково болезненно у всех творческих людей, к коим цирковой фокусник причислял и себя. Алан прицельно попал в эго Богарта.

По шатру поплыл удручённый, задумчиво-вкрадчивый голос, взмывая под самый купол и растворяясь в наиболее тёмных и скрытых уголках задрожавшего шатра.

— До коль... Хм... Что ещё за пошлый текст? Увы нам, всяк в наше трудное и жестокое время норовит обидеть артиста. Ничто не вечно, кроме людской неблагодарности. И нет предела человеческому старанию в стремлении оболгать, опорочить и оскорбить ближнего своего. Нет ничего слаще, чем устроить травлю на человека творческой души, на личность, отмеченную десницей божьей...

У Алана от изумления едва не встали торчком длинные волосы (та ещё была бы картинка!). Нет, ну вы слышали это? Интересная шайка подобралась у Старжински — что не клоун, то философ!

— Я... Я потрясён, право слово. Мне захлопать в ладоши или обоссаться от восторга? Сильная речь, дружок. Выйди и я пожму твою руку.

— Спасибо, — голос невидимого фокусника был исполнен скромности и плохо скрываемого высокомерия. — Я выйду, ДРУЖОК. Я не боюсь явить себя. Я готов. Но готовы ты к этому? Ты... не боишься?

— Неужели тебя так перекосило? — подивился Алан. — Да ладно, чего уж там... Давай сюда, на манеж. А то меня начинают терзать смутные сомнения: вдруг, это ты испугался?

— Богарт Мистер Невозможное не боится никого и ничего ни в подлунном мире, ни в

стороне, где правит солнце. И тебя, мальчик, подавно не боится...

Алан утробно хмыкнул и пошевелил пальцами в карманах куртки. Ей богу, он чуть не рассмеялся. Неужели Богарт всерьёз? Юноша неприкрыто, язвительно шутил, но фокусник, похоже, воспринимал всё за чистую монету и велеречиво разряжался пафосными монологами. Как детвора в песочнице, право слово. Блейз ковырнул носком сапога мелкозернистый жёлтый песок арены и невольно улыбнулся. Почему «как»? Местечко-то подходящее.

— Да я понял, — взгляд Алана на краткий миг остановился на истерзанном теле бедной девушки. Зрелище изувеченных, залитых рубиновой кровью останков одновременно и притягивало, и отвращало. И, безусловно, резало глаза. Внутри Алана становилось всё холоднее и холоднее. Расчётливая злость давно бурлила в его венах. Но он контролировал себя. Впрочем, как и всегда. Юноша встряхнул гривой чёрных волос. — Выходи, Богарт, и покончим с этим.

И Богарт вышел. Появление циркового фокусника не сопровождалось торжественными фанфарами, трагическими завываниями труб и лязганьем литавр. Ни адского хохота, ни бьющих в отважно подставленное лицо порывов ветра, ни подхалимно-заливистого хора группы поддержки, превозносящего силу и мощь сбрендившего иллюзиониста. С шелестом падающих по осени листьев кулисы раздвинулись ровно настолько, насколько нужно, чтобы без помех пропустить на сцену главного виновника торжества. И вновь сомкнулись. И всё.

Представление началось.

Противники замерли друг напротив друга. Алан понял, что значит на собственной шкуре ощутить себя героем старого доброго вестерна. Должно быть, мы со стороны смешно выглядим, подумал Блейз. Подражая Клинту Иствуду, Алан смачно сплюнул на песок и поправил на поясе несуществующую, воображаемую кобурку. Ха, если уж валять дурака, так на всю катушку. Правда, самому Алану смешно почему-то не было. Совсем. Сощутив глаза в узкие щелочки, молодой человек внимательно изучал Богарта. Что ж, фокусник изменился. Доктор Харрис не соврал.

Не иначе сам маэстро чародейства и волшебства полагал, что в чёрном фраке и накинутом на плечи отливающим синевой чёрном плаще выглядит загадочно и устрашающе. Белая манишка, бабочка, стоячий воротник, плащ с изнанки подбит красным атласом. Ух! У Алана на этот счёт сложилось совершенно иное мнение. Ему Богарт почему-то напомнил спившегося Дракулу. Алан не знал, как выглядел бы знаменитый румынский граф, если бы взамен кровушки невинных людей увлекался спиртными напитками, но думал, что примерно, как набычившийся в десяти шагах от него фокусник. Определённо не Кристофер Ли.

Редкие, зачесанные назад, русые волосы Богарта блестели, словно смазанные жиром. Он угрожающе скрежетал зубами и театрально пучил стального цвета водянистые глаза. Однако, не смотря на несколько комичный вид, от фокусника веяло такой неприкрытой опасностью, что Алан понял без лишних слов — шутки кончились.

В правой руке иллюзионист держал чёрную шляпу-цилиндр (тут Алан непроизвольно напрягся), в левой небрежно сжимал незатейливую деревянную палочку едва ли футовой длины, увенчанную на конце небольшим стеклянным шариком. Что это, против воли, совершенно по-детски любопытствовал Блейз? Неужто и впрямь ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА? Чудеса начинаются, да?

Раскланявшись, Богарт с достоинством задрал острый нос и водрузил шляпу на голову.

Нацелив на Алана палочку (до дальнейших выяснений условно обозначенную Аланом, как волшебную), фокусник с апломбом изрёк:

— Приготовился ли ты к смерти, убогий?

— О, — мерзко ослабился юноша. — Смерть — это моя давняя подруга. Я часто вспоминаю о ней. И дня не проходит, чтобы я не думал о смерти.

Богарт надул губы. Он выглядел несколько обиженным. Взмахнув палочкой в разминочном жесте, Мистер Невозможное с досадой сказал:

— Увы, увы, дамы и господа, падают нравы, и нет предела падению их в бездну безнравственности и... А, впрочем, ну всю эту хрень в задницу. Станцуем, мальчик? Но, чур, я первый!

— Пожалуйста, — Алан весь сжался и напружинил ноги, по-прежнему не вынимая рук из карманов куртки.

Богарт не заставил себя повторять дважды. Больше он ничего не сказал. Он начал ИГРУ.

— Абракадабра! — истошно взвыл Богарт и, неуловимо быстрым движением нарисовав перед собой кончиком палочки замысловатую руну, ткнул чародейским инструментом в сторону Алана.

Не успел юноша в очередной раз подивиться хитроумным манипуляциям фокусника, как воздух вокруг фигуры задрапированного во всё чёрное артиста завибрировал, скручиваясь вихристыми спиралями и обволакивая вытянутую с зажатой в кулаке волшебной палочкой руку. Навершие палочки озарила резкая ослепляющая вспышка, и со стеклянного шарика сорвался ревущий поток ярко-оранжевого пламени. С низким протяжным воем пламя целенаправленно понеслось к Алану, с треском и шипением пожирая перед собой нагревающийся воздух. Следом за взбесившимся огнём летел издевательский хохот Мистера Невозможное.

В последний момент Алан упал на колени и закрыл голову полой кожаной куртки. Пламя, выстреливая зажигательно весёлые искры бурлящим потоком накрыло скорчившегося на песке Блейза. Огонь жадно, со вкусом облизнул молодого человека и с хлопком лопнувшего надувного шарика исчез, оставив после себя запах гари и паленой кожи. Смех Богарт перешёл в противное, довольное хихиканье.

Алану показалось, что его засунули в кузнечную топку. Волосы на голове шевелились живыми змеями, волоски на тыльной стороне ладоней обуглились, в лицо дохнуло жаром преисподней. Он вскочил и, матерясь сквозь до боли стиснутые зубы, сбросил с себя полыхающую куртку. Хватая пересохшим ртом воздух, Алан пнул догорающую одежду ногой.

— Кожаная, да? Да хрена лысого!

Встряхнув ладонями, юноша инстинктивно пригнулся, наученный недавним горьким опытом. Но ухмыляющийся иллюзионист, почесывая чудо-палочкой кончик длинного носа, как будто не спешил добивать живучего противника. Алан с отвращением принюхался к вонючим собственным сгоревшим волосам и криво улыбнулся. Первый раунд за маэстро. Такого отпадного трюка от фокусника Алан точно не ожидал! Ну что ж, зато теперь будем знать, что Богарт способен на очень и очень многое. Главное, юноша понял, что балаганный факир вовсе не притворяется магом. Совсем наоборот, он и есть настоящий волшебник, удачно маскирующийся под затрапезного фокусника. Вот так то.

Алан распределил вес тела на вжатых в песок носках сапог и хлопнул в ладоши.

— Впечатлён, честное слово. В тебе погибает большой талант.

— Ну почему же погибает? — Богарт, сощурившись, как лев, наблюдающий за беззащитной косулей, искренне удивился.

— Потому что ты покойник, приятель, — тонкие губы Алана расплылись в заразительной широченной улыбке. — Понимаешь? Я уже несколько минут разговариваю с трупом.

Благодушное настроение Богарта как веником смело. Он нахмурился и, свернув сталью заиндеветых глаз, скороговоркой зашептал под нос какую-то тарабарщину. Правая рука кудесника медленно поднялась, волшебная палочка вновь уставилась на Блейза. Стекланный шарик стал покрываться непонятным белым налётом, напоминающим узоры, которые зимой рисует на окнах мороз. Наледь, догадался Алан. Из рта Богарта вырвалось облачко пара. Вокруг чародейского жезла заметались в беспорядочном хороводе снежинки. Чёрт возьми, подумал юноша, да направь Богарт свои умения в другое русло, и ему вовсе цены бы не было! Но что заставило циркового мага пуститься во все тяжкие и с особой жестокостью убивать людей? Почему он спятил? В чём причина? В магии? Расплата за приобретенную колдовскую силу?

Ну, всё это, конечно, познавательно и интересно, но отвлекаться на досужие размышления сейчас, пожалуй, не стоит! Дьявол! Впечатлённый неординарными способностями Богарта, Алан опять зазевался, и чуть было не пропустил вторую атаку сбрендившего колдуна, которая вполне вероятно могла бы стать фатальной для впавшего в раздумья юноши. Кляня себя последними словами, Блейз оттолкнулся ногами от манежа и кузнечиком взмыл в воздух.

В принципе, Богарт использовал испытанные, давно проверенные и знакомые приёмы. Не получилось со стихией огня, что ж, попытаем удачи с морозом и льдом. В определённой степени, стужа была не менее опасна, чем пламя. А при умелом применении и более эффективна. С палочки чародея стекла клубящаяся субстанция, больше всего напоминающая плотный непроницаемый для глаз туман. Как гончий пёс, чующий добычу, туман подобрался, сжимаясь в звенящий ком леденящей первозданной стужи, и брошенным из катапульты камнем устремился к Алану.

У Блейза не было ни малейшего желания испытывать на собственной, уже припаленной шкуре последствия прямого попадания этого размытого «снежка». Алан с железной уверенностью полагал, что угоди он в объятия замораживающего с десяти шагов дыхание тумана, и плоть у него с лёгкостью отойдёт от костей. Юноша подскочил на добрых два метра, в воздухе сделал сальто вперёд и приземлился на песок в трёх шагах от потрясённого реакцией и подвижностью соперника Богарта. На бледной физиономии фокусника было нарисовано неподдельное изумление. Юноша перемещался настолько быстро, что человеческий глаз едва успевал следить за смазанными, словно растекающимися в воздухе движениями. Мистер Невозможное отшатнулся и, загоразвиваясь плащом, суетливо мазнул перед собой палочкой крест на крест. Проклятье, этот сопляк быстр, как ураган! На долгой памяти чародея только один человек был способен двигаться с подобной скоростью — Эльвира Леди-Нож.

Алан уже не видел, как за его спиной бурлящий стужей туман врезался в трибуны. Оказавшиеся на его пути сиденья попросту истаяли, растворившись в воздухе кристаллами инея и ледяным прахом. Зато Алан видел, как полезли на лоб глаза Богарта. Фокусник взмахнул перед носом юноши чёрной полкой плаща, отвлекая внимание, и черкнул по воздуху волшебным жезлом.

Буквально из ничего в воздухе соткались два едва видимых, тускло мерцающих, скрещённых лезвия и с близкого расстояния полетели в Блейза. Наверно, будь на месте Алана кто-либо другой, он бы и рта раскрыть не успел, как сотворённые из воздуха бритвы четвертовали бы его в мгновение ока. Лично Богарт надеялся, что так и будет. Он и плащом прикрылся по большей части для того, чтобы заслониться от неминуемых фонтанов бьющей во все стороны крови...

Но Блейз как подкошенный упал на спину ещё в тот момент, когда бритвы только начали свое смертоносное продвижение. На всё про всё ушли доли секунды. Юноша рухнул на песок, лезвия с воем скоростного экспресса распорили над ним пространство, задев самым краешком правый висок. Алан сгруппировавшись, одним рывком оказался на ногах, прядь отрезанных чёрных волос осталась лежать на песке, полупрозрачные бритвы вгрызлись в многострадальные трибуны, прорубывая в них крестообразную просеку. Богарт выглянул из-под плаща, втягивая голову в высокий стоячий воротник. Зря он это сделал. Алан был гораздо быстрее смерти.

Сжатый кулак Алана отбойным молотом врезался в челюсть маэстро. Фокусника оторвало от манежа и пушинкой унесло на несколько метров. Грохнувшись на кулисы, Богарт в горячке подскочил, схватился руками за пурпурную ткань, но ноги его предательски дрогнули, и кудесник снова упал. Алан носком сапога подфутболил обронённую фокусником волшебную палочку, отшвыривая её как можно дальше от арены. Почему-то брать это орудие колдовства голыми руками Алану не хотелось.

Блейз подбежал к поверженному иллюзионисту и схватил того за грудки. Алан резко вздёрнул фокусника вверх и... понял, что схватил пустоту. К ногам юноши упал подбитый красным чёрный псевдовампирский плащ Богарта. Самого фокусника в нём уже не было. Богарт исчез, растворившись в воздухе.

Чертыхнувшись, Алан для надёжности потоптался на плаще сапогами. Куда он делся, этот недоносок? Юноша пристально осмотрелся. Тёмные глаза Алана блеснули в полутьме циркового шатра. Цилиндр. Непременная шляпа-цилиндр фокусника. Её Богарт умудрился сохранить, не обронив с головы, пролетая над засыпанным песком манежем. А в шляпе, насколько помнил Блейз, может таиться целая уйма крайне неприятных сюрпризов. Нет, фокусник далеко не обезоружен.

— Эй, Богарт, ты что, так и дальше будешь бегать от меня? — воззвал к чести и совести мага Алан. — Где ты прячешься, трус несчастный? Мы ещё не закончили.

— Я жду тебя на улице, засранец, — тут же раздался трясущийся от ненависти голос Богарта. Мистер Невозможное был разозлён. Сильно разозлён.

— Ругаться-то зачем? — посетовал Алан, направляясь к центральному проходу меж трибунами. — Я, может, тоже нервничаю, ну и что?..

Алан выбежал из шатра и оказался во власти поглотивших Хеллвил и округу застывших, словно потерявшихся во времени сумерек. Не то вечер, не то ночь, тучи над головой и фантастическая серебристо-мёртвая луна.

Озаряемый светом гирлянд, Богарт ждал его напротив кунсткамеры, загораживая вход в палатку с чучелами давно почивших уродцев. Шляпу-цилиндр он аккуратно держал перед собой обеими руками и при этом так паскудно ухмылялся, что Алану сразу стало не по себе. Интересно, какого это он кролика собирает достать из своего головного убора? Размером со слона и с клыками саблезубого тигра? Алан вздохнул и пошёл на него. Высокий худощавый юноша, с длинными чёрными волосами, в обтягивающей торс водолазке, синих

джинсах и остроносых сапогах на каблуке. В общем, как думал о себе сам Алан, ничего особенного и примечательного.

По подбородку Богарта стекала тоненькая струйка крови, губы распухли багровыми оладьями, скулы заливал синюшный отёк. Но, в общем и целом, был вынужден признать Алан, маэстро перенёс его прямой удар просто на ура. Крепкий орешек, ничего не скажешь. Не только сознание не потерял, но и отделался одними ушибами. Вообще-то юноша планировал сразу сломать ему челюсть и надолго вывести из строя. Но Богарт продемонстрировал недюжинную выносливость и стойкость.

— Удивлён? — плюнул в Алана кровавой слюной Богарт (не попал, кстати). — Тратишь, значит, время, разговаривая с покойником?.. Ты так и не понял, мальчик? Это ты покойник. И умер ты ещё тогда, когда осмелился вступить своими погаными ногами на территорию цирка «Невозможное — возможно».

— Мне нужно, чтобы вы вернули детей, — остановившись в паре шагов от заметно напрягшегося фокусника, сказал Алан. — Не отнекивайся, Богарт. Я знаю, что они у вас. Где вы их прячете? И зачем вам всё это понадобилось? Что с вами со всеми происходит?

— Мы меняемся, — прошептал фокусник. Его водянистые глаза затянули тенета безумия. — Время пришло. Время изменить всё.

— Где Старжински? — в лоб спросил Алан, почему-то вспомнив, что ему советовал доктор Харрис на счёт директора цирка. Разыщи Старжински, он единственный даст тебе ответы, не трать на других время. Он теряет время, состязаясь в ловкости с чародеем? Неужели, фокусник — это отвлекающий манёвр, уводящий Алана от того, что действительно важно? У Алана взмокла спина.

— Ты не того спрашиваешь, — ощерившись свежими пустотами в частоколе зубов, невпопад сказал Богарт. — А хочешь поговорить с тем, кто сам, своими руками схватил несколько дней назад двух наглых, противных, обмочившихся от страха сосунков? Хочешь взглянуть в глаза тому, кто взял их с поличным, когда они...

— Я жду не дождусь этого, — оборвал словесные излияния фокусника Алан.

— Пожалуйста! — захихикав, Богарт сунул руку в шляпу, погружая конечность по самое плечо. — Ага! Есть! Встречай свою погибель, молокосос!

От занудных, за милую разящих пафосом реплик Мистера Невозможное у Алана уже начало сводить зубы, однако, он понимал, что за глупыми словами скрывается определённый смысл, лишь поверхностно извращённый тягой Богарта к пустопорожней болтовне. Итак, что же он вытянет из своей шляпы? В ожидании самого дурного развития событий, Алан не сводил с Богарта глаз.

Фокусник с силой потянул руку из шляпы, упираясь ногами в землю, как будто выживал, по меньшей мере, акулу. Уж лучше бы это была акула, подумал юноша, спустя несколько секунд. Ну, или там саблезубый кролик.

Из шляпы маэстро достал совершенно невероятную тварь и, радостно ухмыляясь, помахал цилиндром над головой.

— Прошу любить и жаловать! Уникальный экземпляр, жемчужина коллекции директора Старжински! Правда, до недавнего времени мы и сами не знали, что обладаем подобным сокровищем. Ведь он... Живой!

Алан убийственным взглядом пообещал разговарившемуся фокуснику скорую погибель и сосредоточил всё внимание на замершей перед ним гротескной твари. Это был сногшибательный уродливый монстр из разряда самых мерзопакостных ночных кошмаров.

Нет, не могло подобное чудовище появиться на свет из женской утробы!

В долговязом юноше было сто девяносто сантиметров росту. В сапогах он становился ещё внушительней. Издающее низкое горловое хрипение существо, отгородившее его от фокусника, возвышалось над Блейзом на добрых пол головы. Было бесполом, тощим, непропорционально сложенным, безволосым... И как же оно, видит Бог, воняло! У Алана от накатывающей на него вони запершило в горле, и заслезились глаза. Он отодвинулся назад, увеличивая свободную зону. Алану показалось, что обтянутое серой кожей костлявое исчадие ада обладает нешуточной силой. Монстр был нелепым, гротескным, с выпирающими рёбрами и узловатыми руками, но очень жилистым, и Алану совсем не хотелось испытывать на себе хватку этой уродливой твари.

— Привет, симпатяга, — вежливо поздоровался Блейз. — Это ты, что ли, распускал свои корявые лапы с нашими пацанами?

Монстр пробулькал что-то нечленораздельное, что именно, Алан так и не разобрал. Этому уродцу точно не помешал бы квалифицированный логопед. Видя, что его не понимают, серокожая тварь угрожающе зарычала, на её жилистой, перевитой мышцами шее, запульсировала толстая вена.

— Так ты не хочешь по-хорошему? — по-своему истолковал рычание монстра молодой человек. — Что ж, будем тогда по-плохому. Я, знаешь ли, тоже очень странный парень.

Кейт Симмонс с первых секунд взяла довольно высокий темп. Девушка, как выпущенная из лука стрела летела по дороге, едва касаясь босыми ногами асфальта, и не оглядываясь. Она практически сразу свернула с тротуара на проезжую часть. По гладкой, отшлифованной тысячами колёс дороге, бежать в её состоянии было не в пример удобней, чем сбивать пальцы в кровь об камни тротуара. Сумочку пришлось выбросить буквально через несколько участвовавших ударов сердца. Всё-таки тяжело! Это тебе не вальяжно дефилировать прогулочным шагом, подруга, стараясь не хватать ртом прохладный вечерний воздух, подумала Кейт, болезненно морщась всякий раз, как наступала на очередную неровность или шероховатость.

Девушке показалось, что она в одном забеге установила несколько мировых рекордов сразу. Точеные ножки Кейт немилосердно гудели и наливались свинцовой тяжестью. Лёгкие колото невесть как умудрившимся спрятаться под рёбрами шилом, горло отчаянно резало, словно воздух затвердел и приобрёл остроту бритвы. Она начала задыхаться. Боже, ну почему она такая слабая, едва не заплакала на бегу девушка? Надо бежать. Бежать и ещё раз бежать, как заведённая твердила она, героически сражаясь с разливающейся по всему организму слабостью и вконец сбившимся дыханием.

Но она отчётливо понимала, что через какие-то жалкие метры просто напросто свалится в изнеможении на чёрный холодный асфальт. И, как назло, вокруг ни души. Ни одной машины, ни самого припозднившегося прохожего. Хеллвил словно вымер, напоминая один из многочисленных городков-призраков на среднем западе. И только озаряемые изнутри окна домов, и выющийся из каминных и печных труб дымок, растворяющийся в надувшихся тучах, давали понять, что здесь всё ещё обитают люди.

Интересно, а сколько она уже намотала? Может, стоит остановиться и немного передохнуть? Вдруг она смогла-таки отбежать на достаточно безопасное расстояние? И теперь этому уроду вовек её не догнать и не найти? И ноги! Господи, как же у неё БОЛЯТ ноги! Особенно стёртые в кровь ступни. В кровь? Кейт, обессилено застонав, замедлила шаг

и в изнеможении прислонилась плечом к фонарному столбу, не задумываясь о том, что под светом раскачивающегося под порывами лёгкого ветерка фонарика она вся, как на ладони. К чёрту. Она больше не в состоянии бежать. Я больше не могу... Я устала! Не могу я и всё!.. По щекам девушки покатались слёзы, мокрая от пота блузка прилипла к спине. Кейт машинально подумала, что хорошо, что она надела с утра тонкое, но плотное и достаточно тёплое, непроницаемое для ветра, полупальто. По крайней мере, простудиться я не должна, слабо улыбнулась Кейт, прекрасно понимая, что вероятность подхватить простуду для неё сейчас наименьшая из зол.

Ступни жгло проперчённым огнём. Девушка боялась даже опустить вниз глаза, чтобы хорошенько рассмотреть, в каком состоянии находятся её драгоценные, предмет зависти и восхищения многих, ножки. Ладно, так сколько она всё-таки миль промчалась по тихим пустынным улицам погрузившегося в летаргический сон Хеллвила? Кейт, не отпуская спасительной опоры в виде надёжно вкопанного в землю столба, оглянулась. И от досады едва не закричала. Сомнительно, чтобы у неё получился громкий и пронзительный вопль. Скорее, из пересохшей глотки вырвалось бы натужное хриплое сипение, но сути это обстоятельство не изменило бы.

Какие мили? О чём она? Дай бог, чтобы отбежала от своего дома на семьсот — восемьсот метров! Да она даже отсюда, если поднатужиться и напрячь зрение, сможет разглядеть фасад собственного домика! А высокий каменный забор Эшеров виден и не напрягаясь. Вот овца! Вот курица безмозглая! Кем она себя возомнила — Беном Джонсоном в юбке?! Кейт всхлипнула. Никуда она не убежала... Можно сказать, что она топчется на месте. А сил уже нет. И сумочку она выбросила, единственное верно сослужившее ей оружие. И что ей теперь делать? Ломиться в каждые запертые двери и умолять впустить в дом?

Утерев рукавом сочащиеся из голубых глаз слёзы, девушка заставила себя отпустить столб и отойти в сторону. Ноги сразу же отозвались вспышкой жгучей боли, поразившей все нервные окончания и взорвавшейся в мозгу. Дьявол! Кейт закусилла нижнюю губку, сдерживая крик. Нет, так она далеко не уйдёт. Она даже и не идёт, а ковыляет, как древняя, скрюченная артритом старуха. Совсем дело плохо. Пройдя семенящим шагом до следующего фонарного столба, Кейт подумала, что, похоже, здорово недооценила себя. Ноги продолжали гудеть, но острая рвущая синапсы боль, отодвинулась куда-то на задворки сознания, присмирив и отдаваясь при каждом новом шаге лишь тупыми, ноющими укусами. И дыхание перестало напоминать хрип накурившегося туберкулёзника. Но спринтер из неё всё равно хреновый, поморщилась Кейт. Идти то она идёт, но не пробежит и шага, как вновь вернётся боль и на этом все её подвиги закончатся.

Ночью звуки разносятся очень далеко. Так принято считать. Но Кейт знала, что слух обостряется за счёт ухудшения другого органа чувств — зрения. И не важно, ночь ли на дворе, или ты просто находишься в очень тёмном помещении. Результат всегда один. Ты начинаешь лучше слышать. Она услышала этот топот, чем-то похожий на перестук лошадиных копыт, ещё толком не видя приближающийся источник странного звука.

Кейт невольно остановилась. За последние минуты она едва ли преодолела более пятидесяти метров расстелившегося под ногами (о Господи, мои ноги!) асфальта. Она замерла в шаге от линии тянувшегося параллельно дороге тротуара, не выпуская из поля зрения следующий фонарный столб. Тусклый свет фонаря осветил её бледное, искажённое страхом и болью лицо, когда она обернулась через плечо посмотреть, КТО настигает её со

спины. Уже зная ответ на не заданный вслух вопрос. Это был Каучуковый Джек.

Неужели то, что с ней сейчас происходит, не является глупым затянувшимся кошмарным сном? Ну как подобное может происходить в обычной заурядной жизни самого простого обычного человека? В голове не укладывается. Что это, бред воспалённого сознания или жестокая шутка высших сил?

Неминуемо приближаясь с каждой секундой, по дороге галопировал никак не желающий оставить её в покое тронувшийся умом цирковой артист. Джек рысил на всех четырёх, как заправский скакун, передвигаясь дёргаными, сумбурными скачками. Его руки и ноги вытянулись на добрых два метра каждая. Вместе с неестественно удлинившимися конечностями растянулось и клетчатое трико. Очень предусмотрительно, а то никакой одежды не напасёшься. Джек шустро перебирал обнажёнными ступнями и ладонями, напоминая нелепого мерзкого паука. Лысая голова циркача была наклонена вниз, как будто Джек обнюхивал асфальт в поисках следов убежавшей жертвы.

Не выдержав, Кейт завизжала. Завизжала знатно и визжала не переставая. Девушку словно прорвало. Её истошные вопли моментально привлекли внимание преобразившегося Джека. Голова циркача повернулась в её сторону. Губы Джека разошлись в пустой резиновой улыбке. Крик застрял у девушки в горле.

Руки-ноги Джека замелькали буквально с космической скоростью. Шлёпая по асфальту с частотой отбивающих дробь барабанных палочек, лысый чудик сноровисто сократил последние, отделяющие его от девушки метры, и лихо затормозил напротив. На глазах изумлённой Кейт, конечности Джека как размягчённое тесто обвисли и втянулись в бёдра и плечи, вновь приобретя нормальные размеры. Утвердившись на ногах, Каучуковый Джек навис над девушкой, для острастки увеличив рост на лишний фут. Кейт запрокинула лицо, сжимая кулачки и смаргивая ресницами накрапывающие из глаз обидные слёзы. Не убежала она. Не смогла.

— Ты что же это, маленькая сучка, возомнила себе, что сможешь уйти от меня? — промурлыкал Джек, словно читая её мысли. — Не бойся, я не трону тебя. Пока.

— Что тебе нужно? — обхватив себя за плечи, прерывающимся голосом спросила Кейт. Глаз она так и не опустила, хотя почти ничего уже не видела из-за прорвавших запруды бегущих слёз.

— Мне нужна Шейла Блейз, — Джек провёл холодным, резиновым, на ощупь таким противным, пальцем по щеке Кейт. Девушку всю передёрнуло от омерзения. — А от тебя мне нужно, чтобы ты впустила меня к ней.

— Если ты знаешь, где находится эта девочка, зачем тебе я?

— Ты меня плохо слушаешь, глупая сука! — взревел Джек, как страус, вытягивая шею. Его округлившиеся от ярости глаза едва не выпрыгнули из орбит. Кейт сжалась в ожидании удара. — Я не смогу войти, если меня кто-нибудь не впустит! Ты понимаешь меня, шлюха?

Захныкавшая Кейт ни поняла ровным счётом ничего, но всё равно утвердительно закивала головой, не желая дальше злить этого монстра. Джек быстро успокоился и продолжил:

— Сейчас мы с тобой отправимся в полицейский участок. Будем идти тихо, спокойно, как влюблённая парочка, прогуливающаяся под луной. Никаких фокусов и самодеятельности, ясно? Иначе я тебе голову откручу и сыграю с ней в баскетбол.

— Мне... Мне тяжело идти... — пробормотала, глотая слёзы, Кейт. — Я натёрла ноги и сбила пальцы... Мне очень больно! Я не смогу идти быстро, как ты.

— А я не спешу, — равнодушно улыбнулся Джек. — Не переживай, сучка, времени у нас вдоволь. С этого вечера. Открою тебе по секрету одну тайну.

Кейт уже знала, как надо общаться с этим психом, поэтому поспешила спросить:

— Какую?

— Эта ночь не кончится никогда, — выдохнул в её лицо скукожившийся циркач. Девушка подумала, что и запах изо рта у него такой же резиновый, как и он сам. Затхлый, отдающий пластмассой и старыми галошами.

Каучуковый Джек смотрел на неё, как сама бы Кейт смотрел на кухонного таракана. С омерзением и брезгливым отвращением. Так, словно собираешься прихлопнуть его ногой. Раздавить и растереть в кашу. Я для него хуже таракана, поняла Кейт. И если его переклинит, он убьёт меня, не задумываясь. Прихлопнет, как мелкое насекомое. Как таракана.

— Ты знаешь, — сказал Джек, противно ухмыляясь. — Ты даже не возбуждаешь меня. Представляешь, жалкая ты дрянь? Мне тошно представить, как ты выглядишь без одежды. Боюсь сблевануть. Или ты решила, что достаточно покрутить у меня перед носом своими никчёмными сиськами и тощей жопой, и я растаю, как снег в луже воды?..

— Я поняла, — Кейт перестала трястись. Да пошёл он! У неё и так жизнь далеко не сахар, чтобы каждый встречный ублюдок оскорблял её, высмеивая и издеваясь. Конечно, у неё пятая точка, бесспорно, далека от идеала, у той же Шейлы, например, попа куда как более аппетитная, но... Но это же не повод унижать её! — Я поняла, в чём твоя проблема.

На Джека напал редкий приступ благодушия. Ухмылочка как приклеилась к его лицу.

— Ну, ну, просвети меня.

— Ты просто несчастный, жалкий неудачник и спишь только с резиновыми, надувными куклами, потому что настоящие, живые женщины такому уроду и дегенерату, как ты, и под страхом смертной казни не дадут!

Ну вот, подумала Кейт, без остановки, речитативом выдав в морду Джеку всё, что у неё накипело. Теперь он меня точно убьёт. Кто знает, как бы дальше поступил перекосившийся от злобы циркач, если бы не появление на сцене этого разворачивающегося на безлюдной вечерней улице театра абсурда новых действующих лиц.

В разлитую вокруг тишину вклинилось рычание стремительно несущегося на всех порах автомобиля. Зажмурившуюся девушку даже сквозь плотно смеженные веки ослепил яркий свет. Она открыла глаза. По дороге, с включёнными на всю фарам, визжа стираемыми покрышками, на них мчался разрезающий испуганно метнувшиеся в стороны сумерки чёрный автомобиль.

Боже всемогущий, да эта торпеда на колёсах, эта взбесившаяся машина летит прямо на нас, ужаснулась Кейт. И она не собирается сворачивать или менять курс! И более того, с каждой секундой приближающийся к в ступоре замершим на дороге девушке и циркачу «Крайслер» показался Кейт подозрительно знакомым. Машина была не из дешёвых, и далеко не каждый в их городе мог позволить себе подобную игрушку. Только тот, кто занимал достаточно высокую должность или имел высокооплачиваемую престижную работу. Например, главный врач городской поликлиники. Уолтер Харрис.

Радостно вспыхнув от в прямом смысле слова забрезжившей на горизонте ярким светом надежды на спасение, Кейт (и откуда только силы взялись?) прыгнула на тротуар, в самый последний момент успев убрать ногу с асфальта. Джек, удивлённый появлением незваного гостя ещё больше, чем молоденькая стенографистка, не успел. Нос ревущего автомобиля

врезался в циркача, сметая того с дороги, как набитое тряпками чучело. Тело Джека с болтающимися в воздухе руками и ногами подлетело на несколько метров и тяжело бухнулось на асфальт, отброшенное на дюжину шагов в сторону от неподвижно застывшей на тротуаре Кейт.

«Крайслер», оставив на дороге след сжигаемой резины, завывая, резко крутанулся, разворачиваясь, и, набрав скорость, чёрным вихрем подлетел к девушке. Кейт напомнила себе, что кислород в лёгких давно закончился и вдохнула полной грудью. Водительская дверь распахнулась, и на улицу высунулся доктор Харрис с торчащими в хаотичном беспорядке рыжими волосами. Как же он красив и мужественен, едва не задохнулась от нахлынувших на неё тёплых греющих чувств мисс Симмонс. И ему так идут эти непослушные рыжие волосы... Выпачканные чем-то тёмным и местами слипшиеся острыми сосульками.

— Кейт, запрыгивай в машину! Живо!

Девушка едва не заревела от облегчения. Она насколько смогла быстро обогнула машину и забралась на переднее сиденье рядом с водителем. Не удержавшись, она бросилась на шею тронувшего автомобиль с места Уолтера и зарыдала. Громко, отчаянно, с истеричными причитаниями. Она мешал Харрису. Тяжеловато вести машину, когда у тебя на груди бьётся в судорожных рыданиях перепуганная девушка. Но будь он проклят, если посмеет сказать ей хоть слово против. С той минуты, как он свернул на эту улицу, он увидел не так уж и много, но вполне достаточно...

— Твою мать! — Уолтер еле удержался, чтобы не нажать на тормоза. — Да не может такого быть!

Сбитый им Каучуковый Джек, распластавшийся на дороге, как выброшенная на морской берег студёнистая медуза, пошевелился. Харрис думал, что переломал ему все кости. Ни один человек не пережил бы без последствий серьёзнейших, сопряженных с высочайшим риском для жизни травм, вызванных лобовым столкновением с мчащимся на скорости девяносто миль в час автомобилем. Джек пережил без проблем. Циркач шевельнулся ещё раз, дёрнулся все телом и легко вскочил на ноги. Покрутив головой, Джек отряхнулся, словно попавшая по дождь собака и отвесил театральный поклон.

Кейт оставила в покое рубашку доктора (как и его волосы, грязную от непонятной, пропитавшей ткань густой приторно пахнущей жидкости) и выпрямилась в кресле. Увидев восставшего из мёртвых циркача, она не сдержала вырвавшийся из горла скулящий писк.

— Его не убить, — широко распахнув глаза, прошептала девушка. — Он резиновый. Понимаете, доктор Харрис, он РЕЗИНОВЫЙ!

И кости у него резиновые, закончил недосказанную мысль девушки Уолтер, не сбавляя скорости и направляя машину на противно улыбающегося Джека, залитого мощно бьющим светом дальних фар.

«Крайслер» с разгона налетел на Джека. Харрис сжал зубы в ожидании глухого удара о капот рвущегося из упряжи автомобиля. Удара не последовало. Машина пронеслась, не встретив никакого сопротивления. Матюгнувшийся доктор, обычно сдержанный и интеллигентный, едва не выпустил руль из рук, краем глаз заметив, что произошло. Не желая повторять неудавшийся трюк второй раз, Уолтер до отказа надавил на педаль газа, стремясь как можно быстрее оказаться подальше от человека, способного на такие выкрутасы. Кейт молчаливо кусала губы, отказываясь комментировать произошедшее. В отличие от Харриса, она уже видела это.

За секунду до столкновения с машиной, Каучуковый Джек резко вытянулся вверх, широко расставляя выросшие ноги-ходули. И автомобиль Уолтера прощмыгнул у него аккурат между неестественно удлинившихся, как спагетти-переростки, конечностей.

Бред какой-то, подумал Харрис, выкручивая руль, и переезжая на другую улицу. Но сидящая рядом с ним зарёванная девушка с трясущимся подбородком, дрожащими руками и насмерть перепуганным лицом лучше всяких слов говорила, что можно как угодно отнестись к тому, что они видели, но не поверить в это нельзя. В мокрых глазах Кейт застыл купающийся в слезах животный страх.

Уолтер поёжился. Ему тоже стало страшно.

Глава 17

— Шелли, успокойся, мы что-нибудь обязательно придумаем. Мы найдём рациональное объяснение тому, что происходит...

— Энди, когда ты так говоришь, мне хочется придушить тебя! — Шейла вонзила наманекюренный указательный пальчик в грудь шерифа, сминая форменный китель. — Я уже говорила, что терпеть не могу, когда со мной обращаются в подобном ключе? Говорила? Я не маленькая несмышленная девочка и не надо мне вешать лапшу на уши! У меня-то уши хоть и большие, как у мартышки, но такого веса макарон даже они не выдержат.

— Нормальные у тебя уши, — сконфуженно сказал Тёрнер.

Шейла кокетливо улыбнулась, давая понять, что Энди прощён и реабилитирован. Девушка перебросила через плечо стянутые в хвост чёрные волосы и накинула на голову капюшон курточки. Выжидательно уставилась на шерифа.

— Ну, что мы предпримем, ваше полицейское высочество? Я предлагаю сей же час ехать к Дейзи Хилл. Я знаю, что ты не веришь мне, но твоё сугубо личное и предвзятое мнение должно отступить в сторону. И знаешь, почему?

— Почему? — Тёрнер, застёгивая на поясе португеею с кобурой, подумал, что начинает уставать. А ведь ночи конца края не видать. Но этой неутомонной егозе было хоть бы хны!

— Потому что на карту поставлена жизнь человека. Близкого мне человека, — симпатичное личико девушки стало на редкость серьёзным, и шериф прикусил рвущиеся с языка колкости.

Тёрнер просунул руки в рукава куртки с закреплённым на груди жетоном хеллвилского департамента полиции и нахлобучил на русоволосую макушку широкополую шляпу с высокой тульей.

— Близкого? Шелли, извини меня, но порою мне кажется, что ты или совершенно не разбираешься в людях, или по сути своей чересчур впечатлительная и добрая наивная душа. Понимаешь, о чём я?

Грустно улыбнувшись из недр надвинутого на огромные синие глаза капюшона, девочка несколько виновато сказала:

— Это у меня от мамы... Ей постоянно всех жалко, и она всё время за кого-то переживает. Иногда я думаю, если она зачастую так трогательно относится к совершенно посторонним людям, то насколько сильно она способна любить нас? Меня, отца, Алана?..

— Видимо, у миссис Блейз очень доброе и открытое сердце, — смущаясь, сказал Энди, положив руки на плечи вытянувшейся перед ним во фронт девушки. — И ты унаследовала её доброту и сострадание. Прости, Шелли, наверно, мои слова прозвучали грубо и... неправильно.

— Ты не обязан всё время поддакивать мне и делать вид, что я всегда во всём права, —

Шейла обнажила в обаятельной улыбке ровные белые зубки. На её щеке нарисовалась милая ямочка. У Энди на миг закружилась голова. Как же она красива... Господи! — Я далеко не всех могу назвать своими близкими друзьями. Но Дейзи мне нравится. Она хорошая девушка и она любит моего старшего брата! Понимаешь, Энди? Она искренне, от всей души любит его. Для меня это очень важно, потому что я тоже люблю своего брата и хочу, чтобы он был счастлив. Ты много не знаешь, Энди. Для меня Дейзи совсем не чужая. Я бы очень хотела, чтобы она стала мне сестрой, а Алану — женой.

Тёрнер не сводил с неё глаз, любуясь чертами её хорошенького лица. Ему показалось, что вот так, глядя на неё, он может простоять вечно. Но у них не было вечности. Пока, во всяком случае. Он откашлялся и убрал руки, полагая, что лимит дозволенности на сегодня исчерпан.

— Я надеюсь, что в будущем так и будет, — отворачиваясь, сказал молодой шериф. Он не видел, как зрочки девушки, до того блестящие зеркальной слюдой, печально потухли. — Я... Я вот о чём хотел спросить, раз уж мы затеяли этот разговор...

— Спрашивай, — голос Шелли не дрогнул ни на секунду.

Пройдя к столу и взяв связку ключей, всё так же не оборачиваясь, Энди глухо спросил:

— Скажи, Шелли, а меня ты считаешь своим другом? И если нет, то какие у меня шансы заслужить право войти в эту категорию избранных? Что для этого нужно сделать?

Шейла подошла к Тёрнеру и потянула за полу куртки. Энди, повинувшись настойчивости девушки, развернулся. Шелли внимательно смотрела на него. Шериф в который раз покраснел, чувствуя, как горят его щёки.

— Нужно просто быть моим другом, — негромко сказала Шелли, приподнимаясь на носочки и целуя Энди в губы. Тут же улыбнулась и игриво отбежала к двери, оставив Тёрнера в полной прострации.

У Энди едва не отнялись ноги. Прикосновение тонких нежных губ Шейлы было мимолётным, едва ощутимым, но обожгло жарким пламенем, подарив губам молодого человека сочное, ни с чем несравнимое послевкусие. Энди хотелось заорать от восторга. Он натужно сглотнул и вытер вспотевшие ладони о штаны.

— Ну, чего ты застыл? — спросила Шейла, поторапливая шерифа. — У нас не так уж и много времени!

Мимоходом глянув на замершие часы, Тёрнер подумал, что уж чего-чего, а времени у них в избытке. Но вслух не сказал ни слова. Больше, чем о мимолетности поцелуя Шейлы, он жалел о том, что все телефоны вышли из строя. Он не мог позвонить Кейт, чтобы узнать, добралась ли она до дома. Он не мог связаться с доктором Харрисом и поделиться последними соображениями по поводу взбесившихся сил природы и сдвинувшихся с места законов мирового порядка, и заодно услышать, чем закончилось представление в цирке. И ему был нужен Кларк. Но до младшего помощника так же было невозможно дозвониться!

Шериф не мог знать, что схожие проблемы, помимо Дугласа Кларка, в двадцатый раз раздраженно швыряющего впустую гудящую трубку на рычаги телефона, испытывают и десятки других людей, пытающихся дозвониться в полицейский департамент. Жители Хеллвила, сбежавшие с обернувшимся кровавой резнёй циркового представления, настойчиво обрывали телефоны, раз за разом набирая номер участка. Но старания сознательных граждан были бесполезны. В Хеллвиле вместе со временем умерли и все телефонные линии связи.

У Энди было ощущение разразившейся прямо у него перед носом чудовищной

катастрофы. Шерифу казалось, что привычный для него уклад жизни рассыпался, как шаткий карточный домик. И он не знал, что делать. Как сориентироваться в громоздящемся на обломки порядка, давящем своей гнетущей тяжестью хаосе. К собственному стыду, Энди не знал, как дальше поступать и с чего начинать. Ситуация с взбесившимися обстоятельствами выходила из-под контроля. Да и контролировал ли он вообще хоть что-то? И никто не мог подсказать молодому шерифу, что именно нужно предпринять для восстановления посрамлённых неведомыми силами законов природы. Да если бы хоть кто-нибудь смог внятно объяснить суть происходящего, благодарность Энди не знала бы границ!

Слава богу, что рядом с ним оказалась Шелли. Жизнерадостное, неунывающее очаровательное создание, способное самую тёмную и страшную ночь превратить в искрящийся всеми красками жизни светлый день. И эта невероятная во всех отношениях девушка сохранила способность трезво и рассудительно размышлять, не впадая в панику и не закатывая слезоточивой истерики. Тёрнер поражался выдержке и самообладанию Шелли. Разве мог он, видя её стойкость, спасовать и пасть духом? Разве имел он право распустить сопли и запричитывать о несправедливости судьбы? Он видел, что девочка очень сильно переживает за брата, за Дейзи, дядю Фреда. Она места себе не находила, волнуясь о пропавшем Тони. Но она находила в себе силы отодвинуть все переживания и тревоги как можно дальше, чтобы сделать всё возможное для решения образовавшихся проблем. И эта нестандартная для семнадцатилетней девушки жизненная позиция вызывала у Тёрнера огромное уважение. И, по крайней мере, Шелли хотя бы сказала, с чего следует начать разбирательство во всей этой потусторонней хрени. Пусть она основывалась лишь на своих чувствах и предположениях, пусть многое, сказанное девочкой, вызывало недоверчивую улыбку, но это было хоть что-то! Тот же Тёрнер, лишившись телефона и радиосвязи, оказался как без рук, превратившись в растерянного, беспомощного, самого обыкновенного молодого парня.

— Едем, — твёрдо сказал шериф. — Сначала к Дейзи, а потом забежим домой к Дугласу. Он нам нужен.

— Не возражаю, офицер, — иронично отдала честь двумя пальцами Шелли. — Ваше слово — закон!

— Дуглас, ты никуда не пойдёшь! Христом богом клянусь, я не выпущу тебя за дверь, — Мэгги Кларк все своим воинственным видом выражала нешуточный настрой и готовность подтвердить сказанные в сердцах слова на деле. — Ты НЕ ОБЯЗАН этого делать, чтобы ты там не рассказывал! Сейчас твоя наипервейшая обязанность — это сидеть дома. Ты не посмеешь уйти и бросить меня одну. Дуглас, ты слышишь меня?

Не обращая внимания на разбушевавшуюся жену, одетым в домашний халат цербером загородившую входную дверь, Кларк заправлял рубаху в штаны. Справившись с рубашкой, он накинул на могучие покатые плечи куртку и засунул в кобуру табельный револьвер, проверив в барабане наличие патронов. Заозиравшись в поисках шляпы, младший помощник демонстративно не обращал внимания на притихшую жену, избегая встречаться с ней взглядом. Кларк боялся, что не выдержит её умоляющих глаз и даст непростительную слабину. Он любил Мэгги и не хотел причинять ей боль. Он не хотел обижать её. Но он должен переступить через себя.

— Милый, ну пожалуйста, ну посмотри на меня! — со слезами в голосе воскликнула Мэгги. — Не уходи, прошу. Я уверена, что шериф справится и без тебя. Ну... Ну дождись

хотя бы утра, Дуглас! Только не бросай меня сейчас одну. Я... Я больше никогда не буду отгонять тебя от компьютера...

Кларк не удержался от улыбки. Последний приведённый женой довод выглядел наивной детской попыткой предотвратить его уход. Фолом последней надежды, как сказали бы в футболе. Полицейский застегнул на молнию куртку и подошёл к судорожно обхватившей себя руками супруге. Мэгги... Молодая симпатичная женщина, пусть и набравшая в последние годы несколько килограммов, но от того не менее желанная и любимая. Порядком округлившиеся бёдра, потяжелевшая грудь и налившийся животик ничуть не портили её. Кларк мог часами вдыхать пряный аромат её густых, насыщенного пшеничного цвета волос, гладить её тёплую бархатистую кожу, целовать в пухлые, лукаво изогнутые губы. Чудно, что только недавно он осознал, насколько же он в действительности сильно любит её. Он готов на всё ради Мэгги.

Но сейчас она просит о невозможном. Он полицейский, он обязан защищать не только её, но и других. И он просто не имеет права подвести своего шефа. Когда сдох интернет и отрубилась телевизионные каналы, Кларк подумал, что всё ещё устаканится, что всё образуется само собой. Но когда выяснилось, что и телефонные линии приказали долго жить, то понял, что нельзя терять ни минуты.

— Мэгги, зайка... Я должен, понимаешь? Это не сколько моя работа, и не стремление выслужиться перед начальством. Это даже не долг. Это совсем другое.

— Что же тогда? — Мэгги всё выше задирала лицо, чтобы не дать набухающим на серых глазах слезам скатиться вниз.

— Это то, что называется порядочностью и честью, — взяв лицо жены (такое милое и родное) в свои большие лопатообразные ладони, проникновенно сказал Кларк. — Это то, что делает нас людьми. Я знаю, что я нужен Тёрнеру. Не как подчинённый, но как друг. Я не могу предать его.

Мэгги обхватила руки Дугласа своими маленькими ладошками, сильнее прижимая их к щекам. Пальцы мужа были горячими, твёрдыми и нежными одновременно... Она испытывала ни с чем несравнимое наслаждение, мечтая растянуть этот миг до бесконечности. Их глаза встретились. И она всё поняла. Поняла, что не сможет этим вечером (или ночью?) удержать Дугласа дома. Потому что он был настоящим мужчиной и верным другом. И ещё потому, что любила его больше жизни.

Тихонько заплакав, Мэгги прильнула к широченной мужниной груди, зарываясь носиком в толстую куртку. Дуглас обнял молодую женщину и крепко стиснул в своих медвежьих объятиях, положив гладко выбритый подбородок на макушку Мэгги, вдыхая дразнящий запах её густых пшеничных волос.

— Ты видимо переиграл в свои игры, — приглушенно пробубнила, всхлипывая, Мэгги. — Всё твоё рыцарство — это оттуда...

— Возможно, — не стал отрицать Кларк, отстраняясь от Мэгги. — Ну всё, хватит, вытри слёзы...

Он опустил взгляд. Жена стояла, обутая в домашние тапочки со смешными собачьими мордочками на носках и длинными пушистыми «ушами». Эти тапочки он подарил ей на прошлое рождество. Мэгги всегда нравились подобные вещицы.

— Обещай мне, что всё будет хорошо, что ты вернёшься, — она ухватила мужа за отвороты куртки. — Если надо, соври, но пообещай, что вернёшься. Что не успеет остыть наша постель и закончиться эта странная ночь, как ты постучишь в дверь и скажешь, что ты

пришёл домой.

— Клянусь, — сказал Дуглас. — Я не буду прощаться. Я скоро вернусь. И ты опять с порога закричишь на меня, что я снова не вытер, как следует, ноги!

Мэгги, поджав полные губы, отступила от Кларка, мучительно гадая про себя, чего было больше в его словах — настоящей искренности или лжи во благо?

Стивен был готов поклясться, что ещё минуту назад за ним никто не следил. Верняк! Пока он бежал, сломя голову, как заправский стайер, никто не мог проследить его путь. На улицах Хеллвила не было ни души. И он никого не встречал, и никого не видел. Вплоть до остановки напротив похоронной конторы Джека Сорбро.

Но, безуспешно молотя в запертую дверь жилища гробовщика уже не только кулаками, но и ногами, юноша не мог отделаться от свербящего мозг чувства, что за ним кто-то наблюдает. Наблюдает пристально, изучающе, не торопясь выйти под марево лунного света. Этот взгляд буквально сверлил вспотевшую спину Диксона и жутко его нервировал.

— Вот старый глухой пень! — сплюнул на землю Стивен. Шейные мышцы напряглись до предела, под кожей тросами натянулись жилы. Диксон прикладывал максимум усилий, чтобы не дать своей голове обернуться и посмотреть, что происходит за спиной. Юноша не хотел, чтобы неизвестный и невидимый наблюдатель понял, что разоблачён и перешёл от нейтрального подглядывания к активным действиям.

— Мистер Сорбро! Вы там живой? — хрипло каркнул Диксон и, поперхнувшись словами, громко закашлялся, сгибаясь едва ли не вдвое. И при этом незаметно покосившись по сторонам. Да где же ты спрятался, сволочуга? И кто ты такой? И зачем тебе понадобилось следить за мной?

Но, кем он ни был, этот таинственный соглядатай, он определённо не спешил выявлять себя. Тучи всё так же затеняли улицы замершего от страха городка. Луна нет-нет, да и давала о себе знать, мелькая в облачных просветах, напоминая, что всё идет своим чередом. Что всё по-прежнему, что тронувшийся с места мир уверенно движется новым курсом, падая всё ниже и ниже. Твою мать, подумалось Стиву, а, может, у меня просто напросто крыша поехала?! Вдруг, это я сбрендил и как полоумный мотаюсь по ночным улицам Хеллвила, убегая от призраков, существующих лишь в моей голове?

От подобных предположений Стивену окончательно поплохело. Перспективка оказаться буйно помешанным придурком тоже, знаете ли, не из самых приятных. Уж лучше пусть мир сойдёт с ума, чем он.

— Нетнетнет, — скороговоркой прошептал он, облизывая шершавым языком пересохшие губы. — Не-е-е... В задницу, ребята. В здоровенную волосатую вонючую задницу! Я — нормальный. Я не сбрендил, ясно вам? И я не собираюсь склоняться по округе, открыв как дебил, рот, умильно пуская слюни и считая пролетающих в небе птичек!

Услышав в сумрачной тишине, прерываемой лишь его тяжёлым дыханием, звук звонко цокающих по дороге каблуков, Стивен подпрыгнул, как пчелой ужаленный. Дальше делать вид, что он оглох и ослеп, смысла не было, и юноша нехотя повернулся навстречу перестуку каблуков, оставив в покое не поддающуюся дверь похоронной конторы. Что ж, не зря ему показалось, что по асфальту шагают ножки, обутые в женские туфли. Уж больно лёгкой и воздушной была эта поступь...

Он не успел заметить, из какой подворотни она вынырнула. Как и не приметил, где она скрывалась до последнего момента. Но, встретившись с ней глазами, сразу понял, что

именно её пристальный, прожигающий кожу и плоть взгляд он ощущал на своей шкуре последние несколько минут. Это была она — тот невидимый наблюдатель. Эта женщина выглядела парадоксально, диковинно и впечатляюще одновременно. Конечно, на городских улицах, среди обычных людей она сразу бросалась в глаза, выделяясь из толпы, как терновый куст в окружении роз. А вот на цирковых подмостках она смотрелась бы вполне уместно, удачно гармонируя с балаганным интерьером.

И ещё Стивен подумал, что, должно быть, Эльвире Леди-Нож с высокой скалы начхать на все эти условности.

Юноша вжался в дверь. Почему-то Стивену показалось, что эта фигуристая дамочка не собирается спрашивать у него, который час. Нет. И поболтать о чудесной погодке им не придётся. Не того она разлива, чтобы попусту трепать языком. Да и вид у неё был какой-то сомнительный. И отнюдь не дружелюбный. Чёрт побери, да у Стивена поджилки затряслись от накатившего страха! Вот дерьмо то, а? С этим надо что-то делать. И чем быстрее, тем лучше. Если как следует оглянуться на прошедшие часы, то получится, что он только и делал, что потел от приступов панического страха и охватывающего всё естество ужаса. Так недолго превратиться в распоследнего закоренелого труса. И это всё про него, про Стивена Диксона, парня, который никогда никого не боялся! М-да, приехал.

Леди-нож приближалась к побледневшему парню с неотвратимостью надвигающегося цунами. Зубы Стивена помимо его воли начали отбивать чечётку. От затянутой в красный поскрипывающий латекс женщины веяло грозой. Эльвира напомнила Диксону до отказа начинённую взрывчаткой бомбу, в любую секунду готовую взорваться и разнести всё вокруг к чёртовой матери. Эта была на редкость смертоносная женщина. И на удивление красивая. Забудьте о цирковых женщинах-фриках с курчавыми мужицкими бородами. Эльвира была слеплена совсем из другого материала. Она было не просто опасной игрушкой, бомбой, способной при неосторожном обращении оторвать обе руки. Она была вполне достойна и другого титула, столь же красноречиво характеризующего её — секс-бомба, не меньше.

Среднего роста, с заплетёнными в косу чёрными волосами, правильными чертами овального лица и сверкающими большими тёмными глазами под резким разлётом тонких, выщипанных бровей. Пропорции её изумительного тела были соблюдены чуть ли не с анатомической точностью. Словно фигуру Эльвиры ваял невероятно талантливый скульптор, превративший холодный камень в живую плоть. Красный, отливающий ржавчиной комбинезон, обтягивал это приковывающее взгляд тело. Стройные, ровные ноги, широкие бёдра, круто переходящие в узкую талию, плоский живот, выпирающие полусферы тугих, округлых грудей, тонкая, изящная шея... Этой женщиной хотелось любоваться. Её хотелось любить. Совершенство.

Эльвира была обута в тонкие сапожки из красной кожи на высоком каблуке. Голенища сапог плотно обхватывали точеные икры, поскрипывая от соприкосновения с латексом. На бёдрах циркачки была застёгнута сложная портупья, отягощённая десятком метательных ножей. Через плечо, перечеркивая высокую грудь, тянулась сходная с портупеей перевязь, с дополнительными клинками.

Стивен мысленно присвистнул, как следует рассмотрев застывшую напротив него циркачку. В принципе, комбинезон-в-облипочку мало что скрывал, но Стивен не мог не пожалеть, что в этом багрово-красном наряде отсутствует такая немаловажная деталь туалета, как декольте. Увы, комбинезон застёгивался спереди на полдюжины кнопок, последняя из которых находилась прямо под горлом.

Чёрт, чёрт, чёрт, одёрнул себя юноша, я не о том думаю! Не на сиськи надо смотреть, а на ножи! Тьфу, мать твою... На ножи! На острые, бликующие в вечерних сумерках ножи, наверняка острые, как сам дьявол. На сиськи он ещё успеет насмотреться, если, конечно, выберется их этой передраги целым и невредимым.

— На что это ты так уставился, сахарный мой? — приятным вибрирующим голосом спросила Эльвира. Стивену тут же захотелось поискать этот источник вибрации у неё во рту. Низ живота Диксона потяжелел от прилившей горячей крови. Леди-нож здорово возбуждала его, и он ничего не мог с этим поделать.

— Д-да не на что... Никуда я не смотрел, — юноша затравленно заозирался. Но деваться ему особо было некуда. Он сам загнал себя в тупик, прижавшись спиной к этой треклятой двери.

Эльвира слегка изогнула красивые алые губы в лёгком намёке на улыбку. Но улыбка никак не затронула её глаза, которые по-прежнему оставались двумя холодными, чёрными, безразличными колодцами. Уж лучше бы она и не улыбалась вовсе, тоскливо подумал Диксон, упираясь локтями в дверь.

— А почему не смотришь? — вопрос женщины изрядно огорошил Стива. — Я тебе не нравлюсь? Или ты считаешь, что я недостаточно хороша для такого, как ты? Ты же крутой парень, да? И думаешь, что я не достойна вдыхать одинаковый с тобой воздух?

— Вовсе нет, — чуть не выкрикнул Диксон. Не смотря на то, что он давно остыл, да и на улице было прохладно, руки его подло вспотели. Да она совсем чокнутая, эта баба с ножами! — Ты очень красивая, правда. И... У меня и в мыслях не было чем-то обидеть тебя! Честное слово.

— Красивая, говоришь? — Эльвира сложила руки на груди, широко расставив длинные стройные ноги. — Много кобелей говорили мне подобные слова. Очень многие. Но знаешь, в чём была их главная проблема?

Сердце Диксона, едва не проломив грудную клетку, так и дёрнулось. Юноше показалось, что сердце настолько сильно стучит о рёбра, что этот звук должна услышать и Эльвира. Он робко пролепетал:

— Н-не знаю... Мэм.

— Для них я была всего лишь самкой, — наклонившись вперёд, прошептала молодая женщина (на вид Эльвире врядли было больше тридцати лет) на ухо Стива, обжигая горячим дыханием шею юноши. — Живым манекеном, в которого можно засунуть свой неугомонный и охочий до очередной женской дырки стручок. Понимаешь меня?

У Стива от страха зуб на зуб не попадал. Пот мерзостными липкими ручейками сбегал по спине в штаны и капал со лба на нос и подбородок. Он едва успевал смаргивать солоноватую жидкость с ресниц. Ой-ой-ой, а положеньице-то совсем хреновое, братцы! И угораздило же ему нарваться на лютую мужененавистницу. Батюшки святы, да эта деваха отрежет ему член и не поморщится!

— Э-э-э, леди... Леди-нож, да, я не ошибаюсь? Так вот, что я хотел сказать... Вы меня не так поняли, точняк! Я не из ТАКИХ. Серьёзно вам говорю. Я очень люблю и уважаю женщин и никогда никого не обижал из вашего племени... Э-э-э... Из представительниц вашего пола! Да я первый джентльмен в Хеллвиле, спросите кого угодно, и каждый подтвердит, что для Стивена Диксона нет большей радости, чем отстоять честь женщины. Зуб даю!

Эльвира хрипло рассмеялась. От её смеха мокрый от пота Стив покрылся мурашками.

Ему сразу стало холодно.

— Ты дрожишь, сахарочек, дрожишь, как готовая лишиться девственности малолетняя глупая дурёха. Скажи, скольких наивных дурочек ты лишил самого святого, что есть у непорочной девочки? Сколько целок ты сломал, сколько жизней испоганил?..

— Ну почему испоганил... — потупился Стив и тут же схлопотал знатную пощёчину.

Затянутая в кожаную перчатку рука Эльвира была тяжела, как наковальня. От удара, отозвавшегося в переулке громким звучным шлепком, голова юноши откинулась назад и врезалась затылком в дверь. Стивен зашипел от боли, вонзившей под черепную коробку крючковатые когти.

— Эй, вы что себе позволяете...

— Заткнись! Заткнись, если тебе дорога твоя сраная жизнь! — рыкнула на мигом прикусившего язык Стивена Эльвира. Её миловидное лицо исказила злобная, полная брезгливости гримаса. На секунду красота женщины бесследно испарилась. Маска упала, приоткрыв лик безумной стервозной фурии.

Но только на секунду. Эльвира быстро справилась с вспышкой безотчетного гнева и вновь заулыбалась, теребя пальцами рукоятки засунутых в поясную портупею ножей. Ох, лучше бы она держала свои руки при себе, обречённо подумал юноша. Да пусть лучше ещё раз даст ему по морде, но уберёт лапы подальше от ножей.

— Я знаю твою породу, золотой мой. У тебя же всё на лбу написано. И ты хотел это от меня скрыть?

Эльвира впялилась в него таким пронизательным и горящим взором, что Стив был готов немедленно ощупать свой лоб с прилипшими к коже мокрыми от пота волосами. А вдруг у него и впрямь там какая хрень намалёвана? Набравшись духу, он сказал:

— Прошу прощения, леди, но все ваши обвинения безосновательны и ничем не подкреплены. И не надо тут делать из меня маньяка! Перестаньте играть на публику. Если вы ещё не заметили, то поясню, что кроме нас с вами здесь больше никого нет. Никого!

Последние слова юноша прокричал во всю глотку, надеясь, что этот глухой тетерев, этот Франкенштейн недоделанный, этот доброхот могильный всё же услышит, что у него на пороге творится нешуточное дерьмо. Да тут же кое кого убить готовы! Блин, да где же все, когда они так нужны?!

— Не надо оправдываться. Я вижу тебя насквозь, понял? Ну да ладно, это не имеет никакого отношения к нашему делу...

Стив чуть не умер от облегчения. Слава тебе, Господи! Но следующая, сказанная женщиной фраза капитально вогнала его в ступор.

— Мне надо, чтобы ты проводил меня к Шейле Блейз.

— М-м-м... прошу прощения?

Второй, обрушившийся на Стива удар, был на порядок сильнее и едва не выбил из него душу. Так, во всяком случае, ему показалось, когда не по-женски твёрдый и увесистый кулак врезался ему в челюсть. Голова Стива с хрустом соприкоснулась с выкрашенной в чёрное дверью. Ему ещё повезло, что бронзовая табличка находилась чуть выше макушки, иначе сотрясения было бы не избежать.

Перед глазами юноши всё поплыло. Он отчаянно замахал руками, пытаясь остановить падение. Ноги не слушались его, подгибаясь в коленках. Эльвира предусмотрительно схватила его за воротник и встряхнула как щенка, прислоняя к двери. Да уж, сил ей явно было не занимать, первой связной мыслью пришло на ум Стивена, когда он вновь обрёл

способность внятно размышлять. Второй мыслью была расцветшая буйным цветом идея, что, пока не поздно, надо бы и сваливать подальше. Иначе распоясавшаяся циркачка вместе с духом вышибет из него и всю дурь, заодно с жизнью.

— Ты пойдёшь со мной и поможешь мне. Всё понял? Поможешь мне найти Шейлу Блейз.

— Да я даже толком не знаю её... — вяло отмахивался Стивен, стреляя глазами по сторонам и прикидывая наилучший путь для бегства. — Эта девчонка не местная. Клянусь, чем хочешь, я её знать не знаю! Ну, сталкивался пару раз, но даже никогда не заговаривал с ней! На фиг она мне сдалась? У неё братец тот ещё кекс, вконец отмороженный!

— Мне надо её найти. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше будет для тебя, — тёмные глаза Эльвиры неотрывно смотрели на Стива, подчиняя и подавляя сознание.

— Да я откуда знаю, где она сейчас? — возмутился Диксон. Затылок продолжал гудеть от пульсирующей тупой боли, но хоть перед глазами развиднелось, и то хорошо. — Может, отвисает где, а, может, гоняет чай со своим дядей и придурочным братом! Вы не по адресу обратились, мэм! Это вам нужно сразу топать к особняку де Феса, если уж так сильно прижало перетереть с этой шлюшкой...

Хрясь! Третий удар едва не отправил юношу в нокаут. На лбу Стива вздулась солидных размеров шишка.

— Не смей ТАК обзывать её, подонок, — Эльвира шипела гремучей змеёй, разве что ядом не плевалась. Схватившийся за голову Диксон проклинал всё на свете: и мутузящую его циркачку, и свой длинный язык, и всех женщин в мире. — Не позволяй больше срывать с своего грязного языка таким словам, понял? Иначе я оторву тебе яйца.

— А почему не язык? — на глазах юноши выступили слёзы. Под черепом раздавалось дружное буханье сводного оркестра полковых барабанщиков.

— Твой нахальный язык нам ещё пригодится, — многозначительно улыбнулась Эльвира. — Итак, не будем больше терять времени. Идём.

— Да ты знаешь, сколько надо пилить к особняку старого Фреда? — попытался облагоразумить настырную артистку (нет, ребята, фрик она, да ещё какой!) Стив. — Это почти за городом. Мы пока дойдём, утро наступит...

И тебе придется, поджав хвост, забиться в какую-нибудь нору, про себя закончил юноша. Но Эльвира тут же разочаровала его.

— Не надейся, сахарный, не наступит. Утро больше не наступит.

Диксон предпочёл не отвечать. Трёх ударов ему вполне хватило, чтобы оценить свои шансы в случае возможной потасовке с ней, как самые минимальные.

— И к тому же мы не пойдём к особняку этого, как его там... Фреда. Сейчас Шейла находится к нам гораздо ближе, чем ты думаешь. Нам надо пройти к вашему полицейскому участку. Я думаю, что он находится внутри городской черты, верно?

Вон оно как всё выходит... Оказывается, у циркачей в Хеллвиле развёрнута целая агентурная сеть, прикинул Стив. Что ж, рад за вас, но это всё, как говорится, без меня. Поигрались, и хватит. Юноша отклеился от двери и сказал:

— Короче, дамочка, мне, в общем-то, глубоко по фигу ваши дальнейшие планы. И мне безразлично, что вы там задумали. Но, чем бы это ни было, я в этом участвовать не собираюсь. И вообще...

Сделав резкое, обманное движение корпусом, Стивен выбросил вперёд сжатый до побеления костяшек кулак, целясь в центр ненавистного лица, мечтая вбить блуждающую на

пухлых губах Эльвиры презрительную улыбку поглубже в глотку. Желательно, вместе с зубами. Как бы там не было, драться он умел, ударом обладал приличным, и попади он в цель, можно считать битву наполовину выигранной. Но Стив угодил в пустоту. Кулак со свистом рассёк воздух там, где ещё мгновение назад находилась Эльвира.

Чертыхнувшись, Стивен оттолкнулся от двери и выбежал на свободное пространство. Начало положено! Но куда делась эта стерва? Не хотелось бы убегать, зная, что она висит у тебя на хвосте. Цоканье каблуков, озарило юношу. Да на своих шпильках она не пробежит и десяти метров! Стивен плюнул на всё и рванул с места в карьер, громыхая ботинками, как подкованный конь.

Его остановил тот самый пресловутый каблук. Леди-нож возникла справа от него, как чёртик из коробочки, словно вынырнув из тени, и с размаху ударила Стивена ногой в живот. Согнувшись от резкой боли чуть ли не вдвое, Стив отлетел на несколько шагов и грохнулся оземь, крепко приложившись спиной об асфальт. Юноша лежал, наполовину оглушенный, хватая широко разинутым ртом холодный живительный воздух. Ему показалось, что его лягнула ломовая лошадь, а острый каблук проделал в брюхе знатную дыромаху. Диксон, закричав, лихорадочно ощупал живот. Фу-у-у, слава богу, обошлось!

Кое-как встав на ноги, Диксон замер в позе скрюченного артритом старика, прижимая одну руку к животу, а вторую уперев в колено. Он никак не мог отдышаться. Эта сука едва не вырубил его, причём с одного удара. А уж насколько она быстра! И передвигается неслышно, когда того требует необходимость. Он не только не увидел, но и не услышал её приближения. Опасная сука. Как сам дьявол. Нет, не справиться ему с ней, и нечего надеяться. Чёртова баба нашинкует его в салат и не заметит.

Вновь раздался лёгкий перестук каблукчиков. Стивен поспешно вскинул голову. Лоб покрывала испарина, слипшиеся волосы стояли торчком, зрачки молодого человека неестественно расширились. Эльвира, расслабленно поигрывая одним из своих многочисленных клинков, наступала на него. Пухлые губы натянутой в кожу и латекс красотики изогнулись в слабом намёке на улыбку. Не успел юноша и подумать, что ему дальше делать, как Эльвира взмахнула ногой и наотмашь ударила его носком сапога по лицу. Диксона крутануло волчком и повторно швырнуло на асфальт. Он не успел даже среагировать на удар и что-либо предпринять для защиты. Эльвира была БЫСТРЕЕ дьявола.

Юноша упал ничком, лицом вниз. Он попытался выставить перед собой руки, чтобы смягчить падение, но и здесь опоздал. Стива пребольно впечатало в землю. Полковой оркестр в голове превратился в концерт металл-группы на Уэмбли. Из-за шума и гула в ушах он почти ничего не слышал. Диксон застонал и попытался приподняться на локтях, но потерпел позорное поражение и вновь уткнулся разбитым носом в асфальт.

Не сбавляя ходу, Эльвира с видимым наслаждением саданула поверженного противника носком под рёбра. Потом ещё раз. И ещё. Стивен на каждый новый удар отзывался бессильным стоном и сдавленной руганью. Циркачка наклонилась и рукой в перчатке схватила Диксона за воротник куртки. Длинная коса женщины свесилась почти до земли, окунаясь пушистым кончиком в лужицу набежавшей изо рта и носа Стива крови. Она рванула его на себя, заставляя юношу поднять голову.

— А вот это нехорошо, красавчик, совсем нехорошо, — улыбка Эльвиры превратилась в волчий оскал. — Зря ты начал выделываться... Я думала, что мы поняли друг друга, а выходит, что нет! Что с тобой? Ты слишком туп, чтобы уяснить элементарные вещи? Да? Ты туп и самонадеян? Придётся поучить тебя хорошим манерам.

— П-пошла ты, шляха, — отхаркнулся кровавой слюной Диксон, с ненавистью глядя на женщину.

— Зря ты меня обозвал, — почти нежно прошептала Эльвира. В её левой руке блеснул нож. — Не сойдёмся мы с тобой характерами, никак не сойдёмся. Ты туп, жалок и бесполезен. А от бесполезных вещей принято избавляться.

Последней мыслью Стивена Диксона было, что он, наверно, не совсем правильно её понял, что он ослышался и... И вообще ЭТОГО просто быть не может! Рок, злой и безжалостный, доказал, что ещё как может.

Эльвира сгребла стальными пальцами запаниковавшего Стивена за волосы, задрала голову до хруста шейных позвонков и профессиональным отточенным движением перерезала ему горло. Мощный поток дымящейся алой крови широким веером брызнул на дорогу. Натужный хрип Стивена быстро перешёл в хлюпающее бульканье. Бедолага задёргался, как в припадке эпилепсии, но Леди-нож держала его за волосы до тех пор, пока из юноши вместе с кровью не вытекла жизнь. Дёрнувшись в последний раз, Стивен застыл, с упрёком глядя застывшими глазами на свою убийцу. Эльвира разжала кулак, голова Диксона глухо стукнулась об асфальт.

Критически осмотрев невидимые на красных сапогах случайно угодившие капли крови, Эльвира вытерла нож об куртку покойного и резко выпрямилась. Скрипнула на плохо смазанных петлях дверь похоронной конторы.

Сжимая в трясущихся руках ружьё, на вид заставшее ещё времена написания оригинала конституции, на улицу высунулся хозяин похоронной конторы Джек Сорбро, одетый в мятую пижамную пару и сапоги.

— Эй, что здесь, чёрт возьми, происходит? — ломкий голос мистера Сорбро дрожал не меньше, чем руки. Ствол ружья целил куда угодно, но только не в Эльвиру Леди-нож.

Она недобро усмехнулась. Этот недоумок совершил фатальную ошибку, покинув пределы своего дома и ступив за порог. За порогом правили заплутавшие во времени сумерки. Под тусклым светом заново рождённой луны не было места для простых смертных.

— Эй, я у тебя спрашиваю! — отчаянно храбрясь, сказал гробовщик. Древнее ружьё норовило выскользнуть из вспотевших пальцев, а голос становился всё тише и тише.

Он всё ещё не понял, кто я, лениво подумала Эльвира. Он не представляет, с кем связывается. Женщина переступила через труп Стивена и быстро зашагала к застывшему в ступоре мистеру Сорбро.

Джек сделал два шага вперёд, всё больше отделяющих его от спасительно порога похоронной конторы. Остановившись напротив прислоненного к стене открытого гроба, Сорбро неуклюже вскинул винтовку. Последний раз он стрелял из неё в лесу за городом лет пятнадцать назад и даже не был уверен, выстрелит ли она сейчас.

— Эй, а ну стой, стой, кому говорю! Слышишь, ты, наркоман чёртовый... Баба?!

Ритуальных дел мастер недоверчиво сощурился. Поначалу, проснувшись от непонятных криков под окнами его дома, он решил, что на улице выясняют отношения малолетние хулиганы. Но чем дольше он слушал, тем быстрее пришёл к выводу, что дельце намного серьёзнее. Сунув босые ноги в сапоги, и зарядив висевшее над кроватью ружьё, мистер Сорбро набрался смелости выйти наружу и посмотреть, что происходит. Почему-то ему показалось, что за окнами кого-то убивают. Более правильным было бы позвонить в полицию, но, во-первых, телефон не работал, а во-вторых, для потенциальной жертвы ночных разборок могло быть уже поздно. Вдруг, это один из неблагополучных субчиков типа

бездельника Диксона решился пуститься во все тяжкие и?.. Джек и думать не хотел о самом плохом.

Он был готов встретить кого угодно, но женщину? Красивую женщину, затянутую в поскрипывающий комбинезон, с ножом в руке? С ножом? А этот непонятный, теряющийся в сумраке продолговатый предмет, через который она так легко переступила, это что? Уж больно предмет напоминал мистеру Сорбро неподвижное бездыханное тело.

— Я говорю — стой, — помертвевшими губами прошептал Джек, упирая приклад в плечо и взводя курок. — Стой!

Всё, баба окончательно сбрендилла, подумал Джек. Да она же просто сумасшедшая! И она не остановится, понял мистер Сорбро.

Эльвира, не говоря ни слова, замахнулась ножом. В испуге дёрнувшись, Джек позволил лежащему на спусковом крючке пальцу непроизвольно сократиться. Грянул выстрел. Для закрывшего от страха глаза мистера Сорбро выстрел прозвучал громогласным набатом. Он не увидел, как женщина в красном неуловимым для зрения обычного человека движением ушла в сторону, пропуская мимо себя летящую смерть, и выбросила правую руку вперёд, разжимая пальцы.

Молодецки свистнув, нож рассёк воздух и с хрустом впился в лоб мистера Сорбро, ломая черепную кость и поражая мозг. Джек так и не успел открыть глаза, как не и не успел понять, что произошло. Он умер мгновенно. Силой удара Джека унесло назад и по горькой иронии судьбы впечатало в открытый гроб.

— Надо же, бывает же такое! — прокомментировала увиденное Эльвира, и пошла вынимать нож.

Шейла Блейз. Никуда эта сучка не денется. Ей просто некуда бежать.

Самым отталкивающим фактором в облике наступающего на Алана серокожего монстра была, несомненно, отвратительная, мерзкая физиономия. Маленькие, глубоко посаженные свинячьи глазки, проваленный внутрь лица нос, ощеренный в оскале редких, жёлтых зубов, безгубый рот. Поросячьи глаза были угольно-чёрного цвета, белок насыщен грязной, мутно-жёлтой, непонятной субстанцией. С краешка рта гротескного создания стекала вонючая густая слюна. Алану захотелось незамедлительно предложить этому уроду носовой платочек.

— Ну что, мальчишка, задрожала твоя душа? Провалилось ли сердце в пятки? Ужель ты не почувал дыхание смерти, сопляк? — отодвинувшись на безопасное расстояние, паясничал расхрабренный Богарт. Фокусник стряхнул с полей волшебной шляпы несуществующие пылинки и злорадно заулыбался.

— Ну, запашок у него из пасти и впрямь убойный, — не стал спорить юноша, медленно пятясь назад, не сводя при этом тёмных глаз с когтистых узловатых лапиц ожившего чучела. Алан вспомнил, почему этот мутант показался ему подозрительно знакомым. Ещё каких-то несколько дней назад сия пакостная тварь занимала почётное место на стенде в палатке кунсткамеры среди других экспонатов кошмарной коллекции директора Рудольфа Старжински.

Изломанная, вытянутая фигура монстра бросала на землю причудливые тени. Тусклый свет через одну горевших разноцветных лампочек гирлянд подсвечивал уродца дискотечно-неоновыми бликами. Монстр гортанно порывивал и на взгляд Алана излишне плотоядно смотрел на него. Нехорошо так смотрел, словно прикидывал, сколькими килограммами

съедобного мяса он сможет разжиться при удачном стечении обстоятельств.

— Напрасно облизываешься, дружок, — спокойно сказал Алан. — Я тощий, жилистый и невкусный. Очень твёрдый и колючий.

Сомнительно, чтобы страховидло его дословно поняло, но общую суть, несомненно, уловило. И это ему не понравилось. Монстр зарычал, обнажая в неприятной гримасе жёлтые смердящие зубы и с неожиданной сноровкой прыгнул на Блейза. Ну конечно, на вид уродец был неуклюжим и не шибко подвижным, даже нелепым, и его скорость для многих оказалась бы непредсказуемой и, следовательно, фатальной. Но Алан ждал чего-то в этом роде.

Он совсем не зря смотрел именно на длинные, подрагивающие конечности чудовища. Можно обмануть противника, запудрив ему мозги отвлекающим трёпом, можно заморочить игрой в гляделки, но реакция рук и ног, готовых к действию, всегда выдаст с головой. Надо только знать, куда и КАК смотреть и не упустить момент, когда мышцы врага начнут сокращаться, приняв и обработав посланный мозгом сигнал к началу атаки. Алан не просто всё это знал, но и умел избегать подобных ошибок. Он мог быть АБСОЛЮТНО неподвижным.

Блейз начал двигаться ещё раньше, чем монстр налетел на него. Точнее, на то место, где он находился всего долю секунды назад.

Лапы уродца бешено замолотили по воздуху. Алан подумал, что не успеет он отскочить и клешни монстра, несомненно, задела бы его. А это было совсем не желательно. Молодой человек не боялся вероятной силы этих жилистых сухих ручищ, но всерьёз опасался длинных грязных ногтей. Не хватило ещё, чтобы чудо-юдо поцарапало его и занесло какую-нибудь неизвестную науке инфекцию!

— Вперёд, вперёд, мальчик мой, задай ему жару! — подбадривал монстра Богарт.

Чудовище раздосадовано рыкнуло и, развернувшись, попыталось повторить трюк с внезапным прыжком. Оно двигалось быстро. Далеко не каждый человек мог бы сравниться с ним в скорости реакции, но буквально испарившийся из кольца сжимающихся и готовых сокрушить ему хребет рук Алан был не каждым. Юноша поднырнул под могучий свинг сжатого в кипящей ярости кулака и, оказавшись за спиной монстра, ударил раздражённо заворчавшего уroda в правую область живота. Алан надеялся, что с анатомической точки зрения внутри у чудовища всё в порядке, и печень у него именно там, где и у обычного человека, а не, скажем, в заднице.

Ворчание монстра обернулось громким воем. Чудовище выгнулось дугой, хватаясь за поясницу, складчатая кожа рта раздалась в стороны, обнажая гниющие дёсны, белесые белки глаз налились кровью. Алан скользящим шагом, сливаясь с ночными сумерками, обогнул контуженого уродца, заходя с другой стороны. Что ж, Блейз понимал возникшие у чудовища затруднения со здоровьем. Ударом кулака высокий юноша пробивал двухдюймовую доску. Алан редко в многочисленных потасовках дрался во всю силу, но сейчас приложился от души. Не исключено, что печень не на шутку загрустившего уродца прекратила выполнять свои первоначальные природные функции.

— Что ты с ним сделал? — срывающимся голосом завизжал Богарт. Фокусник неверяще протёр глаза, когда серокожий, костлявый мутант после неуловимого выпада Блейза едва не упал, с трудом удержавшись на ногах. — Эй, так нечестно!

— Не тебе рассуждать о чести, ублюдок, — отрезал Алан, вновь отступая от перешедшего в лобовое нападение оклемавшегося чудовища. Пожалуй, уродец будет

покрепче многих, понял юноша. Девяносто девять процентов обычных людей после подобного удара не смогли бы и встать, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то передвигаться.

Мистер Невозможное нервным движением сорвал с головы чёрный цилиндр. Ловкие, гибкие пальцы фокусника вцепились в шляпу. Тонкие губы беззвучно зашептали. В затянутом тучами небе, словно отзываясь, блеснула раскаленная добела молния. И опять без грома. Нутро шляпы озарилось красивым малиновым мерцанием. Мерцание поднималось всё выше, заполняя собой всю шляпу и охватывая руки маэстро. Но Алан всего этого не видел. Он был немножко занят.

Безостановочно рыча и пуская вонючие слюни, монстр напирал на Алана, загоняя его к зачехлённой одноосной повозке непонятого юноше назначения. Чем бы ни была набита лысая голова чудовища, одно оно поняло быстро, на собственной шкуре прочувствовав всю состоятельность горьких выводов. Страхолюдина стала гораздо осторожней и уже так легко не подставлялась. И начала кумекать в правильном направлении. Необходимо загнать чересчур быстрого и прыткого противника в угол. Припереть его к стене и лишить опасного преимущества в умении молниеносно двигаться.

Блейз это прекрасно понимал и надолго затягивать поединок не собирался. Он выжидал удобного момента, чтобы... Есть! Монстр раскрылся, устало опустив руки. Попробуйте с такой дурью помахать ими, изображая лопасти вентилятора, и вы всё поймёте. Чудовище утратило бдительность всего на одно сокращение глазных век, но Алану больше времени и не требовалось. Он ударил быстро и резко, как выстрелившая реактивный снаряд ракетная установка. При всём желании, даже уловив пылающими злобой глазами стартующий кулак Блейза, чудовище ничего уже не успело бы сделать. Это было невозможно.

Алан вложил в удар всю силу и всю массу своего тела, превратив вытянутую руку в отбойный молоток. Кулак юноши врезался в солнечное сплетение неутомного монстра, чуть левее и ниже центра. Туда, где билось мощное уродливое сердце ожившей твари из цирковой кунсткамеры. Алан почувствовал, как под сжатыми пальцами треснули рёбра. Он не видел, но понял, что зазубренные обломки рёбер под продавливающим их кулаком вошли вглубь грудной клетки. Гораздо глубже и дальше, чем устроено матушкой-природой у обычных людей, протыкая важнейшие внутренние органы — лёгкие и сердце.

Отдёрнув руку, Алан отскочил от пошатнувшегося чудовища и, не глядя, как перенесёт удар уже падающий на колени противник, выругавшись, помчался к Богарту. Чёртов факир ворожил во всю, что-то шепча над разгоревшейся причудливым сочным малиновым цветом шляпой-цилиндром.

Оставленный в одиночестве, монстр уже не рычал. Он, прижимая руки к груди, жалобно попискивал, как бы недоумевая, что, собственно, произошло, и как это стало возможным. Из рта его выплёскивалась чёрная, воняющая аммиаком, кровь, заливая вытоптанную под преклонёнными коленями землю. Ослепляющая безумная боль рвала на части сердце и сводила с ума. Пронзённые лёгкие со свистом качали воздух, отзываясь не менее мучительной болью. Через три удара захлёбывающегося от крови сердца, глаза монстра закрылись. Его тело напрялось, сведённое в предсмертной судороге, и зановорождённая тварь завалилось на бок, умерев во второй раз.

Зрочки непрестанно шепчущего заклинание Богарта блестели в смыкающихся над ним сумерках, расширившись как у накаченного допингом скакуна. Он видел, что Алан ОЧЕНЬ быстро шагает к нему, но не смел прервать начатое. Это было чревато крайне неприятными

последствиями. И Богарт не горел стремлением узнать на себе, чем эти последствия неприятны на деле.

Он почти успел. Почти. Но, в тот самый миг, когда Мистер Невозможное был готов праздновать победу, стальные пальцы этого мальчишки, этого молокососа, этого сопляка жёсткими клещами сомкнулись на его тощей шее, сминая кадык. Кудесник запнулся и хрипло закашлял, пытаясь восстановить дыхание. Серые глаза Богарта выпучились, кровь отхлынула от лица, но он не сделал ни малейшей попытки, чтобы помешать обидчику. Руки фокусника, как приклеенные, не отрывались от шляпы. Холодно улыбнувшись, Алан тряхнул головой, откидывая с лица волосы. Богарт попытался что-то натужно выдавить из себя, но пальцы Блейза перекрывали доступ не только кислорода, но и магических слов.

Лицо фокусника приобрело отпечаток несусветного ужаса, пот выступил на бледном лице крупными градинами. Алан был готов поклясться, что кудесник испугался до усирачки.

— Вспомни глаза той девушки, что ты заживо пилил на части, — прошипел Блейз, резко сжав руку.

Шея Богарта треснула со звуком ломающейся под тяжёлой ногой сухой хворостины. Алан разжал пальцы, угрюмо выпятив нижнюю челюсть. Но, ещё раньше, чем жизнь улетучилась из брэнного тела фокусника, начала твориться какая-то потусторонняя дьявольщина. Разгорающаяся малиновым заревом волшебная шляпа внезапно потухла, обратившись в заурядный чёрный цилиндр. Но Алан краем глаз заметил, что в глубине шляпы закипела сгущённой нефтью изначальная Тьма. Цилиндр выпал из слабеющих пальцев хозяина и упал на землю, раструбом вверх. Сломав шею иллюзионисту, Алан прворно отскочил подальше, едва не ввалившись в палатку кунсткамеры.

Мёртвый фокусник стал падать, как сорвавшаяся с нитей кукольного мастера марионетка. Но не успел Богарт упасть, как непонятная Алану, не иначе как волшебная, сила захватила подгибающего колени покойника и в мгновение ока засосала в бездонные недра ставшей чернее ночи шляпы. Словно пылесосом затянуло детскую куклу, подумалось Алану. Был — и исчез.

Поглотив Мистера Невозможное, цилиндр вздрогнул, подпрыгнул и хлопнулся обратно, окончательно успокоившись. Теперь это действительно была обыкновенная шляпа, ничем не отличаясь от сотен и тысяч себе подобных. Алан, подойдя к ней, замахнулся ногой, но, криво улыбнувшись, передумал. Он не чувствовал никакой опасности. В цилиндре не осталось силы. Но глупо рисковать он не собирался. Раз в год и кочерга стреляет

Посмотрев на небо, Алан подумал ещё и о том, что время — странная штука. Оно умерло, но продолжает идти.

— Тут никого нет! — Кейт Симмонс выглядела слегка обеспокоенной. Доктор Харрис подумал, что девушка отлично держится. В её состоянии, после всего пережитого, быть «слегка обеспокоенной» ... — Куда они исчезли? Энди намеривался всю ночь провести в участке, и эта девчонка была совсем не прочь составить ему компанию!

— В самом деле?

— А как же! Я по её бесстыжим глазам сразу всё поняла.

Уолтер улыбнулся. Изображая праведный гнев, пытаясь обличительными словами замаскировать тревогу, Кейт производила забавное впечатление.

— Боюсь, мы не поняли друг друга. Я говорил о том, что, на ваш взгляд, могло заставить шерифа покинуть департамент?

Кейт, нервно кусая губы, передёрнула плечиками.

— Не знаю, док, ума не приложу... Я боюсь думать о самом худшем! Вдруг, до них кто-то добрался гораздо раньше, чем мы?

— Сомневаюсь, — Харрис внимательно осмотрелся. Они зашли в здание полицейского участка две минуты назад, открыв запертую дверь ключом мисс Симмонс. Ответственная девушка всегда носила ключ во внутреннем кармашке блузки, боясь нечаянно потерять его, и не доверяя женской сумочке. Что ж, оказалось, что весьма кстати.

— Почему вы так уверены в этом?

— Нет ни следов взлома, ни следов борьбы. Нет ничего, что указывало бы на возможность взятия участка штурмом. Думаю, что Энди не позволил бы застать себя врасплох и при любом раскладе бился бы до последнего. Тем более что под его ответственностью находится молоденькая девчонка.

Кейт демонстративно задрала носик. Шум в голове постепенно утихал, перед глазами давно не плыли гипнотизирующие, сводящие с ума, круги. Уровень выплеснутого в кровь адреналина приходил в норму. Кейт вновь начала адекватно мыслить, не захлёбываясь в приступах панического живого страха. Но к несчастью, отступив, адреналин пропустил вперёд себя доселе дремавшую где-то на периферии притуплённого сознания боль. Боль накатывала, мучительно жала и радостно повизгивая от восторга. Тело девушки со стоном отозвалось на болезненные укусы. Основной эпицентр боли сформировался внизу, единолично захватив израненные ступни ног.

— Знаю я, на что способны эти ваши молоденькие девчонки, — тихо сказала Кейт, с искаженным от боли лицом опускаясь на кушетку и осторожно поджимая пальцы. Чёрт! Она чуть не вскрикнула, когда ступни обожгло огнём. — Знаю... И все вы, мужчины, как маленькие, ведётесь на невинно хлопающие глазки и смазливый мордашки. А там уже и опомниться не успеваешь, как с вас стягивают трусы! И всё, вы в их руках.

— М-м-м... В руках?

— Ну, образно выражаясь, — у Кейт хватило приличия покраснеть. Девушка вытянула ноги и мрачно уставилась на сбитые в кровь пальцы. Ух ты, а маникюру то кранты!

Доктор Харрис подошёл к кофейному столику и прикоснулся к чайнику.

— Ещё тёплый! Значит, они уехали совсем недавно. Возможно, мы разминулись с ними на какие-то минуты.

— А их не могли взять в заложники, засунуть в машину Энди и укатить в неизвестном направлении? — не унималась Кейт. На душе становилось всё хуже и хуже. Она бы с удовольствием заревела, но слёзы упорно не хотели катиться из голубых глаз. И это бесило девушку ещё больше. Она раздражённо дёрнула ножкой и прикусила губу от новой вспышки острой боли.

— Сомневаюсь.

— А я думаю, что эти мерзавцы на всё способны. Одного не пойму, зачем им понадобилась Шейла? Что им проку от обыкновенной девчонки?

— Не знаю, Кейт, — задумавшись, доктор машинально, впервые в жизни назвал девушку по имени, опустив обязательную для себя джентльменскую приставку «мисс». Кейт с интересом посмотрела на взъерошенного, напоминающего в заляпанном кровью костюме ополоумевшего мясника Уолтера, стоически игнорируя терзающую ноги боль. — У меня скопилась чёртова куча вопросов и не нашлось ни одного ответа ни на один из них. Проклятье, да я даже не знаю, к кому обращаться за разъяснениями по поводу всего, что

увидел! А видел я то, что не присниться и в страшном сне. То, что способно парализовать волю, напугать до смерти, выжечь сознание.

— Я не хочу знать этого, — прошептала Кейт, умоляюще уставясь на Уолтера. — Мне и так слишком страшно. Я очень боюсь... И очень переживаю. За Энди, за моих друзей, за родных, даже за эту вертихвостку Блейз! Ведь подобное твориться во всём Хеллвиле, да? Весь город тронулся? Я права, Уолтер?

— Мне тоже страшно, — сказал Харрис, поворачиваясь к ней. — Но как бы ни было ещё страшней. Это только начало, Кейт. Дальше, если ничего не предпринять, будет ещё хуже.

— Я не знаю, что может быть хуже того, что уже произошло, — призналась мисс Симмонс, свешивая ноги с кушетки, чтобы не тревожить пятки. Девушке казалось, что в них вбили по раскалённому гвоздю.

Уолтер провёл рукой по рыжим волосам. Ну Энди, ну засранец! Мог бы хоть записку оставить. Доктор не успокаивал Кейт. Когда он говорил, что верит, что с Тёрнером и Шейлой всё в порядке, он и в самом деле так считал. Скорее всего, шерифу пришла в голову какая-то стоящая идея и он, не откладывая в долгий ящик, кинулся воплощать её в жизнь. Харрис посмотрел на свои руки. Волоски на пальцах отливали рыжиной, под ногтями запеклась кровь, но дрожи не было.

— Кейт, э-э-э... Прошу прощения, не скажите, где тут у вас туалет? Хотелось бы как следует умыться и привести себя в порядок.

— Вон через ту дверь в конце приёмной комнаты, — указала девушка.

— Спасибо, — благодарно кивнул Харрис.

— Док!

— Да? — Уолтер приостановился и, обернувшись, посмотрел на неё, виновато улыбаясь.

— Не задерживайтесь там надолго, — попросила Кейт, стыдливо опуская глаза. — Мне не по себе одной.

— Постараюсь, — Харрис ободряюще подмигнул. — Я быстро... И мы займёмся вашими бедными ножками.

Щёки Кейт покрылись пунцовым налётом. Её ножками? Да на них смотреть страшно, не то что «заниматься» ими! Но, должно быть, это будет приятно, с разлившимся в области груди теплом подумала она. У доктора Харриса на редкость красивые руки. И пальцы, такие подвижные и аккуратные... Кейт покраснела ещё больше, почувствовав, как жаркое тепло заливает низ живота.

Глава 18

Дейзи дрожала, как несчастная, маленькая мышка. До ужаса перепуганная мышка. Она спряталась за креслом, изредка выглядывая из-за него. По полу тянул прохладный стылый воздух, пробираясь под полы короткого халатика, и щипая девушку за нежные места. Температура в затянутом ночной темнотой доме заметно понизилась, сквозняки, вполне по-хозяйски освоившись, играли друг с дружкой в догонялки. Но Дейзи не поднималась с пола ни чтобы одеться потеплее, ни чтобы закрыть настезь распахнутую дверь.

Она скорчилась, подобрав под себя ноги и обхватив поперёк живота руками, кутаясь в тонкий шёлковый халат. Дейзи поняла, что изрыгающая площадную брань, умеющая говорить голосом её сына, женоподобная тварь не может по каким-то причинам переступить порог дома. Она не может войти внутрь, если её не позвать. Не пригласить, как гостя. Дейзи эта понимала. Но решиться встать и закрыть дверь, будучи полностью уверенной в своей

правоте она никак не могла. Страх сковал её члены и препятствовал даже малейшей попытке что-либо предпринять, загнав за кресло в собственном доме.

Бесноватое создание не прекращало попыток, впрочем, бесплодных, вломиться внутрь. Оно визжало и грязно материлось, наскакивая на дверной проём, но невидимая стена воздуха, словно упругий батут, раз за разом отшвыривала её назад.

— Впусти меня, сучка! — грубый, гортанный голос взлохмаченной ведьмы циркулярной пилой резал уши Дейзи. Господи, да когда же она заткнётся, обречённо взмолилась девушка. От каждого нового крика Дейзи вздрагивала и сжималась в пульсирующий страхом комочек. А ну вдруг именно сейчас незримая защита дома даст трещину, и это существо ворвётся внутрь? И что тогда?

— Ты пожалеешь, о, как же ты пожалеешь, сука! Я вырву тебе глотку и выпью всю твою никчёмную кровь, слышишь, ты, дрянь?..

Дейзи осторожно приподнялась, глядя через подлокотник кресла на замершую в дверях жуткую фигуру, белеющую на фоне тёмной вечерней улицы. Мишель злорадно заухмылялась, увидев, что стала объектом повышенного внимания со стороны хозяйки дома. Она ткнула в Дейзи заскорузлым от крови пальцем.

— Эй ты, маленькая потаскушка, ты слышишь меня? Хорошо слышишь? Я с тобой говорю!!! — сорвалась на рёв Мишель, яростно разевая рот и с бешенством ударяя по не пускающей её преграде. — С тобой! Ты куда? Не смей отворачиваться от меня, грязная шлюха, иначе я засуну в твою вонючую дырку руку и вырву тебе матку! Ты то, небось, привыкла, что обычно тебе суют туда кое что другое, б...дь?!

Да заткнись же ты, заткнись! Дейзи закрыла уши ладонями, мысленно желая гримасничающей твари охрипнуть на всю оставшуюся жизнь. Заткнись! Она не желала больше слышать, она бы с радостью оглохла, лишь бы не пропускать через себя всю льющуюся изо рта маниакально горланящей ведьмы ругань.

— Сука! Немедленно впусти меня! Не заставляй меня просить дважды...

— Да пошла ты, — одними губами шепнула Дейзи, как можно ниже натягивая на бёдра коротенький халат. — И просишь ты далеко не во второй раз. Сначала считать научись.

— Подстилка, спящая с дворовыми кобелями! Что ты притихла, шалава? Ну подойди же ко мне, ну... Скажи всего-навсего: заходи, и всё! И всё, мать твою! И мы станем лучшими подругами!

Всё тело Дейзи покрылось щекочущими пупырышками. И надо заметить, не только от страха, но и от холода. Девушка подумала, что отсиживание за креслом на продуваемом пронизывающим до костей уличным воздухом полу, выйдет ей в будущем боком. Но покидать своё убежище она не хотела ни в какую. Придётся терпеть, придётся мёрзнуть и ждать. Ждать чего? Пока выкрикивающая оскорбление ведьма уйдёт на перерыв, набраться сил? Или же дожидаться помощи извне? Но кто ей поможет? Если на раздающиеся на всю округу крики этой помешанной до сих пор не прибежали соседи, то о какой помощи вообще может идти речь?.. Вот если бы Алан был рядом, он бы не дал её в обиду. Он бы не испугался. Но Алана рядом нет. И неизвестно, когда он вернётся. Он пообещал, что спасёт Тони, что не переступит порог её дома один... Дейзи верила ему. Хотела верить всеми фибрами души. Больше ей верить было некому и, наверно, не во что.

Так что теперь сиди и жди, дура голожопая, цыкнула на саму себя девушка. И нечего распускать нюни. Не можешь пошевелиться от страха, так хоть сиди и не ной, не давая той мерзости, что стоит за порогом, лишний шанс поиздеваться над тобой.

— Я высосу мозг из твоих костей, — прошипела бесноватая. Её запачканные кровью губы непрерывно дёргались и извивались. — Дай мне только добраться до тебя, сучка.

— Эй ты, а ну, отойди от двери! Руки за голову и спускайся вниз, без лишних движений! Иначе буду стрелять на поражение, предупреждаю.

Дейзи встrepенувшись, так и подскочила на месте. Голос доносился с улицы и вне всяких сомнений был адресован топтавшей на крылечке бессильно царапающей воздух ведьме. Голос был мужским, высоким, с резкими перепадами на гласных. Девушке он показался смутно знакомым. Голос был похож на... И добавить сюда явно командный тон с использованием узкопрофессиональных терминов... Дейзи почувствовала, как вымученная улыбка вселенского облегчения растягивает её полные губы. Определённо голос принадлежал младшему помощнику шерифа добродушному здоровяку Дугласу Кларку.

Мишель ме-е-едленно повернулась всем корпусом и исподлобья уставилась на посмевавшего приказывать ей человека. Лицо Мишель озарил яркий луч полицейского фонарика. Она недовольно сморщилась, задирая верхнюю губу, обнажившую острые, как у акулы мелкие зубы, и подняла руку, заслоняясь от света. Насквозь мокрая от крови ночная рубашка облепила её фигуру, вырисовывая гармонично развитые формы.

Кларк Дуглас осторожно приближался к ней, держа на уровне плеча фонарик и крепко сжимая в вытянутой руке табельный револьвер. Каждый шаг Кларка был размеренным и обдуманым. Дуглас не спешил, справедливо рассудив, что не стоит подгонять события, пока окончательно не разберётся, что к чему. Но и того, что он уже увидел, ему было достаточно, чтобы понять, что он вступил на очень скользкую тропинку. Как бы ни упасть и не сломать себе шею.

На этой улице Кларк оказался, в принципе, случайно. Свернул, чтобы срезать дорогу к полицейскому участку. Заведись его «Плимут» с полуоборота, и Кларку не пришлось бы топтать пешком и искать белее короткие обходные пути. Однако старенькая машина этим вечером совсем расклеилась и раскапризничалась, отзываясь на поворот ключа в замке зажигания негодующим слабым фырканьем. Залезать под крышку капота Кларку совсем не улыбалось, поэтому он выбрал единственное верной в данной ситуации решение — пошёл своим ходом. И не успел пройти и половины улицы, как услышал громкие женские крики и отборнейшую чернушную ругань.

Сообразив, что шум доносится от дома, где проживала Дейзи Хилл, Кларк, не раздумывая боле, достал фонарик и выхватил из кобуры служебный «смит — вессон». К домику Дейзи Дуглас подходил уже во всеоружии — фонарь включен, курок взведён, нервы на пределе.

— ... стреляю на поражение! — Кларк широко расставил ноги, держа странную, чертовски подозрительную фигуру на мушке. Дуглас не сомневался, что возникни крайняя необходимость, и он не промахнётся. Между ним и застывшим на крыльце человеком было не более пяти метров. А в тире у Кларка всегда были высокие показатели. Энди по этому поводу смеялся, что, должно быть, младший помощник тренируется по ночам на компьютерных симуляторах.

— Как ты смеешь мне указывать? — проскрипела Мишель, щурясь от бьющего в лицо света. — Как ты вообще посмел открыть свой поганый рот, недоумок?

— Повторяю, сойдите со ступенек, держа руки за головой! — голос Кларка чуть дрогнул, когда он как следует, рассмотрел, на кого нацелил оружие. Мимика этого существа была просто отвратительной, а внешность отталкивающей. Длинные спутанные космы,

отражающие свет фонаря кроваво-красные глаза, дёргающиеся, пляшущие губы, залитая чем-то остро-пахнувшим и темно-красным лёгкая одежда. Та же жидкость была на руках и лице этой оскалившейся мегеры. И ещё. Кларку это порождение ночного кошмара, принадлежащее без всяких сомнений, к женскому полу, показалось смутно знакомым. Кто бы это мог быть?

— Офицер, неужели вы и впрямь откроете огонь? — плаксиво сказала Мишель, свесив голову на плечо и безвольно уронив вдоль тела по локоть запачканные кровью растерзанных людей руки. — У вас хватит духу застрелить слабую незащищённую девушку?.. Скажите правду, младший помощник шерифа Кларк, вы сможете нажать на курок?

У Дугласа перехватило дыхание и свело скулы, когда он узнал этот голос. Стоило глумливо насмехающейся ведьме сказать несколько слов нормальным тоном, как всё сразу стало на свои места. И это лицо... Исказившееся, приобретшее злобные черты высеченного из камня древнего языческого идола, но, тем не менее, угадываемое.

— Мисс Гриффит? — недоверчиво спросил Дуглас, выключая фонарик.

— О-о-о, будь благословенен, добрый человек, ты узнал меня, — ехидно сказала Мишель, мягко ступая босыми ногами по деревянным ступенькам крыльца, спускаясь вниз. Руки её, однако, по-прежнему безвольно болтались вдоль тела. Но и Дуглас не спешил опускать револьвер. Вороненый ствол продолжал угрожающе смотреть бездонным равнодушным зрачком в грудь вымоченной в чужой крови бесовки. — Видишь, как всё хорошо складывается? Прямо встреча двух старых друзей, ты не находишь? Ты меня узнал, и я тебя знаю! Ты, часом, не поможешь мне в одном пустяковом дельце?

— Дельце? — Кларк, засунув фонарик за пояс, взялся за револьвер уже двумя руками. Не хотелось признавать, но у него начались очевидные проблемы с координацией движений. Удерживающая ствол правая рука по-подлому, предательски задрожала. Ага, а вот так гораздо лучше. Как бы там ни было, неприятно преобразившаяся в ночное страшилище дочь мэра откровенно пугала и нервировала. Полицейский не хотел подпускать её к себе на расстояние одного хорошего прыжка. Нет, бережённому и бог бережёт.

— Да совершенная ерунда, — Мишель ступила ногами на твёрдую, обжигающую холодом землю. Но ей холодно не было. — Вы не могли бы мне помочь найти Шейлу Блейз?

— Шейлу? Мисс Блейз? — Кларку показалось, что он ослышался.

— Да, да, Блейз! — обрадовано захлопала в ладоши девушка, безобидным зайчиком подпрыгивая на месте. Ночная рубашка намертво прилипла к бёдрам и слегка сковывала её. — Именно эту малолетнюю вонючую сучку, эту траханную мерзавку! Так вы поможете мне, офицер Кларк?

Некоторое время Дуглас судорожно прочищал горло. Охренеть можно, дочка мэра окончательно тронулась! Свихнулась. Сбрендил. И эта кровь — чья она? Ясен пень, что не её собственная. Чёрт, да на ней столько кровищи, словно где-то резали свинью, а Мишель добровольно подставлялась под хлещущие парующие струи. Если бы из Мишель вытекло столько крови, она бы не то, что ходить — и век приподнять не смогла бы. Тогда вопрос остаётся открытым — чья это кровь? И что случилось с самой юной мисс Гриффит? Почему она так жутко выглядит? И почему у неё кровь на губах и на зубах?.. А зубки-то у неё о-го-го какие, только сейчас разглядел Дуглас. Бабушка, бабушка, почему у тебя такие большие зубы, про себя пробормотал младший помощник?

— А это чтобы съесть тебя, — уже вслух, хрипло сказал он.

— Так что, я могу рассчитывать на вас, офицер? — расслабленно промурлыкала

Мишель, облизнув кончиком языка окровавленные губы. Глаза дочери мэра маслянисто заблестели. — Вы можете мне разыскать эту маленькую дрянь?

— Зачем тебе нужна Шейла?

— И всё-то вы сомневаетесь, офицер... Нельзя задавать встречные вопросы, когда просит дама.

Мишель сделала один шаг вперёд. Затем второй. Кларк не спускал с неё настороженных глаз. Ствол револьвера чуть сместился, подстраиваясь под замедленную поступь надвигающейся на полицейского устрашающей фурии.

— Больше ни шагу. Лягте на землю лицом вниз и заложите руки за голову, — Дуглас из всех сил старался, чтобы его голос звучал уверенно и внушительно. Как на учениях. — Повторяю...

— Закрой рот! — обнажила заострённые зубы Мишель, обрывая Кларка. Узкое лицо девушки исказила презрительная гримаса. — Я вижу, ты так и не понял меня, жалкий неудачник. Вонючий фараон, дерьмо собачье. Да ты знаешь, что ты своими идиотскими словами приговорил себя к смерти?

— Я больше не буду повторять, — сухо сказал Дуглас, приподнимая оружие. — Я буду стрелять.

— В меня? В незащищённую девушку? — наигранному удивлению Мишель не было предела. — Ах ты, ублюдок... Да я тебе сейчас яйца вырву. Ты привык, что яйца тебе вылизывают, да? Твоя женушка, например. Она лижет тебе яйца? Она сосёт? По твоей паскудной морде вижу, что сосёт. Но я не твоя жена и подставлять тебе свою задницу не намереваюсь. Я сама тебя отымею.

Кларк моргнул. И как-то умудрился упустить из виду тот момент, когда Мишель, оттолкнувшись от земли босыми ногами, ракетой взвилась в ночной воздух и с воем обрушилась на него, одним прыжком преодолев более пяти метров. Здоровяк запоздало нажал на спусковой крючок, и пустынная улица взорвалась громкими, хлесткими, словно удар кнута, щелчками.

«Смит-вессон» послушно выплюнул шесть пуль. Дуглас отчётливо видел, что две из них попали в падающую на него визжащую разъярённой гарпией мэрову дочку. Кровавые гейзеры прорвались на животе и левом плече Мишель. Кларк ожидал, что пули тридцать восьмого калибра сразят это существо с выгребной ямой вместо рта наповал. Он знал, что подобные выстрелы могут остановить атакующего быка. Но не думал, что худощавая, хрупкая на вид девчонка даже не заметит, что в ней проделали дополнительные дырки.

В следующее мгновение Мишель, рыча, как защищающая детёнышей волчица, рухнула на Дугласа. Кларк почти успел увернуться, но впопыхах подвернул ногу и упал ещё до того, как на него сверху спикировала Мишель. Револьвер отлетел в одну сторону, широкополая шляпа Дугласа в другую. Косматая ведьма двигалась очень быстро, намного быстрее оторопевшего полицейского. Кларк согнул руки, прикрывая лицо от царапающейся девушки и отбиваясь локтями. На ответные выпады у него не оставалось ни секунды. Когти Мишель мелькали перед его глазами с поражающей воображение скоростью. Кларк даже и не помышлял об ответной атаке, полностью сосредоточившись на глухой обороне.

Мишель оседлала поверженного наземь противника и пыталась превратить его в мясной фарш, в клочья разрывая рукава толстой форменной куртки. Дуглас пыхтел, как перекормленный углём паровоз, пытаясь сбросить с себя эту сукину дочь или хотя бы перевернуться и подмять её под себя. Всё-таки он был намного тяжелее. Но вот ведь

загвоздка — изрядно проигрывая в массе тела, эта бешеная тварь была немногим слабее дикого африканского буйвола. С Дугласа градом катился пот, силы стремительно таяли, появившиеся на руках и лице царапины горели дьявольским огнем, а он так и не придумал, что со всем этим делать-то! Да если честно, особо и не думалось. Мишель с успехом выбивала из него все здравые мысли.

Ну всё, допрыгался ты, приятель, раскалёнными до бела буквами мелькнуло перед внутренним взором Кларка. И дёрнул же его чёрт напоследок так обмануть Мэгги! Он отчётливо сознавал, что если выжившая из ума Мишель вонзит свои загнутые хищными крючьями ногти (когти!) ему в горло, то это будет началом конца.

Нетерпеливо порывивая, Мишель внезапно изменила тактику. Резво вскочив на ноги, она по щиколотку вогнала босые ступни в землю и, ухватив матерящегося сквозь зубы Кларка за грудки, дёрнула на себя. Натянувшийся как струна воротник едва не придушил Кларка, стальным обручем впившись в шею, небо и земля поменялись местами, и Дуглас ошеломлённо понял, что с приличной крейсерской скоростью летит в неизвестном направлении. Мишель играючи швырнула всеящего далеко за центнер здорового мужчину через подъездную лужайку в сторону дороги.

На счастье Дугласа, он не дотянул до асфальта каких-то несколько сантиметров и выброшенным на берег кашалотом грянулся оземь. От поглотившей всё тело боли Кларк не мог ни вздохнуть, не выдохнуть. Он, конечно, не знал, как себя чувствует перееханный катком человек, но сильно подозревал, что так же хреново, как он чувствует себя в данную минуту. Всё, сплюнул кровью из разбитого рта Дуглас, практически ничего не видя из-за застилающей глаза клубящейся пелены, теперь точно каюк. Плевок отнял у него последние силы, и Кларк приготовился к самому худшему.

— И кто это у нас тут разлётся на лужайке, а? Кто это решил передохнуть, полежав на земле? Или ты всё же предпочитаешь сдохнуть, будучи зарытым в землю? — двигаясь с грацией ржавого робота, Мишель, похихикивая, приближалась к стонущему полицейскому. Кровь обильными ручейками выбегала из её ран, но Мишель не чувствовала боли. Однако тело Мишель реагировало должным образом. Разливающаяся по конечностям слабость постепенно замедляла шаг свихнувшейся маньячки.

— Как ты думаешь, если я сейчас наступлю тебе на спину, то сумею сломать твой хребет? — с искренним любопытством спросила Мишель, ставя босую ногу на поясницу Кларка. — Хотя о чём это я? Что я смогу сломать? Ты же самая жалкая бесхребетная тварь в мире! Ха!

Небольшая, не более тридцать седьмого размера, ножка слегка надавила на спину распластанного гигантской бабочкой Дугласа, впечатывая того в землю. Полицейский крикнул. Мать вашу, да эта стерва давила его, как букашку, с силой гидравлического пресса! Кларк в безмолвном крике разинул рот и тут же закашлялся, подавившись землёй и не успевшими отжить своё травинками. А вот он, похоже, своё уже отжил...

Теряющий сознание Кларк не слышал, как где-то совсем рядом, взвизгнув тормозами, остановилась машина. Он не слышал, как распахнулись дверцы и не слышал, как пассажиры так вовремя подъехавшего к самому разгару веселья автомобиля выпрыгнули наружу, что-то громко крича. И только звучно бабахнувшие выстрелы из револьвера смогли прорвать закупорившую уши Кларка пробку. Затем ему стало необычайно легко и свободно. Вдохнув полной грудью, Кларк не сразу понял, что на его спину больше ничего не давит. В лёгкие ворвался прохладный режущий горло воздух, и Дуглас вновь закашлялся, выплёвывая изо рта

мокроту вперемешку с землёй и травой, отхаркивая всю грязь, набившуюся в глотку.

— Шелли, быстро в дом, посмотри, что там с Дейзи! Живо! — Энди Тёрнер опустил револьвер. Из дула «смит-вессона», отдавая пороховой гарью, вился сизый дымок. Шериф утерел рукавом вспотевший лоб. Едва поспели, чёрт побери!

Шейла, степной ланью промчавшись по лужайке, не оборачиваясь, вихрем влетела по ступенькам крыльца и скрылась в прихожей. Тёрнер, вскинув оружие, подбежал к пытающемуся подняться на ноги младшему помощнику. Кларк плевался, кричал, отчаянно мотал головой и страдальчески морщился. Эндихватило одного взгляда, чтобы понять, что его друг и подчиненный побывал в крутой заварушке. Однако бдительный шериф не спускал внимательного взгляда и с обездвиженной Мишель, скорчившейся неопытным кулем в нескольких шагах от них. Тёрнер опустошил пол обоймы и всадил в эту тварь три пули, одна из которых пробила ей голову. Энди был готов поклясться, что это жуткое страшилище мертво. Он отчётливо видел, как пуля вышибла из головы растирающей Кларка по земле ведьмы добрую толику мозгов.

Опираясь о подставленное плечо, Дуглас, наконец, смог утвердиться на ногах. Его раскачивало из сторону в сторону, перед глазами порхали в безумном танце разноцветные мухи. Придерживая Кларка, Энди огляделся. Дом Дейзи был посеребрён тусклым светом подглядывающей в прорехи туч луны. За тёмными стёклами окон не горело ни одного огонька. Окрестные дома словно повymiрали. Не лаяли собаки, не мяукали кошки, и никто не удосужился выйти на улицу, чтобы посмотреть, что происходит. Ни один из соседей Дейзи не отважился покинуть безопасные стены. Во многих домах светились лампочки, значит, внутри ещё бодрствовали, но никому не было никакого дела до того, что творится у них буквально под носом. Все были напуганы и тряслись от страха за запертыми на все засовы дверями, из боязни перед тьмой не выключая свет.

— Энди... Слушай меня, — Кларк вцепился в куртку шерифа, заставляя смотреть себе в глаза. — Это была Мишель. Ты понимаешь, дружище, о чём я? Это была дочь нашего мэра...

— ЭТО Мишель? — Энди недоверчиво кивнул на неподвижное тело. — Эта фурия — Мишель?!

— Да! — выдохнул в лицо Тёрнера пошатнувшийся Кларк. — Она полностью сбрендила! Ты бы видел, как она накостыляла мне — силищи у неё было хоть отбавляй. И она вся залита чей-то кровью... Можешь сам проверить, Энди. Я думаю, что с Сэмюелем и его семьёй случилось что-то неладное.

— Ты намекаешь, что Мишель сошла с ума и убила всех домочадцев, а затем принялась за других людей? — Тёрнер слушал очень внимательно, засовывая револьвер в поясную кобуру. — Стала нападать на всех подряд?

Дуглас с горестным вздохом осмотрел то, во что превратилась его куртка, и отрицательно покачал головой.

— В том то вся и загвоздка, шеф. Этой торкнутой сучке нужен конкретный человек. Она кое-кого ищет. И в дом Дейзи она пыталась ворваться не случайно.

— Ты о чём? Кто ей мог понадобиться?

На крыльце показалась размахивающая руками Шейла. Девочка выглядела очень встревоженной.

— Энди, с Дейзи всё в порядке. Ну, в относительном, конечно... Но неплохо бы, что бы ты сам с ней поговорил. Тут, судя по всему, та-а-акое дерьмо затевается! Добрый вечер, младший помощник Кларк! Спорю на что угодно, что вы готовы расцеловать нас!

Дуглас грустно усмехнулся и, глазами указав на скрывающуюся в дверном проёме девушку, сказал:

— А она славная девчушка, верно, приятель? Хорошая такая.

— А то, — сказал Тёрнер, не отрывая напряжённого взгляда от здоровяка. Он чувствовал, что Дуглас к чему-то осторожно его подводит, но никак не мог понять, к чему именно. — Не верти хвостом, Кларк, выкладывай, всё, как есть. Что ты узнал?

— Мишель ищет... Искала Шейлу. Ей была нужна эта девочка, Шейла Блейз. Понял? Так что береги её, если она тебе дорога.

У Тёрнера оборвалось сердце. Шелли?! Им нужна Шелли?! Да чёрта с два они её получают.

Алан от злости и отчаяния был готов разобрать весь затаившийся, словно в ожидании грозы, цирк-шапито на зубочистки. Он обшарил главный шатёр от и до, перевернув всё, что не было прибито и прикручено. Юноша понимал, что даром теряет время. Несколько дней назад Энди Тёрнер уже проделывал тоже самое. Повторяя действия шерифа, Алан не только не добьётся каких-либо результатов, но и с каждой минутой отдаляется всё дальше и дальше от поставленной цели. Время, может, и застыло, как охочая до сладкого муха в патоке, но для несчастных мальчиков каждая секунда промедления, каждый миг, потраченный Аланом впустую, вполне возможно, являются фатальными.

Блейз сильно сомневался, что допрос попрятавшихся по самым дальним закуткам рядовых сотрудников цирка принесёт сколь-нибудь ощутимую пользу. Никто ему ничего не скажет и не объяснит. И не укажет единственно верное направление дальнейших поисков. И не потому, что не захотят, а потому, что никто ничего и не знает. Единственный человек, действительно вполне способный реально подействовать Блейзу, бесследно исчез. Кабинет антрепренёра Рудольфа Старжински был так же пуст, как и остальные подсобки и ниши гигантского шатра.

Смеря мрачным взглядом заледеневших тёмных глаз рабочий стол директора цирка, Алан покусывал нижнюю губу. На столе царил полнейший беспорядок. Разбросанные бумаги хаотично перемежались с канцелярской мелочёвкой. Тускло светила включенная настольная лампа с покосившимся пластиковым абажуром. Под ногами юноши мягко пружинил расстеленный ворсистый ковёр, усеянный разлетевшимися афишами и красочными листами. На спинке высокого жёсткого кресла висел двубортный пиджак. Насколько помнил Блейз, этот пиджак красовался на плечах Старжински в день первого представления, открывающего начало циркового сезона «Невозможное-возможно» в Хеллвиле.

Создавалось впечатление, что маэстро Рудольф покидал своё гнездышко в большой спешке. И при этом ничуть не заботясь о последствиях своего стремительного бегства. В углу отгороженного от остального шатра кабинета притулился внушительный приземистый железный сейф с круглой, отполированный сотней прикосновений ручкой-штурвалом. Алан опустил на корточки и провёл пальцем по дверце сейфа, оставляя на поверхности белесый развод. Пыль. Сухая и едкая. Вытерев палец о штаны, Алан не сдержался от могучего чиха. Шморгнув носом, Блейз подумал, что сейф долгое время не открывался. Вдвойне странно, согласны? Старжински слинял, смазав пятки жиром, устроив в кабинете настоящий раздрай, но не удосужившись и одним глазком заглянуть в сейф. Обычно в подобных железных ящиках хранят важные и ценные документы. Врядли директор цирка был исключением из

правил.

Так почему он ничего не взял из сейфа? Надеется в скором времени вернуться, будучи уверенным в своей безопасности и ненаказуемости? Очень странно... Тут такая каша заварилась, что уже никакие клятвы и заверения в своей непричастности не помогут Старжински отмазаться. На что он тогда рассчитывает? И главный, по-мнению Алана, вопрос заключался в следующем — а что тогда маэстро Рудольф ВЗЯЛ с собой? И где, чёрт его возьми, он надеется отсидеться? В какую нору способен забиться ушлый директор этого дьявольского балагана? И куда подевались его главные нукеры — Эльвира Леди-нож и лысый каучуковый миляга Джек? Если эти ребята изменились хотя бы наполовину так, как Богарт, то, признаться, Алану совсем не хотелось бы встречаться с ними в узком переулке один на один. Если заурядный цирковой фокусник превратился под воздействием непонятных сил в серьёзного мага, то кем могут стать Эльвира с Джеком?

— Они утащили ребят, — под нос пробормотал Алан, сунув руки в карманы джинсов. — Но куда они направились? Где эти уроды могут зашкериться?.. И... И... И почему я не вижу Бинго? Где этот клоун, мать его?

Блейз настороженно прислушался. Проклятье, а ведь он совсем забыл о нём! Непростительная ошибка. Кто знает, кем мог обернуться придурковатый цирковой паяц? Вот дьявол, да преобразившийся Бинго может оказаться не менее, а то и более опасным, чем его товарищи по рабочему цеху! В мозгу Блейза сразу всплыл колоритный яркий образ кровожадного клоуна Пеннивайза из «Оно» Стивена Кинга. Чёрт, хмыкнул Алан, а почему бы и нет? Блейз всегда недолюбливал клоунов. Не нравились они ему, хоть убей. Нарисованные улыбки паяцев и мимов казались юноше насквозь фальшивыми и неискренними, одним словом, нарисованными. А холодная рисованная улыбка никогда не заменит живой и тёплой...

— И где же ты притаился, дружок? — нараспев сказал Блейз, весь превратившись вслух и оголённый нерв. — Ау, мистер Пеннивайз, отзовитесь! Нам есть о чём поговорить...

Не стоит, конечно, сбрасывать со счетов возможности того, что и Бинго уже давно смылся из цирка, но что-то Алану подсказывало, что нахальный клоун ошивается где-то поблизости. А своим спонтанным предчувствиям юноша с недавних пор доверял больше, чем собственному рациональному мышлению. Иногда не остаётся ничего лучшего, чем положиться на интуицию. Блейз развернулся на каблуках остроносых сапог, собираясь покинуть захламленный кабинет Старжински, как вдруг его внимание привлекла одна штука.

— Интересно, — сказал Алан, подходя к простенькому застеклённому шкафчику, сколоченному из покрытых лаком сосновых досок.

Шкаф высился в дальнем от рабочего стола углу, напротив завешанного пологом входа. Алан потянул на себя скрипучую дверцу и, не колеблясь, взял с полки завернутый в промасленную ткань продолговатый предмет, неожиданно оказавшийся внушительно тяжёлым. Разворачивая остро пахнущую, шелестящую под пальцами ткань, Алан уже догадывался, что он увидит. И когда в рассеянном свете настольной лампы тускло блеснули вороненые детали огромного револьвера, Блейз не стал корчить удивлённую мину.

Рукоять из потемневшего от времени сандалового дерева удобно легла в ладонь Алана, наполнив руку приятной тяжестью и перерастая где-то глубоко внутри в умиротворённую уверенность. Алану была незнакома система этого револьвера, а вот это уже и впрямь было странным, но даже непрофессионалу было бы видно, что это очень и очень серьёзное

оружие. Блейз переломил револьвер — шестизарядный барабан был пуст. Алан открыл вторую дверцу шкафчика с сюрпризами и достал с полки коробку из толстого картона. Патроны. Вроде как Винчестер Магнум сорок пятого. Высыпав на ладонь несколько штук, Блейз невольно залюбовался ими. Вытянутые латунные гильзы, закруглённые литые наконечники. Калибр будь здоров, из этого револьвера можно, как из пушки расстреливать лёгкую военную технику.

Зарядив револьвер, Блейз насыпал в карманы дюжины две патронов и поставил наполовину опустевшую коробку обратно в шкафчик, плотно прикрыв за ней дверцы. Вот так, как будто никто здесь и не хозяйничал. Щёлкнув рычажком предохранителя, Алан поднял водолазку и засунул револьвер со спины за вдетый в джинсы ремень.

Попрыгав на месте, проверяя, не давит ли ствол в поясницу, Алан подумал, что штука оказалась классной безо всяких оговорок. Могучее оружие. Очень старое, но надёжное и безотказное. В памяти Алана шевельнулись какие-то позабытые давние воспоминания. Что-то связанное с этим револьвером, или ему подомным, но... Но появившись, сумбурно и неожиданно, не пойманная мысль, резко взмахнув хвостом, поспешила удрать в самые отдалённые застенки сознания.

— Эй, Пеннивайз! — повысил голос Алан, приподнимая плотную чёрную портьеру и выходя из кабинета Рудольфа Старжински. — Я иду, слышишь меня?

Алан немного побаивался, что поиски вражеского «языка» надолго затянутся. Но, как вскоре выяснилось, опасения юноши были совершенно напрасны. Не успел Блейз пройти и дюжины шагов, нарочито громко топая, по ведущему в главный зал коридору, как слева от него едва заметно колыхнулась тяжёлая плотная занавесь. Алан молниеносно метнулся на шорох и резко сорвал полог, занавешивающий небольшую нишу, заваленную каким-то тряпьем. Или, ежели соблюдать все приличия, то цирковым реквизитом.

Вот только соблюдать приличия и разводить китайские церемонии Блейз вовсе не собирался. Он коршуном наскочил на весьма сомнительного и чертовски знакомого типа, пытающегося в диком ужасе зарыться в грудку тряпок. Ага! И кто это тут у нас? Неужели наш старый добрый клоун Бинго? Постой, дружок... Покрепче ухватив чужое плечо, Алан, поднатужившись, одним рывком выбросил заверещавшего как заяц циркача в коридор.

Не останавливаясь, Блейз выскочил следом за упорхнувшим клоуном в коридор и коленом придавил копошащегося на земле бедолагу, с силой надавливая на чахлую грудь. Сжатый до побеления костяшек кулак Блейза застыл в дюйме от носа на смерть перепуганного паяца. Даже в полутёмном коридоре, заполненном пляшущими колеблющимися тенями, было видно, как по лицу Весёлого Клоуна струится грязный пот. Алану показалось, что с циркачом что-то не так. Он тоже изменился, но как-то неуловимо, не бросаясь в глаза.

— Я не Пеннивайз! Я не Пеннивайз!!! — благим матом заорал Бинго, едва не оглушив Блейза. Клоун в защитном жесте закрывался обеими руками, пряча лицо и едва не рыдая от ужаса. По крайней мере, разыгранная артистом пантомима не выглядела ломаемой комедией. А там, глядишь, и хрен его знает... Блейз не мог поручиться, что его не водят за поводок, как незрячего простофилю. Вдруг, в Бинго умирает великий артист?

— П-пожалуйста, пожа-а-алуйста, не убивай меня! Не убива-а-а-й!.. Умоляю, мастер Блейз, пощадите! Ну п-п-пож... У меня же семья!

Кулак Алана разжался сам собой. Клоун, моргая залитыми слезами глубоко несчастными глазками — один синий, второй карий — с затаённой надеждой уставился на

юношу через растопыренные пальцы. Блейз едва не сплюнул от досады. Хорош «язык», ничего не скажешь. И что-то не очень похоже, чтобы Весёлый клоун был как-то замешан в делишках Старжински и компании. Ну не походил Бинго на злодея, как не крути! Может, он жертва обстоятельств? Как бы там дела не обстояли на самом деле, Блейз всё же бдительности не терял и колена с груди клоуна не убрал, продолжая хмурить брови и угрожающе двигать желваками.

— Вы не убьёте меня, добрый сэр? Ну скажите, что вы пощадите бедного несчастного жалкого клоуна... Ну по-о-о-жалуйста! Я вижу, что в глубине души вы очень добрый и сострадательный, мастер Блейз. Прошу вас, не убивайте меня. У меня семья, дети...

— Ты прямо сейчас придумал про семью и детей? — опустил уголки тонких губ Алан, перемещая вес тела с колена на носок. — Очередная театральная импровизация?

— С чего вы решили? — честно удивился Бинго. Из карего глаза клоуна выкатилась огромная, размером со сливу, кристально чистая и прозрачная слеза. Прокатившись по щеке, слеза лихо вскочила на длинный нос циркача, застыв хрупким пузырьком на самом кончике, и с мелодичным звоном лопнула, бесследно растворившись в спёртом воздухе коридора. Блейз не поверил своим глазам. Фокус был что надо, ничего не скажешь.

— Я не могу себе представить женщину, которая согласится выйти за такого чокнутого идиота, как ты, и вдобавок нарожать кучу детишек, не боясь, что они унаследуют все отцовские патологии.

Бинго, заёрзав лопатками по полу, обижено надул щёки. От былой весёлости клоуна осталось одно название. Но острый язык Бинго был по-прежнему подвешен на правильной высоте.

— Знаете, сэр, сдаётся мне, что у нас с вами общие проблемы по части женщин. Чего ж сами-то в бобылях ходите?

Алан изогнул бровь, словно увидел над головой распяленного под ним циркача ангельский нимб.

— Ладно, приятель, некогда мне с тобой подолгу языками чесать... Ответь мне всего на один вопрос, и мы разойдёмся любовно. Обещаю.

Зардевшись, как невинная девица на выданье, Бинго скороговоркой пролепетал:

— Нет-нет-нет, что вы, мастер Блейз! Я не при каких условиях не собираюсь становиться вашим любовником. Вы меня, должно быть, с кем-то перепутали! Не к тому вы обращаетесь, поверьте. Вот, помню, был у нас как-то раз в труппе один чудак, так тот...

Горестно вздохнув, Алан наградил возбуждённо затараторившего клоуна сильнейшим щелбаном. Пискнув от боли и возмущения, Бинго схватился за лоб, обжигая обидчика полным негодования взглядом. Однако заткнулся, и на том спасибо. Если уж Бинго начал нести всякую чушь, значит, с ним полный порядок, и он больше придуряется, чем в действительности страдает.

— За что? Что я вам такого сделал?

— Ещё не знаю, — покачал лохматой, давно нечесаной и немытой головой Алан. — У тебя есть отличный шанс доказать мне свою невиновность и полную лояльность правосудию и законно избранной власти.

— Чего-чего? — физиономия клоуна благостно обомлела. Такое выражение появляется, когда ты вдруг понимаешь, что твоей собеседник сумасшедший.

Усмехнувшись, Блейз поднялся на ноги и протянул облегчённо выдохнувшему циркачу руку.

— Вставай. Но смотри у меня, без выпендрёжа. Бить буду один раз, но прицельно и наповал.

— Да понял, не дурак, — сказал Бинго, отряхивая с одежды несуществующую пыль. — Спрашивай, Алан Блейз. Задавай любые вопросы, какие сможешь придумать. Я, в свою очередь, обещаю, что отвечу на те из вопросов, на которые смогу дать ответ. И не жди от меня слишком много. Я сам, признаюсь тебе, как на духу, до хрена чего не знаю и не понимаю.

Алан сложил руки на груди, с новым интересом глядя на застывшего перед ним низкорослого человека, наряженного в клетчатое обтягивающее трико пёстрых кричащих расцветок, с пышным жабо вокруг шеи, и обутого в огромнейшие оранжевые туфли с длинными, круто загнутыми кверху носками. Вот оно, понял Алан. Всё дело в одежде. Насколько он помнил, раньше Бинго одевался совсем иначе. Изменился его костюм. Добавьте к пёстрому трико и остроносые башмаки трёхрогий колпак с бубенцами, и вы получите вылитого средневекового арлекина с грустным плачущим гримом на унылом лице.

— А где твой колпак? — невольно улыбнулся Блейз.

— Вот же он, — сказал Бинго. Брямс! И на светловолосой, стриженной «под горшок» голове клоуна возник запрашиваемый Аланом колпак, отягощенный тремя бронзовыми бубенцами.

Юноша помассировал слегка отвисшую челюсть. Чудеса продолжались, но фокусы новоявленного арлекина носили совершенно невинный, ребяческий характер. Они поражали, но не шокировали. От них веяло чем-то давно позабытым, оставленным в далёком детстве. От фокусов покойного Богарта мурашки, обгоняя друг дружку, бежали по спине.

— Что с тобой случилось?

— Я изменился, — Бинго всхлипнул и трубно высморкался в невесть откуда взявшийся батистовый носовой платочек. — Мы все изменились, Алан Блейз. Ты видел, как взошла полная луна? Ты понял, что время остановилось? Ты чувствуешь, что мы все проваливаемся в никуда? Мы меняемся. Каждый по-своему. Мир сдвигается с места и мы, не поспевая за ним, падаем. А поднимаемся уже совсем другими. Изменения затрагивают нашу суть. ЭТО проникает в нашу душу, читая её, как открытую книгу. И каждый становится тем, кем он на самом деле является внутри себя.

— Почему это произошло? — Алан нервно дёрнул щекой.

— Хотел бы я ответить на твой вопрос! — в голос взвыл Бинго, потрянув головой. Бубенчики на колпаке незамедлительно отозвались мелодичным переливчатым звоном. — Я забыл! Я знал, понимаешь? Я ВСЁ знал, но, изменившись, я забыл об этом. Посмотри, в кого я превратился? В дешёвого убогого арлекина! Другое дело все остальные: Богарт, Эльвира, Джек... Представить себе не могу, что ты уделал Мистера Невозможное! Знаешь, в это очень трудно поверить. Он НАСТОЛЬКО изменился... А сам Маэстро!? А я? Кем стал я?

Блейз неуверенно пожал широкими плечами.

— Значит, если принять на веру твои слова, ты сам в глубине души был и остаёшься вполне нормальным добрым малым. Ты добряк, приятель!

Бинго скривился, будто отхлебнув вместо вина уксуса.

— Глупости, ты просто плохо меня знаешь. Мне... Мне порой случалось творить не очень хорошие вещи. Знаешь, маска клоуна зачастую очень удобна. Вот только прилипает к тебе на всю оставшуюся жизнь.

— Любую маску можно сорвать, — твёрдо, с особым убеждением сказал юноша. —

Любую. Даже если придётся отрывать её от лица вместе с кожей.

Арлекин подошёл к Блейзу вплотную и приподнялся на цыпочки. Изменился и грим Бинго. Улыбка поблекла и стала грустной. Исчезли красный нос и пылающие свекольные щёки. Из подведённых тушью глаз стекали чёрные нарисованные слёзы. Бинго поднял голову, ловя настороженный взгляд Блейза. Жабо задралось, упираясь верхним окружьем в подбородок арлекина.

— А теперь слушая меня внимательно, Алан Блейз, — проникновенно зашептал Бинго. — Я говорю один раз и больше повторять не буду. Потому что у меня нет уверенности, что я через пять минут не забуду то, что хотел рассказать. Не растрачивай впустую время, общаривая вагончики и загоны для животных. В цирке больше не осталось никого, кто ЗНАЕТ. Я — не в счёт. Я забыл. Понимаешь? Тебе нужно найти Рудольфа Старжински. Предвосхищая твой вопрос, отвечаю — я не знаю, куда он ушёл и где нынче находится. Твоего маленького друга здесь тоже нет. Маэстро увёл его с собой (при этих словах арлекина Блейз досадливо скрипнул зубами). Второй мальчик остался в цирке... Пстой! Не дёргайся, Алан. Ему уже не помочь. Он навсегда останется в «Невозможное-возможно».

— Почему?! — Блейз тяжело задышал, как преследующая зверя гончая. Ему захотелось схватить Бинго за шею и вытрясти из него всю правду. Но... В чём виноват этот загримированный чудака? В том, что сам не помнит, что делал? Алан отвёл от заблестевших, всё понимающих зелёных глаз арлекина взор.

Бинго отступил от Блейза на шаг, звеня разноголосыми бубенчиками.

— Потому что он уже изменился, — Бинго с трудом сплотнул. Острый кадык его прыгнул под самое горло. — Я... Я покажу тебе. Обязательно покажу, чтобы ты знал, к чему может привести то, что происходит. Чтобы ты понял, что это надо остановить.

— Но что это?! Что случилось с нами со всеми? Что случилось с городом? — Алан поймал себя на том, что громко кричит и прикусил язык. И уже гораздо тише, потухшим голосом закончил. — Почему?... Почему именно с нами?

— Не знаю. Богом клянусь, Алан Блейз, я НЕ ЗНАЮ, — Бинго опять приложился носовому платку, издавая звуки встревоженного мамонта. — Но я знаю, что ДРУГИЕ всё помнят и отлично понимают, что к чему. Найдёшь их — найдёшь ответы. И найдёшь своего маленького сынишку.

Блейз вымученно улыбнулся.

— Тони не мой сын. Просто я пообещал одной девушке, которая...

— А есть разница? — удивился арлекин, обрывая сбивчивые объяснения Алана. — Если ты готов ради чужого тебе ребёнка пройти огонь и воду, то ты его отец. Не тот, кто его зачал, а ты. Тот, который способен умереть за него. Улавливаешь? Хм, мне надо видеть себя со стороны. Ещё немножко и пойду записываться добровольцем в армию спасения! Но слушай дальше. Ты обязан остановить всё это. Кроме тебя никто не способен, я знаю. Я вижу в твоих глазах, я чувствую в твоём сердце.

— А почему я? Только основываясь на твоих утрированных предположениях о моей уникальности? — Блейз был полон едкого скепсиса. — Мне бы отыскать Тони и всё. Мой лимит ежедневных подвигов будет исчерпан. А завтра мы с Шейлой уедем из Хеллвила...

Блейз, не договорив, заткнулся. До него стал доходить весь смысл сказанного. Увидев расцвёвшее на физиономии юноши замешательство, Бинго победно закукарекал.

— Хе-хе! Догадался, балда? Покуда на небе полная луна, покуда недвижимо стоит

время, никто и никогда не покинет пределы этого городка! Хеллвилл МЕНЯЕТСЯ и никого не выпустит из своих адских лап. Пока не найдётся тот, кто всё это остановит. Или пока всё не будет кончено, что тоже, в принципе, можно расценивать как один из вариантов развития дальнейших событий... Тебе так не кажется, дружище?

И, окончательно добивая Блейза, арлекин сказал:

— Ты спрашивал, почему ты? Есть одна причина, есть. Она уж точно заставит тебя быстрее шевелить задницей. Если ты не найдёшь моих бывших коллег раньше, чем они найдут твою младшую сестру, то будет поздно вообще что-либо делать.

Алан моментально налился дурной кровью, низко опустил голову и сжимая кулаки.

— Шелли? При чём здесь моя сестрёнка?

— Я не знаю, зачем она им понадобилась, но точно знаю то, что сейчас, пока мы с тобой перетираем, словно две кумушки последние сплетни, они охотятся за ней. Эльвира и Джек ищут твою сестру. И возможно, не одни они. Понимаешь, в чём вся соль? Все ниточки сходятся в одном месте. Надо всего лишь отыскать его. И ты одним махом разрешишь все вопросы! Задача, конечно, не из простых, но так и выбора у тебя, получается, нет. А ты заметил иронию? Все в этом дьявольском городке что-то ищут! Забавно, да?

— Ты всё это время знал об этом и молчал? — прорычал Блейз.

— Ну... Я же должен был тебя подготовить, — дурашливо улыбнулся циркач. — Надо же было тебя как-то аккуратно, постепенно подвести к суровой правде, чтобы с ходу не потрясти твою расшатанную нервную систему. Теперь ты всё знаешь. В добрый путь, мой друг. Я верю в тебя. Моя рука всегда будет с тобой и поддержит в трудную минуту.

— О да, разумеется, я в этом и не сомневаюсь, — злорадно осклабился Алан.

— О чём это ты? — осторожно любопытствовал Бинго.

— Ты пойдёшь со мной.

Улыбку арлекина как ветром сдуло.

Глава 19

— Ой! Ой-ой-ой! Доктор Харрис! Я живая девушка, а не бесчувственное деревянное полено. Я не манекен! Улавливаете разницу?

— Угу... Нужно быть полным кретином, чтобы принять вас за пластиковую куклу.

— У меня, если вы ещё не заметили, очень нежная и восприимчивая кожа. А вы трёте мои ноги, как будто разминаете боксёра перед выходом на арену!

— Это называется массаж, — терпеливо пояснил Уолтер. Его длинные красивые пальцы с силой надавливали на икры и лодыжки девушки. — Я должен выгнать из ваших мышц всю боль и вернуть ногам нормальное кровообращение. Судороги, знаете ли, до добра не доводят...

Кейт вытянулась во весь рост на кушетке, подложив под голову мягкую подушку. Она блаженно прикрыла глаза, изредка подглядывая за склонившимся над её ногами рыжеволосым доктором. Ресницы мисс Симмонс часто подрагивали, и, смотри Уолтер на её лицо, он бы сразу поймал её тающий взгляд. Но добросовестный доктор был целиком и полностью сосредоточен на ногах вынужденной пациентки. Точнее на правой ноге. Вслух плаксиво жалуясь и понося Харриса обидными словами, внутри девушка просто млела от восторга, вызванного прикосновением к её ногам уверенных сильных твёрдых рук. Боже, какие у него чудесные пальцы! А как бережно он обходится с вверенными ему ценностями... Своими ровными стройными ногами Кейт по праву гордилась. И ей безумно нравилось, что Уолтер прикасается к ним. Конечно, она совсем не торопилась сообщать об этом самому Харрису. Всему своё время.

— А помните, как мы играли с вами в морской бой?

— Это трудно забыть, — пальцы Уолтера опустились к щиколотке, на миг задержались на подъёме стопы и легко заскользили дальше, встречаясь с наманекюрными пальчиками ног. Кейт едва успела прикусить губу, чтобы задавить рвущийся наружу стон наслаждения. — Я был разбит на голову.

— Ага... Я прирождённый тактик... Адмирал.

— Для морского волка у вас слишком красивые и совершенные ноги, — пошутил Уолтер, принимаясь за левую ступню девушки. — У вас кожа как у маленького ребёнка, Кейт. И размер под стать.

— Угу...

— Вам больно? — всполошился доктор, вскинув растрёпанную голову. Его пальцы замерли на лодыжке. — Вы застонали.

Кейт, раскрыв глаза, успокаивающе улыбнулась.

— Простите, у меня нечаянно вырвалось. Нет, мне вовсе не больно. Даже наоборот.

Недоумевающе улыбнувшись в ответ, Уолтер вновь обратился к ногам девушки, не обратив должного внимания на явное несоответствие слов Кейт её капризному поведению.

Он уже добрых двадцать минут массирует без преувеличения красивые конечности молоденькой стенографистки, по привычке восхищаясь ими с анатомической точки зрения. В приёмной полицейского департамента горела одна единственная настольная лампа, тенями закутывая доктора и девушку в приятный интимный полумрак. Для начала Харрис осторожно вытер ноги Кейт влажным полотенцем, смывая засохшую кровь и прилипшую к

ступням грязь. К тому времени девушка успела избавиться от разодранных чулок. Затем Уолтер самым тщательным образом осмотрел каждую пядь исцарапанных ступней, особенно заостря внимание на сбитых пальцах. Всё это время Кейт лежала тихо и смиренно, как самая образцово показательная пациентка. Но стоило Харрису перейти к процедуре обрабатывания саднящих ранок антисептиком, как она тут же проявила себя во всей красе, обрушив на Уолтера целый град обвинений в его профнепригодности и живодёрстве. Ну а когда, стоически сносящий все обвинительные выпады доктор перешёл к массажу, Кейт развернулась на всю катушку. Но он и это стерпел. Харрис с удивлением поймал себя на том, что от вздрагивающей под его пальцами девушки он готов вытерпеть всё, что угодно.

— Повыше, пожалуйста, доктор Харрис, — сладенько так проворковала Кейт. — Пря-я-ямо под сгиб колена. У меня там что-то покалывает.

Усмехнувшись, Уолтер послушно подsunул руку под указанное местечко, ощутив, как ТАМ горячо и приятно. Под пальцами врача в ускоренном темпе отчётливо запульсировала тонкая жилка. Он почувствовал, как размягчённые расслабленные мышцы напряглись, наливаясь эластичностью и силой. Кейт едва не выгнулась дугой, но вовремя спохватилась и лишь затвердевшие ноги выдали её возбуждённое состояние.

— Как ты думаешь, — вновь переходя на «ты», спросил Уолтер, нежными движениями массируя пульсирующую впадинку, — что нам остаётся делать, Кейт?

— Ты о чём? — не отставая от доктора в плане личностных взаимоотношений, сказала девушка. — Обо всех этих странностях и непонятных, даже более чем непонятных вещах?

— О них, — Харрис был предельно лаконичен и сосредоточен, пробегая пальцами по голени с любопытством приподнявшей голову девушки. — И не забудь добавить — жутких и страшных вещах.

— Я устала, Уолтер, — чуть помолчав, серьёзно сказала Кейт. — Я очень сильно устала. Я устала думать, гадать, строить какие-либо предположения, даже не зная на что опираться. Я уже не знаю, как отличить правду от вымысла. Всё так смешалось... И я боюсь, Уолт. Я очень боюсь.

— Не бойся, — Уолтер встал с пола, где он протирал колени и присел рядом с Кейт, погладив девушку по златокудрой головке. — Я же с тобой. И я не брошу тебя.

Благодарно улыбаясь, Кейт поймала тёплую, пахнущую мылом, ладонь Харриса и прижала к щеке. Вместе с пухлыми губами улыбались и её васильковые глаза. Она протянула руку и провела пальчиком по выбритому подбородку мужчины.

— В рубашке Энди ты такой смешной.

— Да уж, признаться, полицейская форма мне не очень идёт, — тихо рассмеялся Уолтер. — Но поскольку моя одежда пришла в окончательную негодность, тебе придётся какое-то время мириться с моим отталкивающим внешним видом.

— Глупый, — хрипло сказала Кейт, не отводя от Уолтера искрящегося желанием взгляда. — Ты красивый.

— Так всё-таки глупый или красивый? — попробовал привычно отшутиться Харрис. Щека Кейт под его ладонью просто горела. Он подумал, что ещё немного, и этот жар перекинется на него, плавя кожу... И ему очень нравилось это ощущение живого пылающего огня, просачивающегося сквозь пальцы.

— Поцелуй меня.

Просьба Кейт не застала его врасплох. И когда девушка, приподнявшись на локте, потянулась своими губами к его, Уолтер не стал виновато отворачивать лицо в сторону. Их

губы встретились, сначала робко, а потом всё настойчивей касаясь друг друга, и Уолтер почувствовал, как огонь проник в его вены.

И это было куда лучше и приятней, чем играть в морской бой.

— Как ты думаешь, чем всё это дерьмо закончится? И закончится ли вообще?

— Сдаётся мне, что мы не единственные, кто сейчас рассуждает на эту тему, — Тёрнер задёрнул на окне шторы, чувствуя, как пытающийся взор младшего помощника буквально пронзает ему спину. — Держу пари, каждый житель Хеллвила задаётся подобным вопросом. Впрочем, без особой надежды на вразумительный ответ.

— То, что происходит, трудно причислить к простым обыденным вещам, — покачал головой Кларк. — Это понимают все. Но никто не может понять, что ЭТО.

— Иногда куда лучше принять всё, как есть, не задумываясь о первопричине. Не делай удивлённые глаза, дружище, я ещё не спятил... Но нынче не тот случай. Совсем не тот. Я хочу сказать, что нам нужно думать не о задаче, а о решении.

Кларк подпёр могучим плечом стену, сложив руки на груди.

— Как решить задачу, не зная всех изначальных составляющих? У нас нет элементарных данных! И в наш пример легко закрадётся ошибка.

Придвинув к зашторенному окну кресло, Энди плюхнулся на сиденье, и, закинув ногу на ногу, криво улыбнулся:

— Сразу видно, что в школе у тебя были неплохие отметки по математике. Но когда происходит нарушение всех мыслимых законов природы, привычные догмы перестают работать. Когда мир вокруг тебя сходит с ума, нужно начинать мыслить абстрактно, ни в коем разе не пытаясь дать внятное логическое объяснение происходящему. Иначе сам свихнёшься, потому что всё равно не сможешь ничего объяснить или понять.

Дуглас демонстративно зевнул. Выглядело это так, будто здоровенный бегемот распахнул бездонную пасть.

— И что, нам нужно всем раздеться догола, вывалиться в дёгте и перьях и размахивая бубнами выйти на улицы города? Мол, смотрите на нас, мы никого и ничего не боимся и любое безумие нам побоку — сами такие!

— Тьфу на тебя! Ты вечно всё усложняешь. Я имел в виду, что нам нужно не поддаваться коллективному сумасшествию, а просто принять на веру, казалось бы, совершенно дикие и невероятные вещи. Поверить в то, во что ещё пару дней назад не поверил бы ни за какие деньги. Влиться в этот хоровод безумия, танцевать с ним, но не растворятся в нём.

— Поверить в ожившие бабушкины сказки? — буркнул Кларк, отклеиваясь от стены и оглядываясь в поисках способного выдержать его тушу стула.

Энди сложил руки на животе поверх ремня. Из кожаной портупеи выглядывала рукоять перезаряженного револьвера.

— Да. Поверить. А что нам ещё остаётся? В час, когда мы практически отрезаны от внешнего мира? Отказали все телефонные линии, сдохли радио и телевидение, интернет тоже. Хорошо хоть электричество пока работает без перебоев. Пока. Мы словно оказались отброшены на пару сотен лет назад. Мы как будто проваливаемся в глубокую тёмную бездну. До дна ещё далеко, мы не видим острых камней, о которые можно разбиться, но, пока мы падаем, дно всё ближе и ближе.

— Можно послать всё к чертям собачьим и уехать. Представляешь, Энди, взять и уехать!

Шериф негодуяюще всплеснул руками:

— О чём ты говоришь, Даг? Куда уехать? Как?! Я даже не буду заикаться о нашем первоочередном долге служителей закона до последнего оставаться в центре событий и защищать интересы и жизни послушных налогоплательщиков. Дело не в благородных порывах, а в жестокой действительности, в правде нашей нынешней жизни. А она, эта правда, на данный момент такова, что даже захоти мы особенно сильно, никуда мы не денемся из Хеллвила! Не сможем мы сбежать.

Кларк, не пропуская ни слова из монолога Тёрнера, играючи подвинул поближе к двери диван и уселся напротив разглагольствующего шефа. Довольно вытянув ноги, младший помощник удручённо вздохнул. На широкой физиономии Кларка пламенели прижженные йодом царапины, саднящие кожу, как яд африканской кобры. Осторожно прикоснувшись к щекам кончиками пальцев, Кларк испустил ещё один горестный вздох и неуверенно сказал:

— Значит, говоришь, нельзя сбежать...

— Можно попытаться, — Энди подался вперёд, пружины старого кресла скрипнули под его весом. — Но к чему приведёт эта попытка? Не станет ли ещё хуже, а? Кто знает, куда мы забредём, пересекая невидимую границу между безумием и здравым смыслом... Я не за что не могу поручиться, приятель. Эта необъятная, недвижимая пелена туч, она довлеющим куполом накрыла весь город. И нам не пробиться через неё. Здесь, под куполом, даже время остановилось. Представь себе, что пока мы здесь барахтаемся, словно глупые слепые щенки, во внешнем мире время идёт своим чередом. А вдруг ТАМ уже прошло не несколько часов, а, положим, несколько дней? Или недель?.. Лет?

— Ты меня пугаешь, — нервно заёрзал на диване Кларк. — Я даже думать об этом не хочу. С меня достаточно того, что мы либо попали в какой-то научно-фантастический фильм, внезапно ставший реальностью нашей жизни, либо стали подопытными кроликами.

— Кроликами?

— Ими-ими. Жертвами сверхсекретного правительственного эксперимента. А что? Я не раз читал и слышал, что наши власти готовы на что угодно во имя торжества науки.

— Ты почерпнул слишком много шелухи из мировой паутины, — в голосе Тёрнера слышался упрёк. — Признаться, я тоже думал о вероятности испытания в наших местах некоей хитрой установки. Ну, что-то типа полузабытого проекта «Филадельфия». Но, чем дольше я размышлял, тем больше склонялся к выводу, что наукой здесь и не пахнет. Не тот случай, Даг, опять-таки не тот, мать его, случай. Здесь всё не то!

— К чему ты ведёшь? — Кларк был весь внимание.

Следующий вопрос шерифа без малого застал его врасплох.

— Ты веришь в бога, дружище?

— А если верю, тогда что? — осторожно сказал Кларк.

— Тогда я спрошу, а веришь ли ты в Дьявола? Ведь, если допустить существование бога, то ничто не должно ставить под сомнение и существование злейшего врага рода человеческого.

— Как-то сложно представить тебя в роли проповедника, — виновато улыбнувшись, сказал младший помощник. — Ты уж не обижайся, но перевод всей этой захватившей город чертовщины на религиозные рельсы, на мой взгляд, не очень удачен...

Энди переменил позу, вытянул затёкшие ноги и победно посмотрел на Кларка:

— Скажи мне, приятель, из всего тобою вышесказанного какое слово стоит выделить, как ключевое?

Нахмурившись, Дуглас с неодобрением поджал губы:

— Так, прекращай изображать из себя профессора гарвардского университета. Не будь большим засранцем, чем ты являешься на самом деле, Тёрнер.

Пропустив язвительную реплику Кларка мимо ушей, Энди произнёс:

— Ты сказал «чертовщина».

— Что я сказал?

— Чертовщина.

— В смысле...

— Ты сказал, что Хеллвил захватила непонятная чертовщина, — Энди был на редкость терпелив и выдержан. — Не желая поднимать вопрос религии, ты, сам того не замечая, неосознанно, примешал в разговор словечко определённо теологического толка.

— Типа связанное с библейскими историями и церковными проповедями, — усмехнувшись, сказал Кларк. — Ты что, начитался священного писания?

— Ты зря смеёшься, — сам Энди и не думал улыбаться. — А я вот в последнее время всерьёз задумался, а есть ли бог? Таков ли он, каким мы привыкли его изображать? Соответствует ли он каноническому представлению, данному в библии, или Он некая высшая материя, неуловимая для разума среднего человека суть, управляющая законами вселенной?.. Что мы знаем о Боге, Кларк? Каков его истинный облик, и как мы носим Бога в душе, не зная о нём практически ничего? Бессмертим ли мы не знанием, а слепой верой свою душу?

Дуглас, вжавшись лопатками в спинку дивана, с тихим, нарастающим ужасом таращился на шефа. На лбу младшего помощника выступила испарина, а в мозг прокралась шаловливая мыслишка — а ну как и Тёрнер сбрендил? И что тогда? Вязать его по рукам и ногам? Или кричать — караул?! Кларк набрал в могучую грудь побольше воздуха и шумно выдохнул.

— Я не свихнулся, Кларк, — от Энди не ускользнуло поменявшееся лицо Дугласа. — Расслабься и успокойся, ты глупо и смешно выглядишь с налившимися кровью глазами и отвисшей челюстью.

— Пошёл ты, — передёрнул плечами Кларк. — От твоих нравоучений я весь мурашками покрылся.

— Так вот, что я хочу всем этим сказать, — Тёрнер был невозмутимее скального утёса. — Если Богу, неважно по какой причине, было угодно, чтобы с нами стряслась эта напасть, то мне думается, что у нас тогда есть очень неплохой шанс на скорейшее спасение. Хеллвил отнюдь не Содом и не Гоморра, и у его жителей ДОЛЖНЫ быть шансы на выживание. Всё в мире происходит в соответствии с законами природы, следовательно, законами божьими... Когда того требует необходимость, природа сама регулирует движение жизни, заполняя пустоты и образуя бреши на своё усмотрение. Я верю в бога, Кларк. Я верю, что он не оставит нас одних. Просто... Просто что-то случилось из ряда вон выходящее. НЕПРАВИЛЬНОЕ. Совсем не божеское.

— Тогда чьё? Чей промысел мы наблюдаем на улицах города и вокруг?

— Уверен, что в нашем случае как раз и не обошлось без вмешательства Дьявола, — Тёрнер натянуто улыбнулся. Кларк так и не понял, чего было больше в этой улыбке — неуверенности или смущения. — Как-то ему удалось взять Хеллвил в свои лапы. Что-то произошло, что позволило ему прийти сюда. Кто-то впустил ЕГО в свою душу, и это открыло врата.

Дуглас встревожено замахал рукой перед носом погрузившегося в пространные рассуждения молодого человека.

— Эй ты, оракул ходячий, у тебя даже глаза остекленели! Завязывай с этой потусторонне-мистической хренью и возвращайся на грешную землю. Тебе известно, как говорят по этому поводу русские? На бога надейся, а сам не плошай. Золотые слова, доложу тебе, особенно в нашей щекотливой ситуации.

Словно очнувшись, Энди вздрогнул и исподлобья глянул на Дугласа.

— Ты даже не представляешь, насколько ты прав, дружище. И у меня на примете есть, по крайней мере, один человек, который уж точно предпочитает действовать, а не тратить время в религиозных диспутах. И я от всего сердца желаю ему успеха. Он уже действует, борется. За своих родных и близких, за нас, за город. Можешь смеяться, но он предстаёт передо мной в образе спустившегося с небес архангела, посланного господом на битву с Сатаной.

Смех застрял булькающим хрипением в горле Дуглас, когда он понял, что Тёрнер и не думает шутить. Твою мать, подумал Кларк, когда ЭТО всё закончится (и если закончится), то обязательно схожу в церковь, исповедуюсь. Слово даю.

— Э-э-э... Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты говоришь о... О НЁМ? Речь идёт об Алане Блейзе, родном брате той любой твоему сердцу милашке, что сейчас в соседней комнате приводит в чувство миссис Хилл?

Помявшись, Тёрнер всё же сказал:

— Ну, ты, конечно, несколько утрируешь... И при чём вообще Шейла? «Милая сердцу милашка»? О чём ты, приятель? Я тебя не узнаю. Но в остальном всё так и есть.

Кларк сделал вид, что не увидел вспыхнувший на щеках Энди застенчивый румянец.

— Блейз? Алан Блейз? Помилуй нас бог, если он и вправду наша последняя надежда и защита! Парень, это ТЕБЯ я не узнаю. Да у этого Блейза у самого за душой не пойми какие бесы водятся! Ты видел его глаза, Энди? Лично у меня создаётся впечатление, что он способен резать кого угодно и не поморщиться. У него взгляд тяжелее, чем Эмпайр Стейт Билдинг, мать её так и раз этак! А лицо? Ты видел его морду, вечно скрытую длинными, как у бабы патлами? У него такое выражение на физиономии, словно ему о-о-очень давно врезали по яйцам, а боль до сих пор не проходит. Вот он и рыщет везде, пытаюсь отквитаться не пойми с кем непонятно за что. Честно, Энди, меня этот Блейз здорово пугает. У него не вид спасителя. Он сам, как демон.

— Впечатление зачастую бывает обманчивым, — шериф был непреклонен. — Не буду спорить, может, у Алана с головой далеко не полный порядок, но с другой стороны, назови мне хоть одного абсолютно нормального человека. И вообще, как определить, кто нормален, а кто нет? Где те эталонные веса? Где мерило? И кто дал одному человеку право судить другого, исходя из личностных и общепринятых критериев? Любой, кто не вписывается в общую серую массу, автоматически становится изгоем. Даже если он полностью нормален. Особенно если он нормален.

Дуглас обречённо махнул рукой.

— Ты безнадежен.

— Да ладно, Даг. Всё это, конечно, притянуто за уши и звучит не очень умно, но... Я так думаю.

— Да я понимаю.

— Надеюсь. Очень важно, чтобы тебя хоть кто-то понимал... Эй, ты чего приуныл то?

— О Мэгги вспомнил, — младший помощник отвернулся в сторону, пряча глаза. — Подумал, что готов поверить во всё и в кого угодно, лишь бы только с ней не случилось ничего плохого. Я первый расцелую Блейза, если он оправдает твою, Энди, веру в него.

Шериф города Хеллвил ничего не ответил. Ему самому хотелось испытывать те чувства, которые он пытался вселить в окружающих. Он тоже хотел верить.

Шейла осторожно прикрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, обвела спальню Дейзи Хилл влажным затуманенным взглядом. Девушка испытывала сумбурные, противоречивые чувства, уже жалея о том, что, намериваясь выйти в гостиную, стала невольной свидетельницей этого серьёзного мужского разговора. Она вовсе не собиралась подслушивать, всё получилось как то само собой. Что-то её насторожило в эмоциональной живой беседе Энди с Кларком, и она замерла на пороге, оставив дверь чуть приоткрытой. Пожалуй, всё же зря.

Дейзи, свернувшись калачиком, лежала на кровати, не мигая, уставившись в сторону зашторенного окна. Стоящий на прикроватном столике включённый ночник бросал на бледное изможденное лицо девушки густые тёмные блики. На так и не покинувшую её комнату Шейлу Дейзи не обращала никакого внимания, и какое-то время, сбитая с толку, девочка была предоставлена сама себе и собственным мыслям.

Слова младшего помощника шерифа сильно задели Шейлу. Зацепили за живое, разнузданно пройдясь по глубоко личным внутренним чувствам, попирая душу, и топча сердце. Не раз и не два бывало, что она, злясь на брата, поносила его последними словами, особенно не стесняясь в выражениях. Но это ОНА! Его родная любимая сестра! Человек которым он очень дорожит. От Алана Шейла была готова стерпеть (и терпела) многое, понимая, что и сама далеко не подарок, политый сахарной глазурью. Если Алан зачастую выглядел и вёл себя, как законченный высокомерный сноб и эгоист, то она порой на редкость удачно перевоплощалась в упрямую заносчивую стерву. Они были равны меж собой, умея глядеть дальше, чем другие, обладая редкой способностью читать с полунамёка мысли и побуждения друг друга.

Так вот, разрешая себе ругать и охаивать старшего брата, Шейла терпеть не могла, когда Алана костерили посторонние люди. Все эти шушуканья за спиной, оборванные фразы и якобы ничего незначащие недомолвки здорово её раздражали и выводили из себя. Никто не имел права обсуждать её брата, насмехаясь над его странностями и выражая сомнения в его умственной состоятельности. А этот... Этот!.. Этот боров! Да как у него вообще язык повернулся чуть не превратить Алана на словах в какого-то зверского маньяка, в опасного для общества психопата! И взгляд ему не нравится, и волосы у Алана, прости господи, бабские, и глаза не такие. Почаще бы на себя в зеркало смотрел, кабан небритый! Хорошо хоть Энди, умница, не остался в стороне, а чётко и по существу расставил все точки на *i*, заступившись за Алана. Хм, правда она не совсем поняла, на что намекал Кларк, говоря с ней, как о любой сердцу шерифа милашке. Нахмурившись, Шелли мысленно дала себе подзатыльник. Нет, подруга, так дело не пойдёт — себе то врать не надо. Всё она поняла, и нечего корчить из себя глупую недотрогу. Чувства, испытываемые к ней Энди, разве что не написаны у него на лбу аршинными буквами. А что чувствует она? Кто для неё этот молодой привлекательный парень? Как можно охарактеризовать их вполне сложившиеся отношения? Лёгкий флирт, мимолётное увлечение, просто взаимная симпатия? Или нечто большее?

Вытащив носовой платочек, девушка насухо вытерла огромные, матово сверкающие в

полутьме комнаты синие глазщи, избавляясь от обидных слёз, и громко высморкалась. Скомкав платочек и сунув его в карман джинсов, Шейла оттолкнулась от двери и подошла к Дейзи.

— Я посижу с тобой еще немножко, ладно? Что-то мне расхотелось выходить. По-моему, у них и без меня неплохо получается. Особенно по части остроумия.

— Я буду только рада, — Дейзи, накрытая до подбородка тонкой простынею, слабо улыбнулась. Губы девушки поблекли, яркая сочная зелень глаз потускнела. Заострившиеся черты лица наводили на мысль, что лежащая в постели молодая женщина подхватила тяжёлую неизлечимую болезнь, пожирающую все её силы, и вытягивающую из некогда цветущего тела последние соки. — Признаться, я сама хотела тебя попросить, чтобы ты осталась... Не хочу быть одной. Особенно теперь, после того, что произошло за последнее время. Я так боюсь, Шелли.

— Тс-с-с, не переживай, я же рядом, — Шейла, уселась на кровать и ласково провела рукой по голове Дейзи, пропуская меж пальцев короткие русые волосы. — Бояться нечего, Дейзи. Если ИХ не впустить, они не войдут. Думаю, ты и без меня уже поняла это, да?

Дейзи вжалась в подушку, фокусируя на Шейле внимательный взгляд.

— Я боюсь не того, что кто-нибудь сможет проникнуть в мой дом, неважно, с моего разрешения или нет. Я боюсь того, что вдруг Тони найдёт способ вернуться, вдруг он прибежит домой, будет просить, чтобы его впустили, а мы... А мы, думая, что это очередное порождение ночи, не откроем ему дверь. Вот чего я боюсь, понимаешь? Я боюсь не узнать собственного сына.

— Глупости, — уверенно сказала Шелли. — Мне, кажется, хоть у меня и нет детей, что каждая мать, настоящая, любящая мать при любом раскладе и стечении обстоятельств узнает своего ребёнка. А как же иначе? Для чего тогда материнское сердце?

— Немногим более часа назад я чуть было не совершила ошибку, приняв чудовище за собственного сына, — глаза Дейзи были печальны и пусты. — А что, если в следующий раз новый монстр заявится сюда, украв уже не только голос, но и облик, лицо моего сына?

Выдерживать полный тоски и печали взгляд несчастной Дейзи было тяжело, но Шелли не отвела глаз. Крепко, через простынь сжав плечо девушки, она тихо, но отчётливо и проникновенно произнесла:

— Вот что я тебе скажу. Я, конечно, всего-навсего желторотая девчонка, у которой до сих пор одними из главных проблем в жизни являются прыщи и вечные споры с подругами из-за мальчиков... Но мне кажется, что кое в чём я нисколько не тупее других. Дейзи, тебе не стоит волноваться, изводя себя пустыми мыслями. Ты не хуже меня понимаешь, просто боясь признаться в этом самой себе, что твой сын не сможет в одиночку без посторонней помощи выбраться из той беды, в которой оказался. И тебе не стоит бояться, что ты не узнаешь его, не сможешь отличить от ночных чудовищ. Тони не придёт. Единственный на данный момент человек, кто способен вернуть тебе сына, это мой брат, Алан, тот, кого ты любишь. И когда он приведёт Тони обратно домой, а я в этом не сомневаюсь, поскольку очень хорошо знаю Алана, то все вопросы отпадут сами собой. Просто не забывай, что ты мать, и что у тебя есть сердце, настроенное на пульс и ритм тех, кто дороже тебе всех на свете. И так ты никогда не ошибёшься.

Дейзи, закусив нижнюю губу, ошеломлённо молчала. Шейла в расширившихся глазах девушки увидела отражение собственного, подчёркнуто серьёзного, не по-детски сурового лица. Это было уже что-то. Ещё несколько минут назад в глазах Дейзи плыла абсолютная

бескрайняя пустота.

— Ты... Ты — это нечто, — Дейзи отбросила простынь и, приподнявшись, порывисто обняла девочку. Уткнувшись распухшим носом в плечо Шейлы, Дейзи приглушенно, с надрывом сказала: — Спасибо... Спасибо, милая. Тебя невозможно не любить.

— Да уж, я уникальна во всех отношениях, — Шелли скромненько потупилась, её тонкие изящные губы вздрагивали в сдерживаемой улыбке.

Отстранившись от Шейлы, Дейзи, замявшись, неуверенно сказала:

— Не знаю, удобное ли сейчас время, и к месту ли это вообще, но... Я хочу тебе кое о чём рассказать. Думаю, ты должна знать об этом.

Подобравшись, Шейла смерила девушку настороженным взглядом.

— Начало мне уже не нравится. Ты о чём?

— Это связано с твоим братом. С Аланом.

Шейла ещё подумала тогда, что, наверно, в этом есть своя горькая ирония. Время и впрямь было крайне неурочным. Но всё, что было связано с Аланом, автоматически отодвигало всё остальное на задний план. Она должна знать всё.

— Ну... Ну что ж, я не против узнать что-нибудь новенькое о моём курьёзном братце, — девочка обнажила в полуулыбке белые ровные зубки. — Но хочу предупредить, что не выношу, когда Алана за глаза поливают грязью и разводят всяческие нелепые сплетни.

— Приму к сведению, — кивнула Дейзи. — На будущее. Ты хорошая сестра и хороший друг для него. Несомненно, вы очень близки с братом. Но мне кажется, о том, что я хочу рассказать, даже ты не знаешь.

— Заинтригованна, честно. Не томи, выкладывай всё, как есть. Обещаю, что не вцеплюсь с истеричными криками тебе в волосы независимо от того, что ты расскажешь.

— Ловлю на слове. Ладно... Обычно Алан предельно скрытен и полон некой таинственности. Загадки, что ли. Не мне тебе объяснять, что он за человек! Зачастую из него слова не вытянешь. Он как бы замыкается внутри себя, очень обострённо реагируя на все посторонние попытки вмешательства в его жизнь, в его душу. Но бывает, что и он приоткрывается и делится с тобой частью своей тайны.

Забравшись на постель Дейзи с ногами, бесцеремонно потеснив при этом хозяйку, Шелли вся обратилась в слух, стараясь не пропустить ни слова. Дейзи, подтянув колени к груди, обхватила ноги руками, уступая девочке часть пространства.

— Особенно когда его припирает, и ты понимаешь, что, не ровен час, и он взорвётся и вся боль, что он копил годами, хлынет у него из глаз... Так вот, именно в эти моменты Алана пробивает на откровенность. Но он терпит до последнего и, даже когда ему крайне тяжело и плохо, он очень неохотно идёт тебе навстречу. Не знаю, наверно, срабатывает старая, укоренившаяся с годами привычка всё таить в себе. Но так же нельзя, Шелли! Бывает, что невидимый груз настолько сильно давит на человека, что может и сломать его. Редко кто способен в одиночку мириться с терзающей сердце тоской и болью.

— Алан сильный, — прошептала Шейла, широко раскрыв глаза. — Ты не представляешь, насколько он сильный, и на что он способен...

Дейзи горько усмехнулась.

— Глупенькая девочка... Мужчины намного сильнее нас, женщин, но и вместе с тем гораздо слабее. Мы выносливее их. Мы быстрее адаптируемся к переменам. Мы быстрее привыкаем. И мы не привыкли всё копить внутри себя. Нам достаточно разрыдаться и

половину неприятностей как рукой снимет! Вместе со слезами уйдут боль, тяжесть и терзания. С мужчинами всё не так. Они даже плачут по-другому. И нередко за маской внешнего безразличия и наигранной грубости скрывается тонкая и ранимая мужская душа! Не спеши улыбаться, я не шучу! А если мужчина в глубине души раним, то представляешь, насколько его можно легко обидеть? И как он переносит все невзгоды и терзания, страдая и переживая, но стесняясь выразить свои чувства, молча, в одиночку? У них не принято жаловаться друг другу на душевные неурядицы. А как же! Это же мужчины! Невозмутимые, уравновешенные, спокойные, сильные и деловые, самцы, у которых всё всегда под контролем. Но каждый настоящий мужчина до конца жизни глубоко внутри остаётся маленьким ребёнком, маленьким мальчиком. И, как и ребёнок, он подвержен всем детским проблемам.

Шейла сидела неподвижно, словно растворившись в сумраке тускло освещённой комнаты, замедлив дыхание и соревнуясь в незаметности с умершим временем. А сердце её, наоборот, билось учащённо и гулко, качая бурлящую адреналином кровь. Если Дейзи права, а причин, способных опровергнуть горячие, полные убеждённости слова девушки, Шейла не могла назвать, то получается... Получается... Получается, что она дура набитая, раз живя с родным братом бок о бок всю сознательную жизнь, не видела, как он страдает. Но она постоянно видела его грустную улыбку, видела глаза побитой собаки, скрывающиеся за длинными волосами, видела, что его что-то гнетёт. Она видела ВСЁ! Но почему она ни разу не задумалась, а что, собственно, с ним такое происходит? О чём можно говорить, если она только недавно заподозрила, что Алан очень несчастен? И что как ему тяжело постоянно скрывать свои истинные чувства от остальных, выдавая боль и горечь за установившийся образ невозмутимого флегматичного парня, отпугивающего всех окружающих нарочитой угрюмостью и тяжёлым взглядом? А где всё это время были её глаза? Где было её сердце?! Почему она, считая брата всего лишь нелюдимым странным чудачком, не задумывалась о большем?..

— Чт. Что он тебе рассказал? — запнувшись, насилу выдавила Шейла. Горло девочки перехватили удушающие спазмы, в глазах опять поплыл влажный туман.

— Он признался мне, что влюблён. Что любит одну девушку настолько сильно, что эта любовь сводит его с ума, превращая в беспомощное, лишённое всякого здравого смысла существо. Что он влюблён до беспамятства, до того состояния, когда становится невозможно трезво оценивать свои действия и поступки. Алан сказал, что любит её настолько сильно, что любовь выжигает его дотла, ничего не оставляя взамен, кроме боли и тоски.

— П-почему боли? — Шейла опустила глаза, нервно теребя наманекюрными пальчиками краешек простыни. — Почему именно боли?! Ведь любовь... Любовь — это не всегда боль! Ты же знаешь, Дейзи! Любовь — это прекрасно!

— Когда она взаимна. Алан любит безответно и это убивает его. Он так мне и сказал. Он сказал, что не может быть со мной, что не хочет обманывать меня, пытаюсь дать мне взамен настоящей любви суррогат. Он на редкость честный, твой брат. И он из породы однолюбов. Он сказал, что это чувство медленно, но верно убивает его. Но самое страшное в том, что Алан рассказал мне далеко не всё. Он так и не открылся полностью. Какую-то часть тайны он по-прежнему хранит на самом дне своей души. И это мучит его сильнее всего.

Шелли вытянула из кармана платочек, уже не видя собеседницы. Верхняя губа девочки жалобно задвигалась, подбородок задрожал, целые озёрца слёз блестели на запрудах густых ресниц.

— Он не сказал, кто она?.. Алан не назвал имя той, что ломает ему всю жизнь?

Вздыхнув, Дейзи пожалала прикрытыми халатиком плечами.

— Я думаю, что назови он её имя, и это бы окончательно пролило свет на оставшуюся нераскрытой часть тайны твоего брата.

Шелли промокнула глаза. Она напряжённо думала. Она пыталась вспомнить, кто был запечатлён на ТОЙ фотографии. Шелли мучительно вспоминала лицо девушки с фотки, которую Алан тщательно скрывал. Это была она, теперь и сомнений быть не может. На снимке была девушка, в которую, как оказалось, Алан давно и безуспешно влюблён. Странно, но Шелли могла поклясться, что лицо этой загадочной незнакомки было ей смутно знакомым. Где-то она её уже видела. Да, точно видела. Но где? Кто она? Увы, здесь память виновато спасовала.

— Я предупреждал. Предупреждал, да? Я ничего не путаю, о Великий? — Бинго всё норовил заглянуть в окаменевшее лицо Алана. Арлекин вертелся неугомонным волчком, бубенцы на его колпаке мелодично звенели в такт энергичным движениям головой. — Зрелище, как я говорил, не из приятных, но ты сам вызвался. Я не настаивал.

— Но ты мог вообще ничего мне не говорить, — губы юноши сжались в тонкую, едва различимую строчку. — Ты мог промолчать, но не стал делать этого. Зачем ты показал мне всё это, Бинго?..

Алан развёл руками в стороны, как бы подкрепляя последние слова недвусмысленным жестом.

— Я хотел, чтобы ты понял, с чем конкретно тебе... Нам. Нам придётся иметь дело. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, смекаешь? Мне хотелось, чтобы ты осознал, что будет, если не остановить падение Хеллвила в разверстную адскую бездну.

— У тебя неплохо получилось, — к горлу Блейза подобралась тошнота. Он натужно сглотнул. — Увидев это, уже никогда не забудешь. Спасибо, дружок, теперь этот образ будет преследовать меня до конца дней в ночных кошмарах.

— Кто хочет жить вечно? — грустно резюмировал арлекин. — Я слышу в твоём голосе неподдельный сарказм, мой дражащий волосатый приятель. Тебе известно, что сарказм противопоказан молодым людям? Болтают, что избыток сарказма нарушает пищеварение. Не слышал такую байку, нет?

Алан занёс было руку, но Бинго проворно отпрыгнул ему за спину, радостно закудахтав.

— О, нет! Нет-нет-нет! Старый добрый Бинго не по твоим молочным зубам, сынок, хе-хе!..

Откинув со лба чёрные волосы, Блейз удивлённо заломил бровь.

— Эй, крашенный, ты в своём уме? Какой на фиг «старый добрый»? Ты давно смотрел на себя в зеркало? Это, знаешь ли такая блестящая гладкая штука, обладающая отражающими свойствами.

Бинго моментально застыл на месте и раздражённо посмотрел на юношу.

— Хм, хм, ну что... Достойный ответ, ничего не скажу. Уделал меня, так уделал. Остряк сопливый. Аккуратней, ты наступил на моё самое больное место.

— Против правды не попрёшь, — осклабился Блейз. — Так что не корчи угрожающие рожи, и ради всего святого заткнись хоть на секундочку. Несчастному ребёнку не помешало бы отдать последнюю дань уважения, а мы тут трепимся как два слабоумных клоуна. Только без обид — твоя былая профессия уже стала далёким прошлым.

Громко засопев, Бинго, тем не менее, последовал совету Алана и прикусил язык. Они находились в палатке кунсткамеры, практически у самого входа, освещаемые разноцветным светом мерцающих фонариков и подмигивающих гирлянд. В самом начале тянущихся вглубь шатра стендов они обнаружили Грега Вудворта. Точнее, то, что осталось от несчастного мальчика, ибо в своём нынешнем состоянии Грег лишь отдалённо напоминал семилетнего ребёнка. Заключённое в прозрачную стеклянную колбу объёмом литров эдак на двести гротескное существо менее всего походило на закадычного приятеля Тони Хилла.

Тошнота пополам с горечью вновь подкатила к горлу Алана. Бывало, что он видел ужасы и покруче, но ребёнок... Маленький беззащитный ребёнок. Его-то за что?! Кулаки Алана со скрипом сжались, ногти вонзились в ладони, оставляя на коже глубокие отметины. Старжински заплатит за это. Он, как и Богарт до последнего момента, не понимает, что записался в живые ходячие трупы. Окончательно и бесповоротно. Я убью его, подумал Алан, настойчиво гоня от себя мысль о том, что, возможно, с Тони цирковой антрепренер обошёлся ещё жёстче. Старжински умер в тот час, когда его цирк въехал на территорию города. Блейз не шутил. Он не привык бросаться громкими словами на ветер.

— Если надумал блевать, то предупреждай, пожалуйста, заранее, — попросил угрюмо насупившийся арлекин. — У меня, знаешь ли, костюмчик с иголки, ещё ни разу не стиран, как новенький.

— Обязательно учту, — Алан сощурил тёмные глаза, яростно двигая желваками. Если бы в подобном состоянии его увидел младший помощник шерифа Кларк, то непременно бы обделался от страха.

Существо, безжизненно глядевшее на них через призму стекла полными убийственной тоски выпученными глазами, неслышно колыхалось в мутном формалиновом растворе, как будто внутри ставшего для мальчика последним пристанищем аквариуме разыгрался шторм. Скрюченные пальцы безвольно цеплялись за волнующуюся жидкость, подогнутые ноги не касались днища огромной колбы, отвисая двумя жалкими вялыми отростками. Кожа мальчика приобрела насыщенный серо-землистый оттенок, туго обтягивая раздетое донага костлявое тельце и прорисовывая каждую вену и жилку, каждый кровеносный сосудик и хрящик. Грег превратился в натуральный анатомический атлас. Нет, не превратился, мрачно поправил себя Алан. Его ПРЕВРАТИЛИ. ИЗМЕНИЛИ. Приоткрытый в беззвучном крике р мальчишка обнажал жёлтые неровные зубы, похожие на прореженный частокол ветхого шпакетника. Осунувшееся, одутловатое лицо с запавшим носом и выпученными, как у краба глазами не могло принадлежать семилетнему ребёнку. И в довершение всего монстр, в которого превратили бедного Грега, был абсолютно лишён волосяного покрова. Лысая голова матово блестела в свете падающих на колбу лучей уличных фонариков.

Алан круто развернулся на каблуках и вышел из шатра. Засунутый за ремень револьвер больно врезался в поясицу, вынудив юношу недовольно сморщиться. Не отстающий ни на шаг арлекин панибратски обнял Блейза за талию и вкрадчиво промурлыкал:

— Эге-ге-ей... А у тебя очень большая и серьёзная пушка, да, сынок?

Остановившись, Алан посмотрел на циркача сверху вниз.

— Большая как противотанковое ружьё и опасная, как сам дьявол. Ты что-то имеешь против?

— О, нет-нет, дружище! Я, как и всякий законопослушный гражданин, за мир во всём мире. И неважно, чем достигается это шаткое, зыбкое равновесие, зовущееся спокойствием и порядком. И не забывай старую добрую поговорку — прав тот, у кого больше ствол!

— Думаю, мы с тобой найдём общий язык, — одобрительно сказал Алан, освобождаясь от объятий арлекина.

Нарисованная на лице Бинго грустная улыбка пришла в движение. Паяц ковырнул утоптанную землю загнутым носком башмака и смущённо сказал:

— Представляешь, после того, как я превратился в это пугало огородное, — арлекин тряхнул головой — бубенцы на рогах колпака не замедлили отозваться звонким дилинь-дилинь, — я обнаружил в себе противоестественную, подозрительную, странную тягу... Понимаешь, о чём я?

— Вон оно что... — задумчиво протянул Блейз, изучая ставшее вечным вечернее, затянутое свинцово-серыми тучами небо. — Ну что ж, теперь мне ясно, почему ты полез обниматься. И всё такое.

— Обниматься? — удивлённо переспросил Бинго. — Всё такое? Ты что имеешь в виду, мой юный извращённый дружок? Учти, чтобы ты там себе не навывдумывал, руководствуясь исключительно недалёковидностью и слепотой, на деле всё обстоит совершенно иначе! Обниматься! Ты что это решил? Что я «поголубел»? Что я превратился в арлекина-гомосека, что ли?..

— Да ты сам сказал, что в тебе проснулась какая-то там противоестественная тяга! — без тени улыбки Блейз быстрыми шагами удалялся от злополучной кунсткамеры. Больше его в цирке «Невозможное — возможно» ничто не держит. У юноши зародилось такое чувство, что он был здесь в последний раз, и больше никогда в жизни не вернётся сюда.

Бинго, на некоторое время застыв в ступоре, подпрыгнул, как ужаленный и бросился догонять свежеепечённого напарника. Зыбкую тишину сумерек наполнил мелодичный перезвон бронзовых колокольчиков.

— Эй, ты куда так разогнался? — арлекин забежал на пол корпуса вперёд и упёрся обеими руками в грудь Алана. — Ого! Да ты в отличной форме! Мышцы, как железо... Нет-нет-нет, ты опять не так понял! И нечего на меня смотреть, словно у меня на носу выросла сосулька! Всё совсем не так. Просто, просто дело в том, что я обнаружил в себе тягу к рифмоплётству, к сочинительству. Да, чёрт тебя дери, я начал сочинять стихи!

— Стихи? — остановившись, Алан с изрядной долей скепсиса посмотрел в умоляющие голубые глаза Бинго. — Ты хочешь сказать, что не только внешне, но и отчасти внутренне перевоплотился в настоящего средневекового арлекина, в бродячего менестреля, распевającego романсы о несчастной любви и разбитых сердцах?

Сложив руки на груди, Бинго радостно закивал.

— Я был уверен, что ты меня поймёшь! Конечно, между арлекином и бардом имеется определённая разница, но в целом и общем суть ты уловил правильно. Хочешь послушать?

— Что послушать?

— Ну стих. Мой рождённый в творческих муках шедевр позднесредневековой поэзии.

— Я не совсем уверен, что мы выбрали для этого самое удобное время...

— Ну пожалуйста! Пожалуйста?.. — Бинго скорчил плаксивую физиономию, приподнимаясь на носочки и жалостливо заглядывая в скрытое нечесаными волосами лицо высокого юноши.

— Ладно, — не выдержав умоляющего взгляда арлекина, сжалился Блейз. — Давай, выкладывай свою побасенку. Думаю, это не займёт много времени, а минута-другая ничего не изменят.

Откашлявшись и приняв возвышенную позу, Бинго возвёл очи горе и хорошо

поставленным, твёрдым голосом зачитал:

Ночь упала, крылья чёрные раскрыв,
Сердце сжалось от предчувствия беды.
На мгновенье вспышка молнии в глазах,
В наших душах свил гнездо зловещий страх.
Мы боимся посмотреть в глаза ему,
Существуем не во сне, а на яву.
Нету воли там, где миром правит зло,
Сколько жизней ветром скорби унесло...
Обращаюсь к тем, кто видит между строчек —
Помогите — мы живём во мраке ночи!
В королевстве, что стоит, поправ закон,
Нет свободы и нет Бога — только трон.
Нами правят сплошь тираны и глупцы,
Кто виновен? Мы — проклятые слепцы...
Сколько грязи и предательства теперь,
В королевстве на иконах ликом Зверь.
Арлекины и придворные шуты
Вместо чести восхваляют ересь лжи.
Вне закона: правда, дружба и любовь,
Нам остались ужас, ненависть и кровь...
Нету долга, как и нет придворных дам,
Всё прогнило, смрад и пошлость тут и там.
Развлекайтесь, сколько сердце ваше хочет,
Веселитесь, мы живём во мраке ночи!..
Но нет силы дальше всё это терпеть,
Нам обрыдли шляхи, игрища и плеть!
Клетка ночи, что сковала нам умы,
Не удержит, мы же люди, не рабы.
В королевстве, где навеки правит ночь,
Где же правда, кто же сможет нам помочь?..

Замолчав, Бинго с затаённой надеждой на щедрую похвалу как бы невзначай покосился на Алана. Юноша молчал недолго. Он внимательно посмотрел на невольно зардевшегося размалёванного поэта, одетого в нелепый дурацкий костюм балаганного шута. Арлекин истолковал пристальный взгляд Алана по-своему и заметно скуксился.

— Что, совсем хреново, да? Ладно, чего уж там... Давай, режь правду-матку прямо в глаза!

— Бинго, я никак не могу понять тебя, — сказал Алан. — Боюсь, полностью понять тебя не удастся никому... Но... Скажи мне, у тебя само по себе выходит удачно притворяться и выглядеть полным придурком или ты долго и серьёзно тренировался?

Паяц чуть не задохнулся от наигранного возмущения, прожигая Блейза насквозь лазероподобным взглядом потемневших фиолетовых глаз.

— Я вынужден требовать сатисфакции не сходя с этого самого места! Какое оружие вы предпочитаете, сударь?

— Здоровенный шестизарядный револьвер запредельного по мощности калибра с

рукою, отделанной сандаловым деревом, — улыбнулся Алан. — Тебе это ничего не напоминает? И учти, моя пушка стреляет настоящими пулями, а не воздушными шариками.

— Твой ствол больше, — сдаваясь, кивнул Бинго. — Ну так как тебе стишок?

— Здорово, — Блейз засунул руки в карманы джинсов. — Мне понравилось, без дураков... Пардон, я не имел в виду тебя.

— Последние слова мог бы и не говорить, — буркнул арлекин. — Тоже мне критик выискался... Нет, тебе и взаправду понравилось?

— Взаправду.

— Не врешь?

— Не имею такой привычки.

— Ах, ну да, я и забыл, какой ты у нас честный и благородный!

— Нет, я серьёзно. Стих что надо, как раз в тему. Точно.

— Хм, знаешь, мне тоже показалось, что я очень тонко подметил и отразил в стихе все реалии нашей современной действительности...

— А то! Байрон и Шекспир — вчерашний день по сравнению с тобой.

— Да пошёл ты...

— Не дуйся, приятель, я пошутил. Ну перестань...

Глава 20

— Понимаешь, Энди, мне казалось... Я была уверена, я всю жизнь была уверена, что хорошо знаю своего брата. Конечно, у каждого есть свои маленькие секреты, иначе и быть не может! У меня у самой различных девичьих тайн более чем достаточно. Но я и представить не могла, что Алан станет утаивать от меня, что влюблён в какую-то девушку! Ведь это же... Это же совсем другое дело! Мы с ним очень близки. Очень. Мы как два лучших друга, а лучшие друзья всегда должны делиться подобным меж собою.

— Если только они не влюблены в одну и ту же девушку, — резонно заметил внимательно слушающий Тёрнер.

— Думаю, в нашем с Аланом случае это абсолютно неприменимо, — с сарказмом сказала Шелли. — Неужели он скрывает свои чувства к этой загадочной незнакомке из-за того давнего, порядком уже подзабытого, случая? Признаюсь, однажды, будучи ещё совсем маленькой и глупой девчонкой, я влюбилась, ну, думала, что влюбилась, в одного типа, который, к слову, оказался тем ещё подонком.

— Ты не обязана мне ничего рассказывать, если не уверена или испытываешь хоть какие-то сомнения, — мягко сказал Энди, по-своему истолковав колебания Шелли.

Она облокотилась о стол, положив подбородок на сцеплённые пальцы. Энди отразился в огромных глазах черноволосой девушки. Ему показалось, что он способен играючи утонуть в этих больших, глубоких, затягивающих невидимой сетью глазах. Он хотел утонуть. Раствориться в них. Навсегда.

— Да нет, какие там сомнения... Что было, то прошло и поросло травой. Это было несколько лет назад и я, не скрою, вела себя тогда не очень хорошо. Ослеплённая своей дурацкой любовью, я врала направо и налево, лишь бы скрыть наши с Бобби отношения от отца и Алана. Несколько позже я поняла, что постоянной ложью причинила Алану немало боли. Он как обычно всё стерпел, не сказав мне и слова. Он всегда так — терпит и молчит. Ни слова упрёка, ни боли в ответ. Но вся боль, которую он молча терпел, копилась у него в глазах. Я видела это, Энди... Видела и ничего не могла с этим поделать. Он такой скрытный. Я никогда не слышала, чтобы он жаловался или рассказывал о своих личных проблемах. Алан

всегда всё держал в себе.

— Возможно, он не хочет взваливать свои трудности на чужие плечи, предпочитая в одиночку решать все вопросы? — предположил Тёрнер. — Подобное поведение свойственно многим и многим мужчинам. Мы не очень любим плакаться в жилетку.

— Что значит — чужим? — горячо возмутилась Шейла. — Я ему совсем не чужая! Я его единственная и любимая родная сестра! Я его друг! А в настоящих и верных друзьях мой брат всегда испытывал определённый дефицит. И мне сейчас чертовски обидно и больно сознавать, Энди, что Алан по какой-то причине не доверяет мне. Я, после того случая, более ни разу не соврала ему. Ни разу. У нас установились на редкость тесные и близкие отношения. Алан очень понимающий и добрый, ему не составило труда простить меня, а мне постараться быть более честной и прямой с теми, кто меня любит и искренне беспокоится обо мне. И я совершенно не понимаю, что происходит сейчас!.. Почему он ничего мне не сказал, Энди, ну почему? Это же... Это так замечательно, если он в кого-то влюблён! Как бы я порадовалась за него! И мама тоже. И отец, и отец бы обрадовался, что у него появилась девушка...

Энди невольно отвёл взор. Ему было невыносимо видеть эти прекрасные глаза, будучи заполненными слезами. Шериф коротко откашлялся и хрипло сказал, постаравшись придать голосу как можно больше тепла и сочувствия:

— А ты не задумывалась о том, что вполне возможно, Алан просто выжидает удобного случая, чтобы во всём признаться? Может, он просто пока не «созрел» вынести свои чувства на всеобщее обозрение? Наверно, для некоторых это тяжело, взять и сказать, что мол, так и так, я люблю того то того то, ну и...

— Это уж точно не про Алана, — отмахнулась Шелли. — Господи, обидно-то как... И странно. Мой братец в своём репертуаре. Даже в таком интимном деле он старается не изменять своим принципам. А ты сам, ты сам, Энди, испытывал когда-нибудь в жизни подобные трудности?

— Нет, — чересчур быстро ответил Тёрнер и незамедлительно покраснел. — Не пришлось.

Шейла улыбнулась. Смущение и растерянность молодого человека были как на ладони. Краснея, как помидор, Энди вызывал в девушке волну смятённых, но приятных и волнующих чувств. Ей очень нравилось, когда он смущался или смеялся над её словами. Ей было хорошо рядом с ним. Волнения и тревоги задвигались куда-то на дальний фронт, и не оставалось ничего, кроме его улыбки. Плохой знак, подумала девочка. Когда я перестаю замечать всё на свете и вижу перед собой одну улыбку, значит... Значит, что ты начинаешь влюбляться в этого парня, дура ты несмышлёная, услужливо подсказал внутренний голос. По преданным, щенячьим глазам Энди, ослепительно вспыхивающим всякий раз, как она отвечала ему взаимностью, было понятно, что уж он-то точно втюрился в неё по уши. Чёрт, невесело усмехнулась Шейла, как же всё не вовремя. И что теперь со всем этим делать? Ситуация как-то не очень располагает для бурного проявления амурных чувств.

Они сидели на кухне небольшого домика Дейзи Хилл, полуночили, пили чай, разговаривали за жизнь, делились переживаниями и неизбежно оттягивали тот момент, когда красные от недосыпания глаза начнут сами собой слипаться. Дейзи, приняв двойную дозу успокоительного, уже давно видела десятые сны в своей спальне. Основательно подчистивший недра холодильника Дуглас развалился в гостиной на диване и задал знатного храпака. Отголоски богатырского храпа доносились на кухню через приоткрытые двери,

заставляя Энди с Шейлой периодически вздрагивать и обескуражено переглядываться. Дескать, неужели все эти устрашающие громоподобные звуки издаёт обычный человек?

— Я не большой любитель сотовых телефонов, но сейчас остро сожалею, что они не работают, — сказал Энди, в который раз поглядывая на левое запястье. Стрелки наручных часов всё так же оставались на отметке семи часов девятнадцати минут. — Я бы сейчас не отказался поговорить с Уолтером. У дока светлая голова и он зачастую выдаёт на-гора интересные и не затёртые идеи... И с твоим братом не помешало бы поддерживать связь, хотя бы для того, чтобы знать, чем он намерен заняться в данную минуту! Алан, конечно парень деятельный и хваткий, но уж слишком рискованный и бесшабашный. Боюсь, как бы он дров не наломал.

— Это он может, — хмыкнув, сказала Шелли. — Я понимаю, что ты хочешь этим сказать, Энди. Если уж ты без телефона загибаешься, то представь, что должна чувствовать я?! Кошмар, одним словом. Я так хочу позвонить дяде Фреду и сказать, что с нами... Что с нами всё в порядке. Чтобы он не волновался, понимаешь? А не могу. Не могу сделать элементарных вещей, которые еще вчера казались такими заурядными и повседневными, а теперь приобрели смысл и значение едва ли не вселенского масштаба. Ты прав, эта безысходность здорово напрягает. А что тогда говорить о тебе, человеке, стоящем на страже закона и являющимся гарантом спокойствия и благополучия граждан? Должно быть, ты чувствуешь себя, как последний президент США накануне неминуемого конца света. Я угадала?

— Что-то типа того, — не стал скрывать Энди. Его взгляд переместился на перевешенную через спинку свободного стула портупею с револьвером. — Вынужденное бездействие для меня хуже смерти. На данный момент я не могу практически ничего! Я не владею ни информацией, ни ситуацией, я не владею ничем. Зато моим городом уже овладели какие-то сомнительные и недружелюбно настроенные по отношению к жителям силы. Я ни на шаг не продвинулся в поисках пропавших мальчиков, я так и не разобрался, что же это за силы такие, какого они происхождения и что им надо? И как со всей этой чертовщиной соотнести приезд в наши края цирка «Невозможное-возможно»? Я даже не знаю, который сейчас час, и когда закончатся эти уже кажущиеся вечными сумерки?!

— Кстати, а сколько, по-твоему, всё же времени? — зевнула Шелли, неосознанно протягивая шерифу ладонь. Чудно, подивилась про себя девушка, как естественно и непринуждённо у меня вышел этот жест...

Энди бережно накрыл маленькую изящную ручку Шейлы своей большой ладонью и сказал:

— Мне кажется, что уже не меньше двух часов ночи. Во всяком случае, спать хочется сильно. Но я не буду спать. Да и не смогу.

— Почему? — Шелли, чувствуя идущее от руки Тёрнера живое пульсирующее тепло, ни за что не хотела прерывать этот миг.

— Зная, что тебе грозит опасность, зная, что эта неизвестная дьявольская сила ищет тебя, как я могу заснуть?

— Но почему? — жалобно спросила девочка, невольно вжимая голову в плечи. — Зачем я ИМ нужна? Для чего? Зачем я могла понадобиться этим чудовищам?

— Я не могу тебе ответить, — опустил светловолосую голову Энди, крепче сжимая нежную налившуюся жаром ладошку девочки. — Но я могу пообещать, что не оставлю тебя. Что не позволю этим исчадиям бездны или, ада, неважно, откуда они там... Но я не позволю

им причинить тебе вреда. Они не смогут отнять тебя у меня. Я скорее сам умру, что отдам тебя. Клянусь.

Шелли слушала и смотрела. И уши её постепенно закололи сотни иголок, а глаза заволочла радужная, оттеняющая насыщенную синеву, поволока. А сердечко заколотилось быстро-быстро, с невероятной скоростью разгоняя вскипевшую гормонами кровь по самым удалённым участкам возбуждённого девичьего тельца. Шейле показалось, что между пальцами рук и ног пропустили электрический ток, низ живота село сладкой истомой. Девушка подумала, что об её вспыхнувшую кожу можно обжечься... Это было ни с чем несравнимое наслаждение.

Сидящий напротив неё крепко сложенный высокий молодой человек ничем не напоминал всех её прежних мальчиков. Он был другим. Мальчики и тогда и сейчас оставались мальчиками. Энди Тёрнер был мужчиной. Мужчиной, который любил её и его красивые голубые глаза беззвучно шептали об этом. А что же говорили её глаза? Тающая от неги девушка пожалела, что не может видеть своих глаз....

И в этот момент все до единого окна в домике Дейзи Хилл с громким дребезжащим лязганьем взорвались, взметнувшись в разные стороны водопадами переливающихся осколков битого стекла.

— Нам нужна машина. Пешком мы будем блуждать по улицам вашего затхлого городишки до скончания времён! И это... На машине не только быстрее, но и безопасней, да!

— Ты стал подвержен приступам трусости? Что осталось от прежде бесстрашного, как лев, циркового клоуна? И это не мой затхлый городишко. Это я так, для проформы.

Бинго яростно покрутил пальцем у виска, не сбавляя, однако, ходу. За высоким, длинноногим Блейзом ещё надо было поспеть!

— Ты что, вообще тупить начал? Что случилось с тем отчаянным малым, с тем храбрым удальцом...

— Э-э-э... Ты несколько отвлекаешься от темы, не находишь, приятель?

— Ну, МОЖЕТ БЫТЬ, слегка, — милостиво разрешил уломать себя арлекин. — На чём я остановился?

— На мифическом и абсолютно мне незнакомом герое манежа и трапедий.

— Ага! Точно! И ты ещё спрашиваешь, куда он исчез? Посмотри на меня повнимательней, и ты сам всё поймёшь!

Алан одарил подпирающего его с правого фланга затянутого в клетчатое трико паяца и утвердительно кивнул.

— Согласен. Выглядишь ты на редкость дерьмово. И ради бога, сделай что-нибудь со своими несносными колокольчиками. Звон этих бубенцов разносится далеко впереди нас, предупреждая всю округу о нашем появлении.

Бинго прикоснулся кончиками пальцев к трёхроговому колпаку. Щелкнув ногтем по одному из колокольчиков, арлекин расплылся в довольной улыбке.

— Зацени звучание, дружище!

На угрюмо насупившегося юношу мелодичный перезвон произвёл в равной степени меньшее впечатление. Ему захотелось немедля натянуть колпак придурашному арлекину по самые плечи.

— Кончай паясничать, мы и так привлекаем к себе внимание.

— Ты чё городишь? Хе-хе-хе! Да на улицах не души! Что, самому непо себе стало? Говорю же, давай угоним машину. Я, кстати, предлагал взять цирковой фургончик!

— Чтобы мы как два идиота разъезжали по городу на пошло разрисованной колымаге? — Блейз раздражённо сплюнул. — Не смей меня, Бинго. На твоей нынешней маске нарисованы слёзы, не забыл?

— Забудешь тут с тобой, — буркнул под нос арлекин, поддевая загнутым носком огромного башмака оказавшийся на пути пустой бумажный пакет. — Ты редкостная зануда, Алан Блейз. Спустись чуть пониже, дылда, а? Чего замолчал? Всё ему не так, всё ему ни эдак... И фургончик ему не понравился... Классный, между прочим, фургончик! Кто бы нас на нём увидел в эту глухую пору? Эй, да что с тобой?

— С чего ты взял, что мы одни? — негромко отозвался Алан, застыв прямо посреди дороги.

— А что, ты наблюдаешь ещё кого-то поблизости? — ядовито осведомился Бинго и тут же прикусил язык. — Ох ты чёрт... Ты хочешь сказать, что нас пасут?

— В самую точку, мой перевоспитавшийся друг.

— Твою мать.

В воздухе промелькнули штилеты сорок шестого размера, и Бинго в лучших традициях грохнулся наземь, сомлев в глубочайшем обмороке. В итоге позорного бегства бывшего клоуна от реальности, юноша остался на сумрачной, с виду пустынной, улице совершенно один.

С глубочайшим возмущением испепелив прикорнувшего у его ног арлекина душераздирающим взглядом, Алан процедил сквозь зубы:

— Ох, же и засранец ты, Бинго... Костюмчик новый, а привычки прежние, да?

Они давно пересекли приграничную черту города, покинув долину с раскинувшимся внутри цирком-шапито. Алан шагал быстро и сноровисто, но и он понимал, что его новоявленный приятель, в общем-то, прав. Без машины они не скоро доберутся до полицейского участка, расположенного практически на другой половине Хеллвила. В принципе, раздобыть машину проблем не составляло. На погрузившихся в колдовские сумерки улицах они встретили уже не один брошенный автомобиль. В сгущавшихся тенях машины казались притаившимися ночными хищниками, терпеливо выжидающими припозднившиеся жертвы.

Окромя машин больше никто им не встречался. В окнах домов одна за другой гасли лампочки. Измученные выматывающим ожиданием люди не выдержав, ложились спать. Если так и дальше пойдёт, то совсем скоро в окунувшемся во мрак городе не будет гореть ни одного огонька. Хеллвил превратится в огромное темное сонное существо, беспокойно ворочающееся под угрюмым покровом застывших во времени сумерек.

Перспектива угнать чужую машину несколько не смущала Блейза. Он больше беспокоился о Шелли, чем о чьих-то расстроенных чувствах. Алан надеялся, что под защитой полицейских за надёжными стенами участка Шейла пребывает в относительной безопасности. По-настоящему же защитить её мог только он. И следовало спешить и ещё раз спешить, прежде чем превратившиеся в жутких монстров циркачи доберутся до участка первыми.

Помимо всего прочего Алан испытывал сильное беспокойство из-за оставшегося в одиночестве Фредерика де Феса. Бесстрашный и любознательный старикан мог попытаться собственными силами решить обступившие со всех сторон проблемы. Врядли, чтобы его

испугали воцарившаяся на клубящемся грозными тучами небосводе луна и застывшее время. С дяди Фреда вполне станется не побояться выйти на улицу и начать на практике прикидывать, что к чему! И ещё изнывающая от неизвестности и ожидания Дейзи... И... И... Алан мысленно заставил себя успокоиться. Так, всё нормально, парень, всё под контролем. Спокойно, не пори горячку, вспомни о том, какой ты хладнокровный и невозмутимый. Вспомнил? Ты же само олицетворение твёрдости и хладнокровия! Но это же всё маска, тоскливо простонал Блейз. Всего навсего маска. Все мы на людях носим маски. И я не исключение. Но внутри себя я же совсем не такой! Я — другой. И никто не знает, какой именно. Даже Шелли.

Слежку за ними Алан заметил довольно давно. Крадущиеся за ними последние... Тут Алан всерьёз призадумался. Действительно, а как определять ход времени в городе, где время остановилось? Остаётся только догадываться. Хорошо, пусть будет так — крадущиеся за ними последние десять минут неизвестные личности особо и не скрывались. Подобной расслабленной безмятежности могло быть два объяснения: либо они на редкость неуклюжие бездари, либо чувствуют себя в полной безопасности и считают себя настоящими хозяевами положения, полностью всё контролирующими. Ну что ж, посмотрим.

Звук мягко стелящихся шагов, мелькающий во тьме отблеск раскалённого кончика сигареты, шорох одежды, не всегда сдерживаемые смешки. Без умолку тараторящий Бинго всего этого не видел и не слышал, поглощённый завышенным вниманием к собственной персоне, но Алана на подобной мякине было не провести. Всё-таки, и то и другое. И гончие из этих ребят на удивление хреновые, и не слишком они боятся их, двух беззащитных путников на тёмных улочках сошедшего с ума города.

Блейз огляделся. О, они достаточно удачно остановились. В нужном месте, прямо скажем. На обочине дороги был припаркован двухдверный «Плимут» с круглыми фарами, неопределённого возраста и сомнительного цвета кузовом. Больших подробностей в вечернем полумраке Блейзу разглядеть не удалось. Он легонько пнул носком сапога зарывшегося носом в пышное жабо арлекина. Бинго незамедлительно открыл глаза.

— Что, уже всё закончилось? Мы победили?

— Почти. Посмотри, видишь наш счастливый билет?

Бинго приподнялся и сел прямо на асфальте.

— Вон тот древний динозавр?

— А чем тебе не нравится?

— А чем он лучше нашего циркового фургончика?

— По крайней мере, внутри него я буду уверенным, что он не захочет меня съесть, — парировал Блейз. — Поднимайся. Нам ещё надо проверить одно небольшое дельце.

Арлекин ловко вскочил на ноги, хрустально прозвенев колокольчиками, и стряхнул с колпака несуществующие пылинки.

— Какое ещё дельце?

— Ты что, забыл? — Алан изумлённо посмотрел на низкорослого арлекина. — А разобраться с этими парнями?

— С какими ещё парнями? — обеспокоенно закрутил головой Бинго. — Ах, с этими!..

Видимо, до преследователей дошло, что их окончательно раскусили, и они не замедлили появиться в поле зрения преследуемых жертв.

Их было четверо. С виду — обычные молодые парни лет двадцати — двадцати пяти каждый, в обычной затрапезной, по сезону, одежде. Один, высокий блондин, курил сигарету,

слабый ветерок относил дым в противоположную сторону. Алан усмехнулся, если бы не ветер, то он бы учуял их появление ещё раньше. Ещё один кутался в полы свободного, шуршащего при каждом шаге плаща. Его длинные тёмные волосы падали на поднятый воротник плаща. Остальные молодчики ничем таким примечательным себя не выдавали. Но Блейз увидел уже вполне достаточно.

Обычные парни, обычные жители далеко не самого обычного городка. Их выдавали глаза. В те редкие моменты, когда мертвенно-бледный свет полной луны падал на их лица, глаза четвёрки молодых парней вспыхивали факелами фонтанирующего безумия. У них были глаза опасных сумасшедших фанатиков. Они не услышат голоса разума, понял Алан. Собственного же разума они лишились. Изменение основ мироздания затронуло этих ребят. Они превратились в безумцев. Они не услышат нас и не поймут при всём желании. Эти люди потеряны.

— Ох, что-то не нравятся мне их морды, — задумчиво изрёк Бинго. — Как бы не злодейство какое задумали эти молодчики, а, мистер Блейз?

Не успел Алан озвучить свою точку зрения, как один из обступивших их парней, тот, что с сигаретой, выпустил через ноздри две струйки ароматного дыма и самым обычным голосом сказал:

— Блейз? Ты тот самый Блейз? Приезжий, да?

Алан одарил арлекина тяжёлым, как наковальня взглядом, на что Бинго ответил невинным похлопыванием подведённых тушью ресниц, и отчётливо произнёс:

— Да, он самый. Проблема в том, что я приезжий?

— О нет, чувак, что ты, — нарочито расслабленно сказал блондин и щелчком ногтя стряхнул с кончика сигареты пепел. — Проблема — это ты сам.

— Неужели? — Блейз растянул тонкие губы в противной улыбке. Его опять не воспринимают всерьёз. Снова и снова.

Зачинщик-блондин подошёл к нему и выдохнул дым прямо в лицо. Алан даже не поморщился. Они были примерно одного роста, но пыхтящий сигаретой субъект выглядел объективно мощнее, выигрывая у Алана в ширине плеч и толщине рук. Остальные бугаи были под стать вожаку. Стая гиен, пришло на ум Блейзу. Стая, кичащаяся своей силой и непонятно на чём основанной уверенностью в превосходстве над остальными. Ищут себе жертву, выслеживают, загоняют, и рвут на части.

— Я слышал о тебе, — расслабленно протянул блондин, сверкая слюдяными пустыми глазами, отражающими все грани таящегося в глубине мозга фантастического безумия. — Поговаривают, что ты крутой.

— Людям свойственно преувеличивать, — ухмылка Блейза стала ещё шире. Эти недоноски, эти лишившиеся всякого человеческого облика шакалы задерживают их. Они встали между ним и Шейлой. Стая. Нет, не стая — свора.

— А ещё я слышал о твоей смазливой сестрёнке, — продолжил блондин, переместив наполовину скуренную сигарету в уголок губ. — Я слышал, что она та ещё штучка, горячая. Прямо огонь. Поговаривают, что у неё очень славная и сладкая попка, да и в ротик она не прочь взять... Сигаретку-другую. Что ты на это ска...

— Это была твоя большая ошибка, блондинистая задница! — в восторге заорал Бинго, за секунду до начала последовавшей феерии неким шестым чувством уловив, что Алан как-то неуловимо изменился. Вокруг юноши накалился сам воздух, и арлекин колесом, разухабисто улюлюкая, укатился в сторону от греха подальше. Дальнейшее представление Бинго

наблюдал, высунув длинный нос из-за крыла облюбованного Блейзом «Плимута».

Алан не хотел никого калечить сверх всякой меры. Однако понимал, что одними уговорами и похлопываниями по щекам тут не обойдёшься. Потерявшие разум парни совсем не терзались подобными моральными вопросами и могли запросто ухайдакать их с Бинго. Поэтому пришлось срочно искать золотую середину.

Блондина он ударил лбом в переносицу, отчётливо услышав, как хрустнули кости. Подавившись сигаретой, предводитель своры всплеснул руками, и срубленным деревом рухнул на асфальт, гулко стукнувшись затылком. И подняться ему суждено было не скоро, поскольку хрустнули именно его кости. Остальные спутники поверженного блондина, замешкавшись лишь на мгновение, всем скопом набросились на Алана. Возбуждённо сверкающие глаза едва не вылезли из орбит, из глоток вырывалось надсадное рычание, скрюченные пальцы напоминали звериные когти. Свора, способная за считанные секунды растерзать любого человека.

Но Алан Блейз ни в коем случае не был обычным человеком. Он был странным. Он сам был хищником.

Нападающие двигались быстро. Изменения, поразившие психику, затронули и физиологию молодых людей, придав мельтешащим рукам и ногам дополнительную силу и скорость. Алан был ещё быстрее. Он словно исчез из поля зрения возбуждённо дышащих парней. Ребята недоумённо переглянулись, когда обнаружили, что с надсадным хеканьем месят ботинками голый асфальт. Ожидаемо забитого насмерть распластанного на земле противника и близко не наблюдалось. А потом было поздно.

Блейз бесщумно возник за их спинами и схватил первую жертву — высокого патлатого типа в длинном плаще. Субчик не успел и пикнуть, как Алан раскрутил его над головой, крепко сжимая за воротник, и швырнул на добрый десяток метров. Прорезав ночной воздух, волосатик сломал спиной несколько досок деревянного забора, огораживающего ближайший дворик, и бесчувственной тушей сомлел на ровно подстриженном газончике. Третьего парня Блейз отправил в нокаут мощным ударом в челюсть и, не останавливаясь, поднырнул под замахнувшейся на него рукой четвёртого. Не успел третий со стоном и напрочь выбитой из дурной башки дурью упасть на колени, как Блейз рванул на себя последнего. Два неуловимо быстрых удара — в корпус и гортань (последний перебил кадык), и всё было кончено.

Алан опустил закатанные рукава чёрной водолазки, скрывая запястья, и громко сказал, обращаясь к притаившемуся за «Плимутом» напарнику:

— Ты ещё не завёл машину?

— Ну знаешь... — Бинго, ухмыляясь от уха до уха, высунулся из-за капота и, пританцовывая, просеменил к Блейзу. — Чёрт-чёрт-чёрт! А что было бы,хвати ты пушку?! Ты страшный человек, Алан. Только посмотри на этих бедолаг. Ты без пяти минут не порешил их всех! А где же твои сострадание и добродетель? Можно развернуть целую дискуссию на тему того, что эти несчастные заблудшие овцы не отдавали себе отчёта в своих действиях и...

— Представь, что на их месте, — резко оборвал арлекина юноша, подбородком указав на валяющихся в беспомощности парней, — находились бы мы. Думаешь, они бы вели подобную беседу, рассуждая о природе добра и зла? Вспомни, ты сам говорил, что в первую очередь изменениям подвергаются те, кто наиболее им подвержен. Люди, в чьих душах уже давно произрастали семена зла. Или это всё я сам сейчас придумал?

— Опять ты меня обломал, — буднично сказал арлекин, обнимая высокого юношу за

талию. — Ладно, чего уж там... Они сами нарвались. Не стоило так наезжать на твою несравненную сестрёнку. Всё звучало настолько пошло и вульгарно, что... Фу-у-у... Поехали отсюда. Нам надо поторапливаться.

Они двинулись к припаркованному «Плимуту». Опережая очень мрачно настроенного Алана, Бинго скороговоркой пропищал:

— Стой-стой-стой! Позволь и мне быть полезным в нашем благородном и судьбоносном деле. Я тоже кое-что умею.

Оттеснив недоумённо приподнявшего брови Алана от машины, арлекин наклонился и шумно дунул прямо в дверной замок. Незамедлительно скрипнув, дверца послушно отворилась.

— Вуаля! Цветы и фанфары, дамы и господа! — засиял Бинго, учтивым жестом приглашая Блейза на водительское сиденье.

— Молодец, — хмыкнул юноша. — Уже начал отрабатывать свой хлеб. Если ты сможешь и завести её без ключа, то я назову тебя вторым Гарри Гудини.

— А ты очень привязан к ней, да? Я сразу по твоей морде понял, что не стоило им поносить твою младшую сеструху! Небошь, сильно любишь её, да?

— Так, заткнись и полезай в машину, — Алан открыл изнутри вторую дверь. — И больше ни слова о моей сестре.

— Понял-понял, не нервничай ты. Мне, знаешь ли, не хочется потом впотьмах ползать на карачках и собирать выбитые зубы.

Уолтер Харрис открыл глаза. Ему показалось, что он задремал на одну минутку. Словно закрыл глаза и практически сразу открыл их. Но, увы, проверить это предположение не представлялось возможным. Открыв глаза, он не увидел ничего, кроме смазанных полутьмой очертаний знакомых предметов. Свет был выключен, и приёмная полицейского департамента казалась обычной комнатой, каких десятки и сотни в других, разбросанных по округе домах рядовых жителей Хеллвила. Разве только... Разве только в жилых домах кушетки не такие жёсткие и неудобные. Всё-таки обычная постель намного уютнее и мягче.

Но неудобства, связанные с твёрдостью кушетки на все сто десять процентов скрашивала прикорнувшая рядом с Уолтером мило сопящая во сне молоденькая девушка с растрёпанными светло-золотистыми волосами. Кейт. Уолтер нагнул голову и нежно поцеловал её в высокий чистый лоб. Пухлые губки девушки приоткрылись во сне, как бы реагируя на прикосновение, но она не проснулась.

— Спи, — едва слышно прошептал Харрис и поцеловал девушку в обнажённое плечико. — Спи, милая...

После восхитительных мгновений, проведённых в объятиях сладкой как ириска и игривой как кошка мисс Симмонс, Уолтер чувствовал себя заново родившимся. По телу разливалась приятная усталость, сознание очистилось от плохих и тягостных мыслей. Доктору хотелось жить и наслаждаться каждой минутой прожитой жизни. Обманчивое довольно-таки состояние, признавал Уолтер, даже в такие минуты стараясь рассуждать трезво и рационально. Нежась под одеялом на жёсткой кушетке и ощущая исходящее от спящей под боком обнажённой девушки тепло, он не забывал и о насущных проблемах, которые, как бы ни хотелось, никуда не исчезли.

Харрису давно не было так хорошо. Кто бы мог подумать, что они, два человека, которые всегда относились друг к другу, по меньшей мере, с повышенной

настороженностью, в итоге окажутся вместе в одной постели? Уолтер понимал, что всё произошедшее с ними вышло по большей части спонтанно. Что в первую очередь за эти сладостные и божественные моменты следует благодарить Его Величество Случай. Что, возможно, при других обстоятельствах, они бы с Кейт и дальше по жизни ограничивались заурядным обменом дежурных приветствий при редких встречах и... И всё. Или не всё? Или всё совсем не так, а он никак не хочет признать этого?

Понятно, что два абсолютно разных и малознакомых человека, невзирая ни на какие обстоятельства, не оказались бы голыми под одним одеялом, пользуясь этим самым удачно подвернувшимся случаем. Да и назвать толкнувший их в объятия друг друга случай удачным и счастливым язык как-то не поворачивался. С другой стороны, ну не из-за безысходности же они посрывали с себя одежду и не из праздного детского любопытства узнать, чем отличаются мальчик от девочки?!

Уолтер подложил под голову руку, уставившись в зачернённый сумерками потолок. Выключить свет предложила Кейт. Неистово кусая Уолтера за мочку уха, девушка прошептала, обжигая его горячими, как пустынный ветер словами, что ночник её изрядно смущает и мешает быть самой собой. И если он хочет узнать, какова она на самом деле, то лучше ему беспрекословно повиноваться. Харрис очень хотел это узнать.

Негромко простонав во сне, Кейт зашевелилась, подтягивая коленки к груди, и, прижавшись к боку Уолтера гладкими, как шёлк, нежными на ощупь ягодицами, окончательно успокоилась, засопев ровно и безмятежно. Приобняв Кейт, Уолтер подумал, что ей можно позавидовать. Безмятежный умиротворённый сон характерен только для детей и таких вот чудесных неземных созданий, как спящая рядом с ним девушка...

Входная дверь с треском раскалывающегося корабельного остова слетела с петель, разлетаясь на куски раскрошенной в щепки древесины, и в приёмную полицейского участка вломились две чёрные фигуры. Уолтер, в чём мать родила, перепрыгнул через недоумённо завозившуюся Кейт, и приземлился на застеленный линолеумом пол. Отчаянно чертыхаясь, Уолтер понимал, что при всей своей прыти всё же не успеет к «доске почёта». Там, на вбитом в стену крючке висела заплечная кобура с заряженным служебным пистолетом. Кобура принадлежала Энди, но шериф предпочитал поясные портупей и поэтому второй пистолет до недавних пор покоился в ящике его стола. Кейт, решившая вооружить доктора Харриса, на правах сотрудницы департамента изъяла оружие из стола шефа и торжественно преподнесла Харрису. Уолтер же не придумал ничего лучше, как повесить кобуру на крючок у обклеенного плакатами стенда, чтобы «пистолет не путался под ногами». Умник хренов. Сейчас, похоже, им такое устроят, что у него уже ничего не будет путаться под ногами. Точнее, между ног.

— Уолт?.. Уолтер, что происходит? — проснувшись, Кейт сладко зевала, ещё не осознав, что конкретно её разбудило. Понимание пришло через мгновение. Наконец разглядев застывшие посреди комнаты две зловещие фигуры и увидев на месте запертой двери часть улицы, девушка подпрыгнула как ужаленная, заверещав на одной высокой ноте и подтягивая к груди одеяло.

Харрис дёрнулся было к практически недостижимой кобуре (с таким же успехом он мог попытаться запрыгнуть на луну), как дорогу ему перекрыла одна из незваных фигур. Доктор застыл на месте, поднимая сжатые кулаки... И тут в приёмной вспыхнул свет. Кто-то, щёлкнув тумблером, включил центральную люстру. Увидев, кто преградил ему путь к пистолету, Уолтер неверяще выпучил глаза, облегчённо переводя дыхание и разжимая

стиснутые кулаки.

— Алан? Глазам своим не верю! Что ты здесь делаешь?

У мрачного и сурового как ниндзя на задании Алана вид был не менее удивлённый и недоумевающий. Смерив голого доктора изумлённым взором, Алан с определённой долей иронии сказал:

— Хм, конечно, мне не совсем понятны мотивы, побудившие вас выбрать столь экзотичный пижамный костюм, но... Что это всё значит, чёрт вас дери, доктор Харрис?

За смущённо покрасневшего Уолтера ответил второй, вломившийся в участок субъект.

— Ха-ха-ха! А чего здесь непонятного-то, слышь, балда? Ты только погляди на этот диванчик и сразу всё поймёшь. Ну чем не любовное гнёздышко? Ну, док, ну, молодец! Такую кобылку оседлать умудрился! Привет, крошка! Надеюсь, наш всенародный доктор Геббельс не ударил в грязь лицом?

Кейт покраснела ещё гуще Уолтера, суетливо подтягивая сползающее с плеч одеяло и поджимая под себя покрывшиеся пупырышками стёртые ноги. Уолтер перевёл полный удивления взгляд на Бинго и хрипло выдавил:

— А это ещё кто такой?

— Долго рассказывать, — сказал Блейз, не сводя с Харриса настороженных глаз. — Скажем так, что это тот самый Весёлый клоун Бинго, но...

— Циркач? — Уолтер резко поджал губы и отодвинулся в сторону. — Алан, мне нужно много тебе рассказать. Если тебе сказать нечего или по каким-то причинам ты не хочешь этого делать, то поверь, что мне есть чем поделиться. И хочу сразу тебе сказать — не доверяй никому из цирковой труппы. Эти бродячие артисты — они совсем не те, за кого себя выдают! Вспомни Богарта!.. Кстати, а как ты разобрался с этим чокнутым фокусником? И... Ты виделся с директором Старжински?..

С каждым словом глаза Уолтера наливались всё большей подозрительностью. Отступая от Алана, врач старался не упускать из поля зрения весело ухмыляющегося арлекина, строящего забавные рожицы и нагло поглядывающего на стыдливо зардевшуюся Кейт.

— Алан, с тобой всё в порядке? Ты ещё тот Алан, которого я знал? Или же... У тебя странное выражение лица. Что происходит?

— Похоже, наш дорогой док и его аппетитная цыпочка уже столкнулись с кем-то из моей бывшей компании, — прокомментировал Бинго. — Да ладно вам, док. Вы что, не видите, что я стал совсем другим человеком, что вместо порядочного клоуна я превратился в жалкого никчёмного арлекина? Ради бога, перестаньте смотреть на нас, как на двух серых волков, ворвавшихся в ваш соломенный домик!

— Зачем вы выбили двери? — Уолтер обессилено опустился на краешек кушетки и обхватил взъерошенную голову руками. Кейт проворно спряталась за его спиной. Уолтеру показалось, что он слышит, как громко колотится её сердечко. — Нельзя было просто постучать?!

— Можно подумать, вы бы нас услышали! — Бинго откровенно паясничал и корчил из себя первостатейного дурака. — Бьюсь об заклад...

— Бинго, заткнись, пожалуйста, и принеси доктору его одежду, — Блейз присел на табурет и, схватив чайник, отпил прямо из носика. Вытерев тыльной стороной ладони губы, юноша вздохнул и тихо сказал: — Вы ничего не знаете, да?

— Но мы многое видели, — в тон Алану сказала Кейт, высовываясь из-за плеча Уолтера. — Они ищут твою сестру, Алан. Все эти твари ищут твою младшую сестру. Я... Я

столкнулась с одним из них, с таким... Резиновым, тянущимся, словно жвачка! Он был ужасен! И если бы не Уолтер, мне бы пришёл конец. Он хотел знать, где твоя сестра. Он хотел, чтобы я привела его к Шелли.

Харрис насильно вырвал свою одежду из цепких лап арлекина и, впрыгивая в штаны, пробормотал:

— Не знаю, что в принципе за чертовщина происходит в нашем городе, Алан... Но голову даю на отсечение, что это как-то связано с Шейлой. Зачем-то она им понадобилась, ведь так?..

Бледная физиономия Алана заметно побагровела. Скрипнув табуретом, юноша с неприкрытой угрозой сказал:

— Они выбрали не тот город. И не ту девочку... Мы с Бинго спешили изо всех сил. Я думал, что Шейла в участке. Вместе с Энди и Кларком! И уж точно я никак не ожидал обнаружить вас. Куда они исчезли?

Застёгивая пуговицы на форменной полицейской куртке и стоически игнорируя насмешливые взгляды арлекина, Уолтер сказал:

— Когда мы с Кейт оказались здесь и поняли, что участок пуст, то задались теми же вопросами. Поверь мне, Алан, я бы очень хотел ответить, где сейчас находится твоя сестра, но не могу этого сделать. Я не знаю. Но я знаю, что раз нам выпало собраться всем вместе, то следует о многом поговорить. Думаю, каждому из нас есть что рассказать, верно?

— Я не спорю, но за разговорами мы теряем время. Если они доберутся до Шейлы раньше, чем мы, то последствия могут быть самыми ужасными, — Блейз поднялся с табурета. — Нам надо ехать, Уолтер, и как можно быстрее. Все нюансы мы запросто сможем обсудить по пути.

— Ты знаешь, с чего нам следует начинать поиски? — сузил глаза доктор. — Учти, нам нельзя рисковать. Второго шанса никто нам не предоставит. Эти... Эти существа не шутят. Они готовы на что угодно. И не остановятся не перед чем. Даже перед убийством.

Блейз откинул со лба чёрные волосы. Уолтер внутренне содрогнулся. Глаза юноши тлели двумя чёрными угольками, щёки запали, как у голодного волка, тонкие губы кривились в нехорошей улыбке, жёсткая трёхдневная щетина покрывала упрямо выдвинутый подбородок.

— Я тоже, док. Я тоже не перед чем не остановлюсь.

— Ты уверен, что ему... — Харрис кивнул на присосавшегося к чайнику арлекина, — что ему можно доверять? После того, что я видел...

— Он тоже изменился, — сказал Алан, поправляя засунутый сзади за пояс револьвер. — Все циркачи изменились, и Бинго не исключение. Но то, что превратило остальных в бесчувственных монстров, сделало из Бинго обычного человека. Он не хочет признавать этого, но теперь ему никуда не деться от своей... человечности. А все эти бубенцы и дурацкий костюм... лишь некоторый пережиток прошлого.

Вволю напившись, Бинго громко отрыгнул и пожаловался.

— На редкость неудобная одежда, скажу вам. Из-за этого идиотского жабо даже напиться, как следует, не получается!

Кое-как пригладив торчащие во все стороны рыжие вихры, Уолтер внезапно кое о чём вспомнил. Как же он сразу не заострил на этом внимание!..

— Ты так и не ответил, Алан, зачем пришлось выбивать дверь? Я, если честно, просто не знаю, что и думать... Ты всегда мне казался предельно уравновешенным и спокойным

молодым человеком. И с ходу ломать двери... Что-то здесь не вяжется. Что на тебя нашло?

— Ты прав, док, — помялся Алан. — Дело в том, что подъехав к участку и не увидев машины Тёрнера, я сразу заподозрил, что всё не так гладко, как кажется. Потом я заметил твою машину и совсем уже не знал, что делать. Почему-то я был уверен, что этой ночью Энди не за какие коврижки не оставит свой пост. Ну, подумал я, мало ли по какой причине шерифу пришлось уехать. В одном я был уверен на сто процентов, в том, что моя сестра при любом раскладе осталась внутри. И ваше присутствие, в принципе, всё бы объясняло, но... Но подойдя к двери, мы с Бинго обнаружили вот это. Посмотрите.

Блейз протянул Харрису руку. На ладони юноши лежал цельнометаллический узкий нож с рядом сквозных дырочек в короткой рукояти. У Харриса упало сердце. Метательный нож!

— Этот клинок был воткнут в дверь, как знак или предупреждение... Не знаю. Но я сразу понял, кто его оставил.

— Эта женщина, — похолодевшими губами прошептал Уолтер. — Женщина из цирка. С ножами.

— Она самая. Эльвира, — вставил Бинго, забирая из руки Блейза нож. — Опасная и прежде, сейчас она превратилась в гремучую змею на двух ногах. Я бы никому не рекомендовал ссориться с ней. Даже тебе, мой юный друг.

Алан молча усмехнулся и посмотрел на ошеломлённого врача.

— Понимаете теперь, что я испытал в ту минуту, думая, что могло произойти?

— Когда мы приехали, никакого ножа и в помине не было, — с трудом сказал Харрис, сглотнув образовавшийся в горле комок. — Она пришла позже... Когда мы... Когда...

— Да, когда вы с этой милой крошкой кувыркались в кровати, мои бывшие коллеги по цеху стояли за окнами и подсматривали за вами! — хихикнул арлекин, довольно потирая ладошки. — Бесплатный сеанс ночного порно! Самое горячее видео в режиме нон-стоп!

На это раз паяцу понадобилась вся его ловкость и немалая сноровка, чтобы успеть уйти от просвистевшей над головой руки Алана, способной, как небеспочвенно предполагал арлекин сломать ему шею за здорово живёшь.

— Получается, что они точно знали, куда им следует идти, — продолжил Алан развивать тему, не спуская с посеревшего Уолтера разгоревшихся глаз. — Они знали, где находится Шейла. Первыми придя к участку и не обнаружив её, они ушли, но дали нам понять, что держат нас в кулаке. Я надеюсь, что нынче они знают не больше нашего. В противном случае они имеют все шансы вновь опередить нас.

— Зачем же тогда им понадобилась я? — резонно возразила Кейт, до сих пор кутающаяся в одеяло.

— Чтобы впустить их внутрь, — оборвавшимся голосом сказал Харрис. — По какой-то причине эти твари не могут без приглашения войти внутрь. Они знали, что ты работаешь здесь и от тебя требовалось всего лишь пригласить их войти. Я... Я читал о чём-то подобном.

— Что вампир, что иная нечисть, все они вынуждены подчиняться определённым законам, — сказал Бинго, оттопыривая нижнюю губу. — Тут ты выбросил сплошные шестёрки, доктор Франкенштейн! Подтверждаю!

— На правах такой же нечисти? — огрызнулся Уолтер.

— Ты ранил моё сердце, док! — схватился за грудь Бинго, правда, где-то в области правого лёгкого.

— Ладно, прошу всех в машину, — остановил очередной разгорающийся спор Алан. — Уолтер, надеюсь, ты не будешь возражать, если мы поедим на твоей? Временно изъятый нами автомобиль несколько...

— Не изъятый, а слямзенный! — педантично поправил Бинго.

— ... несколько маловат для всех.

— Это даже не обсуждается, — Харрис взял со стола ключи. — Насколько я понимаю, у тебя родилась единственно верная и стоящая идея относительно того, куда нам выдвигаться?

— Есть кое-какие задумки, — подтвердил Блейз. — Дальнейшее обсудим в машине. Не будем терять время.

— Эй, мальчики, а вы не забыли кое о чём важном? — Кейт робко, как на уроке, подняла руку.

Мужчины непонимающе уставились на неё. Немало смущённая, девушка сказала:

— Мне тоже нужно одеться, вникаете? Я, если вы ещё не заметили, женщина. И, между прочим, голая женщина.

— О, никаких проблем, киска! — непонятно чему обрадовался Бинго. — Я с удовольствием помогу тебе. Смотри, какие симпатичные трусики я нашёл под столом... Не твои, часом? Вау, да они с ажурной бабочкой! Класс...

— Эй, а ну отдай сейчас же! Уолт, ну скажи ему!..

Алан, не сдерживая улыбки, предпочёл выйти на улицу.

Стёкла брызнули развесёлым радужным каскадом. Звон лопающихся окон больно стегнул по ушам. Тёрнер инстинктивно втянул голову в плечи, Шелли, проявляя завидную прыгучесть, вскочила на ноги, опрокидывая стул.

— Энди! Энди, кто-то пытается проникнуть внутрь!

— Это невозможно, наверно... — несколько растерянно сказал Тёрнер, рывком отодвигаясь от стола. Каким бы не был растерянным его голос, в остальном шериф действовал достаточно быстро и оперативно. Расстегнув кобуру, Тёрнер вытащил револьвер и взвёл курок. — Шелли, держись строго за моей спиной и не вздумай высовываться вперед ни на дюйм!

— Я вполне способна сама постоять за себя, — вякнула, было, девушка, но наткнувшись на суровый, как ствол гаубицы, взгляд шерифа, быстро прикусила язычок и послушно пролепетала: — Всё понятно, можешь больше не повторять.

Раздался странный треск, и домик Дейзи ощутимо содрогнулся. Пол под ногами молодых людей заходил ходуном. Треск, нарастая, усиливался. С выбеленного потолка кухни на головы шерифа и его подопечной посыпалась штукатурка. Захрустели деревянные рамы, крыша протяжно застонала, грозя обрушиться на запертых внутри дома людей тяжёлую черепицу.

— Быстро в гостиную! — прокричал Энди, стараясь заглушить треск содрогающегося в судорожных спазмах строения. — Держись за мной!

Шелли, как привязанная верёвочкой собачонка последовала за шерифом, едва не утыкаясь носиком в его широкую, затянутую синей форменной курткой спину. Под мышками Энди выступили тёмные пятна пота, вытянутые руки с зажатым в ладонях пистолетом напряглись стальными тросами. В голове Шелли сумбурным хороводом обезумевших летучих мышей метались самые разные мысли, одной из которых было, что, как ни странно, но, не смотря на очевидную опасность происходящего, она чувствует себя за

спиной Тёрнера как у бога за пазухой. До того подобное ощущение спокойствия и уверенности она испытывала лишь находясь рядом с Аланом...

Под треск ломающихся деревянных конструкций и протестующий скрип стонущей крыши они вбежали в гостиную. Пол продолжал раскачиваться, норovia подло убежать из-под ног. Всё это сильно напоминало землетрясение, но о каком землетрясении может идти речь в Хеллвиле?! Хотя, в ЭТУ ночь возможным было всё, что угодно.

— Энди, Энди, ты это видишь?! — белый, как покойник, заспанный Кларк, размахивал револьвером и кричал во всю силу своих могучих лёгких. — Ты ЭТО видишь, мать-перемать?..

Тёрнер несколько ошарашено уставился на младшего помощника. Ну и кадр, нашёл время задавать риторические вопросы!

— Дуглас, ради всего святого успокойся и прекрати орать мне на ухо! Где Дейзи?

— Твою мать, она у меня совсем из головы вылетела! — поскальзываясь на взбесившемся полу, Кларк ломанулся в спальню хозяйки корчащегося в кошмарной агонии дома. Вслед ему донёлся запоздалый крик шерифа.

— Быстро выводите её оттуда! Живо!..

Где-то с шипением что-то заворчало, раздался звук похожий на треск разрываемой материи, в носышибанул запах жженой пластмассы, и гостиная погрузилась во тьму. Замкнула проводка, промелькнуло в голове Шелли. Она судорожно вцепилась в рукав Тёрнера, несколько раз зажмурилась и широко распахнула глаза, ожидая, когда зрение адаптируется к неожиданно обрушившейся на них темноте.

— Проклятье, где-то коротнула проводка! — озвучил мысли девочки Энди. — Только этого ещё не хватало...

Шейла втянула исходящий от шерифа резкий запах пота и внутренне содрогнулась. Пот молодого человека пах страхом. В темноте предсмертные стенания терзаемого дома казались ещё более жуткими и зловещими. Внезапно Шелли показалось, что она видит, как стены втягиваются внутрь, словно сдавливаемые железными обручами доски бочонка. По углам дома побежали, ширясь, трещины. Девочка протёрла глаза и замотала головой. В пляшущих вокруг сумерках ни в чём нельзя было быть уверенным. Однако же...

— Энди, Энди! — Девушка настойчиво затеребила руку шерифа. — Да послушай ты меня!

— Что... Что с тобой? — Тёрнер повернулся к Шейле. Глаза его выделялись на бледном лице двумя блескучими кристаллами льда. — Не бойся, всё будет хорошо, мы обязательно выберемся из этой передраги...

— Мне кажется, что нечто сжимает дом, ну... ну как удавкой, понимаешь? — Шелли, игнорируя успокаивающий тон Энди (так только с малыми детьми разговаривают) ухватила его за лацканы куртки. — Никто и не пытается проникнуть внутрь. Совсем наоборот — нас пытаются выжать из дома как зубную пасту из тюбика!

Когда до Тёрнера дошёл весь смысл сказанных девушкой слов, он побледнел ещё больше.

— Чёрт возьми... Но как это воз...

— У кого-то должны быть необычайно длинные и растягивающиеся руки, чтобы умудриться обхватить весь дом сразу, — упавшим голосом сказала Шейла. — Этот кто-то должен тянуться, как резиновый. Энди, мне страшно.

Из спальни Дейзи Хилл раздалась гулкие, перекрывающие треск конвульсирующего в

спазмах дома, удары. Изнутри на двери обрушивался удар за ударом, сотрясая всю стену. Энди машинально нацелил на источник подозрительного грохота револьвер. Лишь спустя мгновение он догадался, что забежавший в комнату Дейзи Кларк захлопнул двери, стену повело и дверную коробку перекосило, намертво заклинив саму дверь. Несложно догадаться, чьё сейчас плечо пытается вышибить неожиданно возникшую преграду. Последний удар вышел особо мощным и дверь, расколовшись пополам, слетела с петель.

В полутёмную гостиную, лихорадочно блестя выпученными глазами, вывалился Дуглас, потирающий левое плечо. От полицейского ни на шаг не отставала впопыхах одетая Дейзи. Шейле показалось, что короткие светлые волосы девушки стоят дыбом. Видимо, бедняжка никак не может понять, за какие прегрешения Господь насылает на неё одну напасть за другой. Все мы в чём-то грешны, устало подумала Шелли. Все без исключения.

— Ё-к-л-м-н... — неподражаемо ругался Кларк, — я уж думал, что нам крышка! Ну, думаю, всё, писец, а ну как упадёт крыша на темечко, придавит на хрен, как букашек грёбанных... И будет полный апгрейд! А тут ещё свет погас, ну, думаю, совсем кранты!..

Энди, опустив оружие, поднял раскрытую ладонь, призывая к молчанию. Разглядевший в сумраке комнаты властный начальственный жест, Кларк послушно закрыл рот.

Четыре человека сбились в тесную кучку в центре наполненной жуткими звуками гостиной. С потолка колючим дождём сыпалась штукатурка, стены вспучивались раковыми опухолями, доски пола пронзительно скрипели, как старческие, поражённые артритом суставы. Дейзи неотрывно смотрела на плотно сжавшего губы Тёрнера. В широко распахнутых глазах девушки легко читался открытый вопрос: что будем делать? Ты же шериф, мы верим в тебя! Шериф то шериф, но поджилки у него трясутся, как у простого смертного. Энди надеялся, что в его глазах плещется меньше страха и недоумения, чем у всех остальных. Шелли незаметно от других вцепилась в краешек куртки Тёрнера, словно в спасительную верёвку, брошенную утопающему с берега. Кларк шумно дышал, как обкурившийся бегемот. Здоровяк послушно ждал прямых и дельных приказаний. Вотум доверия Кларка к шерифу был воистину беспредельным. Они все надеются на меня, закусил губу Энди. Разве я могу подвести их?.. Но как же это всё сложно и тяжело! Ведь любая роковая ошибка с его стороны подведёт под эшафот всех! Он же отвечает за них!

— Темнота играет на нашей стороне, — отрывисто сказал Тёрнер. — Мы можем легко увидеть, что творится снаружи. То, что напало на дом, вынуждает нас к опрометчивым поступкам. Оно хочет вызвать у нас панику. Оно надеется на наши слабости, оно надеется, что мы, сломя голову и, визжа от страха, выбежим на улицу.

— Но нам придётся это сделать, — прохрипел Дуглас. — Что бы это ни было, силищи у него не занимать! Если мы будем и дальше тут тусоваться, то не успеем и пикнуть, когда потолок рухнет нам на головы. Энди, нам по-любому нужно выбираться из дома. Мы же здесь, как мыши в мышеловке!

— Но мы должны выйти, зная, с чем именно нам придётся столкнуться, — настойчиво гнул Тёрнер. — Нам нужно самую малость присмотреться к этой твари... Наши глаза привыкли к темноте, и мы сможем увидеть его, понимаете?! Смотрите, все окна выбиты и, по-моему, я вижу то, что сжимает дом...

Обступившие шерифа люди, как по команде, повернули головы к находившимся в самом плачевном состоянии окнам. Сломанные рамы, оскаленные обломки стёкол, сорванные занавески... И НЕЧТО, перечёркивающее оконные проёмы по всей ширине. Больше всего ЭТО было похоже на один длинный вибрирующий, напряжённый как струна канат,

обхватывающий весь дом, как петля, сжимающая шею висельника. Зрелище приковывало к себе и гипнотизировало. Было в нём что-то жуткое, мерзкое и противоестественное.

— Надо открыть входные двери, и мы увидим ещё больше! — озарило Шейлу. — Должна же эта гадость где-то начинаться!..

— Девка дело говорит! — Кларк выжидающе уставился на Тёрнера и, поймав едва уловимый кивок, тут же помчался к прихожей.

— Все мне за спину, живо! — Тёрнер вновь поднял ствол. — Дуглас, только по моей команде!

Не стовариваясь, девушки прикрыли тыл шерифа. Кларк, сжимая в правой руке револьвер, взялся за дверную ручку и посмотрел на обрисованную мраком фигуру Тёрнера, ожидая последнего сигнала. Только бы дверь открылась с первого раза, взмолился про себя Энди, махая рукой. Иначе вся их внезапная атака будет бездарно сведена на нет.

Младший помощник резко крутанул ручку и дёрнул дверь на себя, тут же мягким перекатом (чего было сложно ожидать от такой крупногабаритной туши) уходя в сторону. Пусть и с натужным скрипом, но дверь всё же отворилась. Тёрнер облегчённо выдохнул сквозь зубы, молниеносно взяв обнажившийся дверной проём на мушку. Облегчённый вздох молодого человека тут же обернулся изумлённым проклятьем. За дверью, на верхней ступеньке крыльца, расставив руки, стоял облаченный в обтягивающее трико лысый, как бильярдный шар, человек. Он противно улыбался, растягивая рот в неживой, какой-то резиновой улыбке. Да это же один из циркачей, облизнул пересохшие губы Тёрнер. Как там его бишь звали? Каучуковый Джек.

— Это он! — обвиняюще ткнула в ухмыляющегося циркача пальцем Шейла. — Вы поняли, это он обхватывает дом!

Лоб Энди покрыла испарина. Он сморгнул упавшую на левую бровь капельку пота и потрясено перевёл взор с одной руки застывшего распяленной морской звездой Каучукового Джека на другую. Обе руки уходили далеко за пределы дверной коробки и преступали все допустимые для обычного человека нормы, теряясь за непроглядными для глаз стенами. А эти видимые в окнах канаты — продолжения его рук, сглотнул Тёрнер. Ну и дела...

— Привет, котятки! — вежливо поздоровался Джек.

Мы его слышим, подумала Шелли, во все глаза рассматривая незваного ночного гостя. Девочка только сейчас поняла, что закладывающий последние минуты уши зубодробительный треск бесследно исчез. Циркач ослабил нажим своих чудовищных каучуковых рук, дав измученному дому короткую передышку. Шейла не сомневалась, что для этого лысого монстра не составит большого труда в любой момент вновь усилить натиск смертоносных объятий. Просто он хочет поговорить с ними, не повышая голоса. Вот и всё.

— Эй, а я тебя знаю! — Кларк, не спуская с Джека револьверного дула, потихоньку отступал к центру комнаты, стараясь при этом не перекрывать зону обстрела для Энди Тёрнера. — Ты работаешь в этом долбаном цирке, засранец!

— Поразительная наблюдательность! — со скрежетом несмазанных дверных навесов рассмеялся Джек. — Раз ты такой догадливый, то, может, и скажешь заодно, что мне от вас надо? Ну, чтобы мы даром не теряли времени и не мотали друг другу нервы!

— Ты ошибся адресом, пытаешься войти в этот дом, — Энди дёрнул щекой. — У тебя есть минута на раздумье, прежде чем я открою огонь. Предупреждаю первый и последний раз.

— А кто это там у нас? — прищурился Джек. — Рыцарь Галлахад собственной персоной? Защитник слабых и угнетённых, ну и благородных дам, само собой? Собственно,

о дамах у нас и пойдёт речь. Поговорим о вечном, о бабах.

Шелли вся сжалась, словно в ожидании удара. Он за мной, набатом пробило в её голове. Этот урод пришёл за мной! Девочке показалось, что земля уходит у неё из-под ног. Но Каучуковый Джек на это раз был совершенно не причём. Это страх, торжествующе усмехаясь, хлёстко взмахнул косой где-то на уровне коленок.

— Я своё слово сказал, — процедил Энди, спиной ощущая полный мольбы взгляд Шелли.

— Очень жаль, — предельно лживо и театрально сказал Джек, не размыкая чудовищного кольца, свитого неестественно удлинившимися конечностями. — Только что ты совершил самую большую ошибку в своей жизни, молокосос. Пожалуй, если бы ты не заартачился, я бы отпустил вас всех, ну, за исключением, понятно, одной весьма интересующей меня особы... Но некоторым людям не всегда понятны слова разума, согласен? Некоторые люди ужасно глупы и близоруки и не понимают, когда кончаются шутки и начинаются взрослые игры в правду жизни. Ты из породы этих глухих и слепых дураков, да?

— Убирайся прочь, сукин сын, — Тёрнер чуть приподнял револьвер, дулом указывая циркачу на тускло освещённую за его спиной, подкрашенную серебристым светом злорадно усмехающейся луны улицу. — Ты никого не получишь. И ты не войдёшь сюда.

— Верно, — разлепил бескровные белесые губы Джек. — Я не могу войти, но в моих силах сделать так, что и вы не сможете выйти. Отдай мне эту трясущуюся от страха мокрощелую сучку, и я уйду, не тронув всех остальных. Даю слово.

Шелли, покраснев, едва не задохнулась от вскипевшего в ней горячего возмущения. Она храбро высунулась вперёд и запальчиво крикнула:

— Да пошёл ты, выродок!.. Лучше отсоси у себя сам! При твоей эластичности это не составит особого труда!..

Энди поблагодарил обстоятельства, что покрывшие его запыхавшие щёки румянец никто не видит и постарался придать голосу больше властности:

— Шелли, пожалуйста, помолчи и стой, где я велел!

Шейла остыла так же быстро, как и завелась. Стыдливо закусив изнутри щёку, девушка отступила назад. Дейзи ободряюще положила руки на её задрожавшие плечи.

— Не волнуйся, МЫ не позволим ему...

Расхохотавшись, Каучуковый Джек весело сверкнул водянистыми глазами.

— А у девчонки есть яйца, мне это даже нравится!

И именно тогда шериф, вероятно, и совершил самую большую свою ошибку. Потом, спустя время, он не раз и не два размышлял, а как бы всё обернулось, поступи он иначе. И не мог дать однозначного ответа. Но ещё очень долго, особенно в моменты одиночества, он мучительно терзал себя, задавая один и тот же вопрос: а что, если бы я сделал другой выбор? И голова его раскалывалась от боли.

Прицелившись, Тёрнер плавно нажал на спусковой крючок. Раздавшийся в комнате выстрел заложил уши, в полутьме вспыхнул ярко-оранжевый язычок пламени и... С полным изумления и боли криком Энди упал на пол. Разжавшиеся пальцы судорожно схватились за окровавленную голову, револьвер ударился об пол рядом с рухнувшим полицейским. Тёрнеру показалось, что в его черепе взорвалась новогодняя петарда, перед глазами дико заплясал разноцветный фейерверк, он ничего не видел и не слышал. Он не слышал, как в унисон завизжали насмерть перепуганные девушки, он не видел, как взревевший Кларк сломя голову

ринулся на не моргнувшего и глазом циркача.

— Боже мой, Энди, Энди, что с тобой? — едва не плача, Шейла бросилась на колени и попыталась приподнять голову стонущего от вгрызающейся в мозг боли Тёрнера. Энди насилию отнял от лица сведённые судорогой пальцы, и на девушку уставилась окровавленная маска.

У Шелли перехватило дыхание, а сердце упало в наполнившийся льдом низ живота. Губы девочки задрожали, из уголков глаз, более не сдерживаясь, потекли слёзы, паника начала пожирать разум.

— Энди, скажи хоть что-нибудь!.. Энди, ну пожалуйста! Энди!.. Только не умирай...

Дейзи, бесцеремонно отпихнула захныкавшую девушку в сторону и, оторвав от подола платья приличный кусок, приложила к правому виску Тёрнера. Она первой догадалась, что произошло. Пуля, выпущенная из пистолета шерифа, срикошетила от резинового тела циркача и по горькой иронии угодила в голову Энди. Ему крупно повезло, что пуля, угодив в висок, прошла по касательной и «всего лишь» сорвала кусок кожи над ухом, обнажив розовую, засочившуюся кровью плоть.

— Надо перевязать его, чтобы он не изошёл кровью! — отрывисто бросила Дейзи, прижимая тут же пропитавшуюся кровью тряпку к голове глухо стонущего Тёрнера.

Обернувшись, Дейзи поняла, что застывшая в ступоре Шелли совсем не понимает её и влепила девочке сильную пощёчину. Вздвогнув от удара, Шейла словно очнулась от колдовского наваждения, и взгляд её приобрёл былую осмысленность. А вместе с вернувшимися связными мыслями Шелли обрела прежнюю способность быстро соображать. Рванув с шеи обматывающий горло чёрный шарф, девочка сноровисто перевязала Энди, пока Дейзи держала его голову на весу.

Уяснив, что Энди хоть и сильно пострадал, но жив, Шелли словно получила глоток живительного эликсира.

— Нам нужно выбираться отсюда, — твёрдо сказала она, ощущая, как горит правая щека, но глядя на выделяющееся на фоне сумерек белым пятном лицо Дейзи с изрядной благодарностью. — Мы должны вынести его, понимаешь? Мы должны добраться до машины Энди и уезжать как можно быстрее. Я знаю, куда мы отправимся. Более безопасного места мы не отыщем. Но нам надо поторапливаться.

— Мы справимся, — уверенно сказала Дейзи. — Он большой и тяжёлый, но мы справимся.

Подхватив практически потерявшего сознание Тёрнера под мышки, слабые девушки решительно поднялись на ноги. Молодой человек бессильно обвис на хрупких девичьих плечах, поникнув окровавленной головой.

— Ничего, ничего, — прошептал сквозь сжатые зубы Шелли. — Мы вынесем тебя, Энди, ты только вытерпи, выдержи... Больше от тебя ничего не требуется...

Согнувшаяся под тяжестью шерифа Дейзи ничего не сказала. Она берегла дыхание, зная, что оно ещё ой как понадобится. Не стовариваясь, девушки двинулись к освободившемуся дверному проёму. Ботинки Энди цеплялись носками за каждый сантиметр пола, кровь налитыми каплями падала вниз, впитываясь в ворсистый ковёр. Каждое резкое движение вгоняло в затуманенное сознание Тёрнера новый раскалённый гвоздь. Взрослый сильный мужчина стал беспомощней младенца, полностью отдав свою жизнь в руки двух беззащитных девушек, которым казалось, что на плечи давит весь небосвод. Но в тот миг ничто в мире не могло их заставить освободиться от своей ноши. Особенно Шейлу.

Полностью поглощённые заботой о шерифе, они не видели, что произошло после того, как Тёрнер упал, а Кларк накинулся на загородившего выход из дома циркача. Но сейчас путь на улицу был свободен. Подтащив Тёрнера к перекосившейся дверной коробке, девушки слышали серию слившихся в одно протяжное ба-ба-бах громких, далеко разносящихся в ночи выстрелов. Испуганно переглянувшись, девушки без дополнительных объяснений поняли, что Дуглас ввязался в схватку не на жизнь, а на смерть.

— Мы не можем уехать без Кларка, — задыхаясь, сказала Дейзи. Лоб девушки покрылся крупными градинами пота. Платье прилипало к спине и бёдрам, холодный воздух нырнул под накинутый поверх расстёгнутый жакет, пробирая кожу до костей.

— Сначала дотащим Энди до машины, а затем заберём Дугласа, — просипела Шелли, чувствуя, как отнимается плечо. Какие же мы всё-таки слабые создания, тоскливо подумала девочка. Насколько же мужчины сильнее нас! Но мы выносливее, стиснув зубы, напонила она себе. Мы выносливее всех, особенно когда приходится нести на себе того, кого любишь.

Отдуваясь и с трудом переставляя ставшие ватными ноги, девушки кое-как спустились с крыльца, умудрившись при этом не упасть и не уронить окончательно поникшего шерифа. Но им предстоял ещё очень длинный путь, метров эдак в двадцать. Именно столько требовалось пройти, чтобы добраться до припаркованного с другой стороны дома служебного «форда» Тёрнера.

Луна, выглянув из-за низко нависших над городом туч, озарила выбравшихся на улицу людей. Аккуратно подстриженная лужайка отливала расплавленным серебром, силуэты сгибающихся под тяжестью стонущей в беспомощности ноши девушек обрисовало мертвенно бледными лучами. Но ни Каучукового Джека, ни схватившегося с ним Кларка перед домом не было.

Но, завернув за угол, беглецы натолкнулись на пробирающую до внутренней дрожи жуткую картину. По земле, вонзая в траву пальцы и ломая ногти, полз Дуглас Кларк. За полицейским тянулся подозрительный тёмный след, пачкающий газон двумя прерывистыми смазанными линиями. Ноги Кларка напоминали изломанные соломинки, штаны насквозь пропитались... кровью. Кровью же и отсвечивал оставляемый им след. Силы покинули Дугласа в двух ярдах от волочивших шерифа девушек. Он вытянулся в струнку, выбросив перед собой руки и уронив голову.

Шелли не удержалась и вскрикнула. Ужас вскрыл её грудную клетку, вонзаясь в сердце, слёзы безостановочно бежали по грязным щекам. Дейзи выглядела ничуть не лучше. Ошарашенные, девушки застыли, не отрывая взора от уткнувшегося лицом в землю Кларка. Дуглас со стоном приподнялся на локтях и, подняв кверху искажённое гримасой чудовищной боли лицо, едва слышно прохрипел:

— Уходите... Уходите, ради всего святого... Я придержу этого ублюдка... Я ещё не всё ему сказал.

— Мы не бросим т-тебя, — губы Шейлы беспомощно искривились, огромные глаза стали ещё больше и, не выдержав, девочка зарыдала во весь голос, не замечая давящей на неё тяжести бесчувственного Тёрнера. — Мы не бросим тебя!..

— Я сказал — прочь! — из последних сил (и откуда только взялись) срывая голос, выкрикнул Дуглас. В глазах здоровяка бушевал смерч сводящей с ума боли. Закашлявшись, Кларк зашелся в судорогах. Его вырвало кровью. — Ради Бога, бегите... Я... Я достал его.. Это был хороший выстрел, лучший в моей жизни... Как в тире. Энди бы обрадовался...

Дейзи, жалобно всхлипнув, отвернулась в сторону. Более взрослая и опытная, чем её

подруга, она поняла, что Кларк доживает последние минуты.

— Спасибо-бо, Дуглас... Шелли, идём. Ну же, девочка, нам НАДО идти!

Ничего не видящая от слёз Шейла безвольно повиновалась. Передвигая, как сомнамбула, гудящие от напряжения ноги, она двинулась вперёд, не замечая, как по подбородку потекла струйка крови из прокушенной нижней губы.

Но, прежде чем они доковыляли до машины, Шелли обернулась, чтобы в последний раз увидеть обращённое к ним посеревшее от боли лицо Дугласа Кларка. Здоровяк одобрительно улыбнулся, прощаясь и... Из господствующей на заднем двореке Дейзи раскинувшейся непроницаемой тени выпростались два длинных, извивающихся змеями отростка. Сквозь застилающие глаза слёзы они показались Шейле мерзкими щупальцами гигантского спрута. И лишь спустя секунды какой-то частью подсознания она поняла, что это не щупальца, а растянувшиеся руки Каучукового Джека.

Ухватив Кларка за плечи, змеевидные конечности с невероятной силой потянули его назад, в тень, словно язык жабы, захлестнувший потерявшую бдительность муху. Перед тем, как исчезнуть во тьме, младший помощник шерифа Дуглас Кларк успел сказать одно единственное слово, сорвавшееся с последним вдохом с пузырящихся кровью губ.

Он скорее неслышно прошептал, чем произнёс вслух, но Шейле показалось, что она поняла, с чьим именем на устах умер этот отважный, давший им шанс на спасение, человек.

Мэгги.

Глава 21

— Док, а ты водишь гораздо лучше нашего сурового и угрюмо надувшегося супермена! — Бинго стянул с лохматой светловолосой головы колпак и почесал макушку. — Должен сказать, что из Алана водила вообще никудышный! Пока мы добирались до полицейского участка, я успел десять раз пожалеть, что уговорил его угнать... э-э-э... изъять машину. Наш старый Родж Спуннер и то водит намного лучше, чем этот юноша! А ведь Спуннеру уже давно перевалило за шестьдесят.

Уолтер Харрис, не отрываясь от дороги, скупно улыбнулся, незаметно покосившись на сидящего рядом Алана. Блейз, отгородившись ото всех падающими на лицо чёрными волосами, о чём-то явно призадумался, фактически не реагируя на многочисленные подколы и шпильки неугомонного арлекина, видимо, просто не способного спокойно сидеть на одном месте, без того, чтобы не сотрясать воздух. Рот циркача не закрывался ни на минуту. Бинго легко заменял собой радио, не стесняясь, высказывая всё, что он думает обо всём и обо всех.

Разделяющая с арлекином заднее сидение Кейт сдавленно посмеивалась в кулачок, безрезультатно пытаясь задушить в себе смех. Бинго, видя, что нашел, по крайней мере, одни благодарные уши, выгибал грудь колесом, расправлял плечи и выдавал перл за прелом, щедро посыпая специфическим чёрным юмором.

— В следующий раз ты побежишь следом за машиной, — отозвался, наконец, Алан. — Обещаю, что не буду ехать слишком быстро, иначе ты не догонишь меня в этих дурацких носатых башмаках. Разве что захочешь разуться...

— Нет-нет-нет! — в притворном ужасе замахал руками Бинго. — И думать забудь! Никакого такого следующего раза нам с тобой не предоставится. И не мечтай!

— Если ты думаешь, что находиться в одной компании с тобой — предел моих мечтаний, то ты здорово ошибаешься, приятель.

Харрис вывернул руль и, сворачивая на следующую улицу, громко сказал:

— Извините, что перебиваю, но каков будет план действий? На случай, если что-то пойдёт не так?

Бинго недоумённо вытаращился в затылок врача:

— Доктор Менгеле, вы это сейчас с кем говорили? Что это, по-вашему, может пойти НЕ ТАК?

Пожав плечами, Уолтер невозмутимо ответил, аккуратно припарковывая машину возле тротуара.

— Да что угодно. У твоих бывших дружков, как я погляжу, отменное чутьё, как у хорошо натасканных гончих. И если Алан окажется прав, и Энди с Шейлой отсиживаются в доме мисс Хилл, то где гарантия, что об этом уже не прознали твои коллеги по цеху или ещё какие монстры?

— Это было бы крайне неприятно, — тихо сказал Кейт Симмонс, вжимаясь в спинку кресла. — Будем надеется, что наши опасения напрасны...

— Доктор Харрис во многом прав, — мрачно присовокупил Алан. — И нам следует быть чертовски осторожными. Дальше пойдём пешком, чтобы не привлекать излишнего внимания шумом мотора.

— А я-то думаю, чего это мы остановились... — понимающе закивав, протянул Бинго, корча преувеличенно серьёзную физиономию. — Хочу вам сказать, что с вами намного веселее, чем было в цирке. Честное слово! Меня так и подмывает после того, как мы разберёмся со всеми делами и настучим мировому злу по рогам, осесть в Хеллвиле. А что? Климат мне подходит, люди у вас по большому счёту радушные и приветливые. Надёжными друзьями я уже обзавёлся, так что...

Уолтер обернулся через плечо и умоляюще сказал:

— Слушай, ты не мог бы не говорить таких слов под руку, а, будь другом?

Кейт прыснула со смеху, прикрывая ладошкой рот. Бинго, одарив Харриса взглядом из категории «и ты, Брут», обиженно поджал губы.

— Уолтер, я думаю, что будет лучше, если вы останетесь с мисс Симмонс в машине, — Алан безапелляционно уставился на Харриса. — На случай, хм, непредвиденных обстоятельств.

Доктор несколько, показавшихся всем очень долгими, секунд смотрел на Блейза. Положив свои красивые ухоженные руки на руль, Харрис негромко сказал:

— Мне бы, наверно, стоило банально вспылить и закричать, что я сам знаю, что мне делать и как поступать. Что я не трус и готов идти до конца, но... Но я понимаю твою правоту, мой друг. Боюсь, что толку от меня будет мало. А вот подстраховать тебя на крайний, непредвиденный случай, я вполне смогу. Оставаясь в машине, я буду на своём месте.

Улыбнувшийся юноша не скрывал испытанного облегчения.

— С тобой потрясающе легко и приятно иметь дело, док. Ты один из самых умных людей, встреченных за всю мою жизнь. Ты легко прочитал мои мысли. Есть у меня плохое предчувствие, что не всё так чисто и безмятежно, как выглядит. Мне кажется, что придётся здорово попотеть. Поэтому ты и останешься в тылу, прикрывать наши спины. И мисс Симмонс будет с тобой под защитой.

Несколько отодвинутый на задний план арлекин настырно пролез вперёд и сварливо осведомился:

— Эй, парни, конечно, очень интересно выслушивать, как вы тут осыпаете друг дружку

мильми комплиментами, но мне кажется, что я кое-что упустил из виду... Я чего-то не пойму, почему ты всё время говоришь о себе во множественном числе, Большой Эл?

— Потому что ты идёшь со мной, — по-волчьи улыбнулся Блейз, блеснув в полумраке салона тёмными угольками глаз.

— Как — опять?! — у Бинго был вид больного на голову, подвергнутого шоковой терапии.

— Не опять, а снова.

— Ты нагло используешь меня! — обвинительно пискнул арлекин. — Ты хочешь использовать меня в качестве приманки или отвлекающего манёвра!.. Не-е-е, так не катит...

Поправив засунутый за пояс револьвер, Блейз взялся за дверную ручку и равнодушно обронил:

— Я без тебя не справлюсь.

— Нет, ну вы слышали? — чуть не плача обратился Бинго к невольным зрителям. — Он же специально! Специально, гад, бьёт по моим отеческим чувствам к нему. Хитрый, сволочь!

— Я буду смотреть в оба, — пообещал Уолтер и крепко пожал открывшему дверь Блейзу руку. — Поверь мне, я не подведу.

— Я знаю, док. Спасибо. Бинго, на выход.

— Удачи, ребята, — прошептала Кейт и проводила удаляющуюся в сумрак ночи парочку тоскливым взглядом.

Они производили странное, нелепое впечатление, вызывающее незамедлительную улыбку. Более непохожих людей было трудно отыскать. Высокий худощавый юноша с длинными падающими на вытянутое лицо чёрными волосами и сравнительно маленький, загримированный под арлекина чудак в глупом клоунском костюме с трёхрогим колпаком на взъерошенной голове. Сосредоточие выдержанной целеустремлённости и апофеоз безалаберного разгильдяйства. Ходячий парадокс.

— Ты можешь сделать так, чтобы твои погремушки не звенели? — процедил уголком рта Алан, когда они шли в конец улицы к домику Дейзи Хилл, стараясь держаться в тени тянувшихся с правой стороны домов и производить как можно меньше шума. Ну, по крайней мере, Алан уж точно старался.

— Ишь ты, какой умный, — прогундосил арлекин, уткнувшись носом в пышное, всё время задирающиеся выше подбородка жабо. — Попробовал бы поносить, сам бы узнал на собственной шкуре, что это за дерьмо...

Алан, утробно прорывчав, протянул длинную руку и бесцеремонно сорвал с головы арлекина колпак. Сунув тренькнувший бубенчиками колпак в руки ошеломлённому подобным свинством Бинго, юноша сказал:

— Если я услышу ещё хоть один звук колокольчиков, я засуну эту шляпу тебе в задницу.

— Это не шляпа, а колпак, — едва не заплакал от обиды Бинго, прижимая головной убор к впалой груди. — Ты просто неблагодарный засранец, мистер Блейз.

— Тс-с-с, — Алан приложил указательный палец к тонким губам, призывая соратника к молчанию, и многозначительно кивнул на вырисовывающийся из сумрака домик Дейзи.

Бинго тут же перестал валять дурака и проворно ретировался за широкую спину Блейза.

— Чувак, я знаю, что ты за милю чувствуешь, когда пахнет жареным... Ты и сейчас что-то унюхал?

Алан, остановившись, и широко раздувая ноздри, кивнул.

— У тебя шестое чувство развито не хуже моего. Неужели ты не ощущаешь этот разлитый в воздухе запах?

Втянув носом прохладный, заставляющий ёжиться ночной (вечерний) воздух, Бинго авторитетно заявил:

— Шикарный коктейль. Страх, боль, паника и ужас. Как тебе?

— Добавь сюда отчаяние и жалость...

— Смешай с коварством, злобой и поглотившей чью-то душу тьмой...

— И ты получишь...

— Ловушку, — встав аккуратно рядом с Аланом, сказал Бинго, уперев руки в бока. Колпак он сунул за пазуху и теперь клетчатое трико смешно оттопыривалось в области груди.

— Ловушка, — искривил губы в недоброй усмешке Блейз.

— Ты только не совершай скоропалительных выводов, а? — умоляюще уставился на юношу арлекин. — Наверняка с Шейлой всё в порядке...

— Я чувствую смерть, — Блейз угрюмо смотрел на окутавшийся темнотой домик Дейзи. — Кто-то совсем недавно умер. И не раз.

— Как можно умереть несколько раз? — Бинго озадаченно почесал в затылке.

— Здесь умерло два человека. Пойдём, ждать нам особо нечего.

— Но... А ловушка? Ты же сам сказал, что нас уже ждут!

Алан закатал рукава водолазки и проверил, как вынимается из-за ремня револьвер.

— Мы возьмём неожиданностью.

— Ты просто Наполеон.

С каждым новым шагом Блейз всё больше и больше уверялся в том, что грызущее позвоночник чувство опасности было не досужим вымыслом расшатанных нервов. Опасность, опасность, опасность, дышал в затылок ветер. Опасность, опасность, шептала наступающая на пятки тьма... Опасность, предостерегающе кричало сознание! Остановись, сверни, отступись, умоляли остальные пять чувств. Алан был глух и нем к их просьбам. Остановить его сейчас смогла бы разве что каменная стена.

Бинго, отставая на полкорпуса, чуть слышно шаркал остроносыми башмаками на несколько размеров больших, чем требовалось для человека его комплекции. Арлекин насторожено крутил головой по сторонам, закусив крупными лошадиными зубами нижнюю губу. На неопределённое время поток нескончаемых шуток был перекрыт не пойми откуда взявшейся железной волей. Посматривая на своего низкорослого компаньона, Алан ловил себя на том, что Бинго далеко не так прост, как иногда хочет показаться. Нет и ещё раз нет. Циркач очень лихо косит под записного дурачка, да. Но это опять-таки всего лишь маска. Такая же, как и у множества других. Он чертовски умён, этот клоун. И хитёр, как сам дьявол. Алан мог быть только благодарен судьбе за то, что Бинго играет на его стороне. Вроде бы, хм.

Алан поднял правую руку раскрытой ладонью к выросшему перед ними домику Дейзи Хилл. Бинго замер, остановившись в ярде от Алана. Задрав подбородок, арлекин окинул дом цепким изучающим взглядом и задумчиво изрёк:

— Поправь меня, если я не прав, но, по-моему, совсем недавно тут произошла нехилая заварушка.

Блейз, сузив глаза, смотрел, не отрываясь. Дом был тёмный и казался вымершим древним строением, давным-давно покинутым последними жильцами. Выбитые окна, частично

осыпавшаяся черепица, ощерившийся тёмным провалом дверной проём, выщербленные ступеньки крыльца и... Тут Блейз задумался ещё крепче, потеряв по привычке заросший колючей чёрной щетиной подбородок. У юноши создалось впечатление, что деревянный домик Дейзи обхватили поперёк якорной цепью и затащили до вогнувшихся внутрь стен и треснувших досок. Любопытно. Странно. Жутко. Что бы это могло быть? Алан порядком растерялся. Однако у него совсем не было времени, чтобы разгадывать ещё и эту загадку.

— Обрати внимание на газон, — неизвестно зачем дёрнув себя за длинный нос, сказал Бинго. — Да под ноги смотри, балда!

Алан, решив не заострять внимания на очевидное нарушение субординации, опустил глаза. Ну, что он говорил? Бинго умён, как нобелевский лауреат и наблюдательности ему тоже не занимать. Доживающую последние недели до декабрьских заморозков тщательно подстриженную траву пересекали две извивающиеся чёрные линии, вытирающие в отдельных местах траву до самой земли. Следы от шин рванувшего с места в карьер автомобиля, сжигающего на бешеной скорости резину. Интересно. Чья это была машина? Кто сидел за рулём? И кто... Алан тяжело сглотнул, кто остался здесь навсегда?

— У меня такое чувство, что за нами наблюдают, — поёжившись, сообщил Бинго. — Эти выбитые окна действуют мне на нервы. Они похожи на провалы в глазницах черепа, не находишь?

Блейз ничего не ответил, устремив взор на дверной проём. Казалось, что там, за порогом пульсирует и клубится густая, не разбавленная ни граном света изначальная тьма. Что в прихожей пострадавшего от неизвестной силы дома свило гнездо древнее, появившееся задолго до человека зло. На дом с подветренной стороны накатывали низко стелящиеся, разбавленные пролитым свинцом, чёрные тучи, неотвратимо давящие всей своей массой на изувеченную крышу.

— Мы пришли! — выкрикнул Алан, уперев руки в бока и откинув волосы со лба. — Мы не скрываемся, подобно крысам. Покажись и ты!

— Ох ты, грехи мои тяжкие, вот и спалились! — уныло протянул Бинго, крайне неодобрительно покосившись карим глазом на высокого юношу. — Ты ЭТО называешь фактором неожиданности?

В дверном проёме на месте отсутствующих дверей показалась чья-то тень. Спина Алана непроизвольно напряглась, пальцы сжались в кулаки. Он чуть наклонил голову, готовясь в любой момент отразить пока ещё невидимую угрозу. Чувство опасности усилилось во сто крат, гулко ударяясь в виски двумя кувалдами.

— Ой-ой-ой, — обомлев, запричитал Бинго и попятился назад, норовя спрятаться за Аланом. — Как же я не хотел снова встречаться с ним! Будем надеяться, что он меня не узнал... Если что, мы с тобой не знакомы!

На пороге возник высокий тощий лысый человек в обтягивающем трико, с босыми ногами и холодной безжизненной улыбкой на узком неприятном лице. Алану, несомненно, был знаком этот тип. Ещё один изменившийся сотрудник цирка «Невозможное — возможно». А значит, ещё одна из намеченных мишеней Блейза. Один из тех, с кем его очень сильно тянуло потолковать по душам с глазу на глаз. И будь он хоть трижды измененным и обладающим сверхъестественными невероятными способностями. Наплевать. Алан не боялся его.

— Осторожней с ним, — предостерегающе прошептал из-за спины Бинго. — Каучуковый Джек и раньше был совсем не прост, а нынче тем более... Его многие боялись и

недолюбливали. У него всегда были свои особенные заскоки.

Блейз усмехнулся. Он то думал о совсем противоположном! Ни в коем случае не бояться. Врага можно опасаться, его должно уважать, но только не бояться. А в их особом случае и уважать то не за что. И что же остаётся? А ничего. Ничего, кроме холодной расчётливой ненависти, превращающей гнев в целенаправленное оружие, и желания навсегда поставить точку в существовании такой твари. Разумеется, Алану был не известен точный список всех совершённых Джеком злодеяний, но ему вполне хватало и того, что циркач был непосредственно связан с директором Старжински, а, значит, замешен в похищении Тони. И неважно, что Джек стал таким, изменившись волею слепой Фортуны и неведомых злых сил... Вопрос в том, почему он таким стал? Что было в его душе, раз он превратился в потерявшее человеческий разум чудовище? И была ли у него душа?

Выглянувшая из-за затянувших небо туч полная луна озарила силуэт ступившего на порог циркача, и Алан понял, что ночные сумерки сыграли с ним дурную шутку. На деле Каучуковый Джек появился вовсе не из прихожей. Он всё это время, пока они с Бинго осматривались, находился снаружи, прислонясь плечом к дверному косяку. Каким-то невероятным способом Джек исхитрился сливаться со стеной и с окружающей его темнотой. А сейчас, когда луна окатила фигуру циркача тусклым серебристым сиянием, всё стало на свои места. И тень Джека превратилась в отчётливо видимого человека.

— Здрав-сте... — растягивая согласные, ослабилась в хищной улыбке Каучуковый Джек, складывая на груди длинные руки. — Я ждал вас.

— Надеюсь, не сильно скучал? — буднично осведомился Алан, перенося вес тела с левой ноги на правую. — Мы спешили изо всех сил.

— Да нет, не очень... — зевнул Джек. — Я нашёл, чем занять себя. И неплохо провёл время, развлекаясь с одним из ваших дружков. Можете сами у него спросить. Правда, не даю гарантии, что он ответит! У него временное помутнение рассудка. Ха-ха-ха!

Циркач визгливо засмеялся, не меняя нарочито расслабленной позы. Смех его был откровенно противен, и Алану тут же захотелось забить сыплющиеся с бледных губ отвратительные звуки обратно ему в глотку.

— А кто прячется у тебя за спиной, не скажешь? — в холодных, безразличных ко всему живому глазах циркача не было и тени веселья. — Уж не мой ли добрый знакомец Бинго? Эй, приятель, покажись! Ты пришёл навесить старого друга?

Неохотно выйдя из-за спины высокого юноши, арлекин расплылся в широченной ухмылке:

— Кого я вижу! Джек Единственный и Неповторимый! Как жизнь, чувак?

— Что ты делаешь в компании этого малолетнего недоумка? — не обращая внимания на приветливые ужимки Бинго, спросил Каучуковый Джек. — Ты же до последнего момента оставался в цирке... Что заставило тебя выйти в город? О твоём участии ничего не говорилось, клоун. Решил проявить инициативу и облапошить этого молокососа?

Поёжившись под хмурым, не предвещающим ничего хорошего, взглядом Блейза, арлекин виновато развёл руками:

— Да ты знаешь, Джеки... Начиная с нынешнего вечера, я чувствую себя несколько иначе, чем раньше. Можно сказать, что я стал совсем другим человеком. Словом...

Принюхавшись к холодному, пахнущему страхом и смертью ночному воздуху, Джек резко сказал, обрывая на полуслове сбивчивые оправдания бывшего сослуживца.

— Ты изменился. Как и все мы. Как меняется этот вонючий сраный город.

— Вот и я о том же! Ты прочёл мои...

— И ты стал предателем, — на бездушное, словно высеченное из камня, лицо Джека набежала тёмная туча. — Превратился в жалкого бесхребетного труса. В человеческого прихвостня и подхалима. В пресмыкающегося слизня. В предателя.

Обиженно засопев, Бинго толкнул локтем в бок заслушавшегося Алана:

— Нет, ты только послушай, как он меня оскорбляет! Разрешаю тебе замочить его. Нет, даже настаиваю! Вот гадёныш, а я, бывало, не раз прикрывал его выходки...

— Даю тебе одну десятую шанса на выживание, — сказал Блейз, смерив Джека полупрезрительным взглядом. — Скажи мне, где находится Старжински. Где он прячется? Где он прячет Тони? Ответь мне и можешь выметаться из Хеллвила на все четыре стороны. Обещаю, что не трону тебя. Какова цена за жизнь, знаешь? А я знаю. Твоё честное слово. На самом деле всё очень просто, Джек.

Пронзительно заулав от смеха, циркач отклеился от дверной коробки и лёгкой, как бы переливающейся походкой спустился с крыльца. Алан, не отрываясь, следил за плавными скользящими движениями фрика.

— Ты забавный мальчик, и смелый. Или глупый? А? — Каучуковый Джек не торопясь сокращал расстояние между ними. Заметно нервничающий арлекин сделал шаг назад, привычно отступая за спину Блейза. — Я бы мог в два приёма открутить твою тупую голову или переломать ноги, как сделал с шестёркой вашего ненаглядного шерифа Тёрнера... Что так изумлённо вылупился, сынок? Думаешь, что я специально вывожу тебя из себя, чтобы ты потерял контроль над собой? Ты льстишь себе, мой маленький дружок. Чтобы справиться с тобой, мне не нужны дополнительные стимулы.

Цедя сквозь зубы полные злобы слова, циркач продолжал идти навстречу Блейзу. Когда расстояние между ними сократилось до считанных шагов, Алан смог увидеть, что у Джека отсутствует правый глаз. На месте глаза чернел жуткий провал, окаймлённый запёкшейся кровью. Обычно подобные раны (почти всегда смертельные) остаются после прямого попадания крупнокалиберной пули. Почему-то перед мысленным взором Алана всплыло розовощёкое бесхитростное лицо здоровяка Дугласа Кларка. Эх, парень, парень, с жалостью подумал юноша, у тебя же не было никаких шансов против этого монстра. Но ты остался. Ты сделал всё что мог. Ты всё равно победил.

Каким-то, не иначе, как воистину пресловутым шестым чувством вновь уловив произошедшую с Аланом невидимую для глаза перемену, Бинго шустро отпрыгнул в сторону и задал знатного стрекача. Стремглав несущийся прочь арлекин даже и не помышлял останавливаться. Перспектива оказаться в центре намечающейся грандиозной бойни совсем не прельщала его. И только отбежав за угол дома, Бинго, наскоро отдышавшись, рискнул выглянуть из укрытия.

Циркач и юноша застыли в двух метрах друг от друга. Они стояли неподвижно, словно пригвождённые к земле. Не шевелясь и не меняясь. Но арлекин мог поклясться, что он видит, как воздух вокруг Алана загустел и задрожал полупрозрачным нагретым маревом, а тень, отбрасываемая Каучуковым Джеком, причудливо изгибается в гротескных выкрутасах, словно бьющийся в припадке большой эпилепсией человек.

Алан оттолкнулся ногой и в прыжке врезался коленом в грудь не успевшего сгруппироваться циркача. Оба упали наземь. Тут же Алан был сброшен и сильнейшим ударом запущен в продолжительный полёт. Врезавшись плечом в деревянную стену перекосившегося жилища Дейзи, Алан услышал, как что-то хрустнуло, и понадеялся, что это

были доски, а не его кости. Ссунувшись по стене, Блейз припал на колено. Когда он ударил Джека, ему показалось, что он попал по надувной резиновой подушке. Сомнительно, чтобы противник почувствовал хоть какую-нибудь боль. Как же тогда бороться с этим уродом?

Расправив плечи, Блейз выпрямился. Для того чтобы вновь упасть на землю, пропуская над собой удлинившиеся, растянувшиеся гигантскими щупальцами руки циркача. Сжатые кулаки Джека просвистели над макушкой Блейза, пробивая в стене дома глубокие дыры. На Алана посыпался дождь из щепок и кусков расколотых досок. Нырнув вперёд и перекатившись по другую сторону крыльца, Алан вскочил и едва успел убрать голову, как растопыренная пятерня, мелькнув перед носом, сокрушила нависающий над ступеньками крыльца козырёк.

Проклятье и ещё раз проклятье! Джек оказывается, не только ловок и силен, что было вполне Блейзом ожидаемо, но и быстр. Достаточно быстр, чтобы соперничать в скорости с Аланом.

Ублюдок припирает меня к дому, уворачиваясь от очередного залпа выстреливших удавообразных рук, понял Блейз. Хочет зажать меня и лишит места для манёвра. И вот ещё странная штука — почему не рвётся растягивающееся вместе с конечностями циркача чёрно-белое клетчатое трико? Очередной волшебный фокус?

Раздумья юноши оборвал устремившийся в лоб кулак. Блейз что было силы откинулся назад, переламываясь в поясице и пропуская руку циркача над собой. Что ж, затяжные раздумья были чреватые. Но думать было нужно. О том, как всё-таки совладать с каучуковым, кажущимся неуживимым, подонком.

Выпрямляясь, юноша автоматически сместился в сторону. Джек стоял в десяти метрах от него, хлётко и прицельно выбрасывая вперёд тянущиеся, как эластичный бинт, руки. Он напоминал причудливого спрута о двух конечностях, терпеливо и целенаправленно атакующего слабую, незащищённую жертву. Однако Алан не был ни слабым, ни незащищённым.

Поединок неуступчивых противников со стороны выглядел забавной подвижной игрой. Джек без устали нападал, стараясь изловить отчаянно сопротивляющуюся «жертву», Блейз успешно уклонялся и уворачивался от рассекающих воздух резиновых рук. Разумеется, эта игра не могла продолжаться бесконечно. Рано или поздно кто-нибудь совершит ошибку и если другой сможет вовремя ею воспользоваться, то займёт неплохие шансы выйти победителем.

Приноровившись к стремительному, словно бросок кобры, темпу Каучукового Джека, Алан выжидал нужного момента. В принципе, пока он плохо представлял себе, что будет делать, если доберётся сквозь непрерывно извивающуюся преграду из чудовищно растягивающихся рук вплотную к фрику. Врядли получится просто замолотить того кулаками на смерть. Тут должно быть иное средство... И Алану казалось, что он знает, что даже видит, но никак не может понять, что же это такое. Что поможет ему одолеть изменившегося циркача. Мелькнувшую, было, в самом начале схватки мысль использовать револьвер Блейз отверг сразу. Если уж прямое попадание в глаз не свалило Джека, то не стоит и мечтать, что пули остановят его. А карманного гранатомета у Блейза в наличии не было. Поиздержался как-то.

Сжатая в звенящий от напряжения кулак рука пробуравила сумрак и врезалась в стену за спиной Алана. До ушей Блейза донёсся сухой треск сокрушаемых досок и... И рука застыла. Алан замер на полусогнутых, рука завибрировала перетянутой гитарной струной напротив его носа. Бледную физиономию Джека исказила недовольная гримаса. Он дёрнул раз, другой,

но тщетно. Пробив внешний слой досок, левая рука намертво застряла в стене! Правая конечность взмыла в воздух и обрушилась на стену, ломая дерево, циркач дёрнулся в третий раз, уже ухватившись второй рукой за предплечье застрявшей левой. Но всё было напрасно. Стена неуверенно затрещала, доски взгорбились, вылетело несколько гвоздей, с перекосившейся крыши посыпались куски черепицы... С губ циркача сорвались грязные ругательства, бледное лицо заметно покраснело, под тонкой тканью трико вздулись бугры мышц.

Вся пантомима пронеслась перед глазами Алана за несколько секунд. Не успел Джек потянуть застрявшую руку в третий раз, как юноша уже знал, что надо делать. Вот оно что! Подпрыгнув, Блейз мягко приземлился, сгибая колени, на вытянутую гибким пружинящим мостом руку, и со всех ног помчался навстречу Джеку. Алан бежал по растянувшейся десятиметровым рукавом руке, как по бревну. Разница заключалась лишь в том, что бревно было бы твёрже и устойчивей.

Вихрем преодолев последние метры, Блейз с маху ударил носком сапога в челюсть изумлённо вытаращившегося на него Каучукового Джека. Циркач только начинал торопливо втягивать правую руку, чтобы сбросить наглеца на землю, как нога Алана с хрустом впечаталась в джековы зубы. Лысая голова как на шарнирах откинулась назад, налившийся кровью единственный глаз Джека закатился под лоб. Нанеси Алан подобный удар обычному человеку, и бой можно было считать оконченным. Но против изменённого циркача этого было недостаточно.

Превратившийся в гибкий стержень позвоночник Джека выдержал, плотно сжавшиеся губы защитили зубы, и в следующее мгновение тело фрика стрелой рванулось к размочаленной в щелы стене дома. Оставив безнадёжные попытки вырвать руку, циркач сократил растянувшуюся конечность до естественной длины. Алан успел в последний момент перепрыгнуть через голову циркача и, крутанув в воздухе сальто, приземлиться на землю. Не теряя времени, Блейз крутанулся на каблуках и побежал за подлетающим к стене Джеком.

Несколько деморализованный, фрик торопился и не смог вовремя затормозить. Его как намагниченного вцепило в стену. Встряхнув лысой головой, Джек с утроенной силой ударил кулаком по доскам и освободил пленённую руку. Торжествуя взыв, циркач резко обернулся, прижимаясь спиной к стене. Из горла Джека выскочил глумливый смешок. Белесые губы начали растягиваться в радостной улыбке. На какую-то долю секунды он испугался. Этот юнец был не таким, как все остальные. Если бы Джек точно не знал, что Блейз не изменившийся, то подумал бы, что он один из них. Но на деле всё было совсем иначе. Джек не знал, что и думать. И именно это напугало его больше всего. Теперь же, когда Джек вновь контролировал ситуацию, ему было даже стыдно за мимолётную слабость. В конце концов, каким бы сильным да быстрым не был это мальчишка, он всего-навсего человек.

Руки циркача взмыли двумя яростно рассекающими воздух арканами и... Противное хихиканье застряло у Джека меж зубов. Блейз бесследно испарился. Перед Джеком никого не было. Неверяще закрутив головой, циркач внутренне приготовился к хитрому подвоху. Ведь ещё пять секунд назад он буквально спиной чувствовал дыхание нагоняющего его мальчишки!

Джек, хищно раздувая ноздри и свирепо вращая водянисто прозрачным глазом, ступил на шаг вперёд, отходя от стены дома. Куда он подевался? Ну не взаправду же он испарился!

— Что, в детстве не наигрался в прятки? — прошипел циркач, заозиравшись по сторонам. — Тебе повезло, дружок, я знаю множество интересных игр...

Он смотрел не туда. Нужно было смотреть выше головы, вверх. И тогда Каучуковый Джек увидел бы замершего в довольно-таки необычной позе врага. Алан застыл верх ногами, стоя на вытянутых руках, ухватившись за чудом уцелевшую трубу водостока. На предплечьях юноши вздулись узлы перевитых жилами мускулов. Вытянувшись в струнку, он даже не дышал. Оставалось надеяться, что труба выдержит вес его тела и не оборвётся раньше времени. Алану нужно было всего ничего — выждать, пока явно удивлённый Джек отойдёт на достаточное расстояние от стены дома.

И Джек отошёл. Алан, не мешкая боле, изогнулся, разжал руки и бесшумно приземлился на носки сапог с почти трёхметровой высоты. Взметнувшись, длинные волосы упали на заблестевшие в предвкушении глаза. Когда Каучуковый Джек, заподозрив неладное, с нарастающей тревогой повернул голову, Алан уже был тут как тут, паскудно усмехаясь в лицо циркача.

— Ну так поиграем, ДРУЖОК?

Невнятно булькнув внезапно перехваченным горлом, Джек обмер. Он не мог поверить своему уцелевшему глазу. А меж тем вероятность стала фактом. Словно невидимка, пропав из поля зрения Джека, Алан возник за его спиной. Жилистые руки юноши в стальном захвате стиснули шею фрика. Подогнув ноги, Блейз всей массой повис на циркаче, словно сторожевой пёс, вцепившийся в ночного вора.

Захрипев, Каучуковый Джек, повинувшись давлению, завалился назад. Припав на колени, Алан изо всех сил сжимал стиснутые в «замок» руки. Если Джек сумеет вырваться, второй раз он так опрометчиво не попадётся.

Джек трепыхался в железных объятиях Блейза, как попавшая в силок куропатка. Пылающий лютой ненавистью глаз чуть ли не вылезал из орбиты, пытаясь просверлить в Алане дыру. Запрокинутое лицо Джека свело судорогой, посеревшую кожу усеяли бисеринки отдающего резиной пота. Бесспорно, циркач был очень силён. Он бился до последнего, пытаясь сбросить заломавшего его противника, каучуковые руки беспорядочно молотили по голове и спине Блейза. И хотя у юноши возникли очень неприятные ощущения, что его охаживают куском гибкого резинового шланга, он только крепче сжимал скользкую от пота шею фрика. Алан был сильнее.

Из передавленной глотки Джека донеслось шипение проколотой шины, дико вращающийся глаз начал затягиваться туманной поволокой, с отвисших губ потекла струйка вязкой желтоватой слюны. Руки поднимались и опадали, изгибаясь под всевозможными углами, но прикосновения их всё больше напоминали лёгкие шлепки, отвешиваемые матерью нерадивому ребёнку. Джек сдавался, он был на последнем издыхании, и сил продолжать борьбу больше не было. В затухающий мозг изменившегося циркача ржавой иглой вонзилась последняя отчётливая и яркая мысль. Всё неправильно, подумал Джек. Всё должно было быть совсем не так! Но всё сошло с ума. Его убил обычный мальчишка. Но обычный ли? Кто ты, Алан Блейз?..

И ещё одна вспышка в задыхающемся от нехватки кислорода агонизирующем мозгу. Попрощайся со своей сестрой, щенок... Это была последняя мысль Каучукового Джека.

Алан разжал руки, и безжизненное тело изменившегося фрика повалилось на истоптанную траву. Жадно втягивая пересохшим ртом воздух, Блейз поднялся на ноги. Чёрт возьми, подумал юноша, ощущая мелкую дрожь в коленках. Возня с циркачом порядком

вымотала Алана, он бы не отказался и передохнуть часок-другой. Проще говоря, он устал, как собака. Запас жизненных сил Блейза тоже имел свой предел. Но он не мог позволить себе такую роскошь, как возможность поваляться на боку, лениво сплёвывая и считать проплывающие по ночному небу чёрные облака.

— Глазам своим не верю — ты задушил это сатанинское отродье! — к Алану незаметно подкатил Бинго и квадратными от удивления глазами таращился на уткнувшегося лицом в землю мёртвого экс-коллегу. — И как ты догадался взять его за шкуру и придушить?

— Я всё время чувствовал твою поддержку, приятель, — надтреснутым голосом проворчал Алан, заталкивая обратно за пояс чуть было не выпавший во время драки револьвер. — Если бы не ты, то... Не знаю, как бы я сладил с ним.

— А как же! — не растерялся арлекин. — Это всё я! Моя моральная поддержка и психологическое присутствие в конечном итоге сыграли ключевую роль.

Блейз пнул острым носком сапога тело Джека и, откашлявшись, сказал:

— Пулевое отверстие в глазнице. Понимаешь, в чём вся соль? Я не сразу допёр, что глаза — это одно из двух уязвимых мест Каучукового Джека. Глаза и дыхательные пути. Если нельзя повредить его невероятно прочную, отталкивающую любые предметы шкуру, то почему бы не выбить ему глаза или задушить? Казалось, что в его сжимающемся как губка теле нет ни одной кости...

— Тяжело было? — шаркая ножкой по траве, виновато осведомился Бинго.

Юноша успокаивающе потрепал понурившего голову арлекина по плечу.

— Наверно, не легче чем Гераклу, схватившемуся с немейским львом.

— Геракл тоже задушил своего противника! — просиял Бинго. — Совсемкакты! Тьфу! То есть я хотел сказать, ты ну прямо как он!.. Ну, в смысле, как Геракл.

— Не исключено, что мне просто немножко повезло, — передёрнул плечами длинноволосый юноша. — Джек был ранен. Мы должны найти того, кто... В общем, здесь должен быть кто-то из...

Алан раздражённо сунул руки в карманы вытертых джинсов и замолчал. Он не хотел и думать, что сделал Каучуковый Джек с Дугласом Кларком. Бинго мягко взял юношу за локоть и тихо сказал:

— Я нашёл его, Алан. Я нашёл твоего знакомого. Он лежит за фасадом дома, рядом с задним двором, под оградой... Тебе не надо туда ходить, поверь мне.

— Почему? — Блейз со злостью зыркнул на неподвижное тело циркача. — Неужели всё настолько плохо?

— Хуже, чем ты думаешь, — Бинго повысил голос. — Алан, я абсолютно серьёзен, тебе не надо смотреть, что случилось с младшим помощником шерифа Кларком. Этот парень был хорошим человеком. Запомни его таким. Живым.

Алан, не глядя на арлекина, медленно побрёл к углу настороженно следящего выбитыми окнами за его приближением дома. Жилище Дейзи Хилл выглядело жалким, сиротливым и поруганным, словно в его стенах прошёл всесоюзный шабаш всех чертей и ведьм во главе самим Дьяволом.

— Алан! — крикнул вдогонку арлекин. — Вспомни, что было с Грегом! Вспомни этого несчастного мальчика. Я же и тогда предупреждал тебя! Предупреждал!..

Блейз остановился, и, не поворачиваясь, сказал:

— Мы должны знать, как погибают герои. Их становится всё меньше и меньше. И не стало ещё одного. Я должен запомнить его лицо.

— Хочешь увидеть героя? Посмотри в зеркало, мать твою! — кипя от возмущения, потряс кулаком Бинго.

Алан усмехнулся и глухо произнёс, посмотрев через плечо и ниспадающие на глаза волосы в сторону арлекина.

— О-о-о нет, дружище... Поверь, я меньше всех подхожу на роль героя.

Шелли не находила себе места. Она мерила свою комнату в особняке дяди Фреда быстрыми шагами и никак не могла собраться с мыслями. Девочка была готова от отчаяния грызть ногти и кусать локти. Всё, всё, что происходило с ней и с городом, не поддавалось никакому внятному логическому объяснению и неизвестно, сколько ещё вся эта чертовщина будет продолжаться! Рехнуться можно, право слово! Не позвонить родным, не связаться с кем-то извне, не получить ни одного ответа на хотя бы один из множества разрывающих голову накопившихся вопросов.

Не узнать, где сейчас пропадает Алан и нашёл ли он Тони... Шелли едва не заплакала от охватившего её бессилия и, кусая предательски задрожавшие тонкие губы, присела на краешек заправленной кровати. Никто ничего не знает и не понимает. Даже дядя Фред. Всезнающий, умный и начитанный дядя Фред, сжимающий в тёплых отческих объятиях любимую племянницу и роняя на черноволосую девичью макушку неудержимые старческие слёзы, тоже ничего не знал.

Зарывшись носом в подушки, девочка затихла, слушая, как тихо звенит тишина, и перешептываются в углах погружённой в полутьму комнаты тени. Большие настенные часы продолжали молчать, стрелки застыли на отметке семь часов девятнадцать минут, так и не сдвинувшись за прошедшее время ни на минутку. Наше время — это ходячий мертвец, внезапно поняла Шейла. Оно умерло, но идёт. Миг проходит за мигом, несущиеся со скоростью торнадо события едва успевают сменять друг друга, люди умирают и продолжают надеяться. И время, пусть и умерло, но продолжает идти вместе с ними. Но куда они идут? Не заведёт ли эта тропинка в бездну? Откуда не будет возврата? Жуть. Шелли стало ужасно одиноко и страшно.

Когда они на служебном «форде» Энди Тёрнера (кстати, а когда это было, сколько прошло времени, хм?) примчались к родовому особняку Де Фесов, шериф пришёл в сознание и переступал порог дома собственными ногами. Шейла и Дейзи лишь бережно поддерживали его с обеих сторон. С залитым кровью лицом, перевязанный шарфиком полицейский выглядел одновременно и комично и жутко. Открывший им двери Фредерик Де Фес при виде раненого Тёрнера изумлённо вскинул седые брови. Разглядев же грязных и оборванных девушек, старик и вовсе застыл с отвисшей челюстью.

Замешательство Де Феса продолжалось недолго. Фред быстро совладал с собой и чётким командным голосом принялся отдавать распоряжения. Слушая чёткий спокойный голос дяди, Шелли почувствовала, как с души свалился громадный камень. Дядя Фред всегда знал, что делать и никогда не паниковал. Уж он то точно разберётся, что к чему...

Тёрнера, изредка постанывающего сквозь плотно стиснутые зубы, уложили прямо в холле на одном из двух мягких кожаных диванов. Де Фес, вооружившись домашней аптечкой, занялся раной молодого человека. Дейзи взяла на себя обязанности медсестры, а едва державшаяся на ногах Шелли была послана в ванную комнату. Дейзи Хилл выглядела ничуть не лучше измученной девочки, но была на порядок выносливей и сильнее. У одиноких матерей воистину неисчерпаемый запас прочности.

Смывая под душем с ноющего от ломающей боли тела грязь, Шелли смывала с лица в который раз выступившие слёзы. Жаль, но она не могла смыть ни тоски, ни тревоги, ни усталости. Закутавшись в тёплый халат, девочка спустилась в холл.

Энди, с подложенной под аккуратно перебинтованную голову подушкой, тихо посапывал. Спящего полицейского покрывал любимый дядин плед: красно коричневой, в крупную клетку, с густой бахромой по краям. Сам Фредерик стоял подле дивана с низко опущенной головой. Заслышав шлёпанье обутых в тапочки маленьких ног, старик обернулся. Его доброе морщинистое лицо расплылось в радостной улыбке. Фред раскинул руки. Робко улыбнувшись в ответ, Шелли незамедлительно бросилась в уютные родные дядины объятия.

Поглаживая любимую племянницу по густым мокрым волосам, Де Фес, успокаивающе приговаривал:

— Ну всё, всё... Всё будет хорошо, милая... Хотя и не помешало бы как следует отодрать тебя ремешком. Ты представляешь, как ты напугала своего старого дядюшку, маленькая негодница? Убежала из дому, не сказав ни слова, а тут ещё эти странности начались... И что я должен был думать? Не скажу, что пережил за последнее время самые приятные минуты в своей жизни.

— Дядя, прости меня, пожалуйста, — прогундела Шелли, уткнувшись носом в грудь старика. — Я должна была, понимаешь? Я... Я же хотела помочь.

— Я знаю, — ласково произнёс Фред, крепче обнимая девушку. — Я знаю, что у тебя доброе и чуткое сердечко...

С большой неохотой освободившись из согревающих дядиных рук, Шейла виновато потупила синие глаза.

— Ты совершенно прав, дядя. В иных обстоятельствах меня бы следовало хорошенько высечь.

— Вот именно, — поднял указательный палец Фред. — В иных. А сейчас, как ты правильно подметила, совсем другие обстоятельства.

— Дейзи? — Шейла обхватила себя руками.

— Пошла в ванную, — махнул рукой Фред. Взяв с подвинутого к дивану со спящим Тёрнером журнального столика аптечку, Де Фес сказал. — За Энди не беспокойся. Ему сильно повезло. Пуля прошла навылет и не задела черепной кости. Его, конечно, здорово контузило, он потерял много крови, но жизнь его вне опасности. Я обработал и перевязал рану и дал ему двойную дозу успокоительного. Крепкий сон совсем не мешает этому юноше.

— Ты лучше всех, дядя, — устало улыбнулась Шелли.

Фред протянул руку и взял племянницу за подбородок, заглядывая в огромные васильковые глаза.

— Иди в свою комнату и постарайся заснуть. Не переживай, я пригляжу за Энди. И с Дейзи я разберусь. Я устрою её в комнате для гостей. Отправляйся наверх, Шелли. Тебе тоже надо отдохнуть, малышка. Ты очень устала. Это видит даже такая подслеповатая развалина, как я.

— Дядя! — в притворном негодовании притопнула ножкой Шелли. Фред ожидаемо улыбнулся. — Не наговаривай на себя.

— Надо уметь смотреть правде в глаза. Не каждый решается, но тот, кто не боится, всегда трезво оценивает свои силы. Этому быстро учишься.

Шелли, поджав губки, вымолвила:

— Я очень сильно боюсь, дядя. Нет, не той ситуации, в которой мы все волей-неволей оказались и неведомо насколько застряли. Я боюсь неизвестности и боюсь больше никогда не увидеть Алана...

Девочка торопливо закусила предательски задрожавшие губы. На её глазах опять навернулись хрусталики слёз. Фред вновь прижал девочку к себе и шепнул на ушко.

— Я тоже побаиваюсь. Но не за твоего брата. За Алана я совершенно спокоен. Поверь своему дяде. Уж если кто и способен до конца выстоять во всей этой непонятной чертовщине, то это только он. Я бы больше боялся на месте тех, кто осмелится бросить ему вызов. Веришь мне, милая? С твоим братом всё будет в порядке. Я просто уверен в этом. Не успеешь ты проснуться, как он постучит в дверь и скажет, что он вернулся. Вместе с Тони.

Шелли потёрлось щекой о дядино плечо и спросила:

— Что же происходит? Что творится с нашей жизнью? Что случилось с этим миром, дядя?

— Не знаю, Шелли. Я не знаю.

Девочка не подала виду, но откровенно беспомощный и растерянный ответ Фредерика несказанно её огорчил и расстроил. И дядя так же, как все они, пребывает в паутине безызвестности. Её умный и всезнающий дядя. Наверно мир и правда катится к чёрту.

И вот теперь, закрывшись в своей комнате на втором этаже особняка, Шелли мучилась неизвестностью и засевшими глубоко внутри грызущими нутро страхами. Она была совсем одна. Одна наедине с болью и отчаянием. И никого не было рядом. Даже Алан оставил её. Даже её родной брат и лучший друг. Она одна.

Глупая дура, вспыхнув, укорила себя девушка. Ты не одна и никогда одна не была. И сейчас ты с ними, а они с тобой. Те, кто тебя любит и кого любишь ты. Ведь вполне достаточно помнить о человеке, не забывать его, держать в сердце, и ты никогда не будешь одинок.

Спрыгнув с кровати, Шелли погасила настольную лампу и комнату окутали угрюмые сумерки. Девочка подошла к зеркальному трюмо и, отбросив за спину распущенные волосы, внимательно всмотрелась в едва видимое, поддёрнутое темнотой отражение. Тени за спиной Шейлы, не сговариваясь, дружно сдвинулись, пытаясь проследить за её взглядом. Она смотрела в собственные глаза насыщенного синего цвета, влажно блестящие на бледном лице заточённой в зеркало девочки. Шелли взялась обеими руками за кованую раму зеркала. Отражение сделало то же самое. Шелли застыла, задумчиво кусая нижнюю губу и не отрываясь от зрелища прячущегося за стеклом двойника, один в один копирующего её движения.

Когда-то давно, теперь Шейле казалось, что это было совершенно в другой жизни, возможно, принадлежащей даже не ей, она слышала, что зеркала способны похищать душу. Стоит повнимательней всмотреться в глубины таинственного зазеркалья, особенно ночью, в крошечной тьме и давящей на уши тишине и... Произойдет чудо. Волшебство. Магия. Что-то изменится в структуре окружающей тебя реальности. И тебя будет разделять всего один шаг от иного мира. Один шаг — и ты сойдёшь в реальность зазеркалья. Словно кэрроловская Алиса. Ты станешь иной.

А ещё поговаривали, что нужно бояться больших зеркал и тёмных комнат и не заигрывать с гаданием под Рождество. Шелли слышала множество самых разных, жутких и страшных историй. И, конечно, «совершенно правдивых»! Поэтому девочка прекрасно знала, чем чревато долгое разглядывание самой себя в зеркале тёмной ночью в пустой комнате.

Двойник может высунуться из рамы, вырваться из плена отражений и схватить тебя за горло. Он может попытаться убить тебя. Некоторые рассказчики вышеупомянутых страшных историй били себя кулаком в грудь и с пеной у рта заверяли, что если не они, то их самые близкие знакомые уж точно были свидетелями подобных событий. Или друзья знакомых, или дальние родственники. Неважно. Но у кого-то из них обязательно находились те, кто так или иначе пострадал от зловредных зеркальных допельгангеров.

Шелли не верила во всю эту потустороннюю чушь, замешанную на старинных побасенках и детских страхах. Но сейчас ей как никогда хотелось сбежать. Уйти за грань. В иную реальность. Шелли хотела скрыться в другом месте, подальше отсюда и ото всех проблем. Она хотела уйти в Страну Чудес. Пусть ненадолго, но уйти и забыться. Но это было невозможно. Сведённые от напряжения пальцы девушки, стискивающие раму зеркала, побелели и задрожали. Из уголка левого глаза выкатилась одинокая слезинка. Задержавшись на мгновение у истока, слезинка покатила по щеке, оставляя за собой тускло сверкающий в свете проникающих в комнату серебристых лучей такой же одинокой, выглянувшей из-за туч луны, размытый след.

Девочка сделала над собой невероятное усилие, чтобы разжать пальцы и отвернуться от зеркала, приковавшего её невидимым магнитом к застывшему отражению. Бегство в Страну Чудес не состоялось. Есть ли вообще другие миры кроме нашего, неожиданно всплыло в голове Шейлы, когда она устало рухнула на кровать? А если есть, то какие они? Кто там живёт? Люди, подобные нам или совсем уж невиданные и диковинные существа? Там лучше или нет? Или все миры без исключения подвержены тем же порокам и печалям, что и наш изрядно запутавшийся в собственных амбициях и дурных пристрастиях мирок? Шелли подумала, что заморачиваться на эту скользкую тему себе дороже выйдет. Это равносильно участвовать в споре на религиозную тематику в компании упёртого атеиста и истинно верующего христианина. Крайне неблагоприятное занятие.

Шелли свернулась калачиком, подтягивая коленки к груди. В комнате было тепло, но девочка мёрзла. Непонятный холод пронизывал до самых костей, проникая, казалось, в самые отдалённые участки дрожащего от непонятного озноба тела. Шейла протянула руку и нащупала краешек тонкого одеяла. Не раздеваясь, закутавшись по самое горло, девушка замерла. Шейле казалось, что накрывшись одеялом, она отгораживается от неотвратимо наступающих со всех сторон проблем. Она спряталась и её не видно. Опасность минует, пройдя рядом, не замечая затаившуюся под одеялом девочку. Наивная детская иллюзия. Но как порой хочется вернуться в детство... Забыть о заботах, взрослых проблемах и неразрешимых делах. Шелли давно перестала ощущать себя ребёнком, лет где-то с тринадцати. И сейчас горько жалела об этом.

Я же ещё совсем маленькая! Господи боже, я же всё равно ребёнок! Мне всего семнадцать лет. Я, если уж начистоту, никогда по-настоящему и не любила. Я жила, погружённая в глупые мечты и несбыточные иллюзии. Иллюзии любви и грёзы возомнимого женского счастья. Но я не женщина. Я по-прежнему остаюсь ребёнком. Я никогда не знала мужчину. Я не знаю, каково это — отдаться мужчине. Я ничего не понимаю в этой жизни. Мне только семнадцать!

И я в заднице, мрачно, с депрессивными нотками подвела итог тяжким размышлением Шейла. Все мы находимся там же. В заднице. Алан не любит, когда я резко и грубо выражаюсь, вымученно улыбнулась девочка. Но если я скажу, что мы все по воле судьбы оказались в попе, что от этого изменится? Разве сможет перетасовка слов изменить общий

смысл возникшей ситуации? Нет, разумеется. Алан. Любимый старший брат. Лучший друг. Зачастую самый близкий и родной человек в мире. Иногда невыносимый зануда и вечно сующий нос не в свои дела засранец. Но кем бы он ни был, он всегда оставался неотъемлемой частью её жизни. И если с Аланом что-нибудь произойдёт, её жизнь уже никогда не будет прежней. Шелли знала это. Она была уверена более чем, что без старшего брата, готового умереть за неё и пожертвовать собой ради её же счастья (Шелли это точно знала), она превратится в совсем другого человека. А как иначе? Изменится её жизнь и изменится она.

Видит Бог, Шелли больше всего на свете хотела остаться прежней. И она хотела поскорее увидеть Алана живым и невредимым. Девочка остро пожалела, наверное, впервые, что не знает ни одной подходящей по случаю молитвы. Если бы она могла, она помолилась бы за скорейшее возвращение старшего брата домой. Она пропадёт без него. Да и сам Алан... Ну он же такой ранимый, такой сентиментальный и чувственный! Вся его напускная, показушная невозмутимость и хладнокровие. Жёсткий взгляд и не сочетающаяся с внешней твёрдостью грустная улыбка. Станный, странный парень этот Алан Блейз. Алан, который хранит множество скелетов по шкафам и не терпит вмешательства в личную жизнь. Алан, который держит себя на расстоянии в несколько миль от желающих первыми протянуть ему руку помощи и предложить свою жилетку в качестве носового платка.

Шелли любила его. Она всей душой любила своего брата. Пожалуйста, взмолилась Шелли, сжимая кулачки, пожалуйста, пусть у него всё будет хорошо. Пусть Алан будет счастлив! Пусть он вернётся живым и невредимым. Шелли взывала к высшим силам со всей неистовостью и детской непосредственностью. Так может молиться только ребёнок, до последнего искренне верующий в торжество справедливости и победу добра над злом.

Затаившись как мышка, девочка прислушалась к едва слышимому протяжному вою усилившегося ветра, лижущего надёжные стены старинного особняка. Луна снова спряталась за тканью сгустившихся туч, ноябрьский холод покрыл окна матовой испариной. Шелли смежила веки, отгораживаясь от злободневной действительности. Да ну всё к чёрту... Чему быть, того не миновать, промелькнула пораженческая мысль. Подобные мысли свойственны людям вконец отчаявшимся, сдавшимся. Но я не сдалась, резко открыла глаза Шейла, я никогда не сдавалась. Я не такая, как все. Я особенная. Алан говорит, что во мне есть изюминка. Ну что ж, помимо изюминки, во мне есть ещё кое-что. В меня ещё вбит стержень, крепкий и прочный, закалённый и стойкий. И я не сломаюсь. Я же его сестра! У нас много общего, в том числе и твёрдость характера, и упрямое нежелание склонять голову перед трудностями. Алан бы не отчаялся, он бы продолжал делать то, что счёл бы необходимым, не смотря ни на что. И я не подведу его. Мы одной крови, и мы победим. Победим...

Шелли почувствовала, что засыпает. Вспыхнувший было боевой настрой неспешно растворялся в заволакивающих голову сумбурных, перескакивающих с одного на другое, хаотичных видениях — предвестниках снов.

Вдруг, совершенно спонтанно, практически заснувшую, Шейлу пронзила неожиданная идея. Она резко поднялась, сбрасывая одеяло и села на кровати. Наморщив лоб, девушка пыталась понять, что заставило её подумать об ЭТОМ. Что движет ею, откуда, из каких глубин подсознания вырвалась эта мысль? Почему она хочет сделать это?

Торопясь, пока не одолели сомнения в правильности задуманного, Шейла решительно прыгнула с кровати и подошла к двери. Провернув ключ в замочной скважине, она осторожно, стараясь не совершать лишних движений, толкнула дверь. Дверь практически

бесшумно приотворилась на пару дюймов, пропуская за порог столпившиеся в коридоре тени. Шелли выглянула наружу, посмотрела по сторонам и выскользнула из спальни, аккуратно притворив за собой чуть скрипнувшую дверь. Девочке показалось, что едва уловимый скрип отдался громогласным скрежетом, буквально потрясшим весь второй этаж фамильного особняка Де Фесов. Но, разумеется, это была всего-навсего игра порядком расшалившегося воображения.

Бесплотной тенью прошмыгнув по коридору, девочка оказалась напротив двери, ведущей в комнату Алана. С замершим сердцем Шейла взялась за ручку и потянула на себя. Повинуясь, ручка послушно провернулась и дверь отворилась. Не теряя времени на дополнительные озиранья, Шелли юркнула внутрь спальни брата. Прислонившись спиной к торопливо закрытой двери, Шелли облегчённо выдохнула. Она чувствовала себя несколько не в своей тарелке. Что она делает? Зачем разыгрывает из себя засланного во вражеский тыл диверсанта? Ну, ты прямо Том Круз в юбке, хмыкнула про себя Шейла. И какого чёрта, спрашивается? Что тебе понадобилось в комнате Алана? Что ты хочешь найти — неубранный впопыхах скелет?

Вместе с тем Шелли всецело доверяла своим чувствам. Пусть смеются сколько угодно при одном лишь упоминании о женской интуиции, ей наплевать, но хотела бы она взглянуть в лица тех умников, которые утверждали, что ум девичий короток, а память недолга! И что бы они делали, окажись на её месте, когда все основные пять чувств и неожиданно проснувшееся шестое подняли с постели и буквально насильно выперли вон, заставив отправиться в комнату Алана.

Ищи, шепнул внутренний голос. Ищи. Но что, что я должна найти? Вжавшись спиной к двери, девочка ждала, пока глаза привыкнут к царившей в комнате брата кромешной тьме. Не изменяя своим домашним привычкам, Блейз-младший наглухо задёрнул шторы, превратив спальню в лишённую окон тюремную камеру. Включать свет девочка не стала из боязни, что кто-нибудь да заметит её несанкционированное присутствие. Ха, невольно улыбнулась она. Заметит? Кто — дядя Фред, Дейзи, Энди? Ну что за глупости она городит! Но, уже нащупав пальцами встроенный в стену тумблер, девушка в последний момент передумала. Лучше не рисковать, вкрадливо шепнул внутренний голос. Не осложняй положение. Предстать, если тебя всё же застукают в спальне брата, роющейся в его личных вещах. Ты сама знаешь, как строго и принципиально относится Алан к понятиям о частной собственности. И что бы он сказал тебе, если бы узнал, что ты внаглую залезла в его дорожную сумку?

Интересно, кстати, подумала Шелли, крадучись, продвигаясь по тёмной комнате. Очень интересно. Почему я решила, что буду рыться в личных вещах Алана, в его сумке? Потому что ты пришла сюда за этим, снисходительно разъяснил внутренний голос. Где ещё ты найдёшь то, что ищешь, если не среди личных хабарей старшего брата?

А ты хочешь найти? Ты готова к возможным последствиям? Эй, подруга, а не будешь ли ты жалеть? И что ты ожидаешь найти? Почему ты готова разворошить грязное бельё Алана?.. Вопросы, вопросы, вопросы. Господи, как же её всё достало! Шейла сжала загудевшую голову вспотевшими ладонями. Нет, так и впрямь свихнуться можно. Пора заканчивать и чем скорее, тем лучше. Опустившись на колени у кровати Алана, девочка откинула достигающий застланного ковром пола край покрывала и вытащила потертую дорожную сумку. Девочка победно улыбнулась. Алан никогда не изменял себе. Как она и ожидала, сумка была засунута под кровать собирать пыль и приманивать всяких букашек.

Усевшись на кровать, Шелли положила сумку рядом с собой и некоторое время просто молча смотрела на неё, теребя пристёгнутый к карабинам широкий ремешок. Всё тело девочки пронзила дрожь нетерпения, сердце учащённо забилося... Всё, хватит, тянуть дальше нет смысла. Раз уж начала, до доводи задуманное до логического завершения. Отступить поздно. В предвкушении высунув кончик языка, она достала из кармана джинсов наполовину разряженный сотовый телефон и включила фонарик. Потянув за язычок молнии, Шелли расстегнула верхний клапан сумки и осветила мобильником.

Так, так, так... Признаться, Шейла всегда хотела узнать, что берёт с собой Алан, надолго уезжая из дому. Обычно любой нормальный человек старается брать с собой самое необходимое и важное. И ещё самое дорогое и ценное. Для души и для сердца. Фотографии семьи, детей, любимых, подаренные по различным поводам безделушки, всякие талисманы. Да мало ли что! У каждого свои пристрастия. Но Алан... Алан не был обычным человеком. Он был странным. И ты знаешь это, услужливо напомнил внутренний голос. Приготовься к сюрпризам, девочка. Возможно к неожиданным и неприятным. Но я должна знать, упрямо закусив губу Шейла. Должна.

Готова ли ты взглянуть в лицо гложащих твоего брата демонов, продолжал допытываться внутренний голос? Ты не испугаешься? Не свернёшь?

К чёрту. К чёрту всё, огрызнулась Шелли и резким движением опрокинула сумку верх дном. Освободившееся содержимое высыпалось на кровать. Отложив опустевшую сумку, девушка, подсвечивая ярким лучом фонарика, присмотрелась к усеявшим покрывало вещам. Итак. Блокнот с засунутой между разлинованных страниц гелиевой ручкой, кожаный бумажник, фонарик, перочинный нож, зажигалка «Зиппо» ... Шелли несколько обескуражено смотрела на выросшую перед ней грудю несомненно полезных и нужных предметов. Создавалось впечатление, что Алан был постоянно готов к любым превратностям судьбы и даже конец Света не стал бы для него неожиданностью. Тем паче неразрешимой проблемой.

Но это всё не то! Солнцезащитные очки, моток изоленты, скотч, рулетка, горсть мелочи... Всё не то. Вздохнув, Шелли поводила лучом фонарика по изученным и отложенным в сторону вещам, проверяя, не упустила ли она что из виду. Но нет. Предметы оставались простыми предметами, призванными приносить пользу и помогать в экстренных ситуациях. Никаких скрытых скелетов. Ни одной косточки. Даже самой завалывшейся. Но внутренний голос подсказывал девочке, что нужно смотреть ещё внимательнее, что искомое находится совсем рядом, буквально под рукой.

Скрепя сердце, Шелли раскрыла бумажник и тщательно проверила все кармашки и отсеки. Ничего, кроме денег, кредитки и нескольких визиток. К бумажнику был пристёгнут отлитый из серебра брелок в форме миниатюрного тигрёнка, сжимающего в передних лапках перевязанную ленточкой подарочную коробку. Губы Шейлы против воли расплылись в тёплой, щемящей улыбке. Она подарила Алану этот сувенирчик на прошлый день рождения. Брат пообещал, что никогда не расстанется с её подарком... Шелли было очень приятно видеть, что Алан держит слово. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, он всегда держал данное слово.

С сожалением выпустив из рук бумажник, девочка заглянула в опустевшую сумку. Неужели это всё? У неё в голове не укладывалось, как можно обходиться таким минимумом вещей! Ну, прибавим сюда ещё туалетные принадлежности, смену белья, кое-какую одежду, в том числе и ту, что сейчас надета на Алане и... И всё. Ужас просто! Странный всё-таки

народ эти мужчины.

Недоумённо пожав плечами, Шейла принялась неторопливо складывать в сумку все рассыпанные на постели предметы. Скорее всего, Алан даже не заметит, что кто-то здесь рылся, суя свой не в меру любопытный носик не в своё дело. Вот именно. Не имела я права так поступать, нахмурилась девочка, чувствуя, как щёки и лоб заливают горячей краской. Ей стало стыдно. И что на неё нашло? Эх ты, разочарованно протянул внутренний голос, ничего ты не поняла... И не увидела. А ведь ЭТО было так близко, так близко... Ну что же ты, глупая, совсем ничего не видишь? Вот же оно. Да раскрой ты глаза, наконец!

И Шелли раскрыла. Странно, подумала она. Почему я сразу не заметила? Наверно, не врут, когда говорят, что если хочешь что-нибудь спрятать, то положи это на самое видное место. Шейла, зажав в зубах мобильник, взяла обеими руками бумажник Алана. Не мешкая, она расстегнула бумажник и уставилась на запаянное прозрачным пластиком отделение для визиток и кредитных карточек. Чёрт, и впрямь, как она сразу не заметила, что прячась за кредиткой и визитками, в прозрачный отсек был всунут ещё один предмет. Шейла просунула за пластик пальцы и нащупала краешек непонятного предмета. Судя по размерам и плотности, больше всего смахивает на фотографию. Фотографию, засунутую под пластик лицевой стороной внутрь. У Шейлы моментально заиндевели пальцы. Девочку обуял непонятный страх. Почему-то ей совсем не хотелось смотреть на эту фотку. Она поняла, что боится увидеть изнанку загадочного снимка. Она не хотела знать, кто или что запечатлено на фотографии. Если Алан утаивает этот снимок, скрывая за визитками, то она не хотела знать, почему.

Но Шейла понимала, что, невзирая на желания и страхи, она сейчас вытащит эту фотографию, развернёт и посмотрит в лицо точащих душу Алана демонов. Шелли разжала зубы и пристроила мобильник к бедру, так, чтобы свет фонаря падал на стиснутый в руках бумажник.

В принципе, девочка догадывалась, что, точнее, кто запечатлён на снимке. С большой долей вероятности это будет девушка, в которую давно и тайно влюблён её старший брат. Та, из-за которой он не находит себе места, изводит себя и страдает в трижды проклятом гордом мужском одиночестве. Ещё не доставая фотку, Шелли знала, что угадала на сто процентов. И ещё она знала, что начинает ненавидеть эту незнакомку. За что? За что она ненавидит абсолютно незнакомого и, вполне возможно, совсем неплохого человека? Ответ пришёл один и исчерпывающий. За то, что эта неизвестная вертихвостка ломает жизнь Алана. Эта особа, не разделяя любовь Алана, втаптывает его в грязь, низводя до жалкого болезненного состояния. Алан не заслуживает такого отношения. Тем более от той, в кого влюблён до беспомысленности.

Так кто же ты, незнакомка? Шейла, отчётливо слыша замедлившееся биение сердца, двумя пальчиками вытащила из бумажника предполагаемый фотоснимок.

Учащённо задышав, словно человек, входящий в газовую камеру, Шейла очень медленно, оттягивая каждую секунду, развернула фотку лицом к себе. Что ж, она не ошиблась. Этот прямоугольный кусок плотной глянцевої бумаги и впрямь оказался фотографией. Сглотнув, девочка поражённо уставилась на... На себя. Внутри у неё всё оборвалось. С фотки на неё смотрела, весело улыбаясь, она сама.

Обычная цветная фотография. Нет, отстранённо, словно наблюдая за собой со стороны, поправила Шейла, это не обычная фотография. Далекое не обычная. Она поднесла снимок как можно ближе к изумлённо распахнутым глазам. Луч фонаря переломился, и на лицо

девочки упала тень. Такая же, если не чернее, тень упала на её душу. Точно. Это совсем не простая фотография. Этот снимок... Этот снимок... По щекам девушки потекли самые обидные и горькие из всех возможных слёзы.

Это не фотография. Это конец. Конец их дружбе. Конец их близким и доверительным отношениям. Финал затянувшейся трагедии, грозящей обернуться постыдным чудовищным фарсом. Конец родственным чувствам и сестринской любви... Шелли всхлипнула. Верхняя губа девочки жалобно сморщилась, пальцы, сжимающие роковую фотографию, задрожали, подбородок мелко затрясся. Всё... В одночасье всё изменилось и обратного уже не воротить. Не вернуть! Никогда. Внизу живота образовался противный ледяной ком, заморозивший, казалось все внутренности.

Шелли тихонько плакала. Беззвучно, давясь и сглатывая слёзы. А на снимке она была такой радостной. Такой счастливой и довольной жизнью! Алан только вернулся из армии. Мама постоянно улыбалась. Даже отец, нет-нет, да и одаривал непутёвого сына благосклонной улыбкой. Шелли попросила Монику, чтобы та сфоткала её на заднем дворе, на фоне любимых маминых розовых клумб. Был тёплый майский денёк, погода была замечательной, а настроение Шейлы радостно-возбуждённым. Надо ли говорить, что и снимок вышел просто чудесным. Она, в обрамлении цветущих кустов, с распущенными по плечам густыми чёрными волосами, заразительной, немножко лукавой улыбкой и смеющимися из-под чёлки огромными синими глазами.

Она подарила эту фотографию Алану. И... И забыла о ней. Алан спрятал фотку и сердечно поблагодарил младшую сестрёнку. А она забыла. Снимок просто вылетел из ветреной девичьей головы. И сейчас вот всплыл. Нежданно-негаданно. Очень неожиданно и не вовремя. Но она видела эту фотографию и раньше.

Шелли всё вспомнила. И сердце её рвалось на части от обжигающей боли.

Она видела эту фотку. Уже после того, как подарила Алану.

Из груди Шелли вырвался громкий мученический стон.

В ванной.

Когда случайно застукала брата мастурбирующим.

В руке у него был порно журнал с вложенной в разворот фотографией.

ЭТОЙ фотографией. Алан возбуждался, глядя на снимок собственной младшей сестры.

Девушка, в которую он безоглядно влюблён, это она.

Мир вокруг Шейлы разрушился. Фотография, которую она держала, внезапно показалась мерзкой, пошлой и грязной, как самый развратный порноснимок. Отбросив фотку прочь, Шелли упала ничком на кровать и разрыдалась. Громко и безудержно. Рыдания рвали на части её ударенное в самую суть сердечко и выворачивали наизнанку оплётанную душу.

Это было невероятно, жутко и отвратительно, но Алан, милый, добрый, заботливый, нежный Алан, старший брат, готовый умереть за неё, ЛЮБИТ её! Извращённо любит свою родную сестру, как женщину, как жену, как любовницу... Он любит её!

И это было ужасно. Он был странным, да. И только сейчас сотрясающаяся в надрывных рыданиях Шелли поняла, что вдобавок ко всему Алан был болен. Давно и серьёзно.

Глава 22

Всё время, что заняла дорога от разгромленного домика Дейзи Хилл к старинному особняку Фредерика де Феса, Алан удручённо молчал. Юноша сидел впереди, рядом с водителем, мрачно пялясь в лобовое стекло. Уолтер, благоразумно воздерживаясь от ненужных вопросов, сосредоточенно вёл машину, часто посматривая по сторонам. На взгляд доктора, тихие, погружённые в сумерки, улочки Хеллвила таили в себе немало опасных сюрпризов. Не хотелось бы, чтобы очередная пакость свалилась, как снег на голову. Вот и приходилось, напрягая зрение, смотреть в оба из боязни проворонить очередное проявление враждебных сверхъестественных сил.

От замкнувшегося в себе Алана, как понял врач, на данный момент проку было с гулькин нос. От притихших на заднем сидении Кейт и Бинго и того меньше. Мисс Симмонс, воспользовавшись удобно подвернувшимся случаем, задремала, уронив растрепанную головку на плечо. Уолтер видел в зеркало заднего обзора, как вздрагивают во сне пушистые ресницы девушки. Наверняка ей снилось что-то тревожное. Впрочем, ничего удивительного в этом и не было.

Арлекин, будто поддавшись заразившей всех обволакивающей тишине, самозабвенно, с упоением ковырялся в носу, при этом корча на редкость зверские рожи. Занятие полностью поглотило бывшего клоуна, и Бинго ни на что не обращал внимания, беззвучно шевеля нарисованными губами. Уолтер, видя столь вульгарное нарушение всех норм приличия и гигиены, сокрущённо покачал головой, но от комментариев воздержался. Главное, что несносный паяц молчит и не пытается во всеуслышание рассказать очередную дурацкую байку, приправленную фирменным, одному ему понятным юмором. Так что оно всё и к лучшему. Пусть хоть в заднице ковыряется, лишь бы молчал. Хотя и не желательно. Подобного зрелища Уолтер точно бы не выдержал.

В двух словах рассказав, что же произошло у домика Дейзи и чем всё закончилось, Алан велел Харрису ехать к Фредерику, ничего более не объясняя. Бинго на недоумённо вскинутые брови Уолтера неопределённо пожал плечами: мол, что тебе ещё сказать? Ситуация ясна, цель поставлена, дело осталось за малым, так что жми на газ и не задавай лишних вопросов. Кейт к тому времени уже посапывала, отрешившись от всех земных проблем, и Уолтер даже немного ей завидовал. Но ему то поспать в ближайшее время уж точно не светит.

Алан вертел в пальцах какой-то непонятный предмет, плоский с вытянутыми краями, небольшого размера. Доктор не сразу понял, что это полицейский жетон. Более того, бляха была заляпана чем-то тёмно красным. Чем-то, хмыкнул Харрис, ну конечно. Да кровь это и ни что иное. Снова кровь. Блейз сосредоточено крутил жетон меж пальцев. Подсохшая загустевшая кровь оставалась на руках юноши, но он словно и не замечал этого. Уолтер, покосившись на Алана, невольно поёжился. От угрюмо насупившегося молодого человека прямо-таки ощутимо веяло неотвратимо нарастающей угрозой. Юноша был словно налит бурлящей энергией, готовой в любую минуту вырваться наружу, сметая и круша всё и вся на своём пути. Оставалось надеяться, что Алан умеет целенаправленно управлять своей силой. Крайне не хотелось бы попасть этому загадочному, странному пареньку под горячую руку.

За поднятым стеклом проносились тёмные улицы, возбуждённо раскачивающиеся на

ветру деревья, словно вымершие, без единого огонька в зашторенных окнах дома. Создавалось обманчивое впечатление, что город опустел, что жители в панике бежали, оставив жилища на произвол судьбы. Пустынные улицы навевали апатию, погрузившийся в сумрак безумной ночи город вызывал страх. И над всем довлела тишина, изредка пронизываемая хлесткими порывами воющего ветра. И луна, иногда проблёскивающая на зачернённом низко плывущими тучами беззвёздном небе.

За всё время им не встретилось никого. Ни случайного прохожего, ни припозднившейся машины. В эту ночь на улицах не могло быть случайных прохожих, поправил себя Уолтер, переключая скорость. Любого встреченного ими человека можно было бы смело заносить в чёрный список объектов повышенной опасности. Но улицы были пусты.

Игра в молчанку затягивалась, и напряжённая тишина ощутимо давила на нервы, но Уолтеру почему-то не хотелось быть тем, кто первым нарушит табу на разговоры, наложенное на салон мчавшегося по вечерним улицам автомобиля. Вон арлекин и тот сопит в две дырочки...

— Слушай, док, — раздавшийся над левым ухом приглушенный шёпот циркача прозвучал для Харриса выстрелом из аркебузы. Дьявол тебя побери, шут гороховый, мысленно ругнулся Уолтер, чуть не выпустив баранку из рук. — Я вот чего подумал...

— И что на тебя снизошло? Озарение? — скривил губы в кислой улыбке врач, посмотрев в зеркало. Отражение арлекина задиристо подмигнуло зелёным глазом.

— Тщательно проанализированные факты и своевременно сделанные выводы, — снисходительно пояснил Бинго. Он продолжал говорить шёпотом. Голос арлекина несколько терялся на фоне урчащего двигателя, но был вполне различим. — Я тут кое-что прикинул, прибавил и поделил, и получилась интересная штука.

С определённым усилием переварив в одночасье выданную Бинго информацию, Уолтер негромко сказал:

— Из всего тобой сказанного я понял только одно — ты и математика вещи абсолютно несовместимые. Ты хоть в школу-то ходил в детстве? Ну хоть в вечернюю?

— У меня самое зашибенное образование из всех возможных, — гордо приосанился арлекин. — Я закончил Гарвард с отличием. У меня красный диплом по филологии. Не веришь? Я сам рисовал!

— Так я и думал, — хмыкнул Уолтер.

— И что с того? Что с того? — завёлся Бинго, подпрыгивая на сидении. Кейт заворочалась и что-то пробормотала во сне. Арлекин тут же убавил голос на два тона ниже. И видит Бог, Уолтер был ему очень благодарен за это! — Подумаешь, образование... Знали бы вы, док, какая у меня была насыщенная жизнь!.. Любой выпускник Кембриджа позавидует. Улица может обучить не хуже, чем престижное заведение.

— Кажется, мы отвлеклись, — поторопился вернуться к прерванной нити завязавшегося разговора Уолтер. Не хватало ещё выслушивать воспоминания арлекина о днях далёкой юности.

— Мы завалили Мистера Невозможное, разобрались с каучуковым Джеком, грохнули некстати ожившее чучело омерзительного мутанта, — начал старательно загибать пальцы Бинго, — но дали уйти директору Старжински, исчезнувшему вместе с похищенным мальчиком в неизвестном направлении и совсем упустили из виду Леди-нож. Перевес по очкам как бы и в нашу пользу, однако, не следует забывать, что мы по-прежнему не владем информацией и продолжаем, образно выражаясь, блуждать во тьме.

— Как ты заговорил, — присвистнул Уолтер, не отвлекаясь от дороги и не поворачивая головы. — В тебе проснулся потомственный стратег?

Арлекин удручённо закатил глаза и сказал:

— Не свисти, док, денег не будет. Я не шучу. Наша слепота здорово всё осложняет. И в дальнейшем, если мы и дальше будем брести по этому руслу, дела будут обстоять всё хуже и хуже. И на счёт Эльвиры я не пустопорожне молол языком. Эта дамочка действительно очень опасна. Очень. Она настолько быстра, что дух захватывает. Представляете, на что она способна теперь, после изменений?

— Ты прав, приятель, — наконец-то заговорил Алан, оторвавшись от безучастного созерцания лобового стекла.

— О, наш великий немой дал о себе знать!

Блейз засунул испачканный кровью жетон в карман джинсов и, вытянув из бардачка пачку салфеток, вытер руки. Арлекин, оттянув жабо и почёсывая ногтем зудящую шею, с нескрываемым любопытством следил за молодым человеком. Ой-ой-ой, подумал Бинго, что-то уж больно серьёзным и задумчивым выглядит наш нестибаемый вождь. Не иначе, как задумал нечто курьёзное... Как бы его задумки не вышли боком нам всем. Бинго поправил жабо и озабоченно посмотрел в затылок долговязого юноши, словно надеясь достучаться до оставшихся глубоко внутри черепной коробки ещё здравых мыслей. Если они ещё остались, эти мысли.

— Так ты говоришь, что я опять попал в яблочко? — невинным тоном поинтересовался арлекин.

— Ты часто оказываешься прав, — своим ответом Алан невольно вогнал экс-клоуна в полнейший ступор.

Бинго неверяще вытаращился на Блейза.

— Док, нам чертовски повезло, что вы с нами! По-моему, у меня галлюцинации... Вы не могли бы измерить мне температуру? Нет, вы слышали, что сказал этот милый добрый паренёк?..

Харрис, прочитав в зеркале заднего обзора нарисованное на физиономии арлекина потрясённое недоумение, буднично сказал:

— К сожалению, слышал, и мне кажется, что температуру надо измерять вовсе не у тебя, а у нашего опрометчивого друга...

Одарив врача кривой улыбкой, Блейз сказал:

— Вы не ослышались. Единственный из нас, кто пока ни разу не ошибся, это именно Бинго. Не знаю, как ему удаётся, но пока что он идёт правильной дорогой. И нам следует идти за ним след в след. И почаще прислушиваться к его словам.

— Мне плохо... — простонал арлекин, безвольной тряпкой сползая по сиденью на пол летящего сквозь колдовскую ночь автомобиля. — Док, срочно доставьте меня в реанимацию.

— Может, лучше сразу в морг?

— Это у вас такой больничный юмор? — тут же выпрямился циркач.

Алан жестом остановил приговорившегося выдать достойный ответ Харриса и, обернувшись, выразительно посмотрел на дурачившегося арлекина. Бинго, своевременно почуяв перемену ветра, тут же стёр с подведённых чёрной краской губ дурашливую улыбку. Лицо Алан выделялось меж спинок кресел мертвенно бледным пятном.

— Расскажи мне всё, что знаешь, что помнишь о Рудольфе Старжински.

— Что конкретно ты бы хотел услышать, Алан Блейз? — в изменившемся голосе паяца

не осталось и намёка на веселье. На миг Уолтеру показалось, что на заднем сидении машины вместо арлекина расположился кто-то другой. Но возникшее было наваждение исчезло, растаяло, смешавшись с мечущимися по салону автомобиля суетливыми тенями.

— Я хочу знать, что он за человек.

— Я понял, что ты имеешь в виду... Но... Я многого не помню. Но одного мне не забыть ни при каких обстоятельствах. Маэстро Старжински опасен. Он не простой человек. Но у него есть уязвимое место, равно как и у тебя и у меня, у дока, да как у всех!

— Что общего может быть у меня с тобой, просвети, пожалуйста.

— Не ёрничайте, док, — ослабился арлекин. — Все мы люди. И директор Старжински, при всех его способностях, всего лишь человек. А это и есть самое уязвимое и слабое место любого из нас.

Алан откинулся на спинку кресла и неожиданно улыбнулся.

— Или самое сильное. Не обстоятельства куют волю человека, а он сам. Любую человеческую слабость при должном подходе можно обернуть в силу. Силу, которая сокрушит любые преграды. Надо только знать, как воспользоваться ею.

Бинго, наклонившись вперёд, заговорщицки прошептал на ухо Блейза:

— И что-то мне подсказывает, что ты отыскал способ, а? Старжински отлично играет в покер, он опытный и умелый игрок. И обыграть его на чужом поле будет очень трудно. Что у тебя припасено на этот случай?

— Туз в рукаве, — сказал Блейз, встретившись с разноцветными — один синий, второй карий — глазами арлекина. — Козырной туз.

— Старжински всегда играет крапленой колодой, — предупредил Бинго. — Но мы всё же нанесли ему ощутимый удар. Мы подрубили две из трёх поддерживающих его опор.

— Мне нравится, как он интерпретирует определение «мы», — пробурчал Уолтер, поворачивая автомобиль на двадцать седьмую улицу. Особняк де Феса был в самом её конце.

Алан завёл правую руку за спину, поправляя засунутый за пояс, поставленный на предохранитель древний револьвер, и сухо усмехнулся.

— Как я полагаю, главное испытание ещё впереди. Если ты говоришь, что Эльвира самая опасная из всей троицы подручных Старжински...

— Во-во! Она опасна, как гремучая змея в трусах, — часто закивал арлекин. — Эх, только бы разминуться с нею.

— А это навряд ли, — как показалось Бинго, равнодушно протянул Алан. — Она сама нас найдёт. Они нас найдут. Если мои расчёты верны, а они верны, то Шелли с Тёрнером и Дейзи должны быть уже у дяди Фреда. И не исключено, что Эльвира тоже находится там. Возможно, вместе с Рудольфом. Но они не смогут войти в дом. И поэтому они будут ждать нас. Мы для них как своеобразный пропуск. Билет в один конец.

Арлекин с нарастающей тревогой покосился на внешне невозмутимого, флегматичного юношу. Ох, нечисто дело, ох, не чисто!..

— И ты так спокойно об этом говоришь? Они хотят заполучить твою сестрёнку, а ты сидишь, преспокойно рассуждая со стороны о высших материях, как будто это тебя и вовсе не касается!

— Зачем им моя сестра, Бинго? — тихо спросил Алан с наполнившей голос тоскливой усталостью. — Зачем им Шейла? Для чего? Что нужно Старжински? И зачем ему Тони?

— Я не знаю, — растерянно прошептал арлекин, вжимаясь в сидение. — Прости, Алан, но я почти всё забыл. Я не знаю. И я очень устал. Правда.

— Мы все устали, Бинго, все, — блеснул чёрными угольками глаз Алан.

Почему-то последняя произнесённая юношей фраза прозвучала для Бинго более глубокой и двусмысленной, чем могла показаться на первый взгляд. У циркача возникло ощущение, что Алан имеет в виду нечто совсем иное, что-то более давнее и личное.

Двухэтажный старинный особняк суровым скальным утёсом нависал над ними. Родовое гнездо Де Фесов выглядело неприступной крепостью, несокрушимым последним оплотом. Одиноким воином, решившим в одиночку противостоять наступающим со всех сторон силам зла. Сумрак обволакивал каменные, покрытые выющимся плющом стены. Вечерние тени играли наперегонки с ветром на многочисленных скатах черепичной, позеленевшей от времени крыше. Окна второго этажа зашторила темнота. На первом приглушенно светилось два больших кухонных окна. Казалось, возносящиеся к ночному небу остроконечные шпили с закреплёнными на концах флагштоков медными громоотводами царапают вспухшую брюшину низко стелящихся грязно-чёрных туч.

Четыре человека стояли напротив старинного особняка, перед массивной двустворчатой дверью. Холодный промозглый воздух хищно впивался в незащищённые одеждой участки тел, заставляя людей ёжиться и нетерпеливо приплясывать на месте. Озарённые уютно-желтоватым светом окна кухни сейчас как никогда манили к себе и приковывали взгляды. Воображение продрогших людей рисовало умиротворяющую картину собравшейся за столом в тесном кругу ужинающей дружной семьи. Блюда одни вкуснее других, в камине тихо потрескивают сгорающие дрова, неторопливо течёт размеренная лёгкая беседа, большая, подвешенная к стропилам потолка люстра окрашивает мягким горящим светом выходящие во внутренний двор окна...

Алан знал, что никакой семьи, собравшейся за нарядным кухонным столом, нет и в помине. Они без проблем и помех отворили кованную железную калитку, минуя окружающую владения Фредерика Де Феса высокую ограду, прошли по засыпанной хрустящим под ногами гравием дорожке и нерешительно замерли перед парадным входом.

Их никто не встречал и не караулил. Не было ни ловушки, ни хитро расставленной западни, ни замаскированного капкана, готового схлопнуться и впиться зубастой пастью в податливую плоть. У дома Фредерика их поджидала угрюмая тишина и два единственно горевших на весь особняк кухонных окна. Скорее всего, предположил Алан, дядя Фред, чтобы не заснуть, налегает на крепкий горячий чай. И, что ещё более вероятней, на кухне нет никого, кроме худощавого, с благородными точеными чертами лица одинокого старика. Старика, продолжающего упрямо ждать, верить и надеяться. Алан намеривался не подвести любимого дядюшку и по мере сил оправдать его надежды. У Блейза имелись все предпосылки к этому. Он рвался в этот дом, стремился к нему, жаждал поскорее увидеть сестру и дядю, но... Когда он был буквально в шаге от заветной цели, то почему-то неуверенно, словно чего-то испугавшись, застыл, беспомощно уставясь на запёртую дверь.

— Я, конечно, прошу прощения, но не будите ли вы столь любезны, благородный сэръ, кхм, кхм, объяснить... — Бинго, напяливший на голову шутовской колпак с мелодично позвякивающими бубенчиками, свирепо поглядывал на пребывающего в непонятной прострации высокого юношу, — какого чёрта лысого мы торчим у этой треклятой двери добрых десять минут?! Только не говори, что ошибся адресом, и мы как банда неприкаянных придурков оббиваем порог совершенно незнакомого дома, принадлежащего чужим людям! Шутка в духе старого доброго Весёлого клоуна Бинго, ей-богу. Но я сейчас не

в том настроении, чтобы покатываться со смеху!

— Совсем не похоже на тебя, — Уолтер посмотрел на арлекина. — Но сейчас я согласен с тобой. Алан, как видно, знал, о чём говорил, когда заявлял о твоей прозорливости. Поэтому у меня автоматически всплывает вопрос непосредственно к Алану. И впрямь, какого чёрта, дружище? Что на тебя нашло? Стучи в дверь, нажимай на звонок, дай знать Фреду, что мы приехали.

— У меня есть ключ. Мы не будем звонить, — Алан повернулся спиной к оббитым полосками бронзы дубовым дверям и посмотрел на обступивших его товарищей: непонятно от чего задёргавшийся Бинго, спокойный, уверенный в себе Уолтер, заспанная, и, как видно, порядком измотанная Кейт. — Извините меня... Просто я немножко призадумался. Не более того. Всё хорошо.

— Чегой-то мне после твоих слов окончательно похужело, приятель, — арлекин картинно заломил руки и натянул звякнувший колокольчиками колпак по самые уши. — Умеешь ты успокаивать, ничего не скажешь!

Кейт, в лёгкой кофточке, дрожащая как осенний листочек, на холодом воздухе, переступила с ноги на ногу и прислушалась к внутренним ощущениям. Тупая, ноющая боль заворочалась, просыпаясь, и лениво, на пробу укусила за израненные ступни. Девушка невольно вздрогнула и бросила на Алана умоляющий взгляд. Ну что же ты тянешь, прочёл Алан в жалобных голубых глазах,пусти же нас в дом... Впусти. Впусти нас в дом. У Блейза возникли достаточно неприятные ассоциации. Он постарался как можно быстрее прогнать возникшие нехорошие мысли прочь. Он не хотел ставить знак равенства между друзьями и изменившимися порождениями с другой стороны.

Сунув руку в задний карман джинсов, Алан выудил нанизанный на колечко причудливо выпиленный ключ с множеством завитушек и мелких зубчиков. Взгляды окружающих немедля прикипели к диковинному предмету. Алан позволил себе неуловимую улыбку. Он вполне понимал охватившее ребят удивление.

— Эй, это ещё что за Золотой Ключик, мастер Пиннокио? — Бинго аж привстал на цыпочки, протискиваясь вперёд. — Классная штука, ни разу таких не видел!

— Чувствую, что здесь не обошлось без старины Фреда, — Уолтер, которому один из рогов колпака арлекина нахально мазнул по лицу, заметил потеплевший взгляд Алана.

— Ты прав, док. Дядя Фред сам изготовил и врезал все дверные замки в особняке. Он же изготовил и ключи к ним. У нас с сестрой есть свои, личные экземпляры, и мы можем открыть практически любые двери в доме.

Бинго охотничьим псом тут же вцепился в слова юноши.

— Практически или любые?

— Дядя никому не позволял без его присутствия входить в мастерскую, — нехотя ответил Блейз. — От мастерской существует только два ключа. Один всегда находится у Фреда, второй был у тёти Урсулы. Она единственная, кто пользовался безоговорочными привилегиями. Наверно теперь у дяди оба ключа.

— Ну и заморочки! — восхитился арлекин. — Прямо как в детективном фильме!

Блейз оставил последнюю реплику Бинго без внимания и подошёл вплотную к двери. Больше не колеблясь, он вставил ключ в замочную скважину и плавно повернул два раза против часовой стрелки. Издав тихий, едва уловимый щелчок, замок открылся.

— Я первый, — только и сказал Алан, потянув на себя тяжёлую створку двери.

От Уолтера не укрылось, что юноша никого из них не пригласил следовать за собой.

Что за партию ты начал, дружище, настороженно подумал доктор, ласково беря Кейт за руку. И какой будет ставка в твоей игре?

Алан поскрёб заросшие жёсткой чёрной щетиной щёки и, повернув кран, открыл горячую воду. Сполоснув руки и умывшись, юноша вытерся приготовленным чистым полотенцем. Не вставая из-за стола, Фредерик Де Фес молча наблюдал, как племянник плещется в кухонной мойке. Поблекшие глаза старика выражали безмерную отеческую теплоту. Повесив полотенце на крючок, Алан обернулся и вымученно улыбнулся.

— Похоже, мы таки заставили тебя поволноваться, дядя.

— Не скрою, я постарел лет на десять, — морщинистое лицо Фреда осветила понимающая усмешка. — Одна твоя сестра чего стоит! Девчонка способна запросто поставить на уши всю округу. В ней сосредоточенно множество скрытых талантов, о которых я раньше и не подозревал.

— Как она? — отодвинув стул, Блейз уселся напротив старика, свободно вытягивая под столом ноги.

Неопределённо пожав плечами, Фред, одетый в домашний халат, встал из-за стола и прошаркал к плите. На пышущей синим огнём конфорке, пыжась и посвистывая, закипал чайник.

— Я думаю, уже лучше. Бедняжка сильно вымоталась и устала. Я, не откладывая в долгий ящик, разогнал всех по комнатам. Энди пришлось оставить в холле, он ещё очень слаб, так что пришлось дать ему успокоительного. Дейзи в комнате для гостей. Шелли спит в своей спальне. Держу пари, она заснула ещё раньше, чем коснулась головой подушки.

— Она крепкая девочка, так просто её не сломить, — с нежными нотками в голосе сказал Алан, подставляя под струю кипятка чистую пузатую чашку.

Вернувшись за стол, Де Фес подвинул к Алану сахарницу и корзиночку с ватрушками. Горячий чайник был торжественно водружён на подставке в центре стола, чтобы не бегать за добавкой к плите. Из носика вырывалась облачко рассеивающегося пара.

— Ты считаешь, Уолтер и Кейт смогут поделить одну комнату на двоих?

Расколов сахар, Алан сделал пробный глоток и, оставшись довольным результатом, несколько удивлённо посмотрел на старика. Вопрос-то был риторическим!

— Не удивлюсь, если после всего случившегося эта парочка решит узаконить свои отношения.

— Кейт хорошая девушка, — отхлебнув из своей чашки, кивнул Фред. — Уолтеру давно пора жениться и, по-моему, он наконец-то и сам это понял.

— Нельзя насильно заставить человека изменить свою судьбу, свою жизнь, — нахмурился юноша. — Он сам должен решать, что для него лучше. А бывает так, что судьба решает всё за тебя.

— Вроде того, что сердцу не прикажешь?

В тёмно-карих глазах Алана едва уловимо проскользнули грустные отблески. Сильные узловатые пальцы юноши плотно обхватили горячую кружку. Но Алан не чувствовал обжигающего кожу фарфора.

— Сердце — самая бесполезная и глупая штука на свете. Вечно норовит всё сделать по-своему.

— Сердце делает человека благородным, честным и мужественным, — возразил Фред, пристально глядя на помрачневшего племянника.

— Бывает, оно предаёт тебя, — тихо сказал Алан. — Вырывается из-под контроля и берёт бразды правления разумом в свои руки.

— Так может не стоит всё время скрывать рвущиеся на свободу чувства в себе? — в мудрых понимающих глазах Фреда Алан увидел осуждение.

— Есть одна вещь, что сильнее сердца, дядя.

— Что же это?

— Наша честь. Верность слову.

Проглотив показавшийся горьким чай, Алан опустил голову.

— Право, сынок, я не знаю, что и сказать...

Протянув длинную руку, Алан взялся за дужку чайника и наполнил ополовиненную чашку.

— Ты бы поел, Алан. Булочки просто объедение. А на тебе лица нет, скоро останутся одни кожа да кости.

Блейз, с видимым безразличием достал из корзинки румяную булочку и впился зубами в хрустящий бочок. Прожевав кусок сдобы, молодой человек зашарил глазами по столу в поисках кухонного ножа. Желудок Алана, пуская слюну, требовательно заурчал и подсказал, что было бы совсем неплохо намазать булочку маслом. Не колеблясь долго, юноша практически беспрепятственно дал себя уговорить. Основательно подкрепиться совсем не помешает.

— Кстати, на счёт этого сомнительного парня... Как там его, Бинго вроде, да?

— Угу, — справившись с первым куском, Алан отхлебнул чаю и, промочив горло, сказал: — Он самый, Весёлый Клоун Бинго. Заодно один из изменившихся. Правда, с ним этот дьявольский фокус не прошёл. Парень изменился совсем в другую сторону...

— Я заметил, — поджал губы Де Фес. — Но всё равно он меня настораживает. Единожды запятнав себя ложью, навеки сльвёшь лжецом. Этот парень... Наверняка он совершал в своей прошлой жизни поступки, которыми нельзя гордиться. Ты не задумывался об этой стороне медали?

— Любой из нас своими нынешними поступками может изменить как представление о себе, так и самого себя, — лицо Блейза упрямо затвердело. — Важно то, что и кого ты представляешь собой теперь. Я уверен, что Бинго и в прежней жизни был не таким уж плохим человеком. Он говорит, что многое забыл, мало что помнит из прошлого. И я не думаю, что он лжёт.

— Ты неисправимый добряк, парень, — признавая своё поражение, сказал Фредерик. — За это я тебя и люблю. За неистребимую веру в торжество человеческого разума и в надёжную дружбу. Таким и оставайся. Нож?

— Да, дядя, и масло, пожалуйста. Я не хотел тебя просить, но, признаюсь, мне совсем не хочется подниматься. Устал я что-то.

— Даже и не вздумай вставать! Твой старый дядюшка ещё не настолько дряхлая развалина, чтобы не суметь подняться и принести тебе нож.

Фред прошлёпал тапочками по выложенному гранитными плитами полу до магнитной доски, закреплённой над разделочным столом и, сняв один из ножей, вернулся обратно, попутно захватив из холодильника вазочку с аппетитными кусками свежего сливочного масла.

Улыбнувшись, Алан поблагодарил старика и принялся сооружать большущий бутерброд, ловко орудуя острым ножом...

Спустя несколько секунд, когда на отрезанный кусок булочки был намазан густой слой масла, а сверху лёг ломтик сыра и кружок колбасы, Блейз поймал себя на мысли, что что-то не так. Замерев с ножом в одной руке и бутербродом в другой, Алан недоумённо перевёл взгляд на невозмутимо прихлёбывающего остывающий чай Фредерика. Старик ничего странного и подозрительного не замечал. Но Блейз доверял своей интуиции больше, чем глазам. И если он пока ничего не видит, то это не значит, что ничего и не происходит.

Блейз внимательно посмотрел на столовый нож. Нож как нож, удобный, блестящий и красивый. С ножом всё было в полном порядке. Чёрные брови Алана сошлись на переносице, тёмные глаза изумлённо расширились, когда он понял, что смотрит совсем не туда! Взгляд юноши переместился к магнитной доске. В голове зазвенели тревожные колокольчики, как на дурацком шутовском колпаке Бинго.

Вот оно. Алан механически поднёс бутерброд ко рту и так же механически надкусил, уже не чувствуя вкуса. Он расслабленно откинулся на спинку мягкого стула, ожесточённо двигая челюстями. На магнитную доску он больше не смотрел. Он увидел вполне достаточно.

На доске, среди десятка кухонных ножей, висел один, в корне отличающийся от остальных. Небольшой, узкий клинок, с обоюдоострой режущей кромкой и короткой пустотелой рукоятью. Нож, предназначенный для метания.

Цирковое шоу, акт третий, жуя потерявший вкус бутерброд, подумал Алан. К нам пожаловали гости. Зашибись.

В дверь стучали едва слышно, осторожно, но настойчиво. Настойчивость с каждой секундой переходила в навязчивость. Шелли, успев вернуться в свою комнату, мысленно послала всех незваных гостей к чертям собачьим. Повалившись ничком на заправленную постель и уткнувшись в подушку мокрым от слёз лицом, она не хотела никого видеть. Не видеть, не слышать, не разговаривать. Девочка не хотела жить. Ну, пожалуйста, ну оставьте все меня в покое! Не мешайте мне! Не трогайте меня! Однако её молитвы не достигли адресата и монотонный, как затянувшийся дождь, стук в дверь не прекращался.

— Никого нет дома, — не поднимая лица, глухим, гундосым голосом отозвалась Шейла, раздражённо дрыгнув ногой. — Я сплю.

Кто бы это мог быть? Дядя, Дейзи, Энди?.. Нет, Энди наиболее сомнительная кандидатура из всех трёх. Но, пожалуй, единственный, кого бы заплаканная девушка сейчас согласилась увидеть, был как раз Энди. Но он не мог стучать в дверь её спальни, потому что находился без сознания, забывшись в оздоровительном сне на первом этаже старинного особняка.

— Уйдите, пожалуйста, — прошептала она, касаясь искусанными губами влажной от слёз подушки.

— Ой, а уже было поверил, что тебя нет дома, и ты спишь где-нибудь за углом! — донеслось из-за двери.

Шейла вскинула растрёпанную голову, недоверчиво посмотрев через плечо. Голос был ей незнаком! Кто же это? По телу девочки пробежали мурашки. Она села, поджав под себя ноги, и срывающимся от волнения голосом спросила:

— Кто там?

— Я.

— У тебя есть имя, Я?

— Я, я, зер гут! Хе-хе! — сдавленно захихикали за дверью. На затылке девушки зашевелились волосы. Что ещё за весельчак завёлся в доме дяди Фреда?

— Как ты зашёл в дом? Кто тебя пригласил? — отважилась на двусмысленный вопрос девочка.

— А мне не требуется особое приглашение! Я не из всяких там...

— Каких же это?

— Я хороший.

Помимо воли Шейлу обуяло жгучее любопытство. Забавный у них завязывается разговор. Напоминает беседу двух сумасшедших. Девушка спрыгнула с кровати и подошла к двери. Но поворачивать торчащий в замочной скважине ключ не торопилась.

— А ты не врёшь?

— Если бы ты меня увидела, то поняла бы, что такой парень, как я, просто не способен на ложь и плохие поступки, — последовал несколько приглушенный дверью ответ.

— Но ты так и не сказал, как оказался в доме дяди Фреда! Ты его друг?

— Э-э-э... Я бы так не сказал. Старикан очень подозрительно косится на меня, что в принципе исключает дальнейшее развитие наших дружественных отношений. Скорее я друг его племянника.

— Алана?!

— Вот-вот, именно его, этого вечно насупленного долговязого парня. Ты случаем не знаешь, почему у него постоянно такой видок, словно он подавился комаром размером с кулак?

При упоминании имени брата (родного любимого брата!) у Шелли по спине проползла ледяная змея, а непонятный страх захлестнул горло. Девочка едва не задохнулась от неожиданных, горным водопадом обрушившихся на неё столь сильных, берущих за живое эмоций. Что происходит?! Она начала бояться собственного брата, человека, который долгие годы был её лучшим другом и надёжным защитником?.. Что же это творится?.. Из пронзительно синих глаз девочки градом брызнули обидные слёзы. Схватившись за дверную ручку, девочка, не сдерживаясь, зарыдала в голос, сотрясаясь всем телом. Боже, ну почему всё сложилось именно так?!

Неожиданно, и это потрясло Шейлу не меньше, чем обострённая реакция на произнесённое незнакомцем имя брата, ключ в замочной скважине провернулся сам собой, и дверь бесшумно отворилась... Поражённая, девочка отпустила круглую ручку и попятилась назад, мало что видя из-за застилающих глаза слёз.

На пороге комнаты возникла тёмная фигура. Невысокая, субтильная и чудная. Торопливо протерев глаза, Шейла рассмотрела странный костюм, наподобие циркового трико, обтягивающего худосочного гостя, пышное жабо и в довершение всей нелепой картины трёхрогий колпак на взъерошенной голове. Больше всего этот недомерок похож на шута, решила девочка, с натугой проглотив вставший поперёк горла комок.

— Привет, меня зовут Бинго. Мы уже встречались в цирке на представлении, — вежливо улыбнулся шут. — Не бойся, все мои бывшие причуды остались в далёком прошлом.

Войдя в комнату, Бинго захлопнул за собой дверь и, в мгновение ока оценив ситуацию, протянул изумлённо тарашившейся на него девочке носовой платок размером с наволочку, изящным жестом сотворив платок из воздуха. Повинуясь щёлкнувшим пальцам арлекина, на прикроватном столике зажглась лампа, озарив жёлтым светом часть погружённой во тьму комнаты.

Судорожно вцепившись в платок, Шейла безвольно опустила на кровать, утирая распухший нос и потрясённо глядя на Бинго. Бывший клоун осторожно присел на краешек постели, закинув ногу на ногу, и участливо сказал:

— Ты плачешь. Я не буду спрашивать, почему. В конце концов, любой имеет право на слёзы. И господь ещё не отменял этого права. Поэтому никто не вправе запрещать нам плакать тогда, когда нам этого особенно хочется.

Высморкавшись и промокнув глаза, Шейла робко спросила:

— Можно пока твой платочек побудет у меня? Чувствую, он мне ещё понадобится.

— Да ради бога! — отмахнулся Бинго. — Если понадобится, я ещё сделаю. Я многое забыл, но кое-какие навыки не растерял... М-да.

Теперь, в свете ночника Шелли как следует разглядела лицо позднего гостя. И точно, вылитый арлекин. Обильный белый грим, грустная улыбка, нарисованные чёрные слёзы. Поддавшись неожиданному порыву, Шейла протянула руку и дотронулась до одного из украшающих рожки колпака колокольчика. Колокольчик незамедлительно отозвался хрустальным звоном.

— Как рождественские бубенцы, — улыбнувшись воспоминаниям детства, сказала Шелли.

— Хочешь сказать, что я похож на оленя? — обнажил в широкой ухмылке крупные лошадиные зубы арлекин.

— Ты чудной.

— А ты несчастна. Что случилось, Шейла Блейз?

— Меня предали.

— Кто?

— Родной брат. Меня предал лучший друг, понимаешь?! Меня предал Алан!

Бинго не помнил, в том числе и когда в последний раз сильно удивлялся. И удивлялся ли вообще. Но как бы там ни было в прошлом, сейчас он удивился на полжизни вперёд. Вообще-то, Бинго просто офанарел. И впервые на своей памяти потерял дар речи.

— Э-э-э... — пожевав губами, промямлил арлекин. — Это... Крошка. Ну, большая крошка! Можно даже сказать, окрошка, хе-хе... Короче, тебе не кажется, что ты делаешь чертовски скоропалительные выводы?

Шелли, комкая подрагивающими пальцами носовой платочек, яростно зыркнула на посмевшегося усомниться в её правоте собеседника. В возмущённых синих глазах девочки Бинго увидел озёра кипящей лавы.

— Понял. Не кажется, значит, хм. Понимаешь, маленькая мадам, я сдружился с твоим братом не так уж и давно... Точнее, нашей дружбе всего несколько часов отроду, но! Но! Я могу с большой уверенностью сказать, что то, что нас связало — именно дружба, а не всякие там партнёрские взаимовыгодные отношения. Пусть я и не очень хорошо, в отличие от тебя, знаю Алана, но, на мой взгляд, он не из тех, кто предаёт и подставляет! Тем более собственную родную сестру! Не тот Алан человек, совсем не тот.

— Правильно, он совсем не ТОТ человек, — безжизненным голосом отозвалась Шейла задирая носик и не давая новым слезам сорваться с ресниц. — Алан оказался совсем другим, не тем, каким я его себе представляла! Он обманывал меня. Обманывал всю жизнь. Он всех обманул...

Бинго в отчаянии едва не сплюнул на пол и сердито уставился на Шейлу синими глазами.

— Слушай, перестань морочить мне голову! Что на тебя нашло?! С чего ты взяла, что Алан дурит тебя и всю округу? Как он умудрился в одночасье предать тебя и стать врагом общества номер один? Что за наезды на моего другана? Учти, я приму только логически обоснованные объяснения. Не принимай меня за простачка. И не смотри на мой костюм и размалёванную рожу. Мозги у меня ещё не зацвели плесенью. На пустопорожний лепет обиженного ребёнка я не поведусь.

Шелли вся сжалась, словно в испуге, враз став настолько беззащитной, обиженной и одинокой, что у Бинго навернулась на пожелтевшем глазу огромная, с виноградину размером, прозрачная слеза. Верхняя губа девочки причудливо изогнулась и жалобным голосом Шейла потерянно произнесла:

— Алан любит меня... Вот в чём вся проблема.

— Не понял. Прости, но я далеко не молод, хоть и выгляжу свеженьким огурчиком. Слух у меня не тот, что раньше... Что ты сказала, повтори, пожалуйста, для дядюшки Бинго?!

— Мой брат любит меня, — Шелли покраснела, как маков цвет. Заалели даже проглядывающие сквозь распущенные по плечам волосы кончики слегка оттопыренных ушей.

— Но это же просто здорово! Замечательно! Классно! — подпрыгнув на кровати, будто ему вlepили в зад заряд дроби, завопил арлекин. — Алан любит тебя, ты любишь его, всё ЗДОРОВО. Я люблю вас обоих. Я не понял, детка, в чём проблема?

— Да, ты ничего не понял! — повысила голос красная, как вареный рак, Шейла, стараясь не встречаться с Бинго глазами. — Ты ни хрена, мать твою, не понял! Понял?

— Теперь точно ничего не понял, — икнув, опешил арлекин. — Дальше поподробнее, о'кей?

Вздыхнув, полная трагизма и отчаяния, Шейла свела вместе коленки и с плохо сдерживаемой болью в голосе сказала:

— Алан любит меня. Не как сестру, и не как друга, Бинго. Ты не против, что я перешла на ты?

— Нет-нет, что ты! Что ты... После того, как прошлась по моей матушке...

— Алан любит меня как женщину. Как ЖЕНЩИНУ, понимаешь?.. Боже милосердный никак не могу поверить, что я говорю это! Что рассказываю о таких ужасных вещах первому встречному. Я не могу поверить, что это всё происходит со мной... Что ЭТО вообще произошло. Странно, а ведь сейчас, вспоминая всё, что было между нами в прошлом, я начинаю многое понимать. И многие факты, ранее казавшиеся мне незначительными и второстепенными, сейчас приобретают смысл. Да ещё какой! Я словно просыпаюсь от затяжного летаргического сна... И оказываюсь в ещё более худшем кошмаре. В кошмаре, просочившемся в реальную жизнь. Ха! Ты можешь себе это представить?..

Не смотри на меня, как на спятившую дуру, Бинго. Я не сошла с ума. С ума сошёл мой брат. Мой родной любимый брат. Человек, которым я всегда восхищалась, которого всегда поддерживала и любила. Чёрт, да я же боготворила его! Он был для меня олицетворением всего хорошего, что может быть сосредоточено в одном человеке. Он был примером... Алан был странным. Теперь мне становится ясно, почему у него никогда не было девушки и почему он ни на кого другого не смотрит. А зачем? Зачем?! Зачем ему смотреть не кого-то ещё, когда совсем рядом есть смазливая младшая сестрёнка?.. А сколько раз он как бы невзначай прикасался ко мне? Когда делал массаж, когда выдавливал прыщики... А целуя на

праздники и на ночь? Мне всегда казалось, что его поцелуи несколько более горячие, чем обычные братские. Но я думала, это потому, что у Алана тонкая ранимая натура. Он казался таким сентиментальным...

А получается... Получается, что он просто лапал меня! Лапал и мысленно насиловал. Бинго, что мне теперь делать, что?.. Я чувствую себя такой грязной, такой... Дешёвой. Что делать, когда твой старший брат любит тебя, делая из тебя идола, кумира? Что делать, когда твой лучший друг всю жизнь скрывает истинную сущность, нося лицемерную маску? Что делать, когда твой любимый брат не сводит с тебя жадных глаз? Что делать, когда он дрожит на твою фотографию?.. Что?!!

Последние слова девочка выкрикнула, вырвала из себя, из надруганной души, словно выдирая с корнем. Из глаз Шейлы ручьём побежали горячие слёзы. Рыдая, девочка обхватила себя поперёк живота обеими руками и упала на покрывало.

Последние слова Шейла выкрикнула в пустоту. Потому что Бинго, с каждым мгновением всё больше округляя глаза, под конец рассказа трижды поменялся в лице и с протяжным «е-ё-ё мо-ё-ё» под мелодичный перезвон колокольчиков брыкнулся с кровати на пол. Грохнувшись на палас, арлекин некоторое время пребывал в полной прострации, изображая симптомы глубочайшего обморока.

Так они и лежали, каждый на своём месте. Шелли, плача и постанывая, сотрясаясь всем телом, на постели, Бинго — подающий первые признаки жизни, на полу у кровати.

— Твою мать, — выдавил из себя циркач, заползая обратно на кровать. — Если хотя бы половина из услышанного мною, правда, то у нашего общего друга серьёзные проблемы с головой! Блин, да он даже на меня посматривал как-то странно. Слушай, крошка, тебе надо бы поговорить с братишкой с глазу на глаз. Нет, правда. Дальше затягивать всё это дерьмо непростительно и опасно. Ну, дела... Хм, пожалуй, ещё два дня назад подобная история меня бы дьявольски развеселила. Но сейчас... Плакать хочется.

Бинго сконфуженно умолк, краем глаза смущённо поглядывая на хныкающую девочку и не зная, как её успокоить, как утешить, как прекратить эти нескончаемые слёзы. Арлекин неловко коснулся лодыжки скорчившейся в позе эмбриона Шейлы и ободряюще сказал:

— Я с тобой. Но не стесняйся меня. Дай волю слезам. Плачь. Плачь, детка. Иногда это единственное, что нам остаётся...

Дейзи Хилл снился кошмарный сон. Это был худший кошмар в её жизни. Бред воспалённого истерзанного подсознания. Выплеск сводящих с ума видений. Ей снился сын. Ей снился Тони и конец света. Конец всего, что было дорого ей, что окружало с самого детства, что наполняло жизнь смыслом.

Тони на фоне всеобщей разрухи и повергнутых в прах строений. Маленький, испуганный, дрожащий на сбивающем с ног ветру мальчик с глазами беззащитного оленёнка. За спиной Тони бушевало пламя вселенского пожара, с треском пожирая руины рассыпавшихся зданий. Небо заволочли чёрные жирные тучи, зарево пожара расписывало тучи в багряные мерцающие тона. Устремлявшиеся ввысь клубы густого, едва ли не осязаемого зловонного дыма органично вплетались в низко нависающее над пепелищем вспученное грозное брюхо.

Тони смотрел прямо на неё. По щекам мальчика бежали слёзы, в больших глазах отчаянным безответным криком застыл немой вопрос: мама, когда ты меня заберёшь отсюда? Когда ты меня спасёшь, мама?.. Мне так одиноко и плохо. Мне страшно! Мама!..

В горящих вокруг сына агонизирующих развалинах Дейзи узнала родной город. Это горел Хеллвил. И Тони вот-вот должен был сгореть вместе с городом.

Проснувшись в поту, с бешено колотящимся сердцем и постепенно истаивающим перед внутренним взором видением ужасающей картины, Дейзи первое время не могла понять, что происходит и где она находится. Спустя несколько воистину жутких в своей неопределённости мгновений, девушка, осознав себя съёжившейся под одеялом на кровати в гостевой комнате огромного особняка Фредерика де Феса, перевела дыхание и, приподнявшись на локте, зашарила правой рукой. Найдя в темноте поставленный на прикроватный столик ночник, дёрнула за шнурок.

Брызнувший из-под абажура свет озарил желтоватым маревом осунувшееся, с мешками под глазами, покрытое испариной лицо Дейзи. Резвящиеся на кровати тени, съёжившись, торопливо забились в самые тёмные участки комнаты. И остались там, настороженно наблюдая за проснувшейся, вырвавшейся из цепких липких объятий ночного кошмара девушкой...

Смежив веки, шурясь от показавшегося необычно ярким света лампы, Дейзи откинула одеяло и села, согнув ноги и обхватывая колени руками. Положив подбородок на колено, Дейзи застыла, уставившись в одну, видимую только ей точку. В комнате было тепло, но девушку знобило. Тонкая ночная рубашка не спасала от пробирающего до внутренностей непонятного холода.

Тони в огне. Одинокая щуплая фигурка на панораме сошествия целого города в ад. Хаос был готов поглотить Хеллвил, а вместе с городком и каждого из его жителей. Не видела Дейзи сна более страшного, чем этот. Сон выглядел очень реалистичным, очень живым. Он потрясал и вселял ужас. Душа Дейзи, стена, корчилась от боли. Девушка и не заметила, как по щекам, задевая уголки губ, потекли прозрачные дорожки солоноватых слёз.

— Где же ты, мой мальчик?.. — севшим, будто простуженным голосом прошептала Дейзи. — Почему ты не слушался меня?.. Я так тебя люблю, маленький... Мой сынок, я не смогу жить без тебя. Не смогу...

Алан... Даже ты не смог вернуть мне сына. Даже ты. И где ты сам? Тоже исчез? Пропал без вести? Дейзи боялась думать о самом плохом. Тони и юный Блейз были двумя самыми дорогими для неё людьми на свете. Потерять обоих значило потерять будущее. Она не представляла себе дальнейшую жизнь в полнейшем одиночестве. Бедная девушка и знать не могла, что юноша находится всего-то в считанных метрах от неё, в восточном крыле особняка, на кухне. Их разделял коридор и несколько комнат. Жалкие два десятка шагов. Но Дейзи не знала об этом. Для неё расстояние растянулось на многие дни и долгие мили.

Дейзи и знать не могла, что приснившийся ей кошмар готов в любую минуту обернуться ожившей явью. Что Хаос уже близко, намного ближе к миру живых, чем был когда-либо на этой, ограниченной городской чертой, земле. Или это Хеллвил приближался к Хаосу? Неважно. По сути, городок погружался в пучину чудовищных изменений. Хеллвил наполненным водой ведром шёл ко дну. И дна этого видно не было. И раз утонув, обратно подняться было уже невозможно. На этом терпящем бедствие корабле были билеты лишь в один конец.

На девушку напала апатия, глубочайшее безразличие ко всему сущему. Смирилась ли она с самым страшным? Готова ли она признать, что дальнейшие ожидание и надежда на чудо пусты и бессмысленны? Не проще ли сказать себе, что всё тщетно, что нет никакой надежды? Девочка, ты давно выросла и перестала верить в чудеса и божью справедливость,

когда погиб Шон... Всё так, отвечала себе Дейзи, беззвучно плача и ничего не видя из-за слёз. Всё так. Но почему я по-прежнему продолжаю надеяться и молить бога, в котором однажды разочаровалась? Почему я НЕ ХОЧУ верить в худшее? Потому что я мать? Потому, что я влюблена, как зелёная девчонка?..

Жить порой очень тяжело. Именно жить, а не вести имитацию жизни, подражая в своих действиях другим и создавая иллюзию настоящих, не запятнанных фальшью чувств. Зачастую воля к жизни уступает, склоняя голову перед усталостью, депрессией, болью, одиночеством, тоской. В такие моменты мысль о панацее, едином решении всех одолевших тебя проблем кажется как никогда заманчивой и привлекательной. Когда погиб Шон, Дейзи не раз и не два задумывалась о самоубийстве. Её спас Тони. Малыш дал обезумевшей от горя девушке волю к жизни, напомнив, что она не имеет права единолично распоряжаться своей судьбой. Что её маленький сын не заслужил потерять ещё и мать.

Она тогда многое поняла. Дейзи поняла, что сохранить жизнь намного тяжелее, чем потерять. Что решиться на жизнь требует гораздо большей смелости, чем подстёгиваемое торжествующей безнадёгой стремление как можно быстрее покончить «со всем этим».

Всхлипнув, Дейзи протёрла кулаками глаза. Так что же получается, что всё было зря? Боже, неужели она напрасно выбрала жизнь?

— Не верю, я не верю... — как заведённая зашептала девушка. — Я не верю.

Глава 23

Сославшись на усталость, Фредерик покинул кухню, посоветовав племяннику долго не засиживаться. Блейз напомнил, что у него времени вагон и маленькая тележка. В мире, где остановились стрелки часов, время потеряло былое значение. Улыбнувшись, Де Фес сказал, что времени никогда не бывает слишком много. Человек постоянно не успевает, вина во всех своих проблемах недостаток свободного времени.

Проводив скрывшегося в дверях старика понимающим взглядом, Алан запустил пальцы в длинные, давно не мытые чёрные волосы. Принюхался к собственному запаху. От него отчётливо и резко пахло потом. Принять душ было бы совсем неплохо. Совсем... Но Алан ни за какие коврижки не полез бы сейчас под струю горячей, смывающей пот и грязь кристально чистой воды. Нет, не полез бы. С наслаждением почесав ногтями макушку, Алан отогнал прочь мысли о душе и сосредоточился на более серьёзных и неотложных делах.

Поднявшись, Блейз обошёл стол и приблизился к мойке. Споласкивая руки в раковине, Алан не спускал глаз с налипших на магнитную доску кухонных ножей. Один из ножей определённо не вписывался в общую картину и выделялся на фоне простых собратьев, как вилка среди китайских палочек для еды. Острые глаза Блейза не подвели. На магнитной доске, третьим слева висел небольшой узкий метательный нож с вытянутой прорезью в облегчённой рукояти. Алану не понадобилось особо напрягать память, чтобы сопоставить увиденный на кухне дяди Фреда клинок с ножами затянутой в кожу холодной циркачки. Ножи были идентичными.

Вытерев руки и повесив полотенце на крючок, Алан подошёл к газовой плите и включил одну из конфорок. Добавил в опустевший чайник воды и поставил на плиту. Синее пламя, изогнувшись, начало жадно лизать порядком закопчённое доньшко чайника. Дядя Фред предпочитал современной электрической утвари вещи, проверенные временем. В определённой области Де Фес слыл большим консерватором. Алан знал, что дядя на дух не переносит воду из электрического кофейника или чайника. Как можно пить чай, отдающий плавленной пластмассой, искренне недоумевал старик?

Алан смёл со скатерти крошки, забросил в рот кусок сладкого сухарика и, нарочито громко хрустя, уселся за стол, лицом к закрытым дверям. Некоторое время в кухне раздавался ожесточённый треск перемальваемого челюстями сухарика, да ровное сопение нагревающегося чайника. Алан забросил ногу на ногу и, подтянув колено, смахнул с остроносого сапога прилипшую сухую травинку. Прожевав сухарик, Алан придвинул к себе сахарницу и щедро отсыпал в чашку две ложечки. Добавил из остывшего заварника немного чаю и стал дожидаться, пока закипит пыхтящий за спиной чайник.

У юноши было такое чувство, словно примагниченный к доске метательный нож целится ему в затылок. Крайне неприятное ощущение, вынужден был признать Блейз, но не сделал и малейшей попытки, чтобы обернуться и проверить, как всё обстоит на самом деле. Вместо того чтобы нервно дёргаться, Алан невозмутимо помешивал серебряной ложечкой в чашке. Он выжидал. Если понадобится, он сможет прождать, невзирая на навалившуюся усталость и предательски подкатывающую сонливость, хоть весь остаток ночи.... Осёкшись, Алан невесело усмехнулся. Ночи! Пожалуй, он немного погорячился. Эта ночь была воистину особенной и к ней не подходили никакие критерии и нормы. Неизвестно, сколько она продлится. Возможно, столько не живут.

Но больно силён и коварен противник, чтобы давать ему хоть шанс, хоть полшансика. Любая мелочь способна двухфунтовой гирей склонить чашу весов в ту ли иную сторону. Поэтому Блейз был готов держать спину прямой до полного изнеможения. Он знал, что как бы он не вымотался, усталость подкосит его ещё не скоро.

Ярко горящая люстра заливала сидящую за столом худощавую поджарую фигуру морем света. Алан поставил локти на стол и соединил меж собой кончики пальцев. Длинные волосы падали на лицо и плечи призадумавшегося молодого человека. Алану очень хотелось подняться на второй этаж и зайти в комнату Шелли. Посмотреть на неё. Встать на защиту её сновидений. Дотронуться. Коснуться её нежного прелестного лица. Беззвучно прошептать в тысячный по счёту раз, как он сильно... Откинув с лица чёрные пряди волос, юноша невероятным усилием воли прогнал прочь, вдогонку за предыдущими, и эту мысль. То, что он страшился произнести лишней раз вслух, Алан редко позволял себе и в мыслях.

Он не видел Шейлу всего... Ну... Ну неважно! Не мог Алан сосчитать, сколько утекло времени с тех пор, когда они расстались в её спальне на втором этаже старинного особняка дяди Фреда. Но юноше казалось, что прошли едва ли не годы. А как он тосковал по ней в армии... И сейчас его сердце мучительно ныло от сдерживаемой невероятным усилием рвущейся наружу боли. Он так соскучился по сестрёнке. Сестрёнке! Скрипнув зубами, Алан уронил лицо в ладони.

В последнее время, всё чаще и чаще у Блейза возникало чувство, что скоро всё закончится. В юноше зрела уверенность, что вскоре вся его жизнь изменится самым кардинальным способом. Он не мог сказать, что и почему заставляет его так думать, но совершенно точно знал, когда в его воспалённом многолетними терзаниями подсознании возникла эта уверенность в скорых переменах, крепнущая день ото дня. В день, когда позвонил дядя Фред и сообщил, что тётя Урсула умерла. Помнится, Алан тогда сказал сам себе, что вот оно, началось. Тогда ещё он точно не знал, что именно началось. Сейчас же с полной уверенностью мог ответить. Началась меняться его жизнь. И он вместе с нею.

— Я тоже изменившийся, — пробормотал под нос Алан, не отрывая вспотевших ладоней от внезапно ставшего горячим, как кузнечный горн, лица. — Я чёртов изменившийся...

Ну так пусть всё поскорее заканчивается! Пусть! Алан ничего в жизни не желал больше, чем найти выход из убивающей его ситуации, из ловушки, в которую он сам, хоть и не без помощи со стороны, загнал себя. Он устал. Он просто зверски устал.

Юноша поднял голову и тряхнул спутанной гривой. Ладно, философски заключил про себя Алан, всё когда-то заканчивается и всё в нашей жизни имеет конец. Вечного ничего не бывает. Рано или поздно раскроется и моя тайна. Нет, тут же поправил себя Алан, это не только моя тайна. Эту тайну поклялись хранить трое. Три человека. Одним из которых был он. Тогда ещё совсем маленький несмышленный семилетний мальчик. Стоило Алану вспомнить об этом, как перед его потемневшими глазами появился слегка размытый образ симпатичного малыша с большими доверчивыми глазёнками. Из глаз мальчика бежали слёзы. Это был Тони.

Вздвогнув, Алан сжал ладони в твёрдые, как гранит, кулаки. Я вытащу тебя, Тони, чего бы это мне не стоило, я вытащу тебя. Богом клянусь. За всю жизнь Алан ни разу не нарушил ни одной данной клятвы. И не собирался что-либо менять в своих привычках.

Чайник над ухом Блейза уже всюду свистел и булькал. Горячий пар вырывался из-под тарахтящей крышки. Алан понял, что призадумался чересчур крепко. Подойдя к плите, Блейз выключил конфорку. Чайник не замедлил успокоиться и перестать разъяренно плевать брызгами кипятка.

В этот же момент на кухне погас свет. Словно в люстре разом перегорели все лампочки. Комната погрузилась в серую полутьму. Даже не вздрогнув, Блейз подошёл к ближайшему окну и, отдернув занавеску, прижался лбом к холодному запотевшему стеклу. Отсюда он не мог увидеть слишком много. Угол обзора был слишком узким. Но большего Алану и не требовалось. В доме ближайшего соседа дяди Фреда мистера Клейна, владельца единственной в городе автозаправки, окна продолжали светиться. Что и требовалось доказать.

Алан поправил занавеску и взялся за нагретую ручку чайника. Если ОНА думает, что темнота будет играть на её стороне, она глубоко заблуждается.

Блейз не сомневался, что вырубившееся электричество дело рук смертоносной Эльвиры Леди-Нож.

Тёмно-карие глаза Алана быстро привыкли к темноте. Слух юноши обострился до предела, улавливая каждый подозрительный шорох. Алан поставил чайник на поднос и преспокойно уселся на своё место. Вытянул под столом ноги, хрустнув коленными суставами, и сунул носик закипевшего чайника в чашку. В абсолютной тишине звук льющейся в чашку горячей парующей воды показался грохотом низвергающегося водопада. По кухне разнёсся приятный аромат свежесваренного чая.

Алан, принявшись к чашке, довольно крякнул и принялся невозмутимо размешивать сахар. Юноша нисколько не сомневался, что ждать прибытия главной виновницы торжества осталось недолго. Как не сомневался он и в том, что Эльвира придёт именно по его душу. Алан не волновался, что свихнувшаяся циркача ринется резать всех подряд, оставив у себя в тылу такого опасного врага, как он. Блейз вовсе не преувеличивал свои достоинства. Он размышлял отстраненно и трезво. Во всём доме, среди всех находящихся под его крышей людей, он представлял для Эльвиры цель номер один. Не убрав с дороги его, Леди-нож не рискнёт идти дальше. Она не станет действовать наобум. И этот номер с отключением электропитания придуман исключительно для него. Стала бы Эльвира так заморачиваться

только для того, чтобы нашинковать беззащитных, измученных, раненных и просто уставших людей в капусту? Другое дело он — Алан Блейз.

— Ну и где же мы застряли, мисс Нож? — пробормотал Алан, преспокойно отхлёбывая из чашки обжигающий тонкие строгие губы ароматный напиток. Чёрные глаза юноши зловеще мерцали в сумрачной полутьме. — Я совсем не прочь познакомиться с вами поближе...

Словно отвечая на заданный вслух вопрос Блейза, входная дверь, скрипнув, нарочито медленно начала открываться. Алан подумал, а почему в подобные, особо напряжённые моменты, все без исключения двери в мире всегда начинают скрипеть и тем самым усиленно действовать на нервы? Забавно...

В кухню едва уловимым для глаз скользким движением прошмыгнула какая-то тень. Гибкая, не лишённая изящества и очень, очень быстрая. Алан отставил чашку в сторону. Почему же какая-то? Ясен пень, что в комнату неслышным и практически невидимым вихрем ворвалась Эльвира. Нет, правда, в девяноста девяти случаев из ста Эльвира осталась бы незамеченной. Вот только Блейз был именно тем, сотым, с которым подобные фокусы не проходили.

Алан почувствовал, как учащённо забившееся сердце начало с удвоенной скоростью разгонять по венам накаченную адреналином кровь. Зрачки его глаз расширились, и он стал видеть ещё лучше, на пределе человеческих возможностей.

— Здравствуй, Эльвира, — громко сказал юноша, уловив краешком глаза затаившуюся сбоку от прогоревшего камина тонкую, сливающуюся с темнотой фигурку.

Едва уловимая в гуще теней фигурка пошевелилась. В сумраке блеснули голубые, отливающие арктическим льдом, глаза и лезвия метательных ножей.

— Бле-е-ейзззз. — полный неприкрытой ненависти голос циркачки показался Алану шипением разъярённой гюрзы. — Ты выбрал смерть, решив встать у меня на пути.

Алан устало покачал головой. Ну что он говорил? Промочив горло добрым глотком горячего чая, юноша немногим резче, чем требовалось, поставил чашку на стол. От него не ускользнуло, что Эльвира, скрываясь в огромной, отбрасываемой камином тени, чуть заметно дёрнулась, реагируя на его движение. Что ж, так и есть, в темноте эта дамочка видит ничем не хуже летучей мыши.

— А ты совершила самую большую ошибку в жизни, выбрав этот дом, — решил не отставать от Эльвиры по количеству пафоса на каждое произнесённое слово Алан. — Может, всё-таки осмелишься выйти? Или мы так и продолжим беседу, не видя друг друга? Очень невежливо и неприлично, скажу я тебе.

— И всё это я слышу от такого, как ты?! — негодуяще фыркнула Эльвира, но из тени, тем не менее, вышла. — Жалкий мозгльк, ты даже не представляешь, какое удовольствие мне доставит возможность покромсать твою вонючую шкуру!

Леди-нож с грацией хищной кошки двинулась вперёд. Каблучки сапог зацокали по плитам пола, кожаный костюм смачно поскрипывал. А ведь, когда требовалось, циркачка могла перемещаться практически бесшумно...

Усевшись за стол, напротив Алана, Эльвира развязано откинулась на спинку стула и белозубо улыбнулась. Но лёд в её голубых глазах и не думал таять. Наоборот, казалось, его температура упала до абсолютного нуля.

— Любишь садо-мазо? — заломил бровь Алан. — И костюмчик, я смотрю, подходящий. Алая кожа, клёпки, портупея, ножи... Только хлыста не хватает. А вообще я люблю, когда

девушка сверху.

— Сегодня я буду СЗАДИ, дорогой, — процедила Эльвира, не спуская с юноши налившихся презрением глаз. — Вонючий кобель, опустившийся несчастный недоносок... Ты достоин той участи, что я для тебя уготовила. Но, право, мне жалко марать об тебя свои ножи! Боюсь, я не смогу потом отмыть их.

— Обалдеть, — ухмыльнулся Блейз. — И что же нам делать, ДОРОГУША? Может воспользуешься одним из кухонных ножей, а? Я как раз присмотрел для тебя подходящий.

— Чтобы кастрировать тебя, сойдёт любой клинок, — не моргнула и глазом Эльвира. Алан почувствовал, что только что упустил нечто очень важное, но как следует подумать над этим у него катастрофически не хватало времени...

Стремительную как бросок кобры атаку Эльвиры Алан чуть не проворонил. Меньше надо хлопать варежкой, раздраженно дал себе мысленного пинка юноша, в самую последнюю секунду увернувшись от пуль просвистевшего мимо носа режущего воздух ножа. Быстрее. Быстрее! Блейз вскочил на ноги, уклонился от ещё одного ножа и, схватив чайник, со всей силы швырнул импровизированный снаряд в циркачку.

Эльвира оказалась на ногах даже раньше Алана и смогла вовремя отбить левой рукой метко запущенный в её голову чайник. Но она не учла, что горячая посуда окажется на две трети заполнена едва ли не крутым кипятком! От удара о сжатый кулак циркачки бок чайника смялся, как фольга, крышка соскочила и содержимое чайника выплеснулось на отшатнувшуюся, в последний миг заподозрившую неладное Леди-нож. Но было поздно. Горячая парующая вода окатила голову и лицо Эльвиры. К потолку кухни вознёсся полный боли и отчаяния вой. Эльвира, не переставая кричать, схватилась затянутыми в перчатки руками за обожженное лицо.

Алан меж тем не терял времени даром. Он обогнул стол и набросился на временно выведенную из строя Эльвиру. Однако он не учёл способности изменившейся девушки к подавлению боли. И Блейза встретил сильнейший удар ногой в живот. Алана отбросило на стол. Он сильно ударился поясницей о ребро столешницы и глухо зарычал, увидев под тёмным потолком кухни все звёзды Млечного пути.

Эльвира налетела на него как ураган, как цунами. Облачённая в красную поскрипывающую при каждом движении кожу циркачка была поразительно быстра. И прекрасно ориентировалась в темноте. Осыпавший градом сильных хлёстких ударов, Алан оказался прижат к столу. Эльвира не давала ему ни малейшего зазора для манёвра, ни секунды на передышку. Синие глаза женщины сверкали безумными маяками. Словно позабыв о ножах, Эльвира, шипя от боли и застилающий разум дикой ярости, старалась превратить ненавистного противника в отбивную. Отразив часть ударов, часть приняв на корпус, Блейз оттолкнулся от стола и перешёл в контратаку. Не ровен час, Эльвира вспомнит о своих ножах...

Нанеся отшатнувшейся циркачке два мощных удара в солнечное сплетение, Алан завершил атаку прямым выпадом в челюсть. По искажившемуся, ошпаренному лицу Эльвиры пробежала тень недоумения. Она передвигалась со скоростью гепарда и ловкостью мангуста. Была изворотливей змеи, но Алан ни в чём ей не уступал. А по силе намного превосходил. Схлопотав удар, едва не сломавший ей челюсть, Эльвира ругнулась сквозь зубы и плавно скользнула в сторону. Со стороны могло показаться, что неуловимо быстро для глаз сместилась едва различимая в полутьме комнаты тень — до того быстра была Эльвира. Невероятно, но Блейз и на этот раз уследил за нею! И когда циркачка попыталась ударить

юношу ребром ладони по шее, её уже встретил вовремя подставленный блок.

Надо сказать, Алан едва успел. Скорость циркачки превосходила все возможные пределы. Парировав готовый сокрушить его позвоночник удар, Блейз с размаху саданул Эльвиру носком сапога под сгиб колена. Невольно вскрикнув, Леди-нож упала. Алан тут же, пользуясь моментом, ударил её ногой в лицо. Эльвиру отбросило на пару метров назад. Упав на пол и стукнувшись затылком о твёрдые плиты, устилающие пол кухни, циркачка грязно выругалась.

Блейз маленько перевёл дух. Ему показалось, что он провёл на боксёрском ринге все двенадцать раундов. Хотя их схватка с Эльвирой врядли длилась больше трёх-четырёх минут. И схватка ещё не закончилась.

Одним прыжком оказавшись на ногах, циркачка сорвала с перекинутой через плечо портупеи два ножа и одновременно швырнула клинки в Алана. Блейз моментально упал ниц, пропуская над собой развивающиеся реактивную скорость ножи, кувыркнулся вперёд через голову, взвился в воздух и, схватившись руками за одну из поддерживающих потолок дубовых стропил, с налёту ударил обеими ногами выдернувшую ещё два ножа Эльвиру. Выронив метательные клинки, циркачка врезалась спиной в кухонный шкаф. Шкаф отозвался недовольным угрожающим дребезгом заставленной посуды.

Алан опасался стремглав наваливаться на Эльвиру в скоротечной попытке добить её. Девушка-фрик ещё полна сил и по-прежнему чертовски опасна. А загнанная в угол она страшней любой бешеной крысы. И партерная борьба с ней запросто может обернуться весьма неприятной штукой, типа засунутого меж рёбер ножа.

Эльвира, сжимая в кулаках по клинку (да когда же они у неё закончатся?!) пристально и внимательно следила за Аланом. Теперь она не спешила, выбирая более осмотрительную и осторожную тактику. Циркачка поняла, что в случае с долговязым юношей обычные методы не годятся. Поморщившись от терзающей обожженное лицо боли, ржавыми когтями забирающейся под вздувшуюся пузырями кожу, Эльвира досадливо сплюнула. Раны заживут, нарастёт новая кожа и на её красивом лице не останется и шрамика... Но так глупо попасться! Этот ублюдочный засранец подловил её как сопливую девчонку.

Алан откинул с лица закрывающие глаза волосы. Чёрт его знает, может, и впрямь подстричься, мелькнула неожиданная, крамольная для юноши мысль. Ну уж нет, если даже Шелли не смогла уговорить его пойти в парикмахерскую... Чёрные глаза Блейза поймали настороженный взгляд замершей циркачки. Губы Алана искривились в извиняющейся улыбке.

— Ты кто такой, ублюдок? — с омерзением выталкивая сквозь зубы сочащиеся ядом слова, спросила Эльвира. — Я потратила на тебя шесть ножей, а ты всё ещё жив. Обычно я не трачу белее двух клинков.

— Обычно ты не убивала людей, — улыбка Блейза истаяла, как снег под жарким весенним солнцем. — Что с вами случилось? Что изменилось, Эльвира? В кого вы превращаетесь?

— Что изменилось? — на обожженном, передёрнутом лютой злобой, некогда красивом лице полыхнули ледяные глаза. — МЫ изменились. А скоро изменится абсолютно ВСЁ! Ты когда-нибудь просыпался с криком после кошмарного сна?

Блейз сложил жилистые руки на груди и слегка наклонил голову, стараясь не пропустить ни слова, ни начала стремительного нападения.

— Чаще, чем ты думаешь.

— А теперь представь, что ты проснулся, а кошмар продолжается, — Эльвира «обворожительно» улыбнулась. На полных, спёкшихся от кипятка губах лопнул один из вздувшихся волдырей. По подбородку девушки потекла струйка мутной сукровицы.

— Мне не привыкать, — спокойно сказал юноша. — Скажи мне, что происходит? Что за дьявольщина охватила Хеллвил? Куда всё катится, в какую чёртову дыру?

— О, милый, ты и представить себе не можешь, насколько ты прав! Именно в чёртову дыру и катится ваш сраный городишко! Сползает в разверстую пасть ада... Символично, не так ли?

— Несомненно, — проведя грязными обломанными ногтями по заросшей жёсткой щетиной щеке, Блейз задумчиво уставился в пол. — А кто открыл эту дверь? Ты знаешь этого человека? Это Старжински?

Эльвира, чуть согнув ноги, скрестила перед собой ножи и подмигнула холодным голубым глазом.

— Если хочешь отыметь девушку, Блейз, не задавай глупых вопросов, а доставай член и принимайся за дело.

— Боюсь, ты несколько не в моём вкусе, — удручённо протянул Алан. — Хотя вынужден признать, что у тебя есть за что подержаться.

Циркачка покосилась на перетянутую португеей выпирающую тугую грудь третьего размера и хмыкнула:

— Ну что я говорила, кобели вы все.

— Это Старжински? Всё идёт от него?

— С чего ты взял, что это человек?

Алан незаметно перенёс вес тела на носки. Эльвира стала напоминать доведённый до критической точки, готовый взорваться атомный реактор.

— У тебе ловко получается уходить от поставленных вопросов.

— А кто же тогда в твоём вкусе, — осклабилась Эльвира, презрительно шурясь, — маленькие девочки?

Даже в темноте было заметно, как на лбу Алана вздулась и учащённо забилась жилка, а в глазах поселился космический холод. Леди-нож и не догадывалась, что пошло подначивая юношу, зацепила его самое больное и уязвимое место...

— Давай закончим всё это дерьмо поскорее, ладно? — Блейз устало посмотрел на ощетинившуюся циркачку.

— Договорились. Болтать с тобой не доставляет мне никакого удовольствия.

Они столкнулись посреди комнаты, врезались друг в друга, как несущиеся на огромной скорости автомобили. Столкновение вылилось в разноголосую какофонию. Лязг, звуки ударов, надсадное дыхание, крики! Под сводами кухни словно образовался яростно извивающийся ураган, сокрушающий всё на своём пути. В вихредвигающихся с невообразимой скоростью противников то и дело проскальзывали серебристые и оранжевые молнии: то сверкали метательные ножи Эльвиры, а каблуки сапог высекали из каменных плит пола искры.

Резвая циркачка орудовала клинками, как шеф-повар с тридцатилетним стажем разделочным ножом. Алану ничего не осталось, как уйти в глухую оборону, с изрядным усилием сдерживая смертоносные атаки Эльвиры. Девушка размахивала клинками, словно ветряная мельница лопастями, очерчивая вокруг себя непреодолимый круг из свистящей стали. Ножи словно превратились в продолжения её рук. Эльвира как бы срослась с

оружием, выдавая головокружительные финты и хитроумные обманные выпады.

Лоб Блейза покрыла испарина. Он отпрыгивал, приседал, уклонялся, ставил блоки и отводил скользящие удары в сторону. Но всего этого было определённо недостаточно, чтобы начислить себе победное очко. Вооружившись ножами, Эльвира превратилась в смертельно опасную машину, в мясорубку, безразборочно перемалывающую любое препятствие. Алан уже получил несколько неопасных, но крайне болезненных и неприятных ран. Не уступающие в остроте бритвам клинки попробовали на вкус его крови, пару раз зацепив торс и трижды предплечья. Чёрная водолазка приклеилась к телу, пропитавшись потом и отчасти сочившейся из ран кровью.

Длинные волосы Алана взметались и опадали. Эльвира не упустила шанса откромсать прядь другую, значительно укоротив непослушную шевелюру Блейза. Именно пострадавшие от ножей собственные волосы и навели юношу на очень удачную мысль. Неоднократно перед его лицом шипящей плёткой проносилась длинная тугая коса циркачки, с вплетённым по всей длине алым шнурком: Эльвира использовала все доступные методы, применяя в поединке любую часть тела, даже волосы. Тяжёлой косой можно ударить по глазам, ослепив и дезориентировав противника. Несомненно, Эльвира и рассчитывала на нечто подобное... Но принимала ли она в расчёт невероятную реакцию Алана, способного перехватить в прыжке атаковую африканскую кобру?

Отдёрнув голову от выстрелившего в направлении глаз ножа, Алан не стал по инерции разрывать расстояние, а наоборот, весьма неожиданно для Эльвиры, бросился вперёд. Глупый дурак, встретила Блейза написанная на обожженном лице мысль, куда ты прёшься?! Сам идёшь ко мне в руки? Эльвира не хуже Алана понимала, что в тесной борьбе у неё значительно больше шансов. Голубые глаза циркачки радостно вспыхнули. Девушка, взмахнув косой, словно гибким ремнём ударила Блейза по лицу, руки с ножами сами собой прыгнули вперёд, в область брюшины...

Теоретически, Блейз должен был нарваться на удар в лицо и получить по четыре дюйма закалённой стали в живот. Один из клинков успел пройти по касательной, взрезая водолазку на правом боку изогнувшегося под немыслимым углом юноши, второй нож пронзил пустоту. Алан не стал отбивать эти выпады, полностью сосредоточившись на промелькнувшей перед глазами роскошной черноволосой косе. Руки Блейза жадными присосками впились в косу и намертво сжались. Хватку Алана можно было сравнить с гидравлическим прессом. Разжать его пальцы было невозможно. Разве что при помощи лома. Но у Эльвиры лома под рукой не оказалось.

Алан намотал заплетённые в косу волосы циркачки на кулак и тут же отпрыгнул назад. На всю рискованную, балансирующую на грани провала операцию у него ушло не более двух секунд. Отпрыгивая, Блейз со всей силы дёрнул за косу. Глаза Эльвиры чуть не вылезли из орбит, когда она поняла, что угодила в капкан. Заднюю часть головы пронзила резкая боль, девушке показалось, что с неё заживо сдирают скальп. Из глаз Эльвиры хлынули слёзы. Она зашипела, как сторающее на сковородке масло. И тут же сильнейший толчок сбил её с ног.

Блейз вскочил на стол, таща за собой рычащую от боли и ярости циркачку. Эльвира билась на полу выброшенной на берег рыбиной, упираясь ногами и изрыгая страшные проклятия. Ножи по-прежнему сверкали у неё в руках. Алан невольно поперхнулась, когда понял, что в его плане имеется один небольшой, невидимый на первый взгляд изъян. Ну, если только Эльвира догадается!

Она догадалась. Накаркал, придурок, мрачно подумал Алан, опуская косу девушки за

миг до того, как сведённая в судороге от напряжения рука перехватила ножом у самого основания черепа натянутые струной волосы. В одночасье обзаведясь новомодной короткой стрижкой, Эльвира распрямленной пружиной взвилась на дыбы и сломя голову, с потемневшими от гнева глазами набросилась на юношу.

С облезших губ циркачки слетала слюна и отборнейшие ругательства, голубые глаза напоминали зенки какого-нибудь слетевшего с катушек буйно помешенного зомби-психа из фильмов Джорджа Ромеро. Поддавшись животной ярости и завладевшей разумом злости, Эльвира не стала сильнее. Вовсе нет. Часы весов начали склоняться в пользу Алана, а Эльвира превратилась из охотника в дичь. Алан же, в отличие от взбесившейся девушки-фрика, был спокоен и предельно сосредоточен.

Схватка продолжилась на столе. Чистая скатерть тут же превратилась в истерзанное, изгаженное поле битвы. Чашки и блюдца были немилосердно растоптаны, сахарница и заварник разбиты в дребезги, ноги дерущихся крошили в пыль фарфоровые осколки, оставшиеся от кухонной утвари. С хриплым хеканьем Эльвира полосовала Блейза ножами, но больше ни один из ударов не достиг цели. Тёмные глаза юноши заиндевели, безошибочно отслеживая каждый шаг, каждое начинавшееся движение рук Эльвиры. Блейз ещё в зародыше начал гасить каждую новую атаку циркачки. Она ещё не поняла, что проиграла.

Поймав в захват левую руку девушки, Алан провёл болевой приём, сдвигая плечевой сустав на излом. Эльвира тонко взвизгнула. Всю руку от запястья до шеи пронзила несусветная боль. Пальцы циркачки сами собой разжались, роняя нож. Прекрасно сбалансированный клинок упал остриём вниз и впился в поверхность стола. Эльвиру захлестнула пелена первобытной ярости. Она, практически ничего не видя от залившей глаза, выворачивающей наизнанку боли, попыталась ударить не отпускающего её Алана вторым ножом.

Лезвие воткнулось во что-то очень твёрдое и неподатливое. Эльвира, едва не теряя сознание, даже не поняла, куда она попала. Руку, казалось, пожирают все демоны ада, боль разлилась по всему телу, врываясь сводящими с ума толчками в мозг. Через секунду её рука была сломана в трёх местах, и мощный бросок отшвырнул её, совершенно беспомощную и скулящую от боли на десяток футов.

Эльвира ударилась о кухонный гарнитур, расколов несколько покрытых лаком досок, и обессилено сползла на пол. Тут же оказавшийся рядом Алан схватил её за грудки и вздёрнул вверх, встряхивая, как злобный терьер, поймавший крысу. Глаза Эльвиры закатились, зрачков видно не было, руки и ноги девушки болтались, как у безвольной тряпичной куклы.

За плечами Блейза зашевелилась темнота. Темнота же отражалась и в его глазах. В грудной клетке девушки, чуть пониже диафрагмы торчала короткая рукоять метательного ножа. Видимо, неудачно упав, Эльвира, так и не выпустив из здоровой руки второй нож, принесла себе смерть своим же излюбленным оружием. Погибла от собственного клинка.

Леди-нож скончалась, и Алан держал на согнутых в локтях руках безжизненное, начинающее остывать тело.

Блейз разжал пальцы, и труп Эльвиры грузным кулем упал ему под ноги. Юноша присел на корточки и неожиданно мягким и нежным прикосновением закрыл покойной глаза.

— Покойся с миром, — прошептал Алан. — Из нас никто не виноват, что в душах демоны ожили...

Он так и не задал Эльвире главный вопрос. Не факт, что циркачка захотела бы отвечать на него, но спросить определённо стоило. Более того, было жизненно необходимым! Только

сейчас, остыв от вскипятившей кровь горячки боя, Алан задумался о возможных последствиях своей нерасторопности, помноженной на внезапную смерть Эльвиры (если такую смерть можно назвать внезапной, конечно). Перспективы вырисовывались далеко не самые радужные.

Алан отвернулся от мёртвой метательницы ножей. Его глаза давно привыкли к закутавшей весь дом в непроглядные сумерки темноте. Но тьмы становилось всё больше и больше, и Алан не хотел, чтобы мрак окончательно заполнил старинный особняк Фредерика де Феса. Когда для тьмы не останется свободного места под сводами особняка, она, тьма, непременно начнёт искать ещё не занятые места. Будет искать настойчиво и кропотливо, не пропуская никого. И обязательно найдёт. В душах. В самых слабых и безвольных человеческих душах.

Главный распределительный щиток с рубильниками и группой предохранителей находился в подвале. Странно, что до сих пор никто не добрался до него раньше Алана. По идее электричество должно было появиться спустя несколько минут. Старина Фред первым забил бы тревогу и бросился в щитовую. Но свет и не думал загораться. Странно... Либо Эльвира что-нибудь сломала, либо... Либо кроме Блейза больше некому спускаться в подвал. Алан поджал губы, взвешивая все за и против. Ему очень не нравилась вырисовывающаяся на горизонте ситуация. Слишком много недомолвок и непонятностей возникает, громоздясь на уже известные, но так и не разрешённые проблемы.

Что же делать? Бежать в подвал и проверить предохранители или подняться наверх и убедиться, что с Шелли всё в порядке? Или же метнуться в спальню Фреда узнать, почему старик до сих пор не появился на шум драки? С другой стороны, почему НИКТО не появился на пороге, когда они с Эльвирой подняли оглушительный грохот, с криками и руганью лупцуя друг друга и превращая кухню в поле танковых баталий?!

И, чёрт возьми, как Эльвира Леди-нож, изменившаяся циркачка, смогла войти в дом? Каким образом она очутилась внутри? Это был самый главный вопрос, который мог в корне изменить всё, и который Алан не успел задать. Эльвира не имела права без разрешения войти в дом. Алан чётко усвоил за последние часы это магическое, подчиняющее законы Порядка и Хаоса правило. Нечисть не может без разрешения переступить через порог. Эльвира совсем недавно наглядно доказала, что чище она не стала ни на йоту. Но, тем не менее, она оказалась за стенами родового особняка Фредерика и преспокойно устроила засаду! Они ожидали нападения на подступах к дому, и никто не подумал о том, что неприятный сюрприз может ожидать внутри. Ещё один вопрос, а когда именно Эльвира вошла в дом? И что делал её нож на кухне? Чтобы это значило: предупреждение или обыкновенная рассеянность?

Алан в отчаянии схватился за нечесаную голову. Столько вопросов! С ума можно сойти. А решать что-то нужно, и чем быстрее, тем лучше. С чего начинать? Если он не сможет узнать, как Эльвира... Ладно, сурово одернул себя юноша, хватит вилять хвостом и ходить вокруг да около. Пора называть вещи своими именами, как бы тошно и жутко это не звучало. Если он не сможет узнать, КТО впустил Эльвиру в дом, то всех остальных, в том числе и его, ждут очень-преочень большие проблемы.

Больше всего в мире Блейз не любил две вещи. Лжи и предательства.

В этот момент раздался гулкий, особенно громкий в темноте, выстрел. Алан вздрогнул. Его словно ужалила огромная пчела. Стреляли предположительно в левом крыле особняка, где размещались гостевые комнаты. Но Блейз вполне мог и ошибиться. Порождённое

выстрелом эхо заметалось под потолком, разносась по всему дому и искажая восприятие.

Ругнувшись, Алан со всех ног бросился вон из кухни.

Уолтер Харрис проснулся от непонятных, раздающихся где-то в отдалении, за стенами, приглушенных звуков. Как будто били посуду и выколачивали пыль из матрасов. Доктор, зевая и протирая кулаками глаза, прислушался, пытаясь определить источник и происхождение подозрительного шума. Когда же он различил и звучащие на повышенных нотах, полные ярости голоса, то проснулся окончательно.

В комнате было непривычно тихо и темно. Уолтер нахмурился. Он сам не заметил, как вырубился, но одно помнил достаточно хорошо. Ночник на прикроватном столике он не выключал. Кейт? Но девушка заснула ещё раньше, чем он, и, судя по тому, как она сладко посапывала, прижавшись под одеялом к боку Уолтера, не просыпалась ни разу. Харрис перегнулся через спящую девушку и протянул к ночнику руку, нащупывая тумблер. Клацнул. Раз, другой, третий. Но светильник так и не зажётся. Перегорела лампочка? Вылетели пробки? Оборвало провода?

Напряженно прислушиваясь к раздающейся за стенами канонаде похожих на удары звуков, Уолтер лихорадочно соображал, что предпринять по сему поводу. Что вообще происходит, чёрт возьми? Что за ночные разборки? Что это может быть? Как-то ему не особо верилось, что в доме старины Фреда кто-то затеял драку. Хотя, Уолтер мог поклясться в этом, заглушаемые стенами звуки очень походили на знатную потасовку. Но это же полный бред получается! Кто мог ворваться в дом и напасть на кого бы там ни было...

Харриса бросило в пот, когда он переварил непроизнесенные вслух мысли. Дьявол, ругнулся Уолтер, выбираясь из постели. Кто-то умудрился ворваться в дом и начать драку! И странные неполадки с электричеством теперь вполне объяснимы!

Кейт негромко застонала во сне, заворочалась и перевернулась на другой бок. Уолтер бросил на спящую девушку мимолётный, полный самых тёплых чувств, взгляд и... Вернулся к жестким реалиям сегодняшнего дня. Вечера? Ночи? Как же это всё достало, мать вашу...

Торопливо натянув штаны и впрыгнув в ботинки, Уолтер поспешил к дверям. Он успел взяться за круглую, матово отсвечивающую в полутьме отполированную ручку, когда за дверями прогремел выстрел. За выстрелом последовал треск лопнувшей доски. Брови доктора удивлённо поднялись, а рыжие волосы встали дыбом, когда он понял, что стреляли совсем рядом, буквально напротив двери, которою он собирался открыть. И ещё больше он удивился, когда почувствовал, как что-то тяжёлое ударило его чуть ниже правой ключицы и опрокинуло навзничь.

— Уолтер? — проснувшаяся Кейт подскочила на кровати как на иголках. — Уолтер, что сл... Уолтер!!!

— Мы должны что-нибудь предпринять! — огромные глаза Шелли возбуждённо блестели в сумраке комнаты. Проникающий сквозь окна рассеянный лунный свет подкрашивал чёрные волосы девочки в пепельный цвет, делая её похожей на преждевременно поседевшую битую жизнью женщину. — Почему ты не хочешь выйти и посмотреть, что происходит? Ты трусил? Не одна я слышала выстрел!.. И эти крики, и шум драки! Бинго, да очнись ты наконец! Что с тобой?

Шейла несколько испуганно уставилась на застывшего в полной прострации арлекина. Экс-клоун скорчил чрезвычайно задумчивую и серьёзную физиономию, уныло опустил

уголки губ. Вид у него при этом был крайне загадочный, как у египетского сфинкса. У Шейлы от накотившего приступа страха свело живот. Не хотелось бы в такой неподходящий момент лишиться последнего верного защитника... Ну... По крайней мере, Бинго не предавал её и был предельно честен по мере своих весьма специфических особенностей.

— Эй, друг! — девочка помахала ладошкой перед носом углубившегося в самокопание циркача. — Ау! Мы ещё на этой земле. И спешу сообщить, что у нас происходят чертовски дерьмовые и непонятные дела, вникаешь? Кто-то с кем-то подрался, и кто-то набрался наглости, чтобы открыть стрельбу в доме дяди Фреда. А мы тут сидим, как два дятла в дупле и боимся даже носа высунуть! Да может, там кого-то уже убивают, а мы и пальцем не хотим пошевелить, чтобы помочь? Нет, ты, Бинго, как хочешь, но подобная пассивность не для меня. Я в такие игры не играю! Если ты струсил, то сиди здесь до скончания веков, а я пойду и во всём разберусь.

Арлекин тут же «ожил» и крепко сцапал Шейлу за узкую лодыжку. Девушка ни сделала и попытки вырваться. Хватка у сублильного фрика была будь здоров.

— Классная, между прочим, ножка, — отстранённо прокомментировал свои резкие действия Бинго. — Ты куда это намылилась, красотка? Подожди, не торопись выпрыгивать из трусиков. Поди ещё не обжигают, верно?..

Арлекин одарил сидевшую рядом на кровати девочку искренне недоумевающим взглядом. Шелли от праведного возмущения едва не подавилась готовыми сорваться с обиженно надутых губ грубыми некультурными словами. Нет, стоп! Не хватало, чтобы ещё они переругались в довершение всех прочих «прелестей» жизни. Возможно, в словах Бинго есть свой резон. Циркач ведь далеко-далеко не дурак.

— Не обжигают, — выдавила из себя Шейла. — А когда начнут припекать, будь уверен, ты будешь последним, о ком я вспомню.

Обнажив в довольной улыбке зубы, Бинго поправил на голове зазвеневший бубенчиками колпак и сказал:

— Вот и ладушки! Раз мы заговорили о ЛИЧНОМ, значит, я сумел отвлечь тебя о остальных глупых неразумных мыслей.

— По-твоему, желать помочь попавшему в беду человеку, добавлю, близкому человеку, это глупо? — изумилась девочка. — Ты, оказывается записной эгоист и одиночник, Бинго!

— Ничего подобного, — отверг выдвинутые обвинения арлекин. — Я не эгоист, я рационалист. А это две большие разницы, запомни...

— Вот только не надо меня учить жизни! Мне уже...

— О Господи, да неужто вы все ТАКИЕ? Знаю-знаю — «мне уже семнадцать лет, и я всё в мире знаю!» Прости за тавтологию.

У Шелли хватило приличия покраснеть. Хотя в полутёмной комнате врядли стыдливый румянец был особо заметен.

— Нельзя нам сейчас высовываться из спальни, понимаешь? — настаивал на своём Бинго, в качестве дополнительных доводов ударяя кулаком правой руки по раскрытой ладони левой. — Тебя пугает неизвестность, мучает неопределённость? Тебе что, станет легче, узнай ты, что ТАМ ПРОИСХОДИТ? Ты ХОЧЕШЬ это знать? Уверена?

— Да! — выдохнула в разрисованное лицо арлекина Шейла. — Хочу!

— Тьфу на тебя, дурёха малолетняя, — скуксился Бинго. — Ну что за нелёгкая связала меня с этой семейкой Адамсов...

— Эй, полегче на поворотах, — насупилась Шелли. — И я бы попросила больше

никогда не причислять меня и ЭТОГО к одной семье. Я его знать не хочу, он мне никто!

— Это ты об Алане, что ли? Думаешь, если не станешь думать о нём или забудешь, как его зовут, он перестанет пялиться на твои подрастающие сиськи? Что за устаревшие средневековые предрассудки? В кого ты превращаешь старшего брата — в злобного ночного духа, призванного одним своим именем пугать детишек и наводить страх на девственниц?

У девушки вырвался зубовой скрежет, от которого у арлекина заныли уши.

— Я. Кажется. Спросила. Что. Там. Мать твою. Происходит? — по слогам, чеканя каждое слово, процедила девочка. Ей казалось, что от её пылающих щёк можно было спокойно прикуривать.

— Ах, там... Ну, там Алан схлестнулся с Эльвирой. И судя по всему, бойня вышла жаркой. Сунь ты свой нос и попала бы под такую раздачу, что потом весь остаток жизни ходила бы курносой, как поросёнок. Даже я не горю желанием вставать между ними...

Стараясь казаться как можно более равнодушной, Шелли ровным голосом спросила:

— И кто победил?

— Да всё он же, твой несгибаемый братец! Но победа досталось тяжело. Эльвира это тебе не готовая растаять под первым же дождём сахарная барышня. Но он победил. Впрочем, как и всегда. Странный парень, этот Алан, доложу я тебе. Чую я, что не чисто с ним что-то, но что конкретно, так и не понял до сих пор...

Шелли оскорблено посмотрела на вновь пустившегося в пространные рассуждения арлекина и чуть отодвинулась от него.

— Хочешь, я скажу, ЧТО с ним не то? Чем ты меня слушал последний час? Задницей?

— Нет, я на ней сижу, — усмехнулся Бинго.

— Алан — извращенец, больной, маньяк! Его лечить надо! Тебе этого мало?

— А может он и вправду просто болен и не виноват в том, что влюблён в собственную родную сестру?

— Ой-ой-ой, как это мило слышать — «просто болен»! Да ты хоть представляешь, что я чувствую? Как у меня сердце разрывается... Подожди... — возмущенный пыл девочки несколько поутих. Она напугано покосилась в сторону запертой двери. — Я что-то упустила, да? Ладно, не смотри на меня как на дуру. Прости, погорячилась я.

— Ну-ну.

— Я что-то никак не въеду, как это Эльвира смогла войти в дом? И если вошла она, то что мешает это сделать всем остальным изменившимся монстрам?

— В яблочко, детка, — тяжело вздохнул Бинго. — Мы в полном дерьме.

И тут в дверь настойчиво и сильно застучали. В спальню донёсся голос Алана Блейза.

— Шелли! Шелли, открой, это я! Шелли!..

— О, лёгок на помине! — арлекин резво прыгнул с кровати, дёрнулся к двери и был остановлен ухватившей за клетчатое трико тонкой девичьей рукой. Бинго, недоумевая, оглянулся. Широко распахнувшиеся глаза девочки умоляюще смотрели на него. Плохо различимые в темноте губы беззвучно шевельнулись. Не надо — скорее догадался, чем разобрался Бинго. Ну понятно, эта насмерть перепуганная девчонка не хочет, чтобы Алан вошёл в её комнату.

Арлекин мягко взял девочку за руку и ободряюще подмигнул зелёным, светящимся в сумерках, словно у кошки, глазом.

— Всё будет хорошо, доверься мне. И не бойся. Алан не причинит тебе никакого вреда.

— Шелли! Ты слышишь меня? Открой, это я — Алан!

— Поверь мне, девочка, твой брат вовсе не зверь. Не надо его бояться...

— Ты его совсем не знаешь... Боже мой, его никто не знает. Даже я.

— Шелли? Шелли, я ломаю дверь!

— П-пожалуйста, я очень прошу, — в уголках огромных синих глаз сжавшейся в комочек девочки выступили слёзы. — Бинго, я очень сильно прошу — не открывай... Я не знаю его и не хочу знать. Тот брат, тот Алан, которого я любила и кем я гордилась, умер. Умер несколько часов назад... Пожалуйста...

Дрожащий голос девушки сорвался на тихий бессвязный лепет. Арлекин застыл посреди комнаты, раздираемый противоречивыми чувствами. Чёрт-чёрт-чёрт! Да что это с ним? Ох, и привалило ему благ от этих грёбаных изменений! Это ж надо, стал думать о других людях и прислушиваться к умоляющим просьбам! И ещё он стал очень восприимчив к женским слезам. Вообще ужас. Нетушки, последние мозги он пока не растерял.

— Перестань хныкать и трястись от страха, — назидательно ткнул в Шейлу пальцем циркач. — Можно подумать, что за дверью караулит Джек Потрошитель! Я открываю и точка. Да и сама пойми, если этот лось захочет выбить дверь, он её выбьет. Алана никто не остановит.

— Шелли, я ломаю дверь!..

— Стой, стой, чувак! — надсаживаясь, заорал Бинго, бросаясь к двери. — Обожди чуток, сейчас открою!

Провернув ключ в замке, Бинго едва не оказался сметён с дороги резко, словно под напором тарана, открывшейся дверью. На пороге замаячила тёмная долговязая фигура. Бинго задрал голову и приветливо ухмыльнулся:

— Здорово, друг! Я так понял, проблемы сами нас нашли?

— Ты хоть когда-нибудь ошибаешься? — проворчал Блейз, входя в комнату и прикрывая за собой дверь. — И что ты здесь делаешь? Хотя, учитывая нынешние обстоятельства, я даже рад, что рядом с Шелли был надёжный и проверенный человек...

Арлекин скромно потупился и шаркнул загнутым носком башмака по полу.

— Да, приятель, такой вот я крутой. Да.

Алан обогнул засмущавшегося арлекина и чуть ли не подбежал к замершей на кровати Шейле. Лицо Алана озарилось радостной, можно даже сказать, счастливой улыбкой, когда он увидел и понял, что с младшей сестренкой всё в порядке. Что она жива и здорова. Что они снова вместе.

— Эй, чувак, погоди изливать родственные чувства! Ты лучше скажи, нет ли у тебя, часом, запасного плана «Б» на случай непредвиденных обстоятельств? Смею добавить, что если план существует, то самое время его запускать, потому что дело наше, как видишь, совсем туго!..

— Шелли? Шелли, что с тобой? Почему ты на меня так странно смотришь?

Приблизившийся к девочке Алан был остановлен неожиданно тяжёлым и жёстким взглядом налившихся грозой синих глаз. У Блейза оборвалось сердце. В ставших в одночасье чужими глазах он прочёл приговор. Приговор их отношениям. Их дружбе. Всему. Алан хорошо умел читать открытый текст. Может быть, некоторые его поступки казались неразумными и вызвали у окружающих множество недоумевающих вопросов, но идиотом он никогда не был.

Блейз словно с размаху налетел на выросшую перед ним монолитную каменную стену. У него подкосились ноги, и он упал пред кроватью на колени. ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО. ЧТС

ТО СЛУЧИЛОСЬ. Эти слова огненными сигналами тревоги вспыхивали в его мозгу.

Шелли, отодвинувшись к изголовью, смотрела на него насмерть перепуганным волчонком. Серебристый свет заглянувшей в окно луны озарил залёгшие под глазами тени, плотно сжатый рот и перечеркнувшую высокий лоб тревожную морщинку. Алан ещё никогда не видел Шейлу такой. Она бывала растерянной, беззащитной, напуганной, ранимой. Она бывала всякой. Но такой, как сейчас... Никогда. На Блейза смотрел незнакомый ему человек. Жёсткий, угрюмый, с угнездившимися глубоко в мокрых глазах болью и отчаянием. И она боялась. И Алан с огромным ужасом понял, что Шелли боится ЕГО. Он с трудом вздохнул и прохрипел:

— Шелли, маленькая моя, ч-что случилось?.. Я не... Что, что-то произошло? Тебя... М-м-м... Тебя кто-то обидел?.. Шелли, только не молчи, пожалуйста. Скажи хоть что-нибудь, Шелли!

Слова давались ему с трудом, царапая горло и складываясь в нестройные фразы.

— Эй, ребятки-котятки, — Бинго подвалил как всегда «вовремя», но Алан даже не заметил его. — Может, оставим внутрисемейные разборки на потом и поговорим о более серьёзных и неотложных делах, а?

— Бинго, оставь нас, — глухо произнесла Шейла, не спуская с брата отчуждённого взгляда. Девочку бросало то в жар, то в холод. Удушающий страх норовил тесной петлёй перехватить горло и вывернуть наизнанку заледеневшие внутренности. Расширившиеся зрачки почти полностью затопили радужную оболочку глаз. Шейла поняла, что ещё немного, и она просто-напросто свихнётся. И ЭТО ВСЁ происходит со мной, билась в голове настойчивая мысль. Это происходит со мной... Этого не может быть! Неужели это всё наяву? Господи, ну почему это не сон? Как бы она хотела проснуться!

— Ладно, ладно, — примиряюще поднял руки арлекин, признавая поражение. — Не буду мешать. Займу лучше наблюдательную позицию у двери. Буду прикрывать тылы.

Не обратив на удалившегося циркача ни малейшего внимания, Блейз побитой собакой смотрел на Шейлу. Девочка почувствовала, что ещё немного, и она опять заплачет. У неё стало до того тяжело и муторно на душе, что хоть самой собакой вой. Ну не смотри на меня такими глазами, не смотри! Я не выдержу...

— Шелли, что с тобой? — Алан отбросил с лица волосы. Его тёмно-карие глаза подозрительно заблестели. На вытянутом худощавом лице застыло выражение обречённости.

— Как давно ты влюблён в меня, БРАТИК? Как давно ты понял, что не можешь жить без меня? Как давно ты стал заглядываться на мои сиськи? Скажи-ка, а что привлекало тебя во мне, когда я ещё пешком под стол ходила? — грубые, грязные, обидные слова против воли срывались с задрожавших губ Шейлы. Она не хотела их говорить, но остановиться уже не могла. Водоворот бурлящих эмоций полностью захватил девочку и подчинил себе.

Она видела, как с каждым произнесённым ею словом Алан вздрагивает, словно от удара, и всё ниже втягивает голову в плечи. А свет в его глазах становится всё тусклее. Яд обидных слов буквально впитывался в Алана, разъедая его душу и убивая внутри всё живое. В это момент юноша понял, что интуиция его не подвела. Всё подходит к концу. Нет ничего вечного. Рано или поздно умирают все. А он умирает в эту минуту.

— Что, неужели я что-то упустила? — презрительно прошипела девочка, глядя на опустившего голову старшего брата. — Есть ли ещё подробности твоей интимной жизни, о которых я пока не знаю?

— Есть, — тихо сказал Алан, не поднимая глаз с пола. — Есть, Шелли...

Шейла кусала губы, вонзая ногти в покрывало. В ней боролись два чувства — возросшее на домыслах отвращение к Алану и неверие в происходящее. Как будто она смотрит по телевизору душещипательную мелодраму с ударным, полным слёз и невероятных разоблачений финалом. В жизни, правда, всё оказывалось намного ярче, большее и обыденней. Жизнь есть жизнь, без прикрас и спасительного чуда под кульминацию момента. И это было очень хреново. Всё-таки жизнь штука на редкость гадостная, сглатывая слёзы, подумала Шейла. Очень мерзкая штука.

Алан заговорил. Головы он не поднял, но голос его звучал чётко и внятно. Не верилось, что голос принадлежит этому повергнутому на колени, сломленному парню, так напоминающего сейчас обычного растерянного мальчишку.

— Шелли, выслушай меня внимательно и не перебивай. У нас совсем мало времени. Больше я ни о чём не смею просить. Просто выслушай!

— Нам не о чем больше разговаривать... — жалобно пропищала девушка, крепясь из последних сил, чтобы не забиться в истеричных рыданиях. Но как же ей хотелось, чтобы Алан сумел сказать нечто такое, что опровергло бы все её домыслы! Ничего больше в мире она не желала так сильно, как развеять опутавшую их паутину лицемерия, лжи и предательства. Пусть всё это окажется лишь плодом её воспалившегося на почве последних нервных переживаний воображения. Пусть он скажет, что она ошибается! Господи, да Шелли была готова отдать десять лет жизни, только бы услышать, что она ошиблась. Девочка знала, что Алан не соврёт ей. Не сможет солгать, стоя перед ней на коленях. Честь для него превыше всего.

— Всё совсем не так, как ты думаешь.

У Шелли противно забурлил живот, в лицо словно плеснули помоями. Всё кончено, ошпарила девочку суматошная мысль. Это конец! Когда так начинают разговор, значит, дело совсем плохо. Хуже могут быть только сбивчивые оправдания и заверения с первых же слов в своей невинности.

— Я не знаю, что ты себе навдумывала, и что тебя натолкнуло на эти выводы... Я не могу, пока не могу, тебе сказать всего, Шелли. Сейчас я попрошу тебя об одной вещи, и ты должна поклясться, что выполнишь мою просьбу.

— Ты просил выслушать тебя, — верхняя губа девочки искривилась, в огромных глазах блестели зеркальные заводи. — И речи не шло о дополнительных просьбах. Я ничего не могу тебе обещать. Не могу! Больше не могу!..

— Шелли, — сказал Блейз, как припечатал. Он поднял голову, и девочка непроизвольно вздрогнула. В обрисовывающих его силуэт сумерках лицо Алана казалось высеченным из белого камня жутким черепом с впавшими щеками и матово мерцающими чёрными агатами глазницами. — Ты выслушаешь меня и сделаешь то, о чём я прошу. Я уверен в этом, как уверен и в том, что никогда ни при каких обстоятельствах не причиню тебе зла. Я скорее умру, чем позволю тебе страдать. Если потребуется, ради тебя и пойду на всё. Знай это. Слушай. Чтобы не случилось в дальнейшем, как бы ни начались разворачиваться события, верь мне. Верь каждому моему слову. Чтобы я тебе не сказал, верь. Больше, к сожалению, я ничего не могу тебе сказать. Как только мы выберемся из этой передрыги, я всё объясню. Но не раньше. На более глубокий и серьёзный разговор у нас нет времени.

Блейз поднялся на ноги и протянул руку к замороженной его словами девушке. Он почти дотронулся кончиками длинных узловатых пальцев до лица сестры, когда Шейла, с явным усилием, словно опомнившись, отдёргнула голову в сторону. Рука Алана безвольно упала.

Шелли, отвернувшись, чтобы не встречаться больше с ним взглядом, достаточно холодно сказала:

— Хорошо. Я подожду. Если ты так уверен, конечно, что у нас есть шансы пережить эту ночь. В чём я совсем не уверена, замечу...

— Рядом со мной...

— Знаю, знаю, рядом с тобой мне ничего не грозит. Вот только я думаю, что как бы ни вышло совсем наоборот. Понимаешь, о чём я? Но я подожду, ладно. Но до тех пор не вздумай больше заговаривать со мной, прикасаться ко мне и вообще держись от меня на порядочном расстоянии. Вот мои условия. До выяснения дальнейших обстоятельств, разумеется. А там посмотрим, что изменится.

Блейз грустно улыбнулся. Шейла подумала, что Алану было бы проще отсечь себе правую руку, чем выдавить из себя эту вымученную жалкую улыбку.

— Обещаю, Шелли, ПОТОМ изменится всё.

Приблизившийся бочком арлекин, с успехом изображая случайного прохожего, небрежно обронил:

— Рад, что вы заключили временное перемирие. Именно в такие вот моменты понимаешь всю ценность холостяцкой жизни. Проклятье, да я нарадоваться не могу, что не обременен целой бандой докучливых родственничков!

Блейз угрюмо покосился на Бинго.

— Это была плохая шутка.

— Согласен, с привязанными огромными ослиными ушами. Особенно к холостяцкой жизни. Так как на счёт плана «Б»? И разве тебе не интересно узнать, как в дом проникла Эльвира, почему погас свет, где все остальные и кто палил из пистолета? Твоя-то пушка, кстати, на месте? Не потерял? А то как бы не пришлось устраивать перестрелку в лучших традициях Дикого запада!

Заведя руку за спину и сомкнув пальцы на сандаловой рукояти засунутого за пояс древнего револьвера, юноша с усмешкой сказал:

— Нет никакого план «Б». А того, чего нет, и предугадать невозможно. Следуйте за мной.

— И всё? — разочарованно выдохнул циркач. — Просто следовать за тобой?

— И верить мне.

— О, ну куда же без этого!.. Чёрт возьми, ну почему я не остался в цирке?

Кейт Симмонс, в одной тонкой ночной рубашке, стоя на коленках, пыталась остановить бегущую из пулевого отверстия в груди Уолтера кровь, прижимая к ране взятое в ванной комнате полотенце. Рыдания периодически сотрясали тело девушки, пыльцы были перепачканы горячей, красной, отливающей в темноте чёрным, жидкостью. Уолтер лежал неподвижно, вытянувшись в струну. Глаза доктора закатились под лоб, прерывистое дыхание со свистом вырывалось из едва вздымающейся грудной клетки. На заострившееся лицо Уолтера дождём падали солёные девичьи слёзы.

Девушка не была врачом, но она поняла, что пуля прошла навывлет, аккуратно под правой ключицей Харриса. Кейт не могла знать, задеты ли жизненно важные органы, но она видела растёкшуюся под потерявшим сознание врачом лужу крови, слышала захлёбывающиеся хрипы, исторгаемые его грудью, видела высыпавший на посеревшем лице пот. И всего увиденного, услышанного и осознанного было ей достаточно, чтобы прийти к

неутешительному выводу — дела Уолтера очень плохи. И если ему в ближайшее время не оказать квалифицированную медицинскую помощь, то... То...

Волна накатившего отчаяния с головой захлестнула несчастную растерявшуюся девушку. Паника была готова растворить в бешеной круговерти последние остатки спокойствия и выдержки. Слезы становились всё солоней и горше, а пропитавшая полотенце кровь всё гуще и липче.

— Ну же, Уолт, милый, помоги мне... Ну пожалуйста!.. Уолт, не оставляй меня одну, умоляю... Ты же врач! Ну скажи мне, что надо делать!.. Пожалуйста, Уолтер...

Именно такой, всю в слезах, с красными от крови руками, маниакально бормочущей над неподвижным Уолтером Харрисом и застали девушку ворвавшиеся в комнату для гостей Блейз сотоварищи. Алан не стал терять драгоценное время на вежливый стук и с ходу ударом ноги вышиб дверь, вырвав задвижку замка из косяка. Кейт даже не повернула головы, когда вместе с распахнувшейся дверью в комнату ввалился Алан. И только когда звонко дребезжащий бубенцами арлекин бесцеремонно отпихнул её в сторону, к девушке вернулась способность адекватно воспринимать происходящие вокруг неё события.

— Бинго?.. Алан?.. Вы ведь сможете ему помочь, правда? Вы поможете Уолтеру? Ему очень плохо!

— Шелли, убери её куда-нибудь! — командным голос, не терпящим возражений, распорядился арлекин, прикладывая ладонь к горячему, как печка, лбу рыжеволосого доктора. — Она будет мешать мне.

Ни говоря ни слова, Шейла поспешила обнять всхлипывающую девушку, успокаивающе шепча на ухо всякие ласковые глупости. Кейт безропотно позволила себя увести, едва переставляя ставшие ватными ноги.

Бинго не мешкая, приложил вторую руку к груди Уолтера, смежил веки и затарабанил откровеннейшую на сугубо скептический взгляд Алана чушь. Впрочем, от нелепо выглядящего паяца он и не ожидал каких-либо редкостных заумных фраз. Более всего Бинго напоминал Алану обожравшегося мухоморами шамана. Ну и пусть. Лишь бы от всего этого спектакля вышел хоть какой-нибудь толк. Застывший за спиной занявшегося ворожбой арлекина Блейз видел, что у Харриса очень мало шансов выкарабкаться. И если не произойдёт чуда, то Уолтеру ни за что не дотянуть до прибытия кареты скорой помощи. Тем более что Алан не сомневался и в том, что никакой помощи в ближайшее время и не будет.

И тем большим было изумление юноши, когда Бинго, разведя руки в стороны, резко и звонко хлопнул в ладоши, выкрикнув что-то типа «абракадабра» и преспокойно поднялся на ноги. Глаза арлекина светились в темноте двумя яркими изумрудами. Блейз невольно отодвинулся от него. Сейчас от тщедушного невысокого циркача веяло могучей и подавляющей силой.

— Ну вот... Вроде бы успел, — устало выдохнул Бинго, подмигивая Алану. Глаза арлекина как бы потухли и поменяли цвет с вызывающе сочно-зелёного на приглушенный скромно-карий. — Запоздали бы ещё на минутку, и моих скоромных мизерных никчёмных возможностей не хватило бы, чтобы остановить кровотечение. Но доку по-любому надо в больничку, под присмотр сисястых медсестёр. И чем быстрее, тем лучше. Времени в обрез, приятель. А тут... Что происходит, чувак? Кто в семейном особняке твоего дорого дядюшки набрался немереной наглости стрелять в гостей и впускать за порог исчадия бездны? Чё за ботва? Не знаю, как тебе, но мне всё это нравится меньше и меньше! А кто-то гарантировал, что в этом доме мы будем в полной безопасности. Ничего не припоминаешь?

Не отвечая арлекину, Алан потрясённо смотрел на Уолтера. Дыхание врача постепенно выровнялось, грудь начала вздыматься и опадать в размеренном ровном темпе, исчезли булькающие хрипы. Ай да Бинго! Ай да чёртов лекарь! Блейз уважительно посмотрел сверху вниз на скромно потупившегося арлекина. Может, Бинго и не понимает, может, для него это обычные заурядные фокусы, но он только что спас жизнь очень хорошему и достойному человеку. Так кто из них двоих выше — Алан или Бинго? И кто на кого должен смотреть сверху вниз? Блейз отвёл глаза в сторону. Дурашливый циркач выше него. Он, в отличие от Бинго не в состоянии вернуть человека к жизни. Он может только отнять её.

— Спасибо, Бинго, — сказал юноша, подавая арлекину руку. — Уверен, будь Уолтер в сознании, он бы сказал то же самое. Ты спас его.

— Ты чрезмерно сентиментален, приятель, — сморщил длинный нос Бинго, крепко пожимая ладонь Блейза. — В наше время нельзя быть таким мягким и добрым, как ты. Немало людей пострадало из-за своей доброты. Помни это, Алан Блейз.

— Я знаю, — взгляд Алан был твёрд и серьёзен. — Я знаю.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, хм, — Бинго почесал макушку, сдвинув колпак набекрень. — Дело то пахнет кирасином, не находишь?

Алан подогнул колени и, подняв неподвижное тело продолжающего пребывать в бессознательном состоянии Уолтера, сказал:

— Бинго, надеюсь, ты не подведёшь и на этот раз. Я попрошу тебя об одной вещи.

Арлекин, нахмурившись, смотрел, как юноша осторожно опустил Харриса на кровать и гадал про себя, что задумал Алан на этот раз. Порой мысли этого парня казались арлекину до того нелогичными и откровенно говоря бредовыми, что Бинго диву давался. Он-то считал, что более непонятно и странного человека, чем он сам, во всём мире не сыскать! Ан нет, нашёлся один, который порой такое отмачивает, что хоть стой, хоть падай.

— Ну выкладывай, что там у тебя, — страдальчески вздохнул циркач. — И постарайся не повторяться, лады?

К ним подошла Шейла. Она остановилась рядом с Бинго, нарочито выдерживая порядочное расстояние от Алана. Кейт задержалась у кровати, ласково глядя Уолтера по спутанным волосам и размазывая по лицу слёзы. На щеках Кейт появились кровавые разводы, но ей было абсолютно наплевать на свой внешний вид. Не существовало сейчас для неё ничего и никого более важного, чем лежащий на постели раненный человек.

— Я не оставлю его! — неожиданно громко сказала Кейт, склонившись над Харрисом. — Понимаете? Я не смогу оставить его одного! Он же не бросил меня...

— Началось, — Бинго обиженно посмотрел на неё. — Лапочка, кто тебе сказал, что мы собираемся кого-то из вас бросать? Что ещё за глупости? Мы все в одной лодке. Лодка, правда, дырявая, как решето, и камнем идёт на дно, но мы будем барахтаться до конца. Все вместе. Смекаешь?

— Эй, она же просто высказала своё мнение! — Шейла опалила циркача возмущённым взглядом сверкающих синих глаз. — Разве ты не видишь, ЧТО их связало? Теперь они не смогут жить друг без друга! И конечно Кейт ни за что не оставит доктора Харриса...

Арлекин, толкнув локтем Алана, скорчил изумлённую мину.

— Ты сейчас на каком языке с нами разговаривала, мисс Пухленькая Мордашка?

— Я говорю о любви! — Шелли засопела рассерженным ощетилившимся ёжиком. — Тебе хоть знакомо это чувство, бессердечный шут? И не говори мне, что я толстая! Я это и без тебя знаю...

— Знакомо ли мне это чувство? А тебе? Нет-нет-нет, давай лучше спросим у твоего братишки! А что? Клёвая идея... Ой. Ой-ой-ой!.. Ай,пусти меня, гад!

Бинго заверещал загнанным зайцем, когда жилистая и невероятно сильная рука сгребла его за шиворот, сминая пышное жабо, и играючи вздёрнула в воздух. Загнутые носки клоунских башмаков зависли в полуметре от пола. Алан приблизил лицо к перепуганной физиономии арлекина и мрачно сказал:

— Веришь ли, друг мой, я сегодня не предрасположен к подобного рода шуткам. Мы поняли друг друга?

— Вполне, — выдавил полузадушенный Бинго.

Шелли, посматривая в сторону, небрежно обронила:

— Отпусти его. Отпусти его!

От Блейза не ускользнуло, что сестра упорно продолжает избегать встречаться с ним взглядом, словно не замечая его присутствия. Со стороны казалось, что они два совершенно незнакомых человека, не знающих даже имён друг друга. И это ранило его гораздо больше, чем необдуманно двусмысленные слова арлекина. Бинго остался болтаться в воздухе.

— Да поставь ты его на пол, ради Бога! — девочка со злостью уставилась на Блейза. — Он же ни в чём не виноват! Он не виноват в том, что говорит правду. Слышишь меня?

— Ты с кем разговариваешь? Со мной? — длинные волосы скрывали лицо Алана, но Шелли показалось, что в глазах брата запылал пожар. — Шелли, ты забыла моё имя?

— Я не знаю, кто ты... — кусая губы, Шейла упрямо задрала подбородок. Голос её дрожал и срывался. — Да, я забыла твоё имя.

— Шелли...

Бинго, продолжающий трепыхаться в стальной лапе Блейза, как пойманный на крючок пескаррик, демонстративно откашлялся и хрипло сказал:

— Ребята, если вам так уж охота не сходя с места выяснить, кто из вас круче, то пожалуйста, ради Бога. Но только, чур, без меня! Слышите, вы, два недоумка? Я в ваших играх не собираюсь принимать никакого участия! Да пусти же ты меня!..

Блейз поставил возмущённо брызжущего слюной циркача на пол и буркнул:

— Извини, я не расслышал тебя.

У Бинго от этих слов глаза на лоб вылезли. Чего-чего? Не расслышал его? О чём он вообще говорит? Арлекин мысленно заставил себя успокоиться и миролюбиво заявил:

— Сестрёнки — братишки, мать вашу, может, пока мы тут все не поубивали друг дружку, начнём делать что-нибудь полезное? У нас на руках два раненных человека, между прочим. И целая куча неразрешённых проблем!

Шелли почувствовала, как жгучий румянец стыда заливает ей щёки и кусает за уши. Господи, ну что же это они, в самом деле, творят! О чём они думают? Да об одних себе, и больше ни о ком! Только о своих обидах. Да о чём угодно, но не о тяжело раненом Уолтере и не о продолжающем пребывать в бессознательном состоянии Энди! И уж конечно не о Кейт. И не о Дейзи. И не о дяде Фреде. И они совсем забыли о маленьком Тони. Они помнят только о себе. Девочке стало невероятно стыдно. Она была готова провалиться сквозь землю.

— Извини, Бинго, мы ведем себя как жестокие неразумные дети, — Шелли вытянула из кармана джинсов платочек, нервно скомкала и засунула обратно.

— Вы должны извиняться не передо мной, — прозвенел колокольчиками арлекин. — В нас нуждаются наши друзья. Без нас они пропадут, понимаете?

Алан взялся за ручку двери. Он так хотел сказать Шейле что-нибудь успокаивающее и тёплое. Хотел подбодрить её, сказать, что всё... Чёрт, да он больше всего хотел сказать избитую фразу, что всё будет хорошо! Но не мог. Не стал он ничего говорить. Что бы он ни сказал, Шелли не услышит его. Ссутулившись и став чуть ниже ростом, Блейз отстраненно произнёс, не к кому конкретно не обращаясь:

— Я иду первый. Шелли за мной. Ты, Бинго, замыкающий.

— А Кейт и доктор Харрис? — Шейла, ни сделав и шага, исподлобья уставилась на юношу. — Мы что, оставим их здесь?

— Мы обязательно вернёмся за ними, клянусь, — Алан выпрямился во весь рост и расправил плечи. — Но сейчас я не смогу нести Уолтера и одновременно защищать нас. Не бойся, Шелли, мы вернёмся за ними. Но сначала мы должны найти дядю Фреда, забрать Дейзи, и кое-что выяснить. Не волнуйся, мы не бросим ни дока, ни Энди. Но сейчас они будут связывать нас.

— Что ты хочешь выяснить? — девочке стоило немало труда заставить себя поднять на брата глаза.

— Кто стрелял в Уолтера. И кто пригласил в дом Эльвиру. И кто заварил всю эту кашу, — Алан невесело улыбнулся. — Ты не задавала себе вопроса, почему до сих пор не включилось электричество, не примчался дядя Фред и почему никак не проснётся от всего этого шума, грохота и выстрелов Энди Тёрнер?

На лицо Шейлы набежала тень, тонкие губы сурово поджались. Ей показалось, что её с головой окунули в ледяную прорубь.

— Ты на что намекаешь?

— Один из нас предатель.

— Это не я! — как оглашенный завопил Бинго, запутался в собственных ногах и брякнулся на пол, теряя сознание.

Его выдающаяся пантомима в который раз осталась без внимания. Шелли растерянно хватала широко раскрытым ртом воздух, потрясённо уставившись на старшего брата. Блейзу хотелось прижать её к себе, заключить в объятия и успокоить, прогнать страхи и тревоги. Но он знал, что сделай он хоть движение и напугает девочку ещё больше.

— Кто-то из нас изменившийся. И он умудрился под шумок проникнуть в дом. Затем он впустил Эльвиру и попытался убить Уолтера. Он очень опасен, этот человек. Если он всё ещё человек, конечно.

— Кому... Кому тогда можно верить?! — едва не плача, с болью в голосе выкрикнула Шейла. — Хоть кому-то можно доверять в этом мире?

— Можно, — кивнул Алан. — Верь мне.

Глава 24

Когда раздался второй выстрел, Алан подумал о том, как бы прозвучал выстрел из револьвера, прижимающегося сандаловой щёчкой к его пояснице. Отчего-то ему показалось, что выстрелы получились бы идентичными. Из изъятых юношей из кабинета Старжински револьвера можно было смело расстреливать мамонтов. Судя по прокатившемуся под сводами особняка грохоту, из пушки неведомого стрелка тоже. Как бы ни были наши стволы одной породы, скрипнул зубами Алан. И если его полубредовое предположение окажется верным, то что получается на выходе? Два абсолютно одинаковых редчайших старинных револьвера?.. Забавно, да? И очень подозрительно. И кем бы ни был этот таинственный стрелок, в темноте он видит не хуже совы. Кожу Блейза усеяли скребущие нервы мурашки. Дела их, похоже, ещё хуже, чем думает Бинго.

— Что происходит?! — Шелли взвизгнула как самая распоследняя истеричка и машинально прижалась к брату. Впрочем, тут же торопливо отпрянула назад, словно дотронулась до чего-то мерзкого и противного. Разумеется, Алан не стал заострять внимания на поведении девочки. Хватало других проблем, накатывающих с каждой секундой, как снежный ком, и готовых погрести под собой тяжёлой непреодолимой лавиной.

— Бинго, живо поднимайся и присматривай за Шейлой, — отрывисто бросил Блейз, выскакивая за дверь. — Запритесь и кроме меня никому не открывайте. Слышите, НИКОМУ!..

Не дожидаясь, пока за спиной щёлкнет собачка замка, Алан побежал по коридору, на ходу доставая револьвер и взводя курок. Чуткое натренированное ухо юноши сразу определило источник выстрела. Бабахнуло в западном крыле дома, в районе второй гостевой комнаты. Там, где дядя Фред разместил Дейзи Хилл.

Если с ней что-нибудь случится, я себе этого не прощу, билось в голове мчавшегося по погружённому во тьму особняку молодого человека. Частый стук шагов, бьющие в пол каблуки сапог глухим эхом отражались от стен. В голову настойчиво лезли банальные, избитые мысли, затасканные в своей простоте и обыденности. Но хоть убей, Алан больше не мог думать ни о чём другом. Только бы не опоздать! А ну как уже слишком поздно? Чёрт. Чёрт! Чёрт!!

Алан на всех парах влетел в холл, поскользнулся на повороте, удержал равновесие, рванул дальше, мимо кушетки со спящим летаргическим сном Энди Тёрнером, про себя отметив всю странность этого непробудимого сна и... Его остановил вспыхнувший под потолком свет. Загорелась огромная, свисающая на массивных железных цепях двухсотсвечная люстра, заливая холл ярким солнечным светом. Юноша встал как вкопанный, сощурил глаза и костеря себя на все лады. Приехал, мать твою, умник херов. И кто ему внушил, что он прирожденный стратег и гениальный полководец? Возможность потенциальной ловушки Блейз как-то даже и не рассматривал. Чёрт.

Практически мгновенно адаптировавшись к бьющему по глазам свету, Алан понял две малоприятные, а выражаясь точнее, две совсем уж дерьмовые вещи. Во-первых, Энди Тёрнер ему не помощник. Одного брошенного внимательного взгляда хватило, чтобы увидеть нездоровую бледность шерифа, выступившую испарину и судорожно дёргающиеся веки.

Тёрнер спал, но видел ли он сны? И не было ли его состояние навеванным дурманом забытьём? Блейзу показалось, что Энди всё прекрасно слышит и понимает, и хочет проснуться... Но не может.

Во-вторых, Алану совсем не понравилась развалившаяся в мягком кожаном кресле напротив кушетки с выведенным из строя Тёрнером фигура. Особенно юноше не понравилось то, какими глазами смотрел на него занявший кресло человек. Нехорошо так смотрел. Обычно подобный взгляд называют тяжёлым и зловещим. И, развивая тему до конца, Алан вынужден был признать, что БОЛЬШЕ ВСЕГО ему не понравилось то, что он преотлично знал этого человека.

Блейз вернул курок оттягивающего руку револьвера в исходное положение, привычно засунул за ремень и спокойно, словно ничего не произошло, сказал:

— Странные вещи в последнее время творятся в этом городе, не так ли? Я, пока бежал, как раз думал обо всей этой чертовщине, о странностях...

— Всё верно. Мы живём в чертовски странное и неустойчивое время. В любой момент всё может измениться. Чёрное стать белым, а белое красным.

— Но чего я никак не мог представить, так это того, что странности проникнут за стены этого дома, — Алан медленно отступил к ведущей на второй этаж лестнице, не спуская настороженных глаз с расположившегося в кресле человека, и прислонился плечом к резным деревянным перилам.

— Как я уже сказал, всё меняется. Запомни, нет в мире ничего неизменного. Нет ничего, что нельзя было бы подстроить под свои нужды, изменить, исказить, извратить. Неважно, о каком бы материале не шла речь. Искусной лепке легко поддаются как тела, так и души. Всё можно продать, купить, забрать, дав взамен ложные ценности и приправив щепоткой иллюзорной пыли — надежды на лучшее будущее. Люди так падки на подобную чушь!

— Во многих сильны истинные ценности.

— О-о-о... Ты разбираешься в истине? Так что, скажи мне, наиболее ценно для человека? Что на самом деле истинно, а что всего лишь мираж, придуманный для облегчения жизни миф? Ты думаешь, что знаешь правильный ответ?

— Я не силён в словесных поединках, — поджав губы, покачал головой Алан. — Но я знаю цену истины. Она в наполняющих тебя чувствах. В том, что делает тебя человеком.

— Bravo, bravo... Не самый плохой ответ, замечу. Но совершенно неактуальный и здорово устаревший.

— Время не властно над истинными ценностями, — Блейз позволил себе скупую улыбку.

— Туше.

— Кто стрелял из револьвера?

— Тот, кого ты столько времени безнадёжно выслеживаешь. Ты совсем скоро увидишься с ним, обещаю. И не дёргайся, Алан. С твоей ненаглядной Дейзи всё в порядке. Пока. Пока я не приму решение об обратном.

Ни одним движением Блейз не выдал охватившей его радости и чувства облегчения. Хотя... Кто знает, стоит ли верить ЭТОМУ человеку? У человека с ТАКИМИ глазами должно быть, нет за душой ничего святого. Одна Тьма. Алан сжался в нехорошем предчувствии. Хотя, куда уж хуже...

— Ты не слишком удивишься, если я спрошу — почему? Почему? Что с тобой

случилось, дядя Фред? В кого ты превратился? Ты ли это?

— Ты всегда умел задавать правильные вопросы, дорогой племянник, — хищно улыбнулся Фредерик де Фес, закидывая ногу на ногу. — Умный мальчик. Я всегда это говорил.

— Мы должны были последовать за ним. Не стоит нам запирать себя в четырёх стенах! — Шелли выжидающе уставилась на арлекина. — Я думаю, что мы уже достаточно насиделись. Ты со мной?

Бинго, согласно кивая головой, всем своим видом одобряя каждое сказанное девочкой слово, уверенно загородил входную дверь.

— Конечно, я с тобой. И физически и морально! Но, по-моему, не будет лишним определиться, что мы должны делать, а что нет, согласна?

— Что ты имеешь в виду? Боишься и шагу ступить без ЕГО разрешения?

— Судя по всему, ты подразумеваешь под этими таинственными определениями «он», «его», «ним» Алана, своего брата. Я прав? Впрочем, как и всегда. Ну, или почти... Ладно, суть неважно! Лучше задумайся вот над чем, красотуля: Алан попросил верить ему. И я, лопнуть мне на месте, не вижу никаких причин поступать с точностью, да наоборот! Сечёшь?

— Да как ты можешь говорить такое! — фыркнула от негодования Шейла. — После всего, что он сделал...

Бинго прислонился спиной к дверям, не спуская чуть насмешливого взгляда с пыхтящей от возмущения девушки. Густые чёрные волосы Шейлы переплетались с непроглядными, заполонившими комнату сумерками, глаза взбудараженно сверкали во тьме синими маяками.

— Сделал? — заломил нарисованную бровь циркач. — А что он сделал? Нет, ну признайся хотя бы сама себе, что такого непоправимого и ужасного сделал твой старший брат?

— Да как ты не понимаешь!..

— Ой, ли, прелестница ты моя? Я не понимаю? А ты, стало быть, всё понимаешь? Да? Ну тогда скажи, не таясь, что такого стрёмного свершил Алан, раз уж мы коснулись этой темы? Что он сделал? Убил и съел твою любимую кошку, разрисовал похабными надписями обои в твоей комнате, помочился в твою постель, набил морду твоему мальчику? Ну? Что Алан натворил, что потянуло бы на двести лет тюрьмы строгого режима? Изнасиловал тебя?.. Пытал? Мучил? Разуй глаза — он сам мучается!

Шелли с огромной обидой посмотрела на невозмутимого арлекина и упрямо вздёрнула подбородок. Ну почему так? Почему совершенно посторонний человек говорит ей прописные истины, а ей и крыть нечем? Почему её сообщают то, к чему она должна прийти сама, своим умом?

— Он влюблён в меня... — слабым голосом, полным слёз, прошептала девочка, используя этот довод, как последнее средство защиты. — Мой родной брат любит меня как женщину...

— Хм, м-м... Ну не знаю я! — всплеснул руками в жесте отчаяния Бинго. — Ну что тут сказать? Ну, всякое бывает, ну немножко загоняет парень, ну есть такое дело!.. Так что ж теперь, перестать с ним здороваться?

Шелли застонала сквозь плотно стиснутые зубы. Бинго невыносим! Абсолютно!

Невероятно, как в одном человеке способны ужиться и сосуществовать столь разные противоположности. То арлекин выглядит надёжнейшим серьёзным парнем, которому можно без всякой оглядки доверить самое сокровенное, то вдруг это серьёзный парень непонятно куда исчезает, и циркач начинает столь сильно выпячивать своё кредо шута и раздолбая, что хочется немедленно придушить его!

— Я тебя поняла, — закусила нижнюю губу девочка. — Из каких-то извращённых соображений и чувства совершенно неуместной здесь мужской солидарности ты не выпустишь меня. Будешь держать взаперти, пока ОН не постучится в дверь. Так?

— Угу, в яблочко, куколка.

— А ну прочь с дороги, придурок размалёванный! — срывая горло, рывкнула Шейла, дивясь собственной решительности. — Я не намерена сидеть в этой комнате и дожидаться дня страшного суда!

Арлекин щёлкнул ногтем по свисающему перед носом колокольчику и спальню Шейлы пронзил мелодичный хрустальный звон. Девочка невольно прислушалась к тающим в сумраке нежным хрупким звукам. Колпак арлекина определённо обладал врождённой музыкальностью.

— Оскорбляя меня, ты не добьёшься ровным счётом ничего, — спокойно сказал Бинго. — Меня очень трудно вывести из себя, предупреждаю. Не трать зря нервы. Чтобы спровоцировать меня на необдуманные действия, нужно ещё постараться. Тебе это не под силу, глупышка. Ты слишком чиста и невинна, чтобы подобрать ключик к моей невозмутимости.

Выдать достойный ответ девочке помешал вспыхнувший на прикроватном столике ночник. От неожиданности Шейла испуганно пискнула и потрясённо уставилась на горящую ровным желтоватым светом лампу, словно на факел в руке статуи Свободы.

— А это уже интересно. Чем дальше, тем веселее, — вопреки произнесённым словам, помрачнел арлекин. — Будем считать, что ты убедила меня.

— Мы выходим наружу? — Шелли не спрашивала, она констатировала факт.

— Назовём это вынужденной разведкой боем! — найдя подходящую отговорку, вывернулся Бинго. — Но давай сразу договоримся на всякий случай, что ты меня заставила силой, идёт?

— А кто совсем недавно утверждал, что сил у меня кот наплакал? — мстительно прищурилась Шелли.

— А ты умеешь брать за яйца!

— Размечтался.

Алан смотрел на сидящего в кресле человека и отказывался верить своим глазам. Это не мог быть Фредерик де Фес! Человек, вольготно расположившийся в мягком удобном кресле, не мог быть его дядей! Человек, не сводящий с него хищного, полного скрытой угрозы взгляда, не мог быть человеком, в конце концов!.. Но Алан упорно продолжал смотреть и понимал с каждой секундой всё больше, что любая ошибка была исключена. К огромному сожалению. Несмотря на вгрызающуюся в сердце боль, юноша вынужден был признать, что дядя Фред, человек, знакомый ему с самого раннего детства, тот, которого он очень сильно любил и уважал, человек, вне всякого сомнения, достойнейший и замечательный, предал его. Предал Шейлу. Передал память тёти Урсулы. Фредерик де Фес предал их всех.

У юноши плохо укладывалось в голове, как такое вообще могло произойти, и что

толкнуло старика на столь ужасный и необъяснимый с точки зрения здравого смысла шаг. Ну не мог же старый добрый Фред в одночасье измениться и превратиться в хладнокровное презрительно усмехающееся чудовище!.. Измениться. Измениться, озарило Алана! Неужели Фредерик попал под влияние захвативших город потусторонних сил? Неужели дядя Фред спасовал перед дьявольской луной? Да ну, в это Алан был готов поверить ещё меньше. Со слов Бинго выходило, что под воздействие злых чар попадают в основном люди слабые и безвольные, с червоточинкой в душе, с изъяном в сердце, готовые на сделку хоть с самим Сатаной ради личной выгоды и превосходства над остальными. Нет уж! Фредерик никогда не был таким! А каким он был? Может, Алан просто плохо знал своего любимого дядюшку? Кого мы знаем, как самих себя? Да зачастую мы и себя-то плохо знаем. А чужая душа всегда потёмки... Чёрт. Алан понял, что окончательно запутался. Голова была готова взорваться от распирающих мыслей и предположений, одно сомнительней другого. Чёрт!

— Хочешь, скажу, о чём ты сейчас думаешь? — с вкрадчивыми интонациями змея-искусителя спросил де Фес. — Все твои спутанные мысли и лихорадочные рассуждения аршинными буквами написаны у тебя на лбу.

— Ты всегда понимал меня, дядя Фред, — улыбка у юноши вышла кривее некуда. — Ты единственный из всех, кто всегда меня понимал. Странно... Теперь я отказываюсь понимать тебя.

Фредерик закинул ногу на ногу и приглашающе махнул рукой.

— Да ты садись, племянник, садись... Верно говорят — в ногах правды нет. Потолкуем как в старые добрые деньки, а? Времени у нас море разливанное, ночь не закончится, пока мы не договорим. Так что успеем обсудить всё, что ни пожелаешь. Я готов ответить на любые вопросы. Может, чайку?

Присев на самый краешек второго кресла, Блейз ткнул большим пальцем за спину, в сторону забывшегося в бреду Энди Тёрнера.

— Ты и шерифа угощал чаем? В таком случае, благодарю покорно, дядя. Мне совсем не улыбается вырубиться на неопределённый срок. Чем ты траванул его?

— Сплюнь три раза, Алан! Неужели я похож на злобного монстра, способного отравить такого милого и обходительного юношу? Я всего лишь облегчил его страдания, вколыв усиленную дозу обезболивающего. Теперь Энди будет спать долго и крепко, и видеть приятные сны!

— Скорее кошмары... Посмотри на него, дядя, посмотри внимательней. Он хочет проснуться, вырваться из забытья, но не может. Ты сделал Тёрнера беспомощнее ребёнка, чтобы он не мешал тебе!

— Ясно... — де Фес забарабанил кончиками пальцев по подлокотнику кресла. — Я всё понял — чаю ты не хочешь.

Алан пристально смотрел на Фредерика и не уставал дивиться про себя. Неужели этот желчный, язвительный, жутковатый старикан — родной брат их мамы? Неужели этот человек все эти годы столь удачно прикидывался добрым заботливым дядюшкой? Играл всё это время в порядочного семьянина?

Де Фес, в домашнем халате и мягких тапочках, уютно устроившись в кресле, продолжал загадочно улыбаться, давая Блейзу возможность вволю насмотреться на него. Это был всё тот же старый добрый дядя Фред. Высокий сухощавый старик с благородными, немного резковатыми чертами лица и тронутыми сединой светлыми, всегда аккуратно расчёсанными волосами. Человек, одним своим видом внушающий уважение и доверие. Де Фес всегда умел

расположить к себе кого угодно, найти общий язык с любым собеседником и подрубить на корню любую назревающую ссору. Старый добрый дядя Фред... Но появились и отличия.

У того дяди Фреда, которого знал Алан, не было ТАКИХ глаз. И не могло быть по определению. Глубоко посаженные, с орлиным блеском, глаза старика приобрели матово-чёрный, какой-то неживой, мертвенный оттенок. Словно в глазницы залили расплавленного битума. Зрачки Фредерика терялись на фоне расплывающейся черноты, и юноше казалось, что подобная же чернильная мгла заполнила и голову старика. Блейзу внезапно захотелось заглянуть Де Фесу в уши и ноздри. Он и хотел, и страшился одновременно. Кто знает, что он увидит... Вдруг такую же тьму, как и в глазах?

— Ну, я весь в твоём распоряжении. Не стесняйся, племянник, уверен, что у нас выйдет на редкость душевная беседа. Я, как ты мог заметить, уже начал отвечать на твои вопросы. Дело потихоньку трогается с места.

— Никогда бы не подумал, что твой холл превратиться в комнату допросов, — угрюмо заметил Блейз. — Раньше здесь только встречали гостей и отряхивали намокшие после дождя зонтики...

— Раньше ты ничего не скрывал от меня! — погрозил пальцем старик, сверкнув чёрными безжизненными глазами. — Согласить, что будет не справедливо, если постоянно один я буду отвечать на вопросы. Уверен, что и ты не совсем честен со своим дорогим дядюшкой, сорванец!

Алан озадаченно потёр поросший жёсткой колючей щетиной подбородок. Должно быть, видок у меня ещё тот, мрачно усмехнулся Блейз. Небритый, заросший давно не видевшими расчёски и шампуня длинными волосами, тип. Прямо хиппи какой-то получается...

— Я никогда от тебя ничего не скрывал, дядя Фред, — Алан не спускал с де Феса настороженного взора. — Возможно, ты единственный, с кем я был всегда откровенен. Что случилось с твоей памятью?

— Знаешь, Алан, в моём почтенном возрасте, память, бывает, выкидывает дурные шутки, — старик беспомощно заулыбался. Глядя на Фредерика, Блейзу пришло на ум сравнение с обнажившей в хищном оскале тройной частокор зубов белой акулой. — Вот доживёшь до моих преклонных лет и тогда всё поймёшь сам.

— Не припоминаю, чтобы ты когда-нибудь жаловался на возраст, — юноша прижался к спинке кресла. Рукоять револьвера успокаивающе надавила на поясницу. Блейз был уверен, что успеет выхватить оружие в мгновение ока. На всё про всё у него уйдут доли секунды. Ни один человек не сможет опередить его. Даже изменённый. Но Блейз надеялся, что ему больше не придётся доставать пушку. Хватит на сегодня выстрелов. Но отчего-то в юноше всё больше крепла уверенность, что выстрелы он ещё услышит. И не раз.

А больше всего Блейза смущало осознание того, что так сильно изменившийся дядя Фред, в общем-то, не был похож на изменённого. Ну вот не был он свихнувшимся за последние часы под воздействием сил Хаоса безумцем! Не был. Фредерик де Фес был кем-то другим, но не изменившимся. Если старик и изменился, то уже очень-очень давно.

— Стало быть, не жаловался? — Фредерик сцепил пальцы рук на коленке. — Эх, Алан, Алан, знал бы ты, как порой тяжело скрывать терзающие тебя недуги от окружающих... Постоянно прятать внутри себя снедающие душу желанья. Выглядеть не тем, кто ты есть на самом деле, а тем, кем тебя привыкли видеть окружающие. Вся эта серая, инертная масса, называемая просто — люди... Всё ЭТО здорово достаёт и напрягает, согласен? Признай, что

я прав, мой мальчик. Я вижу, что ты испытываешь схожие с моими, проблемы личного характера. И так было всегда.

— Девяносто пять процентов людей на земле — инертная масса. Один процент — святые, один — непроходимые кретины, и только три процента чего-то могут достичь в жизни. И достигают, — на одном дыхании, с каменным лицом продекламировал Блейз. — Я понимаю, что тебе тяжело, дядя Фред.

— О, наконец-то я начал слышать здравые обдуманые рассуждения!

— Это ты впустил в дом Эльвиру?

— Да. Замечательной артисткой была эта девушка, не находишь? И достаточно интересной собеседницей, смею добавить. Мне будет не доставать её. Искренне жаль, что так получилось. Я... Я не хотел, чтобы вы столкнулись носами.

— Прости, дядя, но я почему-то не верю тебе, — сказал Алан. — Бьюсь об заклад, что ты со свойственной тебе тщательностью и дотошностью просчитал каждый наш шаг. Предугадал наши дальнейшие действия на несколько ходов вперёд. Мог ли ты не знать, что мы с Эльвирой не разминемся на узкой дорожке? Абсолютно исключено!

— Хе-хе, всё верно, племянник! Твой старый дядька ещё даст фору кому угодно! — довольно потёр руки Фредерик. — Чувствую, что мы всё-таки поладим с тобой. Ну кто, если не мы, а? У нас как ни у кого другого много общего. Ты мне нравишься, юноша! Ты словно отражение моей ушедшей молодости.

Блейз перевёл взгляд с хозяина особняка на входные двустворчатые двери.

— Кто ещё кроме нас и МОИХ друзей находится в доме? Кого ты ещё впустил, дядя Фред? Кто стрелял в Уолтера? Это был твой второй поделщик?

Глубокомысленно подперев сжатым кулаком до синевы выбритый подбородок, де Фес достаточно пространно ответил:

— Не один я, не буду скрывать... Убитая тобой Эльвира была не последней верной мне куклой. Ты подрезал далеко не все ниточки.

— Кто он? Она?..

— Это Рудольф Старжински, — учтиво улыбнулся Фредерик, как будто своим признанием оказывал Алану огромную безвозмездную услугу. — Не дёргайся, Алан. И не пытайся наброситься на меня и перегрызть моё дряблкое горло. Я знаю, что ты парень быстрый и чертовски опасный и вполне можешь прикончить меня. Я и пикнуть не успею! Но хочу сразу предупредить, что не успеет мой труп остыть, как выпущенная из револьвера пуля пробьёт сердце одного человека. Хорошо знакомого тебе человека, племянник. Подумай об этом!

Блейз как бы невзначай завёл руку за спину и почесал меж лопаток. Старик запросто читал его мысли. Алану ничего не стоило выхватить ствол и всадить пулю любимому дяде в лоб. Юношу останавливало осознание того, что перед ним находится всё-таки его дядя и факт признания правоты последнего. Как бы ни был быстр Алан, он не сможет разорваться надвое и остановить жмуций на спусковой крючок палец Старжински.

— Старжински держит на мушке Тони? — нахмурившись, уточнил Блейз, расставляя все точки над і. — Мальчик у него в заложниках?

— Именно, именно, мой юный друг! Только ты используешь грубое и совсем неуместное в данном контексте слово. Ну какие могут быть в моём дом заложники? Что мы, террористы, что ли?.. Просто мальчик будет служить до поры до времени надёжной страховкой. Этаким сдерживающим фактором. На случай необдуманных и глупых поступков

со стороны некоторых из здесь присутствующих. Думаю, не нужно конкретизировать, Алан?

— Интересная расстановочка получается, — невесело усмехнулся Блейз, откидывая упавшие на глаза волосы. — Счёт разгромный и совсем не в мою пользу.

Фредерик наигранно печально вздохнул и широко развёл руками.

— А что поделаешь, дорогой племянник? Что поделаешь... Да, всё так и обстоит. Смотри сам: Уолтер тяжело ранен и наверняка находится при смерти (Маэстро Старжински слывёт в определённых кругах отменным стрелком), Тёрнера в ближайшие часы не разбудишь и целенаправленным взрывом авиационной бомбы. Дейзи Хилл заперта в комнате для гостей и без посторонней помощи ей оттуда ни за что не выбраться... Кто там у нас остался неучтённым? Кейт Симмонс?! Алан, тебе самому не смешно считать эту девушку серьёзным подспорьем в борьбе со мной? Ну, кто ещё? Этот жалкий никчёмный фигляр Бинго? Это даже не смешно! Это ужасно, поверь мне. Этот слабоумный придурок даже не смог измениться, как все его порядочные коллеги! И ты рассчитываешь на его помощь? Не будь глупее него, племянник!

— Ты явно недооцениваешь арлекина, — не теряя самообладания, сказал юноша.

— Перестань, Алан, перестань... Подведём итог. Что у нас выходит после подсчёта боевых ресурсов? А выходит, что ты один. Совсем один. А один в поле не воин, знаешь ли.

— Ты думаешь, что я остался один? — Блейз исподлобья посмотрел на загибающего пальцы старика. — Положим, что это так. Но мне, ЗНАЕШЬ ЛИ, не привыкать, дядя Фред. всю жизнь всё равно, что живу и существую один. Больше существую, чем живу. Я давно научился обходиться своими силами. А ты? Что сможешь противопоставить мне ты? Последнего оставшегося у тебя в подчинении трусливого поддонка, держащего нож у горла маленького беззащитного мальчика? Чего стоишь ты один, дядя? Чего стоишь лично ты сам?!

Некоторое время Фредерик де Фес буравил племянника тяжёлым, не предвещающим ничего хорошего взглядом, зловещим и тёмным, как самая глубокая и долгая ночь в году. В глазницах насупившегося старика бурлили чёрные, пронизанные опасными искрами, водовороты. В этих страшных глазах не было ни капли безумия и ничто не указывало, что в мозгу де Феса прогрессирует наступающее сумасшествие. Но в глазах старика так же не было и ничего человеческого. Совсем ничего. Алан подумал, что смотрит в глаза не живого человека, а восставшего из могилы покойника. Пришедшего с ТОЙ стороны чудовища. У дяди Фреда были глаза паука.

— Будь осторожен в своих желаниях, племянник, — гортанно произнёс Фредерик, практически не разжимая тонких сухих обескровленных губ. — Подумай дважды, прежде чем говорить вслух. Подумай, как следует и спроси у меня ещё раз, чего я стою один. И спроси у себя, а хочешь ли ты на самом деле узнать, чего я стою?

По спине Блейза галопом промчался очередной взвод мурашек. Молодой человек был готов присягнуть, что только что с ним говорил не дядя Фред! Да, напротив него в кресле в вальяжной расслабленной позе восседал всё тот же худощавый, одетый в домашний халат старик, но голос!.. Голос принадлежал не Фредерику де Фесу. Со стороны это выглядело, как будто рот открывал старина Фред, а говорил его губами кто-то другой. Словно некто угнездился внутри де Феса и впервые дал о себе знать. Алану ещё больше захотелось заглянуть Фредерику в уши, ноздри и по возможности в рот. А вообще с дядей ли Фредом он разговаривает? Блейз весь покрылся испариной. Что же за дьявольщина происходит? И что делать ему? Ведь, чтобы не говорил Алан с героически непроницаемой физиономией, дядя

Фред при любом раскладе кладёт его на лопатки!

— Сказать по правде, больше всего меня интересует не твоя истинная цена, а совсем иное. Дядя Фред.

— Спрашивай, ты спрашивай, Алан... Не обращай внимания на стариковские брюзжания.

— Зачем тебе нужна Шейла? — подавшись вперёд, спросил Блейз. — Во что ты хочешь втравить мою сестру?

Де Фес рассмеялся. От смеха старика, более напоминающего визжание тупой цепной пилы, у Алана заныли зубы. Отсмеявшись, Фредерик погрозил юноше указательным пальцем.

— Несносный мальчишка! Ты что, хочешь, чтобы я заработал инфаркт? Я, конечно, хорошую шутку ценю и всегда готов поддержать, но всё имеет свои пределы. Некоторые шутки вызывают у меня сердечные колики.

— Я не шутил, — выдвинул нижнюю челюсть Алан. — Если ты забыл, то я напомню тебе, что не позволю причинить Шелли ни малейшего вреда. Не перебивай! Я не знаю, что ты задумал и врядли ты сподобишься просветить меня на счёт своих планов... Но, какие бы ты планы не строил в отношении моей сестры, прошу тебя — забудь о них. Забудь, дядя Фред. Я не шучу. Ради безопасности Шейлы я не остановлюсь ни перед чем. Я пойду до конца. За НЕЁ я готов убить и умереть. ЭТО ты знаешь. Помнишь наш последний разговор на эту тему? Я тогда поклялся, что не дам и волоску упасть с её головы. Я тогда много чего наговорил. Виски чертовски хорошо развязывает язык и пробивает на откровенность.

— Да уж, — Фредерик потёр ладонями седые виски. — Было время, когда мы просто беседовали за бутылочкой, как старые добрые друзья. Не то сейчас, увы. Возникает патовая ситуация, мой мальчик. В одном ты прав — у меня есть планы. Далеко идущие, не скрою, планы. И твоя любимая младшенькая сестрёнка занимает в моих планах отнюдь не последнее место. Я бы даже сказал, что Шейле отведена ключевая роль. А ты хочешь сорвать спектакль! Опомнись, Алан, билеты уже все проданы, и партер ломится от зрителей!

— Тебе придется отменить представление, — сверкнув тёмно-карими глазами, усмехнулся Блейз. — Мне наплевать на собственную жизнь, мне терять нечего, понимаешь? А человека, которому нечего терять, ничем не запугать. Бояться должен ты, дядя. Говорю ещё раз — оставь в покое Шелли. Иначе...

— Ты угрожаешь мне в моём же собственном доме, негодник, — угрожающе промурлыкал де Фес, искоса поглядывая на Алана. — Забавно... Но ты договаривай. Иначе ЧТО?

Не опуская глаз, Алан негромко, но отчётливо сказал:

— Иначе я убью тебя.

— Вот так просто возьмёшь и убьёшь? — Фредерик выглядел слегка удивлённым. — Даже не пытайся переубедить или остановить меня? Не прибегая к другим, менее радикальным способам?..

Юноша вздохнул.

— Да нет никаких других способов. И ты знаешь это. Ты знаешь, что по-другому тебя не остановить. Только смерть заставит тебя отказаться от своих планов.

— Если ты так думаешь, зачем тогда предоставлял мне право выбора? — твёрдые губы де Феса изогнулись в жутковатой улыбке.

— Ты очень похож на моего дядю.

Старик чуть сгорбился, став похожим на матёрого, битого жизнью, насторожившегося стервятника. Страшные, чернильно-чёрные глаза Фредерика, казалось, остекленели, превратившись в застывшую лаву. Несколько секунд, не мигая, де Фес смотрел на племянника. Для Блейза эти секунды растянулись на долгие часы. Взгляд старика одновременно ужасал и завораживал, притягивал и отталкивал. Налившиеся тьмой глаза гипнотизировали, туманили сознание, пытаюсь проникнуть в самую глубь, в самые отдалённые уголки разума. Алан с трудом, сделав над собой невероятное усилие, отвёл взгляд в сторону. Наваждение приковывающих глаз тут же исчезло. Как исчезло и ощущение, что по телу забегали сотни маленьких противных липких мохнатых ножек.

— Что ты хочешь этим сказать? — Фредерик с почти искренним интересом посмотрел на Блейза. Алану было трудно определять настроение и эмоции дяди по его бездушным бесстрастным глазам, но отчего-то ему показалось, что сейчас в этих чудовищных глазах, сквозь пелену сумрака пробился росточек интереса.

— Я не пью виски. Я органически не перевариваю это пойло утончённых аристократов, — Алан был сама невозмутимость. — И мы никогда с тобой не обсуждали мою решимость умереть и быть готовым убить за Шейлу. Тем более по пьяной лавочке. Кто ты такой? Ты один из фриков Старжински, умеющих менять облик? Ты всё-таки один из изменившихся?

— Ловко ты меня подловил, — хмыкнул старик. — Ловко... Растянуть шоу не удалось. Ну да ладно, так или иначе, но моё разоблачение было делом времени. Да и не скрою, что не собирался слишком долго водить тебя за нос, Алан. Извини, но называть тебя племянником больше язык не поворачивается.

— Я переживу эту неприятность, — поджал губы молодой человек. — Так как мне тебя называть?

— У меня нет имени.

Алан похолодел от предчувствия неотвратимо надвигающейся... Да о чём это он?! Вот же она, беда, уже здесь! Сидит перед ним и смотрит на него чёрными демоническими глазами! Блейз вытер вспотевшие ладони о штаны. Твою же мать, кто бы знал, как ему не нравится разыгрывающееся в холе родового особняка де Фесов представление на тему зарисовки из фильма «Изгоняющий Дьявола»!

— Имя есть у каждого человека.

— Кто тебе сказал, что я человек? — и снова юноша подумал, что слышит чей-то другой, чужой голос. — Алан, я выгляжу, как человек. Более того, я ношу лицо твоего близкого родственника. Но я не имею абсолютно никакого отношения к роду человеческому. Я вижу, что тебе тяжело понять и осмыслить, но я всё объясню. Терпение, мой мальчик, тер... А-а-а, чёрт! Я снова увлёкся, извини. Привычки весьма заразны.

Существо, прикидывающееся Фредериком де Фесом, позволило себе скупую бездушную улыбку. У Блейза встали дыбом все волосы. Без всякого преувеличения можно было сказать, что он ощутил рядом с собой дыхание адской бездны. Но почему-то, вместо иссушающего жара в лицо дохнуло арктическим холодом.

— Что ты сделал с дядей Фредом? Где он? Ты убил его?!

— Я — в нём. Говоря, что ношу его обличие, я выражался фигурально. Ты видишь перед собой своего дядю. Его тело. Но внутри этой брэнной оболочки нахожусь я. Меня ты видеть не можешь.

— Твои глаза... Это... Это ТВОИ глаза?

И снова сухие старческие губы дяди Фреда извергнули низкий, скребущий по нервам голос.

— Глаза отражают цвет моей сути.

— Ты тёмн внутри, — Алан осторожно подбирал слова. — Кто ты? Ты демон? Один из падших ангелов? Бес? У тебя нет имени, но не имя делает нас теми, кто мы есть на самом деле.

— Тонкое замечание. Алан, давай подождём твоих друзей и когда мы все соберемся тесной дружной компанией, ты всё поймёшь. Я расскажу ВСЁ.

— Друзей? — нахмурился юноша. — Врядли. Сюда никто не придёт. Я наказал Бинго...

— Глупый мальчик. Ты плохо знаешь женщин. Они в любом возрасте умеют убеждать. Сила женского очарования и настойчивости безгранична.

— Чёрт.

— Твоя ненаглядная Шейла и сумасшедший дружок появятся здесь через... — старик задумчиво поскрёб гладко выбритый подбородок, изображая трудоёмкий мыслительный процесс. — Через... Да вот же они!

Расплывшись в приторной улыбке, чудовищной в своей фальши, Фредерик поднялся на ноги. Запахнув полы халата, он повернулся к Блейзу спиной, раскидывая руки в широком приветственном жесте. Алан услышал чьи-то торопливые, срывающиеся на суматошный бег шаги, и выругался сквозь зубы. Он обязательно надерёт арлекину уши, а несносной девчонке другую часть тела, если им повезёт выбраться из ставшего западнёй особняка. Алан выглянул из-за спины де Феса и увидел вбегающую в холл сестру. Бинго, с самой кислой миной, следовал за ней по пятам, мелодично звеня блестящими колокольчиками на шутовском колпаке. Блейз выбрался из кресла и поспешил встать между довольно ухмыляющимся стариком и весьма решительно настроенной девушкой.

Остановившись напротив брата, Шейла смотрела мимо него. Замерший чуть позади Бинго виновато подмигнул Блейзу.

— Извини, чувак, я пытался ей помешать. Но когда твоя сестра хочет что-нибудь сделать, она это делает. Она заставила меня силой. Гадом буду. Эй, а что это у вас тут происходит? И что произошло с нашим старым добрым дядюшкой Фредом? Что-то не нравится мне его взгляд... Алан, а ты в курсе, что у твоего дяди очень странные глаза?

Шелли, испуганно отступила на шаг назад, когда Фред обогнул Алана и улыбнулся ей. Улыбка старика девочке сильно не понравилась. Было в ней что-то необъяснимо противное и омерзительное. Но ещё хуже улыбки были изменившиеся глаза дяди Фреда. Взглянув в них, девочке показалось, что она увидела Бездну. В глазах де Феса царила зимняя стужа, самая долгая полярная ночь. Девочке моментально стало холодно. И страшно. И ужасно одиноко. Никогда ещё в жизни она не чувствовала себя такой одинокой и брошенной.

Неужели и дядя Фред предал её? Предал в самый тяжёлый и трудный час? Что же это — крах всего доброго и светлого, что было возможным в нашем мире?.. Всё напрасно? Всё зря? Девочку обуяло отчаяние. Если и дядя Фред изменился, тогда всё пропало. Шейла с горечью и обидой подняла на старика заслезившиеся глаза, такие огромные, сочного лазурного цвета, полные тоски и печали...

— Ч-то... Что с-случилось, дядя Фред? — еле смогла пошевелить губами девочка. Она не узнала собственный голос: надломанный, жалобный и тихий. — Ты тоже бросил меня? Дядя! Что с тобой, ответь! Ты бросил меня?..

Старик протянул руку и поманил девочку пальцем.

— Ну что ты, дитя, ты ошибаешься. Конечно же, я не бросал тебя. Иди ко мне. Иди к своему дядюшке.

И Шелли, не взирая на вонзившееся в сердце раскалённой иглой чувство взывшей опасности, сделала шаг вперёд. Расслабленный, успокаивающий голос де Феса обволакивал и туманил сознание, подавляя волю.

Её остановил Бинго. Бывший клоун, удостоившись мысленной похвалы Алана за оперативность, оказался на пути девочки и легонько ударил её по щеке.

— Ай, ты что делаешь? — возмутилась Шейла, хватаясь за покрасневшую щёку. — Козёл...

— Вот теперь я тебя узнаю, красотуля, — вполне удовлетворённый результатом, хмыкнул Бинго. — Разуй, глаза — ты шагала в пасть крокодила! Разве не видишь, что с вашим дядей дело не чисто? Точнее, совсем хреново? Я правильно говорю, Алан?

Ища поддержки, арлекин оглянулся на Блейза. Алан поднял кверху большой палец и оттеснил потирающую лоб Шейлу подальше от сложившего на груди руки старика. Де Фес выглядел совершенно спокойным и, казалось, вовсе не собирался мешкать им. Но Алан-то помнил, что у этого существа были «далеко идущие планы», от которых он не собирался отказываться. Дело в том, что пока именно он контролирует ситуацию. И Алан сейчас совершенно беспомощен. Через жизнь маленького мальчика Блейз переступить не мог. Даже ради Шелли. И завладевший телом Фредерика монстр, будь он трижды проклят, знал это.

— Это тварь, что ты видишь перед собой, не наш дядя, — сказал Алан, стараясь выглядеть уверенным и собранным. Вот только кто бы собрал мои мысли воедино, в который раз про себя чертыхнулся Блейз. — Поверь мне, Шелли, это не наш дядя Фред. Он выглядит, как он, говорит, как он, даже знает отчасти тоже, что знал и наш дядя, но это не он!

Во взгляде девочки, устремлённом в тёмные глаза Алана, промелькнула целая радуга сменяющих друг дружку чувств и эмоций, пока круговерть не остановилась на самом ценном в данную минуту для Алана делении — понимании. Как в игровом автомате, усмехнулся юноша, с теплотой глядя на девочку.

— Я верю тебе, — прошептала она, не сводя с брата испуганных глаз. — Но в остальном...

— Шелли, ты должна верить мне всегда, — Блейз попытался провести по лицу девочки кончиками пальцев, но снова наткнулся на ужалившую в самую душу пустоту. Девочка, увернувшись, подошла к кушетке с бессвязно бормочущем во сне Тернером. Опустившись на колени, Шейла заботливо потрогала покрытый испариной лоб молодого шерифа.

— Энди... Что с ним? — в голосе девочки прорезались нежные нотки. Алан вздрогнул, как от удара, но заставил себя ответить.

— С Энди всё будет в порядке. Он проснётся. Позже. Его накачали сверх всякой меры снотворным. Чтобы он не проснулся и не смог помешать планам одного человека. Кстати, ты не обижаешься, когда тебя так называют?

Старик коротко хохотнул.

— Ну что ты, Алан! Я даже привык к имени Фред!

— А мне, по-честнаку, твой дядька сразу не понравился, — охотно поделился соображениями Бинго, возникнув, как чёртик из коробочки под боком у Блейза. Посмотрев на высокого юношу снизу-вверх, арлекин авторитетно добавил: — У меня нюх на всяческих

мерзавцев и подонков. Да ты вспомни, я же его практически раскусил! Я ему, кстати, тоже не понравился. Понял, наверно, что меня не провести.

— Бинго, оставь свои умозаключения при себе, — раздражённо сказал Блейз. — Если тебе больше нечего добавить, то лучше помолчи.

— Видно, ты выбрал не ту сторону, приятель, — вкрадчиво сказал де Фес, обращаясь к арлекину. — Такое снисходительно-пренебрежительное отношение со стороны лучшего друга! Разве так можно? И разве можно терпеть подобное свинство?

— Позволь, мы сами разберёмся в наших отношениях, — Алан в упор смотрел на старика. — Ты обещал, что как только все соберутся, просветить нас относительно своих планов, не забыл?

— Планы, планы... Это слово уже набивает оскомину, не находишь?

— Есть немного.

Внезапно арлекин, перепугав Блейза до полусмерти, ткнул в старика пальцем и возбуждённо завопил не своим голосом.

— Эй! Эй-эй-эй!!! А я вижу тебя! Я вижу, кто ты! Ох, ты ж мне...

Грохнувшись в обмороке на пол, арлекин вызвал неподдельное изумление лишь у де Феса. Космически-чёрные глаза старика сделали достойную попытку стать ещё больше.

— Не понял. Что это с ним? Припадок буйной дурости?

— Или же Бинго действительно разглядел, каков ты внутри дяди Фреда, — задвигал желваками Блейз. — Он увидел твой истинный облик.

— Сомневаюсь, — фыркнул Фредерик. — Это не под силу ни одному из смертных. А уж тем более какому-то пришибленному полудурку...

— А я не сомневаюсь. Мой друг способен и не на такие фокусы. Ты зря недооцениваешь его. Скажи, кто ты? Кто?

— Пройдёмте в лабораторию? — ушёл от прямого ответа старик. — Нас ждут.

Проведя напоследок тыльной стороной ладони по бледному лицу Энди Тёрнера, Шелли встала с колен и подошла к Алану. Окатив де Феса взглядом, полным презрения, девочка присела и потрогала бесчувственного арлекина за плечо.

— Вставай. Твои закидоны уже никого не веселят, Бинго. Пора бы и тебе повзрослеть.

Открыв глаза, один карий, второй зелёный, циркач слабо улыбнулся:

— Во мне умирает великий артист, не так ли?

— Да, Бинго, ты как всегда прав, — Шелли отвернулась в сторону, пряча выступившие на глазах слёзы. — Ты говоришь, что в лаборатории нас ждут?

Выпрямившись, Шейла одарила старика ещё одним, исполненным отвращением взглядом.

— Ждут, ждут, девочка моя! — радостно закудахтал Фредерик, оскаливая в хитровой улыбке ровные крепкие зубы. — Ждут и готовы встретить как самого близкого и дорогого гостя! Уверяю тебя, что ты обрадуешься этой встрече. Поверь мне.

Покосившись на старшего брата, Шелли неразборчиво буркнула под нос:

— Я всю жизнь всем верила и к чему я пришла?.. Дерьмо...

— Идёмте. В лаборатории вы найдёте ответы на все интересующие вас вопросы. Клянусь Тьмой.

Переглянувшись, брат с сестрой молча двинулись за стариком. Арлекину, поднявшемуся с пола, ничего не оставалось, как последовать за ними. Бинго совершенно не спешил, плетясь далеко позади Шейлы. Он старался держаться как можно дальше от высокого

худощавого старика с такими страшными жуткими глазами. Колокольчики на колпаке арлекина испуганно позвякивали. Шут втягивал голову в плечи и крыл горькую судьбинушку на все лады. Он понял, что представляет собой существо, прикидывающееся Фредериком де Фесом. Бинго ломал голову, как он сразу не увидел, что сокрыто внутри старика. Как он не увидел то, что прячется за внешностью дяди Алана и Шейлы? Как же так? Как он мог оплошать? Нужно быть слепым, чтобы не увидеть клубящуюся внутри де Феса первозданную Тьму. Тьма полностью заполняла тело старика, выплёскиваясь наружу через глазницы.

Внутри Фреда поселилась абсолютная Тьма.

Бинго решил для себя, что ему вовсе не хочется знать имя этого чудовища. Зачастую имена монстров нельзя произносить вслух, если не хочешь накликать ещё большей беды. Почесав в затылке, арлекин подумал, что большей задницы, чем та, в которой они все очутились, быть не может в принципе. Так чего же я боюсь? Не того ли, что имя этого демона окажется больно знакомым? Дескать, всем доброй ночи, я — Люцифер! Встречайте и жалуйте. Бинго невольно поёжился, с усилием переставляя ставшие деревянными ноги. Да ну на фиг! Так не бывает. Арлекин беспомощно уставился в спину идущей впереди Шейлы. Или бывает? И зачем ЕМУ понадобилась эта прекрасная во всех отношениях милая девочка? В памяти Бинго услужливо всплыло не совсем приятное при данных обстоятельствах слово «жертва».

Мать твою, озарило Бинго, а не задумал ли часом этот тощий противный старикашка принести их Шейлу в жертву какому-нибудь козлоному божку?! Насколько знал арлекин, в старые тёмные времена чернокнижники частенько баловались подобным, используя для своих мерзких ритуалов непорочных дев. На миг арлекину стало совсем плохо. Его даже замутило. С трудом отдышавшись, циркач проклял ещё раз изменившую его судьбу и задумался. А девственница ли Шейла? Может, старика ждёт крутой облом, когда он выяснит, что его план дал знатную трещину? Поскольку... Поскольку... Смерив критическим взглядом покачивающиеся из стороны в сторону туго обтянутые джинсами округлые ягодицы девушки, арлекин подумал, что если Шелли ещё девственна, то это большое упущение со стороны детройтских парней.

Словно почувствовав пятой точкой прожигающий плотную ткань джинсов взгляд арлекина, Шелли резко обернулась и ядовито осведомилась, грозно сдвинув тонкие изящные брови:

— Ты не боишься, что заработаешь косоглазие, а?

— Косоглазие? С чего бы это? — опешил Бинго, расплывшись в обезоруживающей улыбке. — Или ты считаешь, что твои ягодицы живут каждая отдельной жизнью и мои глаза не поспевают за ними? Хе-хе!..

Скорчив кислую гримаску, девочка поспешила догонять ушедшего далеко вперёд Алана. Ох уж этот Бинго... Неужели и он начнёт клеить её? Только ухаживаний со стороны шута ей ещё не хватало для полного счастья!

— Наверно, стоило у неё всё-таки спросить, просверлил ли в ней кто-нибудь дырочку или пока нет, — пожевал губами экс-клоун. — Хм...

— Осторожно, ступеньки! — раздался громкий голос де Феса. — Мы почти пришли!

— Слушай, не делай из происходящего познавательную экскурсию, — тут же отозвался Блейз. — Мы неоднократно были в дядиной лаборатории.

Увлечённый досужими размышлениями арлекин не сразу понял, что они остановились перед ведущими в подвал широкими каменными ступеньками, с массивными

металлическими перилами по обеим сторонам. Лаборатория старика располагается под землёй? Достаточно практично и предусмотрительно, признал циркач.

— Всё время это забываю. Тяжело пользоваться чужой памятью. Далеко не всегда удаётся вычленить действительно необходимую тебе информацию из потока ничего не значащих сумбурных мыслей. Хотя, признаюсь, мне, в общем-то, повезло! В голове вашего дядюшки гораздо больше здравых и серьёзных мыслей, чем пустопорожней чепухи. Умный мужик был ваш дядя.

— Почему был? — взволнованно спросила Шелли, одновременно страшась услышать ответ.

— Моё появление в нём убило его сознание. Я полностью подавил его волю и подчинил себе мысли. Сейчас он не более чем беспомощный инертный овощ. Его тело живёт, но разум умер ещё много дней назад, — пляшущие в глазах старика тени сгустились. — Прошу вас, спускайтесь вниз. И предупреждаю, ребята, если кому-то взбрѣдет в голову нездоровая идея столкнуть меня со ступенек, чтобы я упал и свернул шею, то забудьте о ней. Не успеет остывающий труп вашего дяди докатиться до дверей лаборатории, как мистер Старжински вышибет одному мелкому сосунку мозга.

Шелли, чтобы не закричать, торопливо вонзила зубки в запястье, впиваясь в кожу. Тони! Этот кровожадный бесчувственный ублюдок говорил о Тони!

— А душа? — внезапно спросил Блейз, угрюмо посмотрев на сжавшуюся в отчаянии сестрѣнку. Переведя потемневший взгляд на де Феса, юноша повторил: — А как же душа? Ты говоришь, что подчинил себе разум, подавил волю, контролируешь тело... А что ты смог сделать с душой дяди Фреда?

— При чём здесь душа, Алан? — процедил сквозь зубы старик. В чёрных глазницах заплескались эмоции. Ненависть пополам с нетерпением, безошибочно опознал юноша. Чем же тебя так проняло? Невинный вопрос о душе? — При чём здесь душа?!!

— Я понял, — Алан спокойно улыбнулся. — Тебе не подвластно то, что дано человеку Богом, демон.

Вот после этих слов Алана арлекину стало страшно по-настоящему. Он видел, как внутри занявшего тело Фреда существа буквально вскипела, едва не взорвавшись, словно ошпаренная, Тьма. Убьѣт, тоскливо подумал арлекин, как пить дать, убьѣт. Алан его достал.

— ВНИЗ, — прорычал старик. Казалось невероятным, что человеческое горло могло породить такой утробный рокошущий звериный голос. — Я сказал, все ВНИЗ!!!

Бинго осторожно приоткрыл глаза. Они всё ещё живы? Час от часу не легче! Что же он собирается с ними делать, если они для него ценнее живые, чем мѣртвые? Этого Бинго тоже совсем не хотел знать.

Глава 25

Насколько помнил Алан, дядя Фред всегда и при любых обстоятельствах содержал подвальный этаж в идеальном виде. Под землёй, в недрах фундамента родового особняка всегда господствовал образцово показательный порядок. Ничего удивительного в этом не было. Де Фес слыл известным педантом. И помимо прочего, в подвале размещались святая святых — мастерская и лаборатория. И этим было всё сказано.

Вход в подвал был открыт для строго ограниченного количества лиц, имевших доступ к дядиным изобретениям. Собственно, беспрепятственно спускаться под своды мастерской помимо Фредерика могли лишь три человека. Точнее, уже два. Покойная супруга де Феса Урсула и любимые племянники Алан и Шейла.

В последний раз Блейз бывал в подвале дядиного дома около четырёх месяцев назад, на последних летних каникулах. Тётя Урсула была ещё жива, и ничто не предвещало беды... Всё-таки Алан был прав, когда пришёл к выводу, что со смертью тёти и началась вся эта нездоровая чертовщина. Юноше было горько от осознания своей правоты. Это был как раз один из тех случаев, когда он с великим удовольствием предпочёл бы ошибиться.

Тогда дядя Фред был полон энергии, отпускал свои фирменные шуточки, безобидно подтрунивая над домочадцами, и не пытался их убить. Тогда старик ещё не превратился в чудовище.

Обогнав на ступеньках вынужденных спутников, Фредерик щёлкнул выключателем. Над головой зажглись яркие люминесцентные лампы, разгоняя собравшийся в подвале сумрак.

— Мы почти у цели, дорогие мои. Скоро, совсем скоро вы всё увидите собственными глазами. Приготовьтесь.

— К чему? — тут же спросила Шелли, с вновь прорезавшейся в голосе подозрительностью.

— К невероятному и интригующему зрелищу, — словно залитый смолой глаз старика заговорщицки подмигнул. — Жутко интересно, правда?

— Смотрю, ты нахватался у Старжински дурных привычек, — буркнул Алан, мрачный, как грозовой шквал.

— С кем поведёшься...

Бинго, по понятным причинам никогда не бывавший ранее в подвале родового особняка де Фесов, с любопытством осматривался. Подвальный этаж разделялся на несколько частей. Или комнат. Или подсобных помещений, более напоминая современную авторемонтную мастерскую. У арлекина зарябила в глазах от расположенных в систематически определённых местах самых различных агрегатов и приборов, большинству из которых он не мог даже придумать названия. Вполне возможно, что некоторые из хитроумных механизмов разработал лично де Фес и немудрено, что арлекин затруднялся с опознанием. И нигде ни пылинки, ни соринки. Как будто здесь каждый вечер проводили влажную уборку.

В подвале было целых две двери — металлических, с вычурными ручками и старомодными замочными скважинами. Вот только Бинго очень сильно сомневался, что вскрыть эти двери получится даже у самого опытного взломщика. Зачастую то, что выглядит невзрачно и просто, на деле оказывается полной противоположностью своему внешнему виду. Скорее всего, за дверями скрываются лаборатория и... И... Бинго понял, что теряется в догадках. А спросить он почему-то не испытывал никакого желания. Он вообще не хотел общаться с этим исчадием ада, прикидывающимся обычным человеком. И старался держаться от НЕГО как можно подальше. Арлекин, пытаясь быть маленьким и незаметным, вытянул голову в плечи, умоляя колокольчики на рогах шутовского колпака не звенеть.

В центре свободного для общего обозрения помещения находилось нечто. Нечто большое, громоздкое и крайне непонятное. Непонятное никому. Ни шмыгнувшему носом Бинго, просто не догадывающемуся о том, что ЭТА штука обычно не являлась частью интерьера дядиной мастерской. Ни нахмурившемуся Алану, сунувшему руки в карманы и исподлобья меряющего ЭТУ штуковину недоверчивым взглядом. Ни Шейле. Девочка, обхватив себя руками, осторожно подошла к странной и непонятной конструкции, возвышавшейся в центре комнаты на добрых три метра и подпирающей потолок. Эта штука имела правильные геометрические очертания поставленного на попа здорового ящика и была накрыта плотной чёрной тканью, свисающей до самого пола.

Дерьмо какое-то, не иначе, пришёл к неутешительному выводу Бинго, тоскливо глядя на непонятный «обелиск». Хрень полная. Хуже всего было то, что эта хрень пугала циркача до дрожи в коленках и зуда в зубах. Хотелась бежать из этого чёртового подвала, не оглядываясь. И ни за какие деньги в мире Бинго не согласился бы заглянуть под скрывающий непонятную штуку полог. Не хотел он ничего знать и ничего видеть. От монстра в шкуре Фредерика де Феса добра ждать определённо не приходилось. Как-то не верилось арлекину, что эта таинственная хреновина окажется сильно увеличенной в размерах безобидной кофеваркой.

— Что-то я не припомню, чтобы у дяди Фреда здесь находилось это... Эта... Что это? — кивнул подбородком на новоявленную диковину Алан.

— О-о-о... — расплылся в искренней, порядком всех удививших, улыбке старик. Было похоже, что он действительно рад заданному вопросу. — Это, если можно сказать, дело всей моей... Прошу прощения, привычки, знаете ли! Дело всей ЕГО жизни. ЭТО вершина творчества неоспоримого гения Фредерика де Феса!

Шелли с опаской обошла вокруг «вершины творчества дяди», с нескрываемым любопытством, задвинувшим в угол даже страх, взирая на выпячивающие через ткань острые углы.

— Эту штуку придумал дядя Фред? ОН изобрёл её, его?.. — девочка запнулась и беспомощно улыбнулась. Наткнувшись на встревожено заблестевшие сквозь вихры чёрных волос глаза старшего брата, сконфуженно опустила вниз уголки губ и торопливо отвернулась. — Что это за фиговина?

По страдальчески скривившейся физиономии липового дядюшки Фреда, Бинго понял, что подобные данному девочкой определения жутко коробят и возмущают старика. Выходит, эта загадочная машина имеет для поселившегося в особняке монстра огромное значение. Арлекина тут же заело жгучее, по-детски непреодолимое любопытство. Бинго рискнул приблизиться к задёрнутому пологом агрегату и осторожно надавил пальцем на одну из четырёх стен. Палец, в общем-то, ожидаемо, смяв напоминающую мешковину ткань, упёрся во что-то твёрдое и очень холодное. Прямо-таки замораживающее. Бинго показалось, что он коснулся вырубленной из арктической льдины, невесть как оказавшейся в подвале де Феса, глыбы. Арлекин даже через перчатку ощутил уколывший, словно в самое сердце, холод.

Машинально сунув палец в рот, Бинго несколько обиженно воскликнул:

— Эй, она холодная, мать твою!..

— Холодная? — Шейла заворожено уставилась на таинственный аппарат. — Это что — волшебный холодильник?

Старик аж закудаhtал от смеха, вновь став похожим на общипанного, битого жизнью, но по-прежнему цепкого и зоркого стервятника.

— Девочка! Это величайшее изобретение вашего мира со времён колеса и виноделия!

— Эту машину построил дядя Фред? — уточнил Алан, задумчиво глядя на растирающего пальцы арлекина.

— Да. Машину изобрёл и построил Фредерик де Фес. Добавлю, что планы создания этого чуда он вынашивал долгие годы. Однако приступить непосредственно к созданию машины решился не так уж и давно. Он вполне справедливо опасался, что задача окажется чересчур сложной, не по плечам ему... Не передать словами, как я рад, что ваш дядя оказался излишним скромником, хе-хе! Он блестяще справился. Он сотворил воистину подлинный шедевр человеческой мысли. Даже не верится, что создание подобной машины

стало возможным в вашем измерении. Что её построил обычный человек.

— Ты, видимо, плохо знал дядю Фреда.

— Алан, я постоянно совершенствуюсь. Благо источник ценнейшей информации у меня всегда с собой. Под рукою, — старик постучал костяшками пальцев по седовласой голове. — Всё здесь. Здесь. И я периодически черпаю из этого благодатного источника.

— Звучит просто отвратительно, — содрогнулась Шелли.

— Ага! — подхватил Бинго. — Как будто он откусывает каждый день по кусочку от мозгов вашего дядьки!

Шелли с отвращением посмотрела на по-дурацки ухмыляющегося циркача. Алан негромко кашлянул, привлекая внимание Фредерика, заморожено уставившегося на закутанный в непроницаемый полог агрегат, чьё предназначение пока ещё так и оставалось непонятным и невыясненным.

— Думаю, мы уже достаточно наслушались восторженных отзывов по поводу изобретённой дядей машины. Я никогда не сомневался, что он мастер на все руки. Однако, ближе к делу. ТЫ обещал быть с нами откровенным. Или слово человека для тебя ничего не значит?

— Как и душа, Алан Блейз, — противно улыбнулся старик, обнажая зубы. — Но ты прав. Нет смысла и дальше затягивать агонию. Внемлите же. Вы обязаны выслушать эту историю, чтобы понять всю подоплёку происходящих событий. И тогда вы прозреете.

— Спасибо. Вы так добры, — ядовитым голосочком пропела Шелли. — Ну прямо окулист со стажем!

Алан неодобрительно покосился на распоясавшуюся девочку. Она устала бояться, понял юноша. Устала и хочет, чтобы всё как можно быстрее закончилось. И ей уже наплевать на все возможные последствия. Он её понимал, как никто другой. Только бы она поняла его...

— У меня созрел вопрос к нашему генералиссимусу! — вякнул Бинго, поднимая руку. — А можно ли тебе верить? Кто даст гарантию, что сейчас ты не наврёшь нам с три короба?

— Представь, что сейчас с вами будет говорить лично Фредерик де Фес, — с видом оскорблённого достоинства ответил старик. — Отчасти так оно и будет. То, что вы услышите, должен был рассказывать сам Фред.

— Чёрт, а я ведь так и не был в своё время представлен этому достойному человеку, — с досадой пробормотал неугомонный арлекин. — Ну что ты будешь делать...

— Бинго, заткнись, ладно? Не превращай всё в балаган.

— Всё? Что значит «всё», Алан?.. Всё-всё-всё! Понял. Не надо пытаться заколоть меня глазами.

Де Фес замер подле возносящейся к потоку машине, сложив руки на груди. Высокий, сухопарый старик, с гордой осанкой и бурлящей хаосом смолой в глубоких глазницах. Некоторое время он молчал, слегка склонив голову и не обращая внимания на скрестившиеся на нём взгляды благодарных слушателей. Когда Фредерик заговорил, все невольно вздрогнули.

— Однажды Фреду пришла в голову замечательная идея. Идея, равной которой могло быть только её успешное воплощение в жизнь. Идея, которая просто обязана была обрести плоть и стать частью реальности. Фредериком завладела одержимость, подстёгиваемая вынашиваемой идеей о создании машины, способной изменить устоявшийся порядок этого мира.

Старина Фред был мастером. Мастером с большой буквы. Человеком редких талантов. Непризнанным гением. Да и не стремился он, как вы наверняка знаете, к известности и славе. Ему было достаточно того, что он имел. А имел Фредерик, по его собственному разумению, намного больше, чем могут себе позволить большинство других людей. У него была любящая жена, хорошие друзья, племянники, в которых он не чаял души... Бр-р-р... Как же противно лишний раз произносить это слово! Д-у-ш-а. Фу-у-у. В общем... В общем, Фредерик вполне закономерно считал себя счастливым человеком. И да! У него было любимое хобби. Помимо всего прочего в жизни Фреда были его изобретения.

Когда же де Фес совершил свою главную ошибку, повлекшую за собой смерть его ненаглядной супруги и прекращение существования его самого как самостоятельной личности?.. Я вижу, что вас очень волнует этот вопрос. Пожалуй... Хм. Пожалуй, старине Фреду всё же не стоило заигрывать с теми силами, сути которых он так до конца и не понял. Когда де Фес решил построить эту машину, он пришёл к одному неутешительному выводу. Даже его незаурядных талантов не хватит, чтобы заставить машину работать. Он не мог, опираясь только на доступные ему знания, оживить своё детище. Чтобы создать подобную машину, требовалось на помощь науке призвать магию. Совместить передовые технологии и ушедшие вглубь веков колдовские ритуалы. Именно в тот момент, когда на свою беду старина Фред, не представляя себе толком всех возможных последствий, начал играть с силами, которые оказались ему в конечном итоге не по зубам, всё и началось. Открою вам секрет, детишки. Включив машину, Фредерик подписал смертный приговор многим смертным. И первой пала его любимая супруга.

— Что же такое сотворил дядя Фред? — сквозь стиснутые до боли зубы процедил Алан. — Что за дьявольский агрегат стоит рядом с нами?!

— Ваш замечательный дядюшка построил машину, способную раздвигать границы пространства и путешествовать за грань реальности. Фредерик создал врата в иные миры! Вы можете себе хотя бы на секунду представить, что это такое? Можете осознать всё величие и масштаб этого изобретения? Вы понимаете меня?

Бинго в ужасе пялился на задёрнутую пологом огромную, источающую ледяной холод штукловину. Арлекин перевёл потрясённый взгляд беспрестанно меняющих цвет округлившихся глаз на скалящегося в самодовольной улыбке старика. Портал! Действующие врата в иные миры! Двери, приоткрыв которые, можно заглянуть... Куда? Куда могут привести эти врата? И куда они уже привели самого Фредерика? Бинго судорожно сглотнул. Кажется, он начал догадываться, что произошло, когда де Фес первый раз включил свою машину.

— Когда врата были готовы, Фредерик, не мешкая, провёл первые испытания. Единственный, кто знал об этом чуде, — бледное лицо де Феса озарилось едва ли не обожанием. — Единственный, кто был посвящён во все планы изобретателя, была, конечно же, Урсула. Она же присутствовала и при испытательном запуске машины.

Фред потруился на славу. Наивный романтик, он думал, что приоткрыв завесу иной реальности, он увидит новый лучший мир. Мир, в котором живут человеческие мечтания и грёзы. Неосуществимые желания. Сны. Да, бедный наивный старина Фред!.. Мне даже стало немного жаль его... Открыв врата, он увидел мир кошмаров. Мой мир.

Если хотите, можете назвать мой мир миром ночи, ужаса, миром демонов. Так вам будет намного понятней и проще. У меня и мне подобных нет имени. В человеческом понятии этого слова. Не могу сказать, что прорыв ткани в межпространственной изнанке

привёл меня в неописуемый восторг. Ваш дядя смог создать гениальную машину. О да! Но мог ли он предположить, что ему придётся столкнуться с враждебными ему и всему смертному роду формами жизни? Что он окажется лицом к хм, лицу, со мною?! Я уже говорил, что далеко не лучился от радости, поняв, что происходит. Но меня заело любопытство и проснувшийся интерес. В итоге я проник через распахнувшиеся ворота в ваш мир. Оказавшись в этом подвале, я понял, что попал едва ли не в райские кущи!

Ваш мир оказался таким забавным и привлекательным... Я решил остаться. Я завладел телом вашего дяди, сокрушил его разум и подчинил себе. Эта смертная женщина, Урсула, всё видела. И сердце бедняжки не выдержало. Она не смогла вынести всего увиденного и упала замертво. Ха-ха! Не буду скрывать, что и не помышлял броситься ей на помощь. Хотя смерть этой старой дуры и не входила в мои планы.

— Убийца! Ты отвратительный подонок! Ты убил тётю Урсулу! — Шелли с выступившими на синих глазах слезами выглядела очень воинственно. Сжав кулачки, девочка была готова наброситься на глумящегося демона. — Ты за всё ответишь, ублюдок!..

Старик перевёл взгляд затуманенных тьмою глаз на Шейлу.

— Осторожно при выборе выражений, крошка. Не я убил вашу тётю. Её убил Фред. Он и только он виновен в её смерти и смерти других жалких несчастных бедолаг. Он один виноват во всём. В том, что уже произошло и в том, чему суждено случиться.

Я уже говорил, что оказавшись по другую сторону привычного мне существования, испытал неожиданное чувство радостного возбуждения? Мне понравилось у вас. Однако я понял, что не смогу слишком долго оставаться здесь. В вашем мире действуют чуждые мне законы и правила. И моя сила, как я с неприятным удивлением обнаружил, имеет здесь очень серьёзные ограничения. Понимаете? Я как бы оказался невольным узником в золотой клетке. У вас, людей, порой бывают такие забавные аналогии... И я решил, что пора возвращаться. Мне не понадобилось много времени на осознания этого факта. Однако... Однако возникли проблемы. Достаточно весомые проблемы, один которые, не скрою, я был решить не в состоянии.

Алан внутренне весь подобрался. Вот оно что! Оказывается, и у всемогущих монстров, способных как марионеткой управлять любым человеком, существуют неразрешимые дилеммы. Отлично. Значит, у них появился небольшой шанс. У этого чудовища всё-таки есть слабые стороны.

— И что же тебя остановило от возвращения домой?

— Юноша, не питай напрасных иллюзий, что если я уйду, то разум вашего дяди автоматически исцелится. Ничего подобного. Покинь я эту оболочку, и вы останетесь один на один с безвольным растением, не способным без посторонней помощи завязать шнурки на ботинках! Но мы слегка отошли от темы. Когда я понял, что не смогу вернуться, то пришлось принимать правила игры вашего мира. Я стал жить жизнью вашего дяди. Я стал вести себя, как обычный человек. Отчасти, я даже думать стал так, как он! Я питался мыслями Фредерика, и это помогало мне оставаться своим в чуждой мне среде. Я настолько вошёл в образ человека, что никто, в том числе и самые близкие родственники ничего не заподозрили. Ведь даже вы приняли меня за него! Хотя совсем недавно одному ушедшему юнцу удалось меня подловить! Ха! Алан, это было даже интересно. Ещё один довод в пользу того, что мне давно было пора уйти.

— Так что ж ты не ушёл? — Шелли нервно сплюнула на пол, словно выражая всё своё отношение к происходящему. Во рту девочки было горько и противно. — Что тебя удержало

здесь?

— Я не смог включить машину, — насупился старик и провёл раскрытой ладонью по скрывающей врата ткани. — Слишком поздно я понял, что, невзирая на определённые слабости, ваш дядя был далеко не таким наивным простачком, как я вам расписал, и как мне показалось вначале. Де Фес придумал очень умный, очень простой, и, вместе с тем, при определенных условиях совершенно невыполнимый для посторонних способ запуска машины. Дело в том, что врата можно активировать только двумя специальными ключами, повернув их одновременно. Более того, эти ключи, это просто уникальный сплав техномагии!.. Эти ключи настроены на строго выбранных пользователей. Надёжнейший метод безопасности. Защита, которую не под силу взломать никому в вашем подлунном мире. Даже мне! Я слаб здесь... Очень слаб.

Когда я проник в разум де Феса, он какое-то время отчаянно сопротивлялся. Он практически моментально понял, что происходит. Можете гордиться им! Под моим натиском старик смог продержаться целых полторы минуты. И этого времени ему хватило, чтобы отключить машину. Он закрыл врата за секунду то того, как я поработил его мозг, и через минуту после, как остановилось дыхание его жены. А машина. Машина тоже как бы умерла. Как бы...

Позже, освоившись в непривычной мне среде и тщательно изучив мысли Фредерика, я понял, в чём дело. Понял, что без помощи со стороны мне никогда не запустить механизм врат повторно. Фред настроил ключи на членов своей семьи! Идиот! Больше всего на свете он ценил самые обычные семейные узы! Кому как не мне знать об этом?.. Хм. Мало того, что ключи должны проворачивать два человека родных ему по крови, так и ещё они обязаны быть двух разных полов. Представляете? Всё время забываю, что вы, люди, существа разнополюе! Поверьте, от подобных различий одни проблемы и головная боль. Ладно, опять отвлекаюсь от темы. Ха, сказывается долгое пребывание в человеческом теле в вашем мире.

В общем, как свет и тьма, добро и зло, Инь и Янь, мужское и женское, одновременное включение мужчиной и женщиной межпространственных врат по нелепой задумке де Феса должно было символизировать торжество жизни или что-то в это роде... Глупости, одним словом. Но для меня эти глупости встали непреодолимым препятствием. Барьером, который я так и не смог взять. Я отлично подхожу для одного из ключей. Поскольку в венах занятого мной человека по-прежнему течёт кровь де Фесов. А вот со вторым ключом, как вы уже поняли, возникли немалые сложности. Необходима кровь кого-то по линии либо де Фесов, либо Блейзов, и обязательно женского пола! Вот тогда я по-настоящему пожалел, что ваша тётка так скоропостижно отправилась в мир иной. Чёрт, да я уловил во всём этом злую насмешку судьбы! Хвала тёмным Богам, что у Фреда оказалась такая замечательная и обворожительная племянница, как ты, Шейла! Думаю, ты справишься со вторым ключом ничуть не хуже Урсулы.

Оторопев, Шелли недоверчиво уставилась на старика.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе включить эту машину, чтобы ты смог вернуться домой?

— Да, моя золотая. Всего делов-то! От тебя требуется лишь повернуть ключ. И я уйду. И вы больше никогда не увидите меня. По-моему, вполне взаимовыгодная сделка, не находите?

— Больно просто всё звучит, — засомневалась девочка, наморщив лоб. — Никаких дьявольских жертвоприношений, ни моей девственной крови, ничего, что пошло бы мне в ущерб, верно? Только моё согласие и... и моя рука? Я ничего не упустила?

— Ничего, детка, — широкой ухмылке де Феса могла бы позавидовать и акула. — Мы вместе подходим к машине, я нажимаю на кое-какие кнопки, далее мы одновременно проворачиваем ключи и всё — все счастливы и довольны! Каждый из нас останется в выигрыше. Я вернусь домой, а вы получите в наследство отличный дом и заживёте лучше прежнего. Ну как, идёт?

Шейла задумалась, невольно бросив вопросительный взгляд на старшего брата. В тяжёлых ситуациях она всегда рассчитывала на Алана. И, что важнее всего, неизменно могла рассчитывать на абсолютную поддержку и любую помощь с его стороны. В любых, даже самых сложных и щепетильных вопросах девушка безоговорочно доверяла Алану. Но сейчас... Сейчас она с ужасом поняла, что не может больше, как прежде, всецело доверять брату. Ведь он... Он же предал её, разве не так?.. Не так?!

Задержав на помрачевшем личике сестрёнки взгляд потемневших глаз, Алан едва заметно отрицательно покачал головой. Нет. Не верь ему. Демонам свойственно лгать. Они способны ввести в заблуждение и обмануть кого угодно. И прикидывающийся Фредериком монстр не исключение.

— Я жду ответа. Полагаю, быстрота и правильность принятого решения в наших общих интересах.

— Подожди, — Алан заложил руки за спину, чувствуя кистями выпирающую из-за ремня сандаловую рукоять револьвера. — Не дави на неё. И не забывай, что помимо Шелли здесь присутствуем и мы с Бинго. И у нас возникло несколько вопросов, которые мы бы хотели незамедлительно прояснить. Пока ситуация не зашла чересчур далеко и не приобрела необратимый характер. Думаю, подобный расклад не нужен ни тебе, ни нам.

Старик, не отходя от врат, злобно уставился на Блейза.

— Алан, не пытайся усидеть на двух стульях одновременно. Тебе не запутать меня пространными рассуждениями. Не надо нагнетать обстановку.

— Эй, приятель, да о чём ты? Никто не пытается тебя одурачить. Всё как раз наоборот. Мы думаем, что это ты хочешь надуть нас. Да, Бинго?

Арлекин, надеявшийся, что о нём все позабыли, неохотно промямлил:

— Ага... Этот старикашка гладко стелет, да, боюсь, спать потом будет жестковато.

— Ты так и не сказал, что за чертовщина происходит с Хеллвиллом, — Блейз поджал губы. — Извини, но я не верю, что творящаяся в городе бесовщина лишь редкое проявление природных сил. От всей этой дьявольщины за десяток миль несёт вмешательством сил потусторонних. Скажешь, нет? Все эти изменения, жуткие убийства, безумие, охватившее людей! Застывшее время, полная луна, вечная ночь. Что же это, как не тень твоего мира, брошенная на беззащитный город?

Чёрные, как сама бездна, глаза де Феса, казалось, стали ещё черней. По лицу стрика пробежала судорога.

— Ты умеешь задавать правильные вопросы, юноша. Что ж, ты справедливо заслужил право на ответы. Удивительные существа вы, люди. Всякий раз, когда я, было, уже думал, что изучил ваше племя вдоль и поперёк, кто-нибудь из вас обязательно подкидывает новую пищу для размышлений... Что ж, все изменения, произошедшие с Хеллвиллом и частью населения, являются побочным эффектом включения машины. И случаи сумасшествия, и превращения некоторых людей в кровожадных убийц, и проявления сверхъестественных сил... Да, Алан, ты прав. Вы все в какой-то мере ощутили на себе дыхание моего мира.

— Твой мир просто ужасен! — воскликнула Шейла. — Он не имеет никакого права

существовать!

— Таков мой дом, — чуть ли не виновато развел руками старик. — А ты не имеешь прав решать столь щепетильные вопросы, девочка. С чего ты взяла, что мой мир хуже вашего? Вдруг, это ваш мир устроен неправильно, а не мой?

— Да прям сейчас! Тоже мне, сказанул... Урод.

Алан повернулся к сестре и несколько резче, чем возможно требовалось, сказал:

— Успокойся, Шелли. Не смей заводиться, поняла? И не смей вступать с ним в диалог, пока я не скажу.

— Слушай, это ты не смей мне указывать! — неожиданно вспыхнула Шейла. — Ты для меня стал равнозначным этому подонку, ясно? Идите вы оба в жо...

Бинго торопливо зажал ладонью рот покрасневшей, как вареная брюква, девочке. Алан, казалось, постарел лет на десять. Высокий юноша ссутулился и опустил голову, с тоской в заблестевших глазах посмотрев на отбивающуюся от арлекина, шипящую, как масло на раскалённой сковородке, сестру.

— Забавные у вас отношения, — осклабился де Фес. — Это и называется семейными ценностями?

— Это называется жизнью, — пробормотал Блейз.

— Чувак, если бы меня родная сеструха при каждом случае посылала в задницу, я бы принял контрмеры! — арлекин от греха подальше отодвинулся от едва не цапнувшей его за пальцы взбешённой девочки. — Эй, неугомонная, может, успокоишься? Ты выбрала несколько не подходящее время для разборок с брательником. Гадом буду.

— Да пошёл ты, — буркнула под нос девочка, избегая поднимать глаза. Оттопыренные кончики её ушей пылали, хоть прикуривай.

В подвале раздался скрежещущий смех. Посмотрев на хохочущего демона, Блейз подумал, что их с Шелли ссоры для завладевшего телом дяди Фреда чудовища как бальзам на израненную душу. Но почему Шейла этого не понимает?!

С трудом собрав волю в кулак, Алан упрямо вздёрнул подбородок. Он не сдастся. Он не согнётся. Ради других. Ради неё...

— О каком таком побочном эффекте ты говорил? Ты уже пытался в одиночку активировать врата?

— Пытался, — поморщился как от зубной боли старик. — Я надеялся обойти установленную вашим дядей защиту. У меня была уйма времени на доскональное изучение врат. Но, в определённых моментах проявив слабость, свойственную вам, людям, поторопился... Хм. Я два раза запускал машину. И оба раза, в принципе, вполне ожидаемо неудачно. Да. Проход в мой мир не открылся. Однако межпространственная ткань оказалась поврежденной. И через эту прореху в ваш мир одним глазком (вполне уместная аллегория, не так ли?) заглянул мой. Это привело к первым изменениям среди людей. Второй запуск машины изменил уже сам город. Хеллвил как бы стал проваливаться за грань. Ваш город стал сливаться с моим миром, да так и застрял в этом положении. Отсюда и застывшее время, и взошедшая луна и нарушение действующих в вашем мире законов бытия... Не скрою, что некоторые моменты во всём этом пришились мне как нельзя кстати. По крайней мере, я обзавёлся верными помощниками, которые здорово поспособствовали ускорению решения поставленной передо мной цели. Ещё неизвестно, как бы всё пошло, если бы не эти два инцидента! А сейчас вот вы стоите как миленькие в этом подвале и готовы на всё, лишь бы помочь мне. И меня это вполне устраивает. А остальное... Побочные эффекты, одним

словом.

— Ты отлично умеешь обращать даже собственные промахи себе на пользу, — выдавил кислую улыбку Блейз. — Но меня смущает одно обстоятельство. Когда ты включил врата в первый раз?

Вернув юноше ответную улыбку, отличающейся, правда, ещё большей кривизной, старик сказал:

— Твоей наблюдательности можно только позавидовать. Ты снова подловил меня. Да-да, не смотрите так на меня! Включая врата, я знал, что последствия могут быть очень плачевными. Но содеянного не воротишь, как говорят люди. Более того, включая врата, я знал, что всё произойдёт именно так, а не иначе. Слияние вашего мира с моим очень хорошо вписалось в мои намеченные планы по возвращению домой.

— Что-то я ни хрена не поняла из всей рассказанной тобой ахинеи, — призналась Шелли. — Зачем понадобилось превращать Хеллвил в арену ада? Чтобы я в итоге согласилась помочь тебе, дабы прекратить все эти ужасы? А просто попросить меня, прикидываясь дядей Фредом, ты не мог? Я бы не отказалась поучаствовать в одном из экспериментов дяди, думая, что он испытывает очередную поделку! Ты давно мог вернуться обратно. Для чего пришлось всё усложнять?

— Вот и я заметил, что с логикой у этого чувака как-то не очень, — присовокупил арлекин, не отходя далеко от девочки.

— Я должен был перестраховаться, исключая возможность фатальной ошибки, — сказал старик. — Где гарантия, что ты или твой мнительный братец, с которым вы не разлей вода, не заподозрили бы неладное? И потом, слияние Хеллвила с моим миром дело решённое в любом случае.

Алан вздрогнул. Похоже на то, что демон подбирается к самому главному. К тому, ради чего всё и затевалось.

— Погоди ка... Если ты сможешь при помощи Шейлы включить машину, что будет с городом? Ты что-то недоговариваешь!

Матово чёрные глаза старика на секунду полыхнули.

— Часть вашего мира уйдёт вместе со мной. Хеллвил окончательно провалится в мой мир.

— И ты называешь это удачной сделкой? Ты свихнулся! — покрутила пальцем у виска Шейла. — Да после всего услышанного я в жизнь не соглашусь повернуть ключ. Смысл мне это делать? Я вовсе не горю желанием окончить свои дни в мерзкой дыре, которую ты именуешь своим домом.

— Я смогу настроить врата таким образом, что вы останетесь здесь. Кстати, время за пределами Хеллвила течёт как обычно. А внутри, в сфере влияния приоткрытых врат оно невероятно ускорилося. У нас прошло почти двое суток с момента второй активации портала, а в остальном мире ещё не зашло солнце! Так что не удивляйтесь, почему до сих пор Хеллвил не объявлен зоной военных действий. Мы живём гораздо быстрее остального мира. И никто извне этого не замечает.

— А что мешает мне и тебя послать в задницу? — прищурилась девочка. — Я так поняла, что без меня у тебя ничего не выйдет. Значит, я могу диктовать свою политику, да? А если я скажу тебе — да пошёл ты, ублюдок?

Фред успокаивающе поднял руки.

— Шелли, Шелли... Такая юная и уже такая испорченная. Семейные узы, говорите?.. Ну

как у тебя язык поворачивается грубить своему дядюшке?

— Ты мне не дядя!..

— А так похож, да? Девочка, ты же не хочешь навеки застрять в зависшем меж двух миров городе? Впрочем, вечность окажется недолгой. Не прекращающиеся изменения рано или поздно затронут всех тех, кто слаб, кто склонен к греху, кто болен э-э-э... душой. Представь себя одну единёшеньку посреди толпы жаждущих разорвать тебя на части безумцев. Не очень веселенькая перспектива, не находишь? И ты не сможешь вырваться из этого Хаоса. И ты умрёшь.

— Может, я предпочту умереть, но не плясать под твою дудку? Ты не подумал об этом? — прошептала девушка.

— А-а-а... Ты о самопожертвовании во благо спасения мира! Знакомая песня. Все вы так говорите, пока вас не ткнешь носом в реальность. А реальность, моя милая, такова, что если ты откажешься сотрудничать, то ты, разумеется, умрёшь. Но перед смертью увидишь, как умирают другие. Твой брат, его дружок-недоумок, этот безмозглый, пускающий по тебе слюни, шериф. А? Вспомни о рыжем докторе с подружкой, об одинокой, лишившейся единственного чада матери!.. А ведь всех вышеперечисленных можно спасти. Вы ВСЕ можете и дальше жить. Шейла, подумай о своём маленьком приятеле. Ты не забыла Тони? Как ты думаешь, где он сейчас? И ты понимаешь теперь, почему мне пришлось пользоваться изменёнными? Кто я теперь? Я — никто, заключённый в жалкую телесную оболочку. Слабый беспомощный старик. Вы задавались вопросом, зачем я преждевременно погрузил Хеллвил в безумие? Для того чтобы держать ситуацию под контролем! И безумием можно управлять. Особенно когда в поле зрения неожиданно оказывается труппа бродячих артистов, самих по себе людей довольно интересных. И как оказалось, очень полезных. Для меня. Естественно, я не стал более мешкать и одним поворотом ключа поставил ваш мир с ног на голову! Не скрою, многое шло вразрез с моими изначальными планами, несколько раз всё чуть было не сорвалось... Но оглянитесь вокруг! Что вы видите? Вы видите, что мой план работает.

Девочка, вслушайся хорошенько в мои слова. Я — существо из иного мира, между мной и вами мало общего. Я говорю с вами, пользуясь памятью вашего дяди. Но со мной можно договориться. Всё очень просто! Город в обмен на жизни тебя и твоих друзей. Несколько тысяч человек за один поворот ключа.

— И кем я стану после этого? — глухо спросила Шейла, беспомощно оглядываясь на Алана. Лицо брата, частично скрытое длинными волосами, было словно высеченным из камня. Одна! Совсем одна, мелькнуло в голове у девочки... — В кого я превращусь, в убийцу, приговорившего к гибели множество ни в чём не повинных людей?

— Или же в спасительницу, избавивших своих родных и близких от кошмарной участи, — искушающе промурлыкал старик. — А чтобы тебе лучше думалось, я приглашу к нам ещё пару человек! Мистер Старжински, не будет ли вы так добры?

В глазах Шелли вспыхнула надежда. Девушка завертела головой, словно ожидала незамедлительной материализации директора Старжински прямо из прохладного, нагоняемого скрытыми кондиционерами воздуха подвала. На деле же всё оказалось гораздо прозаичней и проще. Беззвучно отворилась одна из двух заинтересовавших Бинго дверей, и в главный зал ступил давешний антрепренер. В правой руке Рудольф сжимал огромных размеров револьвер. Алан дёрнул бровью. Револьвер в костистой руке Старжински был братом-близнецом револьвера, засунутого за пояс юноши. То же длинное дуло с массивной

мушкой, вытянутый шестизарядный барабан; из-под пальцев директора цирка видна часть потёртой рукояти с сандаловыми «щёчками».

Ствол револьвера упирался в светловолосую головёнку маленького худенького мальчика, с грязным перепуганным лицом и заплаканными глазами. Помимо слёз, в глазах мальчика недвижимым маревом застыл первобытный страх...

Сдавливая горло Тони левой рукой, Старжински приветливо, словно давним знакомцам, кивнул с очевидной неприязнью уставившимся на него людям головой.

— Э-э-э... Добрый день, господа. Леди. Хотя не могу с уверенностью сказать, какое сейчас именно время суток, но вежливость заставляет меня быть в первую очередь джентльменом...

— Можешь засунуть свою вежливость в задницу, — оборвала Рудольфа Шейла. При виде Тони сердце девочки едва не взвыло в голос от защемившей боли и отчаяния. Разглядев же среди остальных Шелли, Тони попытался мужественно улыбнуться, но по щеке мальчика предательски побежала крупная слеза. Влажные глаза Шейлы обожгло разгорающейся яростью, что моментально иссушила выступившие слёзы. Не-е-т. Она более не позволит, чтобы Тони страдал. Она не допустит этого. Хватит. Хватит! Я спасу тебя, мой маленький, беззвучно прошептали тонкие губы девочки. Клянусь. Не произнесённые вслух слова были адресованы стиснутому железной хваткой мальчугану. Одному ему и никому больше.

— Даже так? — скорчил изумлённую мину Старжински, демонстративно надавливая стволом револьвера на висок Тони. Мальчик протестующе взбрыкнул, но не проронил ни звука. Он просто не мог на глазах у Шейлы показать, что ему больно. И он больше не будет плакать. По крайней мере, постарается... На самом деле мальчику было ужасно страшно, больно и одиноко. И даже появление знакомых лиц не могло разогнать кружившее вокруг сердца отчаяние. Тони не увидел мамы... — Я думал, что поздоровался с приличными людьми.

— Послушай меня, Рудольф, я не буду повторять два раза, — ободряюще подмигнув мальчику, и постаравшись предать себе как можно более уверенный вид, сказал Алан. — Как сам понимаешь, у нас сложилась достаточно неоднозначная и сложная ситуация. Однако не один из присутствующих здесь людей не лишён права выбора. Выбор есть у каждого. Пока что он есть и у тебя, Старжински.

Де Фес, натянув на физиономию хитрую ухмылку, неподвижно застыл подле врат, словно завязывающийся разговор его и вовсе не касается. У мельком скользнувшего по старику взглядом арлекина сложилось впечатление, словно демон предугадывает их дальнейшие действия на два шага вперёд и полностью уверен в себе. Как и в том, что держит ниточки управления выясняющими отношения людей-марионеток в кулаке. Кукловод херов, с беспомощной злостью подумал Бинго. А ведь так и получается! Крыть-то им собранный бездушным монстром флэш-рояль нечем.

— Ты предлагаешь мне выбор? Что ты вообще можешь предложить, кроме пустого сотрясения воздуха ничего не значащим словом? Право выбора? А можно как-то потрогать эту штуку? Что это такое? Навряд ли более материальное, чем последний вздох, что испустит этот милый ребёнок, когда пущенная в упор пуля разнесёт его голову вдребезги!

Шелли, чтобы не вскрикнуть, торопливо вцепилась зубами в костяшку указательного пальца. Сердце девочки чуть не выпрыгнуло из груди. Чёрт, да что же Алан делает? Зачем он злит этого маньяка? Он что, не видит, что таким образ сделает только хуже? Её мерзкий двуличный братец не понимает, что лишь больше навредит Тони?.. Шейла ошпарила Блейза

ненавидящим взором. Вздрогнув в глубине, Алан внешне начисто проигнорировал пылающий в глазах девушки огонь злобы.

— Я предлагаю тебе выбор между жизнью и смертью, — упрямо выдвинул подбородок Алан. — Но смертью твоей. НЕ Тони. Я не могу распоряжаться и твоей жизнью, поэтому выбор у тебя и впрямь не велик.

— Интересно! — с издёвкой воскликнул Рудольф. — Как же так получилось, что жизнь ты оставляешь на моё усмотрение?

— Не на твоё, — покачал головой Блейз. — Твоя жизнь принадлежит чудовищу, называемому тобой господином. Твоя никчёмная жизнь в его руках. Он твой хозяин и он решает, кем ты проживёшь остаток дней. И как. А вот смерть... Смерть твоя словно продажная девка. Зависит от того, кто даст большую цену.

Холодные, прозрачно-водянистые глаза Старжински налились кровью. Цирковой антрепренёр выглядел несколько ошарашенным и сбитым с толку. И очень недовольным. Грубо встряхнув мальчика, Рудольф погрозил Алану револьвером.

— Ты, я смотрю, оказался неожиданным мастером произносить проникновенные речи! Дьявол, да тебя хоть сейчас в мой цирк зазывать публику! Ха, большую цену!.. Скажи, а какую цену готов заплатить ты?

— Более чем равнозначную. Свою жизнь. Моя жизнь в обмен на жизнь мальчика, — сказал Блейз. — Если при этом ты умрёшь. Я готов. А ты?

— Ты чокнутый! Ты вконец тронувшийся умом психопат! — вытаращился Рудольф.

— И это говорит коллекционер уродов? Изменившийся? Человек, потерявший человеческую суть и продавшийся Тьме? Кто из нас двоих более безумен? Но отпустив Тони, ты докажешь, что в тебе от человека больше, нежели просто внешность.

— Бесполезно, Алан, — трусовато высунулся из-за плеча высокого юноши арлекин. — С маэстро и раньше было проблематично договориться. А нынче тем более. Не будет он нас слушать. Не рискуй. А то не ровен час...

В молчаливом взгляде Шейлы отражалось абсолютное согласие с Бинго. Не смотрит, как на собаку и то хорошо, устало отметил Алан.

— Вы напрасно боитесь его. Это же просто игрушка. Он сам ничего не решает. Он не посмеет нажать на спусковой крючок, пока ему не прикажет хозяин. Я говорил с пустышкой.

Побледнев от бешенства, Старжински гневно раздул ноздри хрящеватого носа. С титаническим усилием обуздав взбунтовавшие всё естество эмоции, директор нарочито громко сказал:

— О, а это кто там у нас отсиживаешься за спиной товарища? Чей знакомый голос я слышу? Бинго, ты ли это, предатель мелкопакостный?.. Ну покажись, чего ты боишься!..

— Твою мать, опять снова здорова, — простонал арлекин, выходя из-за такой уютной ширмы, как Блейз. — Эй, Руди, ты разве не нашёл мою записку с заявлением на увольнение по собственному желанию?

— Ты покинешь мою трупку только ногами вперёд, — белозубо улыбнулся Старжински. Бинго показалось, что он чуть ли не воочию наблюдает стекающие по губам маэстро струйки змеиного яда. — С кем ты теперь якшаешься? И что за дерьмо на тебе надето?

Арлекин раздражённо тряхнул головой. Подвешенные к рогам шутовского колпака колокольчики незамедлительно отозвались серебристым мелодичным звоном. От бдительного взгляда Алана не укрылось, что при звуках бубенцов де Фес недовольно скрипнул зубами. При этом выражение лица у старика было такое, словно он, не глядя,

махнул стопку рыбьего жира. Любопытно. Очень любопытно.

— Да вот он я, — пробубнил Бинго, избегая встречаться с холодными прозрачными глазами бывшего шефа. — Мы теперь по разные стороны баррикад, маэстро.

— Так значит, война?

— Антитеррористическая операция, — усмехнулся арлекин. — Думается мне, что до полномасштабных военных действий дело у нас не дойдёт. Размах не тот. Да и не допустит мой долговязый друг, чтобы вновь прозвучали выстрелы. Поверь мне, Руди, у тебя нет не единого шанса. Ни шансика. Я видел, на что способен Алан. Тебе такое и не снилось.

— Пустой трёп, — фыркнул Старжински, тыкая револьвером в закусившего нижнюю губу Тони. — Чушь! Реально только дуло у виска этого обоссаного щенка!

Не сдерживаясь и не обращая внимания на неодобрительно сдвинувшего брови старшего брата, Шейла грязно и неприлично выругалась, заставив арлекина покраснеть под слоем театрального грима.

— Ты просто отвратительный трусливый ублюдок! — в дрожащем от ярости голосе девушки было столько презрения, что хоть кусками нарежай. — Когда тебе прищемят яйца, я первая возьмусь за нож! И тогда мы посмотрим, каков ты храбрец!

— Горячая девочка, и чертовски хорошенькая. Не иначе и в кровати настолько полна страсти, как на словах, а? — несколько не испугавшись угроз девочки, заухмылялся Старжински. — Забавная компания подобралась, Бинго. Как раз в твоём духе. Клоун на клоуне!

Арлекин щёлкнул ногтем по свисающему с колпака бубенчику.

— Ты всерьёз полагаешь, что клоун смог бы отправить к праотцам Каучукового Джека, Мистера Богарта, Эльвиру?.. Ты хоть сам понял, что сказал? Алан, этот чудак продолжает держать нас за клоунов. Очнись, Руди, мы давно не в цирке!

Высокий лоб Старжински перечеркнули резко обозначившиеся морщины. В прозрачных глазах на краткий миг вспыхнуло пламя костра, растапливая скопившийся лёд.

— Вы ответите за это. Вы все будете умолять меня о пощаде, но уши мои останутся глухи. Вы...

Громко хлопнув в сухие ладоши, привлекая к себе всеобщее внимание, Фредерик извиняющимся тоном сказал:

— Простите, что прерываю вашу, вне всякого сомнения, неотложную и важную беседу, но смею вас заверить, что у нас остались и более ВАЖНЫЕ дела! Мистер Старжински благодарю за участие, но смерите свой пыл...

Не проронив ни слова, антрепренёр, прижимая к себе обвисшего Тони, попятился в сторону. Слову хозяина он повиновался беспрекословно. Указательный палец мерзавца не отрывался от спускового крючка старинного револьвера.

— Господа, — раскинув руки, обратился к остальным старик. — Я так полагаю, что вы прекрасно всё поняли и уяснили. Так же думаю, что времени принять верное решение у вас было более чем предостаточно. Посему предлагаю более не мешкать, а приступить к нашему общему делу. Пора заканчивать этот балаган. Мистер Старжински несколько увлёкся... Хм. Итак, позвольте вам продемонстрировать величайшее изобретение в истории человечества. Машину, построенную, чтобы изменить саму основу мироздания. Приготовьтесь увидеть... Врата!

Руками, мелко подрагивающими от непонятого возбуждения, Фредерик ухватился за плотную чёрную ткань. Один рывок — и тяжёлый полог сорван, открывая людскому взору

последнее прижизненное творение де Феса.

— Разве ОНА не прекрасна? — с придыханием спросил старик, пожирая машину тёмными провалами глаз.

Алан несколько опешил от увиденного. Он подозревал, что восторженные речи демона о природе этого агрегата носят исключительно субъективный характер, и оставалось лишь догадываться, что из сказанного является правдой, а что плодом разыгравшегося воображения. На всякий случай Блейз готовился увидеть нечто, по крайней мере, странное. Возможно гротескное. Неожиданное. Непонятное. Юноша порядком удивился, когда их глазам предстала самая обыкновенная... дверь.

Или нет, всё-таки вынужден был признать Алан. Не совсем обычная дверь.

Посреди подвала высился приличных размеров шкаф чёрного, блестящего в свете ламп, лакированного дерева. Шкаф? Алан усмехнулся. Разумеется, нет, но на ум другие сравнения не спешили идти. Значит, пусть этот здоровенный ящик будет шкафом. Платяным. Тут же Блейзу вспомнились «Хроники Нарнии» Льюиса... В детстве он зачитывался «Львом Колдуньей и» ... Всё верно, платяным шкафом. Что же это — неожиданная шутка фортуны? Алан недоверчиво смотрел на высившуюся перед ним машину, схожую по своим функциям с волшебным шкафом из старой доброй сказки. Открой двери и окажешься в другом мире. Вот только мир, открывающийся на другой стороне ЭТОГО шкафа несколько не похож на Нарнию.

Стены врат были исписаны затейливыми рунами, нанесенными в непонятной для непосвящённых последовательности. Алан присмотрелся и понял, что ему не показалось. Руны и впрямь отсвечивали едва уловимым мерцанием. Казалось, что они пульсируют, напитанные непонятной, необъяснимой с точки зрения здравого смысла потусторонней жизнью.

Машина была странной. Ни один проводок, ни один кабель не шёл к ней. Не было и намёка, что врата потребляют энергию откуда-то извне. Не было видно ни сложных систем управления, ни дополнительных приборов, ничего. Просто здоровенный, чёрный, так смахивающий на шкаф, ящик с окованной железом дверью в одной из сторон. Дверь, как и стены, была густо усеяна колдовскими знаками. Руны покрывали каждый квадратный дюйм машины.

Наверное, именно дверь и была самой необычной и странной деталью врат. Алан ещё ни разу не видел, чтобы дверь была снабжена сразу двумя расположенными параллельно друг другу в метровой высоте от пола замочными скважинами. Между самими скважинами так же было выдержано приличное расстояние, почти на всю сторону. Из скважин торчало по ключу. Ключи были большими и причудливо вырезанными, с множеством изгибов и волнистых линий. Один из ключей, в левой скважине, был повёрнут на один оборот по часовой стрелке. Второй ключ застыл в своей скважине в изначальном положении. Алан на секунду прикрыл глаза. Эти ключи... Они были так похожи на те, что дядя Фред изготовил к замкам их с Шейлой комнат...

Дверь была чуть приоткрыта. На самую малость, на полсантиметра, не больше. Но из образовавшейся между дверью и косяком тонкой щели веяло морозным, пробирающим до костей, космическим холодом. Наброшенный на машину полог до последнего момента скрывал это сквозняк. И теперь становилось понятным, почему врата такие холодные. В подвал рвалась стужа потустороннего мира. Мира демонов.

Старик едва ли не любовно дотронулся до левого ключа, проведя кончиками пальцев по

резным завитушкам.

— Поворотом этого ключика я приоткрыл завесу меж нашими мирами... Второй ключ мне повернуть, увы, не под силу. Для этого и требуется помощь нашей дорогой Шейлы. Ну как, девочка, ты поможешь мне? Я уйду вместе с городом, вы остаётесь со своими друзьями здесь. Проще некуда! Договорились? Не меньше твоего надеюсь, что мне не придётся прибегать к ПОМОЩИ маэстро Старжински.

Молча, словно во сне, Шелли подошла к воротам. Внимание девушки привлёк помещённый в самый центр двери символ. Круг, разделённый волнистой линией на две половинки, с заключёнными в каждую из них древними знаками. Инь и Янь. Единое, заключающее в себе противоположности. Средоточие неба и земли, добра и зла, мужского и женского. Центр вселенской сущности. Границы круга проходили строго впритык с замочными скважинами. Создавалось впечатление, что провернув ключи, можно вдохнуть жизнь в нарисованный на двери символ. Кто знает, возможно, так оно и было...

Шелли приложила ладони в чёрной поверхности. Кожу тут же укололи острые иголки арктической стужи. Ледяная изморозь торопливо разбежалась по рукам. Но в тех местах, где ладони касались покрывающих дверь рун, кожу пощипывали приятные тёплые искорки. Весьма странное и двоякое ощущение. Огонь и лёд. Жизнь и... Смерть?

— Эти ворота... Мне кажется, что они живые! — изумлённо выдохнула Шелли, невольно прислушиваясь к своим чувствам. — Они не несут зла. Дядя Фред не мог создать машину, замешанную на крови и злобе. Но... Но сейчас машина больна! Она страдает. Её истачивает дыхание Тьмы. Твой мир ужасен!

Невозмутимо встретив гневный взгляд огромных синих глаз, старик сказал:

— Это всё слова, дорогая моя. Но ты в силах всё изменить. Ты можешь отправить меня обратно в родную мне пустоту и выключить машину. После будет достаточно вернуть оба ключа в исходное положение и портал закроется. А там делай, что тебе вздумается, хоть разбей ворота на части! В тебе заключена великая сила, девочка. Ты можешь управлять судьбами людей! И демонов.

— Я не хочу управлять ничьей судьбой, — нахмурила чёрные брови Шейла и тоскливо добавила. — Мне бы с собственной жизнью разобраться!..

— Твоя жизнь в твоих руках, — вкрадчиво сказал де Фес, не опуская с девушки залитых смолой глаз. — И смею добавить, жизнь друзей и близких тоже. А это уже меняет всё дело, верно? Понимаю, ответственность за чьи-то жизни всегда нелегка... Но рано или поздно приходит пора взросления. Ты станешь взрослой здесь и сейчас, Шейла.

— Звучит просто отвратительно! — напомнил о своём присутствии Бинго. — Нет, Алан, ты чего молчишь? Этот грязный вонючий старикашка только что едва ли не открытым текстом пообещал трахнуть твою сестру, а ты и в ус не дуешь?! Я тебя не узнаю.

— Я думаю! — огрызнулся Блейз, отгородившись упавшими на лицо длинными волосами.

— Ах вот оно что...

Фред засунул руки в карманы халата и с показной скукой зевнул.

— Извините, что опять перебиваю, но если вы не заметили, мы с Шейлой решаем судьбу немалого количества людей. В том числе и ваши судьбы. Ой, и не надо удивленно округлять глазки. С вами мне обсуждать ровным счетом нечего. Все мои дальнейшие планы связаны исключительно с этой очаровательной девушкой. Леди...

Шейла посмотрела на Алана. Во взгляде девочки сквозила полная растерянность. Она

не знала, что ей делать... С одной стороны, она не могла выносить жалобный умоляющий взгляд бившегося в лапах Старжински маленького мальчика, с другой... С другой стороны выстроились сотни и сотни ни в чём не повинных людей, жителей Хеллвила, одной ногой стоящих в аду. И она, Шейла была тем, кто последним толчком мог сбросить их всех в бездну. Девочка ощущала на себе обвиняющие взгляды всех этих несчастных. Тех, кому сложившимися обстоятельствами было уготована кошмарная участь. Но обстоятельствами? Шейла нервно усмехнулась, сдерживая дрожь в пальцах. Какие еще обстоятельства? Демон прав был в одном, когда говорил, что всё зависит от неё. Обрекая жителей города на смерть, она спасала свою жизнь. Да, именно так. Свою нежную шкурку. Конечно, заключая сделку с Дьяволом, можно было оправдаться десятком причин, одной из которых жизнь друзей и близких. Жизнь Тони! Но в конечном итоге она спасает себя. Она-то будет жить. А другие?.. И сможет ли она жить после ЭТОГО? Сможет ли она смотреть на себя в зеркало? Сможет ли она спать?

Что мне делать, Алан, кричал её взгляд? Что же мне делать, БРАТИК, вымаливали заслезившиеся глаза девочки? Что?.. Скажи! Только прошу, не отворачивайся от меня, не бросай меня одну. Докажи, что я не права! Докажи, что ошибалась! Докажи, что ты тот, кем ты всегда был для меня. Самым лучшим, самым верным, самым любимым человеком на свете!

— Алан... — прошептала Шелли. — Алан, скажи хоть что-нибудь...

— Ты смотри, как схватили за попу, так сразу вспомнила, что у неё есть старший брат! — вякнул арлекин. — Он, правда, маньяк и извращенец, да и вообще последний подонок, но... Ай! Ты чего?! Я же за тебя!..

Схлопотав от Блейза увесистый подзатыльник, едва не отправивший его на пол, Бинго обиженно надулся и спешно ретировался охранять тылы.

— Ещё немного, и я расплачусь, — притворно захлюпал носом де Фес. — Соберись с силами, Шейла. И не смотри на него. Не знаю, что за кошка пробежала между вами. Исходя из почерпнутых в памяти Фреда сведений могу сказать, что дружнее вас не отыскать двух людей, и тем более мне не понятна ваша нынешняя грызня. Однако вернёмся к нашим общим проблемам. Прислушайся к голосу своего сердца, милая. Хочешь, я скажу тебе, что оно говорит? Оно говорит — не упusti свой шанс. Второго не будет. Ни у тебя, ни у меня...

— Что ты хочешь этим сказать? — перебил старика Алан. — О каких шансах идёт речь?

— О шансах на выживание, — устало вздохнул Фредерик. — В машину заложена дополнительная система безопасности на случай несанкционированной активации. Если в третий раз при включении врат лицами, не имеющими необходимого допуска, либо при повороте одного ключа, срабатывает функция самоуничтожения. И тогда у глупцов, осмелившихся испытать судьбу в третий раз, будет ровно пятнадцать минут на то, чтобы убежать на безопасное расстояние. Я не знаю, что произойдёт в этом случае, выйдет из строя одна только машина или же разнесёт на части половину особняка. И знать не хочу. Потому что я не глупец.

— Машину можно уничтожить, — пробормотал Алан. — И так легко...

— О да! И так же легко сдохнуть, засыпанным обломками рухнувших на голову этажей! Ты мыслишь в неверном направлении, Алан. Не обращай на него внимания, Шейла. Мы с тобой всё сделаем, как надо, верно? Мы не упустим наш шанс!

— Наши жизни в обмен на целый город, — процедил юноша. — Моя сестра отправит к чертям собачьим целый город.

— И меня тоже, попрошу не забывать об этом. Думаю, что изрядно надоел вам всем. И возможность избавиться от моей компании не стоит так опрометчиво выпускать из рук.

— Жизни тысячи людей...

— Твоя жизнь.

— Жизни сотен женщин и детей...

— Жизни твоих друзей, Алан!

— Жизни невинных...

— Жизнь твоей сестры.

Со стоном Алан запустил пальцы в нечесанные волосы. Последним аргументом старик окончательно добил его. Жизнь Шелли превыше всего, не так ли? Во всяком случае, гораздо выше моей собственной, решившись, подумал Блейз. Только бы успеть...

Откашлявшись, Алан повернулся к напряжённой как десять тысяч вольт сестрёнке. Наклонившись, Блейз прошептал на мгновение зарозовевшее ухо Шелли, выглядывающее из-под пряди стянутых на затылке в хвост длинных чёрных волос:

— Помнишь, я просил тебя верить мне?..

— Помню, — прошептала в ответ девочка, выглядя испуганной и смущённой одновременно.

— Чтобы я не сделал, о чём бы я ни попросил, чтобы я не сказал... Обещай, что будешь верить мне. И будешь действовать, не задавая лишних вопросов.

— Вслепую? — усмехнулась девушка, пытаясь прочесть по непроницаемому лицу брата, что он задумал.

— Слепые всецело доверяют собакам-поводырям. Шелли, не спорь. Я буду для тебя этой собакой. В последний раз.

— Я прозрею?

— Ты всё узнаешь. Верь мне! — буквально опалив последними словами ухо девочки, Блейз выпрямился и уверенно заявил:

— Она готова, демон. Шелли сделает всё, о чём ты не попросишь. Она повернёт ключ.

На бледной физиономии старика расплылась довольная улыбка.

— Вот что значит своевременный семейный совет! Я, впрочем, и не сомневался в подобном исходе. Вы достойны своего дядюшки. Он был умным человеком. Как у вас, у людей, говорят: яблоко от яблони не далеко падает? Сразу видно, что вы плоды с одного дерева. Искренне рад!

— Эй! — встрепнулся державшийся поближе к выходу арлекин. — Алан, ты в своём уме? Нет, я тебе спрашиваю, и умственные способности вашего дядя Фреда не имеют к моему вопросу никакого отношения. Ты подстрекаешь сестру на гибельный для остального города шаг? Я ушам своим не верю!

Блейз, едва не сплюнув от досады, отрывисто бросил:

— Ты хочешь умереть в этом подвале, как последняя крыса?

Перехвативший Тони за светлые волосы, Старжински презрительно обронил:

— В кого ты превратился, Бинго... Слизняк!

— А не пошёл бы ты, Руди, к такой-то матери, а? — обозлился арлекин, срывая с головы рассыпавшийся звонкой трелью бубенцов шутовской колпак. — Тебя вообще никто не спрашивает! Об одном жалею, что не удастся начистить тебе, сука, рыло!

Побагровевший антрепренёр наставил на арлекина револьвер.

— А ты не хочешь заглянуть в дуло этого малыша? Хотя бы одним глазком?

— Довольно! — упавшим на пару октав голосом оборвал разгоревшуюся перепалку де Фес. — Шелли, девочка моя, прошу. У тебя на редкость рассудительный и здравомыслящий братец. Слушайся его. Как делала всю жизнь.

— Как делала всю жизнь, — в ступоре, ошеломлённая, повторила Шейла. — Я слушала Алана всю свою жизнь. Он был самым лучшим человеком для меня. Лучше него я никого не знала. Я любила его...

Блейз мысленно скрестил пальцы. Господи, только бы она не сорвалась! Только бы Шелли не отколола какой-нибудь номер. Да поверь же ты мне! Поверь. Чёрные глаза Блейза настойчиво сверлили словно ушедшую глубоко внутрь себя девочку. Мы же всегда понимали друг друга с полуслова. Мне не нужно быть телепатом, чтобы достучаться до тебя! Шелли!

— Я готова.

Блейз призвал на помощь все оставшиеся силы, чтобы скрыть охватившее его облегчение. Улыбка старика приобрела совершенно уж неприличные размеры, грозя разорвать уголки рта. Человек не может ТАК улыбаться. Дьявольская то была улыбка.

— Я послушаю своего брата. Ещё один раз. Последний, — верхняя губа Шелли затрепетала как нежный лепесточек распустившейся розы... — Алан, надеюсь, ты знаешь, что делаешь. И отдаёшь себе отчёт в том, о чём просишь меня и кем ты меня делаешь. Я верю тебе. Но... Если ты предашь меня, я прокляну тебя. Даю слово. Не вынуждай меня доходить до этого!

— До этого не дойдёт, иначе я умру, — просто ответил Алан, улыбнувшись своей знаменитой печальной улыбкой. — Верь мне. Я никогда не предавал тебя.

— Всё, всё, достаточно словоблудия! — старик не скрывал охватившего его нетерпения. — Шелли, повторяй все мои движения и не думай больше ни о чём. Поверь, ты сделала правильный выбор. Видишь этого бедного маленького мальчика, что смотрит на тебя такими жалобными глазёнками? Через несколько минут в глазах этого малыша будет светиться радость. А истекающий кровью Уолтер, а твой дыхатель Энди Тёрнер? Все эти люди будут жить. И всё благодаря тебе. Да, на твоём месте я поступил бы так же.

Бинго от бессилия чуть не вгрызлся зубами в колпак. Пышное жабо стало душить его. Подсунув пальцы под воротник, арлекин оттянул жабо и глотнул резко пересохшей глоткой прохладного освежающего воздуха.

— Эй, эй, так нельзя... Давайте подумаем, что ещё можно сделать, — прохрипел арлекин. — Должен же быть какой-нибудь другой выход!..

Алан, пользуясь тем, что целиком поглощённый процессом активации портала старик перестал обращать на всё остальное внимание, подошёл к растерянно возмущавшемуся арлекину. И когда сапог юноши с размаху опустился на носок башмака сорок шестого размера, до Бинго наконец-то дошло. Через пронзившую ногу до самого колена зверскую боль.

— Ты заткнёшься или нет, паникёр чёртов? — краешком губ прошептал Алан.

— Блан «Б»? — выпучив глаза, сдержал рвущийся из глотки крик Бинго. — Твою мать... Ты мне все пальцы отдал, сволочуга...

— Скажи спасибо, что не язык оторвал. Будь готов.

— К чему?

— Ко всему. И ради Бога, не вздумай упасть в обморок.

— Замётано... — сказал Бинго и уже гораздо громче, для подозрительно посмотревшего в их сторону Рудольфа, добавил: — Нет, всё равно я не согласен! Ты не представляешь,

какую ношу взваливаешь на нас! Ладно, ты, здоровый лось, но я же не пройду и трёх шагов!

Старжински брезгливо ухмыльнулся. Жалкие неудачники! Им в жизнь не понять замысел его господина! Подобной просвещенностью обладают лишь избранные. Такие, как Старжински. Удел же неудачников вроде Бинго стоять в стороне и трястись от страха.

— Ну что, Шейла, приступим? Ты готова?

— Да, — девочка подошла к воротам, искоса поглядывая на старика. — Что я должна делать?

Глава 26

— Всё очень просто. Просто, как и всё гениальное. Я возвращаю свой ключ в исходное положение и тем самым, закрывая двери, возвращаю Хеллвил в обычное повседневное русло. Далее мы вместе, одновременно поворачиваем уже ОБА ключа, и машина оживёт. Врата откроются, и вы увидите мой мир. Ну а дальше дело техники. Я не зря потратил на изучение врат уйму времени. Все необходимые настройки давно внесены в панель задач машины. Как только я шагну за порог открывшейся двери, весь город шагнёт вместе со мной. Вы даже глазом не успеете моргнуть. От Хеллвила останется один особняк де Феса и все те, кто находится в нём. Дальше ты закрываешь двери, поворачиваешь ключи в обратную сторону и... И, собственно на этом всё — финиш!

— То есть, — уточнила девочка, — открыть врата одному человеку не под силу, но закрыть...

— Да, ты легко справишься с обоими ключами. Как это уже сделал однажды твой дядя.

— Но справлюсь ли я с ночными кошмарами, которые будут преследовать меня до конца дней? — Шелли с вызовом посмотрела. На Алана.

Ты справишься, безмолвно ответили потемневшие, сверкающие из-под падающих на лицо косм, глаза брата. Ты справишься, сестрёнка. Справишься. И ты будешь жить. Просто доверься мне. И всё. Верь. Я... Я люблю тебя. И чтобы не случилось, всегда буду любить. Вечно. Осунувшись, Блейз подумал, что отдал бы правую руку, чтобы произнести эти слова вслух. Наедине с Шейлой. Как же он хотел выкрикнуть эти слова во всё горло! Сбросить с плеч и впервые в жизни выпрямиться. Жить. Жить и не страдать от жизни...

— Я поворачиваю свой ключ. Приготовьтесь.

Выдохнув, старик взялся правой рукой за торчащий из замочной скважины ключ и без видимых усилий повернул против часовой стрелки. Ключ, без малейших помех и скрипа послушно вернулся в исходное положение.

Двери в ту же секунду закрылись, плотно встав на место и отрезая сочащийся с ТОЙ стороны могильный холод.

Сначала никто ничего не почувствовал. Потом внезапно зазвенели колокольчики на колпаке, который кусающий губы арлекин продолжал нервозно мять в пальцах. По полу подвального этажа промчался обжигающий могильной стужей сквозняк и... Алан посмотрел на наручные часы. Слово нехотя, стрелки на циферблате сошли с отметки в семь часов девятнадцать минут и уверенно, как ни в чём не бывало, двинулись в свой бесконечный путь к концу времени.

— Шелли, внимание! Приступаем, — распорядился де Фес, вновь берясь за ключ и ожидая, когда девочка подчинится его команде. — Нам нельзя терять ни минуты. Время ожило.

Словно во сне Шейла сомкнула тонкие пальцы на ключе. Она наблюдала за собой как бы со стороны. А ключ, меж тем, неожиданно нагрелся и одарил порядком продрогшую

девочку приятным согревающим теплом. Ей настолько понравилось неожиданное ощущение, что она только сильнее сжала пальцы. Ключ пульсировал, покалывая руку девушки задорными искорками.

— Горячий, — замороженная, сказала Шелли. — Ключ горячий!..

— Должно быть, на женский пол ключ реагирует именно подобным образом, — нахмурился старик. — Мой ключ как был, так и остался холодным. Впрочем, неважно. На счёт три...

Блейз затаил дыхание. Что-то пошло не так. УЖЕ что-то пошло не так! Ключ встретил Шейлу совсем по-другому, нежели де Феса, нежели руку дяди Фреда. Значило ли это, что машина сразу поняла, в чём дело? Вероятнее всего. Но демон, демон ни о чём не догадывается! Блейз невольно, совсем по-детски скрестил пальцы. Ну же! Поворачивайте эти чёртовы ключи!

— Один. Два. Три. Повернули!

Движения Шейлы и старика слились в одно. Ключи одновременно повернулись по часовой стрелке на оборот, второй, третий, четвёртый... Хотя нет, постойте, приоткрыл от изумления рот Бинго. Ключ чудовища повернулся то всего лишь один раз, да так и застыл, а ключ Шейлы... Ключ девочки, ожив, крутился совершенно самостоятельно, с каждой секундой наращивая скорость! Шелли, испуганно взвизгнув, отскочила в сторону. Она выпустила ключ, как только поняла, что происходит нечто непредвиденное. В ключ словно бес вселился. Крутанувшись ещё несколько раз, ключ, наконец, замер.

Он выполнил своё предназначение, осенило Блейза. Ключ запустил механизм самоуничтожения машины. Значит... Алан засёк на часах время. Значит, у них всего пятнадцать минут на всё про всё. Не густо, прямо скажем. Но могло быть и хуже.

— Ч-что это было? — начал заикаться арлекин, дёргая Блейза за рукав обтягивающей трос водолазки. — Что ещё за чудеса?

Пальцы Алана незаметно для окружающих сомкнулись на сандаловой рукояти засунутого за пояс револьвера. Старжински представлял из себя великолепную мишень. Опустив ствол револьвера, маэстро недоверчиво таращился на машину, с которой начали происходить странные метаморфозы. Символ Инь — Янь вспыхнул ярким режущим глаза рубиновым огнём и из чрева врат раздался удар гонга. Дзин-н-нь! И символ погас, слившись с чёрной лаком двери. Извивающийся Тони, пользуясь моментом, смог вывернуться из ослабших объятий антрепренера настолько, что едва не сполз на пол. Старжински как будто и не замечал, что заложник почти освободился, переведя ошалевший взгляд водянистых глаз на своего господина.

Старик стоял перед дверьми с совершенно отсутствующим видом. Как будто его треснули по голове здоровенной дубиной. Чёрные провалы глазниц с расплывшимся на весь глаз агатовым зрачком бурлили первородным хаосом. Сухие губы старика начали кривиться в жутких гримасах. По лицу побежали судороги.

— Что же пошло не так... — ошарашено пробормотал де Фес, неверяще глядя на захлопнувшиеся перед самым носом врата. — Я не понимаю... ЭТОГО не должно было случиться! Не должно!!!

В ярости взревев, старик ударил сжатым кулаком по машине.

— Ничего не понимаю! Как такое стало возможным?.. Ритуал был проведён с соблюдением всех необходимых мер... Стойте. Но... Да нет, не может этого быть! Неужели де Фес умудрился что-то скрыть от меня?!

Схватившись за голову, существо, манипулирующее телом Фредерика, с корнем вырвало клок седых волос. Подскочив к замершей в полной растерянности Шейле, он схватил её за плечи и затряс, как терьер крысу.

— Что произошло?! Что, скажи мне! — брызжа слюной в лицо насмерть перепугавшейся девочке, в бешенстве орал старик. — Это ты!!! Всё из-за тебя, сучка! Дай мне свою руку...

Длинные, показавшиеся Шейле когтями коршуна ногти чудовища сомкнулись на её запястье, прокалывая кожу. Из маленьких ранок брызнула кровь, омывая пальцы старика. Тут же оказавшийся рядом Алан сильным толчком отшвырнул Фреда подальше и заслонил зашипевшую от боли сестру.

Но монстр уже знал.

— Тёмные Боги! — взвыл старик, потрясённо глядя на испачканные кровью девушки пальцы. — Вы смеётесь надо мной! А ты... Ты...

Трясущийся от ненависти когтистый палец старика обвиняюще нацелился на зажимающую носовым платком глубокие ранки Шейлу.

— Ты не Блейз! И не де Фес! Сука, ты не сестра ему! Ты не имеешь к семье Алана никакого отношения!! Дьявол!..

Глаза Алана закрылись сами собой. Он сказал это. Демон сказал Шейле то, что Алан скрывал всю жизнь.

Глаза девочки широко распахнулись. Кожа покрылась тысячью мелких прыщиков, словно Шейлу окатили ледяной водой из проруби. Платочек выпал из онемевших пальцев... В голове зашумели сотни назойливых пчёл, ноги пронзила подкашивающая дрожь. Шелли с трудом перевела дыхание. Перед глазами всё плыло и двоилось. Девочке показалось, что она ослышалась, что демон сказал что-то совсем другое. Что она сама себя взвинчивает, внушая всякие глупости, что разозлённый неудачей монстр специально сказал ЭТО, чтобы причинить ей боль, чтобы хоть как-то расквитаться за провал... Что... Шейла была готова придумать великое множество отговорок, только бы опровергнуть брошенные ей в лицо яростные слова старика. Такие ужасные, кощунственные и страшные слова.

Ты не имеешь к семье Алана никакого отношения.

Ты даже не сестра ему.

Ты не Блейз.

И не де Фес.

Сука.

Он соврал. Конечно, этот беспринципный мерзавец солгал! Он же демон, тварь, которой свойственно изворачиваться и лгать. Лгать, высмеивать, издеваться над человеком. Ложь. Всё ЛОЖЬ! Шелли задышалась, она не видела и не слышала. Что происходит вокруг? Что говорят присутствующие совсем рядом люди? Что случилось с машиной?.. Она не знала. Внезапно родившаяся в голове боль как стальными обручами стала сдавливать черепную коробку. С тонких губ девочки сорвался мучительный стон. Она пошатнулась и вытянула руку, неосознанно ища опоры. Вспотевшая ладонь девочки упёрлась во что-то мягкое, тёплое и одновременно твёрдое как камень. Шейла не поняла, что наткнулась на грудь Алана.

Из глаз девочки выбежали слёзы, удушливый противный комок подкатил под горло. Шейла что-то неразборчиво просипела, не в силах выдать ни слова. Ложь. Всё ложь! Демон морочит ей голову! Подобное поведение свойственно выходцам их Бездны.

Ты не Блейз. НЕ БЛЕЙЗ!!! Выкрикнутые в бешеном порыве слова каленым железом

терзали душу девочки и громогласным набатом звенели в голове, грозя взорвать сжимаемый стальными обручами мозг.

— Кто я?.. Кто же я? Что я?.. — как заведённая шептала девочка, опираясь уже обеими руками о широкую грудь Алана. — Кто я, Алан?

Она подняла на брата... Она подняла на человека, которого всю жизнь считала своим братом, зарёванное лицо. В синих, потемневших, цвета весеннего неба, влажных глазах девочки отражалась вся терзающая её боль, все муки и всё завладевшее сердцем горе. Пальцы Шейлы стиснули ткань водолазки, слёзы соленым дождём капали на губы, подбородок, стекали по шее.

— Кто я, ответь? Ответь же мне, Алан Блейз, кто я такая?! Или скажи, что эта тварь лжёт или скажи мне правду! Слышишь? Ты слышишь меня?!

Сорвавшись на визг, Шейла разрыдалась на груди Алана. Юноша очень ласково и нежно обнял плачущую девушку и крепко прижал к себе.

— Ты самый лучший человек на свете. Лучше тебя никого нет... И я люблю тебя, Шелли. Всю жизнь любил, и буду любить вечно.

— Вы только послушайте его! Он, оказывается, всё знал! — взвыл Фредерик, с бессильной злобой пялясь на Алана. — Ты всё знал, ублюдок! ВСЁ знал!!

— Всё и всегда, — невозмутимо отвечал Блейз, бережно обнимая Шейлу за сотрясающиеся от рыданий плечи. — Каждый из нас сделал свою ставку в этой игре, верно, демон? Надеюсь, ты не нуждаешься в персональных разъяснениях? Ты понял, что проиграл?

Из морщинистого горла старика донёсся клокочущий низкий звук. Де Фес машинально облизнул окровавленные пальцы.

— Ты обставил меня, щенок... Ты и твоя недоношенная безродная сучка. Сатана мне свидетель, я и подумать не мог, что ты сможешь разыграть козырную карту! Ответь, ваш дядя знал о том, что ОНА не твоя сестра?

— Знал. Об этом знали пять человек. Мои родители, дядя Фред, тётё Урсула и я.

— Знал, значит... — овладевшее телом старика чудовище запустило пальцы в посеребрённые сединой волосы. Со стороны жест монстра выглядел таким человеческим. Но Алан знал, что кроме внешности, в этом существе нет ничего человеческого. — Знал и каким-то образом смог утаить это знание от меня! Уму непостижимо! Как ему удалось? Я же читал его память как открытую книгу... Как он сумел упрятать самое важное?..

— Дядя Фред, как и я, как и все остальные, дал клятву, — сказал юноша, успокаивающе глядя всхлипывающую девочку по чёрным густым волосам. — Мы все поклялись, никогда не говорить о том, что Шелли не родная нам. Мы поклялись, что она никогда не узнает о том, что её удочерили. И мы, все МЫ держали данное слово! И дядя Фред, даже находясь на пороге смерти, не нарушил клятву. А ты... Ты никогда не поймёшь людей, не постигнешь суть нашей души. Никогда не узнаешь, что такое преданное и любящее сердце. Ты слишком сильно отличаешься от нас. И тебе не место в нашем мире.

Старик злобно ощерился, обнажая в оскале заострившиеся зубы. Чёрные глаза демона отливали могильной тьмой.

— Через десять минут машина самоуничтожится, умник. Ты и дальше намерен тут стоять и вытирать сопли своей вонючей «сестрёнке»? Ты перестал ценить жизнь?

— Да, чувак, — незамедлительно встрял в разговор арлекин, обеспокоенно поглядывая зелёными глазами на слившихся в объятиях молодых людей. — Я, конечно, очень рад за тебя! Приятно, осознавать, что твой друг никакой не маньяк-извращенец... Но не пора ли

нам линия из этого чудесного подвальника, пока у нас под носом не расцвела вторая Хиросима?

Перехвативший застывшего в потрясении от услышанного Тони за шкуру, Старжински дребезжаще произнёс:

— Э-э-э... Господин, в кои-то веки я полностью поддерживаю этого шута. Не время ли опустить занавес? Представление-то катится к антракту!

По физиономии старика пробежала очередная судорога. Задвигав желваками, демон произвёл несколько крайне неприятных на вид глотательных движений и раздосадовано рыкнул:

— Уйти? Уйти и забиться в нору? Через несколько часов последствия всех произошедших с городом и людьми изменений исчезнут, и ты первый же воткнёшь мне нож в спину! Так почему бы нам не уйти с помпой? А, Блейз? Насколько ты ценишь жизнь?

— Я слышу в твоём голосе страх, демон, — устало усмехнулся Алан. — Перестань работать на публику... Ты гораздо больше, чем я, боишься смерти. Интересно, если перестанет дышать дядя Фред, что станет с тобой? Ты задумывался над этим? Ты веришь в жизнь после смерти?

— Я верю в смерть твоих друзей, — от гортанного голоса старика у Алана по загривку пронёсся взвод мурашек. — Старжински, убей мальчишку! Вышиби из этого паршивого молокососа всё дерьмо!

— Без проблем!

— Не-е-ет!!!

Оттолкнувшись от груди Блейза, Шелли с отчаянным криком рванулась к приставившему дуло револьвера к виску мальчика Рудольфу. Старжински противно улыбался, смакую каждую секунду, упиваясь властью над чужой жизнью и возможностью оборвать её в любой момент.

Как бы ни была быстра подстёгиваемая отчаянием и болью девочка, Старжински был быстрее. И он прекрасно знал, что успеет нажать на спусковой крючок до того, как Шейла разъярённой рысью вцепится ему в горло. Не исключено, что он успеет застрелить и эту взбесившуюся сучку. Тони извивался в мёртвой хватке, бился в последних усилиях, тщась освободиться. Но не мог маленький ослабший мальчик тягаться с взрослым человеком. С тем, кого уже вряд ли можно было назвать человеком.

Тони не мог. Шелли не успевала. Указательный палец антрепренера начал неумолимо сокращаться, приближаясь к спусковому крючку старинного револьвера. Бинго беспомощно застыл на месте, прижимая к груди измятый колпак. Бубенчики тихо и жалобно, с надрывом позвякивали, словно играя похоронный марш.

Время опять замедлило свой бег, перейдя на размеренный шаг, а затем и вовсе потекло, завязнув в палитре затронутой изменениями реальности, как мошка в паутине прожорливого паука. Демон в облики высокого худощавого старика благородной наружности, не моргая, смотрел на Блейза. Смотрел и не верил тому, что видел.

Время замедлилось не для одного него. Фредерик понял, что Алан способен не останавливать движение времени, но перегонять его. Этот парень чертовски быстр! Невероятно быстр... Старик едва не задохнулся, когда Блейз, опережая антрепренёра на долю секунды, вытащил из-за спины огромный вороненый револьвер с потускневшей, отполированной неоднократно прикосновениями, сандаловой рукоятью.

Гроыхнул выстрел. Крупнокалиберная пуля, разрезая поток сгустившегося воздуха,

рассерженным шмелем пронеслась мимо головы бегущей девочки, лёгким дуновением взметнув у виска прядь выбившихся волос, и жадно влипла меж глаз директора цирка. Прodelав в переносице изумлённо хрюкнувшего изменённого маленькую дырочку, пуля вывалила с обратной стороны половину черепа, забрызгав стену за спиной Старжински окровавленной мешаниной из мозгов и костей. Ноги антрепренёра подогнулись, из ставшей безвольной ладони выпал так и не выстреливший револьвер, и с тем же изумлённым выражением на побледневшей как мел физиономии Рудольф рухнул на пол.

Освободившийся Тони метнулся подальше от стынувшего в луже крови мертвеца, и тут же оказался в объятиях подросшей Шейлы. И, не смотря на данные клятвы, Тони не смог удержаться и беспомощно расплакался, тыкаясь зарёванной мордашкой в грудь девушки...

Алан опустил револьвер. Никто не заметил, как предательски дёрнулось левое веко юноши. Громадное перенапряжение последних часов давало о себе знать. Выстрел получился отменным, уникальным, достойным войти в пособия, но... Себе Алан мог признаться, что стреляя, он не задумывался о последствиях. Он просто знал, что попадёт, как знал и то, что второй попытки у него не будет. И он мог промахнуться. Легко. Но другим то знать об этом не обязательно, не так ли?

— Чувак, я наложил в штаны, — доверительно сообщил Бинго и взмахнул колпаком, швыряя на свободу россыпь хрустальных звуков. — Клинт Иствуд ты хренов!!

— Бинго, быстро руки в ноги и дуй наверх! — Алан смотрел на съёжившегося в нехорошем предчувствии арлекина очень серьёзно и печально. — Шелли с мальчиком пойдут с тобой. Не спускай с них глаз, приятель, договорились? Во что бы то ни стало, приведи в сознание Энди. Слышишь? Думаю, он должен прийти в себя. Затем выводите на улицу Кейт и Уолтера. И бегите прочь насколько хватит сил. Мы скоро присоединимся к вам. Ты понял меня? Понял?..

— Ты говоришь так, будто прощаешься со мной навсегда, — Бинго поднял на Алана обеспокоенные глаза — один цвета весенней травы, второй — безоблачного неба. — Ты чего? Думаешь, я оставлю тебя в последней битве? И не мечтай! Без меня тебе точно не справиться, я же вижу этого монстра насквозь!

— У нас очень мало времени, — твёрдые как железо пальцы Алана крепко сжались на щуплых плечах арлекина. — И с каждым мгновением его остаётся всё меньше. Машина ведёт обратный отсчёт и её не остановить и не выключить. Да оно и к лучшему. Эта штука не имеет прав на существование. Дядя Фред ошибся. Он не должен был создавать её. Заигрывать с первозданными силами, появившимися в нашем мире ещё на заре времён, не по плечу не одному человеку... И когда врата самоуничтожатся, я хочу быть уверен, что вы находитесь как можно дальше отсюда. Вы не успеете отдышаться, как я догоню вас. Честно.

— Почему мне тогда кажется, что ты врёшь? — недоверчиво сощурился Бинго. — Учти, Блейз, нарушишь слово, и я тебя с того света вытащу! Честно. Гадом буду.

— Договорились. Ну давай, поспеши.

Смахнув с лица длинные волосы, Алан ободряюще подмигнул арлекину.

— Как же это трогательно — наблюдать за вами, людьми! — отстраненно сказал не отходящий от портала старик. Внутри машины что-то едва уловимо, на уровне предела восприятия человеческим слухом тикало. Тик-так, тик-так... Как заложенные в начинку машины часы. Как взведённая часовая бомба. Тик-так, тик-так... — Хочешь остаться, Алан? Хочешь остаться со мной? Уверен? Не боишься, что минуты, проведённые наедине со мной, станут последними в твоей жизни?

— Мы в равном положении.

Демон промолчал. Сложив руки на груди, старик склонил голову на бок, словно раздумывая над чем-то важным и значительным. Судьбоносным. Чёрные, залитые битумом глаза не моргали.

— Пойдём, малыш, — ласково сказал арлекин, прикасаясь к светловолосой головёнке Тони. Мальчик никак не мог отпустить тихо плачущую Шелли. Обхвати девочку за талию, он бормотал какое-то постоянно повторяющееся слово. Мама, внезапно понял Бинго. Тони называет Шейлу мамой. — Пойдём. Посмотри на меня. Это же я — твой старинный друг!

Тони повернул в сторону арлекина заплаканное лицо. По щекам мальчика протянулись грязные размытые дорожки, часто моргающие глаза покраснели, как предвещающий бурю закат.

— Я не знаю тебя... — хрипло прошептал Тони, отчаянно прижимаясь к девочке. И помявшись, робко, застенчиво добавил: — Но твой голос кажется мне знакомым.

— Когда-то я был Весёлым клоуном Бинго, — глухо отозвался арлекин. — Это я дал тебе бесплатный билетик. Пожалуй, я был не самым лучшим человеком на свете. Но сейчас ты можешь безоговорочно доверять мне. Не меньше, чем этой замечательной красотке, от которой ты оторваться не можешь!

— Тони, иди с ним, — Шелли, высоко задрав распухший носик, тыльной стороной ладони вытерла слёзы. — Бинго наш друг. Всё, сказанное им, правда. Иди же с ним, маленький. Он отведёт тебя к маме.

— А ты? — мальчик совсем по-взрослому нахмурился. Глубокие морщинки изрезали чистую гладкую кожу лба.

— И я... — Шелли сквозь слёзы улыбалась, с нежностью глядя на мальчика.

— Я не брошу тебя!

— Котёнок ты мой!.. Тебе надо уходить.

— Без тебя я никуда не уйду, — упрямо закусил нижнюю губу Тони. Он не мог бросить свою лучшую подружку! Не мог оставить Шейлу в этом ужасном месте. Правда, не мог. Он же мужчина, а мужчины не бросают девушке, в которых влюблены... По отчаянному жжению в области ушей, Тони понял, что покраснел.

— А я не могу уйти без НЕГО.

Скорчив зверскую физиономию, Бинго без лишних церемоний сграбастал возмущенно пискнувшего Тони в охапку и перекинул через плечо.

— Извини, дружок, но твои джентльменские расшаркивания сейчас совсем не в тему! Ты только посмотри на него — метр в кепке и в прыжке, а всё туда же!.. Шелли, я не кретин и по твоим очаровательным глазам вижу, что упрашивать тебя бесполезно...

— Абсолютно верно.

— Короче, вы тут не задерживайтесь.

И придерживая лягающегося мальчика за пояс, арлекин резво припустил к лестнице.

В подвале осталось всего три человека. Три человека и машина. Точнее, два человека, и потусторонняя тварь в теле человека и тикающая в предвестии конца адская машина.

— Шелли, я не пойму, почему ты ещё не скрылась с глаз моих долой, — грубовато сказал Блейз, оборачиваясь к девушке. — У тебя всего несколько минут в запасе, чтобы успеть убежать на достаточно безопасное расстояние. Учти, если понадобится, я погоню тебя пинками. И что-то мне подсказывает, что дело как раз к этому и идёт.

— Твой внутренний голос ошибается, — сказала Шейла, вплотную подойдя к юноше и

задирая голову. На Алана посмотрели огромные синие глаза. Глаза, полные печали и тоски. Как же были в эту минуту её глаза похожи на него собственные... Такие же печальные и грустные. — А ведь мы похожи на родных брата и сестру, да, Алан?..

— Похожи, — Блейз первым, не выдержав, опустил взор.

— Практически одинаковые чёрные волосы, выразительные глаза, губы... Неудивительно, что нас всю жизнь принимали за родных! — невесело усмехнулась Шелли. — Алан и Шейла Блейз, родные брат и сестра. Дети Гарольда и Луизы Блейз. Кто же я на самом деле, БРАТИК? Я не сойду с этого места, пока ты не ответишь. Я понимаю, что ты задумал и хочу сказать, что не дам тебе так просто уйти от ответа! Понял меня? Не дам!

— Ты вынуждаешь меня на крайние меры.

— Отшлёпаешь?

— Унесу тебя на плече, как маленького ребёнка.

— Согласна, — уставшее лицо девочки посетила тень мимолётной улыбки. — Только так и не иначе. И пока ты будешь меня нести, успеешь рассказать о моём происхождении.

Помявшись, Блейз неловко сказал:

— Не клеится у нас разговор, да, Шелли? Я не знаю, что и сказать...

— Говори всё, как оно есть на самом деле. И поспеши. Времени у нас и в самом деле не много, а я ещё хочу обнять ма... Луизу и Гарольда.

Верхняя губа Шелли причудливо изогнулась, в глазах взорвался фонтан боли. Как же ей было тяжело впервые в жизни назвать маму по имени, содрогнулся Алан. Бедная ты моя девочка...

— Ты появилась в нашей семье, когда я сам только начинал учиться читать, — тихо, но внятно произнёс Алан, приложив правую ладонь к щеке девочки. Шейла по привычке, слегка наклонила голову к плечу, прижимаясь к руке. Алан ощутил, насколько горяча и нежна её кожа и как она податлива под его пальцами. — Мама с папой всегда хотели ещё одного ребёнка — девочку. Но у мамы обнаружилась одна редкая болезнь... В общем, она не могла иметь больше одного ребёнка. Подозреваю, что по этой же причине и дядя Фред с тётей Урсулой не могли завести детей... Вот... И тогда родители решили удочерить какую-нибудь девочку из детдома. Они посетили несколько приютов и в один из самых прекрасных дней, что выпадают человеку за всю жизнь, они нашли тебя. Ты была такой потешной и хорошенькой... Маленький забавный комочек, новорождённая красавица. Для меня уж точно тот день был лучшим в жизни. И когда я впервые взял тебя на руки, а ты посмотрела на меня и, перестав плакать, протянула навстречу крохотные ручки, я понял, что нашёл свою вторую половинку, что сама судьба свела нас вместе. Я уже тогда понял, что люблю тебя. Я был просто на седьмом небе от счастья, что у меня появилась сестрёнка. Я поклялся любить и защищать тебя до последнего вдоха. А отец взял с меня клятву, что я никогда не открою тебе возникшей в нашей семье тайны о твоём истинном происхождении. Мы все дали клятвы. Но мне было тяжелее всех нести это бремя.

Шелли опустила голову. Плечи её вздрагивали, Алан не видел, как из потемневших глаз девочки градом бегут солёные, кристально чистые слёзы...

— Годы проходили один за другим. Ты росла и взрослела, и превращалась в самую замечательную и красивую девочку в мире. Тебя все любили, и ты всем отвечала взаимностью. Шелли, ты не приемная дочь в нашей семье, пойми! Никто никогда даже и не ставил вопроса, родная ты нам или нет! Всё это полная чушь. Ты ВСЕГДА была нашей. Ты ВСЕГДА была любимой дочерью Луизы и Гарольда, как всегда была для меня любимой

сестрой и лучшим другом. Вся беда в том, что я любил тебя. Любил ПО-ДРУГОМУ. И как же мне было тяжело видеть, как ты, взрослея, начинаешь интересоваться мальчиками, как ты постепенно вступаешь в зрелую жизнь, а я... Я остаюсь за бортом, не смотря на то, что всегда был рядом. Как же мне было больно сознавать, что у меня нет и никогда не будет ни единого шанса... У брата не может быть никаких отношений, кроме родственных, с РОДНОЙ сестрой. Я с ума сходил от того, что твой первый поцелуй достался не мне. Что первое в твоей жизни свидание ты назначила другому... Что первое признание в любви ты сделала своему парню, тому, кого, как тебе казалось, ты любишь. А я... А я не мог и намёком показать, что чувствую по отношению к тебе! Как же мне хотелось сказать, что я люблю тебя... Сколько раз я говорил эти слова наедине с собой, мечтая, что когда-нибудь скажу их тебе. Но что я мог сделать, связанный клятвой и честью? Только держать всю боль, накапливающуюся долгие годы, в себе и трепать нервы отцу, который, не буду спорить, из самых лучших побуждений, загнал меня в эту ловушку. Данное слово стало для меня мельничьим жерновом на шее, медленно, но верно ломающим меня. И когда я понял, что больше не могу терпеть, что могу сорваться в любой момент, я ушёл. Я сбежал в армию. Впервые в жизни я сбежал. Попытался спрятаться от трудностей. Хм, на некоторое время мне это удалось. Я думал, что время и разлука вылечат меня, но вернувшись, я понял, что моя болезнь неизлечима... Прости, Шелли. Прости за то, что я люблю тебя. Прости меня, за то, что я всё рассказал. Знаю, теперь твоя жизнь станет совершенно иной. Ничто больше не будет так, как прежде, но прошу об одном. Не говори ничего маме с папой. Они очень сильно любят тебя. Ты для них всегда была на первом месте. Поверь мне. Не причиняй им боль. Они не заслуживают этого. Ни мама... Ни отец.

Шелли ничего не ответила. Она рыдала навзрыд. Спрятав лицо в ладошках, девочка сотрясалась в судорожном плаче, не в силах произнести ни слова. Подавляющие сознания сильнейшие эмоции захлестнули её, смяли и вывернули наизнанку. Господи, какая же она всё-таки ДУРА!!! Причем неисправимая. А Алан? Бедный, бедный Алан!.. У Шелли закружилась голова. Девочке показалось, что ещё немного, и она просто напросто шмякнется на пол. В области груди образовался перехватывающий дыхание ком. Убийственная боль стиснула сердечко, выдавливая из глаз последние капли слёз.

— П-прости, прости м-меня, Алан... Пожалуйста, умоляю тебя... Прости меня! Ну пожалуйста, Алан! — Шелли стояла, опустив руки, стыдясь поднять глаза и глотая бегущие по лицу слёзы. От волнения она начала заикаться. — Б-боже мой, что же я наделала! Что я тебе наговорила, Алан! Как я могла...

Заскулив, как побитый щенок, девочка, покачнувшись на пятках, упала на грудь молодого человека. Блейз еле успел подхватить рыдающую девушку и прижать к себе.

— Ну всё, всё, родная, успокойся... Всё хорошо... Я нисколько не сержусь на тебя, — ласково проговорил Алан, с замиранием сердца глядя Шелли по волосам. — Ты же ничего не знала...

— Отлично! Может, ты и меня сможешь утешить? У тебя здорово получается! Я представь себе, тоже ничего не знал! Bravo! — с издёвкой воскликнул де Фес, хлопая в ладоши. — Я устал от ваших телячьих нежностей. Я устал от вас — людей! О-о-о!.. Блейз, ты бы только знал, насколько я устал! Вы собрались до самого судного дня поливать друг дружку соплями? Осталось ровно пять минут и что-то произойдёт.

— Машина взорвётся? — Алан посмотрел на демона поверх головы замершей в тревожном ожидании девочки.

— Думаю, она сама решит, что ей делать. Но в любом случае нам не светит ничего хорошего. Так что ты напрасно утешал свою липовую сестрёнку. Эй, слышишь, милочка, этот парень отъявленный лжец! Ничего хорошего нас не ждёт.

— Нас, но не её, — Алан решительно отстранил Шелли от себя. — Шейла, ты должна уйти.

— Я никуда не уйду без тебя, — девочка с вызовом уставилась на него. — Пусть ты мне и не брат по крови, пусть я окончательно запуталась и плохо представляю, как жить дальше, но я не брошу тебя. Ни здесь и не сейчас. Я очень сильно обидела тебя и мне бы хо...

Блейз мягко провёл раскрытой пятернёй по лицу девочки, обрывая поток сумбурных слов, произнесённых дрожащим голосом.

— Зайка, это удел мужчин доказывать что-либо кому-либо... Ты всегда меня слушалась и верила мне. Послушай и на этот раз. Уходи. Чем больше ты проводишь времени здесь, тем меньше оставляешь шансов мне. Я... Теперь я ХОЧУ жить, Шелли. Нам столько всего над обсудить. И вместе попытаться научиться... понять, как жить дальше. Понимаешь?

— Я буду ждать тебя, — Шелли прикоснулась кончиками пальцев к упрямо поджатым губам юноши. — Братишка...

Невольно вздрогнув, Блейз нашёл в себе силы натянуто улыбнуться. Братишка...

— Иди, Шелли, найди остальных.

Бросившись на шею Алана и чмокнув в небритую щёку, девушка развернулась и, больше не оглядываясь, побежала к выходу. Алан провёл вспотевшей ладонью по спутанным грязным волосам. Кого он обманывал? Её? Нет, конечно. Он врал, наивно, отчаянно, страстно, но врал. Себе. А что он хотел? Чтобы Шелли, услышав всю правду, тут же воспылала к нему ответной любовью? Забыв, что он для неё всю жизнь был РОДНЫМ БРАТОМ? В одну секунду измениться, превратив невинную искреннюю сестринскую любовь в нечто большее?! Так не бывает. Нет. Не в этом мире. И не в этой, наверное, жизни... А может?.. А вдруг он добьётся своего? Чудес не бывает? Но то, что уже произошло с ними, нельзя назвать иначе, чем чудесами. Пусть не светлыми и добрыми, как в волшебных сказках, но тем не менее. Так почему бы и нет? Что ему для этого нужно? Что нужно, чтоб хотя бы попытаться? Всего ничего. Самую малость. Вернуться живым к той, кого он любит всей душой и будет любить до скончания веков.

Криво усмехаясь собственным смурным мыслям, Алан сказал, ни к кому конкретно не обращаясь, что и не удивительно, учитывая, что кроме него и старика в подвале никого не было:

— Вот ведь странная штука, эта жизнь... Живёшь себе поживаешь, думая, что утром знаешь, что произойдёт вечером и чем закончится день. А что мы вообще можем знать о жизни? Что нам дано свыше? Все знания надёжно утаиваются Господом. Возможно, оно и к лучшему. Жить, зная наперёд свою судьбу, я думаю, просто ужасно.

— Жизнь вдобавок ко всему такая хрупкая вещь. И тем более чудно наблюдать, как некоторые из смертных её не ценят, — назидательно сказал Фред, прислушиваясь к неотвратимому тиканью внутри машины. Тик-так, тик-так...

— А что ценишь ты, демон? — Блейз исподлобья рассматривал старика.

— То, что ты не боишься потерять.

Всё-таки Алан пропустил стремительную и неожиданную атаку потусторонней твари. Юноша, не ожидая, что нападая, чудовище даже не сдвинется с места.

Это был самый тяжёлый, самый сложный и самый долгий поединок в жизни Алана.

Юноше казалось, что проходят часы, пролетают года, что он стал заложником вечности. Вечность, проведённая в борьбе не на жизнь, а на смерть. Битва за душу, за возможность остаться собой. Демон применил самое страшное и серьёзное оружие всех бесов — искушение...

Странная то была схватка. Где-то на самом краешке сознания Блейз отдавал себе отчёт, что на деле вряд ли прошло более двух минут, но для него, с головой погружённого в поединок, время опять замедлилось, растянувшись нескончаемой гигантской змеей Мидгард, опоясывающей Землю. Змеёй, окольцевавшей реальность. Затягивающей петлю на шее бытия, брэнного человеческого существования...

Иссиня — чёрные, глубокие как бездна и жуткие как чистилище глаза демона увеличились в размерах, превратившись сначала в огромные блюдца, затем в круги, не уступающие по диаметру канализационным люкам, затем они заполнили всю комнату. Весь подвал. И Алан утонул в них. Он утонул в расползающейся Тьме. Тьма окутала его, нежно обнимая и лаская. Тьма обволакивала. Тьма любяще заглядывала в глаза. Тьма просила. Тьма настойчиво нащёптывала на ухо...

Тьма искушала. Она искала лазейку в душе Алана. Она хотела завладеть им. Демон не врал, когда говорил, что ценит жизнь. Он хотел жить. Жить дальше. В теле Алана.

Впусти же меня, Алан Блейз... Ну что тебе стоит сказать — да? Ну что? Что удерживает тебя от слов согласия? Обещаю, что буду вести себя очень тихо... Ты практически не будешь замечать меня! Ну что же ты медлишь? Что ты скажешь?

Зачем ты мне? В моей голове и так достаточно хаоса, чтобы терпеть ещё и твоё присутствие. Мы не уживёмся вдвоём. Я сойду с ума.

Ты не прав... Нет, ты не прав, Алан. Больше, чем есть, сойти с ума невозможно! Я не причиню вреда, я буду сидеть, затаившись, как мышка... Я не помешаю тебе и твоим мыслям. Я не буду покушаться на твою память. Клянусь... Толькопусти меня. Пожалуйста!

Зачем я тебе? Для чего? Какой смысл сидеть в моей голове, без малейшего права на самостоятельность? Что ты выиграешь, поселившись во мне?

Время... И жизнь. Я не хочу уходить в пустоту! Понимаешь? Мой дом рядом с НЕЙ, но вместе с тем достаточно далеко. Мне бы не хотелось остаток вечности провести, слившись с сонмом неупокоенных мятежных душ. Впусти меня, Алан.

Тебе нужна живая душа... Моя душа!

Да... Не скрою, чтобы жить в тебе, мне придётся подпитываться твоей душой. Но не торопись пугаться! Я не собираюсь пить из тебя все соки. Я буду собирать росу с твоей души. По чуть-чуть, по капельке. Я буду пить всю оседающую на дне грязь. Всё плохое. Я буду питаться твоими грехами и пороками. Зависть, гнев, гордыня, прелюбодеяние, похоть, злоба... Я буду счищать с твоей души все тёмные пятна. Подумай хорошенько, Алан.

Ты станешь моим персональным чистильщиком? Возьмёшь на себя роль священника отпускать марающие душу грехи?

Не отпускать... Очищать душу от грехов. И к воротам рая ты придёшь праведником!

Это будет путь, окроплённый ложью. Вряд ли Бог оценит мошенничество.

Бог сам любит играть! И не всегда честно!

А что будет со мной? Я пока не готов подойти к райским кушам! Что будет дальше с моей жизнью, прими я тебя?

Сплошные плюсы. Не каждый, далеко не каждый человек достаивается того, что я предлагаю тебе. Не упускай свой шанс. Кажется, именно так любил говаривать твой дядя

Фред. Я запомнил его слова. Старик был во многом прав, Алан.

Сплошные плюсы? Ты настолько хорошо изучил меня, что знаешь, на что я способен купиться?

Не забывай, что к моим услугам была память Фредерика... И он далеко не всё смог укрыть от меня. Далекое не всё...

Что ты можешь предложить мне?.. Тому, кто ни в чём не нуждается?

Ты абсолютно уверен в этом? Ты уверен в том, что тебе ничего не нужно? Тебе ничто и НИКТО не нужен, Алан Блейз?

Но ты не сможешь мне дать то, что мне действительно надо!

Ты плохо знаешь меня... Впусти меня и увидишь, насколько я смог бы быть полезен. Я один способен помочь тебе... Я один понимаю, каково это — желать невозможное и пытаться добиться недостижимого. Позволь мне войти, и мы вместе с тобой докажем, что нет ничего невозможного.

Что ты можешь знать о человеческих чувствах, демон? Ты испытывал когда-нибудь страсть, нежность, агонию? Разве тебе знакомо такое чувство, как любовь?.. Что ты можешь понимать в этом...

Опять ошибаешься, Алан... Я видел, я наблюдал за вами, я изучал вас, людей. Вы полны кипящих страстей и бурлящих гормонов. Вы по своей сути вечные бунтари и неизлечимые безумцы. Вы руководствуетесь не разумом, а стирающими границы здравомыслия и сумасбродства эмоциями. Вы до седых волос остаётесь малыши детьми. Вы привыкли всё подчинять себе, ломать и добиваться своего. И когда у вас что-то не получается, вы приходите в отчаяние. И у вас не остаётся ничего, кроме ваших мятежных и таких непостижимых душ...

И в чём, по-твоему, моя проблема? Что за панацею ты в состоянии предложить мне?

Существует лекарство от всех болезней, мой юный друг... Толькопусти меня, и я вылечу твою душу! Ты будешь счастлив... С моей помощью ты добьешься всего, что может пожелать себе человек.

Мне нужно лишь одно...

Я знаю... Я всё знаю. Позволь мне войти. Ну?..

Ты так и не сказал, как сможешь помочь мне.

Всё ещё не веришь... Алан, Алан... Больше всего на свете ты хочешь эту девочку. Ты желаешь её, как никого другого. Ты мечтаешь провести с ней остаток жизни. Ты... Да, ты любишь её. И тебя убивает тот факт, что вам не суждено быть вместе. Тебя убивает то, что она не любит тебя. И вряд ли когда ты удостоишься большей любви, чем та, что сестра может испытывать к родному брату и лучшему другу. А тебе этого мало! Ты хочешь большего. Тебя не устроят односторонние отношения... Да и о каких отношениях, за исключением родственных, может идти речь?.. Даже сейчас, когда она всё знает! И ты ничего не сможешь с этим поделать. Так и зачахнешь, проклиная судьбу и весь мир в придачу...

Ты предлагаешь иную альтернативу?

Научился слушать? Хорошо... Да, предлагаю. Бери то, что хочешь и не отказывайся от того, что тебе нравится. Подчини обстоятельства себе. Наплюй на мораль и приличия. Отринь вяжущие по рукам и ногам законы. Забудь о никому не нужной чести и добродетели. Плюнь на ВСЁ И ВСЕХ! Будь выше них. И когда ты возвысишься, остальные падут. А я помогу тебе. Я всегда буду рядом. Толькопусти меня...

Воспитать в себе зверя? Научится презирать чужие чувства, брать всё силой? Взять Шелли силой?

Я помогу... Она сама упадёт в твои руки как спелый плод. Вдумайся, Алан — сочный, спелый, истекающий соком, сладкий плод. Она будет твоей, думая, что была рождена для подобной участи. Я помогу.

Запудришь Шейле мозги?

А если и так, то что с того? Достаточно того, что её любишь ты! А ей будет казаться, что она любит тебя. Главное, что вы с моей помощью будете вместе. Ну чем тебе не альтернатива? Да это же сделка века, Алан... Шелли будет твоей. Эта чудесная малышка, эта замечательная девушка, эта крошка будет всецело в твоих руках.

Любовь, построенная на лжи, ни к чему хорошему в итоге не приведёт.

Да кто будет знать об этом? Она даже и не поймёт ничего!

Я. Я буду знать, демон. Я не смогу быть с нею, зная, что сломал ей жизнь. Зная, что сломал человека, которого люблю. Уверен, многие бы не отказались от твоего предложения, но...

Думай, Алан думай! У тебя ещё есть время...

Я думал. И понял, что кое в чём ошибался.

В чём же?..

Я не думал, что возможно любить её больше, чем до последнего момента... Но нет. Я люблю Шелли настолько сильно, что не могу принести её в жертву собственным желанием. Я не хочу обманом и хитростью туманить ей голову. Её счастье для меня превыше всего остального. Выше, чем заманчивая, не скрою, перспектива, заполучить её предлагаемым тобой способом. Я — пас, демон. Пусть я никогда не буду счастлив и не испытаю ответной любви, но я не стану рабом своих страстей... Я не причиню вреда Шелли ни под каким предлогом. Я слишком сильно люблю её для этого.

Ты глупец, Алан! Ты непроходимый глупец! Ты ничего не понимаешь... Ты не понимаешь, от чего сейчас отказываешься! Впусти меня, и мы с тобой...

А знаешь, что я НЕ люблю?

?

Попрошаек.

И когда железные пальцы Алана намертво стиснули горло Фредерика, тьма вокруг бесследно развеялась. Гипнотизирующие, подавляющие разум агатово — чёрные глаза демона уменьшились до обычных размеров.

— Ты готов убить своего любимого дядюшку? — прохрипел так похоже на Фреда схвативший юношу за руку старик. — Что с тобой, племянник? Ты убьёшь меня? Того, кто всегда был за тебя?.. Брось!..

Наклонившись к искажившемуся лицу чудовища, Алан проникновенно шепнул:

— Это ты убил дядю Фреда. Два месяца назад. Забыл? А я помню. И никогда не забуду. Как не забуду и того, что ты причинили боль Шейле, что ты заставил страдать моих друзей и множество ни в чём не повинных людей. Твоё время вышло, демон. Ты верно заметил, наш мир не подходит тебе. Климат не тот.

Алан сжал пальцы, и хруст лопнувшего позвоночного столба возвестил о том, что затронутый изменениями мир окончательно вернулся в своё обычное состояние. Не всё было гладко и сверкающе в этом мире. И далеко не каждый человек мог называться таковым не по видовой принадлежности, а по делам своим. Много было в этом мире плохого и под час

отвратительного. И зачастую тёмные желания в душах брали вверх над дарованным Господом чистотой. Грех брал вверх над даром. Но... Всё-таки это был мир для людей. И в нём не было места демонам.

С деревянным стуком к ногам Алана упало тело худощавого старика с потухшими, словно залитыми смолой остекленевшими глазами. Блейз осторожно присел на корточки и дотронулся ладонью до лба покойника. В тот же миг абсолютная Тьма в неподвижных глазах де Феса начала рассеиваться, истаивать, как последний снег под весенним солнышком. Тьма отступала.

Блейз провёл ладонью по лицу дяди, закрывая уставившиеся в потолок серые глаза.

— Прощай, дядя Фред... Спасибо, что до последнего конца продолжал сражаться, что не сдался. Ты сдержал клятву. А я вот нет... — прошептал юноша, смагивая выступившие слёзы. — Прощай. Я любил тебя. И приняв предложение демона, я бы предал всё то, чем ты пожертвовал. Я бы предал твою память. Демон так и не смог этого понять. Он не понял, что это значит — иметь душу. Прощай.

Резко выпрямившись, Блейз удостоил негромко тикающую машину единственным мимолетным взглядом и направился к выходу. У него ещё оставалось в запасе немного времени. Как раз достаточно, чтобы выбраться наружу. Уже на подходе к лестнице Алан побежал, перепрыгивая через две ступеньки сразу. Размеренное тиканье машины подгоняло его в спину не хуже, чем ураганный ветер.

Глава 27

Алан мчался со всех ног. Юноша понимал, что финальный разговор без слов непростительно затянулся. Алан бежал, гонимый тикающей машиной... Револьвер выпал из-за пояса ещё на ступеньках лестницы, когда Алан выбирался наверх. Он не стал даже оборачиваться. Револьвер сослужил свою службу и на том спасибо. Больше в нём не было нужды. Во всяком случае, Алан очень надеялся на это.

Очувившись в холле, Блейз испытал ни с чем не сравнимое облегчение. Кушетка была пуста. Значит, Тёрнер таки пришёл в себя. Отлично. Уж шериф вполне способен взять командование в свои руки, и отвести всех на безопасное расстояние от превращающегося в потревоженный ящик Пандоры фамильного особняка де Фесов. Алан старался не думать, что через несколько секунд старинный особняк вполне способен превратиться в грудку битого щебня.

Прогромыхав каблуками сапог по устилающим пол плитам, Блейз ухватился за дверную ручку и потянул на себя... Вместе с открывшейся дверью внутрь ворвался Бинго! Глаза арлекина были больше чем у камбалы, волосы торчали дыбом, на лице застыл испуг... Остановив разогнавшегося арлекина, Блейз угрожающе рявкнул:

— Какого чёрта, Бинго? Я же ясно выразился, где вы ВСЕ должны сейчас быть! Напомнить?!

— Дейзи! — Бинго трясся, как припадочный, бешено вращая глазами, беспрестанно меняющими от волнения цвет. — Д-дейзи!..

— Что с Дейзи? — Блейз обомлел, ему показалось, что за шиворот вылили ушат ледяной воды. — Что, мать твою, это значит? Что с Дейзи?

— Она осталась в особняке, — потерянным голосом прошептал арлекин, избегая посмотреть Блейзу в глаза. — Я... Я забыл про неё...

— ...! Чёрт! Так, живо вали отсюда и не вздумай даже приближаться к дому! Больше ты не о ком, надеюсь, не забыл?..

— Алан, я что-то чувствую... Что-то нехорошее, — бывший клоун выглядел очень несчастным и расстроенным. — Не ходи туда. Не ходи за ней! Не надо! Произойдёт что-то плохое. Я чувствую это!!

Алан безапелляционно развернул арлекина к дверному проёму, схватил за шкуру, сминая жабо, и как маленького котёнка выбросил заголосившего благим матом арлекина на улицу. Захлопнув дверь, Алан защёлкнул задвижку замка, игнорируя раздавшиеся с обратной стороны приглушенные крики, и отбросил со лба слипшиеся волосы. Юношу пробил щедрый пот, сердце противно ёкнуло. Неужели всё настолько плохо? Алан в отчаянии закусил губу, не обращая внимания на побежавшую по колючему подбородку тоненькую струйку крови. Предчувствия ещё не разу не подводили арлекина. Ни разу. Ну и к Дьяволу! К чертям собачьим все предчувствия! Начхать! Господи, да о чём он вообще рассуждает?! Там же осталась Дейзи!!!

Но подбегая к ведущей на второй этаж лестнице, Алан уже знал, что Бинго не ошибся.

Кровь стучала в висках Блейза тяжёлыми раскатами увесистого кузнечного молота. Стремглав поднявшись по лестнице, Алан неожиданно для самого себя перешёл на быстрый шаг. Ноги внезапно перестали его слушать, превратившись в две с трудом переставляемые деревянные колодки. Пройдя половину пути, Алан понял, что уже тащится со скоростью улитки. К закрытой двери гостевой комнаты юноша подходил не жив, не мёртв. На него напал парализующий волю страх. Тряхнув гривой длинных волос, Блейз упрямо стиснул зубы. Он боялся не за свою жизнь. Он боялся, что за дверьми не увидит ничего хорошего. Совсем ничего. Бинго ещё ни разу не ошибся. Чёртов клоун! Господи, да при чём тут арлекин... Алан сглотнул и нажал на дверную ручку.

Ручка не поддавалась ни на йоту, отказываясь подчиняться. Не раздумывая, юноша отошёл назад и ударил ногой в дверь на уровне запертого замка. Сухо треснула древесина, в двери образовалась вертикальная трещина, замок перекосило. Следующий удар сорвал дверь с петель и Алан оказался в комнате... Почему здесь так темно, мелькнула первая мысль? Почему Дейзи сидит в темноте и не подаёт никаких признаков жизни? Блейз нашарил на стене выключатель, но долгие две секунды он никак не мог решиться щёлкнуть тумблером. Он понял причину захлестнувшего его страха. Он боялся увидеть Дейзи. Увидеть её...

Когда под потолком вспыхнула люстра, потеснив захватившую комнату тьму, страх Алана превратился в гнетущее скручивающее душу в морской узел отчаяние.

— Дейзи?.. — прохрипел Блейз, подходя к разложенной приземистой кровати. — Дейзи...

Поперёк кровати, свесив одну руку на пол, лежала Дейзи. Изыщная, красивая, миловидная девушка в длинной, до точеных коленок, ночной рубашке с глубоким вырезом на груди. Голова Дейзи была повернута набок, лицом к дверям. Глаза были закрыты, пряди густых русых волос падали на лоб, полные губы были приоткрыты. Создавалось впечатление, что девушка крепко спит. Что она сильно устала и просто очень крепко заснула, не слыша звука ломаемой двери и голоса Алана.

Но округлая полная грудь Дейзи оставалась неподвижной, длинные пушистые ресницы не вздрагивали в тревожном сне, меж губ не вырвалось горячее дыхание... Девушка не дышала и не шевелилась. Она была мертва. Чуть выше переносицы во лбу зияла небольшая дырочка, полная чёрной запёкшейся крови. Разбросанные подушки в изголовье кровати были забрызганы красным.

У Блейза зашумело в голове, терзающее душу отчаяние издало жуткий нечеловеческий вой. Алан, пошатываясь, как сошедший на пристань пьяный матрос, присел на край кровати и осторожно дотронулся до обнажённого плеча девушки. Нежная кожа обожгла могильным холодом, но он не отдёргнул руки.

Из глаз юноши потекли слезы, грудную клетку распёрли судорожные спазмы... И Алан заплакал, заплакал, пряча лицо в трясущихся ладонях. Он плакал, как не плакал уже много лет.

Рвущая сердце боль выжимала всё новые и новые слёзы, кусала и вгрызалась в душу. Сухие рыдания ржавым напильником точили горло, накатило чувство абсолютной беспомощности. Алан посмотрел сквозь трясущиеся пальцы на застеленный ворсистым ковром пол. Ему показалось, что он стоит на краю глубокой отвесной пропасти и не видит дна. Что он сморит в пожирающую свет тьму. Скрипнув зубами, Блейз повернулся к Дейзи. Ласково провёл кончиками пальцев по остывшему лбу убитой девушки, минуя пулевое отверстие над переносицей... Тот выстрел, что он принял за обманный финт, выстрел, что произвёл из старинного револьвера Рудольф Старжински, оборвал жизнь Дейзи. Это был не финт, это было спланированное целенаправленное убийство. Антрепренёр по приказу демона застрелил Дейзи. Он убил эту чудесную, замечательную девушку. Он убил лучшую мать в мире, оставив одного маленького мальчика круглым сиротой. Теперь Тони совсем один. Без любимой мамы.

Из глотки Алана вырвалось рычание, горестные слёзы застилали глаза, зубы в кровь кусали губы. Алану хотелось выть во весь голос и биться головой о стену. Ещё никогда в жизни он не ощущал себя настолько бессильным и никчёмным. Он даже не смог уберечь Дейзи. Он не смог спасти девушку, которая доверяла ему, надеялась на него. Дьявол, он допустил гибель девушки, которая единственная из всех ЛЮБИЛА его!! Любила безответно отчаянно, но от того её любовь не становилась менее искренней и чистой. И вот теперь эта девушка мертва. Мертва, и лежит рядом с ним, бездыханная и холодная. Алан закашлялся. Жуткая безнадега перехватила горло, не давая дышать.

Блейз склонился над Дейзи и нежно, мягко, словно боялся разбудить, поцеловал в остывающие побледневшие губы. Безответный поцелуй оставил после себя горькое послевкусие смерти, кружащей по комнате невидимым чёрным вороном.

Выпрямившись, Алан задумчиво уставился в задёрнутое шторой окно. Где-то там, за каменными замшелыми стенами старинного особняка, за кованной железной решёткой высокой ограды его ждут друзья. Они ждут и надеются. Они до последнего момента будут ждать и верить, что он успеет выбраться из дома до того, как сработает механизм уничтожения машины. Они ждут его вместе с Дейзи. С девушкой, о которой в безумной суматохе просто забыли... Наверняка Тони первым задал вопрос о том, где же его мама. Бинго... Бинго что-то заподозрил. Почуял неладное. Алан усмехнулся. Арлекин искренне хотел помочь ему. Господи, как же всё это сложно и мрачно. Спутано и непонятно. И как же он устал. В какой-то степени Блейз завидовал Дейзи. Она, по крайней мере, теперь точно в ладах с самой собой и с остальным миром. А он?.. А он так и останется вечным беглецом. Бегущим в никуда. Бегущим на перегонки с судьбой. Бегущим от себя. И где же эта чёртова финишная прямая?! Где она?!

— Боже мой, как я устал... — запинаясь, пробормотал Алан, переводя взгляд блесневших чёрными звёздами глаз на потолок. — Я хочу отдохнуть. Я просто хочу отдохнуть. Я...

Напряжённую, хрупкую, трещавшую по швам тишину пронзил непонятный режущий слух писк. И когда где-то под ногами, в глубинах подвального этажа что-то вздрогнуло и рванулось с набирающей силу ужасающей скоростью вверх, Алан только облегчённо улыбнулся.

Я свободен. Наконец-то я свободен! Алан лёг на постель лицом к лицу с Дейзи и закрыл глаза. Я свободен... В следующий миг их обоих поглотила яростная, сжигающая мир дотла вспышка.

Они почти добрались до кованой ограды, опоясывающей железным неприступным бастионом владения де Фесов, когда их ног достиг нарастающий где-то глубоко под землёй подозрительный гул. Гул, перерастающий в неприятную дрожь, от которой затряслись поджилки и заломило зубы.

— Быстрее, быстрее, вашу ж мать! — распинался Бинго, едва ли не пинками выпроваживая то и дело оглядывающихся спутников за распахнутую калитку. Под башмаками арлекина скрипел мелкий, усеивающий дорожку гравий, прохладный ночной воздух со свистом влетал в пересохшую глотку. Удивительные глаза арлекина светились в зыбкой полутьме двумя яркими зелёными фонариками. — Живее, если вам дорога жизнь!.. Ну же...

Тяжело отдувающийся Энди с перемотанной заскорузлой от присохшей крови тряпкой вздыбленной головой лишь поудобнее перехватил обвисящего на его широких плечах бесчувственного Уолтера. Шериф ещё сам толком не пришёл в себя и воспринимал происходившее несколько тупо и отстраненно, мысленно кляня себя на все лады, понимая, что провалился без сознания очень долго. Непростительно долго. Упрямо сжав зубы, Тёрнер выволок бессвязно постанывающего доктора за изгородь и, пошатнувшись, едва не упал на колени. Харрис давил на него как тяжкий груз ответственности.

На помощь Тёрнеру пришла не отходящая ни на шаг Кейт. Вдвоём с девушкой они смогли дотащить врача до припаркованного в нескольких метрах от ограды служебного полицейского «Форда». Державшаяся на остатках воли Шейла намеренно отставала от них, не отворачивая головы от остающегося далеко позади теряющегося в ночных тенях сумрачного особняка. Взгляд девочки то и дело наткался на горевшие нетерпением глаза арлекина. Быстрее, беззвучно кричали эти глаза. Быстрее! Не хочешь жить, так хотя бы подумай о рассчитывающем на тебя ребёнке! Подумай о Тони.

Обнимая мальчика за худенькие плечи, Шелли выбралась вслед за друзьями на асфальт, сливающийся с царившей вокруг, разбавленной мерцанием вновь появившихся на чёрном небе звёзд, темнотой.

Как ни странно, впивающийся в сознание последние несколько секунд дребезжащий гул тут же исчез, как ножом отрезало. Шелли остановилась, крепко прижимая к себе тихо скулящего мальчика, бессвязно шепчущего одно повторяющееся слово — мама. Девочка умоляюще посмотрела на Бинго. Дождавшись едва уловимого отрицательного кивка ставшего тише воды арлекина, девочка с ужасом поняла, что больше никогда этот симпатичный кареглазый малыш не сможет сказать это слово своей маме. Нет у него больше мамы. Как нет у неё больше брата.

Последняя мысль едва не взорвала мозг девочки. И в тот же миг огромный трёхэтажный дом Фредерика де Феса, дом, который был прекрасно им знаком с раннего детства, в буквальном смысле взлетел на воздух.

С ухозакладывающим треском черепичная крыша особняка разлетелась сметённым ураганным ветром карточным домиком, к безразлично посматривающим свысока звёздам устремился сноп тусклого, отливающего бирюзой света. Окрестности огласил чудовищный грохот и монолитный стены особняка с поразительной лёгкостью сложились внутрь, поднимая стремительно разрастающиеся клубы непроницаемой пыли. Ночная тьма дёрнулась в сторону, уступая место, и тут же рванулась обратно, набрасываясь на оседающие руины особняка...

По земле прокатилась ударная волна, силой отката едва не сбивая людей с ног. Тёрнер еле успел ухватиться за дверную руку автомобиля, с кряхтением удерживая свободной рукой норовящего соскользнуть с плеча Уолтера.

Обомлевший Бинго переглянулся с коварно улыбающимся в небесах тоненьким серпом месяца и застыл, как вкопанный. Он неверяще смотрел на развалины, ещё недавно бывшие крепким и надёжным домом. Особняк рухнул в одночасье, словно прямо под ним расположился эпицентр тряхнувшего со всей мочи девятибалльного землетрясения. И казалось совсем невероятным, что под этими завалами мог кто-то выжить

Из глаз арлекина выкатилось что-то мокрое, прошмыгнуло по щеке и зависло на верхней губе. Облизнувшись, Бинго убедился, что закапавшая из глаз жидкость солёная. Солёная и очень обидная. Достав из-за пазухи порядком измятый колпак, арлекин утёр лицо. Колокольчики жалобно вздрогнули и торжественно замерли... Натянув колпак на голову, Бинго понял, что плачет. Когда же он плакал в последний раз? Он не помнил. Он так и не вспомнил.

В темноту ночи вклинилась напряжённая тишина. Молчали все.

— Алан. Алан!.. — Шелли первой нарушила зыбкое равновесие. Освободившись от объятий Тони, девочка, ничего не видя от слёз, шагнула к ограде. — Алан!!

Её крик, полный отчаяния и боли, острой бритвой вспорол тишину.

— Алан!!! — более не сдерживаясь, девочка кричала во всё горло, вцепившись руками в прутья кованой изгороди. Поперхнувшись, Шелли попыталась крикнуть ещё раз, но дыхание перехватило, хлынувшие бурным потоком слёзы забивали рот, и девочка безвольно сползла на землю. Сотрясаясь от рыданий, она продолжала сжимать холодные прутья и как заведённая хрипло повторяла имя оставшегося под руинами рухнувшего особняка брата. Её брата. Её РОДНОГО, ЛЮБИМОГО брата. Самого ЛУЧШЕГО на свете.

Шелли не помнила, как к ней на шею бросился Тони, как ступая на негнущихся ногах, подошёл постаревший лет на десять Тёрнер, уложивший раненого Харриса в салон машины. Шелли не видела, как Бинго отстранённо стоит вдали от всех и пристально, сквозь слёзы смотрит на принёсшие погибель Алану и Дейзи злополучные развалины. Она ничего не видела и не понимала. Кроме одного. Девочка поняла только одно. То, что у неё теперь нет Алана.

Эпилог

Моросил нудный, прохладный, навевающий тоску дождь. Затянутое серыми тучами хмурое небо словно прохудилось. Мельчайшие капли монотонно срывались вниз, подхватываемые лёгким ветерком. Ветер собирал дождевые капли и горстями швырял в лица случайных прохожих. В этот день, когда мир вернулся на своё место, многим казалось, что само небо оплакивает тех, кто не дожил до этого момента.

Изменения закончились, время вернулось к размеренному, привычному бегу, люди старались как можно быстрее забыть происходившие с Хеллвиллом ужасы. Все пытались

забыть самую долгую ночь в жизни без преувеличения каждого жителя городка. Пытались жить дальше, как будто ничего и не произошло. Со стороны всё так и выглядело — время пошло вперёд с той же минуты, на которой ранее застыло. Казалось, что и вправду ничего не произошло, что никто ничто не потерял и можно не спешить навёрстывать упущенное. Закончившиеся кошмарные часы как бы выпали из привычного образа жизни горожан. И все стремились поскорее забыть, сделать вид, что проснувшись утром, под шум припустившего дождя, всего навсего очнулись от страшного кошмара. Что ночью всем просто приснился один и тот же жуткий, безумный, невероятный по реализму, но сон.

Кошмар после омрачённого хлынувшим дождём рассвета продолжился лишь для тех, кто потерял в этом ужасном сне слишком многое. И многих. Кошмар продолжился для лишившихся друзей и близких. Кошмар навечно остался в душах тех, кто потерял любимых.

Было немногим более двенадцати часов дня. Угрюмо шурша, дождь заливал загородное кладбище, сбивая последние не облетевшие пожухшие листочки с густо насаженных кустов сирени и черёмухи. Сотни надгробных плит, крестов и обелисков омывались небесной влагой. Чёрная земля жадно впитывала окропляющую святое место воду. С некоторыми остановками, дождь поливал уже целую неделю, грозя превратить Хеллвилл в топкое грязное болото.

Несколько человек сгрудились вокруг одной могилки. Совсем свежей, с приставленными к аккуратно наспанному земляному холмику траурными венками. Дождь приглушенно барабанил по натянутым полотнищам распахнувшихся над головами чёрных зонтов. Пришедшие на кладбище люди, как видно, не испугались ни затянувшегося дождя, ни удручённого духа обречённости, незримо витающего в тот хмурый осенний день над хеллвиллским кладбищем.

Их было четверо. Трое мужчин и молодая женщина. Все были в тёмных, подчёркнуто строгих одеждах, впрочем, вполне соразмерных промозглой и слякотной октябрьской погоде.

— Вот и упокоилась наша девочка с миром, — прошептал Грэм Лоулес, с болью в глазах глядя на могилу. — Шесть дней уже как... До сих пор не верится, что больше никогда её не увижу. Что больше никогда Дейзи не вбежит, опаздывая, в моё заведение и не скажет, что опять провозилась с приболевшим Тони. Господи Боже, воистину неисповедимы твои пути.

Старый ирландец вытащил из кармана длинного, до щиколоток плаща, носовой платок и промокнул заслезившиеся глаза.

Почти на голову возвышающийся над остальными Большой Том, скрипнув зубами, до отчётливого хруста сжал лапищей ручку ни в чём ни повинного зонтика. Здоровяк героически поджимал губы и боялся проронить лишнее слово. Он боялся вообще открывать рот, поскольку не был уверен, что сможет совладать с предательской дрожью в голосе...

— Как Мэгги, Энди? Ты давно её видел?

Тёрнер, приподняв шляпу, поскрёб висок. Заклеенный лейкопластырем подживающий шрам на виске постоянно чесался и причинял шерифу массу неудобств.

— Я заходил к ней на следующий день после похорон Дугласа, — нехотя ответил Энди, избегая смотреть на Лоулеса. — Она... Она не очень хорошо себя чувствовала. Чёрт... По моему, Мэгги считает, что это я виноват в гибели её мужа. Кто знает, не исключено, что она и права. Я до сих пор как на иголках. Постоянно думаю, а что если бы... А!

Энди вытянул вперёд руку и подставил ладонь под дождливую морось. Холодные капли

несколько остудили его, впиваясь ледяными колючками в кожу.

Негодующе фыркнув, Кейт Симмонс уверенно сказала:

— Ты говоришь глупости. Думаю, будь здесь Уолтер, он бы подтвердил мои слова. В том, ЧТО со всеми нами, что со ВСЕМ город произошло, нет твоей вины. Все мы знаем, что ты ни в чём не виноват, Энди.

Глава полицейского департамента промолчал, угрюмо уставившись вдаль. Конечно, будь с ними Уолтер, он бы принял сторону Кейт. Похоже, у этой парочки вырисовываются в совсем недалеком будущем вполне серьёзные отношения. Глядишь, так и до свадьбы дойдёт. Вот только оклемается Харрис, и кто знает... Пока что док валялся на больничной койке в собственной поликлинике. Ему откровенно повезло. Он чудом не умер от потери крови, и теперь его жизнь была вне опасности.

— Одно хорошо, — сказал Грэм, перехватывая зонтик левой рукой. — Тони оказался в надёжных руках. Малышу не позавидуешь, факт. Но он, слава Богу, будет жить в хорошей семье. В очень хорошей. Благослови Господь эту девочку.

— Чтой-то ты здорово ударился в религию в последнее время, — разлепил губы Большой Том.

— Да я почти всю свою жизнь переосмыслил за ТУ ночь, — хмыкнул Лоулес. Все промолчали, отлично понимая, что имеет в виду старый бармен. Все в ТУ ночь словно родились заново. Все изменились.

Тёрнер исподлобья покосился на стоящую справа девушку. Особенно изменилась Кейт. Право, он не знал, что делал бы без неё в первые дни после возвращения Хеллвила с ТОГС света. Весь город стоял на ушах, муниципальные службы сбились с ног, занимаясь устранением последствий произошедших с людьми чудовищных изменений. У Тёрнера раскалывалась голова и в прямом и в переносном смыслах. И если бы не своевременная помощь Кейт... Хрупкая стенографистка проявила характер закалённого в боях ветерана. Определённо, у этой девушки был не замечаемый ранее Тёрнером стальной стержень.

— И упокой Господь мятежную душу Алана Блейза, — проговорил Лоулес, встряхивая зонтик. — Парень спас нас. Спас наши грешные души ценой своей жизни. Обидно, что никто об этом никогда не узнает. Для города Алан станет всего — навсего одним из скорбного списка погибших. Жаль мальчика, чертовски жаль... Он был хорошим человеком. Многим лучше любого из нас.

— Блейз был настоящим мужчиной, — неожиданно сказал Большой Том после долгой паузы. — Пусть земля ему будет пухом. Надеюсь, он обретёт крылья.

Шериф с удивлением посмотрел на вышибалу. Лоулес и здоровяк были одними из тех немногих, кто узнал всю подноготную случившегося, теми, для кого трагедия, произошедшая в особняке де Фесов, перестала быть секретом.

— Кстати, а что будет с участком старины Фреда? — продолжил здоровяк, не замечая удивлённого взора Энди.

— Семья Блейзов пожелала оставить всё как есть, — отозвалась Кейт, дую на озябшие ладошки и неловко баюкая зонтик на плече. — Они посчитали, что руины будут достойным памятником Алану. Странно, конечно, всё это.

— Это всё Шелли, — засунув большой палец за ремень, сказал Тёрнер. Серые глаза молодого человека не отрывались от похоронных венков, закрывающих могилку Дейзи. Искусственные цветы не боялись дождя. — Поскольку тела Алана так и не нашли, Шейла настояла, чтобы всё оставили так, как оно есть. Завалы не будут разбирать. Территория

частная, огорожена и под замком. Будет теперь и у нас свой «дом с привидениями».

Энди грустно усмехнулся. Он подозревал, что Шелли о многом умолчала. Девочка определённо не горела желанием рассказывать некоторые моменты в этой чудовищной истории. А он... А он пролежал без сознания непростительно долго и теперь многого просто не знал. И как думалось Энди, никогда не узнает. Шейла в одночасье превратилась в иного человека. Замкнутого и нелюдимого. Видно, что смерть родного брата очень сильно отразилась на ней, и ещё неизвестно, когда она полностью придёт в себя. И придёт ли вообще. Сильное горе может сломить кого угодно.

Внимательно присмотревшись к погрустневшему Тёрнеру, Грэм мысленно вздохнул. И этот туда же. Дети, дети... Какая же коварная штука, эта любовь. Стоит один раз попасть в её сети и потом будешь всю оставшуюся жизнь снимать с себя остатки липкой паутины. Вместе с кожей и мясом.

— А что же произошло с цирком? — вовремя сменил тему разговора Большой Том, громко шмыгая носом. Размеренно бьющий в распахнутый зонтик дождь начал потихоньку укачивать его. — Я слышал, что многие из жителей собирались чуть ли не крестовым походом идти в долину!

— Было дело, — согласно кивнул шериф. — Хотели учинить суд Линча. Нашлось несколько заводил... Даже не могу сказать, стали бы они меня слушать, выступи я против! На моё счастье, циркачи вовремя смекнули, откуда ветер дует, собрали по-быстрому вещички и с первыми же лучами солнца убрались из города. Даже и не спрашивайте — куда. Я не был одним из тех, кто стоял на холмах, махая им в след белым платочком.

— Заблудившиеся во тьме твари божии, — пробормотал Лоулес, непонятно, что и кого имея в виду.

— Значит, Шейла забрала Тони и укатила из Хеллвила восвояси?

— За ней приехали родители, — сказал Энди, всем своим видом демонстрируя якобы полное безразличие к вышесказанному. — Им не позавидуешь. В одночасье потерять брата и сына...

— Хуже не бывает, когда родители переживают своих детей, — смахнула набежавшую слезу Кейт. — Это неправильно.

— Это ужасно, — вздохнул, на этот раз вслух, Грэм. — Смерть ребёнка — это всегда тяжелейший удар для родителей. Для них ребёнок всегда остаётся ребёнком, неважно, сколько бы ему не было лет. Надеюсь, они будут любить Тони. Я понимаю, что родного сына заменить невозможно, но подарить частицу нерастраченной отчей любви осиротевшему ребёнку вполне по силам каждому. Дай им Бог.

— Аминь, — буркнул Большой Том.

— Она любила его, — сказал Лоулес, ёжась от забирающегося под полы плаща холода. С кряхтеньем присев на корточки, он протянул руку и поправил ссунувшийся с насыпи веночек. — Негоже тебе падать в грязь... Дейзи любила Алана. Девочка была чистым и добрым созданием. И у них вполне могло что-нибудь получиться. Но, как видно, не судьба.

— Не судьба, — эхом отозвался шериф. Не судьба. Интересно, а способен ли простой человек сам вершить свою судьбу наперекор всем невзгодам и напастям? Не взирая ни на что? Кто знает. Тёрнер печально улыбнулся. Попытаться стоит в любом случае.

Сглатывая слёзы, Шелли бездумно нажимала на кнопки мобильного телефона. С тех пор, как возобновилась сотовая связь, миновало около двух часов, но ожидаемого шквала

звонков и сотен смс-сообщений она так и не дождалась. Девочке приходилось чуть ли не ежеминутно напоминать себе, что вне города, в обычном течении времени, пока Хеллвил находился в подвешенном состоянии между двумя мирами, прошло не более нескольких минут. Никто просто не заметил, что она отсутствовала! Никто и не догадывался, что за эти несколько минут она вынесла столько, что другим хватило бы на полжизни вперёд.

Повернув голову, девушка посмотрела в боковое окно. За стеклом приглушенно моросил дождь, часто шлёпая по крыше автомобиля. Рядом с девочкой на заднем сидении тихо посапывал в беспокойном сне Тони. Свернувшись клубочком, мальчик периодически вздрагивал, и тогда Шелли ласково гладила его по густым волосам, успокаивая и отгоняя кошмары. От лежащей на бёдрах головы Тони мышцы девочки основательно затекли и мученически гудели, но она продолжала пропускать меж пальцев волосы мальчика и не помышляя о том, чтобы переменить позу.

Они были одни в машине. Одни наедине со своими гнетущими мыслями и тревожными снами. Служебный «форд» полицейского управления Хеллвила заменил им спальню и монашескую келью разом. Припаркованный возле больницы автомобиль стал для них одним из немногих островков спокойствия посреди взбунтовавшегося после затяжного чудовищного сна города. Их окутывала серая дождливая хмарь робко просыпающегося дня.

Шелли не давали покоя последние слова Бинго. Перед тем, как ретироваться «по важнецким и сверх неотложным делам», арлекин крепко обнял девочку и заговорщически шепнул на ухо, чтобы никто «из посторонних сомнительных личностей» не услышал:

— Прощай, красотка. Скорее всего, мы больше никогда не увидимся, но не печалься... У меня к тебе одна небольшая просьба. Пообещай, что выполнишь её. Договорились?

— Обещаю, — так же шёпотом ответила девочка, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться у него на плече.

— Оставьте всё, как есть. Понимаешь? Оставьте руины дома Фредерика нетронутыми. Пусть эти старинные камни будут надгробием для Алана. Скажи родителям, что ты так решила. Пусть извлекут тела Дейзи и дяди Фреда, но Алан должен остаться там. Ему будет намного лучше под этими камнями, чем где бы то ни было ещё. Поверь мне. Идёт?

Тогда, терзаемая болью и отчаянием, Шелли растерялась. Просьба арлекина была до нельзя странной и подозрительной, отдавала каким-то скрытым подвохом. Но девочка безропотно кивнула, соглашаясь. Она поверила арлекину. Как до того поверила Алану. Алан НИКОГДА не лгал ей и ни разу не подвёл. И Шелли хотела верить хоть кому-то так же, как погибшему брату. Она отчаянно нуждалась в том, кому можно доверять. И чудаковатый клоун в дурацком шутовском колпаке с грустным размалеванным в чёрно-белые тона лицом и клетчатом трико как никто другой из всех знакомых девочки подошёл на эту роль...

Сейчас, спустя некоторое время, когда мысли немножко пришли в порядок, а слёзные железы напрочь пересохли, она напряжённо размышляла, что же на самом деле стояло за странной просьбой арлекина. Искала и не могла найти внятно объясняющего ответа.

Простонавший во сне Тони на секунду оторвал девочку от тяжких раздумий. Наклонившись, она поцеловала мальчика в висок и прошептала:

— Спи-спи, мой оленёнок. Всё будет хорошо. Теперь всё будет хорошо...

Сколько раз Алан говорил ей эти же слова... Шелли упрямо сжала губы. Она должна быть сильной и стойкой. С этого момента и дальше она сможет рассчитывать только на себя. Ей надо спешно учиться жить одной и думая при этом за двоих. Учиться заботиться и растить. Она должна научиться быть отличной старшей сестрой для своего младшего

братишки. Для Тони. Должна стать ему лучшим другом. Таким, каким был для неё всю жизнь Алан.

Шмыгнув носом, девушка вновь глянула на мобильник. Она смотрела на телефон, как будто держала в руке нечто грязное и отталкивающее. Она боялась признаться самой себе, что боится. Боится до чёртиков. Она не могла заставить себя набрать домашний номер и сказать родителям, что... Она не знала, ЧТО им сказать и боялась этого ещё больше. Шелли безумно боялась собственного бессилия. Страх перед неизвестностью овладел её, перехватывая дыхание, путая и без того сумбурные мысли.

Она не знала, что скажет... Девочка запнулась. Кому? Тем, кто воспитал её и вырастил? Или же тем, кто всю жизнь был для неё самыми любимыми и дорогими людьми на свете?

Отбросив с глаз упавшую чёлку, Шелли нажала на вызов и приложила сотовый к уху. Стискивающие телефон пальцы слегка подрагивали, прерывистые гудки звучали в унисон биению сердца.

— Шелли? Шелли, милая моя девочка, как ты? — на том конце провода возник голос Луизы Блейз — такой участливый, родной, мягкий... — Здравствуй, моё солнышко! Уже соскучилась? Как вы там? Шелли?..

Судорожно, со всхлипом втянув в лёгкие воздух, Шелли насилу выдавила:

— Привет...

— Шелли, девочка, что с тобой? Что случилось? Ты не заболела?

— С-случилось... Такое случилось!..

— Детка, ты пугаешь меня! — голос Луизы приобрёл встревоженные беспокойные нотки. — Алан что-то натворил, да? Он вляпался в какие-то неприятности?..

Захныкав, Шелли тихонько заскулила. На какое-то мгновение она полностью лишилась дара речи. Ты должна быть сильной! Не только для себя! Что, собралась проиграть, ещё не начав бой?! Ты же никогда не была слабачкой, Шелли! Не смей сдаваться, не смей! Эти ярко вспыхнувшие слова обожгли сознание девочки. Ей показалось, что с ней заговорил Алан. Он-то вполне мог сказать нечто подобное, чтобы подстегнуть её и заставить поверить в себя. Он — мог. И, собравшись с духом, Шейла торопливо заговорила, натужно дыша в трубку:

— М-мама?.. Мама, мамочка... Я... Я очень, очень-очень люблю тебя!.. Слышишь — ЛЮБЛЮ! И всегда буду любить. И папу я люблю... И... Мамочка-а-а...

Не выдержав, Шелли разрыдалась. Горькие слёзы ручьём хлынули из потемневших огромных синих глаз и закапали на голову спящего Тони. Одна, видимо особо горькая слезинка скользнула по щеке мальчика и растеклась по губам, заставив Тони немедленно проснуться. Он заворочался и, приоткрыв глаза, недоумённо приподнял голову.

— Ты опять плачешь? — с укором спросил он, хотя у самого вокруг покрасневших глаз были огромные тёмные круги. — Не плачь, пожалуйста...

— Это в последний раз, Тони. В последний раз... — давясь слезами, пообещала Шелли, прислушиваясь к встревоженному маминому голосу в трубке телефона. — Всё будет хорошо.

Ночь выдалась тихой, прохладной и светлой. Тучи на зачернённом небе, словно повинувшись удару пастушьего бича, расползлись кто куда, давая свободу неестественно ярким звёздам и серебристому серпу нарастающей луны. Окраина Хеллвила погрузилась в умиротворяющий сон. В окнах не горела не одна лампочка. За шторами не было ни одного отблеска света. Заснули все. Даже обычно брехливые собаки до того были измотаны и напуганы событиями последних дней, что дрыхли без задних ног, забившись в будки, и не

высовывая носа, наплевательски относясь к своим непосредственным обязанностям по охране дворов.

После поливавшего целый день дождя было сыро и свежо. Глубокая октябрьская ночь болезненно пощипывала колючими промозглыми пальцами за нос и превращала вырывающееся дыхание в пар.

Было тихо и зябко. Сонно и тоскливо. Эта была первая спокойная ночь после затронувших город изменений.

Внезапно в тишину сонной улицы вклинился посторонний звук. Очень странный, вызывающий удивление необычный звук.

Тишину ночи разбил чистый хрустальный перезвон бронзовых колокольчиков. Бубенцы суматошно тренькали, разбавляя насторожившуюся тишину ночи весёлыми руладами. Потом послышались шаги. Кто-то быстрым шагом, громко стуча каблуками, топал по мокрым булыжникам тротуара. Этот некто шёл свободно и раскованно, забавной подпрыгивающей походкой. И колокольчики дружно звенели на голове этого человека в такт быстрым шагам.

Из ночной тени выступил нарушитель ночного спокойствия и покосился одним глазом на подвешенный к звёздному небу бумеранг месяца. Это был невысокий шуплый субъект в диковинном шутовском клетчатом наряде с пышным жабо у шеи и заломленным набекрень трёхрогом колпаке с не устающими дилинчать бубенцами, обутый в здоровенные башмаки с нелепо загнутыми носками. Вылитый цирковой арлекин. Даже печальный грим на лице прилагался.

Арлекин повертел головой, воровато озираясь по сторонам, и резво припустил по тротуару, ведомый лишь одному ему известной целью. На плече арлекин нёс свёрток, в котором угадывались очертания скрученных проволокой черенок к черенку лопаты и кирки. Более чем странная и подозрительная картина для городской окраины этой тихой безлюдной ночью.

Бинго торопливо пересёк улицу и, позвякивая задорно разыгравшимися колокольчиками, шагал до тех пор, пока не остановился перед высокой кованой калиткой, преграждающей дальнейший путь. За калиткой начинались владения покойной четы де Фес. Там, за железной оградой были руины их фамильного особняка. Там, под извержением камней и обломков покоился Алан Блейз.

— Откройся, — наклонившись к врезанному в калитку вычурному замку, прошептал арлекин, и, не дожидаясь результатов, смело взялся за витиеватую ручку. Калитка бесшумно растворилась и пропустила Бинго внутрь двора.

Довольно улыбнувшись, арлекин поправил давящие на плечо инструменты и, насвистывая под нос бравурный мотивчик, двинулся дальше, скрипуче ступая по засыпанной мелким гравием дорожке. Звёзды с явным любопытством светили ему в след, озаряя дорогу.

У огромного завала, в котором угадывались куски мрамора, обломки черепицы, лопнувших досок, расколотых камней и битого кирпича, Бинго застыл, уронив принесённый инвентарь на землю. Несколько секунд арлекин мрачно созерцал развалины — всё, что осталось от добротного старинного особняка. Он знал, что через считанные часы, ранним утром сюда прибудет специальная команда и займётся раскопками. Спасатели будут искать тела Фредерика, Дейзи и Алана. Поэтому у него в распоряжении не так уж и много времени.

Вздыхнув, Бинго поплевал на ладони и взялся за кирку.

— Эх, ну и работка мне подвалила, скажу вам... Нетушки, с него точно причитается пузырь!

Вскарабкавшись на самую верхушку оцетинившегося дробленным кирпичом завала, Бинго размахнулся и с молодецким хеканьем обрушил первый удар кирки, выбивая из камней сноп ярко блеснувших в ночи искр.

... Когда порядочно взмокший арлекин совсем выбился из сил, настойчиво углубляясь по центру завала, сломалась кирка. Не выдержав, треснул деревянный черенок. В сердцах сплюнув, Бинго утёр жалобно тренькнувшим колокольчиками колпаком вспотевшее лицо и швырнул обломки кирки к валяющейся рядом затупившейся лопате.

— Фу-у-у!.. Однако. Кхе-кхе, хорошо, что я не пошёл в своё время в шахтёры!

Сверкнув глазами (одним синим, вторым зелёным), Бинго задрал голову, всматриваясь в смыкающееся над головой небо. Где-то далеко на востоке, там, где небо сливалось с невидимым горизонтом, начала появляться пока ещё тонюсенькая алая полоска — заря, предвестница скорого рассвета.

Опустившись на колени, Бинго заскрёб по обломкам голыми руками, словно роющий нору зверь. Закусив нижнюю губу, арлекин замогильным голосом произнёс:

— Ау-у-у? Ты слышишь меня? Подъём!

Из-под сверкающих в свете звёзд острыми сколами руин вдруг донесся какой-то шуршащий звук. Насторожившись, Бинго немножко отодвинулся назад, перемещая вес тела на пятки. Шедший из глубины завала звук был достаточно пугающим и жутковатым. Кто-то настойчиво пробивался наверх, сокрушая преграду из обломков развалившегося дома. Высунув от усердия язык, циркач с удвоенной энергией набросился на вырытую им воронку, выколупывая, ломая ногти, битые куски кирпича.

... С хрустом, сломив последнюю преграду, из-под обломков вылетел сжатый кулак со сбитыми в кровь костяшками. Спустя секунду, из разверзнутой воронки показалась вторая рука, цепляясь ободранными пальцами за края. Охнув, Бинго торопливо схватился за эти руки и что было сил потянул на себя, помогая выбраться наружу и всему остальному телу. Сначала показалась припорошенная пылью и от того кажущаяся в неровном ночном мареве седой голова с длинными спутанными волосами, затем широкие плечи, торс, затянутый в разорванную в сотне мест некогда чёрную водолазку, бёдра и...

Ругнувшись, арлекин упал на спину. На него сверху чуть не грохнулся следом вытащенный им из завала человек. Пошатнувшись, он всё же удержался на ногах и, негромко простонав, выпрямился во весь рост. Высокий, худощавый, стройный парень, с длинными, падающими на лицо волосами. Отряхнувшись от пыли, он протянул упавшему спасителю исцарапанную руку.

— Ну здравствуй, Бинго, — белозубо улыбнувшись в полутьме, сказал Алан Блейз.

— Я же говорил, что с того света тебя достану! — ухмыльнулся циркач, принимая ладонь юноши.

— Ты всегда держишь слово.

— И никогда не ошибаюсь. Ты отлично выглядишь для покойника, чувак!

Тёмно-карие, кажущиеся чёрными глаза Алана на мгновение блеснули ярче звёзд.

— Как ты догадался?

Бинго, усевшись прямо на камнях, стащил с головы промолчавший колпак и сказал:

— Мне так кажется, что мы должны понимать друг друга, Алан. Посмотри на меня. Внимательно посмотри. Что ты видишь? Ты видишь всё того же арлекина, знающего пару нехитрых фокусов и мало что помнящего из своего прошлого. Раз изменившись, я уже никогда не стану прежним. Для меня ничего не закончилось...

— Изменения только пошли тебе на пользу, — примостившись рядом с погрустневшим циркачом, заметил Блейз. — Как Шелли? Как все остальные?

От Бинго не ускользнуло, что на имени девочки голос Алана предательски дрогнул.

— У них всё будет хорошо, дружище. Всё будет просто отлично. Для них началась совершенно новая жизнь и они не упустят своего шанса прожить её более чем достойно. Гадом буду.

— Это хорошо. Это очень хорошо, — пробормотал Алан, печально глядя на разгорающуюся на востоке зарю, подкрашивающую чёрно-синие тона ночного неба в пурпурно-алые цвета. — Новая жизнь — это всегда здорово и замечательно. Вот только жаль, что не всегда в ней находится место для таких, как мы, верно, приятель?

Бинго шутливо ударил Блейза кулаком в плечо и пробубнил:

— Не смей хандрить. Я не для того спасал твою шкуру...

— Я верю, что ОНА найдёт себя, что она будет счастлива. А если будет счастлива она, то и я буду спокоен. Для меня нет в мире ничего важнее её благополучия. И я всегда буду рядом. Незримо, неосяземо. Но я ни брошу её, я буду всегда защищать и оберегать мою девочку. Что бы ни случилось...

Запнувшись, Алан опустил голову. Скривившись в страдальческой гримасе, Бинго поинтересовался:

— Слушай, а как тебе всё это удалось?

— Что «это»?

— Ну, вся эта хрень! Согласить, что вытворяемые тобой вещи несколько не укладываются в рамки доступного для обычного человека. Уж насколько я разбираюсь в подобных вещах, но в твоём случае постоянно теряюсь в догадках! Так кто же ты такой, Алан Блейз? Каков ТЫ внутри?

Алан внимательно посмотрел в пожелтевшие глаза арлекина и, улыбнувшись самыми краешками тонких губ, сказал:

— Ну, друг мой, а вот это уже совершенно другая история...

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net